Дневник, 2004 год

Сергей Николаевич Есин

SHOUT
SHARE
IT

- Сергей Есин
  - 1 января, 2004 года, четверг
  - 1 февраля, воскресенье
  - 1 марта, понедельник
  - 1 апреля, четверг
  - 1 мая, суббота
  - 1 июня, вторник
  - 1 июля, четверг
  - 1 августа, воскресенье
  - 1 сентября, среда
  - 1 октября, пятница
  - 1 ноября, понедельник
  - 1 декабря, среда
  - Указатель имен

Сергей Есин
Дневник
2004 год

1 января, 2004 года, четверг

Первый день Нового года всегда божествен по настроению и ощущению. Какой-то спокойный и прозрачный сон накануне? Или ощущение некоторой отдаленности новых забот, ведь обычно Новый год празднуется несколько дней? Плохая жизнь наступит дальше, там, а пока ты дома, ты в крепости, холодильник еще полон несъеденных продуктов. Можно весь день спать, мечтать, смотреть телевизор. В портфеле среди прочих бумаг нашел поздравление от Оксаны. Она ведь выпускница Литинститута, семинар покойного Кузнецова. Еще долго будут говорить, что он или она выпускник или выпускница семинара Кузнецова! «Подумать только — Новый год! И где ходил он раньше? А тот, кто раньше всех встает, чай ректору с утра нальет, и видеть станет дальше!» Это приятное и милое добавление к моей жизни.

Утром всех разогнал: Толик и Людмила вместе с Долли отправились на дачу. Толик, который не умеет отдыхать, как, впрочем, и я, а что это такое?.. Меня всегда бесит, когда в девять утра меня спрашивают по телефону: «Я вас не разбудил?» Или когда в воскресенье извиняются: «Вы, наверное, отдыхаете?» Какое омерзительное слово, выдуманное бездельниками. Отдыхаю! Когда мою посуду и смотрю телевизор, когда перебираю и вытираю от пыли книги, когда глажу себе рубашки. Так вот, Толик отправился на дачу стелить пол на новой террасе, В. С. на диализ, а я начал отдыхать, т. е. принялся читать «Изгоя» Потемкина. Это мой старый долг, и начал я читать эту книгу с предубеждением. Назначил себе норму — 100 страниц. Где-нибудь в начале семестра я обязательно проведу семинар по этой книге.

Начну с того, что к книге приложено прекрасное, написанное Светланой Семеновой предисловие. Если прочесть предисловие и перелистать книгу, то ее обязательно отложишь, потому что здесь некоторые ножницы: великолепный философский текст, явно перекрывающий художественный смысл книги и довольно дурная, привычная для сегодняшней псевдолитературы, стилистика. Однако можно здесь же и обмануться! Снобистское отношение к книге провоцируют несколько обстоятельств: немыслимые, как видно из того же предисловия, личные богатства автора, нувориш, а мы знаем, как добывались эти богатства, провоцируют обширные знания авторов верхов жизни, т. е. пресловутой «красивой» жизни, коей всегда оперирует бульварная литература, а также немыслимые претензии на новый виток в русской литературе: Потемкин вместо Достоевского и «Изгой» вместо

«Идиота». Есть обстоятельства и сопутствующие — полугрузин вмешивается в наше сокровенное, в литературу. Кстати, фамилия героя книги — Иверов, он, естественно и непременно, князь. Это первая примета плохой литературы. А с чем там созвучна фамилия героя? С древним названием страны — Иверией, т. е. Грузией.

Но есть в этом романе и другое, отчасти об этом написала Семенова. Это серьезность раздумий над современной жизнью и ряд наблюдений самого автора. Например: «Культурная легитимация виртуальной экономической деятельности в самосознании европейской культуры так и не состоялась». Неплохо, правда? Или: «…человеческая телесность в значительно большей мере обусловила морфологию и смысловое содержание культуры, чем предполагают приверженцы концепции культуры как сублимации чистого духа». Эта ламентация возникла все же на основе книги Потемкина. Выписки из Семеновой я еще сделаю, но и чтение романа показывает, что он не так уж прост. Через мишуру и дурновкусие проглядывает очень умный человек много и точно знающий о мире. Я хочу обсудить этот роман еще и потому, что здесь много культурной, даже избыточной информации. «Вы пришли за авгуральной книгой Исидора Сивильского или записками этрусской коллегии жрецов». Пошловатые кусочки тоже привожу: «Они заискивающе вглядывались в ее глаза, жадно смотрели на тело». Не привожу здесь сюжета и главной мысли о виртуализации жизни. Это если не изобретение Потемкина, то его раскраска. Это довольно любопытно. Буду дочитывать и думать, по крайней мере здесь есть тема для размышления. Вспоминаю при чтении также поразительную презентацию, которую полгода назад Потемкин устраивал по поводу выхода своего «Изгоя».

В последнем «Экслибрисе» мои ответы на анкету:

«**Сергей Есин**

1. Мне трудно обозреть весь год. А что касается ощущений последнего времени, то большое впечатление на меня произвели, конечно, в первую очередь удивительные мемуары Анны Василевской, напечатанные в «Новом мире». На самом деле просто случайность, что они напечатаны именно там, в журнале, которым заведует ее сын. Она ведь писала воспоминания только для детей и никогда не думала, что эта книжка станет объектом пристального внимания широкого читателя. Это удивительные мемуары, написанные о деревне простым словом и слогом русских людей, которые никогда не занимались такой рафинированной вещью, как писание и писательство. Второе, что меня заинтересовало, — поразительные записки Солженицына о

писателях. Где он с присущей ему внутренней силой высказывает то, что мы даже не позволяли себе сформулировать, — например, о Василии Гроссмане, да и о других писателях.

Еще о чем я в последнее время раздумываю — странный и притягательный роман Анны Козловой «Открытие удочки», напечатанный в альманахе «Литросс». Кроме того, мне нравится, что делает с писателями (тщательно формулируя, кем они себя представляют) такой лексикограф, как Вячеслав Огрызко в том же «Литроссе».

2. Актуальной будет документальная, мемуарная и дневниковая литература. Происходит это потому, что та литература, которую мы называем художественной, за последнее время совершенно дискредитировала себя в глазах читателя. Во-первых, своим знанием, как эту самую литературу надо писать, а во-вторых, несмотря на это знание, — низким уровнем. И все-таки я надеюсь, что появится произведение, способное привлечь и удержать внимание читателя, причем произведение художественное» (*Газета «Независимая» — четверг 25. 12. 2003 г.*).

2 января, пятница. Чем же я вчера занимался? Погладил три комплекта постельного белья и двенадцать рубашек. Это утром. Вечером ходил в качалку, занимался уже час. Сегодня пылесосил квартиру, мыл посуду, писал дневник. Вечером пошел на спектакль в МХАТ на Тверском. «Васса Железнова» с участием Дорониной. Предвкушаю. Не ошибся.

Впервые я понял старую мхатовскую традицию, когда в конце спектакля не хочется хлопать, когда между аплодисментами и окончанием сцены возникает пауза. На меня навалилось от увиденного какое-то оцепенение. Значит, и мое переживание закончилось? В спектакле, хотя он и сыроват, много нового, поразительного. Доронина всегда, что бы она ни говорила, попадает в десятку. Она играет, во-первых, русский характер, во-вторых, этот характер в современных обстоятельствах. Это не стерва, которую делала Чурикова, и не трагедия, трагедия и трагедия, которую строила Пашенная. У Дорониной есть даже какое-то сострадание к окружающим и любовь к врагам. Понимание трагических обстоятельств жизни. С самой первой реплики в зале наступает магическая, атомная тишина, которая держится весь спектакль. В Москве сейчас нет более современного спектакля. Статью, которую я мог бы написать, говорила бы об особенности драматургии Горького — быть всегда современной. Но нужен особый талант, чтобы современное сделать сегодняшним. Возможно, я напишу статью об этом спектакле, по крайней мере еще раз пойду смотреть. Завтра утром выпишу

заметки, которые я сделал на программке.

«Об особенностях драматургии Горького»:

«Это не пьеса-аттракцион, к которым все привыкли» (о Романе Должанском);

«Одни имеют пристрастие к ненависти, другие привязаны к иным правилам»;

«Но как слушают о революции и классовой борьбе!»;

«Раньше это было про прошлое, теперь — про сегодня»;

«Неужели все опять начинается, и зал предчувствует?»;

«Несуетливая, но забытая достоверность на сцене. Лезу в программку — художник В. Г. Серебровский. Забытое искусство делать что-либо точно. Почти билибинский рисунок по краю декорации. Начинается с музыки к «Искателям жемчуга» на граммофоне — я ведь ближе к той эпохе, опять точно — реж. Б. Е. Щедрин»;

«Васса — еще и национальный характер»;

«Из недостатков: изредка проскальзывают из-под надтреснутого голоса героини коронные доронинские интонации, к концу первого акта исчезают, все сливается»;

«Терпеть не могу лишних людей в доме»;

«Грандиозный Ю. Горобец — Железнов, муж, которого Васса уговаривает принять порошок, отравиться»;

«Педофилия и растление малолетних — это, оказывается, не изобретение нашего времени. Эстония, Португалия!»;

«Опять уговоры: «найти журналиста», дать ему взятку, чтобы тиснуть нужную, оправдательную статеечку в газете. Ах, журналист, журналист!»

«В наше время Горький, что ли, заглядывал?»;

«В доме и верный «личарда» — Наталья, играет Зыкова. В этом театре никогда не увидишь проваленных ролей! Девки, дочери — хороши тоже! На материнском родовом чувстве все и держится! А откуда это у Дорониной?»

«С должной неприязнью к еврейству, с которого все и началось» (Рашель Моисеевна — даже отчество классик выписал);

«Рашель, как разрушительница жизни»;

«Хакамада»;

«Рашель, тебе снова революцию надо делать?»;

«Федя, Рашель, расстановка сил, сын богатых в революции. Знал классик: не наше ли время писал, не наше ли время актеры играют?»;

«Как Доронина говорит Рашели: «Мы люди оседлые!..»

«Как я всех вас на сцене (и персонажей и актеров) люблю — собственный внутренний монолог во время спектакля»;

«Опять пьеса: «Мать книг не читает»;

«Хищное молчание зала, он играет и ведет партию вместе с Дорониной»;

«Гениальность доронинского замысла и в выборе пьесы, и в игре современной бизнес-вумен. Телефон, сейф».

«Если обвинение не доказано, это не значит, что обвиняемый не виноват». «Каких это олигархов я имею в виду?»

Отчетливо понимаю, что и десятой части своих переживаний высказать не могу, теперь долго буду перемусоливать увиденное. Если бы только все смогла удержать моя память. И опять удивительное ахматовское: из какого сора? И как быстро. Еще недавно говорили о Вассе, и как Доронина решилась перейти на эту возрастную категорию? Какое мужественное и холодное решение. Артемида! Для меня она прекрасна всегда.

В антракте встретил Валеру Беляковича, поговорили о моих Дневниках, их читают. Валера говорил о разбросе тематики.

3 января, суббота. Весь день читал «Изгоя» и делал выписки. Сначала я делал их с довольно злобным настроением, разбивая на несколько разделов. Во-первых, поразительная пошлость, которая к лицу лишь бульварному роману. Но тут же скажу, что в романе всего намешано, и эти выписки не покрывают всего содержания. Это скорее тенденциозность начального чтения. Потемкин не простой человек и дальше появятся места, где меня захватило. Но пока поговорим о нелучшем. Я разделил все тематически. ***Красивая жизнь.***

«А какой подарок?» — «Вы живете в Лондоне?» — «Да!» — «Тогда последняя модель «Ягуара» класса «Х-8» (стр. 148).

«Вообще-то я предпочитаю вина Бордо всем другим. Могу рекомендовать вам из коммуны Пойак: Латур, Мутон-Ротшильд и Пишон-Лонгвиль-Комтесс-де-Лаланд девяностого года, из Сен-Жюльен: Дюкрю-Бокайо, Грюо-Лароз и Леовиль-Лас Каз восемьдесят девятого года, из Южного Медока и Марго…» (стр. 142).

«24 июня Иверова разбудила мелодия будильника ручных часов «Вашерон Константин». Это была музыка Оливье Мессиана «Пробуждение птиц» (стр. 166).

«У вас вся жизнь впереди, успеете. Впрочем, вы можете взять мой самолет «604-М» или вертолет французской фирмы» (стр. 74).

«…патрон настаивал, чтобы она после работы вылетала к нему в Сен-Поль-де Ванс. Экипаж самолета «Challendger» и три сменных водителя переходили в Лондоне в ее полное распоряжение. Он велел дворецкому в особняке Чаринг-Мелл в Сент-Джеймсе приготовить для Жаклин апартаменты и принять ее со всеми почестями, как хозяйку дома» (стр. 63–64).

Раздел ***Пошлость:***

«Иверов снял очки и внимательно посмотрел на нее. Жаклин показалось, что глубиной и силой своих магических глаз он проникает в каждый закоулок души, в каждую клеточку тела. Она испугалась этих черных проницательных глаз больше, чем прежних своих наваждений. «Кто он в конце-то концов? Что хочет от меня получить? Чего не хватает этому аристократу-богачу в жизни? Смогу ли дать ему то, что он ждет от меня? — лихорадочно размышляла Марч. — До встречи с ним мне казалось, что главный его интерес — это секс… Но он совсем не тот человек. Ему необходимо нечто иное. Что же?» Ей захотелось спрятаться от парализующего взгляда Иверова, но он, словно бесовский магнит, околдовал ее. От сильного волнения перехватило дыхание, кончики пальцев превратились в ледышки, ладони повлажнели. Еще минута — и она упала бы в обморок» (стр. 55).

«Милые сердцу идеи тороватой благотворительности целиком овладели его помыслами. Благочестивые чувства буквально распирали его щедрую натуру и, как коварный допинг, возбуждали сознание» (стр. 99).

«Брызги от набегавших волн окатывали его с ног до головы. Но он не замечал или не хотел замечать этого» (стр. 97).

«…округлости бедер ерзали, как смычок Ванэссы Мэй, язычок с пьянящей негою облизывал бесподобные губы, словно покрытые нектаром Тобларона» (стр. 145).

«…пурпурное в продольных разрезах платье перекинула через раму картины Арчила Горки «Агония», висевшей на стене. Шелковое бежевое нижнее белье в белоснежных кружевах, желая подразнить князя реальным эротическим аксессуаром, набросила на литографию Гогена «Желтый Христос»» (стр. 143).

«Зеленые глаза излучали влюбленность. На ней был голубой топ, прикрывающий лишь упругую соблазнительную грудь и талию. Вокруг пупка красовалась разноцветная, манящая к поцелуям татуировка — миниатюрная ваза с цветами» (стр. 164).

«Они остались одни. Жаклин Марч увлекла его в спальню, выключила свет, сбросила с себя легкую одежду и стала раздевать князя. Границы между реальностью и виртуальностью стерлись окончательно. Она действовала наяву, он — в грезах, но интрига имела одну-единственную основу — эротическое влечение» (стр. 165).

«… она то и дело нащупывала под подушкой пузырек

флорентийки — в него необходимо было собрать сперму для рождения наследника баснословно богатого европейского аристократа» (там же).

Следующий раздел я бы назвал ***Щегольство и хвастовство начитанностью.*** Подобная эрудиция всегда выглядит сомнительной.

«Хотел понять, какая тяжесть лежала на сердце Реми Николы, или Николая Ремигия, слои времен Средневековья, по вердикту которого было сожжено около тысячи ведьм» (стр. 84).

«Я не жалую людей, чей эгоизм попирает мое право на одинокое размышление о тайнах бытия и познания» (там же).

«…случайно зацепился взглядом за книгу Луи Ланвиля». — «Членистоногое, жалящее, ядовитое существо, скорпион, оказавшись в безвыходной ситуации, убивает себя смертельным ядом» (стр. 111).

«Перед ним висела литография картины Гогена «Автопортрет с «Желтым Христом»» (стр. 117).

«Подобно Оригену я также считаю, что душа человеческая совершенно неизбежно воссоединится с Богом, и новое существо расселится по всей Вселенной» (стр. 188).

«Мне, как Апулею из Мадавры, — продолжал думать Иверов, — еще, видимо, придется написать выстраданную «Речь в защиту самого себя»» (там же).

«Если Алкмеон из Кротона впервые стал вскрывать трупы и практиковать вивисекцию для точного определения причины смерти…» (там же).

«А впереди ожидаются долгие схватки между долларом и евро. Я рекомендовала членам банковской комиссии Европейского сообщества объединить несколько крупных банков. Например, «АБН Амро», «Дрезднер Банк и «Банк ди Рома», далее — «Ферейн унд Вест Банк», «Агриколь» и «Милано», кроме того — «Барселона Активо», «Комерц Банк» и «Фортис Банк»» (стр. 160–161).

«…в этой истории совершенно незачем давать пояснение таким словам и терминам, как Федеральное агентство ФИКО, маргинальный счет, парижский рынок обращающихся опционов, акулий репеллент, ориентир роста денежной массы в обращении, плакированная монета, косвенная ипотечная ссуда, мультивалютная оговорка и так далее и тому подобное, которыми собеседники часто пользовались в беседе» (стр. 161).

И последний раздел, которым я вполне удовлетворен. ***Интеллигенция.***

«Помимо чиновников самого разного ранжира, вокруг

Буйносова крутились многочисленные посредники: народные артисты, именитые режиссеры, космонавты, генералы МВД и КГБ, заслуженные спортсмены, священники, банкиры-неудачники, куртизанки, открывающие доступ к высшим чиновникам. Как тунцы следуют за китом, питаясь царскими объедками, так весь этот московский люд постоянно вьется вокруг новых русских, чтобы при случае отхватить шальные деньги или, по крайней мере, полакомиться за чужой счет» (стр. 207–208).

Вечером ходил в консерваторию на концерт-бал, который давал Эдуард Грач и его оркестр, состоящий из его учеников. Народу много, билеты недорогие. Все легко, непринужденно и без малейшей претензии. Маэстро Грач дирижировал, менял костюмы, оркестр сидел в масках и колпаках. Ребята играли одухотворенно и заводно. Это были студенты — первокурсники и выпускники и, как правило, все уже люди премированные и заслуженные. Играли Штрауса, с него начали, музыку, которую сейчас называют скорее легкой, хотя она не перестает быть серьезной. Это все другое искусство и другое времяпрепровождение, уходишь в каком-то возвышенном состоянии духа. Сама консерватория в страшном упадке, не горят все эти изумительные люстры, плохие полы и серая пыль покрывает лепнину. Нет хозяина, который тыкал бы во все это безобразие мордами обслуживающий персонал и администраторов.

Во время исполнения фантазии на тему Бернстайна я на сцене увидел Валю Тернявского, с которым работал и на радио, и в «Кругозоре». Он был автором фантазии и сам играл на фортепиано. Играл уверенно, но все время следил за дирижером. Представлял его мой сосед по дому Бэлза, как всегда, обаятельный и полный музыкальных анекдотов. В антракт заходил за кулисы, обнялись с Валей. Если было не сердечно, то хотя бы грустно. Валентин вспомнил, что работали мы вместе в 64-м году, т. е. сорок лет назад. Цифры, ставшие некими литературными символами.

В Москве снег, метель, машину оставлял в переулке возле «Гудка». Как и вчера, когда ехал из театра, думал, как весело и празднично освещена Москва.

4 января, воскресенье. Днем ездили на машине в гости к подруге В. С. Дарико. Это довольно далеко по Минскому шоссе, потом разные повороты. За Кольцевой дорогой, в поселке Заречный. У меня был рассказанный по телефону план, как ехать. Но в одном месте я промахнулся, проехал поворот и оказался в поселке Немчиново, где настроили свои однообразные особняки из красного кирпича новые русские. До чего же скучно и

безвкусно живут, какие антиэстетичные постройки, внутренне похожие одна на другу. Этот чудовищный поселок — самое сильное впечатление дня.

Вечером приехали с дачи счастливые Люда и Толик. Сидели пили чай на кухне, потом Толик вызвал меня в коридор, подозвал Долли: у нее под правой лапой величиной с кулак опухоль. Этого мне хватило, чтобы плохо спать ночь. Во вторник повезу собаку в ветлечебницу.

5 января, понедельник. Зима наступила, два дня идет снег, ночью мороз. Утром по первой программе передавали интервью с Романом Виктюком, только что поставившим что-то о Нуриеве. Обычно его интервью полны многозначительной чуши, и я смотрю и слушаю их, испытывая отрицательное удовольствие. Но вот сегодня Роман Григорьевич вдруг высказал не новую, но интересную мысль о некоем меньшинстве, которое сопротивляется культуре большинства, т. е. маскультуре.

Днем приходил Леня Колпаков, говорили в основном о Дорониной и ее спектакле. Настоящее мнение о спектакле определилось: был Вульф, достаточно едкий человек, и оценил, была Вишневская. В свое время и Гриша Заславский рассказал мне, что спектакль нравится его друзьям. На этом фоне как-то нелепо и провокационно выглядят грубые статьи в «Известиях» и «Коммерсанте». С этим, я думаю, будем разбираться. Говорили об инаугурации Лужкова, которая проходила в присутствии Путина, о похоронах Владимира Богомолова, о том, что среди приглашенных на инаугурацию не было Кобзона. Кстати, — это уже другие источники, вечерний звонок П. С. — оказывается, возникают какие-то сложности с очень мне нравящимся С. И. Худяковым, а на его место упорно лоббируется Кобзон. Вспомнили, что И. Д. так и не пускают ни в Америку, ни в Литву, ни в Латвию, ни, кажется, в некоторые страны Европы.

В Грузии состоялись выборы президента.

6 января, вторник. На работу приехал из ветлечебницы только в два часа. Все утро вместе с Анатолием, которого отпросил у В. С., пробыл на Россолимо в ветлечебнице. Очередь шла очень медленно, врач-терапевт был лишь один, за прием берут 90 рублей. В регистратуре я спросил, почему только один врач? А потому, что иначе будет нерентабельно. Зато все остальное здесь очень рентабельно. Но врач-терапевт, принимавшая на первом этаже, действительно женщина очень внимательная и милая. Она сразу отправила меня на рентген, и мы с нею решили, что лучше скорее сделать операцию, нежели торопиться с прививками. На третьем этаже молодой энергичный хирург долго тянул и мямлил, что сейчас по какому-то приказу,

запрещающему применение в ветлечебницах обезболивающих препаратов, т. е. наркотиков, — вся поликлиника обклеена статьями из «МК» с обсуждением этой проблемы, — они не могут делать плановых операций. Хирург мялся и ждал, когда я задам вопрос: как же мне быть? Перед этим он рассказал мне, что сама по себе любая опухоль опасна, даже если она жировик, потому что опухоль очень интенсивно снабжается кровью. А если не жировик? У хирургов есть свой врач-гистолог в Склифе, которому пошлют срезу. Я спросил: сколько? Он ответил: от 7 до 9 тысяч, операцию будут делать вечером, когда нет начальства. Все как обычно, все как у людей.

Было три телефонных звонка. Лена Мушкина, которая попросила моего отзыва на ее новую книгу, чтобы получить грант. Попов из Партии жизни, который попросил поддержку в выборной кампании спикера Совета Федерации Миронова. Котомкин, который рассказал, что Саша Бобров довольно грязно написал обо мне в «Советской России». Не переходил ли я ему дорогу? Вроде бы не переходил. Они, правда, все хотели семинар покойного Кузнецова после его смерти, полагая, что они, расхожие московские поэты, не хуже. Я также думаю, что всем очевидно: я не считаю Боброва не то что выдающимся поэтом, но и просто первоклассным. Поэт с гитарой и телевизионный ведущий. Большое и глубокое дыхание — это особь статья.

Утром и накануне ночью читал «Изгоя». Где-то с трехсотых страниц, когда действие перенеслось в Россию, начался настоящий роман. Есть сатирические места, а это мне близко, просто первоклассные. В первую очередь это, конечно, демонстрация на Театральной площади по поводу «золотого голоса России» и все, что связано с организацией этой демонстрации. Сцена, когда Иверов в дождь убегает из Шереметьева, по своей заоблачной инфернальности первоклассная! Браво! Роман — это вещь серьезная, о нем нельзя судить по первому впечатлению.

Уходя с работы, зашел в «Книжную лавку», купил «Литературку» и «Независимую». В «ЛГ» мое крошечное интервью. *Вопрос*: Какое событие уходящего года было для вас самым значительным? *Ответ*: Празднование 70-летия института. И после этих событий мне безумно захотелось в отпуск. *Вопрос*: Ваши планы? *Ответ*: Выучить хоть как-нибудь английский язык, который изучаю 30 лет, а последние два года ежедневно.

В той же «Литературке» Ю. Поляков: «Наконец заслуженное электоральное возмездие настигло наших «правых», имеющих к великой либеральной идее примерно такое же отношение, как кровососущие насекомые к службе переливания крови».

7 января, среда. К сожалению, на Рождество не выбрался в церковь и даже не сосредоточился. По телевидению кроме показа нашего президента, крестившегося во время службы в соборе, в Суздале (в принципе мне импонирует, что каждое Рождество он втихаря встречает где-нибудь в церкви — такие его посещения деликатным образом дают некую команду на ТВ: не забывайте, мы христиане, православная страна, большинство из живущих в ней — люди русские и верующие); этот сигнал телевидением и был воспринят — несколько раз транслировали службу в храме Христа Спасителя с Патриархом и очень толковыми объяснениями ведущего), в основном показывали пляшущую и гуляющую до обалдения Россию. Как это всё надоело!

С утра опять занимался «Изгоем». Очень интересна сцена русской пьянки и спор о том, что значительнее: владеть ценностями виртуально или владеть деньгами. Это не очень убедительно в словах, хотя и живописно. Но парадокс в том, что я скорее верю в виртуальность — а иначе, зачем жизнь? Кстати, как я писал день назад, ко мне обратилась Лена Мушкина с просьбой написать рецензию для представления в Фонд ее книги — она ведь пишет о своей матери, знаменитой машинистке журнала «Знамя». И тогда же по телефону я ей сказал, что она счастливый человек, потому что у нее от жизни осталось то, чего обычно у людей не остается: книга. Это же я могу сказать и о себе.

Так вот, что касается «Изгоя» — его не надо судить по первым страницам. Потемкин проявляет не только определенную ловкость, но и профессионализм в построении сюжета и талант в открытии заповедных для нас областей жизни. Но в литературу его, конечно, не пустят — и потому что он богат, и потому что слишком явственен расчет на шедевр, ведь писатель в России должен не только долго жить, но и долго пробиваться.

С очень интересным заявлением выступил глава Еврокомиссии Р. Проди — он отменил семинар по антисемитизму именно вследствие того, что в антисемитизме обвиняются и сам Проди и комиссия. Они, дескать, очень акцентируют на положении дел в Палестине. Тут же показали по ТВ пятерых израильских парней, отказавшихся служить в армии, так как, по их мнению, Израиль — агрессор и оккупант, за что они тут же пошли в тюрьму. Да, это не наши мальчики, готовые выносить горшки и переворачивать, подтирать на постелях больных старух — исключительно из трусости и боязни армии и мужского сообщества.

А что касается Р. Проди — я с ним совершенно согласен: в мире сложилось нетерпимое положение; если ты говоришь плохому еврейскому поэту, что он плохой поэт, — то ты уже не

только враг, но еще и антисемит. Если же говоришь то же русскому — то ты только враг. Вообще, эта тема мне надоела до ужаса.

8 января, четверг. В час дня собрал деканат, но ни В. Гусева, ни В. Смирнова, ни Б. Тарасова не было. Всех я подраспустил. Вдобавок ко всему сначала меня огорошил Александр Иванович Горшков, который на две недели выезжает отдохнуть и поправить здоровье в Переделкино, а потом и Лев Иванович, который вроде ложится в больницу на две недели. Значит, мой собственный отпуск, о котором я мечтал, накрылся. Вдобавок ко всем тут же в конце летучки появилась Лю Юнь, аспирантка из Китая, которую мы должны были обсуждать еще в декабре, и выяснилось, что теперь, в каникулы, читать ее никому не хочется, а в первую очередь Марии Валерьевне, ее руководителю. Я понимаю, у дочки М. В., наверное, каникулы, ребенка надо куда-нибудь отправить или отвезти, а тут еще докука с чужой судьбой. Все быстро забывают, как сами были аспирантами и ходили за профессурой, которой было не до них. В общем, у всех свой ритм и никто не хочет жить, сообразуясь с чужими заботами. Вдобавок ко всему аспирантку-то эту мы М. В. не навязывали, ей она самой нужна, чтобы получить звание профессора. Одним словом, мне пришлось употребить власть, поорать, чуть ли не заставить собрать кафедру в понедельник и обсудить диссертацию. В чужой стране, в холодной Москве, да что же китайцы будут думать о нас!

Под вечер появилась Катя Лебедева, я обрадовался, отложил все дела и с наслаждением стал с нею разговаривать. Но перед этим пошел в деканат, дав ей прочесть первую главу «Марбурга». Катя удивительным образом действует на то, что я пишу, она понимает меня и мои планы с полуслова. Первая глава ей понравилась, но она тут же отметила ту ее часть, которую я писал в спокойной, умиротворенной атмосфере Марбурга. Моя жизнь и институт сжигают мою романистику. Катя внушила мне, как надо писать и идею простоты.

9 января, пятница. Приехал на работу пораньше, потому что еще накануне нафантазировал статью о «Вассе» и Дорониной. Леня Колпаков накануне рассказал мне о нескольких статьях, которые вышли по этому поводу в прессе, статей явно тенденциозных и облыжных, и это меня подвигнуло. Он даже прислал мне ксероксы этих статей, ну как здесь не развернуться? Накануне дома я сел и сделал небольшой планчик. Если я скажу, что надиктовал статью Екатерине Яковлевне за час, то можно будет подумать, как все это быстро и талантливо. На самом деле спектакль я смотрел все три часа, еще не думая о статье, делал на программке заметки, потом все это переносил на компьютер,

записывал впечатления в дневник, значит, уже были какие-то наброски и мысли, а потому вот быстро взял и написал. Да мне еще придется эту статью переделывать, дописывать, устраивать, ну да ладно, статья написана. Леня, который опять ко мне к четырем заехал, статью прочел, собрался ее сразу ставить, но договорились, что я еще пошлифую.

Отослал тот лозунг для Партии жизни, который я обещал. Миронов баллотируется в президенты. Меня не очень волнует, о ком я пишу, важно то, что как я, наверное, никто не умеет. «С общественным деятелем такого калибра, как Сергей Миронов, всё ясно: его профессионализм, энергия, деловая хватка. Для меня, москвича, немалое значение имеет и то, что он петербуржец, а это значит, что здесь нет настоящего московского хамства и безоглядной нахрапистости. Существенным для меня оказалось одно качество Миронова, которое выявилось при личном знакомстве: его тяжелое, мощное рукопожатие. Таким свойством обычно обладают люди открытые и честные».

Днем занимался ребятами, которые едут в Данию, посмотрел список. Никто личностями студентов, их успеваемостью, общественной работой не интересовался. На понедельник наметил совещание, твердо решил, что посмотрю не только общую успеваемость, но и занятия физкультурой. Умные, усидчивые и прагматичные переводчики полагают, что без физкультуры, которая обозначена в госстандарте, проживут.

Вечером ездил к Зайцеву, завтра у Николая Стоцкого день рождения, повез какую-то коробку. Там все по-старому, Сережа стал поспокойнее, я это отношу за счет того, что он начал преподавать во ВГИКе. Кажется, его пьеса пойдет в филиале театра Маяковского. Сережа под гитару пел сочиненный им романс, некий перифраз романса Вертинского. И вот тут полыхнуло на меня какой-то суровой, глубинной чувственностью. За это мы и любим артистов, они дают нам ту жизнь, которой мы не знаем. Но откуда только они это знают!

10 января, суббота. Показали, как Путин встречается в Астане с Назарбаевым. Этот визит как бы осветил справедливость существования новой казахской столицы на исконно русских землях. На почти стометровой башне в центре Астаны, которую посетили два президента, находится «золотая ладонь» Назарбаева, если до нее дотронешься, то звучит гимн Казахстана. Путин притронулся и, как мне показалось, криво усмехнулся.

Читал Потемкина и гулял с собакой по полю.

11 января, воскресенье. Приехал довольно рано, убирался в доме, ночью, когда проснулся около трех, до пяти читал «Охранную грамоту».

12 января, понедельник. Утром отдиктовал переделанное вступительное слово на конференции, посвященной Заболоцкому, которая состоялась летом. Потом двадцать минут занимался с Игорем английским, потом говорил с Васей Мичковым об «Имитаторе» в записи на магнитной пленке. Наверное, все это уже устарело. Попутно выяснил кое-что о чтецах, которых можно привлечь к работе в институте. Говорят, гениально читает Бродского Михаил Козаков, устроить бы такой мастер-класс.

В три часа параллельно состоялось два совещания. На кафедре русского языка обсуждали диссертацию Лю Юнь, обсуждение прошло успешно, 9 января состоится предзащита и 17 марта защита. Лю Юнь весела и счастлива. А в кабинете Льва Ивановича я занимался датской группой. Не поедет Фролов, потому что он год был в Дании и ехать на неделю в Данию за счет института нецелесообразно, не поедет и Скидан: она с сентября еще ни разу не была на физкультуре. Один раз надо поступить принципиально, чтобы другим было неповадно.

Вечером ходил на Ломоносовский проспект в гости к Петру Алексеевичу Николаеву. Я отнес ему только что вышедшую книгу «Власть слова» с его предисловием. Когда бываю у него, я каждый раз думаю, как замечательно люди раньше жили без телевизора. Какие пленительные вели разговоры. У П. А. сидела, кажется, его сотрудница, прелестная молодая женщина Лена. Я вижу ее у него уже второй раз, подтянута, интеллигентна, умна. Петр Алексеевич, поражая меня своей начитанностью, читал Твардовского. Говорили о Пастернаке, я, кстати, вспомнил о своем чтении вчера ночью, о «Докторе Живаго», потом о Гроссмане, о Толстом, о течении его жизни. Великое произведение не может состояться, если автор не сможет изобрести и новой формы. Вот Толстой ее изобрел. Говорили о любви писателей к власти: Достоевский, его письма царю сейчас невозможно без стыда читать; Булгаков, Пастернак, Пушкин, который писал о том, что «Пиковая дама» нравится двору. Только совсем недавно перестали писать, что «Боже, царя храни…» — это не только В. Жуковский, но и А. Пушкин. Я рассказывал о «Вассе» у Т. В. Дорониной, П. А. говорил, что вначале при мхатовском разделе был на стороне О. Н. Ефремова.

Перед тем, как я вошел в подъезд к П. А., по мобильному раздался звонок от С. Лыгарева: жестоко подрались Черданцев и Сережа Королев. Я вспомнил, что по отдельности пожалел их обоих, не выгнал из общежития и из института за старые прегрешения. Вот теперь не было бы и нового несчастья. Надо тряпками заткнуть все щели в дверях и окнах, чтобы никаким образом не просочилась жалость.

Звонил врачу, операция Долли состоится в среду. Имеет ли право человек так вмешиваться в жизнь животного? Жалко до ужаса, сердце просто сжимается от жалости.

13 января, вторник. Приехал на работу к 12 — сил нет, после юбилея уйти в отпуск не удалось. Занимался переписыванием статьи о Заболоцком, а потом взялся за статью о Дорониной. Есть некоторые прямые и непроработанные места, но дальше работать некогда. Я твердо решил одно: без страха, без вечной самоцензуры статью надо сдавать. Завтра в 11 часов совещание у министра, а вечером операция собаки. Деньги я уже приготовил.

Часов в семь начал жарить гуся, которого в сентябре привез из своего путешествия домой, в Ростов, Толик. Еще вчера намазал я его майонезом и поперчил, а сегодня осталось лишь поставить в духовку. На нашем новогоднем гулянии присутствовали С. П. и Димон, который вечером будет гулять с собакой. На телевидении вылезла вся эстрадная нечисть, праздники большие, чуть ли не две недели, и в ход уже давно пустили и четвертый эшелон. Здесь и Борис Моисеев выглядит звездой первой величины.

Самое примечательное событие дня, как всегда, показали по телевидению. Оно связано с посещением В. В. Путиным Суздаля и деревни Кидекша 6 января, в Сочельник. Так вот там, по словам НТВ, накануне приезда президента вдоль всей дороги, ведущей от Суздаля к Кидекше, вкопали столбы и повесили новые электрические фонари. Это можно понять, президент ехал поздним вечером, хотелось и его путь сделать комфортным и вообще сделанное есть сделанное. А теперь самое неожиданное. На следующий день или через день, седьмого или восьмого, эти самые столбы выкопали, провода смотали, фонари убрали и все это увезли. А вдруг придется что-то подобное ставить в другом месте во время приезда другого начальника? Факт — потрясающий по своей наглядности. Это наша государственная жизнь.

Я рассказал об этом телевизионном сюжете на кафедре общественных наук, и он нашел там своеобразную трактовку. Л. М. рассказала, что во время своей юности зачем-то пошла в генеральскую закрытую поликлинику. Показалась врачу или сдала анализы, не знаю, но во время ее посещения поликлиники переулок весь заасфальтировали, потому что ждали с проверкой министра обороны. Ну, согласимся, что так бывает. Но остроумная Л. М. откомментировала: «И должна сказать, что асфальт потом не снимали».

14 января, среда. Я никогда не думал, что животное так властно над человеком. Вообще, нужно иметь определенное

мужество, чтобы, скажем, съесть забитую корову, которая долгие годы была в хозяйстве. Это я пишу, конечно, перед тем как отправить Долли на операцию. Наверное, жалость к животному связана еще и с тем, что оно слишком хорошо и много о тебе знает. Это с одной стороны. А с другой — это уже о собаке, никто тебя так интуитивно и бескорыстно не любит, как она. Может быть, только мать, но матери уже нет, а собака тоже повинуется инстинкту любви. Весь день я жил под давлением мысли о том, что вечером повезу собаку на операцию.

Но в одиннадцать часов дня началось совещание в министерстве. Совещание это посвящено кризису в школе и кризису чтения, вести ее должен был министр, но В. М., заболел и вел Александр Фотиевич Киселев. Я сидел возле С. В. Михалкова, поговорили немножко до начала. Мне он сказал, что в 91 год жить довольно трудно, потому что слишком близка перспектива. Я восхитился его жизнелюбию и пониманию того, что работать, жить и быть активным надо до самого конца и не делать себе поблажек. Старики часто говорят о смерти, как бы пытаясь ее тем самым от себя отогнать, испугать.

Вот как я записал тезисы выступления Александра Фотиевича. По крайней мере, пока он говорил, мне все это казалось важным и соответствующим моему умонастроению.

1. Всё последнее время наша школа оставалась школой знания, школой интеллекта. А где школа воспитания? Если в сердце нет света, то там поселяется мерзость и запустение. *Совершенно правильно, т. е. это не русская школа с ее приоритетом на духовное развитие, а школа формального знания. Здесь умеренность и аккуратность делают школьника первым учеником.*

2. *Уровень культуры на том или ином этапе ее развития определяет язык, именно язык характеризуется творчеством, которое его формирует. В формировании русского языка приняли участие все народы.* Значит, мысль о том, в каком состоянии сейчас находится язык. Значит, о телевидении, о языке вождей, о примере.

3. *О состоянии русского языка в школе. Самое основное заключается не только в знаниц, но и в формировании мотивов к самоусовершенствованию. Начальная школа должна разбудить этот стимул.* Это практически о том, о чем чуть позже буду говорить я и о чем в свое время писал в «Правде» — о низком уровне, иногда ничтожном, на котором готовят «подвижника», нашего учителя.

4. *Надо показывать красоту русского языка. Язык был засушен. О начальной школе. Чудо языка. Литературу надо учить по тем*

образцам, которые проверены временем. Последнее относится к тем прыжкам, которые совершались вокруг русской литературы с перестроечного времени: другими словами, надо вернуться к классике, а не делать из Эдуарда Успенского и Марининой вершины современной литературы.

5. *Надо воспитывать нацеленно, на общении с внешним миром. Не на карьеру и не только на свое будущее. Внутренний мир наших юных сограждан.* Компьютер не заменит все, умение считать неадекватно состраданию, а корявый и плохой английский — это еще не духовное и интеллектуальное богатство.

6. *Существует ряд вопросов не к школе, а к семье.* Это то, о чем писал еще Чернышевский, — «домашнее воспитание». Если папа пьет, ворует по мелочам, предприниматель-мама весь вечер на кухне говорит о том, как уйти от налогов, чего же мы хотим от ребенка?

7. *Цензура. Она необходима, но это, в первую очередь, должна быть самоцензура.* Весь вопрос только, в пользу кого и каким образом она будет вестись. Киселев *говорит об индустрии удовольствий,* которые оттесняют школьника от познания мира.

Естественно, после А. Ф. выступал ***Сергей Михалков***. Посмотрите на жизнь глазами современника. Истории он не знает, искусства он не знает. До двух лет ребенок еще во власти детского писателя. Говорит о поддержке детской литературы.

Он задал тон, а дальше все поехало. Очень хорошо говорила некая госпожа Арзамасская — историк детской литературы и литературовед, говорила, как о некоем неисследованном крае. В конце заседания она подарила мне свой учебник, я его отдам в библиотеку, наверное. Заглянул мельком: масса интересного, а главное, все очень информативно.

В. С. Модестов, представляющий министерство печати, в частности, говорил о цене на книги. А из чего складывается эта цена? Ни один из комбинатов в настоящее время не является собственностью России.

В министерстве в книжном киоске видел книгу Юры Визбора. Среди прочих включенных в нее авторов встретил и себя. Многовато я написал. Там пассаж о свободе.

В шесть вечера втроем — я, Толик и Димон — повезли Долли на улицу Россолимо, в клинику. О деньгах, о системе выжимания уже не говорю, это все стало мне уже неинтересно, все ушло перед страданием собаки. Сначала ей сделали часовую капельницу, вкололи какие-то препараты. Человек, когда он испытывает страдания от разных медицинских манипуляций, понимает, что все это направлено на то, чтобы потом ему стало лучше. Что же думает собака, когда ее мучают в присутствии

хозяина, а хозяин еще ее держит, когда ей в ногу вставляют какую-то иголку, потом через эту иголку, через специальный краник, чего-то в бедную собаку льют и наливают?

Когда мою бедную Долли усыпили и, как настоящую больную, на каталке повезли в операционную, я заплакал, и Толик, помогавший мне, тоже заплакал. К счастью, я взял с собой еще и Димона, так как даже вдвоем мы бы не справились: хирургия расположена на четвертом этаже, если считать от подвала, где терапия, и после операции собаку пришлось на руках сносить вниз. Вырезали ей сразу две опухоли, причем, как ни странно, что было в виде шишки на задней лапе, оказалось, по мнению врача, более тревожащим и опасным. У меня всё мешается в голове, но судьба меня всегда ведёт, и я думаю, что и в новом романе, который я всегда додумываю и начал с описания собаки, — все практически, после проделанной операции, может предельно упроститься.

То, что меня волновало еще до этой операции — система вымогательства огромных денег, вполне отвечающая времени, — сейчас отходит на второй план. Однако помню, что вначале хирург начинал с 7 тысяч, затем операция стала стоить 9 тысяч, а в итоге я заплатил 11 тысяч рублей, одну тысячу еще отдал за гистологию, а потом нужно было положить собаку под капельницу. Это удивительная ситуация, когда огромные, вечно враждующие обычно между собой собаки, в ветбольнице лежат со своими недугами под капельницами и не ссорятся друг с другом… Операция продолжалась около часа.

Я уже раньше говорил, что сейчас идет волна каких-то наркотических поисков в ветеринарных лечебницах. Недавно по телевидению показали начальника, который всё это стимулировал — может быть, и справедливо, но такая холодная харя! Вся больница буквально оклеена газетными вырезками — откликами на эту наркотическую акцию власти. Мы ничего не можем высказать, когда умирают люди — здесь надо называть причины, а вот когда дело касается животных, то все с наслаждением пишут о глупости и несовершенстве нашего управляющего аппарата. Почему-то (сейчас я уже знаю — операция была «левой» работой) оперировали собаку не в операционной, а в кабинете офтальмолога, потом вывезли, она была с открытыми глазами, но почти не двигалась.

Дома я сразу побежал в дежурную аптеку, набрал антибиотиков, перевязочных материалов, других лекарств. Обвязали всю собаку специальной сбруей — даст Бог, всё обойдется!

15 января, четверг. Проснулся в час ночи от какого-то

шума, — это Долли перебралась с пола на свой антикварный диванчик и расположилась. Утром она стала чувствовать себя бодрее, я вывел ее во двор, в этом смысле проблем я с нею не имел. Потом стал примериваться делать ей укол антибиотиков, в кусочке творога дал ей таблетку трихопола, потом принялся обрабатывать сначала перекисью водорода, а потом йодом рану. Нос у Долли мокрый и влажный, я очень боюсь, как бы она не начала лизать раны и не занесла какую-нибудь заразу. Она вся в бантиках и тесемочках от попонок, которые на нее сегодня надеты. В. С. при этом давала мне ряд советов, которые меня безумно раздражали. Потом принялась готовиться ехать на диализ, но перед этим мы сидели и смотрели новый фильм Квентина Тарантино «Убить Билла». Поначалу мне показалось это очень интересным, по крайней мере, здесь есть очевидная тенденция — через документализм или псевдокументализм показать привычное: женские драки и восточные бои.

Утром почувствовал, что меня достает простуда. Простуда, наверное, от недосыпа, и вообще я на работу в этот день ехать не рассчитывал, но вспомнил, что еще накануне звонили из МХАТа: возле «Мосфильма» должны устанавливать звезды Татьяны Дорониной и Василия Ланового, просили приехать. Оба они мне дороги, и я поехал к часу, купил цветы. Не думал, что протолкаюсь сквозь тусовку, я и не люблю этого, не люблю попадать в камеру, в объектив. Люди, предназначенные для объектива — из Думы, из Совета Федерации, — все они, видимо, копируя Путина, красовались под камерой ТВ в распахнутых пальто или дубленках, без шапок. Меня выкликнули, т. е. позвали к микрофону, кажется, вторым, и я еле протискался сквозь толпу репортеров. Сказал вроде бы удачно. Первая моя мысль была традиционна: о чужом лице, о чужом образе в твоей собственной жизни, а дальше я высказал мысль весьма конкретную — что мы в последнее время столько памятников наставили, столько навешали мемориальных досок, раздали наград, что следующим поколениям надо будет в этом разбираться и разбираться, но здесь, когда дело касается Дорониной и Ланового, мы, кажется, не ошиблись. После выступления я быстренько протолкался к машине и уехал на работу.

Заезжал в «Литературку», там у меня идет статья о МХАТе. Первый ее вариант я довольно сильно доработал, внес полемику с рецензентами — Р. Должанским и М. Давыдовой. Но всё равно, статья чуть сыровата, я бы её подержал, да «Литературка» торопит. Заходил к Лёне Колпакову и у него прочитал интервью Полякова в газете «Россия». Это интересно. Там был абзац, который надо было бы выписать, но я растерялся и газету не

украл, зато взял «Литературку» и уже дома просмотрел достаточно убедительную статью о дебюте и замечательную статью самого Лёни о его последней встрече с писателем Владимиром Богомоловым. Вот так надо писать статьи — когда всё наработано, когда наблюдения раскиданы по времени и всё сопрягается, и у читателя возникает невыразимое чувство утрат и потерь.

Спать ложусь рано.

16 января, пятница. Укол Долли, таблетка, сначала перекисью смазал ранки, потом йодом. Собака грустит. На работе написал небольшой кусочек для Юр. Ив. Бундина об аналитиках. Большое интервью о Ленине для «Комсомолки», к дню памяти, наверняка поместят какую-нибудь гадость. Английский с Игорем. Говорил с Г. К., с Гатчиной. Договорился, чтобы Олег Павлов мог поехать туда с женой. С В. Е. рассуждали о раздвижных дверях в институте, смотрел, как ребята ремонтируют внизу лестницу. Обедал с С. П. и Л. М. Приходил В. А. Харлов — новые препятствия, которые чинит нам закон, чтобы мы получали деньги со своих арендаторов. Попутно В. А. рассказал, какие молодые мальчики сидят в Госкомимуществе и какие роскошные машины стоят внизу у подъездов. Звонила С. Г. Егорова, она за ночь прочла мои дневники. Говорили о мелких ошибках, в этих разговорах я был счастлив. Мы опять пропустили возможность получить какие-нибудь деньги от государства. Подписывал удостоверения, потому что охрана начала их спрашивать, читал стихи Сорокина, у него есть поэтический дар, но стихи неровные, многословные. Стихи — это не дневник.

17 января, суббота. Как я уже писал, спал очень беспокойно. Просыпался от каждого собачьего шевеления, смотрел. Утром отправил В. С. на диализ и пошел в магазин. По утрам обязательно кто-то приходит, потому что надо сделать укол собаке, а один я с нею справиться не могу. Что она думает, когда хозяин втыкает ей в бедро иголку, а потом давит и давит? Помогают обычно С. П. или Дима, или Толик. Потом, естественно, нужно что-то готовить, поить кофе, кормить. Пошел по магазинам, купил полный набор: мясо, полуфабрикаты, почти на всю неделю.

К семи вечера поехал в театр имени Арк. Райкина, на спектакль по пьесе Ростана «Шантеклер». Москва вся в снегу, на улицах сплошная каша. Кстати, в больнице было несколько собак с очень серьезными отравлениями: это сегодняшние реагенты. На своей «Ниве» проехал довольно быстро — и праздничный день, и боятся ездить. В половине седьмого уже стояла огромная очередь к администратору — одни идут по записке из воинской части,

другие по студенческому театральному удостоверению, театр огромный, заполнить его трудно, но тем не менее все места оказались заняты. В спектакль, видимо, вложены невероятные деньги: прекрасные костюмы, есть замечательные актеры. Это пьеса, действие которой происходит на птичьем дворе, без людей; персонажи — куры, утки, гуси, петухи, ночные птицы, павлины, фазанья курочка. Спектакль о поэте и толпе, о самоценности творчества. В наше время вся эта символика просматривается с огромным трудом: то ли устарела символика, то ли есть некоторые просчеты в постановке. Мне иногда даже было скучновато, хотя множество танцев, а отдельные эпизоды сделаны с поразительной выдумкой, зато много актерского форсажа, открытой кричащей эмоции. Замечательно Денис Суханов играл Петуха. Вообще, по этому театру видно, что значит театр стационарный: есть ансамбль, школа, общий рисунок. Но, тем не менее, как я уже писал, бывает скучновато, и я во время спектакля вспоминал о мхатовской «Вассе». Почему там, казалось бы, в архаике мне ни на минуту не было скучно? Значит, там была какая-то иная современность, иное восприятие действительности, электрическое поле другого напряжения. Но все-таки работа этого райкинского театра замечательна, она ориентирована на специфичного зрителя: сравнительно молодого, выше средней обеспеченности, со вкусами, скорее привитыми телевидением, нежели элитарной литературой или элитарным театром. И смотрели хорошо, и хлопали дружно. Для многих посетителей другого искусства и не существует.

Ночью Долли все-таки добралась до своей зашитой раны на бедре и распустила швы. В пять часов ночи все было хорошо, я смазал ей ранку перекисью водорода и йодом, натянул на нее обрезанные колготки, а в восемь она уже довольная на всех поглядывала — отомстила, поступила по-своему.

18 января, воскресенье. Около десяти я уже позвонил врачу и повез Долли в ветлечебницу. Зашивать не стали, сказали, что заживет само, но дольше. Порекомендовали левомиколь. Я купил две банки, граммов по 250. Вот некая предварительная смета на болезнь Долли:

Врач-терапевт, первый раз — 200 руб.
Рентген — 200 руб.
Хирург — 11 тысяч руб.
Попонка под перевязку — 100 руб.
Гистология — 1000 руб.
Лекарства (1-й день) — 600 руб.
Левомеколь — 120 руб.
Антибиотики и лейкопластырь — 200 руб.

Детские колготки, рекомендованные для собаки — 270 руб. (покупал в воскресенье, в детском магазине).

Я все время сопротивляюсь и быту и обстоятельствам. Стараюсь больше читать, причем читаю утром, ночью, под вечер, не отказываюсь никогда, если представляется пойти в театр. Вот и сегодня, так как на дачу не езжу, а с собакой В. С., опять иду. К счастью, спектакль в дневное время.

К четырем часам поехал по заданию комиссии смотреть спектакль по пьесе Гришковца «Город» в театре И. Райхельгауза. Это малая сцена, называемая «Зимний сад». Действие происходит на четырех алюминиевых лестницах-стремянках, поставленных в зале, они, видимо, символизируют и вечный ремонт, и вечное неустройство русских. Всего четыре основных персонажа и пятый — таксист (его, говорят, иногда играет сам Гришковец). Персонажи: Герой, Сергей, Друг, Отец. Смотрел всё это с интересом, хотя вначале немного подремал. Пьеса отображает не тенденции, а целый ряд наблюдений, это всё приблизительная рефлексия, а не само действие, скрытая ненависть, скрытое раздражение. Как достоинство — плотность текста. Много очень интересных наблюдений — например, о Дневниках, что герой Дневника как бы не является подлинным автором. И это справедливо. Я тоже пишу Дневники — для себя, для чтения, для истории, пытаюсь выразить себя, пытаюсь заполнить свои художественные прохлесты. Это как чтение полезной, но до некоторой степени скучноватой книги, правда, потом оказывается, что книга эта от тебя не уходит, всё работает в тебе и работает.

Жаль, не было программы, но, может быть, еще впишу. Очень понравился Герой и его Жена — просто блестящая актриса, без малейшего нажима. Мне иногда казалось, что это не герои переговариваются, а мы с В. С. Я случайно проговариваюсь, что плохо себя чувствую, а она тут же говорит: «А я?»

От телевидения тоже нельзя оторваться. Я бы выделил здесь «думскую тему». Телевидение иногда и своих не щадит. Сюжет с Крашенинниковым, бывшим СПС-овцем, переметнувшимся в «Единую Россию», и с Райковым, главой так называемой Народной партии, который тоже стал единороссом, — расцениваю как до омерзения прелестные факты предательства. То бесстыдство, с которым люди меняют свои убеждения и пристрастия, меня восхищает. Ну, скажем, Жириновский, — это просто самый талантливый из всех, кто переодевается на людях. Он это делает наиболее артистично, и за этой наглой артистичностью уже перестаешь различать смысл. В думских назначениях меня восхитило одно: главой Комитета по культуре

и, кажется, образованию теперь у нас будет народный артист Иосиф Давыдович Кобзон. Вот и образовалась ось: Михаил Ефимович Швыдкой и И. Д. Кобзон. Думаю, что теперь культура пойдет «на взлет», по крайней мере, эстрада-то не пропадет.

Продолжаю читать «Изгоя» Потемкина, «Дневники» Чайковского, делаю выписки, а также книжку, которую мне подарил А. Севостьянов, довольно скучную, про евреев и чего они от нас хотят. Прочел в «Экслибрисе» замечательную статью Шохиной о «Словаре» С. Чупринина. Она отмечает его тенденциозность, его стремление отметить только для него главное: был ли или не был человек коммунистом. И одновременно стремление забыть о «Письме 42 писателей», так «гуманно» призывавших раздавить инакомыслящих. Говорит и о невежестве этого профессора Литературного института, о его возможных «неграх», которые, наверно, помогали ему в работе.

19 января, понедельник. Телевидение передало, что открыт президентский сайт в Интернете, адресованный детям. Показали и президента, который живо объяснял детям все, что при этом положено. Я полагаю, что это еще один точный шаг перед президентскими выборами. Выбор помощника, специалиста по детям, который помогал обустраивать этот сайт, тоже очень точен — это Григорий Остер, но он точен, потому что прекрасный писатель, а вдобавок и выпускник нашего института. Это все, конечно, еще один предвыборный ход, но надо сказать, что политтехнолог Глеб Павловский не делает неработающих ходов.

Как мне кажется, другой ход — это вереница кандидатов на должность президента. Дело здесь не в боязни безальтернативных выборов и обвинения в тоталитаризме, а элементарная тревога, что из-за низкой явки выборы могут оказаться недействительными. А тут каждый кандидат в президенты что-то да принесет. Поэтому может оказаться справедливым и предположение, что все эти кандидаты получили некоторую поддержку для ведения избирательной компании. Занятно предположить, что получили помощь и Хакамада, и Харитонов.

Вот цитаты, которые я выписал из дневников Чайковского. Человек оказался не только мономузыкальной идеи. Вот он пишет вещи своеобразные, правда, здесь сказываются, наверное, некоторые его индивидуальные пристрастия. «Какое удовольствие доставляет частое присутствие Легошина; это такая чудесная личность. Господи! и есть люди, которые поднимают нос перед лакеем, потому что он л а к е й. Да я не знаю никого, чья душа была бы чище и благороднее, чем этот Легошин. А он лакей! Чувство равенства людей относительно их положения в обществе никогда не давало себя знать столь решительно, как в данном

случае» (с. 73). Простим великому композитору его маленькое пристрастие.

Вот другое пристрастие великого композитора. «Домой. Андреевы. Ушли на репетицию. Я читал орнитологию. Очень устал» (с. 52). Для того чтобы писать хорошие симфонии надо, оказывается, читать орнитологию. Душа постоянно должна и обязана трудиться, эта формула изобретена не в XX веке. «После чая читал статью Sarcey о Толстом и едва сдерживал рыдания от радости, что наш Толстой так хорошо понят французом» (с. 48). Опять, что это такое: «национальная гордость великоросса» или настоящая полная, растворенная жизнь в искусстве?

А вот пример преклонения и уважения перед собратом, перед человеком, как и он, Чайковский, неимоверного таланта. С удивлением перед безграничностью таланта другого и начинается искусство.

«Завтрак. Старушка Виардо очаровала меня. Ее приживалка. В гостиной, ученица ее, русская, певшая арию из Л а к м е. Видел партитуру Дон Жуана Моцарта, писанную ЕГО РУКОЙ!!!!!!!!!!» (с. 63) Восклицательные знаки тоже поставлены «его рукой».

Теперь одно очень интересное рабочее наблюдение, которое я нашел в приложении к книге — по технологии работы. Эти выписки я обязательно прочту на семинаре.

«У Чайковского были заведены педантически строгие порядки, и все в доме не только совершалось в назначенные часы, но не допускалось отступления от них даже в минутах; Пётр Ильич говорил, что это единственное средство использовать свое время наиболее производительно в смысле работы, и в этом он, конечно, был прав… Он еще в молодости отказался от вечерней и ночной работы, ибо, кроме того, что она расстраивала ему нервы и мешала спать, самое качество ее оказывалось часто неудовлетворительным, так что сделанное ночью приходилось вновь переделывать днем» (Н. Кашкин. Из воспоминаний о П. И. Чайковском; «Пётр Чайковский. Дневники». Москва: Наш дом, 2000).

Наконец, последнее слово композитора. Это уже из области нравственных мучений, кто знает его историю, поймет.

«Все утро и все время от чая до вечера писал проекты писем к Ант. Ив. Ничего не мог решительного написать. Мучения нравственные, сильные. И ненависть, и жалость» (с. 75). Вот так и возникает гениальная музыка.

20 января, вторник. Занимался формированием, так сказать, писательской делегации на Гатчинский кинофестиваль. Это Олег Павлов, который едет с женою; это Сережа Шаргунов с женою Анной Козловой, зла я ни против кого долго не держу; это Эдуард

Лимонов с охранником; это Оля Славникова. Буду ли я брать еще и студентов, не знаю. Меня радует только одно: я научился, договорившись, часть всяких организационных дел кому-нибудь передавать. Сумею ли я когда-нибудь написать, сколь многим я обязан Оксане?

Пришла, кстати, рекомендация в Союз кинематографистов, написанная Витей Матизеном. Он сделал это с невероятным изяществом, и, пожалуй, я не читал документа, который так комплиментарно говорил бы обо мне. Этот документ очень для меня лестен.

«Для меня Сергей Николаевич — не столько известный писатель, ректор Литературного института и муж моей известной и уважаемой коллеги по цеху Валентины Ивановой, сколько один из учредителей, организаторов и бессменный председатель жюри кинофестиваля в Гатчине, уникального кинофорума, посвященного отношениям литературы и кино. Без хорошего сценария не бывает хорошего фильма, а хороший сценарий — это прежде всего хорошая литература, причем лучшие сценарии чаще всего получаются из литературных произведений, написанных не для просмотра, а для чтения. С. Н. — высокообразованный человек, профессиональный знаток литературы и талантливый любитель кино, точности зрения которого может позавидовать любой киновед и кинокритик — понимает это, как мало кто другой. Он делает важное и нужное дело — энергично способствует сближению литературы и кино, кинематографистов и литераторов. Будучи одним из приглашенных «жюриоров» Гатчинского кинофестиваля, я имел случай изнутри убедиться во взвешенности его оценок и тонкости управления разными составами жюри, которые он (это стоит отметить специально) формирует из очень разных и независимых от него, фестиваля и друг от друга профессионалов. Я, естественно, не могу хвалить работу тех гатчинских жюри, в которых участвовал сам, но в тех случаях, когда сужу об их работе со стороны, как правило, вынужден признать справедливость их решений — что со мной бывает нечасто.

Исходя из сказанного, я с удовольствием рекомендую принять

С. Н. Есина в наш киносоюз — как за его заслуги, так и в надежде на то, что он своими знаниями, энергией и деловыми качествами принесет ему пользу. Виктор Матизен (член СК с 1991 г.). 19 января, 2004».

Под вечер появился мой старый ученик Саша Азарян. Он живет где-то в Жукове, в Калужской области, неподалеку от моей дачи, живет, видимо, в жуткой нищете. Он не женат, ему 33 года,

живет на деньги матери. Рассказывает, что когда к нему в квартиру стучат, он двери не открывает, боится. На Саше старые ботинки и тот же армейский морской суконный бушлатик, в котором он десять лет назад поступал в институт. Талантливый был парень, но не понимал, что необходимы были ему еще и формальные знания. Работать в школе не смог. Подарил мне книжку, которую издал тиражом 80 экземпляров. Такие книжки издает Московское отделение, это огромная заслуга Володи Гусева. Жаловался, что раньше получал ежемесячную 800-рублевую стипендию от Московского отделения, «теперь они все делят между собой». Так Сашу жаль, но ничем не могу ему помочь. Помню, он пытался поступить в аспирантуру, но на вступительных экзаменах оказалось, что совершенно не знает Пастернака, не читал.

Вечером, когда приехал домой, из почтового ящика извлек «Еженедельный журнал», издаваемый, кажется, ЮКОСом. Главный редактор — Михаил Бергер. Все остальное — соответственно: и темы, и герои. Журнал еще буду читать, но пока с жадностью просмотрел «Камень на камень» — к 80-летию со дня смерти В. И. Ленина (статья Льва Рубинштейна, поэта-концептуалиста). Мне это было особенно интересно, так как из «Комсомолки» в эти дни мне прислали интервью, в котором стоял вопрос, связанный со смертью Ленина, с Мавзолеем. «Камень на камень» — это слова песенки, статья написана с присущим Рубинштейну холодным наплевательством (это и понятно, ведь все его творчество существует лишь на осколках советского и былого, исчезни они — творчество концептуалиста превратится в прах). Он разрабатывает тему — я понимаю, что в политике (материал-то политический, а не литературный), так вот в политике возможно всё. Но очень трудно простить отсутствие этики: каждый покойник для христианина священен, так как попадает на Божий суд. Есть еще один аспект: только посторонние люди так не дорожат своей историей. История никогда не была легкой для народа, меняются только ярлыки, с которыми гибнут люди, возможно, и во имя чего-то мифического. Жизнь требует жертв, как котлеты требуют мясорубки и мяса. Иван Грозный оказался великим царем, собирателем; Петр I — строителем и главным конструктором «окон»; Николай II, которому народ никогда не забудет кровавого воскресенья, канонизирован русской православной церковью. Установление демократии в стране умертвило почти столько же людей, сколько погибло в годы коллективизации. А центристский сегодняшний режим мнет и мнет и русских, и чеченцев. Есть некая неизбежность истории, ее можно критиковать, но она как данность не исчезнет. Сами шаги

истории святы для народа.

Ну да ладно, перехожу к цитате из Рубинштейна, амикошонской и наглой: ну, не понимает литератор, что имеет дело с человеком, наверное, самым знаменитым в XX веке.

«Камень на камень». Это ведь о Мавзолее. А в семидесятые годы мы распевали такую песенку:

Камень на камень, кирпич на кирпич,
Умер наш дядя Федор Кузьмич.
Умер наш дядя, жалко его,
Он не оставил нам ничего.
Он не оставил нам ничего,
Ничего, кроме себя самого.

(Особенности менталитета и особенности зрения: «Не оставил нам ничего».) Так что, — продолжаю цитату из Рубинштейна, — «мы отмечаем в эти дни не годовщину смерти Ильича, а день рождения одноименной мумии, вот уже восемьдесят лет прописанной в самом центре столицы нашей родины. Собственно, она-то и подменила собой того, кто умер в подмосковных Горках 21 января 1924 года. О нем, об этом открытом нескромному взору шедевре таксидермии…» — дальше не продолжаю. Кстати, мы во дворе в 40-е годы пели другое:

Когда был Ленин маленький
С кудрявой головой,
Он тоже бегал в валенках
По горке ледяной.

Камень, на камень, кирпич на кирпич,
Умер наш Ленин Владимир Ильич.

И о какой там истории «нашей родины» пишет Лев Рубинштейн, готовый заложить за дурной и безбожный словесный эквилибр даже родную мать? Я представляю себе беспокойных родственников Лёвы Рубинштейна, самого Лёву без пионерского галстука, представляю, как подросший Лёва не сдавал в своих университетах историю КПСС и диамат — чистый, напудренный, святой и демократический ребенок…

21 января, среда. Леня Колпаков позвонил утром и сказал, что я сегодня — герой российской прессы: у меня вышла огромная статья в «Литературке» о спектакле театра Дорониной, в «Комсомолке» — интервью в связи с днем смерти Ленина. Что касается доронинской статьи, — она, конечно, получилась шире спектакля и затрагивает в том числе и проблемы критики, как

литературной, так и кино-, и театральной. К вечеру статья уже висела в редакции «Литературки» на доске лучших публикаций. Я тоже испытал чувство удовлетворения, потому что, даже ругая некоторые театральные персонажи, сумел уйти от брани, воспользовавшись лишь иронией и глубинной насмешкой. В молодости мы так писать не могли, потому что не было у нас ни нажитого, ни пережитого, но молодость научила нас писать довольно тщательно.

По поводу статьи было несколько звонков — сначала позвонила Галя Кострова, обнаружившая во мне еще и сатирика (я, правда, обнаружил это давно); потом звонила Зинаида Ивановна из театра, и поздно вечером — Гриша Заславский, рассказавший, что был вечером на спектакле и слышал за спиной разговор двух молодых «критических» дам, обсуждавших статью и, по журналистской привычке, радовавшихся, что кого-то из них отдергали за уши. Что же касается «Комсомольской правды», то каждый раз, когда я ее листаю, цветную и нарядную по-ярмарочному, испытываю чувство брезгливости — не по душе мне и тон, и тематика. Впрочем, интервью получилось, хотя из него и убрали тему, которую я, видимо, отражал не так, как от меня ждали: идею Мавзолея, идею «надо или не надо». Моя точка зрения: время само разберется, и, хотим мы или не хотим, рано или поздно сам дух Ленина скажет, когда его мифу необходимо будет поменять место, место его эманации. Я абсолютно уверен, что рано или поздно тело В. И. Ленина будет захоронено в Ленинграде, рядом с матерью, но это произойдет каким-то немыслимым способом и именно по его воле, и это даст еще новый толчок к оценке того, что сделал этот человек в мире и в нашей стране, человек, так сильно повернувший колесо истории, столько давший для понимания всего мира как сообщества людей, имеющих право на здоровье, счастье и продолжение потомства… Ну, да ладно.

Из огорчений дня — звонок в министерство по поводу того письма, которое я давным-давно отослал министру, о деньгах на проектирование. И наконец-то я напал на управление по распределению материально-технической базы, на начальника его Сергея Константиновича Сергеева. Я уже предвкушал этот разговор, предвкушал и то, что со временем всю свою внутреннюю злобу на чиновников, на весь аппарат распределения денег и прибылей превращу в особую главу в новой своей книге о письмах. Но пока меня восхитила аргументация С. К., который, казалось, был так рад, что мы несколько задержали посылку с просьбой денег, и поэтому никаких денег он нам распределить не мог. Эта наша просьба, даже если бы она лежала у него с

прошлого года, — денег все равно бы нам не дала. Он не распределил бы нам денег и по собственному усмотрению, даже если бы приехал в институт посмотреть и поинтересоваться всем на месте, — он просто обрадовался предлогу не распределять. Но ничего. Я их всех соберу на праздник своей иронии. Мне осталось только позвонить Чубайсу, который также отдал мое письмо в какое-то свое учреждение, и обнаружить, что Министерство культуры, с которым я два года веду переговоры об ограде, тоже ничего нам не даст. Не будем начинать войну, но будем говорить то, что мы думаем. Я вообще теперь вошел в прекрасный и счастливый возраст, когда мне абсолютно нечего терять, когда жизнь на исходе, когда я в любой момент могу сам прекратить свои мучения, но когда обретаю огромное преимущество: говорить правду, не скрывать всю затаившуюся во мне злобу и ненависть к определенному классу людей. Лишь бы не дрогнула рука.

Вечером наконец-то дочитал «Изгоя» Потемкина. Его вторая часть просто прекрасна, по крайней мере, задумано всё очень неплохо. Если говорить об интересных сценах — то это и ночевки в храме у Пимена, и замечательные описания в сумасшедшем доме, и великолепная милиция, и Даниловский рынок, и Барвиха, всё до боли известное, знаковое, узнаваемое и, в принципе, неплохо написанное. Вообще, Потемкин предстает человеком, считающим, что литература для умного — довольно легкая добыча. Он неплохо изображает: например, одна из его находок — милиционер с мордой как утюг, — но, к сожалению, в его прозе нет интонации, проза его головная. Главный недостаток у него — он не является носителем языка, и хотя он хвастается своей эрудицией, интонация у него отсутствует, нет той густой и плотной ауры русской речи, когда из этой речи сочится мысль, когда мысль забивает речь и она в ней тонет, нет у него той речи, которой всегда была славна русская литература. Так получается, что в последнее время я все больше и больше думаю о русской литературе, всё больше понимаю, что это единственный и невероятный феномен во всей литературе мировой. Вот, собственно, и весь день, кроме последнего.

В три часа я устроил большие посиделки в институте по поводу выхода «Власти слова». Эта книжка не появилась бы, если бы я здесь не работал, она не была бы придумана, если бы не те люди, которые, в известной мере, сумели переменить мою судьбу, и я благодарен им, в чем-то переформировавшим меня в этом моем не юном возрасте. Вот я для них и устроил — славно и замечательно поели и выпили, жаль, что здоровье не позволяет теперь пить столько, сколько хочется. А какое замечательное

состояние было в молодости, какое прелестное похмелье, какая удивительная эйфория, какие замысловатые интеллектуальные полеты!..

22 января, четверг. «Литературка» напечатала «Рейтинг продаж. 50 современных российских прозаиков». Дня за два до этого мне позвонил Леня Колпаков и сказал: мы, дескать, печатаем рейтинг писателей, сделанный по продажам 37-ми магазинов «Московского дома книги», не обидишься ли, потому что ты только на 28-м месте? Вот уж чего нет, того нет, я-то думал, что я где-нибудь замыкаю список, потому что не пишу беллетристику. А оказалось все совершенно по-другому. Солженицын стоит на 3-м месте, и это понятно, потому что сила его авторитета и качество письма невероятные, но понятно, почему на 1-м и 2-м стоят Улицкая (7942 экз.) и Пелевин — оба они великолепные беллетристы, не претендующие на бессмертие и на почетное, не ироническое место в литературе. 5-е место Толстая (3222 экз.), 8-е Аксенов, 9-е Поляков, 10-е Сорокин, 14-е Ерофеев (917), 16-е Искандер, 17-е Б. Васильев, 19-е А. Битов (342 экз.), 20-е Распутин, 21-е О. Павлов, 22-е Маканин (217 экз.), 24-е Приставкин, 25-е Слаповский, 26-е Волос, 28-е Есин (56 экз.), 30-е Ким (49 экз.), 32-е В. Белов, 34-е Пьецух, 36-е Бондарев, 37-е Сегень, 38-е Киреев, 40-е Бакланов (23 экз.), 41-е Михальский, 43-е Варламов, 44-е Курчаткин, 46-е Дегтев, 50-е место у Бориса Евсеева с его одной-единственной продажей. Здесь надо бы после каждой фамилии что-либо приписать: о букеровских лауретах, о телевизионных ведущих, об очках Курчаткина, о комиссии по помилованиям Приставкина, об издательском доме Михальского и о прочем, почти о каждом я мог бы что-нибудь сказать. У меня в этом году из нового продавался лишь Дневник.

Днем возил Долли к врачам с еще не готовой гистологией, она повеселела, рана у нее вроде бы заживает, хотя она все время пытается еще погрызть. Вчера по телевидению передавали о еще одном пожаре в институте.

23 января, пятница. Рабочий день пришлось начать на два часа раньше. Поехал на телестудию, кажется, ТНТ, где был эфир «с интересными людьми». Я уже давно работаю с телевидением, стреляя как бы наугад, что-то им говорю, говорю — а потом они выхватывают две не главных для меня фразы, вырезают всё остальное и дают в эфир. Как часто посещало оно меня в начале перестройки, когда я вёл «Добрый вечер, Москва!». Речь, конечно, идет не о той огромной популярности, которую дает телевидение, а о напряженности всех сил, о чувстве виртуозного экспромта. Сидел минут сорок, допрашивали двое каких-то ребят, Роман и Женя, вопросы у них были уже заготовлены. Я впервые увидел

телесуфлера, когда над камерой эти самые вопросы высвечиваются на экране. Вот тут и понимаешь наших умных ведущих, говорящих без запиночки. Вопросы были об образовании, о стихах, даже о русском фашизме. Какая-то пожилая женщина начала читать мне по телефону стихи, требуя сказать — куда их деть и как за них что-то получить.

Днем пришло письмо от Галии Ахметовой, которая пишет о моих «Дневниках», о московских впечатлениям и о том, что сама также принялась за писание дневника. «Пишу я настоящий дневник только с 18 июня прошлого года. Решение пришло после раздумья над Вашим «Дневником». Она пишет о положении дел с культурой у них в провинции. Это ведь Чита, город, из которого вышло в свое время довольно много интеллигентов. «Завтра собираюсь в библиотеку, чтобы прочитать «Литературную газету» и «Литературную Россию». «Литературная газета» уже год не поступает у нас в розничную продажу». И вот еще абзац из её письма: «В провинции вообще никто не знает современной литературы — откуда нам знать литературные новинки, если хороших книг и хороших газет нет в продаже, если многие журналы недоступны? У нас ведь даже канала «Культура» нет». Размышления Ахматовой иногда совпадают с моими. Галя рассказывает о том, что в один из экзаменационных дней абитуриенты писали диктант по Ал. Меню. Меня оставляю на ее совести. «Текст плотный. Но абитуриенты не представили его глубины в должной мере, потому что не знали многих слов, а следовательно, написать их правильно не сумели». И последнее мое с Галей совпадение. Она пишет, что купила перед отъездом из Москвы книжку П. Коэльо «Одиннадцать минут»: «И в середине чтения я поняла замысел и расстроилась, потому что это Акунин в бразильском варианте». Вообще, интересное письмо, хотя и таит в себе одну определенную опасность, и в большую, кроме вежливой, переписку я с Галей вступать не стану.

Днем был небольшой закусон по поводу последнего экзамена Маши Царевой. У нас вообще в институте последнее время всё какие-то маленькие праздники. Но, видимо, это на благо — разговоры, мечты держат всех в тонусе. Вечером ездил в «Сатирикон» на «Доходное место» по Островскому. Островский — совершенно беспроигрышный писатель. Получится ли, не получится спектакль — зритель все равно с упоением готов слушать текст, так как текст всегда про наше сегодня. Разве не актуально «Доходное место», разве борьба за место в Думу, за думские комитеты только лишь борьба за самореализацию политиков? Да нет, как было и два века тому назад, это борьба и за доходное место. Жадова играл все тот же Денис Суханов.

Спектакль интересный — большой, яркий, хотя и без декораций, только какие-то передвижные табуреты. Я опять думал о том, что у стационарного театра есть огромный эстетический «приварок» по сравнению с антрепризами, которые всегда сокращение, прожекты на одного-двух актеров, а русский спектакль — целая картина жизни. Эстетика Райкина — всегда гротеск, доходящий до гиньоля, иногда до клоунады. Блестящая Кукушина, вдова коллежского асессора, в исполнении Анны Якуниной. Чудная сценка, когда эта дамочка, подоткнув подол и отклячив худой зад, моет полы.

Еще днем возил собаку показывать врачу. Все разрешится в понедельник. Рана на бедре у нее пока не заживает. Главное, чтобы было все в порядке с гистологией.

24 января, суббота. Звонил утром из «Мосфильма» Орлов. Я не писал об этом, но уже давно ведутся различные переговоры относительно организации на «Мосфильме» неких курсов редакторов. Спохватились! То боролись с любой редактурой, цензурой, а теперь опомнились. Наши курсы корректоров в институте, которые мы превентивно открыли, пока работают на 1/5 — 1/6 своей мощности. Но их могут хватиться, и скоро. С Орловым мы долго беседовали, обсуждая программу этих курсов, и я из своих скудных средств пытался выкроить какой-то курс, но для этого надо было сначала договориться с Минераловым, со Смирновым, и я отчетливо понимал, что всё это паллиатив, нужно было найти идеальную фигуру, и она нашлась — я вспомнил о Петре Алексеевиче Николаеве. Дополнительным моментом явилось и то, что он живет от «Мосфильма» недалеко, совсем рядом. В смысле знаний и в смысле внутренней эмоциональности он, конечно, профессор-орган, может играть на любых трубках. Итак, утром звонили и Орлов, и Николаев. Орлов благодарил, Николаев советовался.

Газеты заполнены различными материалами по поводу «захвата дома на Поварской». Вырезки из газет на эту тему мне аккуратно сложил в почтовый ящик Ашот. Демократическая пресса, естественно, как бы всё переиначивает, и по поводу союза Василенко, и по поводу союза Казаковой, и даже по поводу «Дружбы народов». Я собрал свою информацию и узнал, что никто за аренду не платит, никто не оплачивает телефон и электроэнергию, вдобавок ко всему все эти региональные союзы, живущие в Доме МСПС, ведут против этого направления непрекращающуюся войну. А зачем? Газеты пишут, что, мол, старший Михалков собирается все это сдать под рестораны и казино. Ну что ж, все сдают, важно только — на что пойдут вырученные деньги. Если они пойдут на попытку удержать

русское пространство в странах СНГ — это не так уж плохо. Замечательно, что в этой ситуации, чуть ли не обрадовавшись ей, вдруг отсветились, казалось бы, уже давно ушедшие с арены такие фигуры, как Черниченко, Оскоцкий. Оказывается, еще действуют. На самом деле силы сейчас поляризуются на другом принципе: за русское государство во главе с Путиным — или за демократический бедлам. Бунимович и Швыдкой поддерживают выселенцев. А чего их поддерживать? Давно надо всех разъединить, развести по разным квартирам, кстати, и у Евг. Бунимовича и Мих. Швыдкого есть все, что надо дать этим союзам, чего они вожделеют — помещение, ведь и в зоопарке не держат всех тварей в общей клетке! Идеологические противники, надо их разводить.

Вечером одна из телепрограмм нанесла удивительно мощный удар по министру культуры. Это в программе А. К. Пушкова «Постскриптум». При всей независимости автора программы, я не думаю, что подобная акция не была согласована где-нибудь достаточно высоко, а не только на уровне московского мэра. Скорее всего, это связано с очень уж заметной осью: Швыдкой — Кобзон. Но вернемся к Швыдкому. Его били его же демагогией, по его же рецепту. Очень интересно говорили Юр. Поляков, Вас. Ливанов, Сав. Ямщиков, Ник. Губенко. Все люди заинтересованные, но по-разному. Вообще, в последнее время много идет разговоров и о коллекции Балтина, которую так эмоционально, на дворовом чувстве справедливости, Швыдкой собирается передавать Германии, и по поводу «Культурной революции», передачи Швыдкого. «Культурную революцию» я смотреть перестал, мне стало неинтересно, так как, хотя вопросы автором ставятся любопытные, но приглашается на это какая-то несерьезная тусня. Швыдкой любит говорить, что готовит все четыре передачи за один день, в воскресенье, дескать, в свободное от работы время. Основная функция у министра культуры — охранительная: не подрывать основ культуры, а сохранять их, «поливать маслом бушующее море».

25 января воскресенье. Был у Владислава Александровича, обсуждали с ним вопрос учебников по позиционному обучению. Он молодец, свои Средние века сделал образцово и, кажется, готов сделать всю оставшуюся зарубежную литературу. Нашим я предлагал это в течение пяти лет, но все заняты своими делами, даже не хотят заработать. Русская лень выше всего. Во время моего пребывания у В. А. звонил Виктор из Екатеринбурга. Я сказал, чтобы читал мое интервью в «Комсомолке». Был у него намёк, что вот, дескать, интервью писателя, которого он знает, но который уходит с литературной и художественной арены. Я сразу

спросил: а читал ли ты статью, которую напечатала «Литературная газета»? Но это он уже не читает. Вот так и возникают мнения. Он даже не понял, что за этим интервью стоит огромный роман, о котором в Ленинские дни протрещало радио как о лучшем, что сделано в последнее время на эту тему. «Комсомолка» стала совершенно «желтой» газетой, и надо беречься её.

Днем звонил Тане Скворцовой, поздравлял с днем ангела, расспрашивал о Леве. На той неделе ему, возможно, будут делать операцию. Дело у него с ногами серьезное, меня это очень волнует. Я еще раз был поражен его мужеством — он никому никогда ничего об этом не говорит. Это и моя позиция — о собственной боли нечего рассказывать, это никого не интересует.

Около семи, перед тем как я ушел в клуб поднимать железо, смотрел познеровскую передачу о Ленине. Познер умный и хитрый человек, но неужели он не понимает, что с таким акцентом, тряся имя Ленина, он постоянно саморазоблачается? Было пятеро «взвешенных» приглашенных: Витя Ерофеев — человек острый, с воображением, с определенными корнями; Александр Николаевич Яковлев, которого мы все хорошо знаем как ренегата, любителя Америки, человека, по словам прессы, которого в юности пасла американская разведка; был приглашен также главный режиссер Ленкома Марк Захаров, автор нашумевшего хита: «Сожжение партбилета в пепельнице», а также других не менее в свое время доходных спектаклей о Ленине. С другой стороны, было двое стариков: Рой Медведев и Сергей Георгиевич Кара-Мурза. Я думаю, что зал с его аплодисментами был искусно и талантливо подобран помощниками Познера. Я еще раз хочу сказать, что демократ начинает уходить в демагогию. Но неколебимыми остаются самые простые формулировки. Опускаю и старую антиленинскую аргументацию, и «пароход философов», и так называемые концлагеря, и призывы Ленина «к повешению и расстрелам», — считаю, что это не более чем словесные ходы. Самое главное случилось тогда, когда в ответ на эти басни Кара-Мурза назвал Яковлева и Захарова ренегатами: чего, дескать, с них возьмешь? Вслух, прилюдно, публично. Это словечко, несколько выпавшее из обращения, всё поставило на место. Оно, кстати, из ленинского лексикона. Было также занятно наблюдать за Познером, все время укорачивавшим «чужих», говорящих, в отличие от «своих», довольно аргументированно и точно, и предоставлявшим в избытке для говорения банальных вещей слово «своим». Смешна была ситуация с деньгами Парвуса, которые тот давал на революцию. Интересно, а наши демократы разве не получали никаких денег?

Не ездили за счет госдепартамента в Америку и другие страны? Не получал ли Валенса какой-то заграничной помощи? Это ведь обычное дело, когда одно государство борется со структурой и строем другого и пытается его разрушить. Замечательно, что при всей якобы придуманной познеровской победе — он испытал настоящее поражение. Наполеон ведь тоже, кажется, победил при Бородино, но чисто формально. Русские войска отошли, а чем кончилось дело?

26 января, понедельник. Пословица не обманывает — день действительно тяжелый, таким он и получился для меня, хотя закончился довольно удачно, я бы даже сказал — счастливо. Еще в пятницу испортилась казенная машина, а после своей женитьбы на внучке Марка Галлая наш шофер Коля почувствовал себя человеком раскованным, поэтому в пятницу машину чинить не стал, ушел с обеда, а повез ее в ремонт только в понедельник. Это, конечно, спутало все карты: банк, машину за А. И., прочее. Я предупредил В. Е. Матвеева, что часа в три мне нужна машина, чтобы отвезти собаку в лечебницу, а в пять — чтобы ехать в индийское посольство. Сам бы на своей «Ниве» я сделать всего не поспевал. Мне хотелось успеть сделать и рабочее, и домашнее, жить в ситуации неизвестности в отношении собаки было уже невозможно. Все мои планы, конечно, рухнули. В. Е. распорядился по-своему, он вообще побаивается наших шоферов и особенно стережет, не давая ему перерабатывать, Мишу. В. Е. дал мне в помощь Толика, но по дороге домой машина сломалась и стала. Пришлось возвращаться в институт, доставать из гаража свою машину. На все это нужно было время и нервы. Взял несчастную собаку, всю перевязанную и побитую, и поехал в лечебницу. И вот первая удача: опухоли у нее не злокачественные, а с одной раны даже сняли швы, другая будет еще долго заживать, ее надо только мазать люголем. Попутно купил еще одну банку. Но это лишь один сюжет, и этот сюжет наслаивался на первый. Двоих ребят, которые с группой студентов отправились в Данию, сняли с рейса: это Антон Соловьев и Соня Луганская. Жалко ребят до слез, а главное, все это по полной глупости. Наш международный отдел поверил каким-то слухам, разговорам и не потребовал с этой сладкой и, кажется, влюбленной парочки, которым всего лишь по 17 лет, нотариально заверенного разрешения их родителей на поездку. Такая бумага по закону требуется на выезд из страны. Я даже представить себе не могу те чувства, которые ребята пережили на аэродроме. Вдобавок у них сломались каникулы, пропала вся их подготовка, подарки и т. д. И самый бессмысленный парадокс: они сами задали этот вопрос в международном отделе — нужна

ли эта самая справка? Вот это отношение к действительности меня начинает все больше и больше пугать. Не хочу называть фамилий — но один читает практически никому не нужный предмет, и читает плохо, другой читает предмет нужный, взял самые громкие и известные имена, но читает с такой удивительной скукой, с отсутствием хотя бы малейшего блеска… третий давно пропился, но сделать с ним ничего нельзя, за него общественность. Четвертый сделал институт местечком, где можно только получать зарплату, числиться. Ну да ладно. Далеко не все такие. Но всё чаще думаю о том, что пора кому-то всё сдавать, и пусть новые молодые силы разбираются со всем.

Вечером показали по телевидению очень смешную пресс-конференцию «невыездного» депутата Государственной Думы Иосифа Кобзона. Он жалуется, что депутаты нового созыва не идут к нему в комитет по культуре, что по-настоящему подготовленный в Думе человек, который мог бы работать с ним в комитете, — это бард Розенбаум. И тут же Кобзон рассказал некую маленькую историю о том, как он пробил через новую бюрократию конкурс артистов эстрады, и в результате этого у нас теперь есть артист, лауреат этого конкурса, — мастер художественного свиста. Я пишу об этом не в целях ущемить, как-то ущучить Иосифа Давыдовича, но, признаемся, все это звучит довольно смешно для парламентского старта.

27 января, вторник. День довольно продуктивный. Продиктовал целый ряд писем, кое-что решил с общежитием, в институте проводят пожарную сигнализацию. Накануне спал очень плохо — это сказывалась ситуация с оставшимися в Москве ребятами, которая не дает мне покоя. Утром хорошо разрядился на С. П., Вл. И. и Игоре — собирал международный отдел. Компания приводила разные причины, прозвучало даже слово «недоразумение», но все это лишь результат глубокого внутреннего равнодушия. Оно во всем: успокоились, что ребята добираются до аэродрома своим ходом, и никто из международного отдела даже не поехал их проводить. Топор репрессий поднят.

По инициативе В. С. я уже давно собирался подать в Союз кинематографистов, меня бы приняли в него и пять, и десять, и пятнадцать лет назад. Наконец собрал материал, потом пришлось срочно писать автобиографию, и мы ее с Е. Я. сварганили за десять минут диктовки. Самому понравилось, как отписался. Но если мой Дневник до некоторой степени роман, который я сам двигаю, сам подбираю события и сам редактирую, то в романе должна быть какая-то предыстория героя. Один штрих из этой предыстории, как и любой написанный фрагмент, он лишь

отчасти является некоторой правдой. Отчасти!

АВТОБИОГРАФИЯ

«Я, Есин Сергей Николаевич, родился 18 декабря 1935 года. Я всегда пишу, что моя мать по профессии юрист, из крестьян, а мой отец, арестованный по расхожей статье 58/10 в 1943 году, был заместителем военного прокурора г. Москвы. Всё это справедливо. Но на самом деле, в семье я — первый человек с высшим образованием, потому что моя мать закончила какие-то двухгодичные курсы, а отец не доучился в Московском государственном университете. Люди они были безусловно талантливые.

Как ясно уже из первого абзаца, после 1943 г., т. е. ареста отца, моя жизнь стала до некоторой степени другой, по сравнению с жизнью моих сверстников, имеющих иной аспект своей биографии, — сын репрессированного. Ощущение «там говорят», «об этом говорить нельзя» преследовало меня, собственно, всё время. Тем не менее жизнь моя в целом сложилась довольно складно. Я окончил университет, а перед этим — школу экстерном, стал сначала журналистом, потом писателем. Я начинал как журналист в газете «Московский комсомолец», с маленькими заметками, затем работал в «Комсомольской правде», но вообще-то у меня за всю жизнь было практически два серьезных места работы, где я провел не один десяток лет: это Всесоюзное радио, где я был корреспондентом, потом заведующим отделом, потом главным редактором когда-то чрезвычайно популярного журнала с пластинками «Кругозор»; затем, наверное, лет восемь, я работал на Всесоюзном радио в должности главного редактора литературно-драматического вещания. В «Кругозоре» я работал вместе с Галиной Шерговой, Юрием Визбором и Людмилой Петрушевской. Работая в литературно-драматическом вещании (Литдраме) — это второй «узел» моей рабочей биографии, — я встретился с огромным количеством знаменитых писателей и артистов. Впрочем, этой областью жизни я интересовался всегда, и в «Комсомольской правде» работал в отделе литературы и искусства. Журналистика, особенно когда ты стоишь на оценке, почти всегда неизвестная, почти всегда анонимная. Тем не менее я горжусь тем, что в «Кругозоре» я подписал выход в свет первой пластинки с песнями Булата Окуджавы (это была перепись с его французского диска), а в литературно-драматическом вещании я стоял у замысла огромной серии «Тихого Дона», записанного с Михаилом Ульяновым, литературных чтений по «Анне Карениной» с Татьяной Дорониной, замечательных работ Анатолия Васильева по «Портрету Дориана Грея», к которым были привлечены

Бабанова и Смоктуновский. Если уж речь зашла о Смоктуновском, то монолог Гамлета в его исполнении был мною записан на пластинку еще до выхода на экран фильма Козинцева.

В Литрдаме тогда же были записаны главы из «Идиота» со Смоктуновским, спектакли по произведениям Шукшина, Искандера и многое другое, чем можно было гордиться.

Главным событием своей жизни я считаю брак с Валентиной Сергеевной Ивановой, известным кинокритиком. Уже через многие годы после нашей довольно неровной семейной жизни я пришел к твердому убеждению, что мужчина стоит ровно столько, сколько в него вложила женщина.

Моя история как писателя не представляет особого интереса. Но так получилось, что за свою творческую жизнь я написал несколько бестселлеров. Первым из них был рассказ «При свете маленького прожектора», вышедший в 70-е годы в «Юности». Потом шли другие рассказы и повести, которые читались, и я ощущал, что меня хорошо знает читатель. В 1985 году вышел роман «Имитатор», о котором достаточно много говорили. С 1988 года я работаю в Литературном институте как руководитель семинара, а с 1992 года в результате открытых альтернативных выборов я был избран ректором этого института. Административная работа не сладкая, но тем не менее открывает много возможностей и много разнообразных контактов. Мне это нравится. Но у меня есть четкое понимание того, что литературная работа — это главное.

За последнее время я написал, наверное, четыре или пять романов, у меня вышло достаточно книг, в том числе и теоретических, я оказался лауреатом довольно многих литературных премий. Впрочем, первую свою премию я получил как фотограф за книжку о Вьетнаме «Между залпами», сделанную совместно с Николаем Солнцевым. В 1995 г. я получил за роман «Затмение Марса» премию им. Катаева, а в 1996-м стал лауреатом премии Москвы. В 1999-м был удостоен международной премии им. Михаила Шолохова, в 2003 году — премии Александра Невского.

Свою жизнь я связываю только с литературой и искусством. Я очень люблю кино и довольно много о нем писал. Исключительно под влиянием своей жены я заинтересовался кинофестивалем «Литература и кино» в Гатчине и сразу же увидел, что этот фестиваль нужен нашему институту, помогает ему, и Литинститут стал учредителем фестиваля.

Для меня большой потерей была смерть моих родителей, впрочем, они давно развелись, сразу после возвращения моего отца в 1955 году из лагерей. У меня есть сестра от второго брака

моего отца, она живет во Франции.

Сейчас я пишу новый роман под названием «Марбург». В нем довольно разнообразная галерея действующих лиц: Пастернак, Ломоносов, некий Автор, который, кажется, преподает русскую литературу, его жена и собака Автора. Такова жизнь. Мне очень хотелось бы узнать — как она пойдет и как закончится. Но разве кто-нибудь это знает?»

Моя бесконечная письменная деятельность, занудная переписка с должностными людьми, мои письма, которые я хочу сделать на уровне художественной литературы, кажется, начинают приносить плоды. Но во всех случаях надо широко и много сеять, буквально засеивая все вокруг, чтобы хоть где-то зазеленел хоть один бутончик… И надо учиться ждать.

Поступило удивительное сведение из Министерства культуры: нам все-таки дают около миллиона рублей на ремонт ограды. Вот тут и подумаешь, стоит ли подкусывать Швыдкого? Хоть медленно, но что-то он делает. Сказали, что Н. Л. Дементьева также в курсе (не зря она к нам приезжала). Конечно, за 30 тысяч долларов ограды не сделаешь, но можно к ним что-то прибавить, что выдадут нам на капремонт, еще что-нибудь растянуть. Вот тут меня серьезно начал волновать тот барельеф, который сломали в самом начале перестройки — если бы удалось его восстановить, и его, и разрушенный грузовиком с водкой пилон! При всех условиях, когда закончим ремонт, я добьюсь, чтобы на ограде стояла табличка, указывающая, что реставрация происходила с помощью Министерства культуры, постараюсь поместить туда и имя Швыдкого.

Несколько дней назад пришло письмо от Марка и Софьи Авербух из Америки. С Марком я познакомился мельком на Франкфуртской ярмарке, мы тогда же говорили о некоем гранте для наших выпускников. И вот грант оказался солидным — тысяча долларов. Теперь все входит в нормальную колею. Трогательная деталь: Марк — автор письма, характеризующий себя как «одержимый и запойный читатель», судя по всему, человек не очень богатый; он говорит, что не может планировать грант на 5–6 лет, а может лишь на три года. Вторая деталь, тронувшая меня до слез: грант создан в память сестры Софьи, некоей Анны Хавинсон. Думаю, что она не была ни деятелем литературы, ни писателем, просто обычная героическая женщина, есть такие, которые своей внутренней мудростью способны стабилизировать как минимум собственную семью. Из письма и документов Марка я вычитал и цитирую сейчас такую фразу: «Помню, в молодости меня поразил вычитанный из книги М. Горького факт, как они, вместе с Шаляпиным и Станиславским,

определили юного Маршака в Ялтинскую гимназию, взяв все расходы по его содержанию. В советское время много помогал К. Симонов, в частности купил кооперативную квартиру Надежде Мандельштам. Борис Пастернак собственноручно отправлял денежные переводы в ссылку Ариадне Эфрос, дочери Марины Цветаевой. Представьте себе Бориса Леонидовича в пальто и кепке, стоящим в очереди на почте… А ведь было, было!»

Я, наверное, сентиментальный человек, но меня это тронуло.

Вечером, вместе с Лешей Тиматковым и Анной Русс, ездил в ЦДРИ на вечер «Литгазеты», где ребята представляли Литинститут. Я также сказал несколько слов, а представляя Анну Рус, даже пофантазировал, что, наверное, в свое время так начинала Белла Ахмадулина. Потом, когда прозвучали ее стихи, мне сказали, что в моем представлении особого преувеличения не было. Ребята хорошо прочитали ясные, неподдельные (а сейчас много пишут поддельных стихов) свои стихотворения. Еще интересная деталь: Анне я предложил выступить на вечере, когда у нее уже был на руках билет в Казань. Тем не менее, побывав там день-два, она специально вернулась. Я обязательно постараюсь возвратить ей деньги за билет, я люблю таких людей, люблю и Лешу Тиматкова, который сейчас работает одним из выпускающих в ТАССе, и, возможно, вместе со своей музыкальной бандой, которую он собрал (они все не могут обойтись без собственной группы), поедет в Гатчину.

28 января, среда. Основное событие дня — стихи Максима Лаврентьева. Это наш выпускник, заочник, правда я его совершенно не помню, несколько раз приходивший с просьбой как-нибудь устроиться в институте. Сказал, что хорошо владеет компьютером. А я как раз решил уволить другого нашего компьютерщика — Задорожного (в Дневнике говорить не буду, но ни его стиль, ни его отношение к делу меня не радовали). С утра с Максимом сели перед компьютером и рассмотрели наш файл. Максим уже до этого многое сделал, видимо, очень трудолюбив, намучился, работая в каком-то автосервисе. Я подумал, что надо дать ему в институте что-то подработать. Между делом заговорили о стихах (он из семинара Николаевой). Я не люблю студенческих стихов, так как здесь приходится напрягаться и как бы не замечать того, что в таких стихах невозможно не заметить. Перед тем как прочитать стихи, Максим долго мне что-то объяснял, и вот, может быть, мне это легло на душу, но стихотворение его показалось мне грандиозным, оно было посвящено смерти его подруги-поэтессы. Конечно, одно-два стихотворения у каждого поэта бывают хороши. Но и стихи об «исламской зелени» на Севере мне тоже показались

выразительными, думаю об этом весь день. Во время вечера «Литературной газеты» я договорился о подборке стихов в ней Анны и Алеши. Надо дать и стихи Максима.

После работы, как договаривался, ездил в журнал «Наша улица». Это первый в стране частный журнал, его ведет Юрий Кувалдин, мне журнал нравится, я там печатаюсь, печатаются и наши ребята, я даже отчасти завидую Кувалдину, это ведь прекрасный вид деятельности… Но дома N 15, как стояло у меня в бумажке, я так и не нашел.

Вечером же по телевидению шла «Агония» Элема Климова. В свое время о фильме ходило много слухов, сейчас он выглядит довольно иллюстративным, и при всем его как бы протестном и аллюзивном характере в нем все равно чувствуется именно та идеологическая установка.

29 января, четверг. Где-то в половине пятого проснулся, почувствовал, что Долли скулит. Вчера вечером у нее было плохо с желудком, потому что В. С. всегда ее перекармливает, не задумываясь над тем, что у собаки другое, отличное от человека, пищеварение. Она дает ей слишком много сладкого. Мне стало жалко собаку, и около пяти я пошел с ней на улицу, потом давал ей фестал. Возможно, на нее плохо действуют антибиотики, которые я ей колол несколько дней подряд. Рана ее пока заживает плохо, она ее расчёсывает и не хочет носить штаны, которые я на нее все время натягиваю.

В 7 утра начал читать книжку С. Семанова «Русско-еврейские разборки. Наша родина — Советский Союз». Изд. Алгоритм (400 стр). Возможно, эта книжка кому-то и полезна — этакий ликбез на тему, но мне она кажется некоей эквилибристикой, достаточно поверхностной журналистикой — все те же сведения, те же имена: Борщаговский, Кобзон, Бовин, Чубайс. Такое ощущение, что не так уж много примеров — а чего же тогда писать такую толстую книжку? Интересно мне было лишь в конце, когда пошла разборка книги Яковлева, вернее, конспекта её (кто же будет полностью читать его книгу?) Там пошел пересказ фильма Зельдовича, сына Аллы Гербер. Здесь автор объяснил всю ту мерзость, которую описывает герой: он трахает, через карту — в которой вырезает то место, где обычно на картах располагается Москва, — героиню. Всё это кажется даже отчасти смешным. Символизм: Маша — Россия, Оля (другая героиня, имя первой русской святой). Этот символизм мне показался наивным. Книгу ни в коей мере нельзя сравнить с замечательным трудом А.И. Солженицына «Двести лет вместе». Когда же мы наконец закроем эту тему?

Три заслуживающих внимания эпизода. Во-первых, в три часа

состоялось заседание ученого совета. Естественно, все были недовольны, потому что, полагаю, думают, что каникулы — и для них, а не только для студентов. Но мне надо было утвердить ряд документов. Совет прошел хорошо, как всегда. Жаловались на физкультуру, ибо, что ни говорите, у Елены Алимовны и у Светланы Викторовны свой взгляд на это вполне государственное дело. Правда, здесь они расходятся с президентом, но им виднее. Из-за физкультуры в Данию бесплатно не поехала Скидан — хорошая девочка, успешно учится, но на физкультуру не ходит. Не поехал также и Фролов, у которого долги не только перед деканатом, но и перед Тычининым.

Наш ученый совет — все-таки довольно амбициозная организация, консервативная. Я вот сейчас читаю замечательную книжку Ал. Белокопытова, большая часть которой посвящена Литинституту и его жизни. Об этом пишут многие писатели, окончившие институт; общежитие и институтские происшествия — их добыча. Так вот, Белокопытов, начиная свое повествование, сразу обозначает — любого студента, любого писателя он заранее, зная характер амбиций, называет знаменитым. Уточнять не буду. Довольно кисло.

Ученый совет прохладно встретил сообщение о том, что Пронин сделал великолепную работу для дистанционного обучения по Средним векам. Я хорошо помню, как навязывал подобный курс по введению в литературоведение лет пять тому назад Лёше Антонову — и он этого не сделал; навязывал и Минералову — и тот этого не сделал. И никто не сделал. А человек со стороны взял и сделал. Обидно. Зашла речь о Приставкине. Всплыло пятеро студентов, которые не могут написать дипломной работы, в основном потому, что не видят руководителя. И тут я сказал ученому совету: давайте дружно проголосуем, чтобы я не продлевал Приставкину контракта! Но я ведь знаю, что вы всё это водрузите на меня. Так оно и получилось, всё ушло в песок, да и я не подумаю сейчас кого-нибудь увольнять. Мне осталось два года, и дальше я уже буду жить как наблюдатель. Я сделал всё, что мог, но коли вы мне не помогаете — дальше вам будет жить хуже. Я также бросил такую фразу (имея в виду конкретных людей): «Если бы я был не выборным лицом, а хозяином института, я человек пять уволил бы немедленно; один плохо читает, другой читает скучно, третий облегчает свою нагрузку и загружает студентов ерундой». Но это возражение, практически сформулированное мною впервые. Всё пойдет по-старому — я буду латать, чинить, замазывать прорехи.

Днем пришел Лёня Колпаков и принес мне страничку, написанную на компьютере, с обведенным красным карандашом

абзацем. В «Литературной газете» идет огромная статья-воспоминание Е. Сидорова, сделанная из кусочков, жанр «из записной книжки». И там есть абзац, касающийся, кажется, меня. Собственно говоря, Леня забежал сказать, что в статье висят огромные хвосты, и он совершенно спокойно может эту инвективу сократить. Я сказал — ни в коем случае, всё это более всего характеризует автора, и потом: не лишай меня острой строчки в собственный Дневник. Волнения Лени связаны с тем, что он всё очень хорошо знает. Но по порядку. Начну с цитаты:

«Литинститутцы к юбилею неожиданно прислали анонимную теплую телеграмму с подписью: «От «А» до «Я». Видно, нынешний ректор всерьез озабочен поддержанием своего авторитета и строго следит за проявлением инакомыслия. Иначе, к чему бы такая коллективная таинственность? Впрочем, жаль человека, слабого и неспокойного, который все время сомневается в душе: настоящий писатель он или нет? Отсюда поиски жанра, включая дружеские, вполне не анонимные журнальные дневниковые характеристики приятелей своей литературной юности и даже нынешних сотрудников, слегка смахивающие на доносы».

Теперь приступим к разбору.

Кажется, летом, как раз в дни юбилея Е. Ю., Лёня пришел ко мне и сказал, что сегодня празднуют юбилей, на это я ответил, что нужно дать телеграмму, и написал веселую, красивую телеграмму, от начала и до конца сам. Стал раздумывать, как ее подписать. Подписать «Сергей Есин, ректор» — будет до некоторой степени обидно: дескать, вот, не пригласили на именины, вот, поздравляет один. Поэтому подписал, и Сидоров усматривает здесь какую-то определенную цензуру: «От «А» до «Я»».

После того как разобрались с подписью, стоит, кажется, разобраться и с приятелем литературной юности. Деликатный я все же человек: приятели, конечно, приятелями — но разве не из-за приятелей сожгли мою квартиру? Я понимаю, что приятели — люди опытные, никаких бумаг на аренду не подписывали. Но каким образом огромный гараж был сдан по цене телефонной будки — я не знаю, да и что там писать о поисках жанров у человека, который создал почти десяток романов! Русские писатели всегда пишут кроме романов что-то другое — и дневники, и занимаются школой (был такой в Тульской губернии) и там же писали дневник, и в Санкт-Петербурге писали Дневник… А если всерьез говорить о занятости — то да, быть ректором да еще оставаться писателем-романистом очень трудно. Наверное, еще труднее быть министром культуры и оставаться просто писателем. Вот у Мальро это получилось, у Стендаля,

который еще был и консулом в Читто Веккио — тоже получилось.

Вечером долго сидел в «Форте» с Юр. Ив. Бундиным. Как всегда, его рассказы были для меня интересны и очень информативны. Он кое-что рассказал и о преподавателях, о которых шла речь на ученом совете. На Старой площади многое видят. В «Форте» играли тяжелый рок, как всегда, безукоризненно-артистичен Алексей Козлов, и совершенно фантастически пел молодой парень, услышанный мною впервые, Валера Каримов. Какой внутренний посыл, какая страсть, после этого трудолюбивого г-на Киркорова можно отправить в четвертый эшелон. Возвращался домой на метро. Вся Москва завалена снегом, холодно.

30 января, пятница. Телевизионный рейтинг напечатан в «Независимой газете». Кажется, в лице Вартанова я окончательно потерял «Труд». Теперь бываю очень рад, когда кто-то из газетчиков поинтересуется моим мнением и напечатает его без правки. Это нужный, общественный аспект в моей работе по дневникам. Вот теперь вышла пятничная газета. Как это подано и сделано, мне нравится.

Телезрители о лучших(1) и худших (2) программах, а также о самой заметной телеперсоне (3).

Сергей Есин, ректор Литературного института

1. Меня восхитил Владимир Познер своей передачей о Ленине («Времена», Первый канал). Я просто с огромным восхищением смотрел, как умело хитрый и умный ведущий затыкал рот «чужим» и давал говорить «своим». Хочу обратить внимание на знаменитый факт — впервые публично Марка Захарова и Александра Яковлева назвали ренегатами. Заслужили! Познер этот раунд, фигурально выражаясь, выиграл — но ведь и Наполеон победил при Бородино…

Лучшая передача и лучший телеведущий Артем Варгафтик с «Оркестровой ямой» («Культура»).

2. Безумное такое ощущение, что по всем каналам идет один и тот же фильм со взрывами, горящими машинами, автоматными очередями и катящимися по асфальту телами. Такие сериалы?.. Такой подбор фильмов?..

3. Самая заметная персона — плачущая и стонущая Хакамада.

Я. Засурскому понравился Бакланов, Т. Бек — Рязанов, Н. Ивановой — все, что по «Культуре» и отдельно «Драгоценные свидетельства об Александре Твардовском в авторском цикле Григория Бакланова…» Впрочем, и мне Бакланов нравится…

Вечером ходил на «Иванова» в театр Гоголя. Я понял, почему мне этот театр нравится: здесь сугубо русская стилистика, актер дышащий, а не только двигающийся. Я каждый раз удивляюсь

тому, что этот замечательный театр так мало посещают зрители. В этом сказывается какая-то постоянная недоброжелательность критики, отдаленность театра и совершенно русский режиссер Сергей Яшин. «Иванова» здесь я смотрю уже второй раз и постепенно понимаю, что написать, как я хотел, о театре, я смогу лишь тогда, когда спектакли станут моею собственной историей.

Сцена первого появления Сары, которую играет Светлана Брагарник, поразительна. С таким разнообразием мелких деталей может играть только еще одна актриса — Ольга Яковлева. Брагарник несколько за последнее время располнела, но внутреннее пламя, которое бушует внутри, все компенсирует. Как всегда, хорош был и Гущин. Вот здесь тоже, как и в любом крупном театре, нет провальных мелочей, даже массовка хороша. В характере Сережи Яшина перепады диапазона: от мелких импрессионистических мазков до разгула гротеска, он все это увязывает, ушивает, как в русской литературе. Это чисто русское дыхание, и оно может показаться кому-то из критиков непонятным, неестественным.

31 января, суббота. Еще вечером принялся читать работу Михаила Петровича Лобанова. Об одном аспекте русской литературы, ее христианском начале и компоненте. Взгляд с одной точки, и взгляд этот очень интересный. Все достаточно доказательно, много деталей, цитат, как бы краткая история русской литературы, по вершинам. Есть довольно веский еврейский компонент, но М. П. опытный литератор, все лежит в доказательной области. Видно, что материал собирался долго, знания не цитатные, а медленно нарабатываемые, огромные, работа без малейшей претензии, говорит о том, что как бы очевидно. Все построение идет от «Слова о Законе и Благодати» до пьес Чехова, последнего русского классика XiX века. Несколько замечаний у меня есть.

Написал страничку в роман. Великое дело, когда пишешь медленно.

1 февраля, воскресенье

Звонил с утра Саша Рудаков, мой старый, еще по радио, соратник. Он сейчас занимается какими-то передачами на Америку, и вызванивал меня, чтобы я приехал ночью на телевидение. Я почему-то здесь озлобился, задал ему провокационный вопрос: а другим писателям вы платите? Разве только сатирикам и смехачам, сказал Саша. На новый год Арк. Инину и еще одному сатирику заплатили по триста долларов. Но ведь это еще паблисити. Мне, ответил я, никакого паблисити в Америке не нужно, без денег я не поеду. Я уже давно заметил, как настойчиво и нагло телевидение пользуется интеллектуальным трудом писателей, не платя им ни копейки, в то время как сами себя не забывают. Разве они кого-нибудь из артистов без оплаты пригласят? Или телевидение не платит только писателям-баранам?

Но слава телевидению, оно иногда приносит поразительные вести. Сейчас в интернете появился новый чрезвычайно опасный вирус. Майкрософт, знаменитая американская компания, которая владеет плантациями интернета и авторскими правами на многие компьютерные программы, обещает 500 тысяч долларов за какие-либо сведения о создателе этого вируса-убийцы. Тут же уверяют, что 80 процентов из ста — за то, что создатель этого вируса или коллектив создателей живет в России. Браво! Русская мафия, русская душа, грозный русский хакер. Не станут ли хакеры социальными мстителями?

В «Родине» некий скандал и перетягивание каната между С. Глазьевым и Д. Рогозиным. Судя по сообщению опять-таки ТВ, в биографии Д. Рогозина была попытка поступить в театральное училище. Так ли это?

2 февраля, понедельник. Утром прямо из дома поехал на пленум СП России. С волнением пытался найти какие-то новые лица, но увидел лишь постаревшие. Из новых и молодых — только наш А. Шорохов и еще окончательно не состарившиеся А. Сегень и Н. Переяслов. Времени особенного не было, я не так свободен, как многие из присутствующих, не смогу поехать ни завтра в Лавру, ни даже блаженствовать и переговариваться в зале. Зал, кстати, был полон, это немногие случаи, когда есть возможность как-то соединить людей, все соскучились по подобным собраниям и, наверное, с радостью обнаруживали друг друга, а ведь можно было и не обнаружить. Первый доклад я даже не запомнил и не поинтересовался, кто его сделал. Вторым, как всегда умно и взвешенно, говорил В. Костров. Разговор был о

русском языке, о школе, о телевидении. Я записал у Кострова два тезиса, которые особенно меня взволновали, вернее, формулы. Первая — «потеряем в школе классическую литературу — потеряем науку». Этот вывод сделал даже не Костров, а ученые из МГУ, обеспокоенные уровнем нынешних абитуриентов физических и математических факультетов. Литература как плацдарм для рефлексии и развития личности. Второй костровский тезис связан с телевидением — это о личностной цензуре. Я подумал, это действительно точно: приглашают исходя из того, в чьей тусовке человек.

«Что такое моя профессия — жить, а потом записывать прочитанное в рассказы, пьесы, а теперь — вот в эту книгу» (Теннесси Уильямс «Мемуары», стр. 220, 2001).

3 февраля, вторник. Главное событие дня — внезапный звонок: нам открыли докторантуру. Я уже было махнул на это рукой, но Сергей Николаевич Пахомов, оказывается, нас не забыл и свое обещание выполнил. Это очень важно — иметь в министерстве своих доброжелателей или хотя бы людей сочувствующих. Ведь в любой проблеме нет однозначного решения, каждый вопрос можно и решить положительно, и отложить на какое-то время. С этим известием я долго носился по пустому институту, но похвастаться особенно было некому. По большому счету в институте докторантура никому и не нужна, наши кандидаты не очень даже стараются идти дальше в науку, вполне довольные своим положением, а, так сказать, «научные консультанты» и руководители будущих докторантов уже даже и интеллектуально одряхлели. Но это нужно институту, для нового «поворота винта», для темпа, который должен вновь появиться, когда уйду я.

Приходил Ашот и сказал, что милая дама, которая нас курирует по линии администрации президента, сказала, что, конечно, я достоин ордена, но лучше его дать одним махом к моему 70-летию. С точки зрения бюрократки, это очень взвешенное решение, очень, я бы сказал советское, неторопливое. Но здесь разгневался Ашот, рассказав (я этого, конечно, не знал), что, скажем, вне какого бы то ни было регламента получил звание заслуженного артиста Басков (полагается десять лет профессиональной деятельности). Рассказывал мне о звании Киркорова и некоторых других недавно награжденных. Ашот этого не понимает, а я-то понимаю, как милая, наверное, еще не старая дама. любительница телевизора и легкой музыки, не очень, наверное, понимающая, что такое творческий вуз и как им управлять, что такое творческий вуз в эпоху перестройки, распределяет все эти награды и докладывет, в силу своего

понимания, все это комиссии. В общем, Ашот разгневался, потребовал у меня каких-то телефонов и принялся звонить в администрацию. Во всем этом есть один нюанс, выглядевший вполне объективно: доживет ли шестидесятивосьмилетний человек до семидесяти, особенно если он болен астмой? Второй момент, что я не буду справлять 70-летия, а 70-летие института уже справил!

Вечером пошел в ЦДЛ, в малый зал, на презентацию книги Николаевой «Испанские письма». Зал был не набит, но полон. Вел все это Сергей Чупринин, на сей раз менее важный, чем обычно, может быть, это следствие статьи Шохиной. Сначала, в качестве венка товарищей на праздник мастера своего цеха, читали стихи выдающиеся поэты: Чухонцев, Рейн и Кублановский. Вообще, все поэты старшего поколения читают свои стихи очень выразительно. Мне, правда, показалось, что читалось одно огромное стихотворение, с одними и теми же точными, но необязательными образами, с одной и той же мужественно-громогласной интонацией. Правда, у Рейна это было все то же, слышанное мною в пятый или шестой раз «Хитроу»; у Чухонцева — о каком-то русском мужике, который мочится в реку и чем-то размышляет, а у Кублановского что-то милое, гремящее, но почему-то с ускользнувшим от меня смыслом. Все это как-то по-новому, приблизительно, тяготеет к свободному стиху.

Вот стихи Николаевой мне, к моему удивлению, понравились. Это испанские впечатления, каким-то таинственным образом перекликающиеся с нашей русской жизнью, здесь есть наблюдательность, сила, некий описательный пафос. Тут же у меня по-хозяйски мелькнула мысль, что хорошо бы этот ее сборничек к чему-нибудь представить. Был и помогал в презентации батюшка, к которому письма и были адресованы, и вся большая семья поэтессы. Потом — шампанское, орехи и конфеты.

4 февраля, среда. Жизнь была бы совершенно неинтеллектуальной и бездуховной, если бы не вечерний концерт в консерватории. Роман, естественно, не пишется. Но на концерте опять вдруг возникла пауза, когда я со всей очевидностью понял, что следующую главу я напишу об операции, которую делали собаке.

Утром ездил в магазин «Метро», где накупил продуктов на ближайшие месяцы, потратил чуть ли не шесть тысяч рублей. Последний раз был в «Метро» в начале лета, теперь закончились моющие средства, консервы и прочее. А дальше на работе — приказы, подготовка документов в министерство для решения о возможной реставрации института. Здесь можно только

радоваться, мы, кажется, попадаем в бюрократическую машину, а если попадем, то, смотришь, она нас и вывезет. Я как раз утром думал, что нам в институте, в новом здании, которое, дай Бог, нам когда-нибудь построят, обязательно нужно иметь выставочный зал и необходимо продумать территорию, которую можно назвать «Музей Платонова» и «Музей Мандельштама».

Вечером ходил в консерваторию на концерт, связанный с презентацией романсов Рахманинова и музыкального цикла Свиридова в исполнении Вл. Пьявко. Этот концерт совпал еще и с днем рождения знаменитого певца. Сразу же — это совершенно иное отношение к жизни и иная духовная жизнь. Не стоит, пожалуй, говорить, что это иная жизнь, нежели современная эстрада, рядом со всем этим эстрадная жизнь и вся жизнь телевизионная, которая, конечно, отображает чьи-то (в первую очередь работников студий) вкусы, кажется просто нежизнью. Невероятная музыка и невероятные переживания. В концерте принимали участие и молодые коллеги Пьявко — тенор Урусов, бас Бойков и меццо-сопрано Ольга Смирнова(?), пели они с невероятной свежестью и мастерством, всех заваливали цветами, и все же старый Пьявко всех перепел в том же зале, который видел не один его триумф. Конечно, вначале была какая-то сухость, но столько от него шло адреналина, он так истово и с полной отдачей «гвоздил», что сомнений в его гениальном, возвышенном первенстве и возникнуть не могло. В конце, когда он закончил цикл Свиридова на слова Есенина и публика истово ему хлопала, я увидел, в щелочку через чуть разошедшуюся дверь, ведущую со сцены в закулисье, как артисты, не видимые ни публикой, ни солистом, хлопали Пьявко. На бис Пьявко пел «Соловья» Чайковского и рассказал, как сорок лет назад на одном из конкурсов Чайковского никто из теноров со всего мира не смог — а это обязательная программа — спеть этот гениальный романс, а он спел. И вот теперь, через сорок лет, он попробует повторить, как получится, не знает. И спел!

Но самое замечательное, когда в консерватории, в полном зале, наступает тишина, осязаемая и вещественная! Единящая и возвышенная тишина!

5 февраля, четверг. Утром Толик ездил и купил мне машину, «Жигули», четвертая модель, фургончик! Недостающие 20 тысяч дала Люда, жена Толика. Теперь все это придется отдавать. 10 тысяч я временно взял из распутинских денег, которые куда-то надо наконец-то деть.

В четыре часа в Московском отделении состоялось вручение его премий и премий «Московского вестника». Я был первым лауреатом вестника, а вот Юра Глазов, мой ученик, стал вторым

по номинации «молодая проза». Церемония была торжественной и трогательной. Все сидели за столом, совсем не богатом, и эта скудность и простота чем-то напоминали тайную вечерю. Я сказал несколько слов и о Московском отделении, которое именно благодаря Гусеву ничем не поступилось, не предало своего прошлого, и о лауреатах. Сейчас, когда прошло десять с лишним лет с начала писательской конфронтации, со всей очевидностью стало ясно, что только прямота и бескомпромиссность приносят какой-то, хотя бы моральный, выигрыш. Говорили о выступлении Битова о музее Платонова. Но здесь у Битова советский менталитет, этот музей кто-то должен ему открыть, но государство не может, потому что Платонов ведь разрушал это государство. Я привел свой старый пример с Прустом. И даже очень богатое государство тоже не может!

О Думе, которая предложила 7 лет президентского срока. Тенденция эта явилась с родины первых Советов — из Иванова, инициатива ивановских депутатов! Браво! Угощайтесь, хотя я думаю, что это согласованная пиаровская акция, на которую последует согласованный пиаровский ответ: Путин не захочет менять конституцию, хотя он уже задумывается об окончании своего следующего срока. Все, конечно, скажут, какой Путин молодец. Это ответ на инициативу Комитета-2008.

Вышел «Экслибрис» с моей фотографией на полполосы.

6 февраля, пятница. Еле доехал вечером до дома, таких невероятных пробок, такой плотной массы автомобилей в Москве я уже давно не видел. Объясняется все это очень просто: все, кто мог, сегодня постарались ехать на своем индивидуальном транспорте. Рано утром в метро был совершен теракт. Взорвали от двух до пяти килограммов взрывчатки в тротиловом эквиваленте, около тридцати человек убитых и сотня пострадавших. Внутренняя паника царит в Москве. Политики и телеведущие отыскивают причины. Но они всем ясны. Я их вижу только в общей системе, в первую очередь распределения, когда государство не имеет практически никаких средств, чтобы по-настоящему бороться с врагами государства и народа. Я уже не говорю о нравственном климате в стране, где тон задает коррупция и олигархия. Очень горько, тем не менее телевидение не уступило ни в чем, та же реклама и те же песни!

Все утро читал первую главу книги С. Семанова, которую я пропустил. Наверное, я к С. Н. несправедлив. Идея к повторному чтению возникла после разговора с Игорем Ш., который сказал мне, что вся соль именно в первой главе. Первая глава действительно интересна. В ней не столько сведения, сколько несколько новых повторов, в частности, о роли в процессе

«Молодой гвардии», новый взгляд на Хрущева, я бы даже сказал, есть своя периодизация еврейства в России, но в целом я по-прежнему считаю книгу эту не очень глубокой, книгой сведений. Или мне она скучновата после Солженицына? Рядом с литературой по этому вопросу — беллетристика.

Толик купил мне вчера машину, а сегодня я ездил ставить ее на учет и платил за автогражданку. Это стоит 4, 5 тыс. рублей. Я опять убедился, что это все государственный грабеж. Мы выбираем Думу, а Дума сразу начинает лоббировать интересы предпринимателя и капиталиста. Я, например, теперь имею две машины — новые «Жигули» и старую «Ниву». Я четко знаю, что на одной машине я буду ездить летом, а на другой зимой, но черта с два: платить я обязан за каждую машину и за полный годовой срок.

Под вечер ездил к моему племяннику Валере. Сегодня день рождения его сына, значит моего внучатого племянника Сережи. Как и в прошлом году, ели курицу, салат, был торт, мороженое, никто не пил. Настоящий праздник Сережа устраивает завтра. Он уже на собственные деньги купил для друзей три ящика пива — 60 бутылок, сок, воду. Говорит, что гулять будут всю ночь, пригласил он весь класс из школы, где учился, весь класс из техникума. Будут три гитары, есть караоке, будут еще танцевать. Кстати, очень хороший парень, у него в комнате гири, штанга, но учится плоховато. Другой его брат, Алеша — просто прелесть, он учится танцам в хореографическом училище, замечательно делает разножку и классический «антшакатр». Совершенно не стесняясь, показал мне. В его комнате на полу лежит мат, чтобы он не боялся потревожить соседей внизу, когда прыгает.

Цитата из «Независимой газеты». Вся подборка идет под рубрикой ***«После схваток политиков».***

Телезрители о лучших (1) и худших (2) программах, показанных с 28 января по 4 февраля, а также о самой заметной телеперсоне (3).

Сергей Есин, писатель, ректор Литературного института

1. «Намедни» (НТВ). Многие новостные и аналитические программы продемонстрировали, как в РГГУ меняют убеждения при виде стодолларовой купюры. Не люблю Леонида Баткина, но оценил его определенное мужество.

2. «Момент истины» (ТВЦ). Если то, что иногда говорит Караулов, правда, то всю лавочку надо закрыть: и родное государство, и энергичный Совет министров, и справедливую прокуратуру, и даже Верховный суд.

3. Любимый мой герой — обаятельный Починок. Мне нравится, с каким вдумчивым одушевлением говорит он о

прибавках к пенсиям. Ничтожные суммы прибавок мы знаем, между тем стакан сока, который стоял перед ним («Апельсиновый сок», НТВ), в средних заведениях стоит 50 рублей, а в кондиции свежевыжатости — 150–200.

7 февраля, суббота. На полпути на дачу (впервые поехал даже с собакой) машина разладилась, я еле-еле добрался. Машина шла только на третьей скорости, толчками, делала не более 40 км в час. На съезде с Калужского шоссе заехал на станцию техобслуживания, где, естественно, меня унизили, поставили в положение просителя и ничего не сделали. Я применил свою старую «пугалку», сказал, что обязательно напишу в Общество потребителей, попрошу лишить их лицензии, чего, конечно, не сделаю. А вторая моя «пугалка» такая: мастеру, который чистил в это время свою собственную машину и сказал, что ему некогда, недосуг, что работа мелкая, так вот, этому мастеру я сказал: представь себе, что тебя привезут ко мне на операцию с разорванной печенью, а я скажу, что у меня обед и что я сделаю всё только завтра. Какой-то момент размышлений возник на его лице. Но я уже уехал на городскую Обнинскую станцию. К счастью, народу здесь не было, мела метель. Карбюраторщик, мужчина представительный, видимо, хорошо знающий свое дело, также сначала поставил меня на место, но потом взялся. У меня тогда возникло такое же чувство, когда я, после своих приступов астмы, попал в руки академика Чучалина — сразу успокоился: меня вылечат. Карбюраторщик оказался большим мастером. 80 рублей я заплатил в кассу, 300 рублей — ему и долго потом размышлял о русском национальном характере. Все-таки определенная, и крупная, доля подлости сидит в нас, это наряду с благородством, с самоотверженностью и другими положительными чертами.

Вечером топил баню, В. С. по телефону приказала мне уезжать завтра пораньше, а то она волнуется.

Накануне по экстренной почте получил письмо от некой Людмилы Сосновой и ее книжку. Заголовок не очень с выдумкой, но что-то есть — «Общество анонимных неудачников». Смыслписьма в том, что она, Людмила, просит от меня некоей рецензии на свою книжку, кстати, юмористических рассказов. Основанием для этой просьбы стала моя статья по поводу «Вассы Железновой» в «Литературной газете» и в ней пассажи о критике. Ну, конечно, девушке нравится и вообще все мое творчество. Из истории ее книжки выяснилось, что сделана она на грант издательства «Язык славянской культуры». Я думаю, это название издательства книжку и погубило. Девушка понимает, что книжку надо бы раскрутить, но вот дальше цитата: «В «Эхо» мне сказали,

сколько это будет стоить, но за плохие рассказы я, может быть, еще бы и заплатила, а за хорошие принципиально не буду». С чувством огромной неловкости я взялся читать эту книжку, потому что, как правило, всё, присылаемое с подобными комплиментарными письмами, — плохо. Но книжка оказалась очень милой. Я прочитал почти все отмеченные автором рассказы и хохотал как безумный, даже секретарь Лена прибежала спросить: почему это я так смеюсь? Это не хуже, чем пишут признанные юмористы, не говоря уж о Петросяне. Не хуже, чем Жванецкий. Напишу ей — и дай Бог, это девушку утешит. Вообще, я эту запись в Дневнике решил посвятить книжкам.

Несколько дней назад на пленуме получил два прекрасно изданных тома «Область вдохновения». Это в 93-м году, к какому-то юбилею, челябинские писатели, видимо, по гранту областного правительства, издали два тома. Среди авторов прозы, в основном мне неизвестных, есть тем не менее Бажов. В поэзии крупных имен не увидел, но в общем плотно, грамотно, довольно значительно. В связи с этим вспомнилось недавнее размышление министра культуры, он спорит с министерством образования (а спрашивается, кто с этим министерством не спорит?) по поводу подготовки художественных кадров. Министерство считает, что крупных музыкантов и крупных деятелей искусств должно готовить в больших университетских округах, а у Швыдкого — совершенно справедливая, иная точка зрения. Я даже запомнил фразу: для того чтобы заиграл оркестр Темирканова, надо, чтобы десять тысяч детей пошли в детские музыкальные школы. Посылка совершенно верная.

Нечитанными у меня также остались «Тихие игры», сборник пьес Яны Елисеевой-Шрайна. Я себя утешаю тем, что в конечном итоге каждая книжка, стоящая у меня на полке, рано или поздно находит свое место и назначение. И еще не прочитана (наверное, читать не буду, просто поставлю на полку) Пушкинская энциклопедия, ее том «В Михайловском», первый том, есть еще два. Второй том будет посвящен другим соседним имениям (в частности, Петровскому), а третий — заповедникам. Этот том привез заместитель директора заповедника, милый человек, с которым мы поговорили относительно контактов между Литинститутом и Михайловским. Ему я наябедничал на Валентина Курбатова, отказывающегося вести объединенный семинар студентов в Пскове, этот семинар мог бы стать еще и семинаром Михайловского. Ну, да ладно.

Самое заметное и хорошо подействовавшее на меня книжное событие — глава из нового романа Оли Журавлевой, бывшей нашей студентки, которая подарила эту главу на день моего

рождения, в декабре. Не скажу, что я был к Оле особенно внимателен, меня даже раздражала ее немыслимая активность — у нее и дети есть, и друзья, но она каким-то образом умудряется всегда показываться на всех тусовках. Стихи ее не производили на меня большого впечатления. Но оказалось, что она хороший наблюдатель — глава посвящена литературным тусовкам и тусовкам в Литинституте. Многое написано увлекательно. Есть несколько абзацев, связанных со мною. Хорош общий тон, модный нынче в литературе, а может быть, открытый в наши дни, когда романист пишет о самом себе, не стесняясь рассказывает о своих любовных связях, о своих интеллектуальных мечтаниях. А уж попутно гребет и всех окружающих. Досталось двум мастерам, у которых училась Оля: И. Волгину и, думаю, Э. Балашову (раскрываю псевдонимы!). Главный недостаток Ольги как романиста и наблюдателя — ее некоторая всеядность и стремление через литературу расплатиться за хорошее к ней отношение. Она гребет под одно и Великодного, и Дьяченко, и Инну Люциановну Вишневскую, которую, в отличие от всех, называет полным именем-отчеством, иногда литературные треугольники у нее оказываются не заполненными, т. е. фигура без внутреннего наполнения. Но в принципе — молодец. Это еще одно доказательство, что Литературный институт нужен и живет.

8 февраля, воскресенье. Я так, видимо, устроен, что по-настоящему могу писать только утром. Когда я приехал в Москву — кстати, машина опять испортилась, возможно, что-то с бензонасосом, а возможно, не в порядке топливный бак, иногда льешь из канистры неизвестно что, да и на станции техобслуживания я услышал от профессионалов многое о том, чего только не наливают нам на бензозаправках: бензин мешают, октановое число повышается за счет присадок, которые портят мотор, забивают карбюратор. Чистоган работает.

Так вот, когда приехал, весь вечер не отрываясь смотрел телевидение. Мне предстоит в понедельник написать телевизионный рейтинг для «Назависимой» газеты, и я постараюсь придумать — о чем же буду говорить. Например, выпустили одного из совладельцев ЮКОСа — Шахновского. Он заплатил, кажется, 56 млн., не уплаченных ранее в качестве налогов. Суд принял во внимание также и то, что у него на иждивении (бедные, пропадут с голоду!) трое детей. Почему надо быть богатым? Потому что всегда можно купить то, чего бедный не купит, — свободу. Второй привлекающий меня сюжет — яйца Фаберже, коллекция, приобретенная за 100 млн. долларов одним нашим олигархом, совладельцем нефтяной компании Виктором Феликсовичем Вексельбергом. То, что купил, — хорошо, яйца

будут в России; то, что собирается показать их в музеях Урала и Сибири, тоже хорошо. Ему задали вопрос о правах собственности на эти яйца, но банкир от этого вопроса аккуратно ушел. А я подумал при этом о двух вещах: о том, что эти яйца куплены за ту природную ренту, так бесстыдно оторванную от народа правительством Ельцина и нашей Думой. И о том, что дети банкира, о которых он обмолвился, в сознании нашего народа всегда будут детьми… Не надо вместо этих трех точек ставить слово «еврея», я держу другое слово. Думаю, что дети Потанина, отдых которых в Швейцарии недавно показывали по телевидению, будут проходить под той же рубрикой.

Еще один сюжет, который я мог бы разработать: стоимость человеческой жизни. После каждого теракта наше правительство — московское или центральное — говорит, сколько оно заплатит семьям погибших. Ну, мало — так больше взять неоткуда, но в этом есть некий привкус щегольства: мол, откупились, и какой-то принцип соревновательности — кто больше?

Показали по телевидению также кандидата в президенты господина Брынцалова, в его позолоченных хоромах — это такая невероятная эстетическая дыра, такое отсутствие вкуса, что можно лишь руками развести: как это человек сам этого не понимает?

И, наконец, последний сюжет, который представлен мне, — свод заповедей для бизнесменов. Его предложила Русская Православная церковь. Мне кажется, она, которая всё понимает, понимает и огромную тупость, жадность, нехристианскую вороватость этих русских бизнесменов. И для того чтобы они всё, что положено, выполнили и уплатили налоги, вполне достаточно тех заповедей, которые два тысячелетия назад дал нам Христос.

10 февраля, вторник. Утром провел семинар, где обсуждали роман Алексея Петровича Потемкина «Изгой». В целом обсуждение прошло хорошо, студентам скорее был интересен сам Потемкин и его разговоры об экономике, нежели роман. Потемкин, который наполовину немец, а наполовину русский, но воспитывался в грузинской семье, прямо говорит, что по менталитету он скорее немец. По крайней мере он, по его собственным рассказам, очень организован, может одновременно писать роман и руководить своими экономическими делами. По своим убеждениям он, конечно, космополит. В частности, он утверждает, что, скажем, лет через десять в Объединенную Европу будет входить скорее не Франция, а Прованс или Шампань, и не Германия, а Бавария и Гессен. Это ленинская, не лучшая, мысль об Объединных Штатах Европы. Он много говорит о генетическом предопределении в характере человека. Все это мне не очень

близко. Я полагаю, что именно отсюда его особый журналистский язык, т. е. никакой. Ребята довольно злобно отнеслись к роману, и, как всегда, я защищал одинокого писателя от коллектива. Я пытался объяснить им то, что они пропустили в романе полезного, так быстро и небрежно прочитав его.

Утром, пока стоял под душем, вдруг возникло озарение — я понял, как сделать книгу о Марбурге: писатели, расставленные в хронологии. Поговорю с Прониным, который мог бы это сделать и подобрать материалы, и начну. Сегодня же провел совещание по переводу на английский книги «Портрет несуществующей теории». На работе разобрал целую кучу подаренных мне книг, в том числе и с автографами, посылаю в Гатчинскую библиотеку.

11 февраля, среда. Ну вот, еще одну нагрузочку приобрел я на свою шею. Я боюсь даже каталогизировать те общественные должности и ту работу, которые мне приходится все время выполнять. Я не могу даже для себя понять — почему я не отказываюсь от всего категорически: жажда ли это самоутверждения или все-таки привычка тягловой лошади, знающей, что необходимо везти. В данном случае, несколько дней назад пришел В. Гусев и со скрежетом, со словом «надо», принялся уговаривать меня стать председателем секции прозаиков Московского отделения Союза писателей. Я, естественно, сразу привел ему все аргументы против, а самое главное — что я не знаю людей. У него аргумент другой: во-первых, надо во что бы то ни стало поднимать статус организации, а я отчетливо знаю — кто, с какими претензиями, с какими художественными возможностями, с каким образованием; я отчетливо понимаю, что необходим человек, который светился бы и был известен в литературе; а во-вторых — опять гусевский аргумент: кроме тебя, больше некого. Думаю, что все в конечном итоге упирается в привычку нашей московской тусовки — в первую очередь выпячивать себя, а уж потом думать о деле. Неделю я кочевряжился, а во вторник вечером Гусев меня доломал. В час состоялось общее собрание, около ста человек, которые представляют 1200 московских прозаиков. Мне не то чтобы страшно — но это всё как бы другая литература, которой я никогда не занимался. Надо ведь отдавать себе ясный отчет, что в мире существует литература высокая, литература ради литературы — наши журналы, элитные книги, книги, в конце концов, даже модные, и существует литература, которая обслуживает факты жизни, обслуживает историю, любознательность, которая популяризирует. Воспользуюсь мыслью, которую высказал Александр Потемкин: существует писатель — и существует автор. Я и сам не уверен, что я —

писатель, по крайней мере, никогда в жизни не говорил о своем писательстве как о творчестве. Хорошенькие выражения: «мое творчество», «не мешайте мне творить» — у меня это всё по-другому. В общем, я отчетливо понимаю, что надо в меру сил поддерживать это сообщество одиноких людей. Если их и не удастся печатать (а их не удастся печатать, как было можно при советской власти) — пусть они читают друг друга, постараемся популяризировать их произведения. Уже в конце собрания, когда осталось одно правление, я говорил о том, что надо научиться завоевывать не модного, но скромного читателя, надо устанавливать новые приоритеты — не жизнь богатых, а жизнь достойных людей при богатых. Я вообще боюсь, что СП — Союз пожилых людей. Не описываю других своих, материальных, впечатлений.

Теперь некоторые казусы и подробности. На месте этом несколько лет сидел Миша Попов, очень неплохой писатель, я с ним в дружеских отношениях, он воспитанник Литинститута. Одна из причин его аппаратной смены заключается в каких-то интригах, которые, видимо, возникли и против всего правления, и против Гусева. Это я тоже понимаю — когда делать особенно нечего, когда пишешь, а все равно не возникает желаемая слава, тогда идут в ход иные приемы. Я думаю, все эти интриги, может быть и мнимые, возникают, скорее, не от острого желания, а от полулени и полуутробия — не хочу, чтобы мне было лучше, но хочу, чтобы все другие покрутились. Совершенно русская черта. Кстати, Миша сделал короткий и очень неплохой доклад, и вот, когда собралось правление и кто-то (фамилий и лиц не знаю), видимо, заранее согласившийся, выкрикнул в качестве руководителя секции моё имя, — для Миши Попова это было удивительно. Тут же я дал некоторую справку, сообщив, что мне это трудно, что иногда неизвестно — зачем хотят сменить руководство. Тут был и элемент кокетства, и элемент холодного объективизма. Слухи, видимо, просочились. До этого, во время собрания, когда, моя фамилия в качестве предлагаемого члена правления была произнесена, Ирина Ракша, не видевшая меня, сказала: «Ну зачем Есин! Все равно работать он не будет! Его и нет, наверное, здесь». Когда сделали перекличку, чтобы отсечь тех, кто не пришел, я громко и торжественно отозвался: «Я!», как в армии. Заканчивая свою речь, я сказал, что буду голосовать за Попова, я и голосовал за него, заметив, что надо решить всё дело голосованием. Это тоже в характере русского человека — как бы довериться судьбе, и я это люблю, мне нравятся модные эти организации голосования, как это делается сейчас. Я люблю понятие — Божий Промысел. И опять маленький инцидент,

толкнувший меня на определенную настойчивость. Миша показал здесь себя очень лихим аппаратчиком, каковым я, всю жизнь проработавший вместе с бюрократами, не являюсь. Он сказал: «Значит, Сергей Николаевич дает себе самоотвод?» Я удержался, исключительно из желания не подводить Вл. Ив. Гусева, и ответил: «Отнюдь. Всё решит голосование». А оно и решило: 13 или 14 — за, и, кажется, 11 — против. Очень понравилось мне, в самом конце собрания, поведение нашего выпускника Максима Замшева, который подошел к микрофону и сказал: я ответственный секретарь объединения, и все вопросы — ко мне. И поставил точку, показав, кто здесь хозяин. Честно говоря, о Максиме я забыл, а если бы помнил, что он командует парадом — рефлектировал бы меньше.

Вечером, по телевидению, слушал объяснения Рыбкина: что же это все-таки за интрига — вдруг пропал кандидат в президенты, оказался в Киеве… Или он хотел «попиарить», хотел привлечь к себе внимание, но тут внезапно в эту ситуацию ворвался теракт и отвлек всё внимание. Не исключаю и такую версию: из Киева он куда-то летал на совет. Его намёки на спецслужбы и проч. выглядят смешными. А если у нас такая демократия, такие спецслужбы, такие права человека, то в первую очередь виноват в этом сам Рыбкин, который всю эту ситуацию, все эти законы и заваривал в свое время, и это особенности нашей родной русской демократии: сначала завариваем, а потом рыдаем. Еще один момент, связанный с Рыбкиным, который я, наверное, внесу в рейтинг. Он много раз говорил о том, что имеет права на ношение оружия. Но возможность такого человека обладать даже малым оружием несет в себе опасность. А если дать в руки ему как президенту что-нибудь крупнокалиберное?

12 февраля, четверг. Продолжают разворачиваться события с нашей реконструкцией. Почему-то всё идет параллельно: с одной стороны, ограда института, это интриги в минкультуры, с другой — интриги в минобразования, о перестройке и реконструкции учебного корпуса. Минобразования, вроде бы, почти отыскало деньги для проекта, без которого вообще ничего не стронется с места. Кстати, хорошо помню высказывания знаменитого строителя Каландия, сделанные им в моем кабинете: «Если не бросите, если будете всё время что-то делать, — построите». В этом отношении мне терпения не занимать, я как клоп, затаившийся в плинтусе, готов ждать свою жертву годами. Итак, сложности в министерстве состоят в том, что самый первый проект, который нам делали еще французы, и делали бесплатно, по какому-то русскому наитию, так как были русского происхождения, этот самый первый проект, выполненный 13-й

мастерской, включал в себя основные идеи: разработку, план, эскизы. Потом, по совету Шкодина, аверс-проект нам сделала ООО «Персональная творческая мастерская архитектора Колонтеева А. А.». Практически, здесь обсчитан проект 13-й мастерской и сделан укрупненный технологический расчет комплексных зданий и сооружений. Но это был второй этап все той же работы. Мы в институте четко знали, что никаких дальнейших движений не может возникнуть, пока мы не сделаем следующий проект, и его сделала нам, по наводке Каландия, мастерская «Эдлайн». Так на основе расчетов мы как бы приблизились к будущему решению. Это называется — предпроектные предложения. Теперь уж сам проект нам совершенно необходим. Но если возникнет вопрос: кто его будет делать — 13-я мастерская, «Эдлайн» или же колонтеевская мастерская, т. е. бывший Гипровуз? Здесь сталкиваются многие интересы, интересы очень больших денег. Это раньше архитекторы ходили в латаных штанах, а ныне проектировщики выстроили себе дачи в Ницце. Благодаря системе коэффициента, которую счастливо открыло московское правительство, стоимость любого проекта может варьироваться в разных направлениях, на 100 или 200 % дороже, или на 100 или 200 % дешевле. Я понимаю, что министерство заинтересовано в колонтеевской мастерской. Но, возможно, есть заинтересованность и у Шкодина. И как всё это разрулить? Можно, конечно, по-честному, просто провести тендер и как, скажем, будет «Эдлайн» проектировать по идее 13-й мастерской, или бывший Гипровуз — по эскизам «Эдлайн».

На фоне этих проблем прошло заседание президиума Авторского общества. Все та же проблема: первый телеканал, который ведет Константин Эрнст, не платит авторские гонорары, т. е. обкрадываются не только киты музыкальных сочинений, но и масса мелких авторов. Все обостряется конфликтом между РАО и Новым обществом, практически спровоцированным этим самым первым каналом и министерством печати. Попытка создать некую организацию, которая, с одной стороны, была бы под контролем и получала огромную зарплату, а с другой — эта организация сама работает в недрах телевидения и работает как бог на душу положит. На первый канал оглядываются все каналы. И возникла ситуация — получить часть долга. Мне это напоминает поведение Шапиро и другого еврейского арендатора (фамилию забыл), которые, несмотря на все наши соглашения, уехали, так и не доплатив институту. Внутри первого канала произошли некоторые изменения: в совет директоров ввели Карелову, вице-премьера, и двух министров: Швыдкого и Лесина, т. е. получается

организация с участием крупных государственных деятелей, которая не хочет выполнять законные обязательства. Процедура заседания была довольно долгой, мне очень понравилась позиция Юрия Антонова, даже больше, чем моя собственная, достаточно осторожная, прагматичная и взвешенная. Мои соображения, анализируемые конъюнктурой и логикой порядочного человека, нравились мне меньше, чем позиция Юры, рассчитывающего больше на свою интуицию. И вот эта интуиция русского человека, думаю я, более точна, чем мой западный расчет.

Вечером пошел на концерт Любови Казарновской. Еще днем Паша Слободкин на мой вопрос: что у тебя сегодня? — ответил: поет Казарновская, и я понял, что это единственный шанс мне её послушать. Я уже писал, что большое искусство, в силу его дороговизны, мне не по плечу. И вот новая форма: салон Казарновской. На этот раз он был посвящен двум певицам — Дезире Арто, в которую был влюблен Чайковский, и Полине Виардо. Парадокс состоял в том, что еще ночью я в «Дневниках» Чайковского встретил несколько строк о Виардо, а на столе у меня лежала распечатанная цитата об этом. Эту цитату я сегодня прочитал на семинаре, и кто бы знал, что она мне понадобится и вечером!

В общем, с одной стороны, концертирующая Казарновская в роскошном платье с голыми плечами, в черных, усыпанных бриллиантовыми стразами перчатках, а с другой — эта неожиданная для нас форма: хозяйка салона перемежала пение своим рассказом. Впечатление необычное! Правда, голосу не хватает оперной мощи, он суховат, но работает на всех регистрах. Наибольшее впечатление произвели шесть романсов Чайковского, которые он посвятил уже очень пожилой Арто, на французском языке. Казарновская, как я уже сказал, между романсами что-то рассказывала о музыке, об отношениях между людьми, и это были выверенные, хорошо отрепетированные и прекрасно прочитанные тексты. Снимало телевидение. Эффект был невероятный, как нечто происходящее на другой планете. Казарновская — умница, она очень талантливо прекращала телефонные трели во время концерта. А между двумя сюжетами — с Арто и Виардо — она попросила публику высказаться. И никто из публики не пошел, затянулась длинная пауза. И вот, не ожидая от себя, что в своих джинсах и свитере я могу выйти на сцену, не выдержав тягучести времени, я вышел и сказал несколько точных слов — об умении одного художника понимать и ценить другого. Я сказал о шести восклицательных знаках, которые поставил Чайковский, описывая эпизод своей встречи с Виардо, когда певица протянула ему рукопись Моцарта. Сошел под аплодисменты, когда народ уже

стал расходиться. Я рад, что перед салоном успел поговорить с несколькими нужными людьми: с С. И. Худяковым, который, несмотря на все телодвижения И. Д. Кобзона, утвержден председателем комитета по культуре Москвы. Я полагаю, что концерт, описанный мною, был сделан на деньги Москвы, а публика — это мэры маленьких российских городов. Думаю, здесь шла какая-то сходка.

В Москве жутко холодно. Перед концертом, когда я шел пешком по Арбату, мне чуть ли не сделалось плохо с сердцем, видимо, я переживал маленькое институтское событие.

После четвертой пары в шестой аудитории только что закончились занятия по испанскому языку, все разошлись, оставалась Таня Шалиткина и еще одна девочка. Поздоровался и спрашиваю, указывая на целую стену гравюр и офортов, которую я повесил еще несколько месяцев назад: «А что это за сюжеты?» Это прекрасные гравюры, сделанные по произведениям Гоголя. Главные мотивы очевидны до невероятия. Девочки мнутся, Таня пытается разглядеть, что же такое там нарисовано. Я понимаю, что девочки — нелюбопытные и плохо знают Гоголя. Они задумались, что это за пятна на стене, впервые. Меня просто убивает такое равнодушие.

Под вечер кто-то из посторонних зашел в хозчасть и из висевшей на стуле куртки Толика Прокопьева вынул бумажник, где были 4 тысячи казенных денег, его паспорт, права и все документы на машину. В милиции сказали, что это сейчас поветрие: какие-то люди ходят по разным офисам, а комнаты везде открыты.

13 февраля, пятница. Завтракал под аккомпанемент дискуссии между кандидатами в президенты: Хакамадой, Харитоновым, Глазьевым, Малышкиным. Люди довольно интересные. Любопытно говорит — уже сама по себе, отстав от своих товарищей, — Хакамада. *У* меня есть ощущение, что неучастие президента в дискуссии идет от некоторой боязни. Хорошо бы прописать в законе необходимость всех кандидатов в президенты участвовать в споре о стране в обязательном порядке.

Вышла «Независимая» с останками того, что я им продиктовал. Это меня не удовлетворило, как не удовлетворяет, *что* я последнее время пишу и *как* думаю. Не загоняю ли я себя в резервацию, не отмахиваюсь ли от всего, что происходит положительного? Меняется страна, нельзя постоянно ехать на подножке вагона.

Вечером опять, с настойчивостью маньяка, пошел в театр. Миша Козаков играет Лира. И нечего здесь рассусоливать. Паша Хомский, который всю жизнь благополучно ставит спектакли на

сцене этого театра и уже давно главный режиссер и художественный руководитель, вместе с тем самым Бланком, претендовавшим когда-то на роль лауреата Гатчинского фестиваля, поставили «Короля Лира», со всеми трудностями сегодняшнего времени — современными костюмами, конструктивными башнями, подъемными мостами, с актерами, держащими на воротах микрофоны… Но, собственно, вся речь — вокруг Лира. Козаков играет виртуозно. Но его порода (а король Лир — не Шейлок) выдает себя, и боюсь, что здесь он более активен, чем грандиозный Михоэлс. Финал просто замечателен, молодежь в отпаде — на фоне башен, крови, трупов звучит песня в исполнении Фредди Меркьюри, умершего, как известно, от СПИДа… Вообще, все привлекательно: кожаные штаны, ботинки на толстой подошве, дамы с лоскутами и лентами вместо юбок. Но ключевое место — монолог Лира. Какая особенная боязнь у современного актера выйти на сцену с монологом так, как выходил Остужев, как выходил Мордвинов, и в голосе и в душе актера должно происходить в эти минуты нечто невероятное, чтобы качнуло зрительный зал! Вот этого-то и нет у Михаила Козакова. Значит, буду ожидать, что спектакль довольно быстро выветрится из памяти.

14 февраля, суббота. После того, как в машине моей, в баке обнаружили почти литр воды, после того, как ее вылили, — жизнь стала проще: машина и завелась, несмотря на холод, и я благополучно доехал до Обнинска. А уж как рада была собака!

Из чрезвычайных новостей — одна: в Ясеневе рухнул огромный, самый большой в Европе аквапарк. Телевидение занято этим. Меня судьба тоже как бы готовила к этой трагедии: мой шофер Коля Матвеев в четверг или в пятницу сказал, что у него есть билеты именно в этот аквапарк и что он хочет предложить их Толику. Я сразу понял, что это разведка — не попрошу ли я их для себя. Что касается Толика, я не советовал его приглашать: жена у Толика беременна, вряд ли он пойдет, а соблазн всегда соблазн. Вообще, эта идея — такие развлечения на фоне русской зимы, снега, наряду с нашим исконным целомудрием (мы же не моемся, как финны, вместе в банях, а моемся раздельно), эта идея, когда пренебрегают божественным чередованием сезонов тепла и холода, кажется мне кощунственной, при том, что в Москве не все уж так благополучно, не так много ресурсов… Но, возможно, это мои слюни.

Как всегда, начальство явилось очень быстро, чуть ли не через час на месте был и мэр, и Шойгу, но, думаю, это не снимает с них ответственности. Строительство в Москве превратилось в

чудовищный бизнес, согласование, визы — всё покупается, нарушаются любые нормы, и это при таких темпах, при таких коэффициентах, которые изобрели именно в Москве. Я вспоминаю, как после землетрясения в Армении мы узнали, что железобетонные плиты домов там были некондиционны: в них содержалось слишком много песку, так как цемент уходил на строительство особняков. И теперь вот — пришли люди, а остались «фрагменты тел»… Уже сейчас говорят о 29–30 погибших и очень большом количестве раненых. Если и есть медленный ад — то это было именно там.

Не приписал еще одно известие к пятнице, касающееся непосредственно института: на Ближнем Востоке, кажется в Катаре, убит наш выпускник и бывший президент Ичкерии — Зелемхан Яндарбиев. Перед этим погибли братья Хачалаевы — тоже наши выпускники.

Начал читать Юру Глазова. Я никогда не думал, что он лидер семинара, но боюсь, что ошибался. Его рассказ «Гость», который мы будем обсуждать во вторник, написан почти с гениальной наивностью и без всякой заботы о влиянии. Я даже затрудняюсь сказать, о чем он. О дьяволе, который искушает художника, или о внутреннем самоощущении? А может быть, это о той необходимой свободе и праздности, которые только и могут сделать из человека творца?

16 февраля, понедельник. Утром ездил в гараж ставить свою новую машину. Пришлось пилить замок. Я ли ключ потерял, или замок сменили.

Во второй половине дня состоялись сначала — правление Московской писательской организации, потом — защита докторской диссертации Ирины Алексеевны Шишковой. На защиту я, естественно, опоздал, потому что мероприятия начались синхронно. У Гусева мне понравилось, что все происходило быстро и четко. В три часа состоялось правление Московского отделения, оно заняло пятнадцать минут. Пока на машине ехали от института, я поговорил с Сережей Казначеевым, многозначительно называя его философом: ему что-то не понравилось в выборах правления секции прозы. Я напомнил ему, скольким он обязан В. И., в свою очередь, он сказал, что перед собранием кто-нибудь мог бы с Мишей Поповым поговорить. Я с этим согласился.

Послезавтра перевыборное собрание. Конечно, как всегда, идут какие-то волны, но для меня ясно, что волны эти ни к чему хорошему не приведут. Писатели вообще не очень понимают, как, пользуясь административным ресурсом, при их бунтах и идеологических склоках, легко можно лишить их всего: здания,

общности, писательских возможностей. Они все еще живут с ощущением своей советской безнаказанности, когда даже партия не очень-то любила связываться с писательскими жалобами.

Защита диссертации Шишковой проходила достаточно гладко.

Судя по всему, выводы ее оказались шире, чем сама монография. Было даже отмечено, что когда она начинала, на кафедре у ее коллег не было ощущения безусловной нужности этой работы, она появилась сейчас. Работа может даже стать пилотной. Тем не менее, как следует из отзывов оппонентов, определенные тенденции в этой большой серии английского романа для девочек были упущены. Упомянули Теккерея, И. А. отбилась тем, что Бекки Шарп как бы не являлась тем идеалом, который пропагандировался этим вторым рядом литературы для подростков, для «маленьких женщин». Мне показалось, что здесь был упущен момент полемики этой своеобразной литературы с прижизненным классиком. Решение ученого совета по защите диссертации было единогласным. На выпивку и празднование я, по своему обыкновению, не остался. Не царское это дело. Берегу имидж ректора. Полагаю, что премию, которую мы даем консультантам и руководителям наших аспирантов и докторантов (в частности, Михальской), мы обязательно выплатим. Нина Павловна Михальская очень много делает для нашего института.

Возвращаться в институт было уже поздно. Поехал домой и, созвонившись, отправился тут же к академику Николаеву. Мы с ним поговорили около часу, в частности разговор шел о природе романа. Вообще-то, он начал с «Имитатора», который не ложится у него в его антологии как роман, потому что это один том. Это мне наука: не переименовывай двадцать раз роман в повесть, а повесть в роман. Хотя, действительно, границы между повестью и романом очень зыбки, и, если подумать, то после романа «Петербург» Андрея Белого дальше или всё заканчивается, или возникают полуроманы-полуэпопеи. Николаев здесь даже привел пример из Гомера: как один из героев возражает Одиссею в тот момент, когда все остальные согласны. Мне думается, что для романа нужна, в первую очередь, страстная идея любви, настоящей любви к женщине, а это мы практически потеряли. Просто же связь на роман не тянет. Да и тенденция такова, что вымысел начал прятаться за документальность, за философскую или культурологическою подробность.

Среди прочего «в свободной дискуссии» П. А. рассказал, что ему как члену президиума Академии где-то под Можайском выделили участок. Но когда он через три года туда приехал, на

его участке уже стоял дом владельца казино. Кто-то сказал академику: не ходи, охранники, если определят, что ты бывший хозяин, убьют. Это каким-то удивительным образом срифмовалось с рассказом коменданта Константина Ивановича.

Вечером, уже поздно, принялся смотреть передачу «Школа злословия». И Т. Толстая, и Д. Смирнова мне порядком надоели, но когда я увидел, что передача с Кобзоном, то не стал выключать и понял, что человек я ангажированный и необъективный; Кобзон поставил на место двух этих «девушек», которые не стали спорить с ним как с человеком убежденным и к тому же начальствующим, так как он назначен сейчас председателем комитета по культуре Государственной Думы. Он высказал несколько суждений, которые многие чиновники-карьеристы никогда бы не высказали. Он сказал, например, что напрасно убрали с Лубянки памятник Дзержинскому, вспомнил о его деятельности в связи с ликвидацией в России беспризорничества, положительно упомянул Андропова — человека, который мог навести жесткий порядок. Также Кобзон много говорил о молодежи, которую он знает, заметил, что для того, чтобы иметь возможность петь так, как поет он, — нужны определенные связи с народом, с отдельными людьми. Одна ведущая «девушка» рассказала, что в комсомол в свое время вступила исключительно из шкурнических соображений (что не делает, конечно, чести писателю). Другая призналась, что прошла мимо студенческих отрядов, мимо комсомола. Я много пишу о Кобзоне, потому что для меня это важно: находятся люди, не готовые вместе с биографией страны зачеркнуть и свою собственную биографию. Это моя позиция. Жаль, что в свое время мне заморочили голову «невыездным» Кобзоном, его дружбой с Япончиком и проч. и проч. От своих «дружб» он, кстати, не отказывается. Хорошо говорил Кобзон и о песне, которая существовала раньше, в частности о поэтах — Ошанине, Долматовском, Евтушенко. Я обязательно напишу ему письмо.

17 февраля, вторник. Утром, вслед за вчерашними гонками, несколько раз звонил Кондратову. Всем кажется, что всё очень просто: Есин собрал народ, собрал писателей для поездки в Гатчину, он взял у Кондратова деньги — и все поехали. Но если бы кто-нибудь знал, как это трудно — созвониться и дружески сказать: «Слушай, парень, Сережа, отдавай-ка пять тысяч долларов!» — тем более что Сережа уже устал давать. Но утром все-таки дозвонился. С. А. спросил, когда я уезжаю, и мы договорились в пятницу в десять утра встретиться у него.

На семинаре читали рассказ Юры Глазова. Мне очень понравилось, что у нас с Пашей Быковым возникла одинаковая

точка зрения на рассказ, нам обоим он понравился, несмотря на все мелкие придирки нашей семинарской публики. Меня там волнует непредсказуемый остаток, спонтанность, небоязнь показаться банальным, даже какая-то литературная вторичность. Это всегда признак писательской силы — отсутствие боязни. Перед семинаром я прихватил несколько цитат из «Воздушных путей» Пастернака и закончил всё замечательной цитатой о юности: «Как необозримо отрочество, каждому известно. Сколько бы нам потом ни набегало десятков, они бессильны заполнить этот ангар, в который они залетают за воспоминаниями, порознь и кучей, днем и ночью, как учебные аэропланы за бензином».

Глубокоуважаемый Иосиф Давидович!

Не являясь человеком, пишущим отклики на телевизионные передачи, я, тем не менее, хотел бы искренне и горячо поблагодарить Вас за память о действительно великих наших русских поэтах — Евгении Ароновиче Долматовском и Льве Ивановиче Ошанине, которые были профессорами нашего Литературного института, и воспоминания об их творчестве, об их педагогическом даре и человеческом бескорыстии — живут до сих пор.

После смерти Е. А. Долматовского одна из аудиторий института была названа его именем. К сожалению, мемориальной доски в Москве, посвященной этому поэту, до сих пор нет.

Еще раз спасибо!

В передаче «Школа злословия», прошедшей 17-го февраля, меня привлекла Ваша жесткая позиция относительно нашего с Вами прошлого. Сейчас на подобное мужество — просто на историческую порядочность — решаются не многие.

Когда Вы, уважаемый Иосиф Давидович, еще работали в тесном сотрудничестве с мэром и московскими организациями по культуре, я хотел пригласить Вас в наш институт, расположенный в самом центре города, но как-то все не складывалось. И пользуюсь случаем сказать, что был бы рад, если бы Вы встретились с нашими студентами, поговорили с ними. Ребята они, конечно, все хорошие, но некоторое просветление мозгов для них необходимо, тем более что Вы так хорошо и убедительно это делаете.

С уважением и признательностью,
ректор Литературного института
им. А. М. Горького
профессор С. Н. Есин

18 февраля, среда. В связи с поездкой в Гатчину жизнь усложняется каждый день. На прошлой неделе у меня было два семинара, на этой будет еще семинар — завтра. Сегодня день

прошел так: утром учебные и административные дела, в два часа началось собрание Московского отделения. Все-таки Гусев умница, он сделал замечательный доклад, хорошо зная публику, спланировал стратегические темы. В большом зале ЦДЛ народу собралось не очень много, кворум еле натягивали. У меня сложилось ощущение, что народ многое понял, и уже не было тех оголтелых и себялюбивых выкриков, что слышал я раньше. Как ни странно, когда начались прения, меня выкрикнули первым, совершенно не предупредив заранее, поэтому у меня была возможность, чтобы собраться, всего 10 секунд, пока я шел к трибуне. Но, кажется, все прошло благополучно. Я говорил о трагедии писательской судьбы, об авторском праве, вспоминал то знаменитое драматическое собрание, когда Гусев приехал откуда-то с юга и карабкался на сцену с большим портфелем, наконец, когда вскарабкался, тихо и обстоятельно заговорил — и повернул всё собрание.

В три часа началась сессия по защите дипломных работ в институте. Я вернулся туда, бросив собрание, когда защитились уже двое или трое, студенты из семинара Апенченко и Киреева. Ничего особенно выдающегося нет, но совершенно замечательны рассказы о природе Вяч. Казачкова, это здоровый, несколько одутловатый малый, совсем не похожий на интеллектуала, он до сих пор живет в деревне и ездит оттуда в институт. Эти короткие рассказы прелестны, что-то между Пришвиным и Дм. Зуевым. Несмотря на мою скупость в этом отношении, мы дали с отличием еще двоим: молодой девушке — прозаику Виталине Смирновой за повесть и студенту из семинара Апенченко Алексею Кожункову. Мне понравилось, что парень много думает, берется за то, что в его возрасте не берут: за Пушкина, христианство, морально-эстетические темы. Это напомнило мне меня в юности, тоже не слабый был человек.

В 6 часов возвращался на машине с Турковым, его довезли до самого дома. Я всегда боюсь, когда в спешке и в такую скользкость он выходит из машины и идет куда-то в магазин что-то купить. Если с ним что-либо случится — не дай Бог, — не вижу фигуры, чтобы заменить его.

Очень четко оппонировали на защите Евдокимов и Леонов, старая гвардия все-таки имеет безошибочный вкус. В машине от Туркова я узнал, что оперировали Г. Я. Бакланова и удалили ему одну почку. И сразу вместо раздражения (его, правда, не стало уже давно) появились жалость и сострадание. Хорошо бы он выбрался. Бакланов — мужик еще крепкий, выкарабкается. В «Литературке» еще одна статья, написанная по поводу словаря Чупринина. Обвинения в халтуре и в крайней тенденциозности.

Чего он выслуживается, кому это все надо? Коварная тонкость этой статьи заключается в том, что она подписана псевдонимом Литератор, тем самым, под которым Сережа в советские времена выполнял поручения. Мы-то все об этом знаем! Вечером на машине ездил поднимать железо, это меня держит в тонусе.

Написал письма Я. Н. Елисеевой-Шрайна и Галие Ахметовой.

19 февраля, четверг. Устроил утром разгром бедному Владимиру Ефимовичу. Он работает с энтузиазмом, но бестолково. Надеется на людей, не устраивает отчетности, много разворовывается или пропадает по бесхозяйственности. Пару месяцев назад пропала дрель, теперь ее списывают «по ветхости», списывают «по ветхости» и кувалду. Как это кувалда стала ветхой, ее, наверное, просто украли? В марте издам приказ и повешу большинство материальных ценностей на подотчетных людей, инструменты сдам в гараж, другие повешу на строительную бригаду.

В три часа я начал семинар на втором курсе. В связи с тем, что уезжаю в Гатчину, решил немножко уплотнить процесс. На Пашу Быкова я полностью не надеюсь, он добросовестен, внимателен, но не терпит иной практики. Ему нужен конкретный и сегодняшний материал, тенденции он не видит. Кстати, и на этот раз он довольно резко обошелся с Настей Тягуновой. Мне определенно везет на разные жизненные сложности. Настя крупная, постриженная под мальчика девушка, которая ходит в мужских рубашках и джинсах. В ее романе, она представила первую главу, две девушки — одна из Петербурга, другая из Москвы — любят друг друга, но у одной из них есть муж, который любит и любим. Вот этот парень — пока самое интересное в начавшемся романе. Настя стала писать точнее, чем на первом курсе, но она беллетристка, она не станет высоколобым писателем, хотя знаменитой и может стать.

К семи часам поехал в итальянское посольство, в резиденцию в Денежном переулке. Там сегодня вручают орден Евгению Михайловичу Солоновичу и еще двум его русским коллегам, по этому случаю будет прием. Я люблю этот особняк, его прошловековую тяжелую роскошь, позолоту, росписи на потолке с полными, сливочными богинями. Я всегда вспоминаю, что здесь, в боковом салоне, Блюмкин убил Мирбаха. В зоне истории. Был практически весь литературный бомонд. Из знакомых мне: подсохший Маканин, Ира Барметова в немыслимо модном костюме, Олег Павлов, попивавший, как и я, винцо, хотя, как и мне, полагаю, ему лучше этого не делать. Из минпечати была Нина Сергеевна, Владимир Григорьев, был в красноватом никчёмном галстуке Приставкин. Он прошел мимо, мы

практически кивнули друг другу, у меня все-таки не хватает смелости сказать ему, что он плохо работает и губит молодых. Кажется, пятеро из его выпускного семинара остались с прошлого года, не могут найти мастера. Я бы с большим удовольствием взял на его место Павлова. Кстати, мои интуитивные размышления о том, что лучше с советником президента не связываться, подтвердились. Нина Сергеевна вдруг как-то разоткровенничалась и сказала, что Анатолий Игнатьевич после Франкфуртской выставки (вспомнил, я лоббировал роман Самида на следующую выставку, это и стало предлогом для воспоминаний), так вот, Приставкин написал письмо президенту, что бюджетные деньги были потрачены нерационально. Приставкинский импульс я понимаю: ему уже много лет, нет хорошей должности-синекуры. Советник президента, мы помним, как его назначали, а тут вдруг заметят, оказывается, живой, дадут несколько лет еще пожить, не высовываясь, как мышь, и удастся советнику просидеть, догрызая бюджетную корочку сыра.

К сожалению, чуть грызанулся с Таней Бек, даже сказал бы, что был к ней несправедлив. Она была в нервном возбуждении, только что поучаствовав в шоу Вити Ерофеева, где схлестнулась с Жириновским. Жириновский, как известно, на всех действует своей черной магией. Во время передачи случился казус: Жириновский стал — он это делает через раз, в зависимости от того, насколько в данный момент выгодно — поливать русский народ, русскую литературу. Сидели и скромно помалкивали разнообразные Войновичи, вот тут-то Таня, по ее словам, с ним и схлестнулась. Была нервная, а я что-то ей сказал, ссылаясь на ее же интервью, на их клан, на ее интерес к полукровкам. «Да, я сама полукровка!» Потом перешли к Литфонду, к моему заявлению о даче в Переделкине. А чего мне, собственно, скрывать! По крайней мере тогда, когда я его писал, действительно была лавочка, которая все раздавала только своим. Ну, пусть и получают свое. Кстати, совсем недавно дирекция Литфонда обратилась ко мне за списком на пять студентов, пять аспирантов, пять ВЛКашников, которым эта дирекция хочет дать стипендии. Стипендии эти копеечные, по двести, кажется рублей, а во всех отчетах будут писать, не указывая сумм, о помощи Литинституту и ВЛК! Жил без них, и дай Бог проживу! Но я ничего не забыл!

Вручает орден на ленте министр культуры Италии. Мы так порассуждали и приравняли этот орден чуть ли не к званию Героя Советского Союза. Был наш министр культуры, я надеялся, что приедет Дементьева. Солоновича представили как профессора Литературного института. Это тебе не Игорь Волгин, который

получил звание у нас, но везде пишет, что он профессор МГУ. Не уверен, что он там получает эту ставку. Но премию Москвы в этом году он, скорее всего, получит.

Умер сын В. В. Сорокина, сорокачетырехлетний подполковник, выходил из машины — инфаркт! Я и подумать боюсь, что сейчас переживает В. В.!

20 февраля, пятница. Я каждый раз недооцениваю своих друзей. Никаких сложностей не произошло. По подлости случая и своей собственной я представляю каждый раз, как я приезжаю к Кондратову, а его, скажем, нет. Не принимают-с! Или он по какой-то причине уехал. Но Сережа, как и всегда, был на месте, и процедура по передаче призового фонда произошла в течение двух минут. Даже буднично, без конверта, помусолив пальцы, пересчитали. Было, правда, одно новшество. С. А. выдал всю сумму не в традиционных долларах, а, в соответствии с моментом, в евро. 950 евро (что мы тут же сочли это на компьютере) составляет 5700 долларов. Пачечка денег была до обидного мала: купюры по 500 евро, яркие, перетянутые серебряной полосой безопасности. Нарядные стали выпускать деньги.

Как я и предполагал раньше, заехал в издательство «Голос». Там уже начали отмечать День защитника Отечества, но я водку не пил, а чуть-чуть погрыз замечательного и тонко, ювелирно нарезанного свиного сальца. Петр Федорович Алешкин был радушен, несмотря на ранний час, навеселе, доброжелателен. На стене висели портреты очень многих писателей. которых он перед этим печатал. Всласть поговорили, и при этом он высказал несколько очень интересных соображений на литературу, в частности на творчество В. Г. Распутина. Был один момент, пересказанный Алешкину кем-то из друзей юности В. Г., о его якобы маске молчания, принятой сознательно. Соображение о том, что в его повестях русский человек всегда изображается не в наилучшем ракурсе. Пишу, как только можно, смягчая разговор. Верю в эти соображения мало, здесь много и нашей обычной писательской зависти к славе. Народ-то себя и в произведениях писателя узнает, любит писателя, даже боготворит!

Вроде бы договорились с П. Ф. и о печатаньи моего Дневника, я обещал сдать рукопись через полтора месяца. Теперь вся надежда на Б. Л., как справится он.

Днем, как всегда, много бумаг, английский язык с Игорем, разговоры со студентами, на кафедре у Л. М. видел всегда милую и доброжелательную Кутафину. Кажется, всплывает наш старый знакомец Серебрянник, я буду его восстанавливать.

В три в связи с моим отъездом состоялся ученый совет. Был

один пункт в повестке дня: доклад Л. И. о научно-исследовательской работе. Доклад и на этот раз Л. И. произнес рыхлый, все, что ему дали кафедры, все, что за год было напечатано, читал прямо с этих заявок. Я понимаю, что все мы люди пишущие, но ведь пишем в первую очередь для себя, и нельзя все нами созданное маркировать как эту самую научно-исследовательскую работу. Об этом я и сказал, одновременно отметив, что доклад не структурирован, и нельзя, прикрываясь собственной работой с учебниками ли, со словарями или просто собственными мемуарами, ничего не делать на работе, манкировать ею, делать лишь «необходимое» в надежде, что кто-то за тебя доделает все остальное. Были и еще вопросы: о повышении качества защит докторских и кандидатских диссертаций, об экзаменах, о работе аспирантов. Что касается экзаменов, то здесь последнее время появилась тенденция всех распуливать по каким-то тестам: быстрее, быстрее. Но ведь экзамен — это не только форма контроля, но и форма собеседования студента и преподавателя, в этих беседах есть огромный воспитательный момент. И об этом пришлось говорить. Естественно, на этот раз нашлось возражение у Ю. И. Минералова. У него 80 человек курса заочников — по норме это сорок часов, но в расписание, по словам З. М., он попросил поставить лишь один день. У него есть какая-то форма контроля, видимо, близкая к тестированию. Значит, с одной стороны, ученый совет отказывается принимать, как вступительный, ЕГЭ, потому что мы, дескать, творческий вуз, высший пилотаж, штучное производство, а с другой — готовы пользоваться формальными методами внутри учебного процесса.

В. П. Смирнов, в преддверии 100-летия Н. Островского — предложил сделать научную конференцию. Это блестящая идея! Здесь не только факт невероятной мировой литературы, но и некий протест против тех, кто пытается всю страну лишить прошлого.

Вечером был в театре «Et cetera» на спектакле по пьесе С. Беккета «Последняя запись мистера К…?» Великолепная постановка Стуруа и блестящая игра Калягина. Мне показалось, судя по тексту пьесы, что Беккет имеет отношение к еврейству, слишком уж прозрачно обращение к субботе и текстам из Ветхого Завета. Суть все та же: старый писатель, почти нищий, отдается воспоминаниям, в общем-то традиционным. На меня очень подействовала сцена, когда вдруг открылся холодильник, а в нем уставленные рядком книги. Только семнадцать экземпляров этого великого произведения писателя оказались проданными, из них «одиннадцать для библиотек». В чем-то есть непознанность

гениального остатка и игры Калягина, и самой пьесы.

21 февраля, суббота. Проснулся в пять и сразу принялся читать очерк С. Ю. Куняева в «Нашем современнике», который он написал после поездки в Германию. Наблюдатель он беспощадный и смелый, чувство жалости по отношению к людям, даже ему симпатичным, отсутствует. Главная тема — это та самая политкорректность и толерантность, которые и мне ненавистны. Здесь есть знакомые мне интерьеры фрау Урфф, у которой мы были все в гостях в Марбурге. Собственно, двум вечерам в доме фрау Урфф первая половина очерка и посвящена. Вторая половина — это Потсдамская конференция, на которую Куняев и Василевский отправились из Марбурга. Основным объектом здесь стала сама отвратительно-лицемерная атмосфера этих европейских сейшенов. Но русский писатель не был бы русским писателем, если бы за границей больше всего не интересовался бы именно своими соотечественниками. Особенно досталось Вите Ерофееву и Татьяне Толстой. Но все это не просто ради злословья, пожалуй, я впервые понял пафос подобного отрицания оппонентов. Здесь же есть сцена на русском красноармейском кладбище в Потсдаме. Но есть какая-то, четко подмеченная Куняевым бесовщина, что подобные встречи, с рассуждениями о России и недостаточности ее интегрированности в дела и культуру Европы, происходят в городе, где шестьдесят лет назад боялись даже взгляда Сталина. Хорош и список «русских» писателей, которых отобрали для этой конференции. Принципиальности и последовательности Куняева можно позавидовать. Особенно досталось Прохоровой и Ерофееву.

До одиннадцати, когда я поехал на дачу, я сбегал еще в магазин за деревянным абажуром для бани. Дорого, хотя это лишь деревянные палочки, но замечательно, что за день на даче я, кроме дров на баню и растопку, трачу еще около 100 киловатт электроэнергии.

22 февраля, воскресенье. Приехал около четырех, начал собираться. Мне еще предстоит отвезти в гараж, в институт машину, забрать там книги для Гатчинской библиотеки, а потом Паша повезет меня на вокзал к «Стреле», т. е. к двенадцати ночи.

Как же трудно мне каждый раз собраться, и каждый раз я собираюсь довольно небрежно. Четыре блока вещей: компьютер и все, что связано с Дневником, романом, чтением. Второй блок — это вещи для представительской деятельности: выходной костюм, который я надену два раза, рубашки, галстук; потом идут носильные вещи и все, что связано с повседневной жизнью, ну, например, кружка и чайник, бритвенные принадлежности. Уезжаю ведь почти на две недели, предвидеть надо даже смену

погоды. Главную тревогу вызывают лекарства — здесь нельзя забыть ничего. А мои собственные книги, а подарки, а телефон, а всякие зарядные устройства и учебники английского! Как я ненавижу себя, что не могу ограничиться и хочу все, даже продолжаю изучать английский, которого, конечно, до самоей смерти не выучу, т. е. не заговорю. Тем не менее с Божьей помощью жить собираюсь долго. Собирался три часа, почти впритык. Попутно разговаривал с В. С. и с приехавшим вечером Толиком. На него ляжет собака. Совершенно безотказный и замечательный парень. Как мы его с В. С. любим!

Со мною в купе ехал мужчина лет пятидесяти, выше меня ростом, крепко сбитый, Сергей. Бизнесмен. Говорили, пока не отошел поезд, сегодня только прилетел с Мальдивских островов, отдыхал десять дней с женой и дочерью. Рассказывал, что в это время там сезон марвина, лов которого описан Хемингуэем в «Старике и море». В это время рыба поднимается ближе к поверхности, метрах в тридцати. Стоит это 400 долларов, занимает около шести часов, блесна с локоть величиной. Сергей полагает, как и я, что рента на природные ископаемые должна принадлежать государству. Но олигархи могут спать спокойно, Касьянов за них!

23 февраля, понедельник. Меня встречала Генриетта Карповна в очень красивой шубе из стриженого бобра. Фестиваль, общение с другим кругом людей, самовоспитание, которое всегда присутствует у людей искусства, сделали и ее несколько иным человеком. Она свободна, раскованна и, наверное, даже сердечнее стала. Ей много пришлось за последние годы перенести, в том числе и тяжелейшую операцию мужа Алибека, которому отняли обе ноги вследствие тромбофлебита. Я немножко знаком с ее домашними тайнами, тем не менее Алибек занимается всеми домашними работами, на коляске ездит по дому, готовит обед, отвечает на телефонные звонки. Это для меня еще один пример и героической жизни, и просто жизненного трагизма. Генриетта хромает, потому что у нее что-то с тазобедренным суставом. Когда я сошел с поезда, то в руках у нее была коляска, она знала, что я привезу книги для библиотеки. Те самые, которые мне дал Петя Алешкин. Коробки с книгами погрузили на тележку и поехали к бюсту Петра. Занятная железная дорога, в Санкт-Петербурге начинающаяся с Петра и заканчивающаяся в Москве бюстом Ленина.

Не обошлось и без несчастий. Тот самый шофер Миша, которого знаю уже десять лет, вдруг накануне слишком сильно, по поводу надвигающегося Дня защитника Отечества, выпил, и по дороге из Гатчины в Ленинград у него ГАИ изъяла права. Мне

будет интересно: сколько денег придется за это заплатить доблестным милиционерам? Но у Генриетты какая-то удивительная семья. Доехав до вокзала на попутке, она тут же по телефону вызвала своего русского зятя Диму, и мы покатили по обычному маршруту — я на мужской день, на Защитника, как и в прошлом году, к Саше Иванову. По дороге говорили о Ленинграде, о Матвиенко, о дорогах. Ехали по вылизанной трассе, идущей к Константиновскому дворцу. Дороги довольно сносные, но, по рассказам Димы, в будние дни выстраиваются многокиллометровые пробки — почти нет развязок, Невский — чуть ли не главная артерия, и если на нем что-то случается, движение стопорится на много часов. Здесь совершенно другая, равнинная, нежели в Москве, городская география. Новые проспекты и улицы необычной ширины, и современные дома смотрятся погруженными в заснеженные, скучные пространства. Широкие улицы труднее убирать от снега, жизнь как бы завалена снегом и идет из-под него. И все же, если бы не привычка и дела в Москве, единственный город в мире, в котором я бы хотел жить, — это Ленинград. Он никогда не бывает скучным, а центр просто великолепен, ты всегда отыщешь там что-нибудь новое, можно потратить жизнь и до конца его так и не узнать. Здесь такие напластования истории и человеческой мысли, что не хватит никаких человеческих возможностей. Город, его культура и история затягивают, человек может, занимаясь им, совсем потерять вкус к собственной жизни, к созидательной и трудовой деятельности. Изучение его подобно игре в карты или схватке с игровым автоматом.

У Саши хорошо позавтракал вчерашними блинами с красной икрой и со сметаной, а также свининой с картофелем и грибами, приготовленной в цептеровской кастрюле. Это же блюдо было и в прошлом году. В готовке главное не жмотничать, и тогда будет вкусно. Это остатки вчерашнего пиршества, на которое я опоздал, но сегодня вечером будет маленькое продолжение.

Тут же меня ожидала очень взволновавшая меня новость. 1-го марта в университете состоятся выборы ректора. Кандидатура только одна — действующий ректор Вербицкая. Она — с 1936 года рождения, т. е. моя ровесница. Оказывается, еще летом ученый совет университета послал в Конституционный суд свое несогласие с той частью Закона об образовании, которая касается возрастного ограничения при выборах ректоров вузов, считая это дискриминацией по возрасту. Фигура, конечно, выбрана очень точно, имея еще в виду ее доверительные отношения с В. В. Путиным. Решения Конституционного суда пока нет, но выборы тем не менее состоятся. Для меня лично, хотя я бы не хотел, даже

имея возможность, снова становиться ректором, а главное — для института это очень важно. Пока фигуры, которой я мог бы передать дела, зная, что человек этот всегда в качестве приоритета поставит сначала институт, а потом себя, у меня на примете нет.

С Сашей мы на этот раз много говорили о религии, о православии и о работе. Я ведь отчетливо представляю, как он за последние годы продвинулся и вырос как администратор. Мне он, кстати, с некоторой иронией сказал, что вот МГУ свои опытные предприятия потерял, а они, питерцы, наоборот, спасли и теперь развивают. Он, в частности, сказал, что есть две теории современной административной жизни: богатей один или богатей вместе с подчиненными. Он старается придерживаться, и (я слишком давно его знаю), видимо, придерживается именно второго пути. Не жадничать, как говорил Лифшиц, и делиться. Это и есть социализм! И последнее: как человек, в этом смысле лучше подкованный, нежели я, он мне — в ответ на мои стоны по поводу реставрации, взяток и коррупции — сказал, что существует норма отката, как бы узаконенная бизнес-сообществом: везде при строительстве берется 20 %, а в образовании — 10, значит милые многочисленные специалисты, с которыми я разговаривал в министерствах, в Думе, в различных других ведомствах, улыбаясь и умничая, ждали от меня положенный им десятипроцентный откат.

Меня очень по-хорошему удивила и нравственно-религиозная концепция Саши. Бог сделал меня таким, какой я есть, и в этих рамках я должен быть последовательным и нравственным, это не разрушает союза и договора с всемилостивейшим Богом.

Утром Саша отправил меня вместе со своим племянником Василием погулять по Петербургу. Воистину, в этом городе все равно куда идти и где гулять, везде прекрасно. Путь мы выбрали очень простой: на маршрутке и метро до лавры Александра Невского, обратно — по Старому Невскому и Невскому до Казанского собора, еще навестить лежащий по дороге магазин Ломоносовского фарфорового завода, до которого я не добрался в прошлый раз.

Но ведь мне всегда плывет в руки то, о чем я много думаю. Завтра днем у Саши — а я специально решил остаться у него на целый день в тиши, в тепле, без каких-либо отвлекающих моментов, — я, наверное, закончу вторую главу. Сначала Дневник, он тоже занимает у меня до двух часов ежедневно, но остановиться уже не могу, так же как не могу писать его со всей искренностью, а сразу после второй главы приблизится глава о Ломоносове и Пастернаке. Здесь для меня самые серьезные

трудности. Так вот, в Александро-Невской лавре я впервые увидел могилу Ломоносова. Правда, в этот момент позвонил из Москвы В. Р. поздравить меня с праздником. Но я все же увидел этот белого мрамора камень, под которым лежит величайший гений России. Все памятники из мрамора на кладбище закрыты деревянными саркофагами: мрамор, как объяснила экскурсовод, в нашем климате без специального ухода больше 80 лет не живет. Памятник Ломоносову единственный, который не закрывают на зиму, но за ним ведется специальный реставрационный уход. На белом «жертвеннике» много символики: змея, циркуль и пр. Но разве все эти атрибуты могут хоть отчасти соответствовать той грандиозной роли, которую этот человек сыграл в нашей русской культуре? Для какой-нибудь другой страны только части того, что он сделал, хватило бы на мировую славу. Нам славу выдают «по карточкам». Тут же неподалеку находится и большой саркофаг над могилой Эйлера. Тоже титан, которого теперь уже мы недостаточно часто вспоминаем и пропагандируем. Могила Н. Н. Ланской. Замечательная была женщина, в 24 года осталась вдовой, вырастила семерых детей, выполнила волю покойного мужа лишь с одной оговоркой: вышла второй раз замуж не через два года, а через семь, и все же в нашем русском сознании хочется ее видеть страдалицей. Большинство матерей моих сверстников, потеряв в войну своих мужей, так никогда замуж и не выходили. Я понимаю, что тут другая причина, но что делать с моим русским недобрым и иногда завистливым умом?

Каким образом я никогда не был на этом кладбище, где находятся захоронения XVIII века? А это через дорогу, где похоронены Гнедич и Достоевский. Всегда не хватало времени, все хотел охватить сразу. На этот раз я поступил по-другому. В этих экскурсиях и даже прогулках по городу следует стремиться не к обилию впечатлений, а к их качеству. Наш эмоциональный аппарат не способен, как и желудок, вместить всего того, что желают глаза. Потом ты, не пережив, ничего не вспомнишь. Скажу даже более, уже перейдя в другую часть кладбища, где находятся могилы XIX — XX веков, я почти сразу же ушел: воображение еще работало, но, пожалуй, эмоциональных сил воспринять все не хватало. Впрочем, может быть, мы, старые люди, как бы из суеверия что-то оставляем наперед, в надежде, что впереди что-то состоится? В каком-то клипе, посвященном выборам в президенты В. В. (в Петербурге у него сейчас кличка Вован, а когда раньше работал в мэрии, была «штази»), я слышал: сколько дней живет, сколько дней вмещает президентский срок. Сказали также, что средняя продолжительность жизни — 70 лет. Тут я ужаснулся своему возрасту. Ясно?

До мемориального кладбища были в соборе, поставили по свече у раки Александра Невского. Я удивился пышности и размаху этого здания. На могилах Старовойтовой и Собчака — по увядшему венку от президента, с трехцветными лентами. Уже стоит бюст Собчака, под ним высечена надпись: «первый мэр» и «вернувший городу историческое имя». Не думаю, что эти памятники народ долго будет беречь, как памятники в исторической части кладбища. Другая история.

На Невском я, наконец, зашел этот самый фарфоровый магазин, где, как я слышал, продаются те самые фарфоровые скульптурки на гоголевские сюжеты, которые я собираю. Увы, это не «эльдорадо». Кое-что действительно есть, но все довольно грубый товар, не идущий ни в какое сравнение с тем, что делали раньше. Формы все те же, кроме гоголевских сюжетов, есть получше выполненные, узнаваемые персонажи из балетов Дягилева. Стоит все дорого, много дороже, чем даже в антикварных магазинах. Я думаю, это связано с тем, что магазин, судя по всему, сориентирован на иностранцев, здесь есть даже возможность сразу же переслать покупку в любую страну.

Невский проспект хорош всегда!

24 февраля, вторник. Утром, уходя на работу, Саша закрыл меня, оставив один на один с едой, телевизором и моим компьютером. За день я выполнил все, что только хотел: привел в порядок Дневник, посмотрел телевизор, наслаждаясь огромным домашним кинотеатром. Может быть, не стоит копить деньги, а купить В. С., которая постоянно сидит дома с собакой и телевидением, что-то подобное? Самое главное — я, худо-бедно, дописал вторую главу в роман. Значит, голова у меня может начать думать по поводу следующей. Интересно, когда кажется, что дальше уже не знаешь, как вести сюжет, вдруг что-то срабатывает, и открываются новые перспективы. Но для этого надо что-то закончить в предыдущем, поставить точку, освободить мозги.

Днем позвонил по сотовому Ашот и быстро сказал, что Путин отправил все правительство в отставку. Я сразу же включил телевизор. Отставка эта, конечно, в известной степени пиаровская, но тут есть и знак необходимости. Путин сам объясняет это тем, что народ должен знать, с кем будущий президент, ну хорошо, признанный фаворит, идет на выборы. Все правительство остается на своих местах и продолжает работать, называясь уже исполняющими обязанности министров и вице-премьеров. Но вот председателем правительства назначен ленинградец Христенко. А вот теперь мы подходим к тому, почему заранее отстранен Касьянов. Дело, конечно, не в том. что

иногда у него есть как бы свое мнение, отличное от путинского. Всем видно, что он не защищает олигархов и капитал по принципиальным соображениям и убеждению, а повязан, как лагерная шестерка, этим олигархическим капиталом. Вот этого народ не хочет простить ни ему, ни, если надо, и Путину. Это страсть и пиетет мальчика из бедной семьи к деньгам. Ах красавец, ах киногерой!

Вечером, в восемь часов, приехал за мной безотказный и многострадальный Дима, и мы поехали на стареньких «жигулях» в Гатчину. Тот же номер, та же гостиница, те же девочки, тот же Миша Трофимов. Я только обратил внимание на то, что куда-то исчезла его начинающаяся седина. Мы тихо сидели, болтали, ожидали, когда подъедут наши. Едут наши студенты, едет Леня Колпаков, Лева Аннинский, Саша Щуплов, надо проследить, чтобы всех устроили, ребята здесь впервые, а я по себе знаю, как они все будут тыркаться, долго устраиваться. Мы, конечно, знаем расписание, вот подъезжают, вот подъехали… И почти тут же, уже с вокзала, поступает известие: на перроне внезапно, выйдя из вагона, буквально в несколько секунд умер Мирон Черненко. Сколько этих внезапных смертей за последнее время! Несколько дней назад умер сын Валентина Васильевича Сорокина, сорокачетырехлетний подполковник. Вышел из своей машины — и так же в одночасье инфаркт.

Мы созвонились с Генриеттой Карповной, она попросила меня позвонить Рите Давыдовне, жене. Я позвонил, но, кажется, Рита уже была в курсе. Как ни странно, она была собранна и мужественна. От нее я узнал, что Мирону было 73 года. Может быть, здесь есть какая-то моя вина? Я вспомнил, что, когда мы формировали жюри, кто-то сказал: зачем, дескать, Черненко, он теперь уже не является председателем гильдии критиков? Я ответил: но ведь критиком он остается, именно поэтому. Я книжку его о еврейских фамилиях в кинематографе так и не прочел, а он, наверное, ожидал рецензии. Теперь у меня не будет никакого сна.

25 февраля, среда. О покойном Мироне больше писать не буду, но сегодня на пресс-конференции подниму зал. Вечером пришлось поселить у себя Сашу Волоховского, моим студентам дали комнату на пять человек, по прежним временам знаю, что начнут пьянствовать, дверь у них будет нараспашку, а у Саши аппаратура огромной ценности. Соединю его с Максимом Лаврентьевым, и пусть сразу же ставят материалы в интернет.

За завтракам сидел с Левой Аннинским и его женой Сашей. Слушать их одно удовольствие, длинная жизнь, много интересов, но я просто и не знаю, как мне обойтись с их рассказами. Может

быть, ввести рубрику «Литературные истории»? Все это еще годится и в рубрику «Литература и жизнь», но содержание этих двух рубрик я воспринимаю иначе, чем «Литературная газета». Первая история — это родословная графа Алексея Николаевича Толстого. Здесь совершенно прав Булгаков и его герои: все, что связано с кровью, бывает очень запутанно. Молодая женщина выходит замуж за молодого человека, возможно, и графа, но уже будучи беременной от шведа гувернера. Потом папаша-граф оставляет в своих бумагах и письмах разные сведения о том, что это не совсем его сын. Очень хороши также семейные фотографии: огромный сын кукушки и мелкие птенцы родового гнезда. Но кто тогда такие две милые девушки Таня и Катя Толстые? Кроме того, конечно, что у них в роду есть один из самых известных людей в русской литературе — Лозинский.

Но надо знать милую, похожую на воробышка, Сашу Аннинскую, которая долгие годы проработала в музее Л. Н. Толстого, закончила филфак, ходила с мужем в байдарочные походы, всё читала и про всё и всех знает. Она, естественно, «а воробышек прыг, прыг», спросила у одной из девушек с наивностью палача: зачем им надо зваться Толстыми? В ответ было дано определенное построение, в центре которого стояло главное: а это удобно и выгодно. Ах, Булгаков с его рассуждениями о крови! Но все это по застольным рассказам.

Я-то всегда не мог понять этой чисто протестантской натуры А. Н. Толстого с его нерусской усидчивостью, пунктуальностью, плодовитостью. Здесь, именно здесь, все у меня сошлось.

Другой рассказ связан с приятельницей Левы по байдарочным походам Натальей Светловой, ставшей потом Солженицыной. Здесь целая история, начало которой положила все та же Саша. Удивительные подробности рязанской жизни, рояль с письмами на крышке, Решетовская с ее императивом, и маленький рассказ во время байдарочного похода о посещении самого модного в то время писателя. Это почему-то очень заинтересовало Наталью Светлову, которая именно с этой минуты начала отдаляться от своей компании и потом исчезла. Но все это не главное, важны подробности, с которыми эта история была рассказана. Я ведь специалист по подробностям и знаю, когда им можно верить, а когда нет.

Открылся фестиваль более строго, нежели в предыдущие разы. Было приветствие В. В. Путина, несколько концертных номеров, речи, потом все высыпали на сцену. Армия весьма серьезная, здесь и Хитяева с Теличкиной, и Хуциев, и Лавров, который неизбежно, как верный часовой, приезжает на фестиваль, и Наташа Бондарчук, и Андрей Харитонов, бывшая суперзвезда,

актер, снявшийся в «Оводе», и многие другие. Я построил свое выступление на противопоставлении зарубежных маршей в исполнении детского оркестра, отрывков из американских мюзиклов, которые пели приглашенные певцы, и русского кино. Выступал строже, чем обычно, и зал хорошо принимал.

Начал с того, что на этой сцене я уже в 19-й раз. Смутил меня на сцене только ансамбль малышей, которые привычно «кокетничая», в очень смешных красных штанах, танцевали. Я понимаю, почему родители не так охотно разрешают детям участвовать в подобной самодеятельности. Здесь рождается много неискреннего, искусственного, деформируется психика. Перед концом торжественной части вручали призы конкурса сценариев. Мне эта затея не нравится, но пусть как будет. Для этой церемонии приехала балетная звезда Анастасия Волочкова. Меня познакомили с нею еще перед началом в комнате жюри. Я так и не смог отделаться от наваждения ее широких открытых смуглых плеч. Туалет у нее был роскошно-экстравагантный: черные брюки, и на черный же то ли широкий пояс, то ли бюсгальтер надет некий черный с золотом пышный тюль. Говорила со сцены она очень взвешенно и хорошо, поминая талант писателя и Бога. Возможно, текст ей и написали, но она его выучила и талантливо произнесла. Потом был прием в ресторане, полутьма, масса народу, поговорить невозможно, орет какая-то музыка.

Я довольно быстро ушел, спал до часа ночи, а потом читал рукопись дневника до четырех.

26 февраля, четверг. Начались просмотры с дебютных фильмов ВГИКа и Ленинградского института кино, называется он теперь как-то не так, но я по старинке. Были фильмы двух мастерских: В. Абдрашитова и Л. Менакера. Собственно, разностью этих двух художников и отличаются фильмы. Лучший, наверное, это «Попутчик инжира», сделанный Егором Анашкиным по рассказу А. Уткина: мальчик-офицер едет в поезде и видит сцену, как женщина вынуждена отдаться проводнику, потому что так сложились обстоятельства жизни. Все очень тактично и мягко. Второй фильм, может быть, и послабее, и проза поближе — это «Гарун», в основу которого лег один из рассказов Довлатова о зоне. Здесь семейная офицерская пара и собака, которую необходимо пристрелить. Это уже Павел Фетисов. Здесь замечательно работает актер. По крайней мере оба парня из мастерской Абдрашитова думают о жизни и сегодняшнем дне. Фильмы мастерской Менакера понравились мне меньше. Один — «Автостоп», режиссер Виктория Зуева, сделан по рассказу Милоша Кундеры: отношения двух молодых людей, которые так заигрались в современную жизнь, что вынуждены были

расстаться. Все это немножко облегченно, но работает замечательный молодой актер Максим Михайлов. Второй фильм ленинградской серии — «Рог быка» по одноименному рассказу Хемингуэя. Здесь все нормально, даже мило (Дмитрий Корель), но нет современной духовной задачи.

В этой же серии дебютов на меня произвел впечатление фильм «Колодец» (Татьяна Гладкая), но здесь, конечно, больше сам рассказ Горького «Губин». Играет Юрий Назаров, который отчего-то все время монотонно кричит (это, кажется, задание режиссера), и очень интересно играет Баширов. Ах, Горький, какой тонкий аналитик русского, с подлостью и широтой, характера, и какой провидец отношений русских и мусульман!

Показали еще новый фильм Ирины Евтеевой. Она делала его пять лет, но в основе его, как первичный, лежит материал знаменитых фильмов, в которых действует Петербург. Это «Шинель», «Петр Первый» с Симоновым и Тарасовой, «Маскарад» с Мордвиновым и др. Потом эти уже готовые изображения совмещаются, монтируются, от руки раскрашиваются. Стилистика, мною уже виденная, талантливо, я бы даже сказал, неповторимо. Образ города и образ литературы из щели небытия.

К началу показа фильма «Бедный, бедный Павел» Виталия Мельникова народ уже стоял вдоль проходов. Когда Мельников закончил свое небольшое слово, то негде было поставить стул для него. На меня фильм произвел очень большое и серьезное впечатление. Мельников вообще мастер фона и киноживописи, ничего лишнего, и все играет. При всей импровизационности театральной манеры элементы сосчитаны и организованы. Мастер прекрасный, эта его картина отчасти напоминает мне работу английских режиссеров, всё говорит. Блестящая работа актеров Сухорукова (Павел) и Оксаны Мысиной (Мария Федоровна). Интересно играет графа Палена Олег Янковский, особенно во второй половине фильма, когда актер преодолевает закваску работ по фильмам М. Захарова. Но не понимаю, почему на «Золотом орле» дали приз за лучшую мужскую роль ему, а не Сухорукову. С этим фильмом, думаю, у меня будут хлопоты. Это не фильм для Ю. Н. Клепикова, это не его пристрастия, но посмотрим.

В фойе развернута небольшая выставочка живописных и графических работ наших писателей и режиссеров. Очень красивые и милые пейзажи Говорухина, портреты Войновича, это добавляет краску к их жизни как художников. Меня неприятно удивила серия работ режиссера Мамлина — это коллажи, когда к основе, к какой-нибудь знаменитой живописной картине, шедевру русской живописи, произведению, ставшему культовым, вдруг

приклеивается иной образ. «Незнакомка» Крамского с лицом трансвестита, «Три богатыря» едут на мотоциклах. Все это — довольно кощунственно. В связи с этим вспомнил о фильме «Колодец». Там есть один эпизод, когда главный герой Губин, по натуре душегуб и убийца, вдруг начинает заботиться о бездомном котеночке. В самом конце картины именно похороны детьми на берегу реки этого котеночка спасают Губина от смерти, на этом месте спотыкается бегущий за ним татарин. Но вот что спросила вдруг Лида Боброва: «А как эту сцену с мертвым котеночком снимали? Усыпили котенка или как?» Вот они, жертвы искусства. Убили — или назовем это «усыпили»? И стоит ли все искусство гибели хоть одной божьей твари?

27 февраля, пятница. Программы утром нет, уехали всем фестивалем в город Пушкин посетить Екатерининский дворец. Я во дворце был, поехал ради янтарной комнаты, но внезапно получил еще огромное удовольствие от самой дороги, от рассказов Ирины Яковлевны, гениального экскурсовода Гатчинского дворца, которую я знаю уже десять лет, и все эти десять лет восторгаюсь ее эрудицией и любовью к нашей русской истории. Получил удовольствие от знакомства с географией окрестностей. Дворцово-парковый ансамбль, белый от снега, сквозь деревья виднелась Камеронова галерея, сам дворец, Эрмитаж, ворота, памятники, павильоны. Но вот что удивительно, я уже не испытал прежнего восторга, идя вдоль барочного фасада дворца, эти бесконечные мужики с надутыми животами, поддерживающие фасад, показались мне довольно вульгарными и для того времени. В тронном зале позолоченной бронзы, на самом деле оказывающейся резьбой, оказалось чересчур много, все вдруг съежилось и стало несколько чужим. Для меня уже менее интересной стала история царей и их придворных интриг, я уже не хочу фантазировать, как они жили, что видели из окон своих спален и кабинетов, как им докладывали. Русские цари, исключая, может быть, Петра, были определенно порядочными мещанами. Такое могли построить только баре, у которых тысячи крепостных. Не слишком большое впечатление произвела на меня и янтарная комната. Выменяли ее, собственно говоря, на 55 русских, двухметрового роста, крепостных парней, лежала она много лет в кладовых, потом этим подаренным пруссаками предварительным материалом облицевали комнату, стали добавлять свой материал, свой янтарь, свой труд. В основе лежал немецкий вкус и немецкий проект. Создали некий шедевр ремесла, лишь отчасти являющийся искусством. Наверное, Герцен был прав, когда писал о купеческом вкусе русских цариц, стремящихся даже стены своих комнат разукрашивать янтарем.

Вот, собственно, и все.

После обеда показали фильм «Век Лихачева» режиссера Артюхова. Неинтересная, почти видовая картина. Подробности ареста и ссылки на Соловки юного философа. В свое время, когда академик показывал своей внучке «дело» об его аресте и читал выдержки из журнала заседаний кружка молодых ребят, просто писавших и веселившихся, иронизируя над реформой русского языка, которую правительство провело после революции, даже внучка сказала деду, что власть посадила его совершенно справедливо. Какая власть терпит нечто подобное? В наше время иронистов тоже берут на учет. Где век, где ученый? Самый яркий эпизод — выступление на митинге в дни путча. Нет проблемы, нет темы, собрание случайных эпизодов.

28 февраля, суббота. Не писал об этом вчера. Когда мы около часа дня уезжали из Пушкина, то в машине не оказалось Жени Пекача. Мы задержали автобус, Валех вызвался сбегать поискать, но все же через несколько минут мы уехали. В конце концов, рейсовый автобус в Гатчину ходит часто, доедет. Но проходит обед, проходит ужин, я захожу к ребятам в комнату несколько раз: парень пропал. Я волнуюсь, но успокаиваю себя тем, что в Ленинград прямо из Царского Села уехали Саша Волоховский и Леня Колпаков. Может быть, он уехал вместе с ними? Но ребята оба, во-первых, люди совершенно самостоятельные, со мною связаны лишь отчасти, а во-вторых, об их отъезде меня предупредили. В час ночи приехал из Ленинграда Волоховский, он-то и сказал, что Женя ездил с ними. Меня взволновало не то, что он не предупредил, и не то, что он погулял по Ленинграду, а то, что он даже не подумал, что о нем могут волноваться, кто-то будет не спать. И тут я понял, что я обязан поступить с ним так же, как и он со мною. Я зашел к ребятам утром в комнату и заспанному Жене, не требуя никаких объяснений, сказал: «Собирайся, я договорился, в два часа поедешь в Москву».

В смысле показа фильмов все было из рук вон плохо. Наверное, не потому, что не нашли хороших фильмов, а потому, что другого кино и другой литературы пока нет. Это особенность общества. Украинский «Мамай» (режиссер Олесь Санин, оператор Сергей Михальчук) — это все тот же дохлый слюнявый украинский романтизм. А практически — сентиментализм. Фильм вроде бы по украинскому и татарскому эпосу, по песням, но на самом деле это собрание красивых картинок и музейных вещей, сабель, лат, плащей и шлемов. За этим чувствуется еще и нетворческое влияние занменитого гения Параджанова. То, что получал он, связывая свои красивые картинки, у новых

украинских мастеров не получается, а возникает лишь некий эстетический ералаш. Снято, впрочем, в операторском смысле, очень неплохо.

Потом смотрели «Покаянную любовь». Казалось бы, можно быть удовлетворенным, что вроде бы по Л. Толстому, если бы все не было так безвкусно, без точного знания эпохи, небрежно. Я уже не говорю, что когда видишь электропровод на избе и современную чугунную батарею в барском доме — это раздражает. Очень много непроработано, пошло, формально. С другой стороны, зритель, уставший на экране от братков и коммерсантов, смотрел на все это с упоением. Хитяева и Скобцева играли невыразительно, очень бытово.

Холодна, холодна и тридцатиминутка выпускника высших режиссерских и сценарных курсов Станислава Лебедева по рассказу Бориса Васильева. Писателя этого я не люблю, не думаю, что в этом рассказе была не реализованная в фильме глубина. Только намечено: средний класс, новые рабочие — эгоисты, не знающие меры в достижении своих целей. Наехал шофер на девушку, чтобы не отвечать по закону, положил ее в свой морозильник в машине, убил свидетеля-солдата. Не хочет лишиться своей хорошей и сытой работы. Вина режиссера в том, что нельзя в тридцать минут вместить эту проблему.

Самый плохой фильм второй половины дня — «Мой дом» (режиссура и авторство Евгения Хмелева). Это якобы о сегодняшней интеллигенции, о Чехове в Мелихове. До безумия скучно, старомодно. В общем, у меня сложилось ощущение, что кинематографисты не желают искать, они таскают все те же имена, все те же сюжеты — Пушкин, Чехов — излюбленные фигуры. А чего читать, надо посмотреть, как сделал товарищ, и поступить с точностью до наоборот. Это все надежда выбить, не напрягаясь, хоть какой-либо смысл.

29 февраля, воскресенье. По телевидению одни фильмы. Утро было свободно от конкурса, я смотрел все и получил пользу.

Во-первых, это фильмы Натальи Бондарчук о Тютчеве. Фильмы очень неплохие, как учебные. Здесь много мемуарных подробностей, есть определенные композиционные придумки. Главное в них — безукоризненное и высокое чтение Бурляевым стихов самого Тютчева и его собственная интерпретация образа поэта. Для зрителя не очень убедительно: три жены, три женщины, которым посвящены стихи. Это для русского народа многовато, хотя понять можно. В своих выступлениях Наталья Сергеевна все время упирала на то, что канал «Культура» фильмы давать не хочет. Там, правда, есть несколько «горячих» абзацев, где режиссер и сценаристка с помощью Тютчева лезут на рожон,

но самое большое разочарование для Н. С. будет, когда эти фильмы все же дадут в эфир и они пройдут, как вполне ординарные. Мысль В. Н. Ганичева, которую она приводила в своем выступлени перед зрителем, что при своременном режиме этого дать нельзя, слишком соблазнительна, чтобы быть бесспорной.

Сразу же за Бондарчук сцену и экран предоставили мэтру современного кино Кшиштофу Занусси. Он сделал единственную экранизацию, ее и показывали. Самым интересным был рассказ о его работе с Максом Фришем, о бесконечных переговорах и пр. Режиссер совершенно свободно говорит по-русски. Много энергетики. Потом показали очень плохую копию, в которой заняты многие выдающиеся европейские актеры. Я с трудом следил за сюжетом: кто убил? Сюжет традиционный, несколько усложненный европейской фрейдистской тематикой. Ни одного актера в мути плохой копии, даже Ольгу Чехову и Маргарет фон Трота я не узнал. Интересно было одно технологическое соображение Занусси. Он снимал фильм в двух версиях: английской и немецкой. После того как снимался эпизод по-немецки, приходил на 30 минут тренер, и эпизод повторяли во второй версии. Занусси по профессии физик, и будто бы сейчас он является еще советником папы по вопросам культуры. Не знаю, как ко всему этому относиться.

Во второй половине дня шли два фильма. «Егерь» — это очень крепко сделанный на американский лад боевик А. Цацуева о сегодняшнем дне. Учились у американцев, учились и научились, слава Богу. Лес, бандиты, реминисценции «Холодного августа 53-го», Чечня, как некая основа для правового беспредела, милиция, губернатор. Одиночка и свора милиции. Здесь очень сильна сатирическая струя осмеяния власти и органов правопорядка. Зал встретил все громом аплодисментов и овацией. Хотят ли наши кинокритики такого кино или не хотят, но оно есть, и с мнением народа надо посчитаться.

Событием стал фильм С. Говорухина «Благословите женщину». Это по старой повести Елены Сергеевны Вентцель (псевдоним — Ирина Грекова). Я еще раз поражаюсь умению Говорухина отыскивать болевые точки в общественном сознании. Практически это огромное эпическое полотно с тридцатых до семидесятых годов. Есть здесь и аресты, и нищета, но весь строй, вся ткань жизни, показанная режиссером, протестуют против сегодняшних дней и идеалов. Как всегда, Говорухин блестяще работает с актерами, он нашел великолепную героиню. Наверное, это премия за лучшую женскую роль. Пишу быстро, потому что времени нет, но отметил бы также и точное знание натуры,

которое режиссурой начисто теряется, ни одной ошибки ни в тканях, ни в формах, ни в цветочках, высаженных у домика. Так и было, именно такие цветы тогда и сажали.

Вечером пришлось еще присутствовать на гала-концерте, потому что дети приготовили какой-то подарок и стихи, а им не дали выступить на открытии. Пропадать ничего не должно. Милые мордашки, детское обаяние и подарок для всех членов жюри — по подушке. Концерт прошел, с моей точки зрения, довольно уныло. Вс. Шиловский обаятельно рассказывал о своих подвигах в области выпивки в Японии, Клара Степановна Лучко во второй или в третий раз оповестила гатчинских зрителей об одной встрече на свадьбе в Подмосковье и как она потом сыграла увиденную женщину в какой-то производственной картине. Инна Макарова довольно интересно прочла отрывок из прозы В. Астафьева о фильме «Большой вальс» с Карлой Доннер. Тот же сюжет, который был в стихотворении Евтушенко. К сожалению, сейчас концерты начали сводиться к рассказыванию каких-то баек, к анекдотам, к сусальности — это влияние времени и телевидения. Определенную отрицательную роль в наших гала-концертах играет и Миша Трофимов с его тусовочным, «ленинградским» вкусом. Разве обязана Лучко помнить, что она рассказывала два года назад? А он обязан! Вот почему, скажем, Вася Мищенко не читал монолог из «Ревизора», в котором он играл двадцать лет, а пел какие-то песенки и т. д.

1 марта, понедельник

Фильмы утра. Почти часовой неигровой фильм «Любовь Чапая». Аннотация такова. Перепечатываю ее из каталога, оставляя по оригиналу чередование шрифтов:

«В основу фильма положены ***неопубликованные дневники и письма В. Чапаева, В. Графова, Д. Фурманова. А. Фурмановой-Стешенко, В. Кутякова*** и других участников и свидетелей этой трагической истории о безоглядной любви, ревности и смерти Чапая.

Это фильм о том, что тщательно скрывалось — личной, интимной жизни Чапая, в которой легендарный комдив терпел поражение за поражением. В короткой жизни (32 года) было у Чапая четыре любви. Но самой неожиданной и… смертельной оказалась пятая — ослепляющая его страсть к Анне Стешенко, жене писателя и комиссара Д. Фурманова, написавшем о Чапаеве пропагандистский роман и скрывшем их подлиные отношения».

Режиссер этого фильма — Станислав Раздорский, автор сценария и продюсер — Елена Раздорская. Эта милая дама очень привязалась ко мне, делая несколько налетов во время состоявшегося вечером декоративного бала в Гатчинском дворце. Она сейчас готовит фильм о Набокове, в разговоре тут же сообщила, что и о его жене (о которой я тоже все знаю), а в ее ближайших планах — Виктор Некрасов. Пишу об этом, дабы обозначить позиции семейной снимающей пары.

Фильм интересный и даже по-своему талантливый, но это какой-то своеобразный дар, не то что правдивый, а разрушительный. На меня отчасти это произвело впечатление от фильмов Лобкова о ленинском Мавзолее. Такое же шевеление плавающих в формалине трупов. История довольно грязная, революционная. Влюбились два мужика в одну и ту же бабу, баба тоже хороша, занималась окопным театром и спала сразу с двумя. Отсюда вылезает отвратительная фигура комиссара Фурманова. Хороша масса подробностей о революционной обстановке и о юности легендарного комдива. Он, кстати, после Первой мировой войны был полным Георгиевским кавалером. Бессмертие просто не дается. Но со всем этим я бы согласился, даже с духом еврейско-революционного логова, только смущает меня, что в качестве изобразительного, переосмысленного материала участвует советская классика — фильм братьев Васильевых, фильмы Эйзенштейна и др. Здесь есть что-то кощунственное, с чем мне трудно согласиться. Но, безусловно, фильм этот один из призовых.

Честно говоря, почти сразу у меня из-за этого фильма возник не проявленный внешне конфликт с Л. Бобровой и Ю. Клепиковым. Кстати, конфликты всегда возникают с Ленинградом, четко поддерживающим свой групповой принцип. Мы так особенно не ссорились, но обедать я пошел в общий зал, где хорошо посидел с Леней Колпаковым, изливая ему свои переживания.

«Мать» — фильм Евгения Сетько (мастерская покойного Пташука) по мотивам произведения покойного же Василя Быкова. Начало фильма: мать, испугавшись, что сыны уйдут к партизанам, практически, чтоб *попужали,* отдает их в руки полицаев, один из них — свояк. А в конце фильма вместе с этими полицаями сжигает себя и свою хату. Все довольно грамотно для студенческой работы, хотя несколько архаично. Но надо не забывать: кино большого стиля — это кино простое, я вспоминаю здесь «В августе 1944-го» того же Пташука. Белорусы вообще молодцы. Трогает их помять о своем мастере.

В два часа поехали в Ленинград, в новый, только что открытый музей Державина. Я взял с собой своих студентов. Ребята на этот раз попались удивительно трогательные, они очень заботливы к беременной Анне. Боюсь, что все может закончиться романом Анны и Валеха.

Вел экскурсию сам Сергей Михайлович. Это было особенно интересно, потому что не только эпоха, литературная жизнь, обстоятельства этой жизни, но еще сам быт одного из высших сановников государства, статс-секретаря Екатерины, главы казначейства при Павле и министра юстиции при Александре I. Музей находится на Фонтанке, в здании бывшего дворца Державина. Бездетный Державин всю жизнь этот дворец строил. Я при этом, естественно, разглядывал мебель. Мне было еще интересно то, что это новый музей, отреставрированный и перестроенный почти за два года. С. М. рассказал целую эпопею освобождения здания от арендаторов и тех правовых кандалов, которые накинула на здание чиновничья перестройка. Я понимаю, что преодолеть препоны можно было, только приложив огромные усилия, поэтому с особым интересном все разглядывал. Как это С. М. удалось, не знаю. Но какое здание, какие подробности! Зал заседания Общества любителей русской словесности, здесь же ведь заседали и «арзамасцы». Производит впечатление и кабинет Державина, его стол с подаренным Екатериной портфелем на нем, специальный диван с этажерками для хранения собственных рукописей, книжные шкафы: некоторые из них оказывались дверями в соседние комнаты. Державин, кстати, одним из первых русских писателей пришел к

необходимости самому при жизни заботиться о своих рукописях. Слушая Сергея Михайловича, я понял, как сам я мало знаю о литературе.

Напротив дворца Державина, на другой стороне реки, стоит огромный доходный дом, принадлежавший раньше одному из предков знаменитого бизнесмена нашей поры Артема Тарасова. Он как раз сейчас в Ленинграде мечется с так называемой малой короной Дома Романовых. Много интересного было рассказано о предвыборной эпопее Тарасова в Госдуму. Естественно, ни о каком-либо депутатстве потомок миллионера и не думал!

Вечером, когда мы вернулись из музея, поехали на замечательный бал, который от имени императора давался гостям и участникам фестиваля. Во дворе жгли фейерверк, гости собирались в аванзале, мажордом выкликал всех поименно. Потом появился император с супругой. Вели все два молодых актера из музкомедии с лукавыми лицами. Опускаю очень много подробностей и застолья и концерта, главное — было весело, я и сам натанцевался вволю. В том числе потанцевал со знаменитой чемпионкой по бальным танцам, мастером спорта. Параллельно в одном из залов играли в карты.

С этого дня у нас новый премьер-министр — Фрадков. Единственное, что внушает надежду, что этот человек руководил налоговой полицией. Может быть, олигархи поделятся?

2 марта, вторник. Простая возможность убить мой Дневник, который мешает мне что-либо делать, это сократить собственную деятельность. Но жизнь, видимо, интереснее моих литературных химер. Вот тебе и ответ на вопрос: что важнее — жизнь или литература?

Накануне спал очень плохо, заранее боялся скандалов утром во время заседания жюри. Утром же смотрели две картины. Первую — про академика Жирмунского, совершенно беспомощную. Есть интересные, правда, самого общего характера, сведения, но в целом материала мало. Начинается с показа смерти Ахматовой, несут ее гроб, а дальше голос за кадром говорит, что он на этих похоронах был, но в кадр не попал. Это «не попал» становится основным в фильме. Здесь, как и в фильме о Лихачеве, нет главного — научной деятельности. Как ее показывать? А вот это и извольте объяснить. Но вот здесь тратится много сил, чтобы сообщить с разными подходами сначала, что Жирмунский — еврей, а потом, что он крещеный еврей, «выкрест». Есть здесь и две посадки: из одной его вытащила Крупская, из второй он сам через два месяца вышел. Потом много говорят о советском времени, а потом показывают, что оно сделало его академиком, профессором, не обделило

дачей, на которой он жил круглый год, квартирой и большой семьей.

Это мои обычные обиды на недобросовестность.

Потом показали фильм С. Никононенко по Шукшину «А поутру они проснулись». Невероятный букет знаменитых актеров — от Абдулова до Гармаша, есть немыслимо смешные места и удивительно добрая русская снисходительность во всем строе этой и грустной, и смешной картины. Когда она еще только началась, я подумал, что, кажется, все обошлось и достойные фильмы, чтобы скруглить фестиваль, найдутся.

Минут за сорок мы подбили решение жюри. Всем было ясно, что кинематографического шедевра нет, но хорошие фильмы есть. Гран-при взял фильм Мельникова, 4500 кондратовских евро — фильм Никоненко, фильм Говорухина — энциклопедию Брокгауза, а Толстой у него уже есть, фильм Евтеевой получил Толстого, она тоже владелица Брокгауза. Мы еще отдали призы за лучшую женскую роль актрисе Светлане Ходченковой («Благословите женщину») и за лучшую мужскую — Виктору Сухорукову, сыгравшему Павла. Лучшей операторской работой Маша очень точно назвала работу украинца Сергея Михальчука. Лучший женский дебют — белорусской актрисе из фильма «Любовь». Здесь разбирается Клара Степановна.

Все время я размышлял, справедливо ли мы оставили за бортом «Чапаева», так много мне давшего в смысле знания истории, но вспомнил, что Витя Матизен дал ему «Слона». Это было совершенно безошибочно.

Вечером я вместе с Аннинским и милой его Шурой попал в Рождествено, имение Набоковых. Увиденное надо осмыслить, как и всю дворянскую культуру начала прошлого века. Это тот огромный деревянный дом, который несколько лет назад сгорел и теперь с блеском восстанавливается. Дом сгорел внезапно, ни с того ни с сего, мистически, в день рождения Набокова. И прошлый пожар был так же внезапен и случился в тот же день. Любопытно, что ни на каких бомжей и ни на какие недостатки электропроводки здесь не грешат. Но была попытка приватизировать этот дом, у меня даже есть некая версия о любителе набоковских текстов. Возможно, это будет следующий роман. Где ты, дорогой господин Пуаро? Представляю себя летом, вынюхивающим и выспрашивающим все в этой округе. О Набокове сказать здесь что-то трудно, но сам этот дом из дерева, в стиле классицизма, может потрясти и своей конструкцией, и местом, на котором стоит. Колонны из дерева — огромные сосновые лесины, обитые деревянным покрывалом, потом окутанные материей, потом покрытые левкасом, — висящие над

огромным двухсветным залом углом хоры, вознесенный чуть ли не на пятьдесят метров над землей бельведер — все вызывает какой-то священный трепет. В этих местах вообще какой-то корень культуры. С бельведера видны узлы многочисленных, расположенных буквально рядом дворянских усадеб. Это связывают и с пейзажем, и с каким-то особым свойством местных слабородоновых вод.

Завтра пресс-конференция и закрытие. Надо переключаться на роман. Я уже начал выхаживать третью главу.

3 марта, среда. Собственно говоря, вся работа закончена, и успокоившись, я даже выспался. Как хорошо спать, когда не думаешь о возможных неприятностях. Но в 11 часов началась пресс-конференция, потом в 5 часов закрытие фестиваля; в 9 — то, что мы называем банкетом, а в 10 я уже уезжал. Это всё была обычно рутинная работа, без особых взлетов, без каких-то необычных поворотов, даже на пресс-конференции вопросов никаких не было. Знали ли уже результаты все присутствующие? Я начал с благодарности жюри, с мысли о том, что явления крупного события на фестивале не произошло. Закрытие, пожалуй, прошло лучше, чем всегда, за счет того, что мы накануне накрутили хвост Трофимову, и он перестал ставить в концерт свою ленинградскую тусовку, а во-вторых, потому, что вёл все это Андрей Харитонов, с его врожденным аристократическим тактом и обаянием. Вот закрытие и прошло академичнее и строже. Как ребенок, радовался Виктор Сухоруков, получивший первую премию за исполнение роли Павла. Но, пожалуй, недоволен был С. Говорухин, даже не потому, что получил приз жюри вместо Гран-при, а потому, что слишком много получил Мельников. С Мельниковым действительно был некий пересол, ему еще дали какой-то очень красивый сервиз, как приз депутатов Законодательного собрания области. Был и председатель этого собрания, молодой, самоуверенный, с неважной речью человек, что стало заметно, когда он заблаговременно поздравлял женщин с праздником. Особенность подобных людей заключается в том, что их иногда и складная речь не имеет никакого содержания.

Конечно, элемент некоторой несправедливости по отношению к Говорухину, наверное, был — все-таки это эпос, пусть и сентиментальный, пусть и просоветский, но эпос. Но решение возникло путем голосования, я свой лишний голос в ход пускать не хотел. У меня и не было своего твердого и окончательного мнения. Ленинградцы, всегда привыкшие держать оборону против москвичей, победили. Основные номинации жюри зачитывал со сцены я. Нужно отметить, зал меня любит, в

какой-то момент послышалась музыка, вокруг меня заплясали веселые девушки и надели на меня тулуп и валенки. Это хороший подарок, я рад. Валенки и тулуп очень хорошо вольются в мою дачную жизнь. Предыдущим валенкам я не нарадуюсь. Сам я всего этого груза поднять не мог, и завтра валенки и тулуп повезут на поезде мои ребята, а также ящик с кружками.

Прием в полутемном ресторане не описываю. С энтузиазмом я поел только ананасы, обжаренные в кляре и замаскированные, чтобы их не опознали, под сырники. Но я, наученный прежним опытом, их опознал. Ни с кем не поговорил и не прощался.

В автобусе, по дороге на вокзал, сидел рядом с Сережей Шаргуновым. Он был хорошо выпивши и еще добавлял, его Аня тоже ему помогала. Отношения у них достаточно трогательные, вообще ребята мне очень нравятся, их семейная свобода, их конкуренция, их страстное до пронзительности желание пробиться.

В поезде ехал вместе с Василием Мищенко, которого помню еще по Хлестакову в «Современнике». Много говорили о театре, о премьерах, о том, как Вайда репетирует «Бесов», о Г. Волчек. Целый ряд вещей нам не надо было даже оговаривать, всё было понятно. Вася хотел бы к 50-летию сделать свой спектакль, который со временем, может быть, удалось бы превратить в антрепризу. Я впервые набрался неприкрытой наглости и предложил ему «Имитатора».

Пора и мне что-то переделывать в своей жизни и начинать интенсивно работать.

4 марта, четверг. Встретил меня на вокзале Паша. Позже я убедился, что очень правильно сделал, что еще из Гатчины попросил, чтобы меня встречал именно он, а не Коля. Коля несколько раз не выходил на работу по каким-то своим причинам, а потом, уже днем, когда Паша ему позвонил, чтобы он ехал за Александром Ивановичем, вдруг вспылил и решил в институт даже в назначенный час не приезжать. Мне все это совершенно понятно, это с Колей всегда случается, когда наступает предпраздничное время. Я это предвидел, когда внезапно и скоропалительно Коля женился на внучке Марка Лазаревича Галлая. Он мне рассказывал, как он вписался в дом, во все эти перешедшие по наследству и приобретенные во время перестройки дачи, квартиры и машины. Лера, жена Коли, женщина не только не бедная, но и, кажется, очень энергичная и работящая. Она не успевает всюду, за ее ребенком, за машинами, за квартирами, за дачей надо следить, перевозить с места на места родню, вообще собственность требует огромных усилий, которые русскому человеку, а особенно человеку творческому,

очень тяжелы. Жалко, я полагал, что как-то мы Колю, выпускника нашего института, снова к стихам и творчеству приобщим. Дай Бог, чтобы у него все получилось, не будем испытывать и питать к нему зла.

Я так много пишу о Николае, вспоминаю, что посылал его на поэтические по вторникам семинары, договаривался с Таней Бек относительно его поэтических публикаций, еще и потому, что пишу не только дневник, но и роман. Но линия, которую я выбрал, не вписалась, здесь возникло препятствие в виде обстоятельств и Колиного своеобразного взгляда на чужой долг. Линия закончилась, иссякла, так об этом и напишем.

В институте все более или менее в порядке, к Женскому празднику выдали женщинам по 1000 рублей, всем. Но одно плохо, и могло закончиться трагедией. Рухнул потолок на кафедре РКИ. Такая вдруг злоба обуяла меня по поводу министерства, которое вдруг относительно реставрации отправляет меня на второй круг в министерство экономики, к Грефу. У них же в руках государственная инвестиционная программа. Я вполне имею право думать, что все там уже распределено и теперь моими руками пытаются добыть деньги. На министра, конечно, нашим строителям наплевать. Я думаю, тот разговор, который состоялся у меня перед отъездом в Гатчину, прошел таким образом только потому, что министра чиновники уже похоронили. Я начал обдумывать письмо в министерство. Нет уж, милые, если рухнет в институте крыша, я сделаю вас соответчиками!

Вышла «Литературная газета» с убийственными материалами по нашему телевидению, и в частности по поводу работы «змей злословья». Прочел с удовлетворением. В газете также рейтинг продаж книг современных прозаиков в Санкт-Петербургском Доме книги. Я там на 50-м месте (2 книги продаж), после меня на пустом нулевом месте только М. Бутов, В. Дёгтев, М. Попов, А. Сегень. Меня только смущает одно: что же там они такое продают? Вроде бы «Дневники» уже закончились, «Ленин» давно продан, нового, кроме этого, я лет пять уже ничего не выпускаю. Может быть, «Избранное» Астрели баклажанового цвета или какая-нибудь из моих публицистических старых книг? Для меня это урок, пора заняться не только написанием книг, но и их распространением.

Лег спать в десять или половине одиннадцатого.

5 марта, пятница. «Московский комсомолец» вышел с таким разъяснением главного раввина России Берл-Лазара по поводу назначения Михаила Фрадкова на новый пост. **«Несмотря на то, что по еврейским законам Михаил Фрадков евреем не**

является (с этим народом он связан по отцовской, а не по материнской линии), его имя занесено в третий том Российской еврейской энциклопедии, вышедшей в 2000 году».

Немножко ниже есть еще один комментарий. Это естественно: газета интересуется личностью нового премьера и его предпочтениями, которые, конечно, лежат в рамках природы.

«Президент Российского еврейского конгресса (РЕК) Евгений Сатановский считает, что «в постсоветской России не существует препятствий для того, чтобы человек любой национальности мог занять любой государственный пост. Показателем этого могут служить два народа, к которым со времени Сталина в России относились особенно недоверчиво: евреи и немцы. Между тем сегодня происхождение Грефа или Фрадкова, Швыдкого или Миллера не имеет никаких препятствий для работы во властных структурах».

Чего же только господин председатель так интересуется национальностью «властных» людей? Не русские? Но если русскому неприлично говорить о том, что он русский, иначе он шовинист, то и вы о своем первородстве тоже помалкивайте!

Среди подарков, полученных от спонсоров в Гатчине, кроме валенок и милицейского тулупа оказалась еще и просторная бутылка коньяка «Хеннесси», которую мне преподнесли во время пресс-конференции. Каким-то образом фирма «Хеннесси» стала одним из спонсоров кинофестиваля, по крайней мере рекламный плакат этой фирмы висел в зрительном зале. Я вообще не очень ценю подарки, особенно когда дар, так сказать, по долгу службы или представляет рекламную акцию. Но подарки-то, в принципе, запоминаются. Ты как бы рассматриваешь его, запоминаешь, распробуешь. Я думаю, ни один подобный даритель не остается внакладе. Я определенно заявляю, что коньяк, который я попробовал, был лучший из всего того, что я пил подобного за свою жизнь. Но пробовать я его совсем и не собирался. Я представлял, как этот коньячок окажется в сумке Валентины Сергеевны и потом на столе какого-нибудь из ее многочисленных врачей. Дай Бог ему выпить в удовольствие и ему самому здоровья. Но все получилось по-другому. Утром вдруг меня осенил новый план. А почему бы на работе не организовать новый маленький праздник?

К этому времени из Гатчины пришла большая коробка с подарочными кружками — значит, минимум 11 подарков в честь Женского дня у меня есть. А дальше я утром же заехал в магазин возле метро «Университет», купил три больших плоских торта-флая, так сказать, для всех один пышный, а легкий торт — для

наших трех девочек, и все. Картинка была такая: стояла у меня на столе в кабинете бутылка коньяка, возле нее двадцать или тридцать рюмочек, и девушки шли эшелонами: сначала библиотека, потом бухгалтерия, потом другие подразделения. Больше всех по этому поводу радовался, конечно, я сам.

Раннее утро началось, конечно, с того, что я не вставая принялся дочитывать «Хургаду», которая идет во втором номере «Московского вестника». Я недаром столько над нею сидел и этим летом вписывал три новых новеллы. Все получилось лучше, чем я даже предполагал. Что там скажет читатель — не ведаю, но сатирический взлет и раздражение этой жизнью у меня налицо. Мне эта работа, на которую я положил столько сил и которой долгое время был недоволен, теперь определенно нравится.

«Хургаду» с перерывами дочитывал на работе. И надо не забывать, что параллельно я все время читаю еще «Дневники» за 2002 год, которые тоже идут у Гусева. Хватило бы только сил «Дневники» немножко подсократить, потому что с крепкими страницами много балласта, пустых, ложнозначительных мест.

На телевидении идет пир комментариев, суждений и просто подначек по поводу президентских выборов. Есть ли выбор у популярного человека? Мне кажется, что телевидение все же довело до сведения всей страны, что с выборами не все благополучно, и впервые мы стали задумываться, что без оппозиции тоже не так хорошо, как хотелось бы. Интересно, что все персонажи прежнего режима — Немцов, Явлинский и ряд других — исчезли, будто вымерли. Где они, о чем мечтают? Теперь стало окончательно ясно, ради чего они все боролись. Смена телевизионных персонажей. Осталась только Хакамада, которая бьется за идею, а это, согласимся, достойно уважения.

Вечером у Савика Шустера в его «Свободе слова» состоялась передача о коррупции. Как это иногда бывает на телевидении, результат получился обратный замыслу. Замысел был простенький — как-то немножко развести пожиже путинскую выборную кампанию, маленько, если получится, навредить, но получился подкоп под режим. А разве четыре года назад Путин не собирался искоренить коррупцию? Только один Рогозин позволил себе назвать фамилию, рассказав, как бывшего министра финансов Вавилова допросили по финансовому поводу, сняв с самолета в США. Откуда, дескать, возникло богатство у чиновника? На это милый либерал Митрофанов, назвав Рогозина Димой и сказав, что он ничего не знает, — вот кто, оказывается, следит за чужим богатством, — сообщил, что незадолго до этого за 600 миллионов долларов Вавилов продал принадлежащую ему нефтяную компанию. Это все немедленно сомкнулось с тезисом

неутомимой Хакамады, процитировавшей Жванецкого: кто что охраняет, тот это и имеет. Вавилов охранял деньги. В общем, картина получилась мрачная и жестокая, и перспектив, выберем мы Путина или не выберем, никаких! Время покажет. Еще одна немаловажная и символическая деталь: аудиторию, зрителей, разделили для традиционного голосования на две категории — на тех, кто когда-либо давал взятки, и тех, кто взяток не давал. Я подумал, а почему бы здесь же не попробовать поискать категорию людей, которые взятки получали? Это было бы очень занятно, особенно если бы поставили так называемый детектор лжи.

6–7 марта, суббота, воскресенье. Отоспался, отлежался, отгулялся на даче. Прошлый раз я заплатил за электроэнергию 2 тысячи рублей. Дорого, но удобно: сначала топишь заледеневший дом дровами, а потом переходишь на электрокотел. Погода солнечная и мягкая, лишь бы не ударил мороз, тогда будет трудно заводиться.

Читал Володю Никитина, много работал с Дневником, вычитываю 2002 год для журнала, ходил с собакой вдоль реки. Роман сидит гвоздем, но не пишется, а надо бы.

Внутренне готовлюсь к новым бюрократическим трудностям в связи с приходом на пост Фрадкова. У нас теперь два Михаила Ефимовича!

8 марта, понедельник. Ехали довольно рано с дачи, машин почти не было, зато много совершенно пьяных людей вдоль дороги на территории деревень. Сразу же после Воробьев заправлялся на новой автозаправке. Помогал парень, откручивал крышку бака, вставлял в горловину пистолет. Слово за слово, работы мало, он ездит на работу за тридцать километров.

Вечером по телевидению показали, как В. В. Путин встречался с женщинами. Назвали и самую богатую женщину России. Ею оказалась любимая дочь бывшего дедушки-президента Б. Н. Ельцина Татьяна Дьяченко. Тоже по телевидению: губернатор Абрамович — самый богатый из жителей Англии, его состояние, по словам ТВ, превышает состояние английской королевы Елизаветы Второй. Правда, королева и ее родня глубочайшим образом воздействовали в течение нескольких веков на культуру и формирование традиций этой замечательной страны и мировой державы, собрала коллекцию живописи мирового класса. Абрамович же пестует «Челси». Ура! Отсюда два вывода: воистину прав сатирик Жванецкий, кто что охраняет… и второй: в этой стране революция не за горами.

По НТВ, а на этом канале никогда ничего не бывает случайным, показали «Человека в железной маске» по А. Дюма.

Романтический фильм о нелигитимной власти. Это по поводу Фрадкова, нашего нового, только что объявленного премьер-министра, Путина и пр. и пр. Я последнее время много думаю, за кого я буду голосовать. Дело ведь не в том, кто выиграет, а с каким чувством и с каким счетом получит власть, наша обязанность сказать власти путем голосования, что мы о ней думаем. Я лично думаю, что перестраивали синагогу на Бронной не случайно, не знаю, Бронную ли, но Фрадков, как пишет пресса, синагогу уже посетил. Человек, связанный с Богом, — это человек уже особенный.

До глубокой ночи смотрел «72 метра», фильм Вл. Хотиненко. Это замечательный блокбастер на американский манер с русским оттенком душевности. Но здесь тем не менее я нахожу много условности и заказанности. Тень катастрофы «Курска» витает, так же как и идея ее реабилитации за счет привходящих обстоятельств. В частности, мины, оставшейся со Второй мировой войны. Замечательной мне кажется сцена, как из двенадцати новых спасательных аппаратов, на которые надеются, работает только один. Разгильдяйство — русская богиня сегодняшнего дня — витает над всеми нами.

После фильма решил лечь спать, но случайно включил телевизор, и тут по «Культуре» совершенно божественный фильм «Па-де-де на всю жизнь» о Ролане Пети и его жене танцовщице Зизи. Невероятная судьба, невероятная красота отношений. Как бы все это мне не забыть и помнить всю оставшуюся жизнь.

9 марта, вторник. Разбирали «Мельницу» Володи Никитина. Я довольно высоко о ней отозвался, мне нравится в этом сочинении чувство сострадания к жизни у автора. Меня не раздражает даже фрагментарность сочинения. В этом смысле и в этой манере Володя тему — мальчик-писатель, вступающий в жизнь, — как бы даже и закрыл. Молодец.

В час был Э. Лимонов, я соединил его с Харловым, занимающимся арендой площадей. Эдуарду под его газету и фонд, после того как их организацию выгнали из подвала на Фрунзенской, нужна какая-то площадь. Он совсем не в обиде на городские власти, рассказывает, что многие годы они его терпели, сокращали плату за аренду, прощали недоимки, а за последние годы вообще не требовали платить. У меня полное понимание того, что лимоновцы — единственная сила, а это сила молодых и обездоленных, это практически эквивалент того рабочего класса, на который опирался В. И. Ленин, единственная сила, которой сегодняшняя власть по-настоящему боится. И правильно делает. Эдуард рассказывал, как его партию раз шесть не хотели зарегистрировать, каждый раз выискивая какие-нибудь

причины. А что подобные причины можно выискать, мне очень хорошо понятно.

К трем часам поехал на совещание, которое собирает совет московских ректоров в Бауманском институте. Мне еще очень хотелось посмотреть новое здание Бауманки, о котором я много слышал. Что касается здания, то оно, конечно, прекрасно, хотя, если мы строим на века, могло бы быть и лучше. Цель совещания определилась быстро и оказалась именно такой, какой я и предполагал: катастрофическое положение с явкой на выборы по Москве. Доклад делал с обычной обкомо-райкомовской логикой и убедительностью В. А. Шанцев.

Собрание началось с короткого вступительного слова ректора Федорова. Должен сказать, что и встреча гостей, и сама процедура впечатляют — внизу милиция, машины сопровождения вице-мэра. Каждого ректора ведут по длинному коридору в спецраздевалку перед актовым залом. Я с большим интересом оглядываюсь, по идее — хотелось бы так же построиться и отреставрироваться и нам. Но объемы — сумасшедшие, Федоров об этом сказал: 8 тысяч кв. метров, около ста аудиторий, сам зал огромен, и всех предупреждают — садитесь на красные кресла. Меня рассмешило название — «VIP-места».

Теперь, собственно, конспект того, что сказал Шанцев.

Город беспокоит явка москвичей, в первую очередь, на выборы президента и во вторую — на выборы вместо тех депутатов Мосгордумы, которые ушли в Государственную Думу. Относительно явки. Мэрия ориентируется по предыдущим годам выборов мэров: 86-й г. — явка 86 %; 99-й — явка 66,6 %; 2003-й — явка 57,7 %. Город по этому вопросу провел социальное исследование. Сегодня твердо заявляют желание прийти на выборы 56 %, не пойдет — 12 %. Но из тех, кто изъявляет твердое желание, опять-таки довольно многие могут не прийти. Проверили и погоду, 14 марта погода будет хорошая, многие могут уехать за город. Погода подводит. Примется ли мэр на этот раз наводить тучи на дачные участки?

Шанцев отмечает и особо неблагоприятную ситуацию в Москве, а на Москву ориентируются и многие другие регионы. Ситуация связана с тем, что произошел теракт в метро, потом рухнул аквапарк, потом рухнула крыша над стоянкой автотранспорта. Кому-то очень трудно объяснить, что Москва — огромный мегаполис, равный по объему иному иностранному государству. Да, за всё отвечают власти, но ведь так оно и есть. По городу гуляют листовки, что мы идем к тоталитарному режиму. Долго объясняет, что Путин не диктатор. Далее Шанцев объясняет возникновение этих слухов, объясняет довольно

толково и объективно. Это связано с тем, что и левые, и правые не добились своих целей, не провели в Думу того количества людей, которое намеревались провести, и в результате получилось совершенно неожиданное: правые объединились с левыми. Засрались, короче говоря. Выборная ситуация в Москве, подчеркивает Шанцев, много хуже ситуации в России. Отсюда вывод: необходимо поработать, организовать дежурства в общежитиях — обычный расклад мер.

Ректоров было около ста человек, именно столько в Москве вузов. Я их всех в лицо не знаю, кроме Аллы Георгиевны Черновой, ректора Экономической, кажется, академии, эта величественная седовласая дама, как всегда, сидела в первом ряду и, когда надо, первой подавала реплики. Меня очень интересует, как у нее с ректорским сроком. Алла Георгиевна напоминала мне кое-каких деятельниц от искусств, которые, так же сидя в зале, всегда подают нужные реплики уже мэру на ежегодном совещании с «творцами».

Перед самым совещанием я познакомился с молодой дамой, Ириной Владимировной Карапетян, исполняющей обязанности ректора афанасьевского РГГУ. Я вошел и недолго решал — с кем сидеть (а сидеть надо всегда с женщинами помоложе). Так и сел. Разговорились, у меня возникли вопросы — о положении в РГГУ, о назначении ректора. Ирина Владимировна беспокоится, что ректор, избранный 24 декабря, до сих пор не утвержден, хотя министр Филиппов обещал сделать это в один день. Какая-то там история. Как я понял, в университете не все были довольны работой Афанасьева, его задиристой боевой деятельностью. Сейчас в РГГУ около 150 судебных дел, в том числе дел, связанных с собственностью. На это я мог прореагировать только определенным образом: в то время, когда была перестройка и я занимался хозяйственными делами, формулировал документы, мои коллеги занимались собою, своим благосостоянием и политической деятельностью. Из разговора стало ясно, что младший Рыжков, который сейчас так напорист, логичен и агрессивен, является, видимо, ставленником ЮКОСа. Этот мир безумно занятен.

В машину, когда я ехал обратно, позвонил Ашот и сказал: у нас новый министр культуры и новый министр образования. Культуры — Соколов, ректор Московской консерватории, посмотрим. Образования — Фурсенко, ученый, руководивший ранее комитетом или министерством по науке. Из правительства, таким образом, Путин изъял Швыдкого, которого не любила русская интеллигенция; Филиппова, которого просто не любили за готовность поступить «как надо в соответствии с Болонской

конвенцией»; Починка, который всегда, будучи не бедным человеком, доказывал, какую огромную пенсию получают пенсионеры и как государство заботится о неимущих. Заботилось оно, заботится и будет заботиться только об олигархах, каждый чиновник хотел бы стать кем-то подобным. Оно их любит, пока эти олигархи не высовываются и не дискредитируют правительство. Точка. Ничего не изменится. Потому что Греф и Кудрин остались на своих местах, а экономический блок решает все. Перестановка должна лишь скрыть, куда уходят бюджетные деньги и доходы огромной страны. Реорганизация правительства — это лишь пауза, не больше. Сужу по себе, огромная работа, которую я вел по реконструкции института, пошла коту под хвост. Чиновники умело, в преддверии смены министров, послали меня по второму кругу. Такая ненависть захлестывает меня в этот момент!

Вечером позвонил Н. Л. Дементьевой и сказал, что если она сможет, пусть передаст М. Е. Швыдкому, что он может хоть завтра выходить на работу в Литературный институт! Тут же я подумал, что если и у нее не станет работы, то было бы замечательно взять ее замом по реконструкции и реставрации института. Она-то ведь знает все извивы чиновничьих ходов. Но это лишь мечты!

10 марта, среда. По утрам В. С. любит досказывать мне то, что не успела рассказать с вечера. «Вот забыла тебе сказать!» На сей раз это коротенькое замечание о том, что, заканчивая свою передачу, Вл. Познер поздравил с семидесятилетием «великого нашего сатирика, равного по значению Гоголю и Салтыкову-Щедрину Михаила Жванецкого». Ну, подобное я уже слышал, например, что Гроссман выше Толстого. Об этом мне прямо сказал наш великий театровед Александр Михайлович Борщаговский. Точно так же все обстоит и со Жванецким, я бы даже сказал, что Гоголь мельче, у него не отнимали джипа, и он умер, по нашим меркам, совсем молодым от своих мистических религиозных исканий, уж до семидесяти-то лет и до орденов от президента он не дожил.

Утром ездил на открытие Книжной ярмарки на ВДНХ. Встретил там Наталью Леонидовну в замечательном новом жакете. Она ярмарку и открывала. Я стоял рядом с Олегом Фочкиным, из «Московского комсомольца», и по своему обыкновению немного ёрничал, комментируя всех подряд. Потом в «Московском комсомольце» появилось высказывание Дементьевой о том, что книга как бы уравнивает всех, что естественно и справедливо, и моя дурашливая фраза: ректор Литературного института полагает, что книга должна не только уравнивать, но и поднимать уровень, причем каждая прочитанная

книга.

Сама выставка, как мне показалось, довольно однообразна — книги для показа интеллектуальной мощи хозяина в дорогих гостиных; книги-монументы, книги-альбомы вытеснили простую и задушевную книгу. Много книг коммерческих. Общество книголюбов также имеет свой стенд, в котором есть выгородка для издательства института. Кстати, в этом году в большом каталоге ярмарки представлены и наши студенты. Я эти материалы отправлю завтра, как договорились.

Всё безумно коммерциализировано, и даже выступающие на выставке наши студенты должны будут купить себе билет, а билеты недешевые — 80 руб., скидка существует только для инвалидов — по 30 руб. за билет. Хотел бы я посмотреть на этих инвалидов, которые сначала приедут на выставку, а потом должны будут пройти километр дороги от входа до павильона. Вообще, вся бывшая ВДНХ приобретает характер большого торжища. Возможно, что павильоны, в которых что-то происходит, как, например, в этом книжном, дирекцию Выставки раздражают.

На открытии встретил В. Григорьева, заместителя министра ликвидированного министерства печати. У нас отношения, конечно, сложные, вернее, деловые отношения сложные. Я тут же к нему подвалил с идеей за государственный счет издать Словарь выпускников. Когда утрясу все параметры и дела по этому Словарю, начну писать письмо.

Попал на защиту дипломных работ. К сожалению, у Андр. Мих. Туркова тяжело болеет жена, но защита была интересной, потому что интересные были ребята: у Гусева защищалась Голенко, которая, по своим статьям, уже профессионал. Очень любопытно защищался парень из семинара Юрия Апенченко, а также студентка покойного Ю. Кузнецова. Все они получили оценку «отлично». В четыре часа сделали небольшой вечер, народу было мало. Я рассказал о фестивале, наша замечательная «тройка» читала свои стихи. А потом я показал фильм «Любовь Чапая». Это, как я считаю, самый спорный фильм фестиваля. Я его смотрю уже два раза, и постоянно у меня рождается идея — написать статью об этом фильме.

11 марта, четверг. *С утра в здании Академии на Ленинском проспекте состоялось заседание Академии социальных наук, одним словом, собрали ученые советы нескольких институтов, представителей общественных движений, был интеллектуально-деловой Клуб Рыжкова. Тема — «Конституционное развитие России» — я бы сказал, что это тема истинно Валерия Дмитриевича Зорькина, делавшего доклад. Доклад был академическим, через него сначала чуть просвечивал темперамент*

председателя Конституционного суда, как документа незыблемого. Он много говорил о значении конституции, о реформистском зуде по отношению к ней. В это же время я подготовил такой вопрос, который собирался задать, но, к счастью, не задал: «Вы говорите о конституции как о некоем законном, некоем священном тексте. Но давайте вспомним, как эта конституция создавалась, кем? Или по-другому: воплотилось ли в этой Конституции всё лучшее, что наработала мировая общественная мысль в этом направлении?»

Дальше Зорькин стал говорить о стремлении некоторых сил изменить концепцию суверенитета государства, нападении на так называемую Вестфальскую систему, основной тезис которой, что суверенитет не зависит ни от экономического потенциала страны, ни от ее силы и размеров. Это всё американские тенденции, связанные с глобализацией. Идея, вытекающая отсюда, — право сильной страны на интервенцию. Иллюстрация — Ирак. Отсюда, естественно, возникает угроза наступления на права человека: 11 сентября и билль о патриотизме.

Далее Зорькин разбирал несколько узлов, связанных с попыткой размыть конституцию и государство, говорил об отсутствии в обществе правового самосознания, но всё это не так интересно.

Когда же он подошел к главному — а у нас это воровство, коррупция, — выяснились удивительные вещи. Например, существуют наработанные в Европейском Сообществе и ООН документы, связанные с этими проблемами, несколько пактов, в том числе несколько государственных. С 1999 г. эти пакты Россией подписаны, но до сих пор не ратифицированы. Это свидетельствует о многом.

Или еще пример: совсем недавно не без помощи Государственной Думы из законодательства исчезла статья о конфискации имущества. Понятно? Если я миллиардер, то пусть отсижу семь лет, но потом так и буду жить со своими миллиардами. Вообще мы, западники и либералы, европейским опытом пользоваться не хотим. У нас есть свои подготовленные антикоррупционные документы, но они тоже не приняты. У нас существует Совет при президенте, связанный с борьбой с коррупцией. Кстати, насчет конфискации имущества в Европе: это вполне легитимная статья, но, кажется, такой статьи нет в Америке. Потом один из выступивших по докладу сказал, что в Америке такая система штрафов, что для уплаты их надо продать не только все свое имущество, но и иногда заложить самого себя.

Я, конечно, не помню всего, и совсем не подробно все записал, но в докладе были еще очень взвешенные примеры. Например, как борьба с коррупцией (в Узбекистане) может стать

стартовым моментом для сепаратизма. Ножом можно резать хлеб, но им можно и зарезать человека.

После доклада задавали вопросы, фамилии часто не назывались, и я так и пишу. Например, суть вопроса заключается в двух цифрах: пять с половиной тысяч открытых в прошлом, кажется, году дел по борьбе с коррупцией. Две тысячи дел были не закрыты, а переданы в суд. По этим делам проходили милиционеры, врачи, учителя, представители высшего учебного заведения, но, естественно, — ни олигархов, ни дельцов, никого — их не было. Еще один вопрос о коррупции звучал так, что из него было ясно: даже нашими несовершенными законами с коррупцией можно бороться, если эти законы исполнять. И, наконец, вопрос, который я также записал себе в книжку: «Правильно ли я вас понял, Вал. Дм., что всему антикоррупционному законодательству мешает инертное, мягко говоря, поведение наших парламентариев и их какая-то в этом странная заинтересованность?»

Убийственным по жесткости и приведенным данным был содоклад Дмитрия Сергеевича Львова, академика. У науки еще сохранилась какая-то отвага.

Если наше население условно разбить на 5 групп, где в первой группе нищие, я-то в лучшем случае в третьей, то четвертая, так называемый средний класс, стала жить хуже за последний год, в то же время пятая группа (20 % населения) стала жить в полтора раза лучше. Львов говорил, что же это за социальное государство, которое на своих знаменах написало «20 на 80»?!

Еще один тезис. Всем может казаться, что мы живем за счет нефти, но если внимательно посмотреть на составляющие бюджета, то можно увидеть, что одна треть в нем состоит из налогов, так сказать, на нашу деятельность — либералы по-прежнему налоги и доходы считают по Марксу.

Еще важнейший вопрос, который поднял Львов, связан с проблемой собственности «от Бога». Нефть, полезные ископаемые, то, что нам уже дано, — почему этим пользуются лишь 20 % граждан? Почему лишь 12 семей практически захватили все, связанное с этими дарами Бога? В этом смысле, замечает Львов, удивляет декларирование высшими властями, что, дескать, пересмотра приватизации не будет. А какая это приватизация, когда был просто захват?

Третья позиция связана с неравенством в пределах нашей страны. По регионам распределение по труду иногда отличается в 62 раза. Инвестиция на душу населения различается до двух тысяч раз. В Европе же эти различия — всего в 6–7 раз. Страны

Европы в большей степени имеют право называться единым социальным государством. Главный тезис — права для всех на доходы от Бога. Я тут вспомнил эмираты Персидского залива, где каждый при рождении получает что-то, как бы подаренное на жизнь от Бога. Вот точная цифра — 70 %. Наш бюджет — это доходы от результатов труда. Львов тут употребил слово «декорация».

Неделя переполнена как бы полуобщественными, но необходимыми для института делами. Такой трудной недели у меня давно не было.

В три часа состоялось правление секции прозы. Я как председатель секции веду это впервые. Все собрались. Писатели, отстраненные от жизни, теперь с удовольствием собираются по первому предлогу. Я начал с того, что попытался рассказать о себе. Начав со своего разговора с Цеденбалом, аккуратно прошелся в общем по собственной биографии, сообщив, что я практически — первый в своей семье человек с высшим образованием. А они что думали — я из княжеского рода? Выбрали двух замов председателя секции: Сережу Сибирцева и Олеся Кожедуба. Я думаю, мы постепенно эту работу наладим. Конечно, мы не сможем наладить только одного: как-то соединить наших писателей с жизнью и новым временем.

Расписание у меня было сложное. К семи часам вечера я поехал на фильм Лидии Бобровой «Бабуся» в «Художественный», а в 10.30 должен был встретить Ю. И. Бундина с женой и Юру Полякова, возвращавшихся из МХАТа на Тверском.

На премьеру фильма Бобровой пришло довольно много видных кинематографистов, в том числе и Марлен Хуциев (он всегда меня привечает и всегда передает привет В. С.). Не знаю, как специалистов, но зрителей и меня фильм Бобровой пронял. Лида, конечно, для быта человек очень неудачный, всегда у нее свое мнение. Но сейчас, когда я уже посмотрел несколько ее фильмов и был инициатором её Гран-при на одном из Гатчинских фестивалей, я понял, что у нас в стране проживает очень крупный художник. В своем фильме она рассказала историю старой деревенской женщины, вырастившей детей и внуков, продавшей дом, чтобы помочь им раскрутить свой бизнес, и теперь живущей то у одного, то у другого. И вот возят её из одного дома в другой, но ни внук, живущий в богатом особняке, ни сын, имеющий элитную квартиру, не оставляют ее у себя. В самой идее есть, конечно, некая публицистичность, но всё сделано с таким поразительным художественным тактом, что диву даешься. Снова выскользнула тут наша замечательная русская традиция: понимания и сострадания. Лида недаром получила все

существующие премии, недавно фильм ее прошел по экранам Франции.

В 10. 30 у ворот встретил своих гостей, попили чаю в нашем кафе — там в это время пел Валера Кирамов и играл легендарный Козлов (я уже теперь не знаю, на кого по четвергам ходят в наше кафе: на Кирамова или на Козлова). Домой приехал в первом часу.

12 марта, пятница. До двух был на работе, где обычная рутина, итоги зимней сессии, неуспевающие, некачественно сделанные договора, в том числе и у международного отдела, хозяйство, приказ о режиме на дни выборов и прочее.

В два, перед тем как ехать на день рождения Сергея Владимировича Михалкова, которому исполняется 91 год, устроили маленькое совещание с Андреем Викторовичем Алябьевым. Мы через двенадцать дней едем с ним в командировку в Китай по делам РАО. За это время кое-что в положении РАО изменилось. Как в свое время олигархи захватили наши недра и ископаемые природных ресурсов, так теперь пытаются добрать все остальное, что может само по себе приносить деньги и являться одновременно источником некоторого положения. При помощи администрации президента мы, кажется, отбились от того, чтобы на четвертый этаж нам вселили вновь организованное Общество. А оно организовалось. Лучший пример — так называемые альтернативные писательские союзы. Каждый раз, вроде бы организовавшись, они потом начинают требовать дележки того, что не они добыли и вабили, т. е. площадей и помещений. А когда их откуда-нибудь вышибают, устраивают всемирный стон! Но, слава Богу, и здесь их отбили. Поддерживает это новое общество министр Лесин, владелец империи телевизионной рекламы. Почему поддерживает, мне и многим понятно, я об этом писал, а сейчас в связи с реорганизацией министерств мне это стало еще понятнее. Я представляю, как эта рекламная империя начнет трещать и делиться, если Лесин перестанет быть главным управляющим телевизионных каналов. Но сам факт совмещения в одних руках министерского портфеля по делам коммуникаций и владельца крупнейшего рекламного агентства — нонсенс. Но министру хотелось бы еще стоять и у крана получения с телевизионных каналов авторского гонорара. Именно поэтому он написал и подписал несколько писем в организацию, которая ведала арендованной РАО площадью, чтобы вселить на четвертый этаж новую организацию. Но, к счастью, здесь возникли интересы и третьих лиц. В результате этого мы, правда, лишились небольшого престижного помещения на Малой Бронной,

отошедшего к организации, которой владеет другой начальник и рудознатец, но само здание сохранили. Это, конечно, компромисс, но с ним можно согласиться. Объективно это победа. Но сейчас возник другой ловкий маневр триумвирата: канал Добродеева подписал с новым обществом договор на получение ими авторского гонорара. Прав у нового общества без заявлений авторов, права которых у нас, — никаких. В этом министерстве среди руководства царят своеобразные порядки, все чего-то ссорятся, делят, чего-то хотят. Тот же Эрнст, который еще недавно тоже платить не хотел, вдруг весь авторский гонорар за канал выплатил. РАО приносит свою жалобу на Добродеева Генеральной прокуратуре. Ситуация занятнейшая, свободных денег все меньше, желающих их распределять — все больше.

День рождения С. В. проходило в Фонде культуры, в привычном мне здании и зале. Народу было немного, человек пятьдесят, это все писатели, товарищи по роду занятий, никаких нужных людей, родственников, столпов государства. Кормили очень хорошо, вкусно, даже изысканно. Крышка большого рояля была завалена букетами цветов. Садовые цветы, а особенно цветы откуда-нибудь из Голландии или Колумбии, я не люблю, в основном из экономических соображений: не люблю, когда наши деньги уходят в другие страны. В тот момент, когда такие цветы покупаю, я представляю себе сонм смуглолицых, с кепками-аэродромами перекупщиков. В качестве подарка я принес горячий пирог с грибами и капустой, который мне только что испекли в нашей столовой. Где-то в самом начале я предупредил жену С. В. Юлию Валерьевну об этом пироге, и она сказала, что обязательно этот пирог заберет домой.

Все присутствующие говорили хорошо и искренне. И Юра Поляков, и Володя Гусев, и Илья Сергеевич Глазунов, который, как и любой классик, чуть-чуть потянул одеяло на себя и говорил длинновато. Но сказать ему было что, ибо, судя по его речи, в свое время С. В. помог Глазунову на старте. Мне понравилось, что Глазунов употребил старинное слово *благодетель*. К сожалению, речь Глазунова я прослушал не очень внимательно, потому что подсела ко мне Наталья Юрьевна Дурова и стала показывать все поздравления, которые она получила за последнее время, в том числе и довольно стандартное поздравление с 8-м Марта от президента. Потом мы поговорили с Ильей Сергеевичем, и он предложил мне поработать с его искусствоведами — «научить их писать». Я принялся обдумывать.

Главное, что произошло — это речь самого С. В. Михалкова. Конечно, такая цифра прожитых лет — это судьба, это от Бога, но, подчеркнул Михалков, он никому никогда не делал зла, никого

не отправил в лагеря, никого не предавал, всегда стремился делать добро. Он всегда спал спокойно. Дальше он сказал, что иногда люди не хотят за кого-нибудь просить, потому что боятся: вдруг когда-нибудь не хватит для себя. Каким-то неведомым мне образом этот тезис в своей полярности сомкнулся с тем, что я слышал накануне: целый ряд людей в нашей стране противятся смертной казни за убийства, за распространение наркотиков, за другие смертные грехи потому, что сами боятся попасть под эту же кару.

Вечером как член комиссии по премиям был в театре Моссовета на спектакле «Муж, жена и любовник». Меня несколько смутило объявление в программке «Пьеса Ю. Еремина по мотивам рассказа Ф. Достоевского «Вечный муж» и пьесе И. Тургенева «Провинциалка». Полумонтаж, полуинсценировка. Постановка того же Ю. Еремина. Мне кажется, все это довольно случайно, вне какой бы то линии, факта большого искусства тоже не состоялось. Правда, была выдающаяся виртуозная игра Валентина Гафта, который так мне в свое время не понравился в «Современнике» в пьесе Бернарда Шоу «Пигмалион», и замечательно исполнил гротесковую, кукольную роль графа Геннадий Бортников. К сожалению, Ольга Остроумова, которая выглядит прекрасно, играет только на своем уровне.

13 марта, суббота. На дорогах огромное количество милиции — это какой-то страх власти и перед терактами, и перед самой жизнью, которая в любой момент может преподнести сюрприз. Последнее грозное, почти такое же мощное по масштабу событие — это теракт в Мадриде, когда почти одновременно прогремели взрывы в нескольких электричках. Судя по всему, это месть за участие Испании в устрашающей акции в Ираке. Там тоже не прекращаются взрывы и другие акты несогласия с позицией американцев.

Но на даче прекрасно. Солнце неимоверно сверкает. Все тает, дорожки уже обнажились. Резал заросшие и дичающие яблони, топил баню. К сожалению, девочки забыли положить мне работу на вторник, так что возникло окно вынужденного безделья. Заполнял его работой с Дневником, учил английский, прочел три рассказа Пети Алешкина. Это уже совсем не тот Петя, который печатал меня восемь или девять лет назад. Тогда он тоже что-то мне давал читать. Рассказы сугубо русские по теме и подходу, это почти всегда деревня, почти всегда люди немолодые, судьба, то, что нас, русских ребят из деревень, по-настоящему, кровно волнует. Но не тот Петя Алешкин, потому что за эти годы из просто грамотного и умелого писателя-читателя он превратился в прекрасного и тонкого стилиста. Ушли какие-то неловкости,

красивости, ошибки стиля. А ведь внешне он остался совсем таким же простецким и даже по виду дурашливым. Но сколько же, оказывается, шло работы под этой обычной для русского человека маской.

14 марта, воскресенье. Уже несколько дней подряд, в единственное мое окно для чтения утром и вечером, читаю Ирину Денежкину. Это новая звезда, о которой довольно много говорят. В свое время она была в шорт-листе премии национального бестселлера. По слухам, у нее сейчас 17 договоров с иностранными издательствами. Если мне не изменяет память, еще до Франкфуртской ярмарки я читал ее повесть, связанную с восемнадцатым веком. Тогда уже мне показалось, что это человек талантливый. Впрочем, говорят также, что ее раскручивает Березовский, во что, конечно, я не верю. То, что её достаточно высоко ценит Виктор Топоров, который и опубликовал её книжку, уже является для меня некоторой рекомендацией. Думаю, что так много договоров потому, что это чрезвычайно незатейливый и простой стиль, достаточно новый объект изображения — сегодняшние 18-22-летние, студенты, школьники, их субкультура, с песнями как заменителями духовной жизни, с пивом и с «траханьем», которое у них носит даже не сексуальный, а скорее ритуальный характер. Это слово довольно часто порхает у Денежкиной, но нигде за ним не чувствуется того взрыва и напряжения живой плоти, которое оно подразумевает. Стакан воды. Повторяю, человек она способный, но думается, что на ближайшие пять лет о ней надо забыть, потому что она никогда не прорвется вглубь материала: ее герои — это сонные, неодухотворенные манекены. Может быть, в них проснулась чувственность, потребность говорить, и говорить неглупо, сдавать свои экзамены, и сдавать неплохо, — но и только. Борение духа и рефлексия, то, чем сильна русская литература, еще спит в комочке. Наша западная литература хотела бы видеть русскую литературу именно такой: прочли, отложили, забыли.

Уехал рано и на 85-м километре наткнулся на гаишника. Он остановил мою машину и показал мне на экран локатора: 84 км. Это была чистейшая ложь, я езжу по дороге целых двадцать лет и знаю каждую нору, где стоят эти гвардейцы наживы. Для меня стало ясно, что коли всю службу в день президентских выборов выгнали охранять и оберегать, то они превратят это в день большого дохода. Я поднял скандал, и постовой понял, что имеет дело с крепким и скандальным орешком. Но и постовой был лихой малый. Возможно, говорит он, прибор и ошибся, но ведь вы не будете отрицать, что ехали без ремней безопасности. Я не стал возражать и подивился находчивости. Но теперь ему пришлось

полчаса оформлять на меня бумаги, время шло, коллеги нервничали, а машины, унося девственные бумажники владельцев, неслись мимо.

Часов около шести пошел голосовать, народу было много, я посмотрел на листок избирательных списков, на котором стоит моя фамилия и фамилия В. С. — лист почти весь заполнен, номера паспортов, написанные от руки, подписи.

В десять часов вечера по «Намедни» показали, как горит легендарный Манеж (не слишком ли много особняков, уникальных зданий в центре Москвы сгорело, снесено в эпоху Лужкова?). Сказали, что, по предварительным данным, возгорание началось в районе крыши. Я очень хорошо помню, как любовался огромными деревянными стропилами, когда был в одном из залов, там под крышей, на выставке. Сколько в этом переплетении огромных мощных лесин было умения плотников и инженерного таланта архитекторов. Эта крыша меня волновала даже больше, чем сама выставка, я все время поднимал голову к потолку. И вот — горит. Выборы теперь меня уже перестали интересовать. Горит моя молодость, горит сокровенное русского искусства.

15 марта, понедельник. Еще вчера вечером торжествующий Вишняков объявил о победе Путина на выборах и сообщил процент голосов, поданных за него: семьдесят процентов. Но есть еще двенадцать процентов голосов, которые получила компартия, голоса С. Глазьева и И. Хакамады, много также голосов против всех. В целом это немало, следовательно, начинает формироваться сознательная, не стихийная, как раньше, оппозиция, т. е. знающая на своем уровне Путина и сознательно представляющая себе его цели и желания. Сегодня все это, как и обычно, продолжается, наша интеллигенция и наши средства информации торопятся продемонстрировать любовь к новой власти. В России что-либо дает только власть.

Подозрительно много говорят нынче о нашей национальной трагедии — пожаре Манежа. Мы как бы не просили, но нам вдруг сообщили, что, оказывается, архитекторы уже несколько лет предлагали сменить деревянные перекрытия на металлические. Оказывается, уже есть наработки создать под Манежем какие-то этажи подземных помещений. Власти клянутся, что никаких коммерческих организаций, никаких гаражей здесь не будет. Не спрашиваем мы об этом! А потом выясняется, что чуть ли не какая-то австрийская фирма уже готова изготовить и смонтировать металлические конструкции. А как же возник пожар? Я ведь знаю, как трудно содержать дом с деревянными стропилами и балками. Каждые два года от нас требуют, чтобы

мы в институте пропитывали специальными составами все дерево на чердаке. Пожарники ходят, настаивают, требуют, чтобы мы обращались в специализированные учреждения, уверяют, что пропитанное таким образом дерево не горит. А почему так поздно заметили пожар, да и не сами служащие Манежа, а заметил дым из-под крыши и вызвал службы постовой с улицы. Ой, как много чудесного! А как же противопожарная сигнализация? Такие огромные деньги мы в институте совсем недавно заплатили за установку такой сигнализации. За сигнализацию, которую надо установить в общежитии, с нас требуют 1 миллион рублей. Значит, в Манеже такой сигнализации не было?

А что касается самого пожара и отсутствия пожарных вертолетов, которые были объявлены как последнее оружие спасателей, то они не смогли прибыть потому, что, в соответствии с ранее разработанной программой, В. В. Путин должен был один пройти через всю Красную площадь в свой штаб по выборам. Нам это показали, раскованный и уверенный в себе, как танцор, президент прошел в свой штаб и открыл дверь. На краешке кадра была видна оттесненная милицией толпа.

16 марта, вторник. Утром схватился с В. С. из-за почти полной ерунды, а когда пошел гулять с собакой, то вдруг почувствовал ужасную боль за грудиной, одновременно почти отнялась левая рука. Я хотел было сесть и посидеть, но потом решил вернуться. Сразу лег и по телефону вызвал «скорую помощь», к счастью, машина приехала быстро. У меня оказалось высокое давление, 180 на 100, но не инфаркт. Сделали какие-то уколы и уехали. Пришлось перенести семинар на два часа, я немножко отлежался и поехал на работу.

Лена Губченко стала меня удивлять уже при домашнем чтении. Возникла такая ситуация: девочки в пятницу забыли положить мне в портфель работы на вторник, и, значит, я был лишен возможности всё спокойно прочитать за субботу и воскресенье, как я обычно и делаю. Иные скажут: работа в 40–50 страниц, чего там — час посидел, и готово. Но это не так: иногда для чтения требуется 5–6 часов, а найти их в рабочие дни трудно. Здесь опять возникает проблема — что-то ты читаешь с неохотой, как некую интеллектуальную головоломку, тебя раздражает сюжет, снобизм автора, его лексика, синтаксис; но другое дело, когда ты невольно становишься читателем и, в первую очередь, попадаешь под обаяние авторской новизны. Чтение мастерами (людьми, ведущими семинар) студенческих работ является тяжким еще и потому, что вокруг такая бездна непрочитанного: книги коллег, знаменитые книги, постоянно возникающие. В конце концов, хочется и самому сосредоточиться на собственном

писании, а ты должен лучшее время отдавать чтению муры. Я уже давно перешел на такой стиль работы — читать в субботу и воскресенье. Так я работал на радио, но тогда я и в субботу и в воскресенье не читал чужого, стремился еще что-то писать. Теперь всё это замолкло, вот уже собственный роман три недели не двигается, хотя твердо знаю, о чем будет следующая глава, осталось только взять с души возникшие впечатления… Но приходится читать и читать работы студентов.

Ну, ладно. С Леной Губченко мне повезло: мне самому было интересно, вдвойне интересно, так как я только что прочитал книжку Ирины Денежкиной, где, может быть, та же тематика: молодая женщина ищет себя. Здесь, правда, молодая женщина старше, ей 25 лет, и это как раз поиск некоего смысла, некоей духовности в обстоятелъствах, которые окружают. Это как бы льдина, приплывшая из еще прежних морей. У Лены удивительный дар держать читателя в психологическом напряжении; ее героиня идет на работу, встречается с парнем, разговаривает с подругой — и все время думает, а читатель думает вслед за ней. Этому можно позавидовать. Вот такое ощущение у меня возникло при чтении. И еще одна мысль: ведь саму Лену мы в свое время брали на платную основу, так как она не проходила через наши параметры, и первые 2–3 года она шла довольно медленно. Никогда не думал, что она сделает такой рывок. Это, конечно, заслуга всего института, но я точно знаю, что здесь и моя заслуга.

Приведу эпизод, который случился на обсуждении. Лена пригласила свою подругу Ксению Королеву, окончившую институт в прошлом году. Бедной Ксении доставалось от меня, я, не скрывая, говорил, что она как пришла эдаким достаточно гладким журналистом, так и ушла из института с тем же запасом знаний и, что главное, с той же духовной наработкой. Я помню ее диплом под названием «Окна», который она мусолила года три, и на защиту я отправил его с большим трудом. И вот здесь, говоря о преодолении Еленой себя, я сослался на Ксению, а она, чисто по-женски, радостно ответила мне: «Ну, вы тоже, Сергей Николаевич, преподаете лучше, чем пишете». Проглотил…

Может быть, она и права, но я помню, чем увлекалась Ксения: всякой белибердой — Павичем, «Алхимиком»… На семинаре, как всегда, пришлось отбивать Елену Губченко от наших ребят. Семинар в целом прошел хорошо, но у студентов друг к другу и к хорошим вещам всегда возникает невероятная зависть.

Вчера «Вечерняя Москва» напечатала большое интервью с

Ю.В. Бондаревым. Я выписываю из него два фрагмента. Оба имеют до некоторой степени принципиальное значение, хотя

одно из них непосредственно касается и меня. Вернее, трагическое положение автора, которого критика старается не замечать. Необходимо сказать перед этим, что интервью делала замечательная и очень добросовестная журналистка ***Юлия Рахаева***. Запомним это имя.

«**— Есть ощущение, что критика вас перестала замечать. Во всяком случае, прессы по «Бермудскому треугольнику» мне что-то не встречалось.**

— А разве не ясно?

— И все-таки, по-вашему, дело в теме или в личности автора?

— Дело в том, что не всем, имущим литературную власть, нравится то, что написано в этом трагедийном романе. Ведь речь идет о событиях осени 1993 года, о расстреле парламента. Об этом кроме меня, пожалуй, написал только Александр Проханов.

— Не совсем так. Были еще вещи Сергея Есина, Юрия Полякова, Леонида Бородина. Тоже, кстати, не замеченные критикой…»

У меня было две вещи на эту тему. «Стоящая в дверях», ой как замеченная критикой! Такой разнос по этому поводу устроила «Литгазета», и так славно меня крутили и мяли в «Новом Литобозе». Вторая вещь — это роман «Затмение Марса».

Другой фрагмент касается «поколения лейтенантов». Это важно для понимания литературного процесса. Здесь надо порадоваться прозорливости журналистки, сумевшей сформулировать и задать такой вопрос.

«— Как вы сегодня относитесь к понятию «лейтенантская проза»? Не было ли это всего лишь искусственным соединением таких абстолютно не похожих друг на друга писателей, как Юрий Бондарев, Виктор Астафьев, Василь Быков, Евгений Носов, Константин Воробьев, Владимир Богомолов, Борис Васильев — каждый раз называлось несколько имен, но вроде я не упустила никого? Было ли такое явление?

— Думаю, что его придумали критики. Да, мы вернулись с войны лейтенантами. Но писать о войне начали в разное время и по-разному. У каждого был свой процесс осмысления, приведения в порядок своих воспоминаний, свой выбор. Сегодня многих из тех, кого вы назвали, уже нет на свете…»

17 марта, среда. Для интервью в американском посольстве к поездке в Нью-Йорк С. П. прислал мне список документов, которые надо представить. Ну, это невероятно по сумасшедшему стремлению во что бы то ни стало заглянуть внутрь человека! Даже в самые отчаянные годы так называемого «железного занавеса» мы о подобном не могли и подумать. Например:

«Старый паспорт, если в нем имеются визы и визовые штампы, указывающие даты возвращения в Россию (для ранее въезжавших на территорию США)». «Сведения о работе, включая информацию о зарплате заявителя (письмо работодателя)». «Сведения о близких родственниках (супругах, детях) в России (свидетельство о браке, свидетельство о рождении детей)». «Документы, подтверждающие владение собственностью: квартира, выписка из ЖЭКа, свидетельство о приватизации; дача, гараж». Ну, в этой бумаге и еще кое-чего написано. Первое побуждение у меня было: никуда не ехать, и пусть наши американские аспиранты, у которых надо принять экзамены, сами сражаются со своим правительством. Сколько справок, оказывается, требует зрелая демократия!

По телевидению всё время идут достаточно тревожные сообщения, связанные с конфликтом Грузии и Аджарии. «Аджарский лев» Абашидзе не пустил молодого грузинского президента на свою территорию. Все это, конечно, уладится, но всё совсем не так просто, как можно было предположить. Начав бороться с олигархами, Саакашвили поставил на рога половину Грузии, и в стране, которая почти целиком проголосовала за него на выборах, начались митинги против собственного президента. В качестве добровольного посредника вылетел в Абхазию Лужков. У нашего мэра все время есть стремление изобразить из себя некий общепризнанный духовный авторитет. Посмотрим.

Из чисто наших событий — ужасная катастрофа в Архангельске, где взорвался жилой дом, катастрофа с бытовым газом. Трагичность ситуации в том, что вроде бы взрыв произошел из-за того, что какой-то бомж вытащил заглушку из газовой трубы, чтобы сдать ее как цветной металл. По всей стране огромное количество судов и огромное количество аварий происходят из-за того, что нищие люди сдают цветной металл, а Государственная Дума почему-то не может запретить такой порядок, такую бесконтрольную сдачу. Мне кажется, это самое главное сейчас, так же как вопрос о смертной казни (а я являюсь её противником), я согласен применять ее только к одной категории людей: к распространителям наркотиков, потому что эти люди сознательно желают своему ближнему смерти.

Много занимаюсь конференцией Хомякова. У меня все-таки есть подозрение, что Б. Н. хочет водрузить на меня представительскую часть. Все чрезвычайно берегут себя и своё время.

18 марта, четверг. Довольно неудачно провел ректорат. Я всё связываю с тем же нашим групповым сознанием. Сейчас в институте две проблемы. Первая: он перегружен свыше всех норм

преподавателями и так называемыми «преподавателями». Больше всего заведующие кафедрами боятся перегрузить и себя и кого-нибудь из ближних. Гораздо проще взять нового преподавателя. Я хорошо помню, как непомерно разрасталась наша кафедра зарубежной литературы. Когда я пришел, на ней не было ни Можаевой, которая просто числилась, ни Черепенниковой, ни Пронина. Теперь они все есть. Ну, а количество студентов у нас не сильно увеличилось. Вторая проблема — институт живет по советским законам, наши преподаватели, завкафедрами так привыкли к советской демагогии и советским порядкам! Практически вне советских порядков институт не жил ни одного дня, мы все не расстаемся с советским гуманизмом, нам всех жалко, мы готовы помогать ближнему исключительно за государственный счет, не понимая, что его давно нет, что этот счёт — наш. Дело в том, что в этом году кончается контракт у нашего замечательного преподавателя Ревича, прекрасного переводчика. Но, во-первых, он человек уже немолодой, а во-вторых, самое главное — французский язык у нас не пошел, так же как не пошел и испанский. Дело даже не в противопоставлении Солоновича и Ревича. Ревич — просто грамотный старый человек, а Солонович — человек удивительно энергичный, с социальной жилкой. Он организовывает какие-то поездки для своих студентов, встречи в посольстве, достает деньги и для расширения семинара, и для покупки новой техники. У него носители языка, а вот на французском семинаре мы даже не можем представить хороших специалистов по французской литературе, хороших преподавателей. У нас их нет. У нас блестяще идет английский язык, потому что есть Голышев, Бобков, есть Бонк, которая все освещает. И вот я попытался сделать некую французскую паузу, а вместо французского взять еще один английский семинар, как более ходовой, более оснащенный научными и педагогическими кадрами. И понимая всю щепетильность момента, понимая, что возникнут личные конфликтные интересы, я специально вынес этот разговор на ректорат. Ну, и естественно, все заговорили, всем всех стало жалко. Я пришел к паллиативному решению: набираем шесть человек во французскую группу, англичан же в этом году набираем на коммерческой основе. Но удовольствие от этой схватки я получил.

В три часа состоялось правление Московской писательской организации. Я все думаю, что у нас в институте тоталитарный режим — оказывается, тоталитарный режим у Гусева: за 15 минут решили все вопросы и разошлись. Вопросов было несколько: юридические, а главное, Московское отделение начало

заниматься авторскими правами, вернее этим начало заниматься и государство, потому что оно поняло: если писателей не защитить от съедающих их труд издателей, то государство и режим получат или уже получили довольно едкую оппозиционную силу.

К 7-ми часам я поехал в театр к Светлане Александровне Враговой, в театр «Модерн», на Спартаковской площади, где в здании бывшего Дворца пионеров разместился прекрасно оформленный театр. Играли пьесу Рустама Ибрагимбекова «Петля». Доволен ли я или недоволен спектаклем? По крайней мере, мне ясно, что Врагова — редкая мастерица, что она все оправдала, все сделала. Спектакль смотрится с редким интересом, зал просто затаился от напряжения. Если о сюжете — то это 1930-е годы, некий белый офицер, живущий во Франции, собирается повеситься, так как ему все время мерещится Г. Распутин, в убийстве которого он принимал участие. Одновременно его мучают угрызения совести из-за молодой женщины, которую он когда-то соблазнил.

В спектакле звучат песни, романсы, там прекрасные декорации. Все это увлекательно — немного истории, немного быта, немного сладострастия. Ибрагимбеков всегда был писателем коммерческим, какие бы шедевры он ни создавал, и линия политическая отчетливо чувствуется в тексте пьесы, но поверх текста идет истинно театральное действие — увлекательное, даже волнующее. К Враговой я потеплел.

В перерывах было чаепитие, на котором я встретил Людмилу Ивановну Касаткину, и многие другие знакомые и малознакомые лица. Мне было интересно слушать и говорить. После окончания спектакля выяснилось — зачем меня вызвонила Св. Ал. Поводом послужила моя статья о Дорониной с общими рассуждениями о театре, критике, искусстве как таковом. Стало ясно, что необходимо готовить письмо в правительство. Так же как у нашей власти есть стремление задушить бюджетное образование, есть и стремление задушить стационарные театры. Все это связано с бестрепетным и прагматичным Грефом. Естественно, в составлении любого письма на эту тему я готов принять участие. Кстати, на телевидении недавно с воодушевлением сообщали, что г-н Абрамович потихонечку «исправляется» и готов отдать 50 млн. клубу ЦСК. Мне очень нравится, что те деньги, которые, как рассказывал академик, должны принадлежать каждому жителю государства, — они ведь от Бога, так вот, эти деньги теперь находятся в распоряжении у людей, которые тратят их по своему собственному усмотрению: не хочу давать на медицину, хочу — на футбол, а что касается медицины, то чем больше вас

подохнет, тем лучше, и хотя страна большая, но на всех не хватит, и хотелось бы, чтобы людей стало поменьше».

19 марта, пятница. С утра была Елена Николаевна Черноземова, мы собрали совещание. Решили собрать руководителей всяческих детских литературных студий у нас в институте. Я отчетливо понимаю, что в этих студиях творится бог знает что. Судя по студийным выпускникам, это рассадник графоманства. Но с детьми надо заниматься. Поэтому мы решили собрать руководителей, поучить чему-то тех, кто может и хочет поучиться, а остальным попытаться хоть что-то объяснить, хоть чем-то помочь.

Написал письма по поводу конференции Хомякова — министру культуры и председателю Совета Федерации Миронову. Посмотрим.

«Глубокоуважаемый Сергей Михайлович!

В середине апреля в Литературном институте имени А. М. Горького состоится научная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения выдающегося русского мыслителя А. С. Хомякова. Не мне объяснять Вам, что эта фигура многие годы была закрытой, что она является знаковой для русской культуры и для всей русской жизни. Общественность уже и сейчас придает этой будущей конференции огромное значение. В связи с этим у меня вопрос: не откроете ли Вы эту конференцию, посвященную 200-летию А. С. Хомякова, в Литературном институте 14-го апреля 2004 г.? Мне кажется, это было бы значительно и лежит в русле той внутренней политики, которую в последнее время проводит наше государство».

Пришлось опять идти в театр. Я уже прикинул, что из-за дня рождения В. С. на дачу смотаться не удастся, а это значит, что с огромным трудом доработаю следующую неделю. Да и театр мне ни к чему — и из-за усталости и из-за времени. Моссовет выдвинул, оказывается, в качестве претендента на лауреатство Ю. Морозова. Предыдущий спектакль его я посмотрел, теперь надо смотреть следующий, по пьесе Мих. Рощина «Серебряный век». Здесь придется, видимо, быть снисходительным — Михаилу я симпатизирую давно, с юности. Да и его сын у меня — студент. С сыном, конечно, еще возникнет масса сложностей. Он астматик, парень болезненный, но к этому примешивается и, так сказать, мировоззрение богемы. Уже сейчас я чувствую, что ему, очень много пропустившему, летней сессии не сдать. Самое большое, что я могу для него сделать, — ставить его на повторное обучение. Но опять-таки мой собственный опыт показывает, что и получив такое преимущество, ребята с большим трудом учатся дальше.

«Серебряный век» — пьеса, как мне кажется, не очень доработанная, ее главный смысловой запал — поэзия 20-х годов, воспринимаемая в году 49-м. Подзаголовок пьесы таков: сцены из 1949 года. Коммунальная квартира, мать, которую играет Остроумова; молодой парень, начинающий поэт, влюбленный в пожилую, лет на 15 его старше, книжницу. Мать когда-то была замужем за хорошим человеком, но евреем, и теперь она носит его фамилию, а кто-то на работе ей говорит: мол, как женщина с типичной русской внешностью может носить такую фамилию? А она от этого плачет. Я уже сам не могу понять, я, житель этого самого 49-го года, — Мишина ли здесь ностальгия и восприятие действительности, или некий заказ рынка, режиссуры, завлита. Но спектакль получился. Естественно, приходит кто-то в сапогах, личности, которых я в 49-м почти не видел (разве что тех, кто забирал моего отца, да еще одного мужика, который приходил к нам с матерью на улицу Качалова, но тот был наш, деревенский, чуть ли не родственник, он ходил, чтобы повидаться и переспать с какой-то своей молодой приятельницей, а жили мы тогда в коммунальной квартире в одной комнате).

Итак, спектакль получился, и зал слушал всё это с воодушевлением. Я связываю это с той кашей, вернее, с отсутствием чего бы то ни было исторического в головах наших современников, а также с обаянием поэзии, которую в этом спектакле много читают.

Опять чуть-чуть разочаровала Остроумова.

20 марта, суббота. С утра занимался уборкой квартиры, предварительной подготовкой, ходил за хлебом, водой, соком. Всё у меня заказано в нашем кафе «Форте», и вопрос только в том, сколько всё это будет стоить. Но в моем возрасте это уже не вопрос денег, жизнь стала безальтернативной, так как нет сил, хотя еще на что-то надеюсь, пишу Дневник и учу английский… В перерывах между посудой и пылесосом прочел Женю Никитина. Вот уж действительно чему можно позавидовать, так это стремлению, к духовному, которое бьется в наших ребятах. У Жени обостренное чувство правды, и оно не позволяет ему писать обычную и традиционную беллетристику. Его работа называется «Проблемы моделирования социального объекта в xxi веке». Это ряд портретов с последующими небольшими выходами на новеллы о смерти. Всё это вне обычной беллетристики, но действует. В конце материала есть дополнение и еще одна небольшая новелла, все это сливается в один мировоззренческий кусок, интересный и неповторимый, в котором нет ни одной ошибки вкуса и ни одной ошибки стиля.

Мне уже трудно что-нибудь доверять. В шесть часов сел в

машину и поехал в цирк на Цветном бульваре, так как в списке претендентов на звание лауреата на премию Москвы стоит и И. Н. Запашная — «Идиллия с морскими львами». Это была скорее инициатива самой Запашной, потому что в списке еще четыре претендента, в том числе вместе с Е. Гинзбургом и Л. Костюком (худрук цирка на проспекте Вернадского и постановщик ревю «Свадьба соек»). А Запашная — в том же цирке. Вообще, забегая вперед, должен сказать, что всё представлено очень интересно, безумно традиционно, а морских львов я вижу впервые, и это очень выразительно. Сама Запашная изысканна и без вульгарности артистична. Сидел в ложе дирекции, переживал о ценах: стакан молочного коктейля (30 миллиграммов) стоит 40 рублей, а порция пончиков на пережаренном черном масле — 50 рублей.

Оказалось, что я все перепутал: вместо цирка на Вернадского поехал почему-то в цирк на Цветном, и только потом уже развернул машину и с опозданием минут в десять приехал куда нужно. Когда уезжал в цирк, встретил В. С., настроение вроде бы хорошее.

Еще остаток переживаний с пятницы: идет целая борьба за то, чтобы не ставить Юрия Полякова в список претендентов на премию. Честно говоря, я на него рассчитывал, потому что нужны имена, нужны какие-то знаки и отклики большой литературы. Но, судя по всему, его очень не хочет Любовь Михайловна, я это сужу по тому, что присланный мне список выглядит следующим образом: по разделу литературы — Бродская (театровед), два тома о Станиславском и «вишнево-садовской» эпопее; Э. А. Полоцкая (филолог) «Вишневый сад, жизнь вне времени», т. е. книги, по большому счету не имеющие отношения к литературе. Здесь же есть традиционный сборник Ветровой, два романа А. Геласимова, которых я не читал, но знаю, что парень интересный, и очень слабый стихотворный сборничек Л. М. Гершензон. Судя по всему, у Любови Михайловны есть острое желание помочь своим театроведам. Единственное, что может быть рассмотрено, хотя тоже по касательной, — это серия книжек Волгина о Достоевском. Вообще, Поляков погоду в этом списке, безусловно, портит. Далее. Леня Колпаков, занимающийся делами Полякова, сказал мне, что Л. М. — ни в какую. И хотя он созвонился с Худяковым и объяснил, что это досадное недоразумение — опоздание со сроками, — Л. М. держит свой курс: ни в какую. Я-то все это расцениваю не как порядок у бюрократа — в искусстве всегда был свой порядок, — а как определённую тенденцию.

21 марта, воскресенье. В школе нас учили, что перед тем как создавать сочинение, мы должны подготовить план. Вот мой план

воскресного дня: ездил в институт за продуктами. Сразу же могу сказать и меню на 12 человек: ассорти рыбное, ассорти мясное, салат; купил домашних солений, немного фруктов (я подкупил по дороге еще), заливная рыба и большая кастрюля с тушеным кроликом. Всё это я привез и к четырем часам выставил. Гости: к сожалению, не было Льва Ив. Скворцова с Таней, Таню в четверг оперировали, она в больнице. Были Колпаковы, Леня с женой, племянник Дима, Толик с женой и Боря Тихоненко с Тамарой. Прошло всё весело. Посуду потом вымыла посудомоечная машина. В. С. сетовала — во сколько же тебе, Есин, всё это обойдется? Я с вечера положил в карман пять тысяч рублей — завтрашний день расплаты.

Перед тем как пришли гости, успел по телевидению посмотреть замечательную передачу с Виталием Третьяковым. Не знаю, как она была заявлена, какая тема, но спорили о Солженицыне. Были: Сараскина, Наталья Иванова, Рой Медведев, молодой Рыжков. Писал ли я о том, что мне твердо сказали очень сведущие люди — молодой Рыжков: это протеже г-на Невзлина, который очень ему помогал. Что же касается самой передачи, было очень интересно видеть удивительно брезгливый отпор, который Третьяков, Сараскина и Рой Медведев дали моей приятельнице — Наташе. У нее все те же приоритеты — тусовка, и литературу она рассматривает не как духовный процесс, а как некие бега, на которых нужно застолбить какие-то результаты для Гроссмана и Рыбакова, после них ничто как бы и не происходит, а Солженицын — вообще явление региональное. Выражаюсь я, конечно, неточно, я не аналитик, но отчетливо вижу, как смертельно эта девушка отстала, по своей методологии, от жизни. Медведев очень хорошо сказал о том, что Солженицын вошел в резонанс с обществом. А на соображение Ивановой, что, дескать, сейчас гениев нет, такое уж время, очень интересно ответил: в современной литературе есть приблизительно 20 человек интересных, оригинальных и талантливых художников, за которыми он следит и с которыми ведет свой диалог. Собственно говоря, это и является результатом всей передачи для меня.

И последнее. Создавая свой Дневник как роман, я собираю в него всё, что только можно. Занятная байка, рассказанная за столом о посещении Путиным спектакля табаковского театра по Островскому, кажется, «Горячее сердце». Находчивый Олег Павлович приготовил к этому дню хороший ужин, на котором должен был присутствовать президент с супругой и, видимо, кто-то из актеров. Но президент от ужина уклонился и сказал, что он так редко с женой куда-нибудь выходит, что хотел бы просто после спектакля пройтись немного по городу, и что рядом

работает пиццерия, в которую он зайдет, чтобы перекусить там. Он так и сделал, перекусил в пиццерии, охрана никакой народ не разгоняла, а актеры ликовали, съев приготовленный для высокого лица ужин. Верить ли этой байке или нет — не знаю, но похоже на правду.

Как и обещал, вечером пошел на юбилей Еременко. Во-первых, зла я долго ни на кого не держу, потому что ничто так не разрушает человека, как зло и подозрительность. А во-вторых, потому, что делает «Литературная Россия» полезное дело, печатает наших выпускников. И подарок отнес соответствующий: несколько недель назад кто-то из ВЛКшников, которому я сделал что-то путёвое, принес мне большого стеклянного петуха, налитого каким-то коньяком. Вот этого петуха я и отнес. Потом, выступая, я говорил о петухе как птице, возвещающей рассвет, как о новом голосе — в общем, такая вот символика второго класса. Но, в принципе, говорил с искренней благодарностью за институт. Дело происходило в трапезной Храма Христа Спасителя. Человек 150 народу, роскошный фуршет с массой постных блюд. Про себя я немного позлобствовал: дескать, если буду писать сцену тезоименитства государя императора, то обязательно опишу вот эту картину. Играл военный оркестр, непосредственно в зале. Это как при Петре — пили под звуки виватов. Сам именинник порадовался тому, что, несмотря на его 50 лет, живы оба его родителя и что у них большая семья (семья действительно большая). Встретил Юлю, сестру Владимира, с которой лет 20 назад работал на радио. В общем, всё мило, по-семейному. Нанятое телевидение снимало происходящее. Чувство иронии не должно меня захлестывать — но я бы так не мог, потому что люблю себя значительно меньше.

23 марта, вторник. Днем приходили Широков, Володя Крымский. Потом во дворе встретил Александра Заборчука, это один из братьев, очень способных (Александр и Егор), которые в 1994 году поступили к нам в институт, ко мне в семинар. Теперь Егор утонул, а Александр вроде бы широко печатается.

Взял в библиотеке «Вопросы литературы», где в заметке, кажется, М. Свердлова напечатана довольно едкая инвектива по «Истории русской литературы. 90-е годы XX века» (учебное пособие для вузов, написанное Минераловым). Ну, кое в чем автор, казалось бы, Минералова поймал, но основной пафос его, дескать, никакой другой литературы, кроме той, о которой пишет Минералов, он не видит, а на самом деле существует и «новая литература». Больше этого автор заметки убежден: существует только новая литература, а литературу Распутина, Белова, Бондарева и Леонова можно списать. Это весьма спорно. Просто

Минералов написал свое альтернативное учебное пособие про ту литературу, которую он любит и читает. А про другую литературу сотоварищи рецензента столько уж написали, что из-за груды написанного и самой этой ничтожной литературы не видно.

На семинаре, как всегда, долго разбирали рассказ Жени Ильина. Хватило на весь семинар. Мне кажется, получилось. Говорили о языке, о балансе частей, с огромным интересом ребята прослушали выдержки из работы: я нашел в «Октябре» Василия Аксёнова.

24 марта, среда. Теперь у меня вся надежда на американское и швейцарское правосудие. Оно всегда берет там, где у нашего правосудия, у нашего воровского правосознания не хватает мужества. По телевидению сообщили, что бывший министр железнодорожного транспорта г-н Аксёненко уже живёт в Швейцарии. Жаль, конечно, что нет Карлы дель Понте, но тем не менее я хорошо помню все безобразия, которые творил этот благообразный седой джентльмен. Американское правосудие также, конечно, не дремлет и, если не мешает наша прокуратура, расчищает наши авгиевы конюшни. Мы же, по возможности, стараемся его укоротить — не трогайте наших вороватых миллионеров! Последнее, что меня порадовало, это прекращение дела против Кононыхина, миллионера, который увез большие суммы, в том числе и украденные из собственного банка. Но ведь не колосок в поле украл, не из палатки блок сигарет. Поэтому можно не сажать.

Иногда у меня наступает период мизантропии, и всё кажется мне дурным. Вроде бы, посмотришь по телевидению — яркие краски, а почитаешь газеты — перспективы чудовищные. Меня очень смущает наметившаяся тенденция сделать высшее образование платным. Все время говорят о том, что и медицина по большому счёту станет платной. Мы постепенно отказываемся от всего, что было нами завоёвано. В Европе, например (а в Германии, которую я хорошо знаю, в частности), высшее образование бесплатное, и оно доступно, хотя, может быть, по качеству и ниже нашего. Теперь капиталистическое общество преподнесло нам весенний подарок. До этого я читал в газетах, что пойдут частные электрички (в частности, на нашем, южном направлении), с большими удобствами, хотя и с более высокой ценой за билеты. А теперь сказали, что стоимость билетов на электричку увеличивается почти в два раза. Какие были времена! Я садился в Обнинске в поезд, два часа читал или писал, потом в Москве делал все дела, проводил полный рабочий день, а вечером опять же на поезде уезжал обратно и леском шел до дачи…

Читаю Андрея Геласимова, кому-то я о нем сказал и в ответ

услышал: очень бойкий, дескать, мальчик, бьется во все углы, куда только можно. Что касается его литературы, то это довольно интересно, живо, иногда ярко. И тем не менее над всеми его сочинениями (а сейчас я читаю «Жажду», повесть о чеченском ветеране) веет некое ощущение недостатка глубины и подлинности, хотя всё укладывается, всё, казалось бы, точно, но точность эта литературная. Я, конечно, прочту и его роман, но все-таки очень колеблюсь относительно своего решения по премиям Москвы. Вот если его сравнить с Шаргуновым, то у последнего, хоть и недостатков больше — и в смысле письма, и в композиции, и в диалоге, но он, безусловно, лежит в зоне литературы, а Геласимов — пока лишь в зоне нашего времени. Но, может быть, молодежь стоит поддерживать авансом, вдруг потом выбьется, надо принимать это во внимание.

25 марта, четверг. То ли уже не те психика и здоровье, то ли не та работоспособность, но всего намеченного сделать не могу. Последнее время приезжаю на работу рано, идут дела — хозяйственные, учебные, отчисления, английский язык, конференция по Хомякову, но запланированного выполнить не удаётся.

В три часа был ученый совет. Самое главное — это надвигающийся на нас Единый государственный экзамен. Уже вышел приказ, где среди 52 вузов упоминаемся и мы. Интересная деталь: это всё университеты и академии, и единственный скромненький наш институт. За этим ЕГЭ стоят, конечно, огромные деньги. Инструкцию, предложенную нам, прочесть почти невозможно, она не русским языком написана, но смысл ее в том, что формируются группы и где-то этот экзамен сдают, а мы потом подсчитываем. В связи с этим я начал серьезно думать об экзаменах в наш институт вообще и пришел к выводу, что большее количество предметов, которые мы объявляем для экзаменов — еще советская лазейка для протаскивания тех, кого мы называем «блатными». Потому что если срезался ребенок высокопоставленных родителей где-то на сочинении и получил, скажем, тройку, то ему можно поставить завышенный балл на истории или на английском. Практически нам нужно только знание и умение ориентироваться в литературе и проверка — сам ли человек написал представленное на конкурс или не сам (этюд или сочинение). Я отчетливо представляю себе, что такие экзамены, как английский язык или история, для провинции всегда тяжелее, чем для Москвы. Об этом я говорил на ученом совете, и мы решили пока повыжидать, но, в принципе, количество экзаменов сократить. Правда, это потребует более четкой работы наших мастеров и моей как заведующего кафедрой

творчества.

На ученом совете утвердили тему моей диссертации. Я — экспериментатор, попробую себя и в этом жанре. Все более и более убеждаюсь, что дело это нехитрое. Впрочем, нехитрое — при моём возрасте.

В пять часов поехал на правление секции прозы. Были приемные дела. Говорили немного о новом журнале «Проза». Он формируется из своих людей, из самого правления. Но, может быть, это пока естественно. Говорили о приемных работах, говорили интересно и глубоко. Я заметил, что в Союз идет большое количество пожилых людей, которые после того, как их лишили администраторских или военных чинов, пытаются приложить свои силы на поприще сочинения, описывают свое былое. Это люди 70–75 лет. Все это советский реализм в худшем его воплощении. Когда я подумаю, что в Москве полторы тысячи прозаиков, несмотря ни на что, работающих, я прихожу к выводу, что машина все же крутится, и я испытываю огромное сочувствие к этим людям. Мне кажется, что вообще писатели присмирели, они перестали чувствовать свою возвышенную гениальность, просто поняли всю неизбежность своего счастливого труда.

После секции хотел поехать в Даниловский монастырь, в клуб Рыжкова, где всегда очень интересно, но Паша меня отговорил, сказал, что не проедем, заныл, задергался, и я поехал домой.

Читал рецензию на роман «Смерть Титана» в «Литературной учебе». Этот роман как бы выплывает из первоначального небытия, становится всё яснее и определённее.

26 марта, пятница. Надо собраться, надо взять все нужные книги, подписать бумаги, а вечером сходить на спектакль театра Петра Наумовича Фоменко.

Вчера вроде бы наконец-то решился вопрос с Поляковым. Все-таки по каким-то причинам его не хотели пускать на премию Москвы, не хотел обслуживающий персонал. Мелькнула мысль — может быть, это в связи с его противоборством Швыдкому? Но, скорее всего, не хотят видеть сильного конкурента именно в разделе литературы, которую аппаратчики пытаются заменить театроведением. Как же много значит аппарат! Как много он может сделать, чтобы естественная жизнь потекла вспять.

Театр Фоменко, который для меня всегда окружен легендами, оказывается, давно уже не в разных подвалах и на задворках, а у него есть свое помещение, в том доме на Кутузовском проспекте, где раньше жил Лева. Там была киношка, которая сейчас превращена в театр. Интерьер зала традиционный для студий и маленьких экспериментальных театриков: помост, идущий от сцены под крышу под большим углом, все выкрашено в черный

цвет, неудобные современные стулья. Спектакль «Окровавленная туника» по пьесе Гумилева — это, видимо, не основное направление, где особенно сильны моменты соучастия зрителя в сокровенных переживаниях героев, здесь все, как в кино, глаза актера напротив глаз зрителя. Нет только дублей, духовные порывы возникают перед вами. Иногда, наверное, становится неловко, зритель — соглядатай. Но это все по слухам и путем умствования. Билеты, должно быть, дорогие. Я подсчитал, от силы сто двадцать мест. Буфет, по крайней мере, безумно дорогой. В этом спектакле другая линия театра: все условно, но условность возведена в высший ранг. Персонажи, понятно, говорят не репликами и монологами, а в первую очередь стихами. Чтобы что-то продекламировать, становятся на пьедесталы. И в этой условности страсти тоже на чистом сливочном масле. Играют здорово, я даже не могу сказать, кто лучше. Невероятное, очень изысканное оформление. Неподготовленному зрителю делать здесь почти нечего. Знать надо много и об эпохе, и о людях. Византия, шестой век, строят храм Св. Софии. Ставил все это некто Иван Поповски — режиссер, наверное болгарин. Ах, как трудно хвалить, как трудно найти слова, потому что хорошее всегда многогранно. Собственно, к премии, кажется, представлены художники, это блестящий Владимир Максимов — художник-постановщик, Ангелина Атлагич (Сербия) — художник по костюмам. Минимальными средствами показаны византийские дворцы, сады, иная, такая любимая поэтами Серебряного века жизнь. Я все и навсегда запомню.

Правда, так же как и лет десять назад, когда я смотрел эту пьесу у Сиренко, иногда я переставал быть включенным: о чем это они там бушуют? Кстати, после того спектакля и сюжет-то забыл. Этот спектакль забыть, наверное, будет нелегко. Лица помню, позы, свет, блики воды в дворцовом пруду. Может быть, это и есть театральное потрясение. Впрочем, понимаю, что подобное создать возможно и легче, чем многомерный спектакль с дышащей и разнообразной атмосферой. Это, наверное, малый жанр в театре, существующий наряду с большим стилем. Вне своего обыкновения перечисляю действующих лиц: Имр, арабский поэт, — Кирилл Пирогов, тот самый парень, который когда-то приезжал к нам на фестиваль в Гатчину; Юстиниан — Андрей Казаков; Феодора — Галина Тюнина, игравшая жену Бунина в фильме Учителя; Зоя — Мадлен Джабраилова; царь Трапезундский — Рустэм Юскаев; евнух — Томан Моцкус. Все хороши, потому что у всех на сцене есть адреналин, не экономят.

Рейтинг из «Независимой газеты». Это всегда печатается по пятницам. Вот — «мое»:

1. Если сразу бестрепетно отсекать юмор, Киркорова, Сердючку, певцов-сыновей и певцов-дочерей, т. е. «второй розлив», то по ТВ больше хороших передач, чем плохих. Запомнились две передачи о том, как либеральные, насквозь лживые представления противоречат действительному течению жизни. О работе спецслужб («Апельсиновый сок» с Соловьевым, НТВ) и о литературе, о Солженицыне («Что делать?» с Третьяковым, «Культура»). После последней (которая мне, естественно, ближе) стало окончательно ясно, что такое групповое тусовочное кликушеское мнение об этом предмете.

2. Худшие передачи и персоны тоже — это когда утром ухоженные девицы рассказывают о высокой моде, ночном креме и драгоценностях от Тиффани.

3. Главная телеперсона — сгоревший Манеж с вопросами: сам? кто? кому выгодно? сколько получили?

27 марта, суббота. Обнинск. Снег сошел, яблони стоят абсолютно черные на фоне весеннего неба. В теплице вылезла из земли зелень лука, который проглядели убрать в прошлом году. Возился весь день и был счастлив — сколько замечательных мыслей приходит в голову, когда сгребаешь в кучу листву. Посадил в теплице лук, петрушку, редиску, салат. Как всегда, топили баню, вечером смотрел телевизор. Ухайдакался как собака, уже не смог пойти в спортзал.

По обыкновению ночью проснулся. Еще в пятницу я ходил к нотариусу в гостиницу «Центральная» на Тверской заверять какую-то доверенность на оформление очередной институтской акции. По дороге, восприняв это как счастливую возможность, зашел в книжный магазин «Москва». На учебник английского на дисках я не осмелился, но купил две книги о Пастернаке — одну — Васи Ливанова, другую — монографию Натальи Ивановой. Характер обеих этих книг я предполагал. Наташа есть Наташа, и свой старомодный, интеллигентский взгляд на Пастернака она уже озвучила в своем недавнем выступлении на TV, а у Ливанова это книга острая, я вспоминаю его статью в «Москве», ставшую в этой книге главою.

Но вот что значит специальная заостренность чтения: ночью я открыл книжку Василия Ливанова «Невыдуманный Борис Пастернак» и до утра оторваться не мог. Как всегда, интересна личность художника! Я всегда отчетливо представлял себе, что Пастернак сложный человек, но в книге Ливанова Пастернак встал как личность еще чрезвычайно амбициозная, местами истерическая. У Василия Борисовича есть поводы и резоны относиться к Б.Л. пристально, и есть база для рассуждений: поэта он знает с детского возраста, а его отец Борис Ливанов много лет

был другом Пастернака. Но в этой дружбе произошел некий «казус». Мстительный сын ищет правду и охраняет честь отца и семьи. Всё это может оказаться решающим для моего романа.

28 марта, воскресенье. Сборы в любую поездку — для меня психологический кошмар. Уже неделю я находился под давлением: что с собой брать, какие взять подарки, какие брать книги, как рассчитать одежду: в Москве зима, в Пекине весна, а на юге, куда мы поедем из Пекина, уже лето. К воскресенью в чемодане у меня лежали только книги. Это я о своем сознании: уехать с дачи, закрыть гараж, выключить свет, доехать до Москвы. А если не заведется машина? Но всё прошло благополучно, без происшествий доехал до Москвы, собрался, оставил деньги В.С., отогнал машину в институт и уже отсюда уезжал в аэропорт.

Никогда не предполагал, что так быстро и хорошо сойдусь с попутчиками. Едут: Андрей Викторович Алябьев — председатель правления РАО, Наталья Петровна Новикова — директор Петербургского филиала, Лена, молодая еще женщина, лет сорока, уже много лет занимающаяся Китаем. Сначала у меня, не видя ее, по отношению к ней сложилось предубеждение. Я помню дамочек из Союза писателей, обслуживавших республики, и дамочек из СП и РАО, занимавшихся разными странами. Все они были деятельными участницами каких-то групп, кого-то представляли, лоббировали. Лена оказалась, на первый взгляд, человеком веселым и компанейским.

29 марта, понедельник. Я перехожу опять к разврату китайской кухни для богатых. В час дня в ресторане гостиницы «Мир» состоялся обед. В этой гостинице я, кажется, останавливался раньше, по крайней мере, та же светлая мебель, но номер на этот раз невероятно большой, две комнаты, как и положено вице-президенту. Принимает нас, наверное, то же министерство, что и в тот раз, когда мы были с Пулатовым: пишущая интеллигенция — на первого и второго рассчитайсь! И гостиница, видимо, одна, с которой уже установились связи по перечислению. По этому номеру видно, за что так дерутся чиновники: путешествовать сытно и не по рангу. Чиновники в разных странах накручивают для себя и друг для друга удобства.

Но к обеду. Огромный ресторан на первом этаже, где обслуги больше, чем гостей. Как бы шведский стол с элементом самообслуживания. Я показывал свое искусство есть палочками, но в смысле диеты пока держался, меньше мяса. На закуску нахватал себе всякой растительной острятины: каперсов, маринованных грибов, листков салата, оливок, кусочков семги с лимоном. Второе практически пропустил, хотя была и рыба и мясо, взял только ложку риса и немножко моркови, капусты и

фасоли. Все это мне немедленно разогрели на огромной плоской жаровне. Но суп! Острый «тайский», его тут же и сварили. Процесс длился 3–4 минуты, дальше морепродукты становятся жесткими: моллюски, семга, лук, кальмар, специи. (Относительно времени приготовления морепродуктов — взять на вооружение.) Завершили всё фруктами: несладкий арбуз и три ломтика ананаса. Пиво не пил!

Скучно мне здесь, я, чувствую, ничего не увижу, и времени нет, чтобы подумать и что-либо почитать. Днем ездили в Авторское общество, а вечером с ними же банкетились. Страна — это язык, а наш переводчик говорит довольно слабо. Зовут его Хунбо, фонетику для русского уха чуть изменили, чтобы она не казалась такой казуальной. В своё время он закончил Харбинский университет, где, конечно, и традиция, и носители русского языка, и школа; но это особенность китайцев, подмеченная мною: освоив бытовую болтовню и, так сказать, диалог плоской литературы, они считают, что всё знают, и не плывут дальше. В этом отношении для меня образцом останется Барбара, которая, во-первых, все понимает, а во-вторых, при переводе не упрощает. Переводчикам часто не хватает личностного потенциала.

Ужин был вкусный и китайский в каком-то огромном заведении общепита, но в отдельном кабинете. Очень трогательно было выступление в этой же не очень большой комнате нескольких девушек с песнями и танцами. Спецконцерт, дабы оказать уважение. Грация этих девиц какая-то запредельная, волшебная, хрупкая. Пьют китайцы маленькими рюмочками. Но во время застолья молодые девушки очень любят подойти к начальнику и выпить с ним персонально, тем самым оказывая ему особое уважение.

Всё время беспокоит, что мало работаю, отлыниваю, не веду Дневник, не начинаю следующую главу в романе. Сразу же после ужина заснул, проснулся в 2 ночи, читал до 4-х верстку Дневника за 2002 год, выпил снотворного и снова спал до 7.30. Проснулся с головной болью и тяжестью во всем теле.

30 марта, вторник. Сначала план дня: Великая китайская стена, где я уже был; встреча в институте печати, банкет, который дает зам. министра г-н Шэнь Жэньгань.

Утром — Великая китайская стена. В Пекине необходимо совершить три ритуала: посмотреть Стену, поесть пекинскую утку, посетить Запретный город. Утром я так плохо себя чувствовал, что подумал, а не пропустить ли мне это событие? Ведь на Стене я уже был с Т. Пулатовым. Но имеет значение погода, и время суток, и твой собственный взгляд.

Удивления Пекин у меня больше не вызвал. Просто огромный

европейский город, только, наверное, организован точнее и лучше: общественное движение, полиция, дорожные знаки, чистота на улицах, цветы в вазонах. Распускающиеся розовые цветы на деревьях и щетина свежей зелени — не в счет. Надо забыть об отсталом Китае, о якобы показухе Пекина — это не хуже Москвы, даже, я бы сказал, в смысле нового строительства Москва мельче. Да и строят не так уж бездумно, как кажется. Если отдернуть занавеску в окне моего номера на 15-м этаже, то внизу целый, специально оставленный как памятник жизни, быта и архитектуры квартал натыканных друг к другу домиков. Гулливер смотрит на лилипутов. Видны дворики, крыши одноэтажных домов, кусочек улицы, дом-харчевня, железные бочки для воды, стекающей по крыше, серая от пыли черепица, трое поваров из харчевни выскочили на минуточку на улицу и стукают футбольный мяч. Таким был Пекин, каким я его застал около сорока лет назад. Теперь он ютится по окраинам, как музейная редкость вкраплен в центр, такой Пекин исчезает. В этом жестокая логика современной жизни и ее торопливой прагматики. Выгода и сегодняшние преимущества подгоняют.

У Стены, куда приехали через полтора часа пути, дул жуткий, пронизывающий ветер, я пожалел, что не надел пальто. Все время боялся за здоровье, за сердце. Лезть наверх, на сей раз пешком, не хотелось, да, пожалуй, и не смог бы, но теперь здесь уже работает фуникулер. Из качающейся на тросе кабины открывается совершенно дикий пейзаж. Стена идет по хребту, поднимается на вершины, спускается. Я всегда жадно ищу кусочки первозданного, земли, камня, зелени. Это, конечно, декоративный, отреставрированный и декорированный кусок Стены. Отчетливо видно, что это скорее новодел вроде Вавилона в Ираке, «запах», по крайней мере, тот же. В нашей прессе прошло, что Стена разрушается, крестьяне растаскивают ее на строительство домов и коровников. В этом смысле крестьянин всегда крестьянин, и его частнособственническая инициатива неистребима. Народу на Стене, как и в прошлый раз, тьма. И иностранцев, и китайцев.

Стена — это еще и коммерческое предприятие. Въезд машин на стоянку — 40 юаней, билет — 60 юаней, фуникулер — 60 юаней. Наверное, еще кто-то собирает мзду с каждой торговой точки, которая находится на Стене, а их много: платки, куртки, шапки, майки, сувениры. Так много всего, что кажется, в каждой эскимосской и зулусской хижине должен обязательно стоять китайский сувенир. Каждый торговец хватается за полу, тянет, показывает. Можно взять напрокат от пронизывающего ветра армейское зеленое пальто с позолоченными пуговицами. На самой Стене тоже везде лавочки, продажи, торгуют съестным.

Внизу тоже целый базар. Это другая, крикливая, вульгарная жизнь, наши рынки, «челноки», наша бедность, которая и не представляет, что можно жить по-другому.

Воспоминания всегда вяжутся с новыми впечатлениями. По дороге со Стены в город заехали в какую-то едальню, где кормят своих, их значительно больше, и зарубежных туристов. Огромный зал-ангар, традиционные круглые столы с 10–12 стульями вокруг. Ряды столов теряются где-то в глубине. Это не о китайской кухне, а об организации труда. Я уже один раз был поражен таким же огромным общепитом, но это в Шанхае, и там было самообслуживание. Здесь официантки — молоденькие девушки, нет даже ни одной пожилой, видимо, такой огнедышащий темп может выдержать только молодость.

В качестве еще одного соображения опытного наблюдателя — ни одной паузы; нет стремления сказать клиенту: «это не мой стол», «обратитесь к другой официантке», у кого бы вы ни попросили другой прибор или салфетку — немедленно принесут. С «унесут» здесь тоже всё в порядке: ни одной минуты посетители не будут сидеть перед использованной тарелкой или за грязным столом. Всё быстро, с улыбкой, но отчужденно, без светской болтовни, без стремления выжать из посетителя чаевые — это работа. Хотелось бы, конечно, узнать систему отчетности, увидеть кухню, посудомоечные машины. Всё удивительно чисто, и очень свежая и горячая пища.

После обеда у нас переговоры, но я заранее знаю, что все переговоры похожи друг на друга. Всю деловую часть я, наверное, соберу вместе и вставлю куда-нибудь в конец Дневника.

После Стены Китайский институт издательского дела. Они в своем институте занимаются буквально всем. Это на каком-то высоком этаже большого дома с лифтами и замечательным дизайном. Для института это, видимо, тоже дополнительная нагрузка. Довольно пустой, вежливый разговор. Каждая сторона ведет свой монолог, который для себя же и интересен. В моей записной книжке остались довольно скудные пометки. Секторы: фундаментальной теории, прикладной теории, сектор международных издательств. Изучают перспективы. Все судорожно перебирают этапы развития авторского права в Китае. Самые читаемые авторы русской литературы в стране — Н. Островский и Горький.

На ужин с министром я собирался надеть черный костюм, но в последний момент подумал, что костюм со стоячим воротником слишком китайский, и пошел скромно в сером костюме и с галстуком. Понесли подарки, кажется, в ход пошла и моя доля, где и «эксклюзивная» выпивка, и какой-то переподаренный

хрусталь. Все это происходит в одной из роскошных центральных гостиниц. Волшебные холлы, чистота, произведения искусства. Все бы это рассмотреть поподробнее, но положение требует степенности и привычной мины: и не такое видали.

Наконец, приходим в какой-то зал. Китайский начальник сначала беседует с нами в аванзале. Здесь кресла, чай на столиках. Присутствуют начальники департаментов; китайцев международные организаторы тоже придавили насчет авторского права. О тостах и застольной беседе не рассказываю. Все это отличается только характером метафор. Я, кажется, говорил о читателе. Обед вкусный, это китайская кухня, приспособленная для иностранцев высокого ранга. За спиной всегда девушки и юноши официанты, в виде неких воздушных теней. Перед каждой тарелкой напечатанное золотом меню. Я не утерпел и с сановной небрежностью положил кусок картона с золотыми буквами и иероглифами в карман.

ASSORTED COLD COMBINATION
STEWED SHARK'S FIN & CONPOY
SAUTEED PRAWN W/ CRAB YOLK
BRAISED ABALONE IN SAUCE
SAUTEED VEGETABLE W/ CHESTNUT
PAN-FRIED BEEF W/ BLACK PEPPE
BOILED PERCH IN SOYA SAUCE
CONSOMME OF PORK BALL
DIM SUM 86 SNACK
SEASONAL FRUIT PLATTERS

31 марта, среда. Если по порядку, то сначала посещение Китайского музыкального общества, потом издательства «Народная литература», потом Запретный город, потом магазин, потом чайная с Пекинской оперой, а если по событиям, то начинать надо со звонков С.П. Вчера он днем позвонил: пришла открытка, состоялось решение ВАКа об утверждении его докторской диссертации. Карьера немыслимая, но и труд неимоверный, этого звания С.П. заслужил, и, самое главное, на этом он не остановится, потому что работает над собой. Сегодня другая весть: В.В. Путин подписал указ о награждении меня орденом «За заслуги перед Отечеством» четвертой степени. Пугачева получила сразу вторую степень, но на то она и Пугачева.

С неё и начну наше посещение Музыкального общества. Уже в конце беседы председатель Союза музыкантов г-н Ван сказал: «Не так уж много народу в Китае знает, кто такая Пугачева». Но обещал — все переговоры чуть позже. Впрочем, поехали. Огромный, с мешочками под глазами, свисающие с лица щеки, господин Ван Липин — председатель. Его визитная карточка —

это список его должностей, я насчитал восемь. Видимо, он очень известный композитор. О себе он сказал, что является автором музыки к сериалу «Сон в красном тереме», культовому произведению китайской литературы. Такое случайному человеку не дадут. Все текущие вопросы в обществе ведет его зам Ку Джиньмин. Это острый и энергичный человек. Он тоже музыкант. Отношения с Авторским обществом только налаживаются.

Запретный город не входил в нашу программу, но появилось «окно» в два часа, и мы под предводительством Хунбо ринулись в самый поразительный в мире музей. Иногда — благо что не хватает времени, ты не тонешь в деталях, а успеваешь схватить общие объемы. Мне многое здесь знакомо — я в третий раз, но этот уголок Пекина похож на Вселенную. Впервые я попал в Запретный через боковые ворота, минуя главный вход. Для этого надо было объехать город по периметру: справа — выкрашенная в красное стена, а слева нависает, заглядывая в кастрюли императорской кухни, огромный многоэтажный бетон, никель, сталь — сегодняшний город. Вот бы жить где-нибудь на тридцатом этаже и рассматривать в бинокль посетителей Запретного города. В конце концов город — явление живое, он развивается, и нет чего бы то ни было, на чьих развалинах не вырело бы новое. Города, цивилизации, украшения женщин и черепки от их горшков становятся музейными экспонатами. Обратил внимание на стену, это не каменный забор, а крепостная мощнейшая стена, возле которой еще и наполненный водой ров. Можно представить себе это огороженное пространство со своей цивилизацией. Императора не устраивала жизнь в стране, он построил свое внутреннее царство — Запретный город. Сверху, как крышкой, город был изолирован от другой жизни небом. Поднебесная!

По поводу стен, рвов и Стены. Мысль, привидевшаяся мне еще раньше, у фуникулера. Неизвестно, кто от кого отгородился. Это весь мир отгородился от Китая его собственной Великой китайской стеной. Иная цивилизация, иные, нежели внутри, веяния умирали у подножия Стены. Главное в Запретном городе — почувствовать необъятный двор. Представить себе испуг чиновника, пересекающего вымощенное камнем пространство. Курильницы, символ долголетия, огромная вызолоченная чаша с водой (пожары!), потом подъем по ступеням террас. Сами дворцы, залы прекрасно показаны в фильме Бертолуччи «Последний император».

Мне всегда хотелось увидеть всё, поэтому обычно я уклонялся от последнего большого павильона вправо и углублялся в маленькие дворики, интимные покои разных

императоров. Но мельком не почувствуешь красоты ни одного «предмета». В самом конце комплекса, оказывается, стоял большой павильон, где, собственно, и жил император. И самым последним здесь жил Пу И — император Китая, чьи воспоминания я читал в юности. С жадностью, сквозь стекло, вставленное в оконные проемы, я разглядывал выцветший шёлк и обстановку. Отшуршавшая жизнью история оставила бледные лоскуты.

Но дальше ждало еще одно открытие. Практически за этим павильоном — большой сад. Здесь особый, китайский сад, где зелень перемежается со специальными, привезенными с разных сторон Китая, камнями. Как правило, это какие-нибудь сталагмиты и сталактиты с рисунками и извивами в их телах, на которые решается только природа. Я взглянул на этот сад лишь мельком, не было времени, втайне полагая, что повезет, и я еще увижу эту немыслимую красоту.

Вечером ходили в Lao She Tea House — вроде бы чайную, как обещали, с представлением Пекинской оперы. Я предположил, что увижу нечто похожее на то, что уже видел несколько лет назад во время поездки с В.И.Гусевым и Т.И. Пулатовым. Увы, зал был великолепнее и значительно больше, чем в прежний раз, внизу на стенках висели фотографии крупнейших политических деятелей, посетивших эту «чайную». Здесь были и Клинтон, и Коль, и наш Примаков, но, увы, концерт был мне почти не интересен. Показали лишь один классический номер Пекинской оперы, что-то похожее на фильм «Прощай, моя наложница». В остальном замечательные фокусы, эквилибристы, жонглеры — класс высокий, но неинтересно. Места в первом ряду — круглый стол и вокруг кресла — стоили по 120 юаней.

Вот тут-то и подали нам утку по-пекински. Замечательное кушанье, как я думаю, полное канцерогенов и холестерина. Но обо всем этом я уже писал.

1 апреля, четверг

Утром улетели на юг, в Гуйлинь. Я не очень люблю экскурсии по памятникам природы, я люблю про царей, полководцев, писателей, ученых. Как я ошибался! Но сначала мы оказались в издательстве Лицзын.

Если посмотреть на Китай с самолета, то нет ни одного клочка в восточной части страны, который был бы свободен, где был бы просто лес, была бы просто река — все огорожено, везде живут. Накануне, когда под вечер мы приехали из Пекина в Гуйлинъ, уже на подлете я увидел в окно, что здесь — другая природа, другая страна, что-то совершенно невиданное, скорее похожее на Вьетнам, на места рядом со знаменитым заливом Халонг, то ли горы, то ли холмы, заросшие лесом, похожие на перевернутые капли, будто земля капает в небо. Я вообще не люблю чисто природные экскурсии, мне всегда нужно, чтобы в конце было что-то: храм, закат, развалины, раскопки, а здесь на целый день повезли на большую ознакомительную экскурсию. Правда, думаю, что остальные люди не дураки: уже известно, что Буш был на этой экскурсии, Клинтон был на этой экскурсии (я вообще иду вслед за Клинтоном, несколько лет назад с его наводки — Сянь и терракотовое войско, теперь — лодочная прогулка по реке Ли). Если бы не телевидение, которое сразу берет пейзаж за рога и бросает его в глаза зрителю, — всё это можно было бы описать на многих и многих страницах. И это литература, имеющая право на жизнь, когда пейзаж за пейзажем развертывается перед глазами. Узкая речка, где речной катер почти задевает днищем за отмели, по бокам — горы самой различной конфигурации. У китайцев принято называть горы — «Медведь», «Красавица», «Сова» или «Обезьяна». В самом Гуйлине есть знаменитая гора «Слон»: видно, как Слон опустил хобот в реку. Но с этой ситуацией мы встретились где-то в середине экскурсии, когда осматривали знаменитые пещеры. В названиях я не силен, но все есть на входных билетах, которые, кстати, очень дороги, цены на развлечения огромны. Если мне не изменяет память, то посещение пещеры — 240 юаней, почти 30 долларов, наш кораблик — четыре или пять часов езды, с обедом на борту, стоит вообще запредельная цена.

Но возвращаюсь к реке. Волшебные пейзажи, скромная жизнь по берегам, бакены, сделанные из шестов бамбука, крестьянские пристани. Надо сказать, что река содержится в идеальном порядке, поддерживаемом на протяжении столетий. Укреплены откосы, стоят подпорные плотики, все это невероятно

разнообразно и отличается поразительной божьей фантазией. Здесь исчезают любые материалистические объяснения жизни и явлений природы. Да, когда-то было море, да, карс, но подобным Господь мог наградить только самые избранные места.

Иду к пещерам. Я ведь был на Афоне, лет 40 назад спускался в Кунгурские пещеры. И всё это померкло перед тем китайским чудом, которое предстало передо мной. Но и китайцы здесь постарались. Запутанный поразительный лабиринт весь подсвечен, маршруты тщательно и капитально изолированы, в толще гор пробиты какие-то новые штольни. Поражают названия, подсветки — голубые, розовые, зеленые, фиолетовые, особенно поражает сама дерзость человеческого воображения. Как же сумели, как смогли исследовать пещеру, все заранее продумав и предугадав?

Когда плыли на кораблике, произошел такой инцидент. К кораблю нашему на полном ходу приплыли два бамбуковых плота, на которых крестьяне торговали грубыми изделиями из нефрита и друзами из окрашенного горного хрусталя. Торговля шла через борт. Хрупкий плот вибрировал, как лист бумаги на ветру. Я тоже поддался ажитации и очень гордился, когда за друзу, стоившую 300 юаней, отдал всего 80. Я уже прикинул, что обязательно подарю это Саше Мамаю, собирающему камни.

Так вот, в пещере такая друза, да еще на подставке, стоит всего 50 юаней. Хитрецы эти крестьяне, хорошо знают они психологию туристов. Проплываем парк, стоит жара, все устали. Мне запомнились две обезьянки, которых фотографировали с туристами — крошечные, довольно разумные существа, одетые в полуливрейки с перьями, их заставляют держать передними лапками два бамбуковых шестика, чтобы они не могли опуститься на все четыре конечности. Я понимал, что это мучение, издевательство над животными. Но, может быть, они счастливы от такой жизни? Я ведь тоже счастлив, что везу свои собственные обязанности и свои собственные радости.

Вечером, как последний эмоциональный удар, — присутствие на огромном шоу, в котором участвует до шестисот человек. Дело происходит на берегу озера. Лодки, песни, подсветка, прожектора, зрительские трибуны, девушки едут к парням на другой берег, а те кричат девушкам со своего берега. Мощная водная феерия! Я видел нечто подобное у пирамид, в других местах, но это — самое лучшее и грандиозное из того, что я видел. Осталось удивительное чувство: есть, оказывается, красота любви и красота молодого внутреннего порыва.

Я в Кантоне (Гуанчжоу). Надо бы разобраться с новым китайским названием этого города. В Китае иногда кажется, что,

если ты ведешь европейский образ жизни, то вроде бы находишься всегда в одном и том же городе, так мало они отличаются по современной архитектуре. Кстати, отношение к старым и даже древним памятникам архитектуры и культуры здесь довольно небрежное. Совсем недавно мне рассказали про один домик в Москве, в районе улицы Чернышевского, на котором стояла табличка «Охраняется государством». Через некоторое время Марина Шаповалова, которая мне об этом говорила, заметила, что, несмотря на дощечку, домик стали ломать, а почти в метре или полуторе, на фундаменте повыше стали строить такой же домик, на котором повесили точно такую же дощечку. Боюсь, что в Китае происходит то же самое. В Пекине из окна моего номера сначала на 11-м, потом на 13-м этаже я видел резко очерченный среди высоких современных домов серый квадрат Хутуна — квартала старых пекинских построек. Внутри каждого участка дворик, вокруг крыши, через двор идут люди, на крышах стоят бочки, как резервные водоемы, скрытая от глаз, идет тайная жизнь — семейная ли, торговая ли… Но теперь таких кварталов в городе, где их было очень много, становится все меньше — дорогая земля, чувство наживы… Но, исчезнув, это никогда не возродится.

В Кантоне меня поселили на 45-м этаже пятизвездочного отеля в центре города, но эти пять звездочек сегодня, по удобствам и порядку, конечно, не те, что пекинские. Всё надо когда-то делать в первый раз: впервые в жизни я живу так высоко, из окна видны крыши даже очень высоких домов, между домов — зелень, тени, всё это похоже на карту, по которой движутся машины и проходят люди. Окна в моем двухкомнатном номере покрыты пленкой, какой-то жилец старательно ее процарапывал, чтобы сделать своеобразные бойницы.

Впервые в жизни начал спокойно давать постоянные чаевые: 10 юаней при приезде в номер, 10 юаней — за то, что спустили вниз чемодан. Жизнь действительно изменилась, я помню нашу советскую нищету, неловкость перед обслугой, которой приходилось платить советскими или болгарскими сигаретами, чекушками водки, немудреными русскими сувенирами. Я люблю быт и, оглядываясь на свой просторный слишком для одного меня номер, понимаю, что между отелями идет энергичное соревнование — в качестве обслуживания, в маленьких услугах, есть ли в номере термос или нет, четыре или три вида шампуня в туалетной комнате, есть ли запечатанная безопасная бритва или только зубная щетка и паста. В отличие от других отелей, в этом было 4 бутылки минеральной воды, правда, на двух висит предостережение: «платное».

Города, как я уже писал, также соревнуются. Когда я ехал из аэропорта, то из машины Кантон напоминал Франкфурт. Какие города мне запомнились в жизни? Лишь те, которые медленно, органически, не спеша, развивались: Париж, Мюнхен, Будапешт, можно говорить о бывшем Пекине. Новый Пекин — нагромождение ущелий, новый Кантон — продолжение Пекина. Сразу после приезда погнали в книжный магазин, в принципе, это областной, провинциальный город. Магазин совершенно удивительный, в нем 160 тыс. наименований книг, которые лежат в продаже, он занимает 10 этажей и 20 тысяч квадратных метров. Большинство книг, конечно, на китайском, но есть и книги на иностранных языках. Мы совершенно нечетко представляем себе китайский книжный рынок, представляем, как все европейцы, — все книги их, как и сами китайцы, — на одно лицо, одинаковы и раскосы. Магазин современный, потому что можно зайти за книгой и купить майку, можно зайти за диском, но увлечься книжкой.

Если говорить об экономике, то 51 % принадлежит государству, 45 % физическим лицам, но самые главные цифры — прибыль, она составляет лишь 1 %, и в этом залог и того, что книги покупают, и того, что магазин существует. Сделали маленькую пресс-конференцию, на которой самым интересным был вопрос: живут ли в городе крупные писатели? Вроде бы крупных писателей в городе нет.

Так как мы, т. е. представители РАО, являлись гостями министра, то нас принимали на таком уровне. Далее надо поставить восклицание из оперетты Ж. Оффенбаха «Перикола»: «Какой обед нам подавали!» Отчетливо понимаю, что я не самый глупый человек и легко веду диалог с людьми разного ранга, во многом помогаю своей делегации и председателю правления, но все-таки чувствую себя неким самозванцем: я ведь мальчик из другой социальной среды.

Грандиозный обед, данный днем Управлением по охране авторских прав этой провинции. Это особь статья, так как еще никогда в жизни я не ел лангуста, разрезанного на куски величиной почти с мой кулак. Но было и множество другого. Что меня изумило — парадное обилие блюд, это напомнило мне «Записки императора Пу И», где поражало количество блюд на императорских обедах и ужинах. Я все время выпрашивал у Хунбо, нашего сопровождающего, меню этого кантонского обеда: сделай мне по счету русский перевод, даже можешь не ставить цифр, — но он мне так и не сделал, и это меню я восстанавливаю по памяти, естественно, не в порядке подачи на стол, а как я вспоминаю: 1) медуза соломкой, маринованная; 2) чернослив

сушеный, кислый; 3) шкурка какой-то рыбы, просушенной и мелко прорезанной; 4) чеснок, молодой, маринованный, с морковью. Это закуски. 5) поросенок молочный с соусом; 6) какой-то местной породы гриб в густом соусе; 7) гусь жареный, порезанный ломтями, с соусом; 8) омар или лангуста, кусками сваренная с вермишелью, под соусом бешамель; 9) бульон говяжий с чем-то; 10) говядина вареная с овощами и маринадом; 11) говядина жареная с острым соусом; 12) моллюски, запрятанные в раковины с чесночным соусом; 13) рыба речная, цельная, запеченная, в соусе; 14) кабачки варёные, в соусе; 15) свинина вареная и жареная, с овощами; 16) тарталетки с молочным кремом; 17) пирожки с фруктовой начинкой; 18) пирожки с абрикосами; 19) фрукты; 20) арбуз, немного яблок, апельсины; 21) чай. Желающие пили еще пиво. Я же в Китае практически ничего не пил.

Теперь некая тайна китайского обеда. Мы обедали в особом кабинете, куда еда подавалась прямо из кухни, а наши девочки-официантки сервировали и разливали все в отдельной маленькой кухоньке. Когда стали собираться, чтобы уходить, я обратил внимание на то, что девочки сложили все остатки в специальные пластмассовые коробки (в которых у нас на рынке продают корейские салаты) и уложили это в три огромные сумки, а сумки переправили в одну из машин начальства, а может, начальство потом разделило это между собой. Ничего плохого в этом не вижу: остатки уносят с собой, это по-западному. Но есть в этом некоторый волнующий момент.

Конечно, звучит слишком выспренне, но, действительно, есть дни, которые длятся и длятся. В моем случае можно сказать проще: есть очень большие дни. Попутно хочу заметить: уж коли я взялся писать Дневник, то необходимо себя умалять и какие-то дни описывать, как они есть (т. е. много), а о каких-то нечего особенно и разговаривать. Но тот день, действительно, оказался бесконечным. После обеда мы еще раздумывали (всем хотелось в магазин): стоит ли ехать в этот новый город Шеньжень, город, дескать, возник лишь 20 лет назад… Я по привычке нашел аналогию: мне этот город представился чем-то вроде узбекского Навои, которым так хвастались в свое время. И никто не мог предусмотреть, что этот семимиллионный город, возникший где-то под Гонконгом, поразит нас множеством высотных домов, широкими проспектами и невероятной промышленностью. Но сил описать всё — уже не хватает, поэтому буду краток.

Сама полуторачасовая дорога вызвала у европейцев очень много вопросов — от Кантона идет сплошь застроенное вдоль дороги пространство, промышленная и жилая зоны, всё

вперемежку. Иногда типовые дома стоят так близко друг от друга, что, кажется, из окна одного дома можно протянуть половую щетку и постучаться ею к соседу напротив. Вот тут и понимаешь цену земли и плотность населения Китая. Вообще, масштабы этой страны не поддаются ни телевидению, ни кино, и с трудом поддаются слову. Будем считать, что о Шеньжене я уже сказал.

Первым делом, когда приехали туда, нас повезли на знаменитую электронную фирму. Знаменита она, в первую очередь, тем, что чрезвычайно молода, ей от силы полтора десятка лет, но у нее 8 млрд. валового дохода, 20 тысяч рабочих и служащих и из них 10 тысяч работают в области исследований. Фирма занимает первое место по снабжению средствами коммуникации, т. е. это станция мобильных телефонов, то, что мы раньше называли кассирование, и проч. Кстати, показали и видеотелефон. Описывать внутреннее помещение я не берусь, но, естественно, ни в науку, ни в цеха нас не пустили. Ближе всего это передать может какой-нибудь фантастический фильм, декорации как бы прямо оттуда. Девушка-гид, китаянка, учившаяся в Харбине и прекрасно говорящая по-русски, рассказала, какие места в мире все это занимает. Но самым любопытным мне показалось то, что среди научных работников и учёных насчитывается сто русских. Конечно, может быть, и не совсем справедливо, но именно отсюда я и вывожу немыслимый научный успех фирмы.

Ужинали в центре города, в каком-то ресторане. Как всегда, был круглый стол с вертящейся серединой, на которую опять понаставили очень много, но уже с некоторой сдержанностью.

Был интересный китаец, вице-президент некой Компании, кстати, первый китаец, хорошо говорящий по-английски, образование получил в Китае, но потом, кажется, учился за границей, доктор. Он спокойно и обстоятельно рассказывал о том, что сравнительно молодой ученый (а средний возраст работников фирмы 26 лет) за три года работы, не особенно себе отказывая в еде и в питье, может купить 4-комнатную квартиру за 130 тысяч долларов США. Никаких особых социальных благ, материальной помощи на фирме нет, платят за труд, за работу, платят чужим, видимо, много.

И, собственно, последний мазок, ради которого я всё это и пишу. Опять был омар, или лангуст, опять овощи, мясо, рыба, но было еще и огромное блюдо со свежей рыбой — решето, набитое льдом, и на нем кусочки сёмги, крабов, омара, баночка икры, все несоленое, нежареное, неварёное, и к этому подавали соус. Рискнул попробовать. Что теперь будет?

2 апреля, пятница. А тем временем «Независимая газета»

напечатала мой рейтинг телепередач. Это — позднейшая впечатка.

1. Лучшее — «Сага о Форсайтах» («Культура»). О, если бы мы могли снимать нечто подобное!

2. За звание худшей передачи со многими другими боролся «Розыгрыш» (первый канал) с Пельшем. Обретя союзничество с Басковым, отличающегося изысканными костюмами, но не вкусом, Пельш на этот раз победил — ничего пошлее я не видел уже давно.

3. Персона — конечно, Татьяна Доронина! Самые же отвратительные персонажи на сей раз не наши. Тони Блэр и Колин Пауэлл, присутствовавший на церемонии в Мадриде. Теракт тот, как известно, стал ответом на участие испанских войск в американской агрессии в Ираке. А как к этой агрессии относятся Блэр и Пауэлл?..

5 апреля, понедельник. Утром собрал вещи в своем двухкомнатном номере, за окном еще было темно. Меня всегда на Востоке волнуют громкие птичьи голоса по утрам. А дальше всё пошло в соответствии с расписанием. Кстати, в Китае всё чрезвычайно точно, это в Германии уже стали опаздывать поезда, самолеты, а в Китае — все как когда-то на железных дорогах России и мира.

Снова Пекин, тот же отель. На подлете к Пекину все заговорили о счастливом моменте покупок сувениров, но у меня была уже назначена встреча с нашим представителем ТАСС Андреем Кирилловым. Дело в том, что уже несколько дней назад, как только появился указ Путина о моем награждении, раздалось насколько звонков, и в том числе по наводке Паши Михалева, с которым мы работали в «Комсомольской правде» и который сидит сейчас зам. директора ИТАР-ТАСС, Кириллов позвонил в Пекин, чтобы поздравить меня. Отыскал.

Андрей и Людмила, его жена, заехали за мной в гостиницу и повезли по Пекину, потом обедать. Прелесть этого обеда заключалась в том, что всего было без излишеств: несколько очень вкусных блюд, в том числе и утка по-пекински, и самое главное, для меня просто открытие — курица в лимонном соусе, дома изобрету что-нибудь подобное. Замечательная пара, очень талантливый человек сам Андрей. Статьи его написаны умно, глубоко и точно. Я вообще заметил, что очень много умных и интересных людей работает у нас за границей, но они как-то утонули в повседневности и не могут выбиться не только в большую литературу, но и просто к книжке. А многие английские разведчики и журналисты стали очень крупными писателями. Думаю, что наши, может быть, более талантливые и глубокие,

чем англичане, но они имеют эту чисто русскую недооценку себя, самоуничижение и ощущение, что через душные слои над собою к воздуху не пробиться.

Андрей очень интересно рассказывал о происходившем на площади Тяньаньмынь в 1988 году, и все получалось несколько по-иному, чем мы себе представляли по прессе, которая все сплющивает, и мир возникает довольно однотонный. Кстати, эти события 4-го июня совпали с визитом в Китай нашего «демократа» Горбачева. Я, как всегда, не очень помню конструкции, но хорошо помню образные ситуации. На это восстание, скорее — студенческое волнение, пытались направить войска. Но войска пробиться не смогли, возникало братание между солдатами и массами — ведь это единый народ, китайцы… Все это отчасти было похоже на ввод войск в начале перестройки в Москву. Китайцы поступили более решительно, поэтому, наверное, дела у них идут лучше, хотя и трупов было полно. Конечно, человеческая жизнь стоит неизмеримо дорого, но главное — идея (как коммунизм), который надо достроить. Однако никто не знает — кто из нас попадет под колесо истории, для прогресса нужны человеческие жертвы и ничто иное. Из деталей помню еще статую Свободы, похожую на американскую, стоящую в нью-йоркской гавани, студенты поставили ее на площади, а танки раздавили. В конечном итоге из центрального Китая, из Сычуаня, пригнали дивизию, ребята в ней практически не говорили на пекинском диалекте. Войска так быстро убрали трупы, что оказалось трудным определить количество жертв среди мирного населения. У правительства одни цифры, у наблюдателей — до тысячи человек.

Много велось разговора о мифе Мао, этому мифу, конечно, ничего уже не повредит, так же как и мифу о Ленине у нас. Андрей рассказал о его смерти, но многое я еще прочитал в замечательной статье в Гонконге. Говорили о Тибете, о страшном ритуале похорон, когда тело с определенными ритуальными действиями скармливается птицам. Я постепенно вижу все меньше и меньше кощунственного в разных непривычных для меня обрядах похорон — в конечном итоге все возвращаемся к природе. Но вот куда девается главный остаток человеческой жизни — его душа? Главный пафос моего обращения к Андрею — попытки заставить его писать книгу, кстати, он специалист по китайской кухне. Возможно, мне удастся уговорить Кондратова опубликовать китайскую кухню по-русски, заголовок можно придумать, главное, что китайская кухня — с русскими продуктами.

8 апреля, четверг. Еще с вечера меня предупредили, что та

театральная премьера по «Затмению Марса», о которой мы года полтора назад говорили с Дьяченко и о которой он как-то вскользь сказал, что она назначена на 8 апреля, так вот, эта премьера все-таки состоится. Я очень боялся спектакля. В романе есть определенные сложности, которые можно было показать или не показать, многое там проецируется на автора — его отношение к режиму, к самому ходу жизни, его едкость к средствам массовой информации… Как они это всё сделают? Я себе этого не представлял, волновался и на премьеру никого не позвал, кроме Лёни Колпакова, а так все свои.

В основном в институте ничего не поменялось, кое-что сделано, процесс идет, главное (я узнал еще накануне), операция у В. Пронина проведена успешно. Его вчера выписали домой, мы с ним утром перезванивались еще раз, и он просил меня предупредить, что будет читать завтра. Этим всё сказано: ему бы еще неделъки полторы посидеть дома, но этот сумасшедший куда-то рвется.

Из самых неотложных дел — это, конечно, довольно кислая подготовка к конференции по Хомякову. У Б.Н. еще нет представления, сколько всего нужно сделать за кулисами, чтобы все покатилось хорошо и удачно. Включился в эту работу, сделал несколько звонков, какие-то организационные построения. В ближайшие дни придется работать в основном только над этим.

В три часа состоялась защита у очников, это переводчицы А. Ревича. Возможно, я и ошибался, когда хотел подсократить этот семинар — старый Ревич, старая Фальк. Но ведь я базировался на мнениях наших же людей, а результат оказался самый неожиданный: девчонки все написали прекрасные дипломы, правда, есть некая архаика в подборе литературы, но, в принципе, это довольно высокий класс и самостоятельность в работе. Как всегда, удивил Иван Иванович Карабутенко своими так называемыми огромными развернутыми отзывами. Всё это стилистика 1970-х годов, произносимая с некоторым щегольством, — аналогии, имена, эрудиция XIX в. Когда говорили Можаева, Зоркая или Тарасов — все было по существу; когда-то блестящая, а ныне одряхлевшая, эта эрудиция оставалась в стороне, отзывы были доказательными и солидными. Ив. Ив. ловко и громко всё это отговорил и не остался на заключительное обсуждение, ушел на очередные медицинские процедуры, видимо, проблистал, и хватит. Мне надо учиться у моих преподавателей.

Меня всегда поражает нелюбопытство наших студентов и преподавателей. Конечно, если бы у них ректором был человек более мстительный и честолюбивый, в зале была бы толпа (по большому счету мне на это наплевать). Но ведь здесь

присутствует некая проблема сценического варианта, здесь могут открываться какие-то возможности, и во всяком случае, любопытство должно быть, хотя бы даже любопытство провала — пьесы и автора. Зал, конечно, собрался. Я с некоторым страхом и волнением ожидал. Ставила та же самая режиссер, которая делала и пьесу «Об этом я буду вспоминать», т. е. Каэр. На сцене только три персонажа — раздвоенный на материальную и духовную ипостаси Литаврин, главный герой, и актриса, играющая всех женщин. Всё это уже немолодые люди (а в романе-то действует молодежь!), и эффект оказался очень неожиданный. Но главное — героем стал не сюжет, а текст, причем то, что мне всегда в тексте дается наиболее трудно — сюжетные эпизоды, которые я и гоню для публики, чтобы на них нанизать основное для меня: отношение к жизни, отношение к власти, отношение к собственной душе; в этом я вижу главное достоинство спектакля. Спектакль небольшой, час и пятнадцать минут. Естественно, пропущены штурм Белого дома, эпизоды в общежитии, эпизоды с организацией порностудии, где виден сам Литаврин с двойным донышком… К сожалению, этого не хватает, там есть только один очень яркий эпизод — с престарелой журналисткой и пьянкой у нее дома. Я думаю, кое-какие эпизоды можно будет еще вытянуть. Но, как старый театрал, я могу сказать: это получилось. У меня есть представление, что можно в театре и чего нельзя, и вот оказалось — таких текстов, пожалуй, в театре еще не звучало. Конечно, удивила мертвая тишина, пристальное внимание зала. Я вообще-то думал, что это будет как бы прогон, а потом уж премьера, и тогда устрою большую пьянку. Но не тут-то было — все потребовали от меня прямого действия, прямой акции, и я послал Соню с Антоном в Елисеевский, купили какой-то колбаски, ветчинки, сырку, салат, хлеб. Славно посидели и славно погуляли.

Когда сам ехал домой, я вдруг понял, что надо попытаться сделать институтскую серию театральной прозы — Орлова, Киреева, Рекемчука, Толкачева, Сегеня, может быть, Агаева. Надо просить на это деньги у Московского комитета по культуре и на следующий год выставить в середине сезона как некое театральное событие. Дай Бог, может быть, это и осуществится.

9 апреля, пятница. «Мосфильм» очень долго добивался меня с лекцией. Они набрали небольшою группу будущих редакторов. Профессия исчезает, но тем не менее нашлись энтузиасты, теперь этих энтузиастов готовят.

Удивил сам «Мосфильм». Такое ощущение, что всё снова расцветает. Накануне была передача из серии «Культурная революция»: кино и книга. Один из оппонентов — Карен

Шахназаров. Я поразился разумности его высказываний относительно приоритетов литературы. Своим любимым фильмом он назвал «Тихий Дон», а роман Шолохова — гениальным. Собственно, здесь был снят высокий пафос моего сегодняшнего выступления. Перед лекцией ходил по коридорам — огромное количество портретов людей, воевавших, помогавших фронту, целая галерея. Нет ничего более интересного, нежели рассматривать человеческие лица! К моему удивлению, в классе, где было около десятка слушателей, обнаружил нашего Романа Сенчина. Я почти уверен, что он не будет продолжать свою деятельность в кино, но, видно, решил пересидеть. Он был томный, молчаливый, с номером «Нового мира» в руках. Похоже, это именно тот номер, в котором напечатана повесть, где якобы действую и я. Об этом мне рассказал Рекемчук.

Лекцию я построил как приоритет вымысла над фактами жизни, рассказал о своих собственных совпадениях и параллельных случаях. Ребята мне понравились, я, кажется, понравился им.

10, 11 апреля, суббота и воскресенье. Еще в пятницу вечером уехал в Обнинск и, конечно, сумел выспаться. Я уже давно ничего не пью, но с каждым днем часовой механизм под названием собственный организм заводится все сложнее и сложнее. Может быть, в Дневнике и нет смысла писать о том, что постепенно всё хуже и хуже начинают работать разные детали. Сто километров до дачи я уже не могу проехать за рулем без остановки, отчего-то сводит правую ногу, пожалуй, я пишу это для того, чтобы иметь точные даты для врача. Вот уже недели две болят локти, боль в левой руке иногда становится невыносимой, приходится чем-то мазать, как при радикулите. Но особенность моего лечения заключается в том, чтобы не ходить к врачам: нечего себя пугать. Я рассчитываю на то, что проскочу, проскользну, рассчитываю на Божью волю. Как у каждого, у меня есть свои грехи, но, думаю, за них Бог меня простит. Я не замешан в предательстве, корысти, мздоимстве, зависти. Вечером на Пасху я очень хотел поехать в церковь, в глазах как бы стояла наша замечательная старинная церковь в Добром. Что стоило завести машину и поехать? Но я поддался общему «соседскому» ритуалу: баня, пиво, как это бывает всегда, и вот этот грех и те события, которые совершаются параллельно, я всё время и держал в сознании. Я всегда думаю только об одном: чтобы Господь послал мне веру, настоящую, не показную, искреннюю, которая вобрала бы в себя всю мою жизнь, привела бы ее в гармонию, осветила смыслом и спокойствием.

Что же касается других, социальных знаний, то по телевизору сказали, что доход нашей милиции от взяток составляет около 4 млрд рублей. И тем не менее, мне кажется: что-то поменялось во времени, я уже по-другому смотрю на произошедшие перемены, меня еще волнует, но уже не так, что мои соотечественники, как москиты, облепили самые дорогие места в мире — Дубаи и Ниццу и тратят там огромные деньги.

Произвела впечатление статья Александра Ципко в «Литгазете», где он разбирает ситуацию с Ходорковским. Воистину, прав телевизионный ведущий Герасимов, сказавший: «Если вы всё понимаете, вам мало об этом рассказали». Планы Ходорковского были значительно шире, он спонсировал все политические партии, а значит, цель у него была стать премьер-министром России. Это по Ципко. Не буду всё это сводить к еврейскому характеру, но Россия — может быть, не потому, что Путин, а потому, что Россия — на это не пошла. Я уже по-иному смотрю на партию «Единая Россия» и на единство в парламенте, готовое поддержать волю президента. Думаю, что он выжидает. Конечно, он вошел во вкус богатого человека, но в какой-то момент то, чего мы давно ждем, свершится, и мы сделаем шаг к несколько другому российскому мироустройству.

В воскресенье по весеннему пустому шоссе рано приехал в Москву, и вечером мы с В.С. пошли на спектакль Театра русской драмы из Риги. Год латышской культуры отменен, но театр, которому исполнилось 120 лет, — в России. Латыши привезли два спектакля — чеховский в постановке Петера Штайна, получивший, несмотря на любовь наших СМИ к Риге, отрицательную в целом прессу, и спектакль «Соло для актрисы с оркестром». Практически два с половиной часа на сцене Раймонд Паулс за фортепьяно, а также несколько актеров и актрис, постоянно поющих легкие песни — здесь как бы и музыка к фильму Феллини «Ночи Кабирии» (не совсем та, скорее это музыка Паулса), и музыка, связанная с Парижем, намек на «Дамское счастье» Золя. Самое главное, конечно, что есть там замечательная актриса Вероника Плотникова, обладающая поразительной музыкальностью. Грациозна, молода и талантлива. Вроде бы она училась в «Табакерке», но, глядя на неё, я вспоминал Марлен Дитрих… Всё это пересказать невозможно — начинаешь ощущать полную жизнь, все становится светло и ясно. Это какой-то доступный и в то же время возвышенный вид эстрады, когда эстрада становится вровень с крупнейшими открытиями в музыке. Там был еще очень интересный певец Евгений Щур. Зрительный зал не был набит, но всё воспринималось с огромным энтузиазмом. Спектакль сегодня шел

последний раз, и я, не видя в партере никого из звезд, поинтересовался: а были ли на представлении Пугачёва, Леонтьев, Киркоров, Вайкуле и все те, кто пел песни Паулса и с этими песнями обрел славу? Нет, никого не было. Не помню, написал ли я, что нас позвала Наташа Басина, та самая Валина знакомая из Риги, которую мы знаем уже тьму лет? Я еще помню, как она 7 ноября отправляла меня из холодной Риги, когда умирал мой брат.

Но — к Паулсу и к нашим артистам. Будь моя воля, я бы в принудительном порядке согнал в этот зал Вахтанговского театра всю нашу действующую эстраду, усадил бы в первом ряду ленинградца Шевчука, а на галерку — Киркорова, Пугачеву и Моисеева и всех выступающих с ними и заведующих ими — и заставил бы их смотреть и слушать этот спектакль. Я, конечно, понимаю, что все они таланты, но протянуть два с половиной часа, как это делает талантливая девочка Вероника Плотникова, — ни у одного из них пороху не хватит.

На обратном пути к машине перешли Арбат. Толпа, битые бутылки, Бродвей, как назвала эту улицу наша пресса 20–30 лет тому назад… Каждый из проходящих держит в руках по бутылке, с пивом ли, с минеральной водой, не знаю. Те, у кого не хватает средств на клуб, театр, концерт, ходят оттягиваться сюда. Пьяные солдаты.

12 апреля, понедельник. Поздно вечером позвонил Сережа Арутюнян. Как писали газеты, совсем недавно он получил премию, которая называется «Знак Б.Пастернака», ее учредил Андрей Вознесенский. Вокруг Вознесенского всегда много ложнотеатрального. По телевидению показали, что даже свеча горела на сцене. На сей раз лауреатов было восемь человек. Но все не об этом. Сережа, милый мальчик, позвонил, чтобы поблагодарить за юность в институте, за атмосферу, за все, что в институте происходило. Такие минуты мне, старому ректору, забыть трудно.

Весь день занимался конференцией, собирал ответы на свои письма, провел совещание по распределению обязанностей. Встреча участников, регистрация, расселение, программа, обед, кофе-брейк и прочее и прочее. Распределил по участкам проректоров. Много занимался и организацией подарка для Н.Ю. Дуровой. Ей исполняется 70 лет, и она прислала мне приглашение. Я решил, что уж всяких покупных разностей у нее будет, значит надо придумать что-нибудь оригинальное. Отыскали в архиве ее личное дело пятидесятилетней давности и сделали цветную копию. Долго печатали, потом переплетали, оформляли, искали коробку. Старые личные дела вообще дают

много материала.

По факсу пришла следующая депеша:

Николай Переяслов

Сергею Николаевичу Есину — на известие о награждении его орденом «За заслуги перед Отечеством»

Настанет день — и человечество
всех вознесет превыше Шивы.
Но хочется, чтоб и Отечество
ценило нас, пока мы живы.
А потому я очень рад,
Что Вам достался сей наград!
Поздравляю!

13 апреля, вторник. Семинар. Читали и обсуждали небольшой рассказ Антона Соловьева. Я довольно сильно волновался, потому что мала площадка для анализа, а сам рассказ похож и на небольшое эссе или просто ландшафтную зарисовку. Молодой человек путешествует один по Алтаю. Я скорее чувствую, нежели понимаю, что рассказ значительный. Возможно, его главное свойство — это щемящая взрослость, раннее созревание и чувств и мыслей. Это рассказ философа, мысль которого еще и неуловима, но она бьется и существует. Для анализа мне не хватало аналогий и подобных текстов. Это еще и страничка дневника.

И тут я вспомнил такие вещи Стендаля, как «История живописи в Италии» и «Рим, Неаполь, Флоренция». Вот дневники, писанные взахлеб, почти как болтовня, до сих пор читаются как захватывающий роман. Уже и костей тех красавиц и герцогинь нет и в помине, все истлело, а оторваться от книжки невозможно. Но, может быть, это мои воспоминания сорокалетней давности. Достал с полки Стендаля, принялся читать, опять не могу книжку закрыть. Но, к сожалению, времени не было, из самого начала книги достал три цитаты, и этого, собственно, было достаточно для семинара. Литература по своему обыкновению повторяет свои ходы.

Дальше было делом техники разговорить ребят, создать атмосферу. Кстати, у меня на семинаре был Алексей Павленко из штата Колорадо. Он опять привез в Москву несколько студентов. Потом, когда мы с ним обедали, он сказал. что работает преподавателем 13 лет и понимает, чего стоит подобная атмосфера на семинаре.

К трем часам поехал на юбилей к Наталье Юрьевне Дуровой. Это было замечательное зрелище и увлекательнейшее действо. Оно воспринималось двояко, как на него посмотреть. По существу, Дурова со своими зверями, в своих шляпах и казакинах,

со своей лексикой и манерой говорить а здесь, конечно, свой стиль делает огромное дело, вызывая у детей любопытство к животным, и показывает, какого рода отношения можно иметь с братьями нашими меньшими. С другой стороны, все это немножко вне детской психологии, смешно, наивно, навязчиво, саморекламно. Но это опять стиль. В общем, все было замечательно, меня тоже записали в череду выступающих, но слово давали с большим разбором, людям исключительно нужным. Я сидел и немножко злился, хотя и получал удовольствие от слонов, птиц, воронов, собак, Л.И. Касаткиной, выехавшей в кабриолете, в который была запряжена борзая. Готовил свою немножко ироничную речь, наблюдал за Н.Ю., ее домочадцами, обслугой, прихлебателями и прочими. Ей, конечно, было тяжело, она играла спектакль собственного юбилея. Сцены были уморительные. Сидевший рядом цветоносец и подаркодержатель С.П. помирал со смеху. Одновременно мы фантазировали, какую уморительную повесть можно сочинить о юбилее.

Начался вечер с выхода верблюдов, со Сличенко, которому уже не так легко петь, с реплики, что даже «верблюды становятся на колени перед интеллигенцией». Из моей непроизнесенной речи: «на то она и интеллигенция, чтобы перед ней никто на колени не становился». Через три часа после начала церемонии, закончившейся немыслимым апофеозом, наступил долгожданный фуршет. Там тоже были смешные наблюдения.

Подарка мы так и не подарили, цветы оставили в буфете. Ну, не захотел я пробиваться к имениннице.

14 апреля, среда. В десять часов в большом зале на заочке открылась международная научная конференция: «А.С.Хомяков — мыслитель, поэт, публицист». Конференция посвящена двухсотлетию со дня рождения. Только программа занимает сорок страниц текста, чуть ли не сотня докладов и более двухсот гостей. По крайней мере зал был полон под завязочку. За полчаса до этого пришел Юрий Иванович Бундин, мы с ним поболтали у меня в кабинете. Еще вчера я нашел в подробной статье о Хомякове в старой Брокгаузовской энциклопедии замечательную цитату из Герцена. Вот, наконец-то пригодился мне щедрый подарок Сережи Кондратова к моему 60-летию. Цитата была не апологетической, но вполне уместной для московского Герценовского дома.

На открытие, как люди вполне точные и определенные, приехали В.В. Федоров, директор Ленинки, В.К. Егоров, ректор Академии госслужбы. Я обоим очень благодарен, но их предложил пригласить я, а если бы пошел по пути,

предложенному Б.Н., то все было бы пожиже. (К сожалению, не приехал ректор Духовной академии владыка Евгений и, как я и предполагал с самого начала, не было В.Н.Ганичева.) Уже из их выступлений стала приоткрываться для меня, не слишком много знающего человека, фигура Алексея Степановича Хомякова, по своим масштабам сопоставимая с фигурой Ломоносова. Как всегда, я делал записи, которые, наверное, успею, если не забуду, перенести в текст Дневника.

К своей речи я как следует не подготовился, не сумел сосредоточиться и в президиуме, говорил общие слова; единственное, что меня спасло, это твердое ощущение того, как эту фигуру рассматривали в мое время. Впрочем, добрый В.К. сказал, что речь была нормальная и даже элегантная. Начинал я с того, что в недавно присланном мне из министерства списке московских высших учебных заведений наше, т. е. «институт», среди «академий» и «университетов» единственный. Так вот, начал я речь с того, что поделился своими сомнениями: надо ли нам было брать на себя юбилей Хомякова, может быть, стоило подождать, когда подобную конференцию возьмет на себя кто-нибудь из старших товарищей: МГУ, РГГУ, университет имени Шолохова?.. А потом поехало. Прозвучали к месту, дабы внести во все некий объективный оттенок, и герценовские слова: *«Умъ сильный, подвижной, богатый средствами и неразборчивый на нихъ, богатый памятью и быстрымъ соображениемъ, онъ горячо и неутомимо проспорилъ всю свою жизнь… Во всякое время дня и ночи онъ былъ готовъ на запутаннейший споръ и употреблять для торжества своего славянского воззренья всё на свете — отъ казуистики византийских богословов до тонкостей изворотливого легиста. Возражения его, часто мнимыя, всегда осляпляли и сбивали с толку».*

Первые цитаты из Хомякова (по докладу Егорова): «Государство есть худший вид рабства». «История религий важнее истории государства». «Вера есть совершенный плод народного образования».

Под вечер, пока наверху шел наш самодеятельный фуршет, я написал письмо Н.Ю.Дуровой. Завтра утром его вместе с «нашим даром», все перевязанное ленточкой, отвезут в Уголок.

Дорогая Наталья Юрьевна, Наташа!

Я так и не пробился пред Ваши светлые очи, чтобы сказать несколько слов в день Вашего юбилея. Сторожа, блюстители и персонал держали площадку намертво и не оставили даже щелочки. Мою поздравительную речь я пробормотал про себя, цветы оставил в буфете. Теперь высылаю, одновременно припадая к Вашим ножкам, свой подарок.

У нас, конечно, свои тайные возможности, и поэтому мы расстарались и в подарок шлем не юную тигрицу, не каменного буйвола или молодого слоненка, а подарок, который Вы и не передарите и не отложите в сторону. Во-первых, это адрес, который сложили Ваши коллеги-писатели, а значит в нем нет ни одного легковесного слова и ни одного штампа. Это не слабо! А во-вторых, цветную ксерокопию Вашего личного дела, которое извлекли из глухих недр архива. Там много интересного, и в том числе портрет молодой девочки, которая уже стала артисткой и мечтает стать писательницей. Мы даже узнали, что студентка писала контрольную работу по сочинению одного из вождей и всегда отпрашивалась на гастроли. Здесь же и новенький студенческий билет последнего разлива с сегодняшней датой. Дорогая Наташа, мы всегда будем считать тебя своей, литинститутской и родною!

Сергей Есин.

Но на этом день не закончился. Уже два дня, как у меня на столе лежит пригласительный билет на вечер Юрия Бондарева, посвященный его юбилею, 80-летию. В списке выступающих меня нет, я в этом вижу некоторое ущемление института, да и себя, потому что я несколько раз публично декларировал, что я в какой-то мере являюсь его учеником. У меня в жизни было два серьезных писателя, которые заглядывали в мои рукописи: Бондарев на совещании московских писателей, когда он рекомендовал в Союз Р.Киреева и А.Иванченко, и в мои стихи заглянул в университете П.Антокольский, который ткнул в меня и Сашу Колля палкой, с которой он все время ходил, и сказал, что вот из этих получится, а остальные могут идти отдыхать.

К семи часам я поехал в ЦДЛ, но когда приехал, то ни одного местечка в зале уже не было. Правда, Сережа Сибирцев сказал, что меня вроде бы просили зайти за кулисы. Я тогда двинулся туда, оттуда как раз выпускали на сцену народ, но там был какой-то свой, отмеренный Арсением Ларионовым счет. Немножко Арсений и Михалкова, и Бондарева приватизировал, но он активный, деятельный, он этим живет, все это нормально и естественно. Потом я посмотрел все же немножко этот вечер из зала, стоя в дверях, выступал, как всегда, значительно и информативно С.В.Михалков. Он, оказывается, только на 11 лет старше Бондарева. Потом я ушел, потому что видел главное, а выступление артистов и писателей мне неинтересно.

Но, повторяю, я видел главное. Такой битком набитый зал никакой другой из писателей сегодня не получит. Может быть, поэтому и я не соглашаюсь ни на какой творческий вечер. Редчайшая любовь и почитание народа. За все — за романы, за

последовательность, за стойкость. Кстати, умница Путин прислал Бондареву поздравительную телеграмму. Ее огласили. Но было и еще нечто, что взволновало меня. Показали в телевизионной записи знаменитую речь Бондарева на XIX партконференции. Сколько, оказывается, на телевидении хранится! Как это может для кого-нибудь и когда-нибудь стать опасным! Поразил меня на сей раз не провидческий пассаж с самолетом. Речь провидческая вся, в каждой детали, в каждом слове, которые тогда, по нашему неразумению, казались принадлежащими только принятой риторике. Воистину, не сразу разглядишь пророка в своем отечестве! Внизу, в фойе продавали книги Арсения Ларионова, Юрия Бондарева, Валентина Сорокина.

16 апреля, пятница. После пресс-конференции в «АиФ» я успел на «круглый стол» в институт. Это были последние минуты собрания, но я успел услышать два или три курьезных соображения, которые включил в свою заключительную речь. Я уже заметил на подобных конференциях, что ученые иногда несут бог знает что. Как правило, в их речах, по крайней мере большинства, хороши бывают цитаты, а дальше, когда идет собственная прямая речь, все пожиже. Об этом мы утром поговорили с Л.И.Скворцовым. Оказывается, о том, что довольно много идет чуши и повторений, он хотел сказать мне, а я об этом же хотел, по-товарищески, сказать ему.

Хотя, закрывая конференцию, я говорил почти без подготовки, но все у меня получилось. Начал с моего детского впечатления, когда я несколько раз подряд сумел посмотреть фильм «Кубанские казаки». Вот так бы и эту огромную конференцию, где состоялось более сотни докладов, прокрутить бы несколько раз. Потом пошла серьезная часть, касающаяся отзвука ее по всей России через университетские кафедры. А это действительно так. Другое дело, что и как, и кто отсюда возьмет. Но в этом и сила подобных собраний. Кстати, мне несколько раз говорили, что от Литинститута, с его специфической прежней ориентацией, никто подобного и не ждал. Об этом же сказал и А.С. Орлов, а потом уже на фуршете, куда набилось тьма народу, но всем и всего хватило, повторила и Людмила Сараскина.

Разговор с этой удивительно красивой женщиной был, пожалуй, самым большим впечатлением и удовольствием за целый день. У нее точно такая же история, оказывается, со «Знаменем», где она тоже, как и я, ходила в фаворитах. И у нее, когда она в 93-м году сделала «шаг влево», состоялся с главным редактором разговор: «Вы можете, наш любимый автор, писать о чем угодно, но только чтобы в этом не было фамилии Солженицына». Как многим, оказывается, мы обязаны Г.Я., он

обоим дал определенный эмоциональный толчок! Я со своей стороны поделился тем, что обязан ему своим согласием избраться в ректоры. Если бы не его знаменитая пьяная фраза по телефону в день путча: «В говне умрешь, мы тебя сгноим…». Поговорили в том числе и о книге Войновича против Солженицына. По-моему, после нее Войнович приобрел репутацию завистника. Это, наверное, так, но, оказывается, работая, так сказать, по своей воле, Войнович выполнял проплаченный заказ. Назывались фамилии «жертвователей», фирмы и компании. В том числе и электрическая. Вот уж не думал о такой связке огромных денег и идеологии.

Пришла телеграмма из МГСПС с поздравлением по поводу указа президента об ордене. И «Независимая» опубликовала мой фрагмент в своем «телерейтинге». Вот так:

«Телезрители о лучших (1) и худших (2) программах, показанных с 7 по 14 апреля, а также о самой заметной телеперсоне (3).

Сергей Есин, писатель, ректор Литинститута.

1-2. «Оркестровая яма» Артема Варгафтика всегда для меня лучшая. На этот раз передача была посвящена таинственной истории создания соль-минорного адажио Альбинони. Зря только уважаемый критик и виолончелист «впарил» сюда пассаж о русском фашизме. Что это такое?

3. Лучшие персоны — это, конечно, хищники из передач BBC «Дневник одной кошки». Сколько искренности, естественности и здоровых инстинктов. К персонам я бы отнес также Александра Маслякова-младшего. По крайней мере мил, обаятелен, находчив. И даже похож.

Кондолиза Райс на сенатских слушаниях по поводу 11 сентября блестяще доказала универсальность принципа: виноват стрелочник. Как и у нас! Какой прелестный дуализм бюрократического мышления!»

17 апреля, суббота. Утром, когда ходил гулять с собакой, встретил приодетых дворников, необычно было то, что они, вопреки обыкновению, были в желтых форменных жилетах. Их, оказывается, всех мобилизовали выйти на Ленинский проспект. Там тоже есть участки нашего ЖЭКа. Дворники сказали, что все там давно убрано, сияет чистотой, но должен проехать Лужков с контрольной проверкой, и на скорости яркие пятна, символизирующие работающих людей, будут радовать мэра. Дворники у нас все из провинции, но телевизора наслушались, связали это с ростом демократии. В прошлом году — опять их сведения — было точно так же. Когда московский вождь проезжал мимо, они сидели в своих жилетах на железных оградках. Через

час после проезда начальства их отпустили отдыхать.

По дороге на дачу — я на этот раз взял Виктора, племянника Анатолия, который уже месяц живет у нас, работает в институте дворником и дружит вечерами с Долли, утром, как правило, гуляю с собакой я, и С.П. — мы на этот раз заехали в Ракитки. Там прошел передел, и участок С.П. немножко передвинули. Правда, с двух сторон огородили, так что ставить придется только два небольших забора по 12 метров. Мне там понравилось, и я подумал, что, может быть, есть смысл продать мне свою дачу, добавить и купить здесь. Я уже устал от Обнинска, возможно, это особенность, последние аккорды возраста — такая удивительная страсть к перемене. Интересно, что на участке, где я не был больше десяти лет, меня узнали. Соседка Наталья Дмитриевна сказала, что я совсем не изменился, только похудел. А мне кажется, что я седой от рождения.

Витя замечательно, с молодой энергией мне помогал, топил баню, копал грядку. Вечером я начал читать другой роман Андрея Геласимова «Год обмана». Интересно, мастеровито, замечательный сюжет, мне очень хотелось бы, чтобы он получил премию Москвы. Это было бы хорошо для премии, но я не могу его даже сравнить с Шаргуновым и Толкачевым. У тех были серьезные социальные намерения.

18 апреля, воскресенье. Я в довольно сумрачном настроении, несмотря на хорошую погоду, весну, на радость общения с моим любимым огородом, травой, листьями, деревьями, посадками. Уже до нездорового, до грешного я стал много думать о смерти, со страшной боязнью оказаться в промежутке между жизнью и смертью и как больной человек, и как нераскаявшийся грешник. У меня болят руки в суставах, болит бедро. Болезнь суставов — самое неприятное, что можно ожидать. По крайней мере, у меня все кости трещат, я с трудом делаю зарядку. Хочу спокойного и незамутненного сознания, увлекательной работы по обобщению того, что прожито и что увидено. Но, как всегда, я подчиняюсь чужим желаниям, меня толкают на то, чтобы при помощи определенных действий я опять баллотировался в ректоры. Естественно, я знаю, как это сделать, как получить разрешение, вплоть до указа президента. Но не хочу, не хочу, не хочу!

В субботу и воскресенье много читал. Уже второй роман Андрея Геласимова, но все не могу разобраться в себе, чем он меня не удовлетворяет: отчасти это написано лучше, чем мог бы написать я, даже Денежкина меня заинтересовала больше, там меньше игры, чем реалий. Чем же занимается литература? Только ли это развлечение, только ли это назидание? Что она будет из себя представлять в дальнейшем?

Прочел большой материал Майи Новик, иркутянки, который она представила на семинар. Буду заниматься этим во вторник. Это абсолютно грамотное, интересное, образное, до некоторой степени старомодное письмо. Она очень здорово знает мужскую психологию, прекрасно описывает мотоциклы, байкеров, разные интриги во взаимоотношениях мужчин и женщин, бандитский мир, драки, опять-таки, хоть это литература не коммерческая, но и не настоящая, для настоящей это всё слишком хорошо написано, для коммерческой — слишком серьезно.

Пришлось прочитать две пьесы как экспертизы «Открытой сцены», это пьеса Жеребцова и пьеса Дзюбы. И там и там какой-то привнесенный в русскую культуру специфический модернизм, специфическая игра между жизнью и смертью. В одном случае театр в театре, в другом — театр как некий словарь терминов, и герой умирает, когда термины заканчиваются. Везде нездоровье, везде эта драматургия сосет соки из большой литературы, запуская её в свою мясорубку. Постмодернизм, этот облегченный вид восприятия жизни, еще дышит.

Лук в теплице у меня уже большой, посадил грядку морковки, немного петрушки и укропа и рассадил тот чеснок, который не выкопал в прошлом году. Как бы выстроить свою жизнь таким образом, чтобы она вообще не существовала рядом с литературой?

Вечером в Москве долго занимался Дневником, приводил в порядок записи о Китае, вставлял с визитной карточкой в руках фамилии, попутно смотрел телевизионную передачу. Ко вторнику, наверное, напишу рейтинг.

Самый хитрый и самый коварный из телеведущих, конечно, Познер, он адвокат большого богатства и неравенства. Здесь, из-за реплики президента о бедности, этому господину пришлось сделать передачу на эту тему, и, как я уже писал, телевидение о многом проговаривается, но деньги затрачены, вернуть ничего нельзя. По сути дела, выяснилось, что все десять или двенадцать лет перестройки мы потратили неизвестно куда. Статистика коварна. За чертой бедности у нас практически 40 млн. человек. Что это значит? За 2 тысячи 300 руб., без книг, без театра, без дорогостоящей выставки, куртка покупается на 7 лет.

Была также передача, которую я видел мельком, по поводу самосуда: люди, недовольные деятельностью исполнительной власти, но требующие справедливости, совершают безумные поступки; одному парню, обвиненному в поджоге, обрубили руки. Тут же показали фрагмент из моего любимого фильма «Ворошиловский стрелок». Давно не хочу заниматься политикой, не хочу на все так смотреть, но жизнь настойчиво стучится в моё

представление о справедливости.

И тем не менее я счастлив, всё прекрасно.

19 апреля, понедельник. Я вдруг обнаружил, что все мои соратники как-то втихаря разъехались, пользуясь весной. Лёва уехал проводить конференцию школьников, Альберт Дмитриевич, оказывается, уже несколько дней как уехал с женой в Египет. Сегодня выяснилось, что и Вася из книжной лавки тоже на неделю куда-то удрал вдохнуть свежего воздуха.

Утром состоялся довольно тяжелый разговор с Ал. Ив. Каждый из семи проректоров как бы твердо знает круг своих обязанностей, предоставляя всё, что даже случайно не вошло в этот круг, каким-то другим людям. Несколько дней назад я отдал ему материал Тычинина — не программа, не брошюра, материал этот надо было организовать, ведь Тычинин не писатель, делать это он не умеет, зато как руководитель по физкультуре он очень ценен для нашего института. В общем, Ал. Ив. мне всё это принес обратно, а когда я предложил другой путь — дать посмотреть это Апенченко, может быть, распределить между нашими студентами, являющимися медалистами по спорту и в то же время выпускниками института… Но Ал. Ив. передал всё это мне, так же как и занятие грифами на институтской продукции. У него другие ходы к этим грифам — ходы через издательства, индивидуально. Жаловался на то, что приходится заниматься аспирантами и проч. и проч. и проч.

В три часа, как обычно, состоялось заседание экспертного совета по «Малой сцене». К моему удивлению, лица все оказались новыми, из знакомых только Валентина Федорова и Маргарита Эскина. Ну, я могу догадаться, почему Сергей Иванович Худяков, председатель Комитета, оставил только нас троих: без Эскиной не обойдешься, она всё знает, а В. Федорова и я — люди, которые никого не лоббируют, которые достаточно бескорыстны в силу своего понимания и отношения к театру. У меня были готовы две рецензии — на пьесу Жеребцова (довольно кислая) и совсем кислая на пьесу Дзюбы. Поразительно, что и та и другая пьесы — довольно вторичны, и в первом случае я помню похожий ход, театр в театре, в «Чайке», а во втором случае уже и в ворохе наших пьес нашлась такая, где на сцене снимают телевидение. Что касается пьесы Дзюбы, да и вообще всех проектов Виктюка, то сложилось ощущение, что режиссер как будто в них и не заглядывал: дадут деньги — тогда будем разбираться.

Основная часть совещания прошла в установлении регламента. Сергей Иванович разразился довольно длинной речью, но в ней было много делового и точного, по крайней мере у меня сложилось ощущение, что после трех лет достаточно

вольной жизни мы решили ввести в рассмотрение пьес какой-то определенный порядок. Кстати, возникла идея закрытого голосования, и это очень неплохо. Также обратили внимание и на то, что нельзя осуществлять мечту — ставить давно выношенную пьесу — да еще при этом и заработать на ней как на коммерческом проекте. Практически сделали немного, отвергли очередную «Чайку» (кто-то подсказал — одиннадцатую в Москве). У меня сложилось ощущение, что режиссёры не читают пьес, а смотрят их в каком-нибудь театре и тут же думают: «А я бы построил все по-другому». Проекты «не как у товарища по работе». В принципе, формально мы сделали немного, но со многим разобрались. Худяков молодец, он чётко соображает, чего хочет.

Вечером пошел в «Новую оперу». Концерт был дан консерваторией, министерством культуры и Авторским обществом, так что явка для меня была обязательной. И, как я понял, это был еще шанс познакомиться с новым министром культуры. Познакомились мы у входа, представил меня Владислав Казенин. Я поблагодарил министра за телеграмму к открытию конференции по Хомякову, а он в ответ сказал, что прекрасно меня знает.

Концерт — в рамках современного движения: «Академия — новое передвижничество». Большие мастера и коллективы приезжают в разные города, всё проводится на высоком уровне: провинции — московское элитное искусство. По этому поводу можно долго размышлять и долго говорить. Судя по всему, одним из инициаторов этого движения является А.С. Соколов как ректор Московской консерватории. Кстати, выступая перед концертом, он сказал и о помощи Сороса. Я вообще не люблю, когда с именем Сороса связывают только специфику наших учебников по истории — этот человек сделал и много полезного, правда, в данное время. Соколов говорил со сцены свободно, спокойно, со знанием дела, у него плавная, хорошая русская речь, без единой стилистической ошибки, но и без наворотов. Хорошо и естественно держится.

Играли в первом отделении «Рассвет на Москве-реке» Мусоргского. Ярославский академический оркестр, работающий очень мощно и хорошо, тем не менее, как мне показалось, Мусоргского недотянул, много было внешне-изобразительного, картина получилась не сливающейся в единое целое. А после Мусоргского играли концерт для фортепьяно с оркестром В. Казенина, президента авторского совета РАО. Честно говоря, я боялся этой музыки, во-первых, потому, что давно современной музыки не слушал, а во-вторых, ведь это мой хороший знакомый,

в известной мере начальник. Не придется ли врать? Всё это энергично, слитно, грамотно, замечательно играла пианистка Иванова — я такого не ожидал. Местами слышались, правда, Стравинский и Прокофьев. Во втором отделении, когда стали играть два концерта: один для флейты с оркестром, а второй — для саксофона с оркестром Андрея Эшпая, мне тоже кое-что слышалось. Но, в общем, удивительная радость от музыки, так приятно поздравлять людей, при этом не кривя душой. Музыка дает ощущение счастья и поднимает тебя в собственных глазах. Кстати, во время второго концерта — Эшпая — я хорошо подумал о своем романе. Упрощать, упрощать и упрощать.

20 апреля, вторник. До семинара быстро написал несколько строк рейтинга для «Независимой газеты». Посмотрим, как там это выправят, впрочем, Вера Цветкова, которая привлекла меня к этой работе, делает это очень осторожно, и я ценю ее широту. Правда, уже поступили первые жалобы, я слишком много комментирую, но иначе мне не интересно.

1. Самой заметной персоной стала Елена Образцова со своими воспоминаниями. Вот тебе и говорящая голова! И божество, и вдохновенье, и собачка на коленях, и поразительная ненатужная искренность.

2. Лучшая передача — «Времена» с лукавым Познером, талантливо перекрывшим начинающуюся было дискуссию об ответственности бизнеса перед обществом. Сама передача была посвящена нашей тотальной бедности. В этом контексте познеровские либеральные взгляды чувствовали себя неуютно.

3. Жуткой до содрогания показалась хабаровская история с несанкционированным отъятием у людей органов для пересадки.

Врачи! Как же жить, надеяться, доверять?

На семинаре обсуждали главу из ненаписанного романа Майи Новик из Иркутска. Написано это очень плотно, довольно весомо. Это роман из жизни байкеров, но с явно детективным налетом, т. е. обычная объективистская проза, где автор пишет с точки зрения абсолютного знания. Здесь любовь, пейзажи, описание техники, причем последнее Майя делает с большим знанием, красавец байкер, другой байкер — злой гений, конфликт и пр. Для обычной коммерческой прозы это слишком хорошо сделано, а для настоящей, плотной чего-то не хватает. Очевидно, что Майя профессионал, ей надо только уточнять то, что она делает, и твердо решить, какую литературу она пишет. Но по себе я знаю: надо просто писать и не думать, что пишешь шедевр. Наши студенты ошибочно все ориентированы на шедевр, а напрасно. В этом году у меня защищается Володя Кузнецов (фон Митцех). Володя из советских немцев.

Вечером по TV смотрел, как обычно, если получается, «Оркестровую яму». На этот раз А.Варгафтик меня разочаровал: вместо музыкального расследования он собрал воспоминания о занятных случаях с музыкантами и певцами. Передача сразу превратилась в заурядную одесскую юморину. Кстати, в этой же передаче прозвучал такой рассказ. Иосиф Кобзон со своей женой Нелли — крупной, привлекательной, даже красивой блондинкой — оказался где-то за границей. Во время антракта, на концерте, когда дверь в какие-то артистические покои была открыта, он сам услышал разговор двух дам, происходящий на русском языке:

«Иосиф Давидович женат на русской!» — «Как можно такое подумать о порядочном человеке? Я хорошо знаю маму его жены — …(имярек) Моисеевну» (за совсем точную передачу не ручаюсь, но огласовку отчества помню точно).

В связи с последним эпизодом вспомнил о другом, рассказанном мне Леонидом Ивановичем Бородиным. Сегодня вторник, и руководители семинаров все в институте. Это все на ту же тему о порядочных людях. В Ленинградской консерватории, куда Л.И. попал по своим делам, кажется, в 70-е годы, он услышал во время вступительных экзаменов, в перерыве, разговор двух преподавательниц консерватории. Одна из них была очень недовольна результатами. «Ты понимаешь, — возмущенно, громко и не стесняясь окружающих, говорила она подруге, — мне в класс двух гоев впарили». Это, пожалуй, похлеще передачи Варгафтика. Но и в его смешном классе «гоев» было очень немного.

21 апреля, среда. К посещению американского посольства я готовился как к большому бою. Мы, конечно, все — дети массовой информации, и те акценты, которые слышим от телевидения, прессы, берем из слухов, и переносим на наши отношения с жизнью. Всегда, когда я еду на работу, я вижу огромную очередь, вернее, толпу возле американского посольства. Почему-то я твердо решил, что и мне предстоит пастись в этом стаде. Но всё оказалось по-другому. Оказалось, что эти люди зря рано приходят, толкутся… Сейчас собеседование и оформление визы стоит 3 тысячи рублей, но 500 рублей все отдают некоему агентству, которое собирает документы, проверяет их, передает в посольство, а вас презентует маленьким кусочком бумаги с датой, на какую вам назначается свидание с администрацией.

Надо сказать, что американцы вокруг знаменитого дома Жолтовского выстроили очень занятную галерейку, выглядящую изнутри даже интереснее, чем снаружи. Внешне это большая конструкция, сарай или ангар, с протяженными поверху трубами

или кабелями. Но всё это приведено к особому эстетическому интегралу, расставлены стулья, везде указатели, даже такие: «Мокрые полы, будьте осторожны!» Все удобно, и если вести себя не по законам стада, то до удивления просто. На выходе у тебя забирают мобильный телефон, и из-за этого у меня возникла история. В общем, мы тихо-спонтанно сидели, все приехали на час, на полчаса раньше, чем указано на билетах — 11.50. Девушки, явно русские, но с какими-то бляхами и резиновыми дубинками в руках, повели нас на второй этаж, и там выстроилась спокойная очередь, шедшая довольно быстро. За стеклом сидел, видимо, консул или один из его заместителей, перед ним стоял компьютер, в помещении висели различные объявления на русском и английском языках. Я все время сравнивал английский и русский тексты и продолжал учиться. Кстати, процедура так наз. дактилоскопии занимает одно мгновение: вы кладете два указательных пальца на небольшой экранчик, и компьютер фиксирует их рисунки. Но тут-то со мной и произошла заминка. В общем, моих документов в компьютере почему-то не оказалось. Сначала я хотел было набычиться, поныть, но потом решил, что надо быть веселым, сел на предложенный мне стул и начал ждать. И такое счастливо-блаженное ожидание возникло у меня вдруг! Мне ведь никто помочь не может, моя судьба не зависит от меня. Да и хочется ли мне лететь в эту Америку? Скорее, нет. Но буду улыбаться. Через пять минут из другого окошка меня поманила какая-то девушка и, удивительно, назвала меня по имени-отчеству: «Сергей Николаевич, я вас очень хорошо знаю, так как работала в газете с вашей женой». Этой девушке я решил признаться.

Дело в том, что на это свидание с посольством я взял не обычный свой рюкзак, а портфель с кодовым замком. И в тот момент, когда все мы, будто по магическому сигналу, направились к окошечку, я захлопнул портфель и сдвинул кодовые колесики. И я был бы не я, если бы знал этот код наизусть! Все это я говорю девушке, которую зовут Татьяна и которую я смутно припоминаю. (Кстати, в посольстве работают, чуть ли не три с половиной тысячи наших соотечественников, а в русском посольстве в Вашингтоне работают американцы, и, может быть, это к лучшему, такие паритетные ходы.) Но в моем портфеле все документы, которые обозначены в пометке, все свидетельства — о приватизации, о том, что у меня есть машина, есть дачный участок и т. д. Бедный запуганный народ — ведь кто-то его запугал, раз в Америке думают, будто каждый из нас захочет там остаться. Так вот, я дал этой Татьяне телефон Лены и просил, чтобы Лена посмотрела на панельках, которыми закрыт у

меня выключатель в кабинете, тот самый пароль. И когда через десять минут я этот пароль получил, я достал записную книжку и начал чувствовать, что мир вокруг совершенно изумителен. И мне было всё равно — пустят меня в Америку или нет, сочтет ли американское правительство, что я хочу остаться там, бросив здесь жену, работу, положение, связи… Но все оказываются порой умнее, чем мы предполагаем! Появляется вместо консула какая-то девушка, берущая отпечатки пальцев, — и я получаю визу. Вообще, некоторые должны идти еще на собеседование, другим же на собеседование идти не нужно. С.П., два с половиной часа простоявший внизу в ожидании моего появления, начал не на шутку волноваться, и когда я наконец появился, рассказал, что некоторые выходят отсюда заплаканные. Итак, меня больше ни о чем спрашивать не стали, и к Америке я потеплел.

Вот записка, которую мне вместе с номером моего шифра на портфеле передала мне Таня Галеса:*«Сергей Николаевич! Я хотела Вам сказать, что Вы самый умный и самый талантливый писатель. И самый мужественный и обаятельный мужчина. Я давно Вам хотела это сказать, но не было возможности. Передавайте привет своей замечательной жене. Татьяна Галеса».*

В три часа, практически не задерживаясь в институте (только подписал какие-то бумаги), я поехал на вручение премии Солженицына. У меня, наверное, не хватит ни сил ни умения описать, как все было. Два часа это проходило в большом напряжении мыслей, напряжении слушания, напряжении чувств. По своему обыкновению, я многое записал, но многого не записал, нельзя же записать всё.

Моя невинная близорукость сыграла со мной не самую плохую шутку: я подошел к лифту в здании Дома зарубежных соотечественников на Таганке и, когда двери начали открываться, узнал знакомые лица: министра культуры, с которым познакомился несколько дней назад, заместителя председателя Госдумы — Любовь Константиновну Слиску, Татьяну Васильевну Доронину… Наконец, двери открылись, дамы вошли, я начал пятиться, так как инстинктивно берегусь такого сгущения художественного и административного гения, но министр культуры, возвышающийся на голову выше всех, сделал мне приглашающий жест: входите!

Ну, а дальше я, конечно, не утерпел и, держа Слиску буквально зубами за воротник, начал делать свое дело: договорился, что она придет в институт в мае, получил визитную карточку, по которой надо звонить. Все чудесно. По выходе из лифта поговорил с Л.И. Сараскиной. У меня ощущение, что литературная тусовка поменялась будто в мгновение ока, по

одному какому-то взгляду, и дело тут не в смене министра и начальства вообще, а в смене времени, которое требует от всех более глубокого и точного настроя.

Начались речи. Говорили: Непомнящий, Нат. Дм. Солженицына, Л.И. Сараскина, Бортко, говорил Миронов, говорили Вульф, Доронина, я даже не мог решить, кто говорил лучше. «Литературная газета» обещала все напечатать. Я, естественно, сам потихонечку записывал, что мог, на конверте пригласительного билета.

Сначала я придерживался несколько иронического взгляда, на моем листочке написано так: «Боярский, как дама или король, в шляпе». Пропускаю историю с лифтом, с Соколовым, с Сараскиной. Пометка о том, как интеллигенция набрасывается на министра. В зале появляется М.Е. Швыдкой, я поднимаю руку, приветствуя его, поймал его взгляд, а на выходе он сказал: «Все осталось в силе. Деньги на реставрацию мы вам дадим». А я в этом и не сомневался, подумал я.

Н.Д. Солженицына. Рассказывает о том, как 30 лет назад они мечтали об этой премии. «Не пропустим достойных, не наградим пустых». Говорит о зарубежье. «Сплетаются разрубленные ветви русской культуры».

Вал. Непомнящий. О двух культурах. Говорит резко, определенно, зло. Культуру поставили на попа, коммунисты заменили народ массами, сейчас масс уже нет, но нет и народа, есть население. В его речи много цитат. Говорит о феномене «Идиота», все полагали, что этот сериал, в отличие от «мыльных опер», народ смотреть не будет. Сравнивал Мышкина с Гриневым. Я внутренне радовался: какое счастье, что подобную речь услышит власть! Думаю, что и эта речь, и всё это собрание войдут в историю общественной жизни.

Л.Сараскина. У зрителей возникла властная потребность писать письма, письма князю Мышкину. Впервые тон задала не критика, а зритель.

Вл. Бортко не стал использовать имя Достоевского как «бренд». Вручили букеты Борисовой и Дорониной.

Вся церемония была продумана с невероятным тактом и умом.

Бортко начал говорить о том, что предыдущий режим, согласны мы с ним или нет, давал народу в смысле культуры всё лучшее. Говорит о радио, что знает музыку из него. Я сам тоже знаю музыку именно от радио, слушал в детстве. О государстве, воспитывавшем народ: «Я не предполагал, что такие скучные качества, как сострадание, способны притягивать к себе народ».

В. Вульф. Мы живем в эпоху посткультуры, когда массовая

культура сливается с элитарной. Сегодня мы живем без идей. Говорил о фильме. Следующая фраза очень важна: «Люди находили здесь эстетическое убежище». Людям, причастным к искусству, надо задуматься над трагедией «идиота», «Идиот» оказался романом, без которого не могут жить люди.

Т. Доронина. Полемизирует с некоторыми положениями Вульфа. Она начинает говорить в своей подвижной манере, но в этом-то и особенность ее личности, откуда-то из ее глубины идет очень важная мысль. Вульф упомянул, что Миронов, дескать, духовный сын Табакова. Доронина вспомнила Алешу и Ставрогина. Ну, неинтересно было, как Табаков начал отбиваться, опровергать тезис Дорониной, что деньги и искусство — вещи разные. «Ох, как я люблю деньги!» Далее — огромная табаковская мизансцена прямо на трибуне…

Но сколько было аплодисментов (и речь Дорониной прерывалась постоянно аплодисментами, и клакером-заводилой был я)! Прекрасно говорил и Миронов, к сожалению, я записал довольно скверно, мои записи ни в коей мере не передают величественности и трепетности этого нашего русского собрания.

Вечером с огромным интересом начал читать Романа Сенчина, его повесть называется очень занятно: «Вперед и вверх на севших батарейках». Это повесть о Литинституте. Мне кажется, Рекемчук зря на него обиделся, но и Роман зря о Рекемчуке кое-что написал. «Новый мир», конечно, чуть-чуть всё это оскопил, но все равно повесть кажется мне знаковой. Я буду еще об этом писать. Практически мы имеем первого писателя-маргинала в России, который умеет писать жизнь маргинала. Здесь много такого, что связано с искусством и с современным писательским опытом. Завтра я процитирую из этой повести многое у себя на семинаре.

22 апреля, четверг. Я решил устроить дополнительный семинар. Иркуты скоро должны уезжать, и здесь уже ничего не поделаешь. Обсуждали Володю Машкова, его рассказ «Рождество Матроса». Это рассказ о жизни и отношениях с хозяевами пса, его молодость и гибель, и гибель его хозяев. Здесь же и наша социальная жизнь. Это все хоть отчасти и коряво, но по-настоящему. Есть чувство, волнение сердца, любовь и сострадание к людям. Мало ребята пишут, как, впрочем, и я. Нам бы здесь всем брать пример с Сенчина, который все бросил ради своего писательского дара. Я на семинаре читал кусочки из его повести. Дочитав ее до конца, я немножко разочаровался: то длинновато, когда коснулось собственных отношений героя с женой и дочкой, то вязковато, многословно. Но меня он привлек иным.

Вот его честное признание, может быть, даже от лица всей литературы, которая уже и не может не стонать, потому что ничего другого писать и не умеет. Все у нас, включая студентов и писателей, обездоленные. «Вру, все время вру и прибедняюсь. Ведь вот только что приехал с Форума молодых писателей, где вкусно ел и сладко спал неделю без малого: сегодня вечер журнала «Кольцо А» в ЦДЛ, а после него скромный, но неизменный фуршетец; завтра — концерт «Короля и Шута» в клубе «Точка» (Вася позвал); послезавтра я приглашен в клуб «Консерва» на презентацию книги одной юной (страшненькой, жалко, до ужаса) поэтески; не за горами суд, где я могу поприсутствовать в роли болельщика, потом — пять дней в Германии. В общем, жизнь идет, но зачем-то я постоянно рисую ее как какую-то одноцветно-серую пустыню, ною об этом при любой возможности, пишу в основном об этом, уверяю себя, что все именно так.

Но где-то в глубине меня — маленький несогласный комочек. Он еле слышно, придушенно и все же упрямо басит: «Врешь, врешь. Зачем ты врешь?» С недавних пор этот комок стал расти.

Жалко, что он стал расти слишком поздно. Теперь ведь уже ничего не изменить, не исправить… Вот опять ною, опять обмазываю себя и окружающее одноцветно-серым…» (**Р. Сенчин.** «Вперед и вверх на севших батарейках» // «Новый мир», 2004, n 4, стр. 18).

Я выписываю и следующую цитату. Это предостережение, в том числе и мне. Но что поделаешь?

«Писателями, художниками, рок-музыкантами я сделал героев уже кучи вещей. Даже самому неприятно. Но кем делать еще? В принципе, какой-нибудь физик-изобретатель тоже может получать ИНН, чтобы ему потом выдали гонорар за изобретение. Но что я знаю про физиков? Где они могут работать? Как они вообще говорят?.. А художников я повидал, в курсе, что такое краплак, мастихин, багет, размалевок, как холст на подрамник натягивать и что у кисточек есть номера. Пусть будет художник. Авось прокатит…» (стр. 33.)

23 апреля, пятница. В воскресенье состоится бенефис Т.В. Дорониной, я уже неделю думаю, что бы мне придумать к ее празднику. Как всегда в подобных случаях я решил испытать безотказную в этих случаях щедрость С. А. Кондратова. За спиной в кабинете Т.В. уже стоит полный Брокгауз и Ефрон, теперь пусть постоят еще и 92 тома Толстого. С трудом я дозвонился до Кондратова, и сразу же принялись готовить экслибрисы, которые мы наклеим на книгу. Здесь будет два «товарных знака»: «Литинститут» и «Терра», наши с С.А. фамилии и сверху и снизу

этого конгломерата — «Т.В.Дорониной — с любовью». Максим все это наклеит и упакует, а Леша из издательского отдела напечатает сами экслибрисы. Оба замечательные ребята, всегда готовые без особых разговоров все, что необходимо, сделать и выполнить.

Сегодня же к трем часам я поехал в Республиканскую юношескую библиотеку, где должно было состояться вручение дипломов победителей членам юношеских студий и литературных кружков, которые выиграли конкурс «Поколения». Как я и предполагал, все это по существу выглядело ужасно. Милые нарядные дети читали свои стихи, и стихи были почти у всех плохие, без всякой надежды на то, что когда-нибудь дети этому научатся. Конечно, бывают от рождения талантливые дети, но, как правило, в наше время ладные стихи рождаются еще от знания, от информации. Скорее, талантливые дети гибнут, не зная уже сделанного, ориентируясь не на собственные простые чувства, а на салонные или телевизионные образцы. Я попытался прощупать у зала с претензиями в основном на поэзию, что они читают, что прочли: в лучшем случае Цветаева и Ахматова, весь двадцатый век пуст, как снежная пустыня. Имена Смелякова, Твардовского, Исаковского, Заболоцкого почти неизвестны. Все это происходило в прекрасном новом здании, построенном еще при советской власти, в замечательном зале. Я в первую очередь виню в подобной эстетической глухоте учителей школы, не лучше, конечно, и руководители наших литературных студий. Мне горько это говорить, но поэты-неудачники множат молодых неудачников. Готовят молодых школьных высокомерных премьеров. Но что поделаешь, такая у нас сейчас жизнь, и она в интеллектуальных параметрах не скоро выпрямится. Одновременно стоит заметить, что очень многие ребята тянутся к литературе. Но как же им иногда мешают взрослые, с их наилучшими пожеланиями и почти бескорыстным энтузиазмом! В качестве подарков лауреатам раздавались книги, в том числе и «Изгой» Потемкина, книга, никак не подходящая для этого случая.

Но пятница у меня день-бой. Вечером перепутал и вместо презентации книги младшего Говорухина в Доме кино попал на китайский фильм. Фильм называется «Дорога домой», поставил его какой-то китайский классик. Пора наказывать себя за незнание китайских фамилий, за европейское высокомерие. Это вполне современная картина. Здесь молодая любовь двух людей, всю жизнь проживших вместе. Прекрасная картина и прекрасные актерские работы. Зал высоколобых кинематографистов, которые всегда говорят или об интеллектуальном кино, или о том, что

народ, масса ничего, кроме криминала и убийств, понять не захочет, сидел как пришитый.

Что касается младшего Говорухина, то при всей моей нелюбви к сценаристам и режиссерам, старающимся еще и стать писателями, здесь все получилось на высочайшем уровне. Это не беллетрист, а человек, переживающий жизнь и стремящийся ее как-то отразить. Здесь есть даже определенная гордая сухость и сдержанность настоящего художника.

Вышла «Независимая газета». Я ревниво посмотрел только свой собственный материал и удивился. Благородные они люди: не поправили ни одного слова…

25 апреля, воскресенье. Что бы ни говорить и как бы себя ни успокаивать, но весь день и день накануне я прожил под впечатлением смерти Наталии Георгиевны Михайловской. Я ее видел в среду, когда она выходила из института, и тогда же она мне сказала, что чувствует себя неважно. В нашем престарелом учебном заведении это, конечно, знаковая смерть, это уже убыль по возрасту. Наталия Георгиевна была замечательным человеком, тихая требовательная культура которой не искала ни рекламы ни каких-либо иных исключительных действий. Нам будет практически невероятно найти ей замену, я не думаю, что в наше время ученый может приобрести подобную эрудицию, а самое главное, в ней существовал внутренний, несгибаемый пафос настоящего интеллигента. Что теперь будет делать Гошка, которого я летом водил в кино на какую-то приключенческую премьеру? Парню нет и шестнадцати, а он уже потерял сначала мать, потом бабушку, с которой жил и которая заменила ему мать. Есть ли справедливость на небесах? Хоронить её будем во вторник.

В 6 час. 30 мин. вечера состоялся бенефис Т.В. Дорониной во МХАТе на Тверском. Явка для меня обязательна. Во-первых, сам бенефис, сыгранный роскошно, широко, ярко, импровизационно, с таким размахом, который, кажется, ни один театр себе позволить не может, разве что Мариинский. Сначала Доронина играла с Аристархом Ливановым сцену из спектакля «Старая актриса на роль жены Достоевского», где даже для придурков была очевидна её мощь, актерская сила и отношение к действительности. В самом конце бенефиса, после антракта она пела, читала стихи Есенина; были показаны кадры из ее театральных работ. Если говорить о себе — меня выкрикнули на сцену, и у меня всё получилось. Доронина сидела на царском кресле перед декорацией, изображающей МХАТ в проезде Художественного театра, и это подчёркивало, что она-то и есть настоящий МХАТ. Это я и отметил в своем выступлении, назвав

Театр на Тверском Большим МХАТом, а также пожелав добра и успеха филиалу этого театра — театру в Камергерском. Правда, В.Я. Вульф в перерыве сказал мне, что я усложняю Дорониной жизнь. Ну, это любовь к некой затирухе, и разве я сказал что-нибудь более жесткое, чем сказала сама Т.В. Табакову на вручении премии Солженицына?

Среди многих выступавших, конечно, надо отметить в первую очередь министра культуры, который говорил широко, ясно, с точной расстановкой приоритетов, с определением театра Дорониной как классического театра. Он справедливо, что, конечно, вызвало у ее врагов лютую зависть, назвал ее «несравненной и царственной». Если считать, что это первая его публичная речь, то программа очерчена, и выступление его можно назвать блестящим. По крайней мере, как мастер разговорного жанра он не хуже Швыдкого, но они, конечно, совсем разные. Среди прочего сказал: «Сейчас министерство культуры похоже на театр: будущий репертуар неизвестен, труппа не набрана, роли не расписаны». Это было воспринято с энтузиазмом: а вдруг перемены? Кто-то из наблюдателей сообщил мне, что в перерыв министр пить чай не пошел, я тоже не ходил, потому что договаривался на сцене относительно вывоза тележки с книгами, а потом прохаживался по фойе среди зрителей. В своей речи я говорил о двух Горьких, которые через дорогу смотрят друг на друга. Сказал и о том, что «два безумных Сергея дарят ей эти книги». На тележке 92-томное собрание сочинений Толстого выглядело очень внушительно. Несколько раз во время моего выступления мне хлопали. Ничего политически резкого я говорить и не пытался. У меня было несколько заготовок на начало. Одна из них «я попытаюсь сдержаться и ничего не рассказывать о себе». Подразумевалось, что все другие только и делали, что об этом говорили.

Опускаю море цветов, роскошный финал, когда на сцене даже пили шампанское, опускаю, что зал досидел до самого конца, опускаю, что до самого конца досидел и министр. Ему это интересно. Потом театральные деятели пошли вниз, в ресторан, и мы посидели там. Я сидел с Ф.Ф. Кузнецовым, В.Н.Ганичевым, В.А.Костровым. Думаю, у них была некая печаль из-за их публичной на сей раз невостребованности на этом юбилее. Здесь действие скорее театральное, а не интеллектуальное, пусть не расстраиваются. Еще найдут возможность выйти несколько раз.

На сцене Доронина подарила мне свой юбилейный альбом. Здесь же ее подпись. В самом конце альбома, на страницах, посвященных «Вассе», фрагменты моей статьи о ней в «Литгазете».

Кто-то мне сказал, что в «Литературной России» Женя Шишкин написал на меня инвективу. Ни отвечать, ни читать не буду. Я его понимаю, мальчик был при деле, а тут остался вне института, без дела, без перспективы, с плохой сюжетной проработкой произведений, со старомодным, хотя и крепким письмом, среди многих и многих прочих искателей московской славы. Бог ему судья, а мне наука: никогда никому не делать ничего во благо. Впрочем, надеюсь, это мое пожелание самому себе проживет недолго. Если бы я ему отвечал, я бы кратко написал так: дали шанс, два года преподавал в Литинституте, до окончания контракта, в жизни института участия не принимал, были жалобы от студентов, что мало ими занимается, много занимался собой, вместо него взяли на это место Леонида Бородина.

26 апреля, понедельник. Всё утро посвятил студентке — первокурснице Ане Русс, приехавшей в Москву из Казани со своей мамой, Светланой Абрамовной. Аня на восьмом месяце, не хочет отставать в учебе. Я перезванивался с профессурой, чтобы ей как можно активнее помогли нормально, без особых беспокойств, прожить этот отрезок времени, до родов, и не отстать от института. М.В. Иванова поставила ей зачет прямо у меня в кабинете.

В три часа назначил совещание по электричеству. Все службы сейчас выдают предписания на бумаге, страхуя себя, а не человеческую жизнь. Попробуем разобраться с тем, что есть у нас. Занимался этим часа два, составили список всего, что можем легко и сами сделать.

Вышел второй номер «Московского вестника» с моей «Хургадой».

До того как поехать на работу, отвез В.С. на десять дней в Матвеевское.

27 апреля, вторник. До начала семинара для всех утренних групп устроил, договорившись заранее, обзор прессы. Традиционно и очень неплохо эти обзоры ведет Андрей Василевский. На этот раз был разговор о годовых литературных премиях, все, кроме «Национального бестселлера», роздано. Но прежде чем начать свою основную сцену, Андрей заговорил о новой повести Романа Сенчина. В целом он отозвался о повести, достаточно слабой, может быть, даже самой слабой. Мысль Василевского такая: на Романе будто какие-то невиданные силы произвели эксперимент — дали все, все печатали, давали почти все премии. Это все он получил как бы авансом. Имя вошло во все обоймы. В повести мы видим перед собой почти полностью опустошенного человека, пустого, опустившегося. Контраст

между автором и одним из героев повести, Рекемчуком, который предстоит в повести человеком деятельным. Ему бы надо сделать «автора» фигурой, равновеликой рассказчику. Отделиться от себя не смог (это о Сенчине).

Дальше говорил о значении литературных премий в литературной жизни России. Цикл премий разведен во времени. Премии структуризируют литературный процесс. Основные литературные премии: Букер — роман, Ивана Белкина — повесть, Юрия Казакова — рассказ. Дальше из интересного были только очень низкие цифры участвовавших в конкурсе лауреатов. Повестей в лонг-листе было 17. Уверял, что нельзя говорить, что все, дескать, раздается между своими. В ответ я привел случай, когда во время букеровского обеда, узнав о составе жюри, я безошибочно определил будущего лауреата. В тот раз это была Людмила Улицкая.

Андрей Василевский считает, что сейчас в России невиданный взлет поэзии. Я полагаю, что только в соответствии со временем вырос средний уровень, но нет прорывов. Где общенациональный поэт? И не говорите мне, что здесь взаимоотношение поэзии и социума. Когда таких мудреных слов не знали, был Пушкин, Лермонтов, Некрасов, а в наше время Твардовский. У нас нет даже такого чистого лирика, как К.Р.

Начали приходить отклики на доронинский юбилей. Симптоматически выглядит отчет Татьяны Хорошиловой в «Российской газете». В целом довольно благожелательный, хотя полон скрытой потаенной иронии, все с дешевой и низкой подначкой: «Михаил Ножкин назвал бенефициантку «лучом света в темном царстве». Хорошилова упоминает лишь тех лиц, без которых ей невозможно было обойтись, либо только тех, кого она любит. Фраза «Бывший продюсер 6-го канала Иван Демидов, поменявший то ли взгляды, то ли имидж, привел детский хор из храма святой мученицы Татьяны» выдает журналистку с головой. Как же бедную Хорошилову это все раздражает! Может быть, здесь не только идеологическая, а просто женская ненависть к красивой и победительной женщине?

К двум часам поехал в Боткинскую больницу, в морг, на похороны Наталии Георгиевны Михайловской. Это проходило в том же зале, где хоронили Сашу Науменко. Здесь же хоронили и моего брата Юру. В этот декоративный шатер, расположенный над гробом, улетали их души. Мне хотелось заглянуть снизу вверх. Но я знал, что увижу лишь люминесцентные лампы. У Наталии Георгиевны голова была закутана в белую вязаную шаль, лицо ее было прекрасно. Говорил Лева. Я в уголке плакал, наверное, больше о себе и о ближайшем.

Поминки были в институте, в столовой. Очень интересно говорила М.Иванова. которая помнила ее еще молодой женщиной, в шуршащих шелках, окутанную нежным сигаретным дымом, в экзотических вычурных серьгах и браслетах. Потом какая-то женщина, знавшая и ее мать и всю семью, долго рассказывала о Гите Абрамовне, матери, «которая дружила с Ворошиловым и Буденным». Она даже спела хриплым и чувствительным, почти цыганским голосом романс. Вдруг встала эпоха боевых командиров и их интеллигентных жен из «бывших». Гита Абрамовна потом работала, преподавала античную литературу. Сам Михайловский был прославленным командиром в Гражданскую, он умер в 1935-м, до репрессий.

28 апреля, среда. Если идти по традиции институтской мелочевки, то возникает анализ нелепых бесхозных списаний в нашем хозяйстве. Я не могу добиться от людей понимания, что, во-первых, мы тратим всегда своё, то, из чего может сложиться многое и стать общим достоянием; а во-вторых — ничего, в смысле отчетности советского времени, не изменилось. Да, мы можем брать шире и больше на хозяйство, быт, чем в советское время, но ведь за всё это надо отчитываться, надо иметь внутреннюю аргументацию этого отчета. Принесли акты на списание, ничего там неожиданного, насколько я понимаю, нет. Но почему сразу списывается десять кастрюль, десять телевизоров, сорок чашек, двадцать сгоревших чайников? Я надеюсь, что никто ничего не украл, хотя всё бывает: ребята видели, как кто-то из участников одной научной конференции, видимо на память, положил в сумочку чайную ложку… Но никто не хочет списывать вовремя, никто не хочет портить отношения. Разбили чашку или сожгли гости кастрюлю в гостинице — и никто даже не озаботится взять за это с клиента деньги. Попробовали бы вы разбить что-нибудь в большой западной гостинице!..

Вторая проблема, которая возникает, — это спортивная площадка. Если мы её покроем специальным составом (а стоит это около 300 тысяч рублей), то решим целый ряд проблем, связанных с физвоспитанием, а с этим в нашем интеллектуальном институте дело обстоит не так хорошо, большинство наших интеллектуалок физкультурой заниматься не желают. С другой стороны, это понятно: спортзалы не в институте, надо куда-то ехать, требуется время, да и сил иногда не хватает. Решим.

Основное событие дня, к которому я достаточно тщательно готовился, — презентация книги Сергея Говорухина в Доме кино. На этот раз я попал, ничего не спутал. Книга называется «Никто,

кроме нас». Выступал С.И. Худяков, драматург Ежов, киносценарист Агишев, вел Андрей Осипов, известный режиссер-документалист, который уже два раза получал премии в Гатчине. Очень любопытно Агишев сказал о герое младшего Говорухина: «Сейчас герой стал уже не героем в современном кино, а неким центральным персонажем, пусть и рефлектирующим, и широким». Сергей Говорухин пытается вернуть в прозу и на экран героя, который рвется не за орденом.

Я выступил достаточно удачно. Начал с того, что с Говорухиными — отцом и сыном — не знаком, рассказал историю, как пошли мы вместе с В.С. в Дом кино, где показали картину Сергея Говорухина, а потом я звонил ему и долго уговаривал выставить эту картину на конкурс, где он и получил затем премию Москвы. Потом я перешел к проблеме детей и великих отцов, сказав, что всегда с некоторым сомнением отношусь к следующим поколениям. Что касается самой книги, то мне она кажется глубокой. Вообще, лучше анализировать книги плохие, сиюминутные, а здесь мы имеем дело с книгой высокого качества, писатель он, конечно, от Бога, потому что Бог дал ему сердце. Я говорил об умении неожиданно, с позиций христианской морали, анализировать действительность и понимать нашу всеобщую взаимосвязанность. Тут же пошла в ход и моя прежняя мысль о нелюбви к сценаристам, пытающимся стать писателями, так как Говорухину пришлось пройти и через это — по своей специальности он сценарист. Ну, а закончил я некоторой полемикой с директором издательства «Молодая гвардия» Валентином Юркиным, старавшимся поставить Говорухина первым в каком-то определенном ряду писателей, между Трифоновым и, скажем, Гроссманом. Я же просто рассказал анекдот об Иегуди Менухине, который всегда говорил, что он музыкант-исполнитель номер два, а не номер один, а потом лукаво добавлял: первых — десятка полтора, а второй — я один. Вот и Сергей Говорухин — второй прозаик. У него, кстати, замечательное чувство по отношению к детям, это чисто по-русски — так переживать по поводу слезы ребенка.

Потом показали несколько фрагментов его фильмов. Я так много пишу об этом потому, что мы чем-то похожи, мы понимаем прозу не как феномен простой выдумки или феномен салонной жизни (это уже исчезло), а понимаем прозу как документ, или факт, или — как дамский роман, большего не дано. Акунин уже написал свою «Чайку».

29 апреля, четверг. Если говорить о событиях внутренних, а не внешних, то больше всего меня взволновали две статьи, вышедшие в «Экслибрисе». Я всё более и более убеждаюсь, что

надо ограничить себя в чтении газет, читать одну, в крайнем случае две, и, в частности, читать по специальности — «Экслибрис» и «Литературную газету».

Что касается «Экслибриса», то меня приятно поразила статья Сергея Арутюнова о моей книжке «Власть слова». Статью размахнули почти не полполосы, «Сальеризм как уловка Моцарта» называется она. Дальше идет подзаголовок: «Страстный роман Сергея Есина с литературой продолжается»… Сережа стал писать с такой степенью условности, что отдельные его определения похожи на двускатную крышу — и с одной стороны покатишься, и с другой. Максим Лаврентьев, который ставил эту статью к нам в Интернет, с присущей ему деликатностью, спросил меня: «Это вообще не пасквиль ли?» Но если бы это и был пасквиль, то это такой пасквиль, которого я ждал и которому могу быть только рад. Сергей, кстати, пишет: «Эксгибиционизация вскрытия мотивов писательских выглядит вполне новаторски…» Ну, здесь много всего того, чем неопытный автор мог бы похвастаться в советское время перед начальством и приятелями. Я даже опускаю мнение Арутюнова о том, что, дескать, Есин лучше филологов знает — *почему* он пишет и *как* он пишет. Но тем не менее самый дорогой и самый пронзительно-точный для меня кусок — это следующий пассаж: «Всю жизнь Есин ждет Высшего Критика и не получает его. Дешевые поделки, отмечающие современность его тем, не значат ничего. Удары бывших учеников, норовящих попрекнуть, не глубже осиных укусов, благо что нет аллергии на осиный яд. Высший Критик без лести, милостиво спешащей по своим мелким делам эпохи, не явился на встречу, и начинается поиск жанра». «И попутные мысли, и технология, и заключительная часть книги «Искусство вымысла» — всё это романы с героями». Здесь, если говорить о саморазоблачении, Сергей попал в точку. За всем остальным интересующегося отошлем к газете. В этом смысле я человек нетщеславный.

Второй неожиданный подарок — это Галковский. Этого писателя я всё время держу в уме, всё время ожидаю, мне иногда кажется, что мы, хоть и по-разному, но идем по встречным курсам. Однако я чётко знаю, что в этой области, в которой знаменит он, он намного сильнее меня, оригинальнее и мужественнее. Может быть, я иногда поднимаю то, что Галковский роняет.

Меня заинтересовало его удивительное эссе о Ленине. Это, кстати, какой-то фрагмент из его книги, которая мне никогда не попадалась, но, видимо, она грандиозна. Это, сужу по врезу в газете, дайджест из 55-томного ленинского Собрания сочинений,

сборника цитат, разбросанных по главам. Каждая глава предваряется эссе, одно из которых, по-видимому, и печатает «Независимая». Позиция Галковского сложна, вернее, он говорит одно, а пишет как бы по-другому и про другое. Наибольшее впечатление произвели на меня фрагменты: «1. именно Солженицын заложил основание постсоветского представления о Ленине как о чокнутом профессоре». Далее Галковский говорит об эпигонах этой точки зрения и выходит на работу Сокурова «Телец». Но вначале о самом Сокурове. Совершенно безжизненная фраза: «Учиться писать надо так: Сей кинематографический новатор, сделавший себе имя на претенциозном ломлении в открытую дверь (Ельцин хороший; Гитлер плохой; до революций была культура; Волга впадает в Каспийское море…), в 2001 году снял фильм «Телец». Теперь характеристика фильма. Фильм Сокурова снят сам по себе не без таланта. Дело, однако, заключается в том, что это единственный фильм о Ленине за все постсоветское время. Фильм этот снят человеком, который чутко улавливал политическую конъюнктуру и суть критики в подмене человеческого лица геростратовой маской. Концепция Галковского о Ленине просто поразительна — опять-таки надо учиться на основании фактов, говорить очень просто и определенно. Практически Галковский утверждает, что Ленин — главный мотор революции, этот «профессор» до революции входил в международный клан профессиональных политиков Европы. Его корреспондентами были Вандервельде, председатель Международного социалистического бюро и министр бельгийского правительства; секретарь МСБ и тоже министр Гюисманн; председатель Национального совета швейцарского парламента Гримм; депутат австрийского правительства и министр иностранных дел Адлер и т. д. Сам он в течение многих лет был руководителем II Интернационала». Далее автор говорит об осуществлении всех ленинских предвидений. Наверное, мы к Ленину подходим с разных сторон: Галковский — со стороны четких знаний, я — со стороны ощущений. Ну что ж, я снимаю перед ним шляпу и скажу, что он — гениальная фигура, я же — средний писатель, но даже в Дневниках нельзя говорить, что я — средний. *Паблик рилейшн* учит так, но моя уничижительная совесть заставляет меня говорить: средний, средний, средний. Но, будьте уверены, свое он получит.

Последний четверг месяца — для меня всегда ад, потому что: ученый совет, заседание секции прозы и клуб Рыжкова. Ученый совет прошел довольно традиционно, я вручил докторский диплом С.П., вручил медали нашим ветеранам. Трогательно на этом вручении говорила Федорова, о том, что не надо бояться

старости. Я тоже ощущаю, что сейчас наступает лучший возраст, лишь бы не было болезней. Я умилялся на Н.А. Бонк. Подумать только: Лобанов воевал на Курской дуге… Нет, нет, этот человек определенно имеет право говорить и думать от имени всего русского народа.

Отменили лишние экзамены на очном и заочном отделениях. Мы должны очень остро наблюдать теперь, кого и как мы выбираем. Перекрываются последние ручейки возможных блатных поступлений.

На заседании секции мне не повезло: мы практически зарубили Толю Трушина, к которому я всегда хорошо относился, с которым учился в Академии и который сейчас — генерал от авиации. Но что делать — книжка, написанная им о Бугаеве, очень средняя.

Вечером, в семь, даже без опозданий, в Даниловом монастыре состоялось заседание клуба Рыжкова. Выступал первый заместитель начальника Генштаба. Тема — НАТО: проблема союзничества или проблема противодействия. Я не думаю, что это было неожиданным, скорее неожиданными были резкие выступления адмирала Куроедова, который хорошо знает ситуацию в армии, и отдельные реплики космонавта Севастьянова. По крайней мере, я кое-что узнал: например, в дружественном нам Казахстане устанавливаются ракеты, которые должны перехватить возможный удар алтайской армии, а в Польше устанавливается такой же тип ракет, которые должны перехватить предупреждающий залп из других мест. В этой тактике есть еще и такой момент: по зонам этих ракет, чтобы стереть их в пыль, может бабахнуть атомный залп. И через 15 минут поехали без пересадки на другой континент.

Что же касается доклада, меня возмутила одна цифра: 400 млрд. у них и 10 млрд. у нас. Конечно, они нас тут поджимают, и задача в современной армейской стратегии одна: отступать медленно и передислоцироваться. Кто-то вспомнил Брестский мир, т. е. Ленина. Тогда немцы совершили грандиозную ошибку, дав нам время оправиться от предыдущих ударов.

Я рад тому, что приезжаю в этот клуб, который сильно меня подзаряжает. Сама атмосфера русских людей, очень теперь осведомлённых, многое дает.

Непередаваемое впечатление произвел на меня горячий судак, фаршированный овощами и чем-то непонятным, это как бы сгущенная амброзия.

30 апреля, пятница. Я даже не предполагал, что так заденет меня посещение нашей «наблюдающей» по линии охраны

памятников — Раисы Александровны Поповой. Мы с ней давно знакомы, она милая женщина, ее советами я пользуюсь. Но тут разговор вышел горячий — видимо, в моей природе всегда обязательно отметить (и у себя, и у других), что сделано, что произведено. Раиса Александровна начала, как, впрочем, и 12 лет назад, с налёта на меня: вот дом в плохом состоянии, надо что-то делать, и уже трудно объяснить, что это не мой дом, что это высшее учебное казённое заведение, в котором недостает денег, что государство и правительство по этому поводу не очень чешутся, что я уже три года, практически не переставая, занимаюсь этими проблемами, что даже самые высокие начальники элегантно отпихивают это дело друг от друга, так как это им невыгодно и ничего не приносит их сиюминутной политической карьере… А самое главное, наблюдающий архитектор не хочет отметить того, что уже сделано. Ни крыши, ни ремонта фасада. Мне не очень понравилась и аргументация Р.А. — немедленно обратиться к Елене Александровне Мальчевской, архитектору, с которой мы уже давно работаем. Вообще, я подозреваю некую связь организаций и фирм друг с другом. В свое время Мальчевская сделала нам прекрасный проект реставрации ограды на Тверском бульваре. Но всем сразу было видно, что смета чрезвычайно завышена, и намек уже поступил: делать это будет только её дружеская фирма. Я ничего доказывать не хочу, не хочу никого обвинять в чрезмерной любви к бизнесу, хотя этот бизнес постепенно пронизывает все поры нашей жизни.

Из текущих институтских дел — сложная компоновка приемных экзаменов. Конечно, можно было бы поступить жестко и высвободить для себя в августе 15 дней: Саша Мамаев, как богатый человек, по-дружески готов взять меня на собственный кошт в поездку по Греции, для ведения интеллектуальных разговоров, тем более что он знает, что наши с ним совместные поездки обычно заканчиваются каким-нибудь опубликованным романом — например, поездка на Кипр вылилась в роман «Гувернер». И все-таки надо отказываться от этого, потому что с ужасом думаю о том, что если мы сожмем экзамены, то за 10 дней до сессии наши заочники перевернут в общежитии всё с ног на голову. Поэтому, несмотря на сокращение экзаменов, придется всё растягивать на полтора месяца. Кстати, я уже начинаю готовиться к будущему, более жесткому и более конструктивному чем раньше, собеседованию.

1 мая, суббота

В Обнинске, между грядками и теплицей, — несколько небольших сюжетов, позабытых ранее. Знаменитый телевизионный ведущий организовал своеобразную акцию протеста против высоких ставок на автострахование. Несогласные с новым своеобразным, а попросту грабительским законом должны прицепить к антенне или к багажнику своей машины белую тряпочку — *белый платочек.* Платочки довольно густо замелькали по всей Москве. Я обратил внимание, что протестуют в основном владельцы огромных дорогих машин — джипов и внедорожников. Для них, в отличие от моих полутора тысяч, плата действительно неслабая — и 6 и 7 тысяч рублей в год.

Второй сюжет касается рейтинга критических и теоретических изданий, который опубликовала «Литературная газета». Условия здесь таковы: год продаж 38 магазинов системы Дома книги. Вот выборка «чемпионов»: Б.Носик — 600 экз., Вайль — 508, Гаспаров — 442, Н.Иванова — 104. Потом я выписал наших институтских: Волгин — 76, Гусев — 80(?), Минералов — 27, Чупринин — 9, Вал. Сорокин — 5, Корниенко — 1. Все это, повторяю, касается лишь 38 магазинов… Но вот что интересно, я попросил из нашей книжной лавки принести все, что касается продажи моей подобной же литературы за этот период. Вася довольно долго копался в материалах и накладных и дал такие результаты: «Попутные мысли» — продано 210 экземпляров, «Технология вымысла» — все 50 экземпляров, что мы сделали, как корова языком слизала. Эту книжечку мы и делали тиражом 100 экз., потому что она должна быть повторена во «Власти слова». Кстати, Вася попросил у меня еще 100 экземпляров для продажи. Совершенно роскошно расходятся «Записки литературного раба» В.С.

4 мая, вторник. Еще в пятницу вечером, как писал, умудрился уехать на дачу. Была чудная погода. То, что я сделал, невозможно даже описать, потому что это я проделываю каждый год, но в этом году кое-чего оказалось побольше — обветшала теплица, с зимы осталось много мусора. Тем не менее очень рано посадил помидоры и огурцы, которые Толик купил мне еще в пятницу за 650 рублей.

Но дело, конечно, не в этом, а в том, что я написал, а вернее — закончил третью главу романа, именно то место, которого я так боялся, что оно выльется в описание жизни замечательных людей. Это противопоставление Ломоносова и Пастернака, и даже не противопоставление, а моя точка зрения на того и

другого. Еще: Марбург, казавшийся мне в романе просто причудой, думал: начну и брошу, а дело пошло, и можно считать это завершенным. Главное — не торопиться, работать на технике, всё время вылавливать не в голове, а внутри себя определенные импульсы для продолжения. И всё это я писал в постоянной работе, так как четко знаю, что это движение по моим шести соткам и даёт мне возможность полно существовать.

Писателю очень трудно найти сюжет, который бы не сопротивлялся, когда писатель вкладывает в него все основное, чем он богат. Гоголь гениально обошелся с основными своими сюжетами, они все у него без любви.

Приехал в Москву довольно рано и впился в телевизор, который до этого за одним редчайшим исключением не смотрел. Как мне рассказал мой сосед по даче Вилли, еще в пятницу я пропустил схватку профсоюзов и Явлинского у Савика Шустера. Мне всегда нравится Явлинский, он говорит четко, определенно и жестко. А что можно сказать про Шмакова? Ангажированный, сытый товарищ, считающий, что вся эта огромная масса профсоюзов и создана лишь для того, чтобы он неплохо жил.

На обратном пути с дачи заехали в Ракитки, посадили там три яблони.

Уже в Москве видел по «Культуре» две серии английского фильма «Слуги», а по какой-то центральной программе новую версию «Золушки», с Басковым и Леонтьевым. Это, конечно, ужасно, ведь реквизит и бижутерия никогда не заменят того невероятного ироничного изящества, с которым разыграли «Золушку» Гарин, Жеймо и Консовский около 60 лет назад. Есть вещи, на которые нельзя замахиваться, и запрещать повторять такие вещи надо в директивном порядке. Прежняя «Золушка» как раз и принадлежит к таким достижениям нашей ушедшей культуры. Параллельно вперся в «К-19», знаменитый американский фильм о трагедии нашей русской подводной лодки «Комсомолец». Это сделано с исключительной точностью в деталях и с исключительным пониманием нашего русского, если хотите — советского менталитета и всех его огрехов, чуть крупновато и для западного зрителя гротесково выведенных. Но суть — наше, русское, понимание долга, чести, мужества, ответственности, веры — эта суть абсолютно справедлива.

Другой американский фильм о нас — «Доктор Живаго». Почему он не получился? Вот при всех нелепицах изобразительного характера «Война и мир» у американцев, с Одри Хепберн, получилась, а «Живаго» — не получился. И дело не в том, что на главную роль они взяли египтянина Омара Шерифа, а в том, что не почувствовали духа героя, а вернее — сам дух

Живаго не наш и неестественен. В этом меня просветила книжка Васи Ливанова.

5 мая, среда. Утром в институте встретили меня с самыми лучшими известиями. В пятницу Попова сказала, что надо сделать обследование несущих конструкций на 2-м и 3-м этажах. А прошлой ночью сработала пожарная сигнализация. Меня смущает также, что охранники чувствовали запах горящей электропроводки. Еще в прошлый раз я нашел нетехнологичную скрутку металлического и алюминиевого провода. Сегодня с утра нацелил Вл. Еф. на то, чтобы корпус на ночь обесточивали, а значит, надо поставить на особый режим все холодильники, телевизоры, компьютеры, бойлерную и проч. Надо добывать деньги и чинить огрехи времени.

Получил прекрасный подарок от своего студента-заочника из Иванова Володи Черкашова, который баллотировался от новой Промпартии в Госдуму. Я что-то по этому поводу ему писал в листовку. Володя подарил мне красную майку с надписью «СССР». В такой же майке он был сфотографирован на своем предвыборном плакате. Плакат этот до сих пор висит у меня в кабинете.

После обеда, в три часа дня приходил парнишка, студент В.А. Пронина Филипп Родионов, который брал у меня интервью по поводу «Дневника». Он делает материал для какого-то журнала, а его жена пишет по «Дневникам» диплом. Парень работал сразу за двоих. Интервью я доволен, хорошо бы оно появилось, я был в ударе и наговорил много интересного.

В четыре дня приехал долгожданный Ефим Лямпорт. Вот так и бывает, собирался через пару лет, а не был в Москве года четыре. Мы разговаривали с ним без пауз почти три часа, вернее, говорил он, а я восхищенно слушал. Это был роскошный монолог об Америке, о России, о гибели огромной, невероятной империи, о хваленом американском образе жизни, о Зорине и Боровике, которых Ефим называл «представителями Америки в Советском Союзе», об американском обществе. Он сравнивал Москву, роскошную и чистую, с провинциальным и грязным Нью-Йорком, рассказывал о так называемых квартирах в Америке, где ткни пальцем в стену — и окажется пластик или картон. А его рассуждения о нашей прежней жизни, о жизни писателей, подобного нигде не было в мире, о нашем жилье, которое государство «было обязано предоставить». Я пишу об этом так подробно, потому что хочу оставить с собой наслаждение от этого слушанья фонтанирующего человека. Пусть эти строки мне этот разговор напоминают.

Еще Ефим говорил о своем романе, который пишет, о

Пелевине, которого считает крупным писателем, о крушении психологического романа. У него написано на эту тему эссе, и мы ее в «Вестнике Литинститута» напечатаем. Теперь мы встретимся с ним 15-го или 16-го в Нью-Йорке.

6 апреля, четверг. На входе в институт поговорил с В.В.Сорокиным о будущем съезде, о ВЛК, он мне пытался рассказать о статье Шишкина, а потом даже ее принес. Она лежит у меня на полке, с большим его портретом, но я пока к ней не притрагивался. Видимо, по обсказу В.В., статья «многопрофильная» — о поколении, о шестидесятниках и пр. Опять-таки в разговоре с В.В. я сказал, что Женю понимаю, был, так сказать, преподавателем Литературного института, а теперь один из молодых писателей, не пробившихся и никому не известных. А нацелился, как и другие из моих знакомцев, на судьбу. В этой связи я вспомнил о старой статье Лизы Новиковой по поводу одного из букеровских лауреатов. Впрочем, есть ребята, которые и в наше время создают себе судьбу, я их готов перечесть, причем судьбу настоящую, ну, например, Леша Тиматков, который в первую очередь ощущает себя поэтом и ради этого занимается обычной черновой на компьютере поденкой, или Сережа Арутюнов. А ведь есть еще в жизни, спрятанные пока, как углекопы, Денис Савельев, Сережа Самсонов, у которых тоже честолюбия хоть отбавляй, но ведь копают, грызут — только не со стороны интриг, а со стороны литературы. Нет, нет, пробиться и в наше время можно, только надо плыть не в узком мирке клана, а в литературе. Я здесь могу привести, в качестве примеров, еще и Аню Козлову и Сережу Шаргунова. Аня вот попробовала на скандале, а теперь какую замечательную написала статью о Маканине, а какой замечательный у нее был роман! Здесь скорее я виноват, поднял какой-то немужской визг вокруг ее рецензии на роман о В.И. Тем не менее давай упрекнем себя, С.Н., за наплевательское отношение к себе. Вот написать роман ты еще можешь, а разогнать его, заработать на нем пороху не хватает. Не нашел литагента, не позвонил, как обещал, Т. Набатниковой, не отослал пьесу! Рохля и чудак на букву «м»!

В РАО состоялось празднование по случаю 50-летия Саши Клевицкого. Было довольно много народу, все собрались в столовой на первом этаже, накрыли хороший стол. Много говорили о его деятельности, организаторских способностях, было много его товарищей по работе и одновременно людей нужных. Немножко наивно говорить на пятидесятилетнем юбилее о нескольких телевизионных клипах и музыке к журналу «Ералаш», но он еще хороший преподаватель в Гнесинке. Несколько добрых слов сказал о Саше А.Я. Эшпай, но вскоре

ушел. Наверное, на пятидесятилетии самого Эшпая говорили о его концертах и крупных сочинениях, но каждому дано то, что дано. Никогда не забуду его выступление на Авторском совете, когда мы снимали Тер-Газарянца.

Я подарил Саше, вернее, передарил (но так было к случаю, что не утерпел, и прости теперь меня, Володя!) красную майку с надписью «СССР»: «Саша, никогда тебе теперь народным артистом Советского Союза не стать, так пусть у тебя будет хоть майка с такой аббревиатурой». В своей речи я говорил об его организаторских способностях, о женщинах-композиторах, которые выступали передо мной, а женщины знают, кого любить. Я запустил в качестве пробного шара, перед этим употребив словосочетание «милый друг», имя некой мадам Форестье, которая, быть может, и пишет прелестные клипы (это было, к моему торжеству, не понято), а дальше я не шутя говорил о таком свойстве Саши, ныне почти забытом, как мужская отвага и дерзость. Наш бультерьер! Как я хорошо подъел вазочку с красной икрой и лежащий передо мной ананас! Чудо, как было хорошо.

По телевизору два события: противостояние Саакашвили и Аслана Абашидзе закончилось. Показали торжественный въезд Саакашвили в Батуми. Народ и телевидение, как обычно, мгновенно сдали своего бывшего любимца и лидера. Накануне бывший министр иностранных дел, а ныне секретарь Совбеза Игорь Иванов улетел в Батуми, чтобы провести консультации, но, как показала ситуация, поехал затем, чтобы на русском самолете вывезти Абашидзе и его семью. Передали, что род Абашидзе управляет Аджарией с XV века. Зато за последнее время мы вдоволь нагляделись на лицо древнего аристократа. Кстати, уж коли речь зашла о великих родах, по радио я слышал, что в Италии, во Флоренции начали исследование (слово «эксгумация» употреблять не решаюсь) могил рода Медичи. Один из потомков сдал кровь на ДНК. Хотят что-то установить, и в том числе, что род этот имеет восточные корни, чуть ли не еврейское происхождение. Если это окажется так, это меня не удивит. О повадках этих герцогов, отравителей, предателей и пап я читал довольно много.

Второе, о чем следовало бы написать со слов телевидения, это взрыв огромного склада вооружения где-то под Николаевом, эвакуированы ряд сел. Самое пикантное, что рвутся реактивные снаряды от установок «град». Украине досталось после развала Советского Союза столько вооружения, что она не может его переварить. Хорошо, что еще Черноморский флот она не полностью захватила, как намеревалась, тут бы не было, наверное, половины Турции и Болгарии. Вот был бы полигон для

аварий!

7 апреля, пятница. Утром постригся, а потом на работе заканчивал пред отъездом в Америку разные боевые дела. До вторника мы все гуляем — День Победы. Кстати, предложение из белорусского посольства поехать на праздники в Минск почему-то не было повторено, и я этому безмерно рад. Надо завершать мои любимые весенние процессы на даче. Итак, гуляем до вторника, я провожу семинар, а потом в 12.30 срочно надо ехать в аэропорт.

Во вторник ни на какие дела времени не хватит, поэтому старался завершить все сегодня: отослал письмо В.Н.Ганичеву относительно студентов, которых мы рекомендуем в Союз писателей, написал также письмо Марку Авербуху в Лос-Анджелес. Это по поводу старого предложения дать стартовый грант имени Анны Хавинсон одному из наших выпускников. Этого выпускника я выбрал, это Слава Казачков, ученик Юры Апенченко, парень из подмосковной деревни, и все пять лет обучения в Литинституте он, не воспользовавшись нашим общежитием и своим правом, ездил домой и обратно. У него замечательный диплом о природе и сельских жителях. Марку я так и написал, бывают работы лучше, но здесь работа, которая требует того, что не решишь ни умением, ни начитанностью, здесь требуется чистый и восокопородный адреналин.

Сегодня день инаугурации В.В. Путина. У меня не получилось посмотреть церемонию по телевидению, но есть сообщение, что после самой церемонии Путина в Благовещенском соборе Кремля встретит Патриарх. Это мне как бы намекает на близость помазания. Не знаю, так ли это было бы плохо для России. Пути ее неисповедимы. Но сколько в этом случае нас всех ожидает интересного. Женское правление, эпоха дворцовых переворотов!

8 мая, суббота. Много и упорно занимаюсь огородом и участком, очень устаю, и мне начинает казаться, что это не простая усталость. Моя мечта — отдаться бы обычному течению старости и спокойно ждать дальнейшего решения судьбы. Я уже практически выбросил из головы идею реставрации здания и нового строительства, уже не форсирую, а просто заложил в «депо» и буду ждать подходящего момента. О надвигающейся на меня старости лучше всего свидетельствует потеря мною социальной злости. Ах, если бы не моя заработанная в институте астма, с моим характером мне не было бы износа, сколько бы смог сделать!

Ашот положил мне в почтовый ящик небольшую заметочку из «Коммерсанта» об одном московском нотариусе, некой госпоже Костиковой, которая вошла в сговор с преступниками и помогла им завладеть через ложные завещания рядом квартир одиноких

граждан, есть случаи, когда кого-то ради этих квартир и убили. Здесь все конкретно, просвечивает связь с мафией, с милицией. Время тотального беззакония и ужаса. Бедный, бедный простой гражданин! Самое главное, что мы все живем в страхе и ожидании какой-то неприятности. А если она случится, то мы заранее сдаемся, потому что не знаем, как противостоять, у нас нет помощников, нет денег, чтобы кого-то подкупить или «отблагодарить», мы боимся милиции. «Это уголовное дело показало, что хищение приватизированных квартир «черными» риелторами с помощью коррумпированных нотариусов, заверяющих подписи фиктивных наследников, поставлено в Москве на поток. Оперативники говорят. что город поделен между преступными группировками, охотящимися за квартирами умерших граждан. Эти группировки имеют списки одиноких стариков, владеющих хорошими квартирами».

На этом фоне я вспомнил и тут же прочел еще один материальчик, который накануне праздника передал мне побывавший у меня в институте Володя Крымский. Это большое письмо президенту, в котором он рассказывает об истории своего предпринимательства, богатства, разорения. Я-то знаю, что это ни к чему не приведет, таких писем граждане России пишут тысячами. Факты я не излагаю, но есть один, который меня взволновал. Володя пишет, как в начале перестройки стал собственником. А как он им стал? «В те годы, для страны, начавшей с чистого листа, у меня все сложилось очень удачно. Ценой больших усилий мне с компаньоном удалось построить и наладить свой бизнес. К 1997 году у нас было 11 заводов, практически в собственности». А вот не менее предприимчивые люди теперь все это отняли. Потом отняли у него два журнала, которые он сделал, в одном из них я печатал свои дневники. Потом отняли книжный магазин. «Я как наивный налогоплательщик обратился в УВД Москвы, по 02. И с этой минуты начался МВДешный кошмар для меня и моей семьи. Я откровенно надеялся, что бандиты и бандитские авторитеты, с ворами в законе, совершенно противоположные структуры с офицерами отдела по борьбе с организованной преступностью». Есть у автора и призыв: «Остановите бандитско-милицейский произвол в государстве». Литературные и писательские переборы в материале я опускаю.

9 мая, воскресенье. По окончании трансляции по телевидению парада в честь 59-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне я думал, что запишу, по привычке, как этот парад проходил, в свой Дневник, и на этом все закончится. Чего еще возьмешь с праздничного дня! Уже со вчерашнего дня

телевидение начало показывать нормальные военные фильмы той поры, и певцы начали петь нормальные песни с нормальными запоминающимися словами. Каждый год мы подчеркиваем, что мы дети тех, кто отстоял Родину, только тем, что в повседневной одежде граждан сегодняшнего дня, без всяких перьев и голых животов, поем песни наших дедов и отцов. Потом все начнется, после праздника и парада, весь эстрадный скок снова. Я собирался написать, что во время всей церемонии, довольно скучно показанной, ни разу не было произнесено слово «Германия». Кого мы победили, кто кого победил? Путин, лучший чтец по бумажке из всех, кого я только видел, прочел свою речь, которая не показалась мне неожиданной. Шли войска, красивые парни идеально держали равнение. Можно было подумать, что армия и войска у нас в идеальном состоянии. Вместо техники курсанты каких-то военных училищ показали «мальмезонский королевский» балет под названием плац-концерт. Я подумал, что значительно проще показать красивый парад, чем реорганизовать и поддерживать армию, я также подумал, что благодаря «гению» Ельцина, снова поставившего Иверскую часовню, которая загородила проезд на Красную площадь тяжелой техники, этой техники нет и не будет. И нечего ее смотреть, у нас она лучшая, лишь в одном, максимум в двух экземплярах! И гениально Ельцин с Лужковым застроили самую большую и красивую площадь Европы — Манежную, теперь негде будет собираться недовольным! Васильевский спуск у нас один, там все время концерты для довольных! В общем, я решил все это, навеянное парадом, изложить, а пока пошел к соседке напротив, к Лиде. Я собрался выкапывать у нее щавель и пересадить к себе. И тут, не успел я со своими вилами приготовиться, как подходит к забору другой мой сосед, преподаватель языка фарси в МГУ, и говорит: ты слышал, Кадырова убили?! У меня вилы выпали из рук.

Вот тебе и силовое замирение, вот тебе и выборы президента Чечни, вот тебе и наша политика! Я еще раз убедился, как бестолково мы ее ведем по отношению к Чечне. Как не понимаем ее специфику, ее родовой уклад, как бесцеремонно вмешиваемся во все. Нам бы надо только заниматься образованием и здравоохранением, нам бы надо следовать примеру англичан, которые наверняка поддерживали бы лишь один тейп и направляли бы этот тейп так, чтобы он все приводил в порядок. Мы должны понять, что в Ираке снова появится новый Саддам, что в Корее обязательно появится новый Ким Чен Ир. Рассуждать дальше не хочется. В то время, когда наши парадные войска шли по Красной площади, в Грозном тоже устроили парад на стадионе «Динамо». Взрыв раздался как раз под трибуной с руководством.

А у нас в это время барабанщики кружили в своем военном балете, и Путин говорил о мировом терроризме.

10 мая, понедельник. Я недаром обратил внимание на то, что в день теракта в Грозном, уже днем, В. Путин встретился с его младшим сыном, работавшим *у* отца начальником охраны. В Кремлевском кабинете президента парень появился в каком-то салатовом спортивном костюме. В тот же день в кабинете у В.В. побывал и совсем молоденький парнишка Морозов — предсовмина Чечни. Теперь это уже, по конституции, до новых выборов и.о. президента Чечни. Так уже сегодня, конечно, с подачи Кремля, — и на сей раз это очень умный совет — сын Кадырова стал первым заместителем руководителя правительства, из того же тейпа. Теперь есть кому мстить, теперь как реактивные снаряды из «града», сработает кровная месть.

По приезде с дачи нашел «Труд», в котором описание инаугурации В.В. Как он шел из Георгиевского зала в Екатерининский, потом в Андреевский. 1700 человек — приглашены на церемонию. Среди них Женя Миронов — это мне понятно, много бы я дал, чтобы увидеть весь список. Наверное, это тайна за семью печатями, но она многое бы определила и в характере В.В., и во взглядах на его администрацию. В этой же газете и большой репортаж о взрывах склада с реактивными снарядами под Николаевом. Об этом я писал.

Долго и тщательно собирался, вещей оказалось много, книги — я всё их вожу, на что-то надеясь, — бутылка коньяка, банка икры и, как всегда, много лишних вещей, включая учебник английского языка, зонтик, джемпер, сумку лекарств и куртку. Лето.

Поздно вечером позвонил Леня Колпаков: статья в среду не пойдет. Снял Ю. Поляков — газета боится связываться с Рязановым.

11 мая, вторник. Утром у меня было поручение захватить чемодан С.П. Сам С.П. остался сдавать кассеты в пункте проката, который должен был открыться в 9.30. Я прождал его 10 минут и уехал. Пункт так и не открылся. Потом С.П. мне сказал, что он ждал 50 минут, но «открывальщик» так и не появился. Вот тебе и капитализм, сражающийся за каждого клиента и репутацию заведения. Знал бы об этом хозяин!

Семинар, несмотря на то что рукописи для обсуждения не было, прошел очень удачно. Я роздал ребятам бумагу и попросил ответить на два вопроса: что они сделали на семинаре в этом году и что в текущем учебном году их больше всего порадовало. Это задание все выполнили быстро, я все материалы тут же прочел и почти у каждого нашел что-либо интересное. В этом смысле

ребята меня обрадовали, все думают, каждый размышляет о мастерстве.

В 12.30 уехал вместе с Ю.И. Минераловым, А.И. Зиминым и С.П. в Домодедово, но прежде встретил и блицем поговорил с Мишей Сукерником. У него некоторые перемены, он продал свою квартиру в Нью-Йорке и теперь переселяется в город за 300–350 км от Нью-Йорка. Туда он едет в качестве доцента, т. е. некоторое повышение в карьере. Он замечательно выглядит: загорелый и бодрый. Его сыну уже 20, и он, кажется, посерьёзнел. Помню, что в свое время он выбрал колледж, где легче всего было бы учиться. Мы говорили с Мишей о русской манере учить «с голоса», т. е. знания переходят непосредственно от учителя к ученику. Поэтому он полагает, что его обучение по переписке поэзии дело довольно обреченное. Но стихи он до сих пор пишет, Это немало. Поговорили, может быть, встретимся в Нью-Йорке, у него, кажется, свободно утро 15-го — у западных людей всё рассчитано.

В роскошном, т. е. значительно более удобном, чем Шереметьево, Домодедове полно охраны. Я взглянул в окно из накопителя: наш «Боинг», на котором мы летим до Лондона — это дешевле, чем прямо, — весь окружен кольцом людей с металлоискателями, похожими на ракетки для тенниса. Если дальше по теме, то перед регистрацией наши билеты проверяла служба охраны, и вдруг один из них меня признал: это наш бывший студент, сын Бориса Анашенкова. В 1997-м году он закончил у нас английский семинар, учился средне. Но вот работает с иностранцами, язык пригодился. Я спросил: пишешь? Нет, не пишу.

Но ведь случаи всегда бывают парными. В зале ожидания, в накопителе, Ю.И. Минералов показывает мне один из путеводителей по Нью-Йорку — и что же? На первой же странице вижу портрет другого нашего студента, Миши Визеля. В коротенькой аннотации над портретом сказано, что раньше он занимался итальянским языком. Ни о любимом учителе Е. Солоновиче, ни о Литинституте ни слова.

Отдельные слова об оборудовании британского «Боинга» — коленям есть где поместиться, кожаные темно-синие сиденья. Замечательно кормили. Как я порадовался, что в аэропорту не воспользовался буфетом. Удержали цены, но на всякий случай я их списал: сандвич с прошутто — 180 р. (230 гр.); с бужениной — 180 р. (180 гр.); киш-лорен с козьим сыром — 144 р. (125 гр.) с ветчиной — 180 р. (144 гр.); сандвич итальянский — 180 р. рисовый салат с овощами — 110 р.; салат итальянский — 130 р.; салат овощной — 100 р. Тосты: с сёмгой, со свининой, осетриной,

с телятиной, с курицей, с сыром — 130 руб. (160 гр.).

В «МК», который на борту раздавали наряду с английскими газетами, две заметочки. Первая: «Теракт 9 мая — это еще и страшный удар по самолюбию президента Путина. Стоило ему объявить на инаугурации: «Мы остановили угрозу международного терроризма», — и пожалуйста, такое убедительное *опровержение*». И вторая: «В атмосфере повышенной секретности прошли праздничные концерты в Кремле. Присутствие 8 мая в зале Президента России и нового состава правительства наводнило и сам зал, и закулисье сотрудниками ФСО, которые постоянно проверяли пропуска у всех, кто попадал в поле их зрения, включая самих исполнителей».

Умер Вал. Ежов, сценарист «Баллады о солдате». Я совсем недавно выступал с ним в Доме кино.

12 мая, среда. Нью-йоркское время — 6.30. По Москве в это же время я поднимаюсь, чтобы гулять с собакой. Накануне, уже на месте, выпил снотворное, может быть, войду в местный ритм.

Вчера в конце дня прилетели в Лондон, вернее, в аэропорт Хитроу. Я теперь с большим вниманием отношусь к стихам Е. Рейна, которые он всегда читает на своих вечерах. Но аэропорт мне понравился своей простотой, светом, удобством и свободой. Особенно, наверное, стоит сказать об аэропортном существовании людей, которые как бы между двумя пространствами жизни обычных людей и жизни неба с его традиционным риском. Роскошный дух. В Хитроу провели около часа, хорошая информация, отсутствие лестниц, везде идут пандусы. Я тут вспомнил нашу крутую лестницу в Шереметьево с галереей для прилетающих, к паспортному контролю. Производит впечатление природа за окном, мягкие краски, нежная зелень, мы всё это видели во время переезда на автобусе с одного терминала на другой, и тихая некричащая стабильность. Обращает на себя внимание и вживленность в местную повседневную культуру африканцев — они сидят за компьютерами, дирижируют движением, работают стюардами и механиками. У нас по-другому: у нас кавказец только в палатке, у нас он главный, внутренне готовый, когда никого нет поблизости, к агрессии. Во время прогулки по дьюти-фри зашел в один из магазинчиков и долго любовался веджвудским фарфором: и «в греческом стиле», с белыми тенями-барельефами по стенам, и с нежнейшими красками на цветном. Вот тебе отсутствие в течение веков насильного прекращения традиции. Какой бы у нас был сейчас поповский или кузнецовский фарфор!

Сменили самолет, это опять «Боинг», но попроще, потеснее, без кожаной обивки. Как и в прошлый раз, из Москвы в Лондон,

заполнен в лучшем случае на одну треть. Многое окупается обслуживающим персоналом. Разноцветные девочки, иногда и за тридцать, и мальчики, всё время хлопочут. Изумительная еда, от которой сейчас, утром, у меня текут слюнки. Как хорошо приготовлена курица, которую я обычно есть не люблю, какие салаты и десерты с патокой! Порции большие, в удобной посуде. Если конкуренция, то летайте самолетами «Бритиш ауэрвейс», мы полетели на самолетах этой компании и с пересадкой еще и потому, что это дешевле. Последний штрих в пользу британцев: на паспортном контроле британские стюардессы не бросали своих пассажиров, очень толково расфасовывая их по разным инспекторам в зале контроля.

В Америке! Это, конечно, очень своеобразная страна. Ты всегда не уверен: стена в гостинице из кирпича или картона? И всё, конечно, по-своему. Отключились, например, все мобильники — другая система. В гостинице утром не сможем напиться кофе — иные розетки, а переходных (китайский тип) я не взял. В номер, выходящий окном и дверью во двор, надо было идти по металлическим мосткам. Тем не менее респектабельный фасад, 42-я улица!

Встретил нас русскоговорящий пожилой человек, шофер огромного свадебного лимузина. Теперь я узнал, как устроена внутри эта безвкусная машина, которая возит, как уверяют, по Москве Киркорова. Низкая посадка, сзади два места, но можно сидеть и втроем, слева еще два таких же низких места и два впереди, у перегородки, отделяющей салон от шофера. Вся правая сторона, если смотреть сидя в салоне сзади, занята сверкающим баром: там водка, коньяк, кола, лед «Комплимент от фирмы», — пояснил шофер. На потолке салона неоновыми синими лампочками изображено ночное небо. Стоит это все 164 доллара до гостиницы. Гостиница на Манхэттене, 52. Аэропорт в Квинси, там живет до 40 процентов русских, обитающих в Нью-Йорке. Это уже незримые комментарии шофера. Когда приехал в Нью-Йорк? От этого вопроса по скрытой одесской черте характера уклонился. Пытался за 30 или 40 минут езды до гостиницы что-то нам показать, но меня от мягкой качки на поворотах в этом элегантно-киркоровском чудовище замутило, и я ничего не разглядел. Огни, сплошные стены оконных огней в небоскребах и высоких домах. Муравейники, обращенные вверх. Но вообще-то картина впечатляющая. Появление на свет небоскребов нанесло человеческой душе непоправимый урон. Что-то в душе должно было случиться, и уж во всяком случае, не проявиться гордости. Гордость и гордыня — разные слова. Должна была появиться какая-то мерзость.

Шофер сделал несколько интересных замечаний. Нью-Йорк — совершенно безопасный в течение всех 24-х часов город. Мы как раз проезжали Центральный парк: 1,5 км шириной и 5 или 6 — длиной. Ну, как же так, говорят, в парке вечером прохожих грабят! Это было 10–15 лет назад. Может быть, и у нас когда-нибудь в Москве наведут порядок? На Манхэттене метро, пробки. Стриты одна от другой в двух минутах ходьбы, вот так можно рассчитывать свое время. Утром даже люди, доход которых достигает 1–1,5 миллионов долларов, ездят в метро, в машины они садятся лишь вечером.

Остановились в гостинице «Трейвал инн» («Постоялый двор»), это 42-я улица, и это надо ценить. Не знаю, остановились ли мы за счёт Тур-колледжа или за счет Ренаты Григорьевны, матери Сони. Встретились мы с ними только вечером, после семи. Я подарил дамам одну из своих книг и две кассеты со всеми картинами сериала «Идиот». Они повели нас в какой-то довольно известный и дорогой рыбный ресторан в центре. Кормили вкусно — креветки в тесте. Разговор был не очень интересный, когда становился общим, но целый ряд деталей я постарался запомнить, по крайней мере, они меня заинтересовали. Но что нас, русских, могло заинтересовать? Только русское, Россия.

Во-первых, Соня развелась с Сережей. Фамилия его оказалась Петров, и он не был вовсе здоровым и предприимчивым московским евреем, как я предполагал. Сережа из самой простой русской семьи из Петушков. В своё время, кажется, был связан с людьми предприимчивыми, с братками и пр. Теперь они расстались, но Сережа снова женился и живет в Нью-Йорке. В порядке шутки рассказывали, что вроде бы он написал письмо прокурору, где указал, что семья С. Ромы дала ок. 1 млн. долларов за Гран-при в Гатчине. Занятно. Сейчас у Софии новый проект. Она с успехом поставила свою пьесу в стихах о цыганах, о мистике, Големе, и теперь собирается снять ее в кино. Есть люди, которые этот проект готовы финансировать. Одержимость приносит свои плоды. Зарабатывает она тем, что читает лекции, в том числе и для начинающих спичрайтеров. Она похудела, тонка, собранна и предельно непрактична. Двигатель, как мне кажется, мама. Экзамены у нее в субботу и в воскресенье.

Всё утро мы посвятили большой прогулке. Мне кажется, что все главные чудеса Нью-Йорка мы уже увидели. В конце 42-й улицы (из отеля — направо) на Гудзоне стоит у стенки огромный старый списанный авианосец «Энтерпрайз». Похоже, в него даже пускают, снизу видны и люди на палубе. Огромный сгусток овеществленных человеческих мыслей, дерзости и опыта. Сколько знаний и уменья должно было быть собрано в этих надстройках,

башнях и башенках, в этих палубах и якорях, нависших над причалом.

Второе чудо — это Нью-йоркская городская библиотека. В одном из залов — список жертвователей. Роскошное здание прошлого века: огромные залы, тяжелые, «штучные» удобные кресла для посетителей, много современной бесплатной компьютерной техники — чудо для работы. Внизу охрана проверяет сумки, на 3-м этаже — выставка картин. Запомнился портрет С. Морзе, уродливое большое лицо, портрет Томаса Манна в Америке — затянутое крахмальным полотном горло, трость в руках, и большая картина «Мильтон диктует своим дочерям «Потерянный и обретенный рай».

И наконец, третье чудо — Центральный парк, мы прошли его значительную часть. Чего же здесь описывать? Это просто волшебно и замечательно. В прогулке вокруг озера, обнесенного решеткой, нас застала гроза. Кто-то из посетителей, когда мы все столпились под огромной липой, пустил меня под свой зонтик. Оказался русским.

Огромный, поставленный на небольшой скале памятник героям «Алисы в Стране чудес». Надпись: «В память о моей жене Маргарите Делакорт, которая любила всех детей». Лучшего применения для денег не придумаешь. Опять — думая о наших капиталистах.

Состоялся очень интересный разговор с А.И. Зиминым о т. н. общечеловеческом праве, о праве естественном, о разговорах о свободе, которые неизбежно возникают в обществе, когда государство начинает эти свободы теснить. Мы говорили еще о мире мусульманском. Только что пришло известие, что иракцы взяли в плен английского журналиста и отрезали ему голову. Существует множество полярных миров, и не нам определять, какой из них лучший.

Созвонился с Марком Авербухом. Зовет нас на пятницу в Филадельфию.

Нет ни пьяных днем на улице, нет и пьяных подростков, бредущих с открытыми бутылками пива. Здесь закон: с 21 года.

Удивительное свойство нашей гостиницы, хотя из ее окон и виден самый знаменитый небоскреб Америки, но пока ощущение, что над ней работают огромные электромоторы — всё время что-то шумит.

13 мая, четверг. Я не очень представляю себе, как смогу полно описать этот, один из самых необыкновенных, дней в моей жизни. Собственно, с чего начать? С недельных записей? А тут всё замелькало на протяжении нескольких часов. Встреча прошлой осенью во Франкфурте, на книжной ярмарке, с Марком

Авербухом и его женой Соней? Наши переговоры с ним по компьютеру? Созвон по телефону уже из Нью-Йорка? Волшебное «приеду за вами, это в двух часах езды!» Замечательное, волшебное слово «Филадельфия», тающее, как виноградина во рту? Что-то про Вашингтона и Франклина? Во время Войны за независимость, здесь, в Филадельфии, было провозглашено образование США.

Если по импрессионистической укороченной схеме, то так: выезжаем из Нью-Йорка на машине. Марк поясняет: обычно в Нью-Йорк на мюзикл или концерт они с женой Соней ездят на поезде — и быстрее и менее утомительно. Через знаменитый Линкольновский тоннель под Гудзоновым заливом выбираемся на асфальтовые просторы Америки. Марк не очень уверенно ведет машину, поэтому в трудных местах я умолкаю, прекращаю его расспрашивать. Но как мы вцепились друг в друга с самого начала поездки, о чем мы только не говорим! Это, наверное, поколенческое? Или один общий жизненный интерес к литературе, которую Марк знает? Это приблизительно общие мысли о стране Россия, о стране Америка, о Харькове, где он родился? О чем в дороге говорим? О Лимонове, он харьковчанин. О Павлове, с которым Марк знаком по Франкфурту. О его дерзкой поездке любителя-книжника из Америки на ярмарку. «Я прочел список из ста писателей, которые туда едут, это же цвет! Другого такого случая не предвидится». На сиденье сзади, как мышонок, внимая обрушившемуся на него водопаду сведений, притаился доктор филологических наук С.П. и умнеет.

Потом, уже в Филадельфии, в доме у Сони и Марка, я найду подтверждение нашей общности. Наверное, традиционный, как в кино, стандартный дом-секция. Всего секций шесть: на шесть семей, у каждой наверху несколько спален и туалетных комнат, внизу гостиная и кухня, гараж с открывающимися от нажатия кнопки воротами. «Механизм не подводил ни разу за 15 лет». В каждой секции отдельный вход, и здесь же крошечный садик. У секций и дверей окраска одинаковая. Садики — 30–40 квадратных метров каждый — разные: газончик, цветочки. Есть еще во всю площадь дома подвал. Это почти так же, как у Андрея Мальгина на даче — комфортабельно, свободно. Толстый ковер под ногами, кресла, стол с компьютером, и по всем стенам стеллажи с книгами. Они уехали из России, кажется, в середине семидесятых — с собой взяли все книги, которые были собраны дома. Как же трудно было тогда купить хорошую и достойную книгу! У меня сложилось ощущение, что здесь всё то же, что я достал тогда же за то же время. Как много значит общий круг чтения!

Но все это позже. Едем. У меня все время перед глазами начало знаменитого фильма «Филадельфия», когда с вертолета идет панорама, начинающаяся со скульптуры, стоящей на верхушке какого-то здания, на куполе. Кто же это, думаю я: Франклин, Вашингтон?.. Когда через два часа мы въедем в центр Филадельфии, я увижу ту же скульптуру на здании мэрии. Это фигура Уильяма Пенна, знаменитого английского политического деятеля. В конце XVII века получил от английского короля хартию на право феодального владения огромной территорией Северной Америки, на которой он основал колонию, известную потом под названием «Пенсильвания». Именно здесь, в этой колонии, была провозглашена веротерпимость. Надо при этом заметить, что сам Пенн был квакером, т. н. пуристом. Но именно здесь было провозглашено, что Америка — это страна сосуществования множества религий. После этого объяснения и в фильме, в его символике мне многое стало понятно.

Мы давно уже в городе. «Национальный центр Конституции». Огромное здание с массой залов и комнат. Из окон видно стоящее через площадь здание, где, собственно, и была подписана Декларация о независимости. Как мы плохо знаем и чужую, и свою историю! История в деталях, Дом плотника, в котором встречались сейчас «революционеры-реформаторы», тогда «заговорщики». Фраза Окуджавы «Возьмемся за руки друзья, чтоб не пропасть поодиночке» имела свой первоисточник в словах Вашингтона: «они перевешают нас поодиночке». Именами революционеров назвали города: Вашингтон по филологической задумке не очень-то отличается от Ленинграда, Сталинграда или Молотова. Сердце центра — небольшой зал, где прямо на полу в человеческий рост установлены фигуры джентльменов, которые осмелились подписать Декларацию независимости. Они расположены группками, как бы беседуют друг с другом в этом зале. Под их ногами, в бронзовых же медальонах, их фамилии и возраст. Средний возраст, наверное, лет 35–40, это деятели, делегаты от штатов, графств, земель. Среди них и Франклин — ему 81. Я вспоминаю роман Фейхтвангера «Лисы в винограднике», о котором мы говорили с Марком в машине.

Последняя деталь — вся комната заполнена детьми, которых привезли на экскурсию. Бронзовые руки и нос сидящего на бронзовом стуле Франклина блестят от прикосновения детских рук. История с тобою один на один. Тут же, на специальной тумбе, огромный фолиант: это текст Конституции, которую каждый присутствующий здесь маленький или большой американец может подписать. Каждый становится деятелем истории.

Марк хорошо помнит и русский менталитет, и современные русские возможности интеллигенции. Еще в Нью-Йорке он предупредил: мы его гости и — ни-ни, Марк похлопал себя по карману — платит за все он. После посещения центра Марк устроил еще один аттракцион. После посещения павильона со знаменитым «Колоколом свободы» (трещина в колоколе кажется мне символичной) мы увидели здание, в котором, собственно, и проходило подписание Декларации, памятник Вашингтону перед ним и тут же, сбоку, у тротуара, несколько прогулочных колясок, запряженных лошадьми. Поехали! Нашего коня звали Мерлин. По жаре, привычно реагируя на движение транспорта и светофоры, Мерлин потащил нас вокруг ухоженных исторических кварталов. Кирпичные домики с белыми наличниками, уютные газоны. На козлах молодая девушка четко, на ясном английском, вела рассказ о достопримечательностях. Я мало что из этого образцового английского понимаю. С.П. глубокомысленно погружен в свои мысли, впрочем, иногда из новых сведений что-нибудь подбрасывал и мне.

Осталось только описать меню и вылощенный до блеска дом, где хозяйничает Соня. Прекрасная, как в кино, гостиная, замечательные гостевые спальни на втором этаже, модерновая посуда. Вся закуска была из «русского магазина», вкусно и сытно. В Филадельфии сейчас живет около 50 тысяч русских. Какая после закуски солянка, какой замечательный десерт! За столом разговоры о жизни и об Америке. Соня: «Я люблю эту страну». Соня ясно и трезво на всё смотрит. Говорили в том числе и о людях, которые здесь умирают от голода. Все есть и в Америке.

Я хорошо помню, что одиннадцатого у Барбары состоялась операция. Но никто нас не предупредил, в Америке отказали все наши телефоны. Здесь, в Филадельфии, у Марка, выйдя наконец на интернетовскую связь, мы сразу же послали запрос Вилли. Как там? Молчание.

14 мая, пятница. Я спал в поистине королевской спальне. Здесь розовые шторы, причудливая, между роскошью и безвкусицей, мебель, толстые ковры. Естественно, ночью возникло беспокойство, и, проснувшись между тремя и шестью, я писал Дневник. Утром осмотрели дом, с особенным вниманием я рассматривал ту часть подвала, отделенную от кабинета, в которой находится котел, снабжающий водою дом, отопление, всякие воздуходувки. Всё это удобно, мило, но лестница на второй этаж слишком крута, и прав Ефим Лямперт: сколько стариков привозят к ним с переломом ног; звукоизоляции никакой. Но ощущение приватности, активной индивидуальности, ощущение владельца — есть. Не думаю, что

даже по местным ценам дом Марка стоит дороже моей квартиры в Москве. Кстати, я видел, как подобный дом строят. На фундаменте устанавливается каркас из легкого бруса, почти всё обшивается. Это опять легче и дешевле, чем мой дачный дом. Все это на географической широте Неаполя.

Утром же обошли всю округу. Мир построен одинаково, всё находится во взаимной связи, за всё надо платить. Газон за домом, и хозяин должен обрабатывать его сам, но за невидимой чертой в 12–15 метров уже земля, которую косит муниципалитет. С соседями можно не контактировать, но кивнуть обязательно. Всё можно делать по-своему, но если ты делаешь что-то не так, тебе укажут, и жестко. Внутри любого демократического сообщества жесткий демократический фашизм. Марка заставили убрать плющ на стенах его дома — ни у кого больше в округе такого плюща не было.

После завтрака — остатки вчерашнего роскошного ужина — поехали обратно в Нью-Йорк. Соня интересно говорила о своей любви к Америке. Она натура активная и деятельная и здесь смогла получить то, чего в нашей стране по праву её энергии, силы и деловитости ей бы не дали. Стоит ли так осуждать эмиграцию, в частности еврейскую? У нас, у русских, слишком сильно представление о государстве как о защитнике и помощнике. Но наше государство сейчас — это Нарусова и Греф.

На обратном пути, как мы ни торопились, Марк завез нас в Принстон. Я восхищаюсь его императиву, весьма, кстати, справедливому: так надо! Роскошный, стилизованный под XVII век студенческий городок. Театр, в котором, по рассказу Марка, он смотрел «Три сестры», поставленные Товстоноговым. Строительство и идея этого самого дорогого и престижного в Америке университета принадлежали еще, кажется, Англии. Империя всегда по-настоящему начинается не с идеи ограбить, а с идеи сделать территорию своею, с ощущения всеобщей родины. Такова была первоначальная идея и Советского Союза, недаром, чтобы поднять окраины, грабили и притесняли центр.

Простились с Марком в Нью-Йорке, перед домом, где живет Рената Григорьевна. Я так в полной мере и не смог осознать и понять феномен этого человека. Он человек империи, её культуры и истории. Его еврейские корни будоражат его, заставляют метаться, раздваиваться, но мощная культура империи ласкает и убаюкивает. О, если б навеки так было! Попросил меня достать ему «Как закалялась сталь», которую не может купить здесь! Как вообще труден и непонятен человек, как сложно привести его к какому-нибудь единому интегралу, как трудно поймать сложное явление в сети слов!

За время нашего маленького путешествия нас переселили из очень удобной гостиницы домой к Ренате Григорьенве. Она живет в огромном жилом доме на Пятой авеню-Амстердам, угол 87-й стрит, в доме 175, чудный район, рядом и Центральный парк. В лифте метр на метр металлическая доска с кнопками этажей производит сильное впечатление. Квартиры здесь нумеруются по этажам с буквами. Потом с высоты 26-ти этажей я увидел крыши этого района, Гудзон, зелень на крышах. Это прекрасная, чистенькая и ухоженная квартира, в которой, видимо, живет Соня. Здесь детские игрушки, в ванной комнате детское мыло и кремы. Обычный интеллигентский быт.

Пока мы в другой квартире — редчайшая возможность узнать чужой быт! — это 6-й этаж, здесь живет Григорий Соломонович, отец Ренаты. Ему восемьдесят два года, но от него исходит какая-то моральная сила с честью и достоинством прожитой жизни. В войну он служил в танковой разведке. Постепенно выяснились страницы его биографии. В пятнадцать лет, после аннексии куска польской территории под названием Западная Белоруссия, а может быть, откуда-то из-под Вильнюса, вместе с семьей его перевезли в Воронеж. Он считает себя земляком С.П. Школа, война, институт, ранняя женитьба, Новый год студент-дипломник встречает в «Астории», в Ленинграде, вместе с Вертинским. Он, уже далеко за 50, выезжает в США. Братья — один в Майами, другой в Израиле. Начинает своё дело здесь, сначала переучивается: гранит алмазы. Сейчас, в 82 года, еще что-то делает как брокер, встречает каких-то бизнесменов в аэропорту и т. д.

Я опять стою перед невозможностью описать чужую жизнь объективно. И здесь по старой привычке пользуюсь своим старым намыленным опытом: через быт, через предметы. Хорошая трехкомнатная квартира, много книг, картины современных художников. В частности, много картин Юрия Красного. Я смутно помню его по Москве. Это всё как бы раздутые, до шаров, еврейские типажи. Много русской и еврейско-русской литературы. Суждения Г.С. очень широки и объективны и по политике, и по России, и по еврейскому вопросу. Самоидентификация себя как еврея, но это ещё совершенно не означает противопоставление еврейской правды всему миру. Однако это человеческое стадо предпочитает иногда пастись отдельно ото всех и обязательно вместе.

Это из газеты:

НОВАЯ КРИТИКА СТАРОГО АНТИСЕМИТИЗМА

О книге Владимира Опендика «200 лет затяжного погрома»

Судя по названию книги, толчком к ее написанию послужил

одиозный труд лауреата Нобелевской премии по литературе А. Солженицына «200 лет вместе», в которой живой классик впервые постарался объяснить собственную лютую ненависть не столько к советской власти, сколько к еврейскому народу, к его интеллектуальной мощи, которой он, судя по его книгам, всегда завидовал и не мог постичь ее истоков. Ему, его ментальности и соответственно публичному поведению, его книгам и статьям В. Опендик уделил достаточно много внимания в своей книге.

Разоблачая откровенную ложь, фантазерство, подтасовки автора книги «200 лет вместе», В.Опендик приводит, на мой взгляд, убедительные доводы и факты, после которых перед нами предстает крепко сколоченный антисемит, от искусственного величия и псевдоморали которого не остается ничего. Эмоциональное, нестандартное мышление автора придало книге серьезный литературный блеск.

Марк Гуревич

Вечером после встречи с Илоной Давыдовой мы опять переехали на 26-й этаж, где квартира Софьи. Она, в свою очередь, переехала вместе с ребенком куда-то еще выше в недра этого бесконечного дома. Кстати, когда-то это был дом бедноты, который нынче оказался в одном из центральных районов Манхэттена.

Илона была роскошна, нарядна, тороплива и, как я, скомканна в своих формулировках, на роскошной машине. Видимо, повторяю, это был один из редчайших типов благодарного человека. Ничто не забыто. Она всех нас усадила в машину. План был таков — показать нам самый знаменитый на настоящее время бродвейский мюзикл «Продюсер». Содержание: продюсер разоряется, и тут у него возникает мысль поставить следующий мюзикл и при этом украсть половину денег спонсоров. В этом ему помогает и мешает молодой бухгалтер. В результате чего, набрав самых, казалось бы, плохих актеров, они ставят мюзикл «Весна Гитлера», который имеет оглушительный успех.

Еще: нас отвезли в какое-то самое фешенебельное кафе в центре, и опять на сорок минут мы пожили жизнью очень состоятельных людей. Запомнил всё так же ярко, как наше с С.П. кофепитие в Париже, напротив «Гранд-опера».

(Музей естественной истории, его ступеньки, «парад планет, масштабы вселенной, герои «Над пропастью во ржи» — но всё это раньше.)

Илона с мужем Сашей сейчас занимаются недвижимостью, в частности, покупкой, продажей, распродажей квартир. Попутно выяснилось, что Илона два раза жила в России и даже каким-то

образом училась или что-то слушала в Литинституте. О, на кого она там, на какого блестящего говоруна наткнулась! На С.Б. Джимбинова. И вот уже совсем недавно, год или два назад, Илона, для которой литература (отец у неё, кажется, писатель) — это близкая и довольно беззащитная добыча, приглашает С.Б. в Нью-Йорк, поселяет у себя и просит отредактировать, в качестве ответной услуги, свой роман. Бедная Илона, она не знает, сколько лет С.Б. пишет свою диссертацию о Рильке. С.П. еще не поступил в Литинститут, а Джимбинов уже её писал, а потом С.П. защитил кандидатскую диссертацию, докторскую, а диссертации С.Б. все нет и нет. Но какие рассказы, какие замечательные планы! Элегии!

Последние штрихи: Илона очень серьезно потратилась на нас, каждый билет стоил по 100 долларов, это при том, что мы сидели на самом последнем ряду огромного театра. И эти места были взяты не потому, что они дешевле, наверное, чем другие, а потому, что вообще билетов достать невозможно. Но тем не менее видно и слышно было хорошо. Это музыка, а может быть, и стихи, и постановка знаменитого довольно немолодого бродвейского автора Мело Брукса. Сделано всё представление здорово. Зал принимал его очень активно. Мелодии в основном были полузнакомы, но выдержано всё в едином стиле. Свою программу по мюзиклам я выполнил на всю свою жизнь. Теперь только один раз схожу на какой-нибудь мюзикл в Москве, чтобы понять, почему в России они не пользуются таким успехом.

15 мая, суббота. На большой семейной машине поехали в Атлантик-сити. Здесь особый разговор: почему, зачем, отчего? И чем занять в субботу гостей, как сделать это экономнее, как самим лучше провести субботний день, сюда вклинился еще и день рождения Софьи Ромы. Для нас это возможность посмотреть пейзажи Америки, ничуть в этой части не отличающейся от российских, взглянуть на Атлантический океан и увидеть одно из двух игорных гнездовий Америки: на совершенно пустынном, с дюнами, берегу стоит, наверное, десятка два огромных (таких в Москве нет, разве что «Космос») отелей, и в каждом из них по казино. Здесь русскоговорящие люди произносят это слово с иным ударением — кази'но. Каждое из этих казино — с натуральное футбольное поле, и вот на этой поляне и происходит сражение американского одиночества с судьбою. Ничего подобного, исключая американский же «Лас-Вегас», в мире нет.

Сначала идут сотни и сотни «безруких бандитов-автоматов», потом сотни и сотни карточных столов, за которыми чаще всего играют в наше «очко», но под другим, естественно, благородным названием, потом деньги и сотни столов, за которыми играют в

кости. Закон больших чисел известен: можно выиграть случайно много, но при постоянной, даже квалифицированной игре соотношение выигрыша казино к выигрышу посетителя 7 к 3. И всё-таки волны игроков устремляются в этот помазанный золотым медом рай. Вход бесплатный, но только если тебе уже исполнился 21 год. За этим следят строго. Здесь надежда на случайно полученное богатство дает баснословные прибыли. Все законы известны: я не такой, как все; мне повезет! За меня судьба! Судьба распорядилась со мною плохо — в следующий раз повезет!

Здесь играют старые и молодые женщины, ветреные красотки, серьезные американские юноши. Белые, черные, коричневые, желтые, разный разрез глаз, шорты, короткие брюки, блузы, джинсы, майки, кофточки, свитера, голые плечи, стиснутые пальцы, сосредоточенные лица, наморщенные лбы, потекшая тушь. Разносят бесплатные напитки, есть столы, где минимальные ставки — тысяча долларов.

Вдоль строя отелей на несколько километров тянется набережная для променада, крытая кедровыми досками. Пляжи, чистая вода, полиция, разъезжающая на велосипедах, огромное количество перекормленных молодых людей и девушек. Это в основном низший класс, это их развлечения, делающие их в мечтах богатыми. Богатые тут же развлекаются по-своему.

Постоянному посетителю, который приезжает играть, казино предоставляет скидку в отеле. Приехавшему из города на автобусе за 19 долларов тут же выдается 15, как бы на обратную дорогу, и еще некий бонус в 10 долларов. Ищите счастье! У судьбы равные возможности, не отставай! Пусть неудачник плачет, садясь в автобус. Это другая жизнь, не моя, не наша, но люди счастливы, они ею довольны. Одни здесь живут постоянно, другие возвращаются обратно в Нью-Йорк, разменивая свой неприкосновенный день.

Поздно вечером возвращаемся.

Самое интересное — мои разговоры с Романом, мужем Ренаты, он всех знает, он вхож всюду, он всю дорогу туда и обратно сидел за рулём.

16 мая, воскресенье. Утром начался экзамен у Софьи. Ю.И. Минералов и А.И. Зимин построили экзамен очень талантливо. Дело происходило в квартире на 26-м этаже за столом. Профессора начали с разговора о диссертации, переформировав тему. Постепенно, как ни странно, очень занятая Соня раскрепостилась, и из дебрей Достоевского разговор ушел в обширные дебри литературы вообще.

Соня очень интересно, в рамках свободной дискуссии, рассказывала об американских студенческих правах. Студенты

сидят у себя на экзаменах и страшно нервничают, потому что большинство из них — на стимуляторах. Преподаватель, входя в аудиторию, должен сдать оружие. Администрация боится дерзости студента и ответного жеста преподавателя: вынет револьвер — и бабах. Права человека. С другой стороны, Ю.И. вспомнил о наших корейских студентах, которые выходили из аудитории, пятясь и кланяясь. Они считали, что нельзя наступать даже на тень от учителя.

Я сидел в сторонке и слушал. Софья: «Американцы знают Фолкнера, но не могут пробиться сквозь темноту стиля…»

«Недавно меня спросили: «есть ли в России туалетная бумага?»

«Джерома Клапка Джерома и Джека Лондона забыли».

Минералов: «Прагматическая нация не любит романтиков».

По поводу «Бедной Лизы»:

«Американский профессор говорил мне: если ты в своем фильме не поменяешь конец, ты не продашь фильма… Я ему: поменять конец в произведении — это значит убить литературу».

«Народ в провинции ходит в кино, чтобы попить пиво, побросать кусочками попкорна в экран, поорать».

Наши профессора в итоге расщедрились даже на высокую оценку. Я не возражал, потому что здесь был бесспорен потенциал, девочка уже сама читает лекции, диссертацию она доскребет, потому что хочет знать, её интересует мир русской литературы и её диалектика.

Вообще, Соня — очень интересный человек, продвинутый в бездну искусства. Она живет там и изредка, как птичка, выпрыгивает в наш мир. Благо её безмерно поддерживают родители. Я уже внимательно посмотрел на афишу «Бедной Лизы», которая висит в квартире, где мы живем. Вот список продюсеров: мать, сама Соня, Нина Керова (это, кажется, сестра Ренаты Григорьевны), отец — Роман Мурашковский, он же исполнительный продюсер, сценарий — семьи Сони. Я полагаю, что почти в таком же составе она будет делать и следующий фильм. Актеры уже подобраны, съемки состоятся в Москве, натура в Праге. В этой попытке определить Соню еще и как режиссера очень важна роль матери. Она хочет оставить своего ребенка с перспективой и со специальностью.

После экзаменов пошли в расположенный здесь же японский ресторан. В это время по всей Амстердам-авеню шла ярмарка, и это было, наверное, самое любопытное. После стола — разная продаваемая мелочь — мы долго стояли у маленькой эстрады, где негритянские ребята пели какие-то хоралы. Каждый из них замечательный певец и музыкант, кто бы только раскрутил.

Как я рад, что в этот раз за границей меня не обуревает чувство необходимости что-то посмотреть, и всё бегом, бегом. На этот раз я «смотрю» воздух страны, наблюдаю людей, вглядываюсь в лица. Все хотят просто прожить свою жизнь.

Вечером, когда мы возвращаемся, всё уже убрано, мусор вывезен, движение на улице возобновилось. Здесь я купил какую-то кепку с орлом за 5 долларов и майки для ребят.

Замечательный и долгий, похожий на кружение, поход: Амстердам-авеню, Бродвей, Линкольн-центр, Рокфеллер-центр. У Линкольн-центра посидели у фонтана, уже в десятом часу вернулись домой.

Завтра Роман везет нас на Брайтон-бич.

17 мая, понедельник. Знаменные для нас, русских, места удивили меня значительно меньше, чем я предполагал. Может быть, день — не такое время, когда надо все это смотреть. Вместо одесского бедлама, хотя остатки его найдутся, берег лукой, песок, серо-грязные дали океана и вдоль домов, с одной стороны, вдоль песчаных пляжей — с другой, большая, опять же как и в Атлантик-сити, набережная, крытая деревом. Ветрено, на скамейках вдоль набережной сидят старухи. Юрий Иванович и Александр Иванович прошли вперед, их куртки где-то уже у края набережной, мы идем втроем: Григорий Соломонович — главный эксперт по этим местам, он сам раньше прожил здесь несколько лет, С.П. и я. Мимо проплывает, как медуза, раздувая разноцветные маркизы, ресторан «Татьяна». Предприимчивая женщина открылась здесь одной из первых. Недавно ресторан сожгли. Она сказала: через месяц все восстановлю — и вот, снова открылась. Но русские разборки, по словам нашего эксперта, лет десять как прекратились. Здесь произносится имя предыдущего мэра Нью-Йорка, Джулиани. Он бывший прокурор и знает, что делать и в какую сторону глядеть.

С именем Джулиани большинство ньюйоркцев связывают установление порядка в городе. Человек он действительно, пока не заболел раком простаты, был крутой. Еще когда мы ехали в Бронкс, на Брайтон-бич по дороге по берегу, возле Уолл-стрит можно было увидеть площадку, на которой прежде стояли башни-близнецы Всемирного торгового центра. Сейчас здесь уже готовится новое строительство. Так вот, интересный момент: когда были разрушены «близнецы», то нью-йоркские пожарные во что бы то ни стало хотели эти развалины разобрать и растащить. Знаменитый мэр Нью-Йорка Джулиани — у которого к тому времени полиция была уже увеличена вдвое с двойным увеличением зарплаты — своими преданными полицейскими наглухо окружил район. В разрушенном здании, в конторах,

ювелирных магазинах, в офисах хранений — бесценные богатства, сейфы с золотом и драгоценностями, ценными бумагами. Вот так, это мне тоже наука. Здесь полицейский не вор, с которым опасно встречаться, не взяточник, мимо которого лучше пройти.

Вдоль всей набережной стоят старушки. Рядом с такой старушкой, как правило, сидит молодая девушка — это та, что мы в Москве называем социальным работником. Ее обязанность — со своей подопечной погулять, сходить в магазин.

В зависимости от возраста и здоровья подопечного пенсионера социальный работник прикрепляется к нему на два часа в день, на четыре, даже на восемь. Здесь убивают, как говорится, сразу несколько зайцев: сама помощь немощным и старикам благородна, но одновременно с этим создаются рабочие места для низших слоев. Это очень важно. За час своего дежурства возле пенсионера социальный работник получает до 12 долларов. Причем здесь тоже все не так просто: ведется надзор за качеством этой социальной помощи. Больная или больной ежедневно должны сообщать: во сколько к нему пришли помощники, во сколько ушли. Одинокий старик может попросить и сменить своего социального работника, если он не удовлетворен его работой.

На набережной, похожей на палубу, я думаю: зачем приехали сюда эти еврейские бабушки? Кому они нужны? Зачем им помогать? Но расчет у государства — на молодых членов семьей эмигрантов, а старики — это заложники надежности молодых: рано или поздно они уйдут, и что значат небольшие расходы перед будущим государства?

Старики — обитатели Брайтон-бич, как правило, получают постоянную социальную помощь; они никуда не выезжают, не знают английского, они ходят в свои магазины, где могут по-русски сказать продавщице: «Взвесьте мне три кусочка этой фаршированной рыбы». Все они, как правило, хвалят Америку за социальную помощь, за доступную медицину и ругают ее за бездуховность. Сначала все в эйфории от немудреных удобств, от витрин магазинов, от чуть ли не восьмисот телевизионных каналов (русский канал, принадлежащий Гусинскому, имеет номер 506), а через пять — десять лет старики в ней разочаровались. Пресловутая российская духовность, какой-то особый климат в отношениях, эквивалента в Америке не находят!

Вечером мы перешли на кошт к Илоне Давыдовой. Она сразу оговорила, что многим обязана мне, хотя я сам так не считаю, потому что Илона и сама крепка. Сначала экскурсия: она показала нам Сохо, Челси, университетский квартал, мы

пообедали в испанском ресторане, где я крепко выпил, а закончили всё в её квартире на 52-м этаже Линкольн-центра. Огромная, вся в стекле и почти киноскошь, квартира. Я не испытываю зависти к кому бы то ни было! Хорошо, что хоть кто-то из людей среднего класса так живет. Илона тоже скучает по Москве, она думает о том, как бы устроить в Москве детей. Это обаяние сильной и надежной русской культуры.

Рассказ Григория Соломоновича о недавней операции у его внучки. Подзаголовок: нравы. Внезапно у 4-летней девочки, его внучки, разболелись четыре передних зуба и так же внезапно воспалились. Пошли к специалисту. Тот сказал, что для операции необходимы: специалист-терапевт, специалист по наркозу, еще какой-то специалист и еще, и расписка, что родители берут ответственность на себя, если ребенок после наркоза не проснется. В итоге — вся эта операция стоит 16 тысяч долларов. Но не тут-то было. Включились еврейские связи, нашелсяврач, выходец из России, которому никто, кроме медсестры, не нужен, сделал два укола и, разговаривая с ребенком, мурлыкая, удалил у него четыре зуба за 400 долларов.

18 мая, вторник. Утром, по холодку, все же пошли в Метрополитен-музей. Все наши знакомые почему-то этого музея боятся: «туда надо идти на целый день». Это первый визит. «Один мой знакомый художник ходит туда как на работу. Сядет возле какой-нибудь картины и смотрит на нее несколько часов». Мы осмотрели все достаточно быстро, почти не задерживаясь ни в одном зале, но это и понятно — для меня это была встреча со знакомым, с тем, что я видел в книгах, в альбомах, на старинных репродукциях. Да и в Москве была выставка лучших картин из Метрополитен-музея…

Первая мысль довольно подлая: сколько же они натащили, как ограбили Европу! Я полагаю, что даже Лувр и Эрмитаж беднее, но одно очевидно: здесь, в Метрополитен-музее, всё показывают более ярко, более эффектно! Какой же замечательный, без скидок на «низкий культурный уровень» американцев, этот музей!

Я смотрел, как всегда, то, что в первую очередь хотел увидеть. Замечательный портрет физика и химика Лавуазье с женой, созданный Давидом. Может, потому, что он близок по открытиям к Ломоносову. Меня интересовали все портреты Франклина, потому что хорошо помню эту колоритную фигуру по «Лисам в винограднике», — совпало! Грёз написал какую-то русскую княгиню, кажется, Голицыну. Пора, матушка, собираться домой! Но кто тебя, голубушку, в России заменяет или отменяет? Вспомнился почему-то наш миллионер Вексельберг, который

сделал вид, будто купил яйца Фаберже, так сказать, «вернул их на родину». В связи с этим можно отметить, что местные миллиардеры действуют более определенно. В Центральном парке стоит древнеегипетский обелиск «Игла Клеопатры», под которым надпись, что водружен он на этом месте в результате определенных усилий Вандербильда, судя по времени, того самого, о котором иронически писали Ильф и Петров. Круг замкнулся. О, если продолжить сравнение «ихних» и «наших» олигархов, то, может быть, наши поумнеют?

Запомнились мне из европейской коллекции портреты Ван Дейка: монография о нем у меня на полке, я-то думал, что эти портреты в Лондоне или где-нибудь в Европе. Английская знать, потомки, распродавали портреты предков! Здесь же замечательные — их много — портреты Рембрандта. Все они, кажется, глядят на нас из вечной темноты. «Отречение Петра» незабываемо, может быть, потому, что меня до нездоровья волнует тема предательства.

В безбрежной, гениально организованной коллекции египетского искусства сначала возникает мысль о том, сколько же там было всего, какова сила художественной выучки, если хватило на все музеи мира. О, как в этом смысле постарались расторопные американцы! Здесь всё открывается нежданно и внезапно. После почти катакомбных залов с саркофагами, мумиями и папирусами вдруг через дверной проем ты вступаешь на храмовую площадь со стеблями папируса в озерце, с целым храмом. Каким образом купили? Мы-то почему не вывезли хоть что-то во время затопления долины Нила после постройки Асуанской плотины?

Меня восхищает умение ждать, не ущемляя другого, любое количество времени. Вы можете сколько угодно во время посадки или прибытия самолета стоять в проходе и копаться, укладывая багаж в ячейку; очередь, скопившись за вами, будет терпеливо и стоически ждать, никак не выказывая своего отношения к задержке.

Опять-таки возвращаюсь к американским миллиардерам. В одном из залов — т. е. зала нет, а через дверной проем вы входите во внутренний дворик средневекового замка: наверху галерея, мраморные колонны, окна, изнутри закрытые тяжелыми дубовыми ставнями (так оно в натуре и было), мраморные наличники над окнами и дверьми, балкончик на другой стене. Более двух тысяч каменных блоков было перевезено сюда из Европы и установлено в доме их Величества Денег, а потом, после смерти любителя древностей и разборки его нью-йоркского дома, в котором дворик был установлен, эти блоки были перевезены и

смонтированы в музее. Так и не запомнил фамилию этого покойного мецената. Кто был тот, нахраписто, как ящик мела или штуку полотна, купивший в Испании средневековый замок? Или блудливые наследники, этот замок продавшие? И то и другое мне кажется кощунственным по намерению.

Здесь действительно много самых различных экспонатов. Человеку, занимающемуся той или иной областью искусства, найти себе материал очень легко. Например, лат, мечей и вооруженных рыцарей не меньше, чем в Музее армии в Париже, и если уж зашла речь о Париже и о Франции, то стоит сказать еще об одной коллекции. Это тоже всё несложно, декоративно и очень зрительно. По схеме это выглядит следующим образом: «выкупается» комната в каком-нибудь известном, обреченном на слом или на продажу парижском особняке, или особняке в Бордо, или в Марселе — как повезет. Обычно это «чистый» интерьер XVII или XVIII века. С мебелью, шторами, посудой, если она положена, безделушками и занавесками. И эти комнаты населяют фигурами, одетыми в платье эпохи. Тут ты врезаешься в эпоху, все становится обычным и ясным. Можно застать даму, которую целует кавалер, общество, играющее в карон, и бал с его интригами, танцами и тайными объяснениями. Эта картина — самая интересная. Притушены электрические свечи, имитирующие восковые, — но именно в такой теплой атмосфере все и происходило.

В самом конце трехчасовой экскурсии по музею посмотрели огромную выставку византийского искусства. Атлантида начинает всплывать, и её берега резко отличаются от всего того, что мы видели и предполагали. Некоторые иконы из русских музеев я отличал издалека.

Купил в музее за 18 долларов хороший иллюстрированный путеводитель, который буду рассматривать уже в Москве как напоминание об ускользающих возможностях.

В два часа в каком-то маленьком ресторанчике, скорее, по определению Романа, очень хорошей столовой, обедали с Григорием Соломоновичем, Соней и Ренатой Григорьевной. Их, кажется, вдохновила моя идея о семинаре в Москве, в Университете Туро и в Нью-Йорке для наших русских соотечественников. Я с такой болью прощался с Григорием Соломоновичем, Соней и Ренатой Григорьевной, будто они родные. Как многому меня за это время Г.С. научил, какие нравственные уроки преподал!

Но приключения «духа» на этом не закончились. К дому подъехала, чтобы нас проводить, Илона Давыдова. Всем подарила сувениры — дорогую авторучку и коробочку для визитных

карточек. Перед этим она сказала мне, что разбогатела отчасти из-за меня. В ее рекламном ролике я был самым убедительным. Интересно: при том, что книгу Н.А. Бонк мы видели в книжных магазинах и, в частности, на Брайтон-бич («Бонк закончилась, осталась лишь Илона Давыдова»), Наталья Александровна отнюдь не разбогатела. У каждого своя судьба.

Илона достала для нас и автомобиль «линкольн», на котором мы поехали в аэропорт. Шофер, замечательно красивый парень Филипп, рассказывал о своей жизни. Работал портным в Ленинграде, в 17 лет уехал в Америку. Какая у всех у них тоска по России, как низко ценят они страну, в которой живут!

Здесь я вспомнил рассказ Ал. Ивановича Зимина об одном эпизоде на научной конференции по психологии. Говорили о большом количестве психических заболеваний в западном мире, нужно много психоаналитиков. Тут же удивились, почему их в России так мало. «А у нас каждая бабка у подъезда и каждая соседка психоаналитик». И верно!

Более дорогого дьюти-фри, чем в аэропорту Кеннеди, я не видел нигде в мире. Но там еще такое правило: если ты купил бутылку вина или виски, тебе выдадут это лишь перед самым входом в самолет. Сидит с тарелкой, нагруженной пакетами, молодой, как здесь принято говорить, афроамериканец и раздает покупки. Боятся: а вдруг пассажир возьмет и напьется в зале ожидания?

Красивую футболку и коробку с чаем для В.С. купил уже на пересадке в Лондоне.

20 мая, четверг. Накануне, с тяжелой после самолета головой пришлось читать работу Олега Иванова. Мне ее положили в машину, которая встречала меня в аэропорту. Ребята сами распорядились, что их семинар я буду вести и вести, хотя весь институт уже прекратил семинары.

Это довольно вязкая работа с искусственно и манерно раздробленным сюжетом. Один раз я прочел ее вечером, все время отвлекаясь на всякие разговоры, а другой — во время бессонницы, которая последнее время возникает у меня ночью, между четырьмя и шестью часами. Здесь действует пианист, его жена, умершая родами, бабочка, дети родные и чужие, воспоминания. Весь арсенал западной элитной прозы. Работа не закончена, как написано, но, возможно, ее нельзя закончить и вовсе. Но вот что интересно, написано это выверенным щегольским бунинско-паустовским слогом, т. е. очень неплохо, хотя и не любимым мною образом. Главная беда — это претенциозность, засоренность мозгов общечеловеческим, неким импортным образцом. Русская проза требует конкретики, плоти,

ясности мысли, а не только намеков. Но надо отметить, что Олег — совсем молодой человек. Вдобавок ко всему он, страстно любящий кино, кажется, писал как бы для двух лагерей: пусть восхитится литература, а потом ахнет еще и весь мир. Любит Сокурова, не замечая всей его тончайшей конъюнктурщины и нежнейших заимствований. Тем не менее Олег молодец, добился больших успехов в стилистике. Но мозги у него очень и очень упрямые. Вот в них бы что-нибудь подкрутить!

На обсуждении меня очень порадовали Антон Соловьев и Женя Ильин. Меняется, и заметно, Игорь Каверин, не знаю, пишет ли он что-нибудь, но «устно» — в лучшую сторону.

Но вот что еще случилось накануне. Мой чемодан в аэропорту оказался не с пестрыми и щегольскими дорожными ремнями, которые я купил в Китае, а перепоясанным скромной пластмассовой ленточкой, что значит — он досмотрен специальной американской службой, видимо, еще в нью-йоркском аэропорту. Сделала это служба очень элегантно: разрезали дужку на кодовом замке, практически испортили чемодан. Не думаю, что американцев привлекла моя персона, скорее пестрый ремень с «восточным» окрасом. Ремень, собственно, тоже нашелся, он лежал в открытом кармане. Возможно, на «просвечивании» американцев взволновали два зарядочных адаптера от телефона и магнитофона, да и сам дисковый магнитофон. Ничего не пропало. Порадовала, наверное, американцев моя книга «Ленин. Смерть титана», которая лежала сверху. Террорист!

По приезде в институт, до семинара, разбирал довольно большую почту. Интересное письмо пришло мне из приморской Чугуевки, с родины Фадеева, где я был лет двенадцать назад.

Сергею Николаевичу Есину. От чугуевцев, от коллектива музея А.А.Фадеева. Есть и приписка в стихах:

И до нас дошли благие вести:
Пусть Тверской бульвар — не Колизей,
Орден Вам вручили! Орден чести!
От России-матушки от всей!
Ах, как далеко от нас столица,
Как от корня — молодой побег,
Родина Фадеева гордится
Вами, дорогой нам человек!
Под своим неприхотливым кровом
Встретим, всем препятствиям назло.
Будьте и любимы и здоровы!
Приезжайте! Пьём за Вас! Село.
(*Вера Саченко*)

21 мая, пятница. С утра начал внутренне готовиться к

совещанию по премиям Москвы, но В.Е. передал мне письмо из Охраны памятников, и приподнятое настроение у меня пропало. Иногда мне кажется, что Вл. Еф. как бы специально делает неверные шаги. В своё время я попросил его вызвать эксперта, который определил бы состояние главного корпуса института, — это чисто инженерное дело; но появилась почему-то Попова, наш куратор-архитектор по охране. Потом, кстати, очень быстро выяснилось, что эти эксперты запросили за свою работу 200 тысяч рублей. Да что это за сумма? За гигантскими суммами, на которые претендует архитектор, я вижу отсутствие конкуренции, собственный произвол цен. Но — к сюжету. Зачем и как появилась Попова? Я с ней довольно жестко говорил, об этом я писал в Дневнике раньше. Вы хотите помочь институту или сорвать с него деньги? Сегодня пришло предписание из Управления по охране памятников: даже мелкие погрешности не на главном здании, а на фасаде учебного корпуса, выходящего на Тверской, надо исправлять только силами специализированных организаций, т. е. опять же организаций, связанных с кланом архитекторов. Боже мой, а каких денег эти «реставрационные» организации требуют, как занеслись! Я сказал, что у нас есть миллион (специализированные деньги Минкультуры, отпущенные на ограду), и последовала реакция: запустите миллион на ремонт главного здания. А так ли уж исторически разновелики знаменитая ограда и основное здание?

В вопросах, когда они касаются судьбы института, я становлюсь излишне подозрительным. Может быть, я обвиняю человеческую негибкость, а не нечестность?

В три часа у меня в кабинете заседание секции кино, театра и литературы по премиям Москвы. Я подготовился: испекли пирог, было вино, чай, кофе, бутерброды. Собрались: Б.Поюровский, В.Андреев, я, Марк Зак, С.Яшин и Наталья Михайловна Коляда, которая нами руководит вместо Любови Михайловны. Не было Вл. Орлова, который всегда бывал точен, и двух наших театральных дам: Веры Максимовой и Инны Люциановны Вишневской. У обеих, возможно, была общая причина: в конкурсе претендентов есть две заметные театроведческие книжки, но еще у обеих в этот день ученый совет в Институте искусствознания, и у И.Л., кажется, еще тяжело болен муж. Перед моим отъездом в Нью-Йорк мы созванивались. Для обеих, но по-разному, причиной могло оказаться то, что в этом году по разряду «просветителей» баллотируется Инна Люциановна. Может быть, претендует кто-нибудь ещё?

Заседание началось с небольшой «схватки» Марка и Володи. Я рассказывал о юбилее Т. Дорониной. Начал не я, а начал Марк,

сказав, что прочитал о юбилее в «Литгазете». Я принялся рассказывать об эффектной и содержательной речи министра Соколова и самом юбилее. Марк сказал что-то не совсем почтительное о доронинском театре, и тут Володя разразился филиппикой в адрес сегодняшнего подлого разделения театрального мира. В частности, он упомянул свою тёщу-еврейку, которая заменила ему мать. Это было как бы основанием и его искренности, и его объективности. Потом он сказал о благородстве Дорониной, которая в тяжелое для артистов МХАТа время смогла спасти и увела с собою половину труппы, в основном пожилых людей, которых готовили к увольнению.

Закончилось всё довольно быстро. Результаты мною ожидались: литература — Ю. Поляков и И. Волгин; кино, детский мультик ушел в детскую секцию; Марк Зак, который во что бы то ни стало держится за любое объявленное кино, милостиво разрешил. Марк вообще придает этой процедуре не общий, коллективный, а групповой характер. В театре отметили режиссуру Ю. Еремина, скорее в общем и в прошлом, нежели за представленные результаты, отметили также работу в мольеровском «Скупом» работу Б. Плотникова и двух актрис из РАМТА, о которых я писал в феврале — Елена Галибина и Татьяна Матюхова. Ту часть, которая называется просветительством и где гордо до этого находилась одна И.Л. Вишневская, нагрузили еще дамами-театроведками.

Оставшийся от гостей кусок пирога я взял домой, где совершенно чудненько его с В.С. и Витей доел.

Вечером по НТВ в передаче Вл. Соловьева «К барьеру» завели гнусную и провокационную беседу об однополых браках. Лучше бы спросили людей об олигархах и сделали бы с ними передачу «Я добыл своё богатство честным путем». Тем не менее в этой передаче был один мужественный и бесстрашный депутат, который возражал спрямлённому, как палка, в своем конъюнктурном стремлении понравиться избирателям Райкову. Этого депутата звали Эдвард Мурадов. В принципе, конечно, по-человечески победил Мурадов. Если судить по процентам, соотношение людей с искривленной сексуальностью к нормальным как 5 к 95 или 10 к 90, то подыгрывающих депутату Мурадову должно было быть немного. Однако счёт голосов оказался приблизительно 24 тысяч к 12 тысячам. Значит, половина голосующих понимает трудности тех людей, о которых говорил Мурадов. От Райкова с его пуризмом осталось ощущение грязи.

22–23 мая, суббота-воскресенье. Очень рано, часов в семь, выехал на дачу, в качестве газонокосильщика прихватил Димона,

который с радостью согласился, потому что решил навестить девушек, коих он осиротил еще осенью. Замечательный день, который я провел не разгибая спины. Прошедшие на той неделе заморозки (до –5®) теплицу практически не достали, лишь у помидоров чуть тронули верхушки. Зато за последнюю десятидневку вызрел салат и редиска, а лук зеленый уже давно. Салат был из собственной зелени.

К концу дня меня так сморило, что я лег спать, не открыв никакой книжки и не достав из рюкзака компьютера, но зато проспал с десяти часов и проснулся вместо определенных самому себе семи часов уже в десятом. Пришлось всех расталкивать и срочно уезжать в Москву. По дороге еще заехал в Ракитки — полюбоваться на забор на участке у С.П.

К четырем часам налегке собрался, взяв только кое-какие рукописи и туалетные принадлежности. Надо ехать на съезд Союза писателей. Жизнь все-таки хоть в чем-то меняется к лучшему. В Орёл ходит экспресс-электричка, состоящая из восьми вагонов, оформленных внутри мягкими самолетными креслами и телевизорами, по которым за поездку показали три фильма. Это первый класс, второй — без телевизора. Как же это музыкально-визуальное сопровождение меня взбесило! Правда, со временем я освоился, вчитался и за четыре с половиной часа сделал огромное количество работы, которая меня тянула.

Мои дорогие ребятки, несмотря на то что творческие семинары в институте уже закончились, решили обучение продолжить. Поэтому пришлось читать много, во-первых, троих на семинар во вторник: рассказы Р. Подлесских, рассказ «Сашка» Анны Козаченко, с довольно надуманным интеллигентским сюжетом, и рассказ Ксении Тумановой «Зиза» — о молодой семье и их ребенке. Всё это рассказы не случайные и написаны не случайными людьми. Лучший — «Зиза». Потом я залпом прочел дипломную работу Миносян, нашей платной студентки. Эд. Балашов эту работу отверг, у студентки есть свои недостатки. Но есть и одно серьезное достоинство: честная работа о себе и своей жизни. Хуже — стихи. Боюсь, что героем определенной их части являюсь и я. Тогда мне станут понятными некоторые происшествия, случающиеся в мой день рождения. Но и стихи — часть лирического дневника героини, а главное — они написаны без малейшей претензии. В нашем институте это серьезное достоинство.

Теперь самое главное: я легко, не отрываясь прочел две главы из книги Илоны Давыдовой. Слава Богу, у неё все получилось. Еврейский мир в Нью-Йорке после эмиграции, немыслимая тоска по старой родине. Замечательные и очень конкретные

подробности. Ни малейшей претензии, просто, хорошо и к месту поставленные слова. Очень все по-доброму и по-человечески, иногда иронично. Как я раньше и предполагал по её разговорам, по такому же, как и у меня, быстрому и скомканному стремлению все в устной речи уложить в одну фразу, она — писатель.

24 мая, понедельник. Я в Орле. Спал плохо, в номере холодно, лёг в рубашке и носках и поверх одеяла накрылся ещё и покрывалом. Проснулся, правда, бодрым, погулял. Город великолепный. Его основное достоинство — прекрасный местный всхолмленный ландшафт и своя собственная «провинциальная» колодка: никаких высотных домов. Всё предназначено для нормальной, размеренной и несложной жизни. Потом, под вечер, после окончания двух заседаний, я прошел вдоль реки, по центральным улицам, и это впечатление моё усилилось.

Завтракал вместе с Володей Архиповым, моим старым другом, с которым когда-то работал в «Комсомолке». Теперь, глядя на него, жующего котлету, но все такого же быстрого, романтичного и ясного, я вспоминал нашу юность в газете. Он тогда учился в Литературном институте, а я уже окончил университет. Как я ему завидовал!

После завтрака писатели потянулись в собор, где состоялась праздничная литургия. Собор хорош, наверное XVIII века, строг и величествен. Наши писатели, так старательно ругающие телевидение, аккуратно расположились напротив алтаря, прямо под телевизионными камерами.

Самое интересное — это, как говорится, «в кулуарах»: разговоры, здесь всё ненаписанное, сокровенное, что и выразить подчас трудно. Я рад был видеть всех — не то что все постарели, но как-то оплыли, затянулись полнотой возраста. Оберегая себя же от уже ставшего мне привычным многословия, постараюсь всё записать по мыслям, по именам.

Саша Арцибашев. Он, как известно, редкой породы публицист-деревенщик. Пока все писатели ездили вчера по знаковым местам Орловщины, таким, как, скажем, Спасское-Лутовиново, он смотался уже в ближайший, за 50 км, район. (Из 18 хозяйств работает лишь два.) Это на фоне прекрасного, ухоженного центра Орла. За чей счет мы живем? Два хозяйства сохранились благодаря двум прекрасным хозяйственникам, которые их возглавляют. Как и всюду! Кто ответит за огромный замороженный капитал, лежащий в земле, в разрушенных коровниках, молокозаводах, овчарнях и незасеянных полях? Замкнутый круг: ни один банк денег под нормальные проценты на развитие сельского хозяйства, на восстановление инфраструктуры не дает. Дают только под скот, под посевы — и

все.

Саша Ципко. За пять минут, что мы разговаривали, набросали с полдюжины тем. Гибель и крушение либерализма. Это теперь уже не добыча для хорошего публициста. Социал-демократизм в России успеха иметь не будет: он скомпрометирован меньшевизмом, либерализмом, половинчатой позицией. По крайней мере, в глазах нашего поколения. Недаром на всех выборах эта партия, возглавляемая ренегатом Горбачевым, имеет лишь 1 % голосов.

Мы говорили с Сашей о том, что нынче появился новый объект для рассмотрения: это патриот современного разлива. В связи с этим вот высказывание покойного Ю.П. Кузнецова, с него какие уж взятки! Привожу со слов В.И. Гусева, с которого тоже из-за его крепости ничего не возьмешь: «Очень не люблю жидов, но хуже их только патриоты». Говорили о партии Лимонова, она революционна, эта партия молодежных окраин. К сожалению, всех страшит маргинальная основа этого революционного сообщества.

Открытие съезда. Избирают президиум, по уже утвержденному в Москве списку. В президиуме, кажется, состою и я, но я решил остаться в зале: это более надежный пункт наблюдения. Орловский «круглый зал» в администрации полон. Президиум в зале организован приблизительно такой же «лесенкой», как в свое время был выстроен президиум в зале заседаний Верховного Совета СССР в Большом Кремлевском дворце. Зала этого в Кремле уже нет, вместо него отреставрировали один из бывших залов Кремлевского дворца. Надо же где-то проводить инаугурации. Зала нет, но память о нем осталась.

Съезд по процедуре ведет В.Н. Ганичев, потом первым выступает Мих. Алексеев. Он плохо движется, после первого же перерыва его отправляют в Москву. Ю. Бондарев на съезде отсутствует. Потом идут объятия, здравицы и приветствия в адрес Е.С. Строева. Он хлебодар, на его деньги, на деньги орловских налогоплательщиков организован этот XII съезд писателей.

Георгий Сергеевич Полтавченко, Усат, элегантен, уверен в себе. Помощниклм по культуре у него Сергей Колов. Наверное, мы услышали доклад, написанный им. По стилистике — похоже: «Россия имеет собственный телеграф, в отличие от средств массовой информации». Дальше Полтавченко прочел подготовленный для него список знаменитых писателей. Говорит о социальном положении писателей, но вскользь. Потом все время сидел и старательно что-то записывал.

Егор Строев, встреченный овацией. Назвал писателей

«летописцами новейшей русской истории». Орел — третья столица России, литературная. Это очень неплохо придумано. О пленуме 1994 года. О менялах в храме, о солдатах, которые с одной гранатой бросались под танк в войну. Это образ писателя. Привычная цитата о времени собирать камни. Доклад с хорошей риторикой, чувствовалось, что писали его не в Москве — там бы это сделали значительно хуже. Была произнесена здравица в честь В.В. Путина. О переменах в стране: они закономерны, это правда. Быть губернатором значительно приятней, чем секретарем обкома. Но это в личном плане. В общественном же они назрели, но как они разрешились? Снова мысль Строева: идеи необходимости перемен были подменены идеями либеральных ценностей. Патриарх еще сказал: модель Запада у нас в России не прижилась. Общественное сознание только внешне кажется спокойным и тихим. Рыночный романтизм может похоронить сам рынок.

Вторая половина речи была еще более содержательна. Об Орловщине: рост экономики, ежегодно — 20 %, рост доходов — 11 %. (А разговоры С. Арцибашева?) Потом о развитии промышленности, включая приборостроение. Мечта в жилищном строительстве — достигнуть уровня 1990 года.

Иван Васягин, зам. председателя комитета Думы по труду, зачитывал приветствие Грызлова.

Директор Фонда Минина и Пожарского. Орден Минина и Пожарского то ли Строеву, то ли Ганичеву.

Ганичев с докладом. Бедность, как и убийство, стали постоянными привычками общества. Много перечислений, свой ряд гениев, фамилии. Все довольны, упомянут и я. В полном тексте доклада мне посвящен целый абзац.

Феликс Кузнецов. О позднем осознании обществом значения творчества Шолохова. Гений шекспировского уровня. О вновь созданном Шолоховском комитете и о Швыдком, который саботирует эту работу. Неприязнь застарелая. И — просит, пользуясь присутствием Полтавченко, денег. Просит вернуть писательскую собственность. Просит вернуть решение о 10 % отчислений со всех писательских гонораров в Литфонд. Кто будет отчислять? Кому? Как учесть? Сказки братьев Гримм и Шехерезады. Но всем нравится.

Владимир Иванович Гусев. О проблеме русского языка. О слове «киллер» — принципе определения убийцы — жестоко. Блестящие пассажи о языке.

Валентин Распутин, сопредседатель. О Союзе через 5 лет. Будет ли Алексеев, будет ли (жив) Белов? Мысль ясна, но не корректна. Белов сидит здесь. Язык, который был у Астафьева,

такого языка уже не будет. Писатель перестал быть властителем дум. Будет другая литература. Если бы сегодня какой-нибудь писатель типа Астафьева втянулся в переписку с каким-нибудь писателем типа Эйдельмана, никто на это не обратил бы внимания. Интернет — могила для литературы, для России. О книгах, которые подводят итоги. Итоги подводит поколение. Меня не взволновало, что наш Союз стал на 2 тысячи человек больше. «Мы принимаем не писателей, а пишущих людей». В каждом городе много самоизданных книг. Нам тоже сумками дарят книги. Такие книги обычно рассылаются по школьным и сельским библиотекам и тем самым снижают планку вкуса. Это очень справедлио.

Альберт Лиханов. За десять лет погибло одиннадцать миллионов детей и пять миллионов взрослых. Дети гибнут быстрее. 10 % выпускников детдомов подвержены суициду. Сиротам не дают доучиться, сплавляя в ПТУ, лишая социального шанса. 2 миллиона неграмотных, 1 миллион бездомных — всегда! Из школьных учебников ушла вся советская литература. «Молодая гвардия» стала чуть ли не запрещенной книгой.

Геннадий Попов (Орел). (*Поклон Строеву.*) Верный оруженосец. 22 члена СП России. По мыслям пусто.

Галиулин (?) Обычная патриотическая риторика. У татарской (Татария) литературы — история более тысячи лет (!).

Егор Исаев (*с привычным театрализованным громогласием*). У нас был железный занавес, а откуда у нас такой читатель? Читать под дулом пистолета не заставишь!

Станислав Куняев. Жизнь теряет национальную сущность. Две структуры не поддаются комментариям: церковь и литература. В России около 80 альманахов и толстых журналов. Общий тираж их тоже 80 тысяч. «Дружба народов» — 9 тыс. экз., «Знамя» — 3 тыс. экз., «Наш современник» — 10 тысяч. Это означает, что «Наш современник» — самый читабельный журнал.

Вторая половина первого дня съезда

Я сидел в зале сзади, в середине некоего подобия амфитеатра. Сначала избирали Высший творческий совет. В списке наряду с Бондаревым и Мих. Алексеевым числюсь и я. Сразу понимаю, что в этот Высший совет меня хотят спихнуть, чтобы не оставлять в секретариате. Кому нужен самостоятельный и независимый, со своим делом человек? Потом читали список правления. Список состоит из двух частей: специально выбранные его члены и члены — руководители творческих организаций, т. е. по должности. Всего в правлении около двухсот человек. Я всегда, оказывается и весьма справедливо, подозревал нелюбовь ко мне верхушки Союза и не ошибся. Но в зачитываемом списке

организаций одной организации не оказалось, ее как бы забыли — региональной организации Литературного института.

Хоп! С последнего ряда, откуда меня очень хорошо видно в президиуме, я поднял руку. Не по-школьному, согнув в локотке, а высоко вытянув в плече. Не заметить нельзя. Сережа Лыкошин, который как хорошо смазанная машина ведет собрание, ерзает.

Лыкошин, ведущий собрание: Если С.**Н.** хочет работать с этим составом правления, то мы включаем вас в список.

— Речь идет о региональной организации Литературного института, не о Есине. Сначала Литературный институт, а потом Есин.

Потом В.И. Гусев, который сидел в президиуме, рассказал мне о мизансцене рядом. Занятно. Продолжаются выборы, начальства становится все больше. Сопредседатели, секретари, председатели разных комиссий. Избирают нового оргсекретаря вместо Игоря Ляпина, который болен. У этого парня приличное лицо и хорошая интонация. Но вообще мне показалось, что носороги окончательно захватили все. Из молодежи, может быть, только один Алексей Шорохов. У этого Саши хватка железная, риторика привычная, он далеко пойдет, похоже, он примеряет к себе много новых ролей. На месте без ожидаемого движения остаются Переяслов и Сегень. Сегень, оказывается, в Союзе ведет духовное в литературе. Я вот о чем во время этих выборов думаю: когда-нибудь найдется кто-нибудь, кто соберет сторонников и вместе со сторонниками скажет: а давайте выбирать высшие должностные лица в Союзе тайным голосованием. И карточный домик рассыплется.

Вечером был банкет, который давал губернатор. Когда все поднимались по лестнице на третий этаж в банкетный зал, я подумал: какая бездна писателей существует на свете! Пора на поезд!

25 мая, сторник. Днем Путин прочел в Кремле свое ежегодное послание, а вечером ТВ показало нового члена Совета Федерации — Марину Рогачеву. Она депутат от Орловской области и дочь Егора Строева. До этого она восемь лет возглавляла представительство Орловской области в Москве. Комментарий съязвил: с инициативой нового назначения выступил сам отец, Егор Строев, и депутаты в присутствии губернатора эту инициативу горячо одобрили. Само одобрение очень напоминало выборы правления и других органов СП. То же быстрое и веселое голосование красными мандатами на глазах друг друга. Добавлено также было, что новая сенаторша до этого была учительницей и знает два иностранных языка. Теперь я в лицо знаю двух депутатов — Нарусову и Рогачеву: одна — вдова,

другая — дочь.

Хотел сразу же после семинара уехать домой, но, как и всегда, просидел весь день. В обед традиционно обрадовал меня Владимир Ефимович. Это все довольно длинная история, этапы которой рассматривались в дневниках. Это все об уникальной ограде, выходящей на Тверской бульвар и пришедшей в ветхость. В свое время М.Е. Швыдкой обещал мне 1 миллион рублей на ее реставрацию. До этого мы заказали проект реставрации архитектору Мальчевской, которая по совету нашего куратора Поповой делала нам в свое время ограду и сторожку на Бронной. На этот раз проект и смета оказались еще выше, чем соответствующий проект по Бронной: 3 миллиона 500 тысяч. Причем как-то само собой получается, что лучше всего этот проект выполнит фирма, родственная архитектору. Вскоре к нам приезжает, возможно, в том числе и по поручению министра, моя хорошая приятельница Наталья Леонидовна Дементьева — заместитель министра. Она осматривает ограду, а человек она в высшей степени опытный, и говорит, что смета завышена. Я полагаю. что завышена смета процентов на 40. Но тем не менее министерство деньги дает. Встретившись со мною, М.Е. Швыдкой еще раз это подтверждает. Но министерство просто так, в руки института ничего дать не может, деньги могут уйти только непосредственно в фирму, которая занимается ремонтом. Но велика и сумма, ее опять же, на основании закона, можно передать лишь после торгов и конкурентных сравнений. Я поручаю В.Е. подыскать фирму, которая бы не так бешено завысила смету и по возможности уложилась бы в пределах одного миллиона рублей. Вроде бы такая фирма появилась. Организованы торги, В.Е. едет в министерство, проводит там торги и привозит результат: 3 миллиона 700 тысяч рублей. Я в полном недоумении. А как же та фирма, которая вроде бы согласилась сделать все за миллион? Да это она и есть! Они посмотрели, что здесь в ограде используется белый камень, и сказали, что они ошиблись. «Но ведь мы и затеяли эти торги, чтобы сделать дешевле, ради этого мы уходили и от сметы Мальчевской, за спиной которой и при союзе с Поповой у нас не было бы никаких трудностей?» Владимир Ефимович в подобных случаях или начинает кричать, или моргает глазками и притворяется сиротой. Что здесь, природная непроходимая глупость или злой умысел, сговор с фирмой, откат? Третьего не дано.

26 мая, среда. К двенадцати часам поехал в Щепкинское училище на похороны Владимира Александровича Эуфера, мужа И.Л. Вишневской. Он умер в воскресенье. Народу и цветов было

очень много, хорошо говорили как о действительно хорошем педагоге и человеке. Осталась масса учеников. Гражданской панихиде, которая продолжалась час, в силу специфики был придан несколько аффектированный, актерский характер. Все говорили с «выражением», с нужными словами и благородными словосочетаниями, которые остались от прежних ролей. Инну Люциановну я встретил внизу, когда вносили гроб. Как никто, я понимаю ее положение: когда умер близкий человек, у нее никого, даже собаки. Вот так мы с В.С. держимся друг за друга.

В Москве начинается новый скандал о коррупции. Причем власти не выкапывают из земли самую сочную и крупную редьку — коррупцию в Думе, природную ренту, воровство и подлог при приватизации, а дают общественности пожевать ботву. На сей раз новое дело милиционеров, здесь выбросили на съедение самое ненавистное племя ГИБДД. По телевидению идут такие рожи, такие подробности, такие сюжеты! Милиционеры легализовывали угнанные дорогие иномарки, выписывали на них новые документы и шантажировали владельцев эти дорогих машин, угрозая «раскрыть» источники их незаконных доходов. Попались на этом даже высшие чины: эти угнанные машины, оказывается, хранились даже на территориях подразделений ГИБДД!

Днем заходил брать вступительные работы Е.Ю.Сидоров. Мы с ним встретились с месяц назад в ЦДЛ, и вроде бы я пригласил его работать. Это справедливо, в конце концов он пять лет просидел в том же кабинете, что и я. Теперь ему предстоит набрать семинар, хотя большинство наших мастеров свои работы уже прочитали. Я предполагаю, что Сидоров будет вести смешанный семинар, в котором будут и поэты, и прозаики, и драматурги, и критики. Е.Ю. жаловался, что ему скучно в министерстве. но я думаю, это не совсем так: просто министерство сокращают, а ничего нового ни в Лондоне, ни в Париже ему не предлагают. Женя сказал, что он доктор культурологии. Я ответил, что этой науки не понимаю. Ему, оказывается, предлагали кафедру в университете Невзлина (я подумал про себя, что оно и понятно; также и о том, что мы не сможем принять ни один докторский диплом, если он не утвержден ВАКом, и даже ни один диплом почетного доктора, хотя бы этот диплом будет выдан Сорбонной или Прагой). Но Е.Ю., безусловно, может быть полезен Литинституту. Я не забыл, что в институт меня пригласил именно он. К подчиненному положению в институте он, конечно, не привык.

Сегодня состоялся последний экзамен на пятом курсе.

27 мая, четверг. Самый трудный для меня день в этом месяце. Здесь обычно сбиваются три обязательных мероприятия:

ученый совет, заседание секции прозы и «клуб Рыжкова». На сей раз очень интересную встречу на «Мосфильме» придется пропустить, праздную 70-летие Клуба писателей, того, что раньше назывался ЦДЛ (нынче Дом литераторов ушел под разные коммерческие забавы).

Исполнилось 70 лет Ю.С.Апенченко, и на заседании совета его задарили грамотами, премиями, почётными листами от города, Союза журналистов и министерства. На совете же объявили о том, что В.Путин подписал указ о присвоении звания заслуженного деятеля науки Ю.И. Минералову. Довольно много говорили об итогах сдачи нашими студентами государственных экзаменов. С одной стороны, профессор Зимин и профессор Кривцун уверяют, что у них никогда не было более сильных (в общем) ребят, сдающих философию, а с другой — четверо из них не смогли сдать словесность. Один из доблестных студентов, проучившись пять лет, кроме водевиля «Медведь», не смог назвать ни одной пьесы Чехова. Я проанализировал все личные дела этих «несданышей» — везде пропуски, просьбы допустить к экзамену без зачета, везде какие-то объяснительные записки и справки.

Собрание правления секции прозы прошло довольно активно. Было два приемных дела. Принимаем мы в основном людей за шестьдесят. Все бывшие начальники, уйдя на пенсию, засели писать мемуары и документальные повести, за счет спонсоров и сослуживцев навыпускали книг тиражом в пятьсот экзмпляров, а теперь хотят в писатели. Это надо для самоуважения, для их близких, для того чтобы, как и прежде, надувать пузо.

В ЦДЛ был только на сборе гостей, и то лишь из уважения к Носкову. В фойе он устроил что-то вроде бесплатного фуршета, с вином, орешками и бутербродами. Это публику очень увлекло. Из знакомых и запомнившихся были Ваншенкин, Турков, у которого недавно умерла жена. Вот уж кому стоит посочувствовать, я помню, сколько терпения и воли проявлял А.М., пока она болела. Был Приставкин, мелькавший в вестибюле, Е.Сидоров, Андрей Яхонтов вместе с десятимесячным сыном Петькой, которого он носил в специальном рюкзачке. Какой же Андрюша счастливый, мне кажется, он до сих пор не может опомниться от этого свалившегося с небес счастья. Дети, рожденные в старшем возрасте, а не случайно, от половой переизбыточности, — это особые дети. Концерт должен был вести Арканов — я не пошел. Сил на такие вечера после целого дня работы просто нет.

28 мая, пятница. Продиктовал два отзыва на дипломные работы и написал врезку к стихам наших институтских поэтов для «Литгазеты». Написал также и отправил письмо Ренате

Григорьевне Лекач о возможном открытии филиала в Нью-Йорке. Наверное, ничего из этого не получится, но кто знает, всегда надо фантазировать. Фантазии часто превращаются в дело и реальность.

Внезапно пришел факс: Виталий Тойевич Третьяков приглашает меня на свою передачу «Что делать?». Я начал отказываться, ибо знаю про себя, в что устной речи я не силен, не помню ни фамилий, ни имен, ни дат, что всегда так украшает ведущего. В передаче у Третьякова всегда участвуют профессионалы и эрудиты. Что мне делать? Передача посвящена консерватизму. Я ведь особо ничего об этом и не знаю. Но Третьяков (потом раздался и звонок) очень просит именно меня. На всякий случай в библиотеке пока взял какой-то новый сборник, посвященный русскому консерватизму. Проблема-то не интеллектуальная, а жизненная, действенная.

Говорил с Кондратовым: он почему-то вспомнил мою «Хургаду». Тайные намеки, что ее напечатают отдельной книжкой. Потом вспомнил, что обещал В.И.Гусеву и Жанне Голенко написать что-нибудь о семинаре, о технологии его ведения, и сразу же, с налёту написал:

«**Начнем с тезисов. Научить стать писателем — нельзя. А вот научиться, пожалуй, можно. Конечно, существует природная предопределенность, так же как в пении: один поёт, другой нет, а у третьего от природы уже поставленный голос. Есть люди, для которых фраза с пионерского возраста — своя. Ведь что такое письмо? Это умение свои собственные фантазии и образы, промелькнувшие в голове видения, «вишневосадовские лепесточки» перенести при помощи слов на бумагу. Будущий писатель всегда, в принципе, это умеет, но еще не знает, что есть вещи, которые в литературе лучше не делать, есть проблемы, которых лучше не касаться, есть слова, настолько позатертые, что их надо высаживать в совершенно новые грядки, нежели в те, где они до сих пор привыкли расти. Когда думаешь об этом — всё кажется неимоверно трудным.**

Где-то на втором, на третьем курсе я начинаю удивляться: да как же так, да почему они так быстро, а порой умно и остро пишут? Кто на них повлиял? Вся ли система института с его гениями на каждом шагу, с преподавателями, гениями или считающими себя такими? Или это влияние семинара, который ты ведешь каждую неделю по вторникам?

Готовиться к семинару я начинаю с субботы, а иногда с пятницы. Чувство свободы пропадает уже в четверг, некая заноза от текста, который мы будем разбирать, сидит в голове. Потом

его читаешь и, как в чемодан, захлопываешь в подсознание. Там начинается кружение и верчение. Мне всегда ясно: на семинар надо прийти с несколькими точными идеями, с ощущением вещи, прийти как на драку, где надо пробиваться и продираться куда-то вперед. А сам семинар мне кажется неким кратером, где-то там, в темноте, в парах подземных газов, — тени моих учеников, сами эти ученики (я пишу так подробно, потому что был в кратере вулкана, я ездил на Камчатку, когда был репортером, материал, который я привез, так и назывался — «Репортаж из кратера вулкана»). Наконец, туман рассеивается, появляются лица моих учеников, лица обновленные, счастливые. Господи! Неужели это они — так выросли, так возмужали, так прекрасно говорят!

Я всегда помню, что ученики ни в коем случае не должны походить на тебя. Я всегда помню, что твой собственный творческий метод не самый лучший. И гнуть их всех под себя — дело бессмысленное.

Что касается самого семинара — мы говорим, разбираем, спрашиваем друг у друга, я читаю отрывки, читаю цитаты из своей картотеки, они вроде слушают. Но я не понимаю — действует ли на них то, что я говорю, или нет. Если обратиться к одной аналогии, то всё это напоминает синхрофазотрон где-нибудь под Серпуховом или в Дубне — там лежит на своем месте материал, а исследователи разгоняют какие-то атомы по кольцу и пытаются этот материал этими атомами бомбардировать. Иногда бомбардировка заканчивается успешно, возникает новый результат. Что из всего этого получается, никто не знает. Я же только знаю, что пучок атомов, направленный на материал, должен быть как можно более сильным и ёмким. Тогда и возникает искра, возникает ученик.

Я также понимаю, что ученик — это всегда синоним предательства. Но это — в будущем, и это другая песня. В конце концов, даже жёлудь вызревает на том материале и на той же земле, которая накормлена листьями дерева».

29 мая, суббота. На даче у меня новые работы. Устанавливаю накопительный бойлер в бане. Я отчетливо понимаю, что всеми новшествами и усовершенствованиями я уже пользоваться в полном объеме не буду, но строю, переделываю, дополняю. Если бы меня когда-нибудь спросили, в чем состоит моё хобби, я бы ответил: дача и ее перестройка. Подобная созидательная работа меня увлекает и в доме, и в институте. Вот выстроил маленький спортивный зал в надежде, что буду жить за городом, поднимать штангу. Но зимой поподнимал, а теперь болит бедро и рука в суставе. Построил двухэтажную дачу, а бываю ли на втором этаже?

Все утро с Володей, который все это монтирует, ездил по магазинам, купил всяких железок на 2 тысячи 500 рублей. Пока проложили только стабильный шланг от общего крана к дому.

Вечером пошли с приехавшим недавно С.П. немножко перед сном пройтись, заодно прогулять собаку, которую очень радуют подобные прогулки. Как меня раздражает, когда во время этих прогулок С.П. вставляет себе в уши наушники: он интеллектуал, он слушает классическую музыку, он не хочет терять времени на болтовню. А в это время у реки так свистели и щелкали соловьи, такая в этом посвисте и перекличке была полнота жизни.

Передача у Третьякова меня просто придавливает, но про себя знаю: справлюсь и буду не хуже всех. Надо только не стараться быть на всех похожим, надо идти своим путем опытника и доморощенного философа.

30 мая, воскресенье. После Дня пограничника, который прошел весело и дружно, довольно долго раскачивались, копали канаву под шланг водопровода, потом что-то винтили на трубах в сауне и уехали, так ничего и не сделав. Вечером смотрел телевидение, здесь, конечно, в первую очередь интересны самые поразительные факты грабежа произведений искусств в наших центральных музеях. Это в передаче Караулова. Началось все с того, что на Западе появились рукописи Ленина и документы, подписанные Сталиным. Показали и библиотеку, откуда уходили книги из личного собрания Сталина с автографами многих деятелей литературы и искусства. Потом заговорили об Эрмитаже, по поводу которого еще 4 года назад пресса много писала. Говорили о частной «аренде» наших шедевров на Западе, о подмене и о невозвращении квартир. Выявилась панорама удивительной бесхозности и поразительного всероссийского воровства. Главными обвинителями в этом были Ю.Болдырев, человек, конечно, честный, тот самый, который в свое время с трибуны Съезда народных депутатов требовал отмены 6-й статьи. К слову, чего тогда было требовать, если сами управлять не умеете? Болдырев как заместитель председателя Счетной палаты, говорил убедительно — и вещи чудовищные. Колебания самого Караулова — не в счет. Одним из критиков и правдоискателей в этой передаче оказался и Починок. Он все время напирал на какую-то злокозненность в этом вопросе Швыдкого. Как будто один сторож может сберечь всю огромную автобазу. Это бы Починку самому как чиновнику надо бы знать! Возможно, как министр Швыдкой и был разгильдяй, но что он вор — в это я не поверю никогда!

Написал рейтинг для «НГ». Читаю книгу Ж.Маре о Кокто. Читаю и сборник о консерватизме.

31 мая, понедельник. В обед комиссия по приему и распределение по семинарам. В этом году у нас уже на 70 абитуриентов больше, чем в прошлом. Это чуть больше, чем 5 человек на место, причем, как я неоднократно подчеркивал, не просто мальчиков и девочек с аттестатами зрелости, а людей, уже написавших некую стопочку стихов или прозаического текста. Мы распределили всех будущих студентов так: 20 человек — проза, 20 — поэзия, 6 — перевод, остальные — драматургия, критика. Я очень надеюсь, что нам удастся получить еще человек пять-шесть переводчиков на платной основе. Мы также постараемся сформировать общий, многопрофильный семинар для Е.Ю.Сидорова, но пока из 70 работ он отобрал только три.

С 12 до самого совещания по приему, до трех, был в РАО, где состоялся авторский совет. Пошел из института по Бронной пешком, на пороге дома РАО, что возле синагоги, встретил В.Распутина, вот так просто, тоже пешком. Почти то же самое, что встретить историю литературы. Выглядит он, как всегда в начале лета, неважно, но скоро, по своему обыкновению, уезжает в Иркутск, вернется, думаю, не раньше октября-ноября.

На итоговый в этом году совет собрались практически все. Естественно, не было А. Макаревича, В. Губарева, В. Матецкого и, может быть, еще кого-то. Повестка дня была обширной. Сначала прочитали информацию о заседании Европейского комитета СИЗАК (это всемирная организация по авторским правам, заседавшая на сей раз в Вильнюсе). Главное, они целиком поддержали РАО как единственного сборщика авторских вознаграждений в России. Здесь проявилась западная политика арифмометра, а не политика чувств и сочувствия к России и РАО. «Европейский комитет осуждает сложившуюся ситуацию, которая может привести к слому существующей системы по сбору вознаграждений за публичное исполнение произведений по радио и телевидению на территории РФ, причитающихся как российским, так и иностранным авторам». Иностранные авторы — тоже не последний аргумент.

«Европейский комитет также считает:

1. Что дестабилизация работы РАО может привести к нарушению в Российской Федерации обязательств, вытекающих из международных соглашений, и считает, что наличие одной организации в стране является более эффективным, чем наличие соперничающих между собой нескольких организаций» — и проч. и проч. и проч. Всё это разослано в правительство, В.Путину с предупреждением, что невыполнение этих правил может являться причиной, по которой Россия не будет принята в ВТО. Дело серьёзное. Но противники РАО, так называемый РОАПП, видимо,

после многочисленных разборок, тоже трещит. Наша заседание началось с того, что бывший председатель Матецкий, уже дважды нам изменявший, прислал в адрес совета письмо: он, дескать, вышел из состава учредителей РОАП. Денег нет, перспектив нет, зачем, мол, там оставаться? Это, возможно, какой-то его ход, я уже привык, что он всегда ищет, где глубже, попутно всех по возможности предавая.

Интересным для меня был возникший разговор о комиссии музыкальных экспертов при авторском совете. С одной стороны, все присутствующие согласились, что огромное количество песенного вала состоит из полуплагиата; с другой же — всё, что возникает сейчас вроде бы оригинального, так близко к уже известным образцам, что кажется порой, будто бойкие ученики с ошибками списывают с доски один и тот же текст. Не кавычу, но это чье-то признание. Очень хорошо сказал А.Эшпай: «Я не могу запомнить эти новые песни, здесь нет музыкального материала, всё на всё похоже, и всё неинтересно». Здесь же кто-то сказал о композиторе Крутом: «Всё привычно и всё рядом». Фразу эту можно принимать по-разному. Еще из записанных мною фраз есть и такая: «Новые вершины старых песен». «Все стараются избегать прямого плагиата, но цитаты возникают иногда в 5–6 тактов из старых песен».

Я сидел все собрание тихо и скромно, но когда прочитали резолюцию СИЗАКа, я сказал: эта резолюция свидетельствует о том, что все усилия, которые мы предприняли, когда спасали РАО, — освобождение Матецкого, уход Тер-Газаряна, — эти действия были правильными, мы имели на них моральное право. Моральное.

По утрам уже несколько дней читаю прозу Пастернака, вперемежку с другими книгами, делаю выписки и получаю море удовольствия. Выписываю лишь то, что впрямую относится к искусству.

«Самое ясное, запоминающееся и важное в искусстве есть его возникновенье, и лучшие произведенья мира, повествуя о наиразличнейшим, на самом деле рассказывают о своем рождении. Впервые во всем объеме я это понял в описываемое время» (*Б.Пастернак. Воздушные пути. С. 229)*. Что здесь скажешь? Только невероятно проницательный человек, гений смог бы так точно сформулировать очевидное. И опять — на уровне озарения и невероятная точность в фиксировании, казалось бы, общеизвестного. «И есть искусство. Оно интересуется не человеком, но образом человека. Образ же человека, как оказывается, — больше человека» (с. 222). Следующая цитата, вернее, я ее выписываю, чтобы выбелить то, что считаю своим

недостатком. В моих романах люди почти не говорят, не думают вслух, все тонет в описаниях. Вот здесь Б.Л. и дает мне индульгенцию. «Так ли надо, чтобы всегда и везде говорил человек? И вот в искусстве ему зажат рот. В искусстве человек смолкает и заговаривает образ» (с. 223).

И теперь еще одна выписка, которая относится уже к моему, который я сейчас пишу, роману. Мы ведь, средние писатели, лишь подбираем крохи со стола больших, нам достаточно крошечного импульса, чтобы мы развернули свои построения. Но из следующего, я думаю, сделаю еще и целую главу. Может быть, эту цитату поставить куда-нибудь в начало, после прибытия героя из Франкфурта в Марбург?

«Вдруг я понял, что пятилетнему шарканью Ломоносова по этим мостовым должен был предшествовать день, когда он входил в этот город впервые, с письмом к Лейбницеву ученику Христиану Вольфу, и никого еще тут не знал. Мало сказать, что с того дня город не изменился. Надо знать, что таким же нежданно маленьким и древним мог он быть уже и для тех дней. И, повернув голову, можно было потрястись, повторяя в точности одно, страшно далекое, телодвиженье. Как и тогда, при Ломоносове, рассыпавшись у ног всем сизым кишением шиферных крыш, город походил на голубиную стаю, завороженную на живом слете к смененной кормушке. Я трепетал, справляя двухсотлетие чужих шейных мышц. Придя в себя, я заметил, что декорация стала реальностью, и отправился разыскивать дешевую гостиницу, указанную Самариным» (с. 214).

Теперь уже, собственно, на сегодня все. Но как приятно выписывать чужие мысли, невольно думаешь, что они принадлежат и тебе. Однако все, что принадлежит гению, принадлежит человечеству. Вот об этом и следующая цитата: «Область подсознательного у гения не поддается обмеру. Ее составляет все, что творится с его читателями и чего он не знает». (с. 201). Ударение здесь надо делать на слово «читатель» — здесь подлинный объем.

И, наконец, последнее. Тоже исчерпывающее, и тоже про меня. «Я не пишу своей биографии. Я к ней обращаюсь, когда того требует чужая» (с. 201).

1 июня, вторник

Вот и началось лето. А утро — с докладной записки Буштакова: пятикурсница Мамаенко, та самая, с которой был конфликт еще зимой, опять напилась и «гуляла» вместе с четверокурсником Сергеем Комиссаровым. Мамаенко очень хвалит Г.Седых, но, как мне видится, напрасно, я читал ее стихи. В свое время по ее, Седых, просьбе я перевел девочку с заочного на очное отделение, а в ответ Мамаенко не стала сдавать свою последнюю сессию, не написала диплома. Основную причину она и не скрывает: хочется лишний год потолкаться в Москве, в «богеме», в общежитии. Это провинциальный взгляд на жизнь искусства.

Пришлось объявлять Мамаенко выговор, потом исключать ее из института. Комиссарова на неделю выселили из общежития. Это единственное и по существу реальное наказание, которого они боятся.

В докладной записке Буштакова фигурирует еще и А.К. Это действительно страшновато, когда он остается один в институте после 10 вечера. А.К. человек курящий, я боюсь пожара, я боюсь неисправности в общежитии. Охрана говорит, что иногда они боятся выпустить в ночь А.К. на улицу и запирают его на ночь в корпусе. Лучше уж пусть в институте, чем выпивши на улице. Не дай Бог что-нибудь случится.

Утром же много занимался студентами. Подписывал дипломы выпускникам, разбирался с бесконечным рядом заявлений на пересдачу. Многие господа студенты хотели бы получить разрешение сдать экзаменационную сессию, не сдав все зачеты. Это считалось у нас нормой, и многие удивлялись, почему я этого не разрешаю. Не разрешаю там, где прогулы, где бесконечные пропуски, где недобросовестность по отношению к учебе.

Наша профессура считает, что вторник, день семинара, — это как бы их законный день для того, чтобы не быть в институте. Несмотря на сессию, сгрузив все на меня, не было в институте даже Елены Алимовны, декана, и Михаила Юрьевича, проректора по учебе. Естественно, ни Левы, ни А.И. (Забегая вперед, скажу, что их не будет и завтра на вручении дипломов. Я-то думал, что они на 39-й день провели на кафедре сороковины по покойной Наталии Георгиевне!)

В экзаменационных листах к дипломам нашел довольно много ошибок. Иногда сами листы при анализе вызывали у меня смущение. Дима Дерепа в качестве курсовой работы разбирает

рассказ своей подружки Светланы Кочериной. Какая-нибудь девица по текущей литературе пишет про роман Т. Толстой «Кысь», а потом по стилистике — о языковых особенностях того же романа Толстой. Такая «экономная» манера свойственна и другим нашим прагматичным студентам.

Приехал домой до семи, читал Пастернака с упоением. Обратил внимание, что на внутренней обложке его сборника прозы помещена фотография с собаками. Это переход у меня к следующей главе. Очень надеюсь на свою трехдневную командировку в Самару, там-то я и постараюсь написать или хотя бы начать эту главу.

Реабилитация после операции у моей приятельницы Барбары проходит плохо, у нее воспаление, с которым врачи с помощью антибиотиков справиться не могут, я очень боюсь, не потребуется ли новая операция. Сердце у меня за нее исстрадалось.

2 июня, среда. Как ни странно, запись передачи Виталия Третьякова «Что делать?», которой я так боялся, состоялась довольно благополучно. Кроме меня и Третьякова, было еще четыре человека: священник В.Чаплин, доктор философ. наук П. Капустин, знаменитый редактор журнала «Эксперт» В. Привалов и кто-то еще. Всех не упомнишь. Все это люди высокоученые, говорящие на таком запредельном языке, что многого я и не понимал, но слушал с удовольствием. В общем-то, я не понимаю консерватизма в нашей стране как особого политического направления. Это, скорее всего, взгляд на положение в стране с точки зрения здравого смысла: не торопитесь с реформами и берите с собой в будущее все полезное, наработанное предшественниками. Я так и старался держаться, в границах здравого смысла и все время прислушиваясь к себе, а не подлаживаясь под общий научный тон. Тем не менее напомнил о титульной нации, сказав, что забота в первую очередь о русских снимет ряд национальных проблем в стране; вспомнил Сталина с его знаменитым тостом «За русский народ», потом говорил о выборах, зачтя цитату из «Государства и революции», которую не приводят сегодня и вычеркивали из публицистики в прошлые времена. В свою очередь, на меня произвели впечатление некоторые утверждения отца Вячеслава, сидевшего со мною рядом. В конце передачи я как-то даже перестал комплексовать. Что, правда, останется после монтажа, говорю-то я довольно плохо, проглатывая слова и не договаривая фразы. Не останется наверняка фраза, которую я сказал уже под конец передачи. В середине записи обычно вносят чай, и мы его пьем. Так вот в какой-то момент я говорю: зрителей, наверное, интересует наш чай. Чай — сладкий, но не горячий.

Успел на защиту к заочникам, где защищалась моя Лена Губченко. В основном были студенты Вл. Орлова. У него это менее сильный семинар, чем в прошлый набор. Среди прочих читали очень занятную рецензию Сегеня на одну из студенток Орлова. Роман, который Сегень рецензировал, был не очень хорош, и умница Саша с некоторой издевкой написал, что, конечно, со временем эта студентка займет место на полках книжных магазинов рядом с Донцовой и Марининой, но в таком случае не надо давать ей возможность везде говорить, что ее диплом не был принят Литературным институтом. Сказал Саша все это как-то веселее, нежели пересказываю я.

На этом фоне моя Губченко без моего нажима получила за диплом «отлично». Держалась она, по рассказам, очень хорошо. В целом она умница. Сегодня же я передал ее дипломную работу вместе с прошлогодними отличниками-дипломниками Жанне Голенко для «Московского вестника». До чего же энергичная девка!

В три часа началась торжественная церемония вручения дипломов. Я еще раз убедился, какой замечательный артист и какой замечательный человек Володя Андреев. Он ничего не забыл, пришел, читал перед открытием прозу Астафьева. Все было уместно, сильно, торжественно. Наш в обычное время довольно хамоватый зал поначалу перешептывался, шуршал целлофаном на букетах цветов, а потом мертво замолчал, возникла невероятная тишина. До этого, когда сидели у меня в кабинете, Володя спрашивал о нашем наборе, я привел ему цифры. В свою очередь, он говорил, что желающих стать артистами невероятное количество. Все время идут звонки от высокопоставленных родителей. Девочка желает стать артисткой, а у девочки никаких данных. С трудом, чтобы не губить судьбу ребенка, приходится отказывать. Много платных студентов, устная, театрально-эстрадная, поверхностная культура. На прослушивании во втором туре участвует 400 человек!

А потом вручали дипломы, отдельным ребятам — членские билеты СП. Бурей восторга был встречен грант Анны Хавинсон, который я вручил Славе Казачкову. Я постарался обставить это как можно торжественнее. О том, что я собрался это делать, никто, естественно, не знал. Было интересно наблюдать, как Слава наливался от восторга розовым цветом и пыхтел.

Вечером был в Большом театре на концерте Хореографического училища, которое нынче названо академией. Пару дней назад, гуляя утром с Долли, увидел афишу и на пробу позвонил Лене Колпакову: не сходим? Для меня Большой театр практически недоступен: особых связей нет, да и при нынешних

ценах на билеты просить кого-либо и неловко. Но Леня вызвался достать какие-нибудь пропуска. Это все же не спектакли со знаменитыми гастролерами и премьеры, на которые съезжаются «лучшие люди». Сидели в шестом ряду.

Я случайно приехал минут на двадцать раньше означенного срока и ходил по скверу, рассматривал знакомую площадь и начавшуюся реставрацию гостиницы «Москва». Куда подевались замечательные яблони, которые росли у фонтана перед Большим театром? Кран неутомимо вытаскивает из-за лишенных крыши стен какие-то обломки. Эпоху растаскивали. Сама по себе Театральная площадь приобрела новые и величественные черты. Над станцией метро «Площадь революции» золотится церковный купол. Рядом с бывшим Центральным детским театром здание филиала Большого с его даже не купеческой, а мещанской роскошью, сквер, в котором раньше по весне кипели цветом яблони, весь, как гробница, покрыт гранитом и другим долговечным камнем. А какой же строгой красоты здание гостиницы «Метрополь» и сам Большой! Наше время только аранжирует и украшает, строили все прошлое.

Сейчас объявлено о реконструкции Большого театра, я внимательно рассмотрел здание. Вблизи оно еще больше поражает своей монументальностью, какой размах, какая дерзость — водрузить этих позеленевших коней и Аполлона в легком хитоне на крышу театра продуваемой зимними морозами Москвы. Как красивы и изящны обводы, как хороши две летящие музы на фронтоне. Но все пришло в жуткую ветхость. Наверху обвалившиеся углы, колонны из пудожского камня закрыты какой-то замазкой, везде на архитектурных деталях пыль и потеки грязи, небрежность и мусор. И это — главный театр страны! Я подумал также, что во время неизбежного ремонта и реставрации наверняка исчезнет герб Советского Союза, а может быть, и большая мраморная доска с указанием, что 30 декабря 1922 года в здании театра собрался съезд Советов, учредивший Союз Советских Социалистических Республик. Внутри здания, где все тоже обветшало, иссеклось, полиняло, талантливая «редактура» эпохи уже началась. Еще висит знаментый парчовый занавес с вытканной аббревиатурой «СССР», но наверху уже сменили «арлекин», какая-то более дешевая ткань с торопливой надписью «Россия». Не жалко, когда рушится эпоха, жалко, когда исчезает история.

Сам концерт меня, пожалуй, разочаровал, хотя трепетное удовольствие от молодости, от музыки, от ощущения полета состоялось. Были отдельные замечательные номера, где ребята показали умение, напор, даже грацию, хотя как раз с изящным и

плоховато. Замечательно танцевал не очень крупный, похожий на мальчика, японец Киетаки Тихару; великолепными артистами показали себя в русском комическом танце Алиса Чеснокова и Алексей Чемерови. Я запомнил Лидию Мамедову в танце из «Баядерки»; еще был замечательный парень Роман Якушев. Все это прекрасно, и подобные частности можно отыскать еще. Провальным, на уровне самодеятельности, был второй акт «Лебединого озера», которым открывался концерт. Нет классики, нет школы, нет будущего. Все — как гимнастические упражнения, в них не было главного — душевного трепета. Боже мой, как хороши в свое время были Бессмертнова и Лавровский! Говорящие тела. Я увидел их как-то в сентябре в Большом на «замене». Милая девочка, даже лауреат конкурса, даже гран-призерша конкурса в Люксембурге, и осанистый парень, все время делающий руками какие-то пассы, старательно все выучили и станцевали. Несмотря на все старания знаменитого клакера Большого театра Романа, как обычно сидящего в набитой сподвижниками крайней ложе первого яруса, органической овации не получилось. Ощущение, что кто-то эту довольно безликую пару проталкивает.

3 июня, четверг. Уезжал в Самару около семи часов вечера с Казанского вокзала, прямо с работы. Думали, что будут на дороге пробки, но Толик, который уже три дня как по совместительству работает шофером — такая оказия открылась для него из-за ухода в отпуск Паши, — домчал мгновенно. Минут сорок я рассматривал роскошный, но ныне вовсе не полный вокзал и удивлялся: где же те картины Васнецова и других знаменитейших русских художников, которые еще при проектировании предусмотрел Щусев? Видимо, не только в Эрмитаже потери.

Поезд оказался совершенно роскошным, пожалуй, с таким удобством я еще никогда не ездил. Постели застеленны отличным бельем, купе все затянуто какими-то накидочками, покрывальцами, занавесочками, и все из плотной гобеленовой ткани. В купе еще есть, как в самолете, завтрак в пластмассовой коробке, туалетные принадлежности, включая одноразовую зубную щетку и пасту, и пачка газет в специальном запаянном полиэтиленовом пакете. И это еще не все: когда поезд тронулся, принесли горячий ужин — салат и жаркое с картошкой в горшочке. Но и билет, который мне купило Общество, стоит свыше трех тысяч. Кому-то идет доход от питания из вагон-ресторана, кому-то за «бесплатную» минеральную воду, кому-то за комплектацию сухого завтрака. Так и живет малый бизнес.

Отдельно надо бы написать о подборке газет, здесь и «Московский комсомолец», и «Комсомольская правда», и

«Коммерсант». Естественно, об убийствах бизнесменов и администраторов. Причины убийств две: или воровал, или не давал воровать. О воровстве крупных чиновников из Комитета по рыболовству. Жизнь идет, воруют, судят, убивают, играют в кино и в театре, поют современные, совсем не запоминающиеся песни.

Соседом по купе оказался крепко сбитый, энергичный человек почти такого же, как и я, возраста. Ректор одного из экономико-административных вузов. Он едет в знаменитый, бывший цековский санаторий, в легендарный «Утес». Оба мы посетовали об этих самых санаториях и о 26-дневных путёвках, когда хватало времени и на курс лечения, и на отдых, и на реабилитацию. Два крокодила вспоминали о теплых болотах. Но один крокодил все же остался на мели. Когда перед сном стали раздеваться, я обратил внимание на плотный, выпирающий пузень попутчика. Он не поинтересовался, кем работаю я, ограничившись моим признанием, что в гуманитарном вузе я преподаю литературу. Я спросил, почем сейчас в «Утесе» путевки. Получил ответ: «1200 рублей в день».

4 июня, пятница. Вот и Самара. За пару часов до нее, в Сызрани, во время остановки поезда, стою, не сходя на перрон, на площадке, рядом какой-то довольно пожилой человек. Посмотрел на меня: «Вы — Сергей?» — «Да, Сергей». — «Вы, наверное, Есин». Это оказался мой читатель. Его зовут Евгений Альтшулер, он нефтяник, закончил Губкинский, сейчас работает в Новокуйбышевске. Поезд поехал, мы в окно смотрим на разрушенную страну, на разбитые окна, на сорванные крыши заводов и пристанционных складов. Дорога идет вдоль Волги. Это мистически необъятная река, медленная, волшебная, таинственная. Какая могучая, бездонная страна, сколько же в ней силы! Каким же образом мы позволили каким-то недоумкам оседлать ее?

Приехали. Перроны в Самаре, конечно, очень удобные, они на западный манер, даже есть лифты на второй и третий этажи. Но само здание самарского вокзала таково, что безобразнее не придумаешь: современный, из стекла и стали, общий модерн, который встречается в любой провинциальной точке США и Европы. К счастью, это, пожалуй, самое непривлекательное строение Самары, всё остальное меня просто умилило.

Поселили в гостинице «Россия», она далеко не новой постройки, высокое панельное здание, как бы небрежный репринт гостиницы «Националь» в Москве, сейчас уже за свое безобразие разрушенной. Но с девятого этажа, где мне дали крошечный номер, вид, наверное, самый потрясающий в мире, по крайней мере, ничего подобного я еще не испытал: с одной стороны,

Самарская излучина с могучей и мощной Волгой, которая, как и любое крупное и уверенное в себе существо, движется, не подавая никаких признаков видимого движения. Но какая стоимость этого крошечного номера — тысячу за одну ночь! Париж! Впереди, почти на горизонте, два сближенных между собой увала — это Жигулевские горы. Где-то там же — село Усолье, в котором жил Алексей, он, наверное, пропал, спился или сидит, как и большинство его родни. Я вспомнил, как когда-то мы вместе со Славой бродили по этим горам с экскурсией, здесь тоже виды открывались захватывающие. Слава уже давно не звонит, известно только, что он защитил докторскую диссертацию, а преподает ли сейчас в Африке, или, как ему хотелось, переехал куда-нибудь в Средиземноморье, не знаю. Последние сведения — что его мальчишки учились в Бауманке.

Если выйти в коридор и посмотреть в другое окно — опять Волга, а вдали трубы, это Новокуйбышевск, как раз то место, где жил Слава, где он преподавал по окончании университета, уже писал свою кандидатскую. А трубы — это логово ЮКОСа, один из заводов Ходорковского.

Самара произвела на меня невероятное впечатление самой географией, на которой она расположена. Правда, я крутился в небольшой центральной части — там удивительные строения и, в первую очередь, удивительный заповедник модерна. Всё это трудно описать, даже трудно снять для кино — это нужно чувствовать и каждый раз, при виде какого-нибудь фигурного окна или аканта, трепетать. Здесь видишь и понимаешь, как одна эпоха наслаивается на другую, понимаешь, какая разнообразная была здесь жизнь, представляешь, как простой деревянный домик уступал место роскошному купеческому особняку… Как я вообще люблю старинные русские города! И Самара теперь будет из них наилюбимейшим. Города эти отличаются тем, что они живут и существуют в прекрасной природе, дома в них громоздятся по откосам, засаженным деревьями, везде какие-то сады, огороды, много сочной зелени. Здесь не чувствуется стремления во что бы то ни стало победить или изнасиловать природу, как, скажем, в Москве, где природа — лишь декоративный элемент. В этих городах природа и человеческое обиталище соседствуют.

К счастью, видимо, еще в советское время Самара развивалась достаточно разумно, никто не вбивал огромные дома в историческую её часть. Ведь к 1917-му году Самара была городом небольшим, около 90 тысяч жителей. И рядом с этим городком, уже в советское время, за большим собором, стали разбивать новый город, который тоже хорош, потому что он неразделим с природой, с его высокого обрывистого берега всё

время видится Волга. Описывать что-либо подобное — достаточно нелепо. Был в Струковском парке имени Горького, прошел центральной улицей Куйбышева, это, так сказать, советская часть, с огромной площадью и прекрасным обкомовским домом-дворцом, где теперь, говорят, чиновников в четыре раза больше, чем было. Чиновники — это издержки сегодняшней жизни. Здесь же сидит и знаменитый губернатор Титов. Сколько же о нем разговоров, какие ходят досужие слухи о собственности, которую он приобрел! Как любят его молодого, нет и 25-ти, сына, который, говорят, с трудом окончил вечернюю школу, а теперь командует каким-то объединенным банком и вдобавок еще кандидат наук. Время талантливых и быстрых детей. Дети Строева, дети Титова. С восхищением самарцы вспоминают Титова — комсомольского работника.

На площади перед зданием администрации губернатора, т. е. бывшего обкома КПСС, стоит огромная колонна-монумент: ведь именно в Куйбышеве строились космические корабли, здесь был придуман «Буран», сюда после полета приезжали космонавты. Над зданием бывшего обкома — сегодняшний герб России. Следы герба СССР тоже видны. Большинство заводов в городе остановлены, но сил на то, чтобы «заварить» герб на здании бывшего обкома, губернатору Титову хватило — так ему вольготнее и свободнее. Во время прогулок по городу мне много рассказывали о Титове, может быть, я напишу об этом позже. Здесь коснусь лишь одного факта. Когда молодежь призывали в армию из региона Титова, обнаружилось: более двадцати призывников не умеют ни читать, ни писать.

Чтобы закончить с архитектурой, опишу две площади. Первая — где стоит оперный театр. Он находится как бы в центре некоего креста, в окружении четырех огромных скверов со свежей сочной зеленью, разбитых еще до революции. Здание театра, правда, приземистое и довольно некрасивое — оно, наверное, для театра удобно, но построено на фундаменте огромного собора. Хорошо, что хоть театр, а не бассейн. Напротив оперного театра, через площадь, похожую на бывшую, еще не изуродованную Манежную в Москве, — здание бывшего облисполкома. Под ним находится бункер, сохранившийся со времен войны, там даже есть кабинет Сталина. К счастью, бункер не понадобился. Ведь известно, что именно в Куйбышев из Москвы в начале войны были эвакуированы все посольства, аккредитованные в СССР. Сейчас идешь по городу и видишь различные таблички: здесь было посольство Великобритании, там — Польши, а там — Кубы.

Вторая площадь, подход к которой от моей гостиницы ведет в горку вверх, для меня особенно интересна. В центре её —

пьедестал, оставшийся от памятника Александру Второму, на нём теперь высится скульптура Ленина. Сразу видно, что постамент и скульптура не гармонируют друг с другом. На площади сохранилось здание того суда, в котором выступал присяжный поверенный Владимир Ульянов; напротив него, на другой стороне улицы, ресторан, в котором Ленин обедал. В другом углу площади — редакция газеты, где печатался Горький. Горький как очень зоркий писатель тогда называл Самару «русским Чикаго». Бедный Чикаго!

Под Струковским парком есть завод, на котором делались станки такого размера, какие не производились больше нигде в России. Может быть, дальше там что-то и сохранилось, но пока горит весёлая и обещающая надпись: «Бильярдный зал».

Вечером ходил в Общество книголюбов. Каким-то образом это собрание пожилых и молодых людей, заинтересованных в общении, еще держится. Общество, естественно, никому, кроме людей небогатых, не нужно. Можно сказать много хорошего об этой работе, которую Общество ведет с интеллигенцией самого материально-низшего разлива. Но пока еще находится Общество в центре. У меня там состоялось нечто вроде «мастер-класса» с участниками разных поэтических студий. Сколько же у нас талантливой молодежи, но беда, что ею на государственном уровне практически никто не занимается. Здесь можно было бы многое исправить в творчестве ребят. Понравился мне по-настоящему некто Сережа Карясов — на всякий случай я взял его стихи, покажу в приемной комиссии. Вечером — темнеет поздно — гуляли по набережной. Километра через три-четыре она прерывается территорией знаменитого пивзавода «Жигули», над ним Иверский монастырь, дальше идет теплоцентраль — и опять набережная, над которой уже иная часть города: с театром, бывшим обкомовским домом. Красота, которую перо описать бессильно.

Сегодня днем в Самаре произошел взрыв на вещевом рынке, погибло десять человек, ранено около шестидесяти. Есть две версии: или теракт, или разборка между враждующими торговыми групировками. Полтора килограмма тротила. Параллельно идет политическая разборка между губернатором и мэром города. Все воюют.

Направляясь из гостиницы в общество, я зашел в книжный магазин. Всего достаточно много, подробно, много подарочных изданий, стоит и моя книга «Дневники». Я убеждаюсь, что издательство или увеличило тираж, или сделало две допечатки. Купил книгу князя Иллариона Васильчикова «То, что мне помнилось…». Этой книге я обязан появлением из печати своей: с

книги Васильчикова начиналась серия. Моя книжка была второй. Пришел домой в гостиницу и сразу впился в эти страницы. А уж когда дошел до его путешествия по Узбекистану, по Средней Азии, где я провел молодость, оторваться уже не смог. Начинаю с положения евреев в Бухаре. Я-то всегда думал, что такое — «бухарские евреи»?

«Бродя по городу, мы случайно забрели на небольшую площадь с бассейном посредине, окруженную двухэтажными домами с балконами-галереями, во всю ширину домов увитыми виноградом. На балконах мы увидели женщин и молодых девушек, частью занятых рукоделием, частью просто наблюдающих за проходящими. К моему удивлению, у этих женщин, одетых в туземные наряды, лица были совершенно открыты, и многие из них, в особенности молодые девушки, поразили нас своей красотой и классически правильными чертами лица. Оказалось, что мы забрели в еврейский квартал города.

Евреи поселились в Бухаре уже в очень древние времена, вероятно, еще до разорения римлянами Иерусалима и с тех пор, не смешиваясь с туземным населением, сохранили в чистоте свою расу и библейскую красоту многих молодых женщин. Бухарцы, в общем, всегда относились к ним с полной терпимостью, за немногими исключениями: так, например, одеваясь по-бухарски, мужчины не могли носить чалмы или тюбетейки и носили на головах маленькие каракулевые шапочки; затем бухарцы не допускали, чтобы евреи ездили верхом на лошадях, они могли ездить только на мулах и ослах, и если какой-нибудь бухарец случайно встретил бы какого-нибудь еврея на лошади, то он непременно заставил бы его слезть. Говорили мне также, что прежде евреи не имели права опоясывать свои халаты пестрыми платками, а должны были быть опоясаны толстой веревкой, в напоминание о том, что на этой веревке он может быть всегда повешен, но это было только в прошлом. Были тоже довольно крупные поселения азиатских евреев и в других более значительных городах Туркестана, в особенности в Самарканде. Всех их называли бухарскими евреями. Занимались они, как и повсюду, главным образом торговлей и составляли зажиточный класс местного населения».

5 июня, суббота. Тридцатилетие Общества книголюбов было, если так можно сказать, отпраздновано в Летнем театре городского парка. Температура была градусов 12, продувало нещадно. Было человек сто, организованы литературные викторины, встречи с поэтами и прочее. Зал, открытый всем веяниям, продувало нещадно. Было довольно неуютно.

Начальства, ни областного, ни городского, естественно, не было. Вообще-то какое это чиновничье свинство! Они, видите ли, отдыхают-с! Я постарался что-то сказать о чтении и книге, раздал «благодарности», подарил часы Татьяне Савельевне Ручкиной, которая как бывшая комсомолка тянет и тянет на себе воз общения с интеллигенцией, возлагающей на это общение свои надежды.

Здесь возникает серьезный вопрос: раньше мы любили книгу в корешке, а сейчас нам остается ценить книгу только за само содержание. Все это очень трудно, не прочувствовав, объяснить. Ребятам дарили разные книги, которые были не востребованы в торговле, в том числе дарили много Пикуля. Прочтут ли? Господи, как я молю Бога, чтобы каждому Он дал счастье чтения. А как здесь проснуться этому чувству, когда читают бог знает что! Всё время по поверхности быта ходят какие-то самодеятельные книги, в легких переплетах, которых я очень боюсь. Раньше такого не было, раньше случайная книга выйти не могла. Здесь такое ничтожно самодеятельное содержание. Так же как боюсь и книг толстых, солидно переплетенных, с портретами авторов. Это значит, что или автор дружит с богатым спонсором, или сам достает деньги под свои графоманские упражнения. Иногда в таких книгах встречаются довольно толковые рассуждения, но, как правило, это не настоящая проза и не поэзия, а версификация или журналистика, пытающиеся спрятаться под прозу.

Описывать всё не буду, но обидно, что с такими удивительными энтузиастами, которые еще живут в Обществе книголюбов, оно бедно. Наше начальство страстно любит то, что связано лишь с быстрым показом, с тем, что обозначает культуру, но не является ею. Плясать, петь, дудеть — вот чем оно восхищается. Если стишок — то чтобы можно было его прочитать в каком-нибудь культурном обществе. Я только вчера предостерегал ребят из литературного объединения от частого употребления в произведениях слов «родина» или «Россия», от честолюбивого стремления писать стихи для ближайшего, восторженного окружения.

Татьяна Савельевна Ручкина, о которой я не сумею хорошо написать, рассказывала, как в самом начале перестройки, когда всё, что можно, пытались растащить и украсть, нападали и на Общество — хотели выселить его из помещения на центральной улице. Были организованы какие-то структуры, которым было передано чуть ли не двести домов (похоже на ту структуру, которой пытались передать дом на Поварской), и такая вот структура наступала на Общество. С ней судились год и семь месяцев — и Общество отстояло себя! В ее рассказах много

удивительного, героического, но этот героизм воспринимается только людьми моего поколения. Она все время пытается чем-то меня заинтересовать, сделать мое пребывание комфортным, пыталась даже устроить экскурсию по реке, до Жигулей и обратно, но не получилось. Мы пришли к ее книголюбам, в отделение транспортной милиции, но погода была плохая, волна, и катер выйти не смог, да и к лучшему — меня на воде всегда укачивает. Но зато поговорил с милиционерами и задал им вопрос: куда делся весь речной флот? Почему по Волге ходят только нефтеналивные суда, а раньше были и «Вихри», и «Ракеты», и «Метеоры»? Оказалось, все скуплено. Но не стоят же они, пусть и купленные, и гниют? Нет, они все вывезены за рубеж, потому что все были на дорогих алюминиевых подушках. Люди купили-продали, теперь живут богато.

Экскурсию по Волге заменили прекрасной экскурсией в музей Алексея Толстого. Ой, боюсь, напрасно мой случайный попутчик Евгений Альтшулер говорил, что в городе очень тонок пласт истории культуры. Вот, правда, не модный нынче классик, писавший о Сталине. Будто о Сталине не писали Пастернак и Ахматова. Но чего взять от Титова, у которого сгорел архив МВД и который сколачивает старые эмблемы со зданий и памятников? Взять, к примеру, то, как держатся приморцы (Владивосток) за своего Фадеева! А вот если о культуре, то с некоторым почтением и восторгом узнал, что свою Седьмую симфонию Шостакович закончил все же в Куйбышеве (Самаре), и впервые она была исполнена именно здесь силами эвакуированного оркестра Большого театра, и дирижировал ею (если я что-нибудь не напутал) Самосуд.

С трепетом, как и вообще к любому литературному музею, подхожу к музею А.Н. Толстого. Как же я забыл, что здесь прошли детские годы классика, но проезжал мимо — увидел вывеску. Теперь уже, после неудачи водной экскурсии, попросился. Татьяна Савельевна великий человек. Всех она знает, в любое место войдет. Есть порода краеведов и служителей местной культуры, которые за свой энтузиазм и бескорыстие вхожи всюду, всех знают и никто им ни в чем не отказывает. Это как бы юродивые сегодняшней жизни.

Два деревянных дома, купленных на те самые деньги, которые были выручены от хутора, где жил тот самый Никита. Два дома, в каждом по четыре-пять комнат, — это как бы стандарт для служивой интеллигенции, врачей, учителей, землемеров — квартиры. Есть невиданное ранее новшество: за каждым домом по два тоже двухэтажных и тоже деревянных, очень близко стоящих к дому флигеля. С домом флигель

соединен переходом. Это кухни, как бы отделенные от жилых апартаментов. Есть еще основная общая кухня в самом конце усадьбы.

Всё здесь невероятно интересно. Экскурсию вел директор Андрей Геннадьевич Романов, естественно, эрудит, всё по предмету помнит, всё знает, нет пятидесяти, худой, подвижный — музейный червь. Его покойная мать основала музей. Мне подарили ее книгу 82-го года издания. Здесь письма, документы. Я понимаю, почему книжка эта плохо распространялась. В истории классика есть некие семейные сложности. Мать, тоже писательница, из одного из четырех тургеневских родов, ушла к любовнику, когда будущему писателю было четыре месяца утробного развития. Потом лет пятнадцать шли разнообразные споры, чей Алексей сын. При разводе мать, писательницу, женщину, кстати, невероятного темперамента, отлучили от церкви. Может быть, Татьяна Толстая, наша обожаемая Кысь, роман которой в моих глазах уже как-то поблек, унаследовала свои неверояные пробивные и настойчивые качества от прародительницы? В качестве аргументов в разные этапы жизни Александра Леонтьевна утверждала, что сын то от одного возлюбленного, то от другого. Перипетии этой жизни увлекательны и трагичны, если внимательно смотреть экспонаты. Но не это главное.

Один из самых подлинных литературных музеев, подлинная обстановка, экспонаты, подлинный комплекс зданий. Здесь есть нравоучения: у отчима классика была воспитанница, приемная дочь, видимо, из простых. Когда в 1918 году помещиков и домовладельцев — написал ли я, что семь квартир, которые сдавались, приносили основной доход семье — экспроприировали, а дом национализировали, — то приёмная дочь по бумагам оказалась из угнетенного класса, а потому ей полагалась квартира. Выделили внизу, на первом этаже. Вот туда-то, на первый этаж, и перетащили основную мебель и документы. Потом, когда приёмная дочь навсегда уезжала в Баку, она раздала мебель по арендаторам приёмных родителей. Вот что значит порядочно и честно вести все дела. Они и сохранили. Что-то увез с собой будущий классик, когда еще до революции переезжал в Петербург. Основную часть вещей сберегла семья жившего на том же этаже врача-венеролога Гуревича. Кстати, в квартире же Гуревича был и его профессиональный кабинет. Это я к тому, что можно было наблюдать людей.

А.Н. Толстой говорил, что если бы он не жил в Самарском Заволжье, то многое, и в частности «Петр Первый», не было бы написано. Да, типы, судя по всему, здесь проходили и

встречались отменные.

Деталь: когда в 1934 году у Толстого был инфаркт, ему запретили «серьезную» работу. Он сделал не вполне серьезную — переложил сказку про итальянского Пиноккио в нашего Буратино («Золотой ключик»). Какое понимание задач и тона детской литературы у барина и сибарита! Есть фотографии его дачи, уже в советское время, в Царском Селе под Ленинградом.

Музей — в бедственном положении, находится на городском бюджете. В таком же бедственном положении, как и Общество книголюбов.

Продолжаю читать Васильчикова. Такое чтение, конечно, расширяет представление об истории и мире, но и рождает очень интересные мысли. А изменилось ли что-нибудь за последние сто лет в нашем отечестве?

«…о порядках, существующих в Бухаре. Когда отец теперешнего эмира, после поражения его войск под Ходжентом и Самаркандом, подчинился без дальнейшего сопротивления русской власти, то с ним был заключен мирный договор, по которому за ним было оставлено полное внутреннее самоуправление. Потребовано было только разоружение его войск, отмена рабства и отпущение на свободу всех рабов, а также отказ от всяких внешних сношений с соседями и другими государствами, за этим и следил состоящий при нем наш дипломатический агент.

…При этой системе, напоминающей бывший в допетровской России порядок назначения воевод в разные города и области «на кормление», население беспощадно обиралось. Народные судьи, назначаемые теми же беками, выносили приговоры всегда в пользу той стороны, кто больше заплатит. Немудрено, что ежегодно много бухарцев бежало из пределов ханства в пределы Туркестанского генерал-губернаторства, порядки в котором, по сравнению с бухарскими, им казались райскими; к сожаленью, по просьбе эмира, многие эти перебежчики ловились и водворялись обратно. Узнавая все это, я все более убеждался, что так продолжаться не должно, и русской власти необходимо настоять на многих существенных реформах в Бухарском ханстве, как-никак состоящем под русским протекторатом». Хорошо была воспитана наша элита, чиновник, думающий об отечестве.

6 июня, воскресенье. Утром посибаритствовал, поработал над Дневником, полюбовался на Волгу, сдал номер и на машине перевез свои вещи, чтобы не тратиться, оставаясь после расчетного счета в гостинице, в Общество книголюбов. Встретил меня там Юрий, местный замечательный энтузиаст, певец и пропагандист музыки. Есть люди, которые не желают изменять

прошлому и хотят по-прежнему оставаться в кругу своих интересов. Юрий устраивает небольшие тематические концерты, его в городе любят, он также всех знает и в Москве, и у себя в Самаре.

С ним вместе мы пошли к когда-то знаменитому драматическому театру. Театр выстроен из красного кирпича на крутояре, над Волгой. За театром — сквер с добротным памятником Пушкину. Автора не знаю, но что-то по почерку похоже на руку Балашовой. Вечерами здесь пьют пиво, сидят на парапете, с высоты глядят на Волгу, по которой скользят редкие пароходики, покуривают, матерятся, обнимаются… Местная молодежь. А сегодня утром — Пушкинский праздник поэзии. Здесь сегодня, как у памятника Маяковскому в Москве, читают в основном самодеятельные поэты. По-моему, профессионалы, которых в Самаре очень немного, я-то помню лишь Семчева и Диану Кан, этот праздник игнорируют. Стихи или заумные, или очень бесхитростные. Но длится это все волнами целый день, и это очень хорошо. Я бы тоже стоял и слушал все это чтение целый день. Есть сегодняшняя замена — «пляски с топотом и свистом под ругань пьяных мужиков».

В поезде дочитал мемуары Васильчикова. Цитат здесь у меня немного, но тем не менее масса интересного: атмосфера революции, тогдашнее устройство государства и поразительные страницы о выборах патриарха Тихона. Это для меня совершенно новая форма, если хотите, демократии, и более глубокая. Эту тему я мог бы долго развивать.

«По древнему византийскому обычаю записки с именами трех кандидатов клались в ковчег на алтарь храма Св. Софии в Константинополе и в конце торжественного богослужения в алтарь вводился мальчик младенческого возраста, который и вынимал одну из трех записок. Тот, имя которого было написано на вынутой записке, и провозглашался патриархом.

Когда этот порядок был оглашен на Соборе, то из среды членов Собора раздались голоса: «Зачем нам мальчик, когда среди нас есть святой человек. Его надо просить вынуть записку». Так и было решено. Записку просили вынуть схимонаха о. Алексия».

7 июня, понедельник. Приехал в Москву рано утром. Встретил Толик. День рождения Нади Годенко. Сережа Толкачев получил диплом профессора. Был Валерий Демьянков. Лев Иванович не собрал кафедру, как я просил его еще в четверг. Скучно ему работать. Разговаривал по телефону с Ю.И. Бундиным. Разговаривал с Машей Зоркой и по этому разговору понял, что мое семидесятилетие часть институтской публики

прокачала и готовит. Как мне всерьез хочется уйти из ректоров, посмотреть, как без меня институт будет управляться, кто со мной не будет здороваться. Как со мною будут разговаривать Надежда Васильевна и Зоя Михайловна. Как интересно заглянуть в будущее.

Открыл наконец-то «НГ», которую не видел в пятницу. Вот что напечатали.

Телезрители о лучших (1) и худших (2) программах, показанных с 26 мая по 2 июня, а также о самой заметной телеперсоне (3)

Сергей Есин, писатель, ректор Литинститута

1. Невероятная история о краже произведений искусств из крупнейших музеев и библиотек страны, рассказанная в «Моменте истины» Караулова. Одним из заинтересованных рассказчиков был знаменитый депутат Совета народных депутатов Юрий Болдырев. Но зачем же он 15 лет назад, в 1989-м, требовал отмены шестой статьи? Вот с хранением искусства и не получилось… Самая выразительная передача — «Человек и закон» с Алексеем Пимановым. Надо обладать бесстрашием бультерьера, чтобы так вцепиться в ДПС, которая поработила и обложила всю страну постыдным мытом.

2. «Розыгрыш» (Первый канал). И такая туфта повторится, как обещает кокетливый ведущий, в следующем сезоне?

8 июня, вторник. В три часа встретились с Ю.И. Бундиным. Он ушел на работу в министерство культуры, где будет заведовать одним из департаментов. В принципе это хороший знак. Не знаю, как на самом большом верху, но в верхнем слое, значит, расставляют людей, о которых твердо известно, что они чужого не возьмут, их невозможно сознательно обмануть. Ю.И. рассказал, что большая часть министерства ушла в агентство по делам культуры, не желая расставаться со Швыдким. Это понятно, Соколов для этих людей — фигура грозная.

Ю.И. обещал мне показать свой кабинет в администрации, а мне это было очень интересно: ну, вот, значит, я опять в основном здании бывшего ЦК КПСС. Внешне здесь мало что изменилось: те же двери с той же иерархией табличек на дверях, в кабинетах те же знаменитые лампы, та же затейливая шахматка телефонов. В кабинете Ю.И. уже кто-то сидит, чем занимается, не знаю, да и не интересуюсь. Практически я не знал, чем Ю.И. занимался, я познакомился с ним в РАО, когда он в качестве представителя администрации приехал на одно из заседаний Авторского совета, милый, обходительный, много знающий человек.

Кабинет Ю.И. отчасти похож на мой. Картины, разные сувениры, то, что не всегда поймет посторонний, но что дорого и

важно для хозяина. Ценность вещей здесь особая, ее знает только владелец кабинета. Самый интересный и редчайший экспонат здесь — фотография В.В.Путина, невероятно молодого, «он только что пришел на работу в органы». Удивительные, совершенно прозрачные глаза. Взгляд запомнился, такой же напряженный взгляд был и у Б. Пастернака. Тут же Ю.И. показал мне письма, которые пишут в министерство и инстанции разные люди, что-то сочиняющие, требующие внимания, а иногда, наверное, и поддержки издательств или газет. Теперь пишут в министерства, но они вообще безвластны, потому что все замыкается на рынок, на доход, на прибыль, на деньги. Особенно тяжело, когда мы имеем дело с больными людьми, которым ничего нельзя объяснить и с которыми нельзя вступать в переписку, ибо тогда уж точно не отстанут. Я попытался дать несколько советов, но это очень трудно. В подобной переписке все решает интонация, стиль, в конце концов, личность человека, который готовит письмо и должен еще помнить, от лица кого он пишет. Это практически дело писательское и очень трудное, причем здесь нужен писатель, если отвечать по-настоящему, довольно серьезного уровня. А где такого найдешь?

Проводил Ю.И. до министерства, шли закоулками за бывшим министерством промышленности. Как же все изменилось! Рестораны, цветы, фонари и пластиковые дорожки возле входов. Мне бы так хотелось принять этот знак жизни за ее сущность, за саму жизнь. Но если бы я меньше ездил, если бы никого не слышал, если бы не видел разрушенных заводов, не слышал о проданных на металлолом кораблей…

Возвращался на метро, и во дворе института опять старая, не желающая угомониться знакомая, — Мамаенко. Во взоре удивительная, упорная и победительная наглость. Все те же проблемы, она не хочет уезжать из Москвы, она настаивает, она требует. Не буду передавать весь разговор, но только вдруг я с такой силой заорал на нее, что и она испугалась. Вот так, я-то ведь хорошо знаю, что такое самоспровоцированная истерика, как ее вызвать и как ее прекратить.

9 июня, среда. Много сил отнимают так называемые «талантливые» студенты. Обычно это провинциалы, привыкшие блистать у себя по школам и кружкам и усвоившие от своих руководителей или из романтических книг некий особый богемный стиль поведения. Главный компонент этой богемы: пьянка и наглость, замешенная на природной нервности или истеричности. Утром, увидев во дворе как ни в чем не бывало воркующую Надежду Мамаенко, я сразу позвонил С.И. Как мы с ним и условливались, он через Буштакова передавал мое решение

в случае необходимости оплатить Надежде проезд на родину. Оказывается, она сделала ему ручкой: не поеду, а поеду, как хотела — купила билет на 29-е. Я могу ее понять — не хочет возвращаться, но и в общежитии оставить жить не могу, я не представляю, на что она способна. Тем более что она все время размахивает справкой о своей психической болезни. Кажется, мать у нее врач, а значит, нужными документами девочка будет снабжена.

В три часа началась защита дипломов. Было двое студентов Инны Люциановны, трое А.И. Приставкина и один мой — Володя Кузнецов, который представил, как мне кажется, прекрасный диплом. Мой Кузнецов был, конечно, самый сильный, хотя и трудный для восприятия. Он слишком умен, в нем сидит глубокий и непоказной моральный стержень, именно это не позволяет ему украшать свою прозу, беллетризировать ее и делать «художественной». Есть женщины, которые от рождения уверены в себе и не пользуются косметикой.

Интересной была еще девочка у Приставкина, которая пишет сказки. Что же касается остальных дипломных работ, они были слабоваты, попадались вещи, которые убеждали меня в том, что некоторые руководители, в частности, Инна и А.П., дипломные работы читали невнимательно. При их опытности, они, конечно, эти ляпы бы заметили. На защите, как всегда, не было Смирнова, он ограничился тем, что прислал отзыв. Очень интересно и полно говорил о Кузнецове Толкачев. Он стал раскованнее и увереннее. Молодец, литературу стал воспринимать как очень личное и подчиненное не только разуму дело. Писал ли я о том, что он получил диплом профессора? Благодаря тому, что они шли в паре с М.В. Ивановой, присуждение прошло довольно быстро. Приставкин писал довольно длинные представления, точные, но без единого всплеска. В своей обычной раскованной полуодесской манере выступила Инна Люциановна, это было мило, живо, но время иное, это уже почти не проходит. Ее публичная радость от того, что она видит своего старого друга Приставкина и других членов комиссии, на фоне слабых работ ее студентов выглядела смешной и довольно нелепой. Ее жалко: после смерти мужа, она, конечно, в жутком состоянии.

В конце защиты, просматривая работы, я выписал из всех список заголовков и опять удивился: куда же смотрят наши руководители семинаров?

Вечером уехал на дачу ставить нагревательный котел. Заканчивается второй день моей голодовки. В пятницу предстоит завтрак с китайцами, во время которого я не смогу ничего съесть. Какая мука, и я ее предвкушаю.

10 июня, четверг. Еще с вечера уехал на дачу. Надо все же смонтировать ранее купленный бойлер. Я последнее время все думаю, что раз я чего-то хотел и наконец-то получилось, то надо успеть воспользоваться. У меня-то ожидать времени нет. Взял с собой нашего слесаря Сергея, отпросив его накануне у В.Е. Матвеева. Когда возвращались домой, дал ему 500 рублей. Он только что отправил жену с дочкой во Владимир на лето и сидит, видимо, без денег. Весь день и вечер накануне готовил ему и жарил котлеты, с удовольствием вдыхая ароматный дух. Сам же я пил чай и какую-то гадость, которую надо есть еще завтра. Но суставы у меня, кажется, трещат меньше. Пока Сережа в подвале монтировал трубы из стеклокерамики, я полол теплицу, выгребал из ведра говно, занимался Дневником. Как всегда, у меня с собою компьютер.

Вечером по ТВ смотрел передачу-рассказ Суламифь Мессерер, когда-то знаменитой балерины Большого театра. В том числе она рассказывала и о годах репрессий. Ее рассказ действует значительно сильнее, чем многочисленные и огромные, специально снятые на эту тему передачи. Пожалуй, от ее, между делом, рассказа о репрессиях мне впервые стало глубоко и по-настоящему страшно.

11 июня, пятница. Такой огромный и насыщенный день, что даже не берусь его как следует описать. Получится, наверное, лишь схема. Приехал на работу рано, собрал книжки для китайцев. Когда я был в Пекине, то вроде бы мы договорились с заместителем министра печати об издании серии «Проза писателей Литературного института». Знаю заранее, что из этого ничего не получится, но все же собираю, готовлю сопроводительную записку. Сегодня китайцы, их делегация во главе с тем же самым замом приезжает в РАО. Я знаю, как книги обременяют, но тем не менее несу. Будет наш знакомый переводчик Хунбо. Ему я еще покупаю хорошую водку «Русский стандарт» в коробке. До приезда китайцев я разговариваю с Верой Владимировной, главным бухгалтером, и с Андреем Викторовичем. Наши дела, оказывается, не так плохи. Первый канал уже готов платить РАО деньги. Они перестали платить деньги авторов РАО по указанию бывшего министра Лесина. Теперь будут долго и, наверное, безуспешно, возвращать полученные конкурирующим с РОАПом деньги. Мы твердо решили ничего не прощать. Попутно выясняется, что Макаревич уже вышел из состава учредителей новой, видимо, все же созданной по инициативе Матецкого и Григорьева, организации. Может быть, Андрея туда просто заманили, но этот повар из «Смака» производит впечатление бессребреника.

На встречу с китайцами я привел нашего профессора Дмитрия Николаевича Воскресенского. Он с замминистра почти одного возраста. Встретились, поговорили. Китайцев пятеро или шестеро, троих я знаю. На них произвела впечатление беглая речь Воскресенского. К сожалению, я не смог (а очень бы хотелось) с ними ни позавтракать, ни пообедать. Причины две: я на четвертом, последнем дне голодовки, а потом в два часа президиум комиссии, затем и комиссия по премиям Москвы. Вечером я также уже заранее обещал Виктору Адольфовичу Вольскому, моему коллеге по РАО, пойти в театр Покровского на оперу Гайдна «Юлий Цезарь и Клеопатра». От этого я не мог отказаться, потому что давно мечтал попасть.

Президиум проходил по-деловому и начался с вопроса Володи Орлова относительно представленного на премию по разделу архитектуры «за проектирование и строительство спортивно-оздоровительного теннисного центра «Olimpic star» на Рублевском шоссе»: а можно ли будет простому человеку в этот комплекс попасть и кто его заказчик? Здесь довольно много и по-деловому говорили. В том числе интересно говорил и сам С.Худяков о том, как деньги расширяют и уровень проектирования, и уровень исполнения. Я привел, правда, пример, что, заказывая Версаль, Людовик XIV был не виноват, что сделал Леблона великим. И есть еще довод: рано или поздно все, в том числе и Версаль, и Эрмитаж, становятся достоянием народа, их начинают вовсю посещать. Но довод мой был объективистским и по существу жалким. Слово «теннис» и адрес «Рублевское шоссе» вызывают в нашем народе ненависть. Я с удовлетворением заметил, что понятие «социальный вектор» для многих присутствующих не является лишь словами.

А потом уже всерьез схватились в разделе изобразительного искусства. Спокойно прошел художник В.Г. Максимов за спектакль «Отравленная туника». Я спектакль этот видел прежде. Совершенно спокойно прошел В.Г.Серебровский за оформление последних мхатовских спектаклей. Похоже, что я и предложил МХАТу Т.В. Дорониной его выдвинуть. Собственно, в Москве Серебровский один из немногих, кто держит живописное пространство русской сцены, русского реалистического театра с его просторными, почти иллюзорными декорациями. Жизнь и простор. Я тут же заметил, что, к сожалению, не представлена станковая живопись. А потом разгорелся скандал.

Я-то, как всегда, ничего не помню или не знаю. В прошлом году шел разговор о памятнике Шолом-Алейхему, который установлен у нас на Бронной и который я все старался понять и полюбить, потому что с детства люблю этого писателя, живого,

веселого, люблю его мальчика Мотла и пр., однако памятник в виде колонны, с впаянными в нее персонажами и ситуациями писателя, не производил на меня впечатления. В этих случаях я обычно говорю себе, что ничего не понимаю. Но оказалось, что далеко не все такие скромняги. Нынче Юрий Львович Чернов, в принципе очень неплохой скульптор, претендует на премию «за создание мемориальных досок для города Москвы». Крепко и по существу, и по форме. Человек Юрий Львович боевой и настойчивый и к старости сохранил это свое комсомольское свойство. Стали на президиуме копать, какие это доски: Шпаликову и Шостаковичу. Выяснилось, что даже специалисты не считают их большими удачами.

Потом, единодушно проголосовав отложить этот вопрос до создания Черновым чего-либо более значительного и, завершив все остальные дела, президиум, плавно перейдя из представительских комнат комитета по культуре в конференц-зал, вдруг столкнулся с тем же вопросом. Видимо, очень настойчивый Чернов обзвонил всех членов своей секции накануне, и теперь они не знают, чем перед ним будут оправдываться. Но это мои домыслы. Перепалка вышла довольно существенная. После голосования ее очень умно и тактично прекратил Володя Андреев. Я даже этого и не ожидал от него, видимо, в подобных перепалках он неоднократно бывал, но сколько такта и точности!

В литературе, как и предполагалось, получили премию Игорь Волгин за работы по Достоевскому и Юрий Поляков, не потому, что ему исполняется 50, а потому что пишет о москвичах и давно этого заслужил. Я не очень уверен в премии за искусствоведческие работы, они плоховато, на своем кургузом жаргоне, написаны. В компании с этими искусствоведками получила еще премию и Инна Вишневская. На комиссии была Ирина Константиновна Архипова. Она прекрасно выглядит, величественная, хорошо одета. Но у нее плохо с ногами, Паша Слободкин ее еле привел. К сожалению, будучи занятым разговором с С.И.Худяковым, где я выполнял поручение Аллы М., я не сумел ее проводить. Кстати, как замечательно вечером Виктор Вольский говорил о ней. Архипова всегда готова помочь любому человеку. Это целый рассказ, как она добывала деньги во время постановки в Большом театре «Золота Рейна».

Теперь несколько слов о постановке «Юлия Цезаря и Клеопатры». Совершенно иной театр и абсолютно новый Гайдн. Поют на итальянском языке, видимо, как и было написано. Над сценой бегущей строкой переводится каждый эпизод и каждая ария. Такое ощущение от музыки и пения, что слушаешь целый

ряд еще не родившихся мелодий сегодняшней музыки и опер прошлого века. Почему-то вся эта музыка очень понятна, другими словами, в ней нет ни капли снобизма и самолюбования, впрочем, как и в спектакле. Всем понятно содержание и каждый сюжетный ход. Как-то по-особенному, все это очень современно. Условное искусство стало вдруг близким и доступным даже больше, чем современная опера. Может быть, потому, что с малыми средствами? О самой постановке говорить не приходится: пурпурное тавро почти девяностолетнего Покровского всегда гарантирует качество.

Виктор Адольфович с большим пиететом говорил о нем перед началом спектакля. Этот тихий человек с ровным голосом — кладезь знаний и сведений о театре. Большинство этих сведений прожиты и получены из первых рук. Кстати, в разговоре я сказал, что видел по ТВ Суламифь Мессерер и считаю эту передачу, как и личность самой рассказчицы, гениальной. В.А. только сказал, что ее отъезд из страны в Японию был не случаен. Здесь есть какие-то сведения, идущие от Владимира Васильева. Мои расспросы ни к чему не привели. Нем как рыба, на этот счет у художника жесткие принципы. Декорации к спектаклю и костюмы, которые делал брат В. А., превосходны — здесь совмещена подлинность искусства и его сегодняшние задачи. Крошечное пространство театра используется полностью. На заднике игра треугольников. Это и отношения Цезаря, Клеопатры и Антония, и политика, эти треугольники сходятся, расходятся. Один раз они расположились в такой последовательности, что все увидели знаменитые пирамиды. В искусстве я больше всего ценю гениальную простоту.

Теперь о самом крупном событии дня, где я проявил мужество и выдержку. В промежуток между встречей в РАО и началом совещания в московском комитете по культуре мне позвонил Сергей Владимирович Михалков. Звонка я не ожидал, но ситуация мне известна. Это власть Арс. Ларионова над имуществом МСПС и в какой-то мере над самим Михалковым. Я знаю и догматическую и очень сильную логику Арсения, у него всегда, как говорил Ленин, кругло. С.В. не под влиянием, видимо, общественности, хотя выселение редакции «Дружбы народов» и «Союза» Риммы Казаковой здесь сыграли свою роль; выселение было, скорее всего, вполне законное, но некорректное в глазах либеральной общественности. Теперь Арсений — это я так реконструирую дело, судя по высказываниям Сергея Владимировича, — через какую-то посредническую организацию собирается выселить своих главных арендаторов, т. е. ресторан. Но здесь он наткнулся на очень сплоченное единство армян. Ресторан принадлежит армянам, это чуть ли не главная точка их

доходов. По этому поводу С.В. завалили письмами и звонками. Об одном он сказал: то ли от католикоса, то ли от кого-то из окружения католикоса. Есть и еще одна опасность: Арсений может собрать съезд, «он их покормит, угостит, они его и выберут». С.В. как человека опытного смущает и то, что Арсений подписал договор с какой-то женщиной, представляющей некую фирму, с женщиной, судя по разговору, ему близкой, и теперь деньги в МСПС могут не прийти. Пишу я об этом скучно и длинно, хотя мне не интересно. Но, повторяю, я Арсения знаю.

Чего хотел бы С. В.? У него составлено некое письмо, за подписью влиятельнейших лиц исполкома, прочтя которое и увидев, что лишился поддержки, Арсений уйдет. Все дело здесь в подписях. Для всех важна и моя подпись. В этом случае все может закончиться исполкомом, внутренними перестановками и «до прессы не дойдет». Если исполком останется без этого письма, то пресса, шум, скандал.

Выслушав это, я сказал, что на исполкоме я поддержу С.В. и его союзников, но писем подписывать не стану. Я уверен даже в определенной, как и всегда, игре и интриге Арсения. Но он друг моей юности. Не буду. Но неужели, столько лет потратив на то, чтобы пройти в литературу, Арсений сделал ставку на деньги?

С.В. ответил мне, что он уважает мою позицию.

В пятницу же «Независимая газета» напечатала телерейтинг. Выписал, естественно, свое мнение.

1. О хороших передачах я не писал.

2-3. Постыдная, «улыбчивая критика» Парфенова г-ном Жванецким в передаче Андрея Максимова («Ночной полет», «Культура»). Это похоже на критику Швыдкого его соратниками, в частности Починком. Если бы в самой лучшей телепередаче — в «КВН» — сменить жюри… Как же эти престарелые и прожженные джентльмены проигрывают на фоне вдохновенных и свежих лиц участвующих в передаче молодых людей! (Первый канал).

Как никогда, я дорожу этой строчкой. Какое счастье писать то, что думаешь.

В пятницу же «Труд» напечатал пожелания знаменитых болельщиков сборной России накануне матча с Испанией. Вот мое напутствие, хотя я вообще не болельщик и дал по телефону только тогда, когда мне рассказали, в чем дело:

«Сергей Есин, писатель:

Надеюсь, что текст нашей игры окажется красивым. На фоне красивой игры появится и самоотверженность. А на фоне самоотверженности должна присутствовать любовь к болельщикам. Тогда придут и победы».

15 июня, вторник. Сейчас напишу отчет за несколько дней,

которые я пропустил. Все эти «пропуски» — 11,12,13 июня — просидел на даче. Конечно, как всегда, немного занимался огородом, садом, но в основном читал пьесы, которые прислали на рецензию из экспертного совета. Занимался Дневником, а также написал еще один эпизод в роман. Все-таки у меня есть ощущение, что я роман напишу, закончу и доточу, я даже верю в его успех.

На дачу впервые за последние полтора года приехала В.С. Как всегда, она решила испытать свои силы и не заставила меня ждать ее в субботу, а сама приехала вечером на электричке, а я встречал её уже с машиной на станции. В ее состоянии это, конечно, героизм, практически она взяла еще одну высоту в своем упорстве и еще раз доказала свое удивительное мужество.

Ни один Дневник, конечно, полным быть не может. Я со своим Дневником в последнее время стал немного буксовать. Это связано с отсутствием сопротивления и внутренней и внешней борьбы. У меня такое ощущение, что я примирился и с этой жизнью, и со своим собственным положением. Но душа требует обострения. Единственное, на что я сейчас по-человечески, для развития собственного характера, могу надеяться — это на уход с ректорского поста. Я предвкушаю мгновенное изменение в отношении ко мне окружающих: кто-то перестанет здороваться, кто-то, наконец, посмотрит с ненавистью… Как это всё интересно! Зеркало недаром изобретено человечеством, но надо иногда вглядываться в зеркало собственных поступков, познавать себя по чужим лицам и чужим взглядам. Многое я не могу писать в Дневнике, а главное — о внутренней жизни: она у меня мелка и недостаточно выражена. Но ведь были же и юношеские озарения и высокие переживания! Куда-то всё это уходит, а текущая и прожитая жизнь заслоняет всё: и стремление к Вечности, стремление к Богу, и жажду заглянуть в открытое жерло могилы.

Не могу не сказать о целом ряде случившихся событий. Недавно Светлана Лакшина прислала мне три тома сочинений покойного Владимира Яковлевича. Я представляю, какая бездна интересного ожидает меня, сколько тонких соображений, замечаний! Но если бы можно было всё это перечесть! К моему удивлению, в самом конце, в разделе «Вместо предисловия» я увидел свое имя, рядом с пятью-шестью другими именами. Это было устное выступление на одном из Лакшинских чтений в ЦДРИ — такой свободный экспромт, в котором аккуратно поместились и две-три заготовочки.

Не успел посмотреть передачу, которую делал Третьяков, услышал ее уже в Москве, записанную на магнитную плёнку. И как во время записи не понимал две трети из того, что говорили

мои партнеры (потому что говорили они на каком-то своеобразном, по-своему научном языке, как бы перебрасывались цитатами), так и сейчас понял лишь слегка, как мелодию, догадавшись о смысле сказанного скорее по вибрации голосов. Я единственный из них говорил по-русски, недаром потом один из партнеров заметил: вот, дескать, Сергей Николаевич, хоть и говорит, что не владеет научным словом, но тем не менее в своем косноязычии открывает нечто провидческое. Я высказал лишь две мысли: первая — все национальные распри кончаются тогда, когда возникает политическое и экономическое благополучие титульной нации; вторая — о соотношении верховной власти (т. е. Путина) с политической элитой крупного капитала и обнищавшим народом. Все это разные течения, идущие в различных направлениях. Но взаимодействие разных слоев может привести к тому, что гидрологи называют гидроударом.

Теперь, собственно, перехожу к сегодняшнему, довольно тяжелому дню. Приехал рано, к половине десятого, сделал массу мелких дел, в том числе поговорил опять с Мамаенко, убедив ее, что ей надо уезжать, нашел деньги. В два часа поехал на экспертный совет. На этот раз что-то в совете изменилось. Все стали требовательнее, нет уже оголтелого желания либерально-театральной новизны. Мы проголосовали лишь за один проект, который я же и рецензировал: за пьесу Вл. Леванова из Тольятти «Воздушный шар братьев Монгольфье». Утром же до совета продиктовал Е.Я. рецензию на нее, так что повторяться не буду. На фоне других предложений эта работа достаточно человечная и ясная.

В шесть часов начали запись передачи по «Культуре», которую ведет Ал. Архангельский. В партнеры мне достался Ясен Николаевич Засурский. Передача приурочена к началу экзаменов в вузы. Говорили о гуманитарном образовании, о запущенности подготовки школьников. Я.Н. хвалил университет, я — Литературный институт и ни в чем старому профессору не спустил, в том числе и то, когда он похвалился своими многочисленными учениками, работающими на центральном телевидении. Тут же я заметил, что теперь буду знать, кто так неграмотно с экрана говорит. Архангельский был вполне лоялен, он даже вспомнил мой старый, еще из юности, рассказ «При свете маленького прожектора», когда-то культовый, но кто из современной молодежи его знает? Вот так скоро уйдет последний читатель, знавший ту литературу, и …

16 июня, среда. Еще в воскресенье вечером, видимо, как-то не так согнулся, а может быть, старость — радикулит разбил меня. Я не могу даже надеть на себя носки, но была назначена встреча с

архитектором Еленой Мальчевской по поводу ремонта ограды, и надо было ехать на работу. На встрече был еще представитель фирмы, которая готова сделать нам ограду за три, немыслимых для нас, миллиона. Вскрылись неожиданные подробности — оказывается, реставрацию эту можно сделать частями, а это меняет дело, так как при начатой работе всегда можно попросить деньги и в минкультуры, и у мэра. Видимо, будем проводить новый тендер и базироваться на фирму, предложенную Мальчевской, во всяком случае за те же деньги мы получим качество. Так экономически опасно стало жить!

Писал рецензии на работы студентов, разговаривал с Вишневской, продиктовал Е.Я. предисловие к возобновляемому альманаху «Библиофил». Да, что-то возвращается. Может быть, действительно, жить становится легче.

Долго раздумывал: идти или не идти на объявление результатов конкурса «Российский сюжет — июнь 2004 г.»? Скорее — нет, потому что разбил радикулит, у меня дела, кончается учебный год, грядет кинофестиваль, надо писать роман, делать прививку собаке, красить дачу и проч. и проч. Но главное — навалилась усталость собачья… Но, с другой стороны, я уже давно заметил, что жизнь очень резко меняется, в смысле уровней. Это я по-прежнему думаю, что живу роскошно — трехкомнатная квартира с ложно-старой мебелью карельской березы и огромной библиотекой и т. д. А на самом деле (я сужу по кино и по своим соседям) люди на джипах ездят утром на час играть в большой теннис, прогуливаются с таксами; тем, кто живет в подмосковных коттеджах, по утрам подают для верховой прогулки лошадей, зимой эти люди ездят на снегоходах, выходят на яхтах на Средиземное море, скупили там роскошные виллы. Это я не потому, что завидую: свою судьбу я не променяю ни на какую, потому что считаю свою жизнь сложившейся фантастически и феерически, редко у кого она так складывается, особенно если иметь в виду тот низший социальный слой, из которого я вышел. Но ведь мне, писателю, надо знать и ту, другую жизнь, и если я этой другой жизнью не живу, то хотя бы должен иметь ее в виду. Поэтому я собрался идти на тусовку, проводимую в «Палас-отеле» в зале с символическим для меня названием — «Ломоносов». Помню, как на Франкфуртской книжной ярмарке я участвовал в презентации этой программы, тогда было нас трое, может — пятеро. Я, Таня Набатникова, и вместе мы поддерживали Георгия Урушадзе, очень он был милый и веселый. Еще было одно соображение: ведь кормить должны были по высшему разряду, а я обжора, к тому же исхудавший. Поэтому и начну с еды.

Что касается зала «Ломоносов», то это обычная, скучаная, современная с претенциозностью архитектура. Презентация происходила там же, где кормили, только отодвинули к стене стулья и раскрыли горячие мормиты. Были совершенно великолепные салаты с креветками и всяким иным морским гадом, салаты с тунцом, которые очень люблю. Все мясо пропускаю, да и рыбу, красную и белую, тоже. Мне недавно попалась памятка врача-диетолога: он разрешает эту еду раз в году, на Новый год, включая и селедку. Тут же была вареная красная рыба в зеленом соусе, но главное — была курица в ананасах. В самом конце я, не утерпев, прошелся еще по тортам и салатам. Я знаю: критики, которым попадаются мои Дневники, всегда меня ругают за страницы, посвященные еде, но в наше время — это форма приобщения бедной интеллигенции к жизни и столу богатых. В свое время царь тоже кормил тьму народу. Теперь кормило всех — НТВ, так как весь этот русский сюжет был сделан по его инициативе. Задача была найти какие-то новые сюжеты, другие, нежели с поднадоевшими уже убийцами, бандитами, с примелькавшимися сексуальными ляжками плохих актрис, — это все старые фокусы, это попытка найти идеологию вне социального. Но так ее не найти, еще Белинский писал, что такие вещи нельзя назвать внесоциальными, он считал это самой социальной основой литературы.

Итак, были такие номинации (я по сути, а не так, как они назывались — «серебряный квадрат», «серебряный круг» и т. д.). Любовно-романтический сюжет; любовная мелодрама; психологический сюжет, психологическая драма; детективный сюжет, приключенческий и военный детектив; героико-приключенческий сюжет и военные приключения; события в «горячих точках». И экономический сюжет. И политический триллер. Было еще пять дополнительных премий. Объявили совет экспертов во главе с Мих. Бутовым, автором скучнейшего букеровского романа; объявили жюри во главе с Александром Калягиным. Судя по тому, что туда вошли люди, причастные только кино, можно было предугадать внутренний ход развития конкурса: Дондурей, Квирикадзе, Юрий Коротков (сценарист, писатель, режиссер). Вёл программу какой-то парень и актриса Амалия Мордвинова, которая стала Гольданской. Вела она себя довольно развязно. Церемония проходила на новейший манер, с длинноногими девушками и вскрываемыми конвертами. Называть победителей, пожалуй, не стану, но их было много, много также провинциалов, и молодых, и очень «припожилённых». Кто-то из лауреатов замечательно сказал — и в этом, собственно, смысл всего: их, людей из народа, к публике

вытащили практически за уши. Конкурс действительно был большой, чуть ли не 8 тысяч рукописей. Среди лауреатов — два наших выпускника: Толя Курчаткин со своим романом, печатающимся в «Знамени», и еще один парень, окончивший институт вместе с Таней Набатниковой. У Толи теперь точно хватит на очки. Слава Богу, ведь это все-таки 10 тысяч долларов. Там же узнал и об оплате экспертов: один доллар за печатный лист — работа, на которой не разбогатеешь. Это я все к тому, что жизнь меняется. И очень важно от нее не отстать.

Теперь самые последние события. Постоянно идут взрывы в Багдаде. Насколько я понимаю, борьба идет против ставленников американцев, но это, естественно, рикошетит и по своим. Уже прошла волна демонстраций по поводу льгот для пенсионеров и инвалидов, которые, по сути, у них отнимают.

Последнее, маленькое наблюдение несколько недель назад, когда ехал на работу: горит одно из зданий на Крымском валу. Несколько дней я думаю о том, что пожар этот, видимо, был не случаен, ведь здание не реставрируют, а над ним делают надстройку в целый этаж.

17 июня, четверг. Утром, еще дома, прочел рассказ нашего студента Олега Зоберна «Тихий Иерихон». Хотел бы я написать такой рассказ. Это рассказ-метафора о некоем горнисте, который над пионерским лагерем играет побудку. А дальше всё начинает меняться, все начинает стареть, отодвигаться к прошлому. Вот герой уже пожилой человек, вот проходит его жизнь, и он уходит туда, куда уходят все советские люди, — в смерть, в прошлое. И я не могу понять: с сочувствием ли написан этот рассказ, очень ёмкий и значительный, или без сочувствия? Возможно, он подчеркивает, что та эпоха действительно закончилась. Написано и придумано здорово. Возможно, здесь есть то же уклончивое лукавство, что в свое время было в знаменитом рассказе Маргариты Шараповой о коммунисте.

В институте — текущие проблемы, хозяйство, заботы о новом учебном годе, т. е. о финансировании, о том, как заселить общежитие. Попутно — день рождения у Алексея Антонова, застолье с продуктами из магазина «Метро». Глядя на Алексея Антонова и Сергея Казначеева, я думаю о том, что эти ребята взяли слишком большую паузу. Люди очень талантливые, но почему-то не движутся вперед. Потом мои раздумья, ехать или не ехать на юбилей издательства «Порог», которое издает книжки Потёмкина и, конечно, принадлежит ему. Все-таки поехал. Меня купило название легендарного дачного места Жаворонки на Рублевском шоссе. Со мной так часто бывает: я еду не из собственного любопытства, а из любопытства в связи с

Дневником.

Издательство это получило какие-то премии, едут туда на юбилей десять человек. Из знакомых: Алексей Бархатов, Костя Кедров, которого мы все торжественно называем «номинантом на Нобеля», хотя знаем, что этих номинантов бывает до полутораста. Ему это звание очень нравится. Еще Гачев со своей великой женой Светланой Семеновой; какие-то милые женщины из Дома литераторов, вроде бы организующие ближайшую презентацию новой книги Потемкина. С нами также одна дама из Калининградского фонда культуры, помнящая меня по давней, в начале перестройки, поездке в Калининград с журналом «Октябрь». Мы с ней немного поговорили о музее Канта, о тех энтузиастах, которые в свое время его создавали. Еще была одна женщина, занимающаяся сербскими проблемами.

Дорогу не описываю. Сам этот маленький праздник состоялся в загородном доме Потемкина. Мы с ним почти в одно время работали в «Комсомольской правде», а это своеобразное братство. Для меня вся обстановка была безумно интересной. Ибо еще одна информация — как теперь живут люди и как смертельно я от такой жизни отстал. Чуть позже я этот интерьер и этот пейзаж, видимо, опишу. Но вот адрес: та самая знаменитая Жуковка. Гнездо московских миллионеров и миллиардеров. Участок в полгектара, большой жилой дом, еще один дом, где бассейн, спортзал, и третий большой дом — гостевой, с огромным залом для застолий, с кухнями, есть второй этаж, где, кажется и кабинет хозяина. Подробно застолья на этот раз не описываю — такая скромно-грузинская еда, без шашлыков, но с бараниной, телятиной, вареной картошкой, рисом, целым рядом легких грузинских закусок. Я хорошо распробовал жареную цветную капусту, кабачки. Было много вина, которое мало кто пил.

Разговор был интересный: национальное и интернациональное. Закрутилось всё вокруг абхазской проблемы, у хозяина мысль: проблема искусственно раздувается, о чем есть некоторые факты; он полагает, что абхазы — это как бы почти искусственное образование, племя, спустившееся с гор после того, как русские осушили побережье, — вот, дескать, как все мирно жили. Светлана Семёнова поделилась своими воспоминаниями о том, что не все так мирно было в свое время, о том, как в наших домах творчества ходили высокомерные грузины и с долей пренебрежения относились к абхазам. Много говорили о неких телевизионных силах, подразумевалось, что правительство всё это раздувает. Я высказал гипотезу: в силу того, что телевидение захвачено определенной группой, эта распря выгодна именно этой группе. Но хозяйкой было высказано

и еще одно чрезвычайно мне понравившееся мнение, я вообще люблю докапываться до конкретных и маленьких, не глобальных, а осязаемых человеческих причин. На абхазском побережье (в частности, на Пицунде) очень много генеральских дач. Естественно, наш русский генералитет не желал бы ездить в свои приморские поместья по грузинской визе. Там, говорят, довольно много недвижимости у Лужкова и Батуриной. Мне это все кажется весьма убедительным. Так говорят!

Много в разговорах было для меня нового и информативного, в том числе женщина, занимающаяся сербскими проблемами, рассказала о варшавской книжной ярмарке. В первый год там делал доклад бывший наш преподаватель Василий Калугин, который сказал, что всё черно, русской литературы нет, польские переводчики недоумённо его поправляли. Любят наши русские ребята говорить то, что модно. Такого Васю и в Израиль можно посылать, и там скажет, что надо. Второй раз в Варшаву на то же мероприятие приехал Андрей Немзер, пересказал свою статью 99-го года, что русской литературы нет, кроме трех-четырех имен, которые они пытаются впарить бедным полякам. Список имен был привычен, я запомнил, и врать не хочу, только имя Марины Вишневецкой.

Немного говорили еще о самом Потемкине. Он, конечно, умен, памятлив, историческими датами владеет блестяще, тактичен с гостями. Я старался вести себя как можно скромнее, не высказываться, хотя многое из того, что он делает в своей недостаточно стилевой литературе, мне, пожалуй, нравится. Но примазываться к кому бы то ни было я не желаю в силу своего характера.

Еще раз пейзаж и сама Жуковка. Когда въезжали туда на нашей «Газели», перед воротами стояли автоматчики. Все пространство этого огороженного царства изрезано большими участками и заборами, высотою в 3–4 метра, между которыми, как в средневековых городах, идут узкие улицы. Если смотреть с середины участка, то видно, как вокруг прямо на твои владения глядят огромные, трех— или даже четырехэтажные особняки, это какое-то окруженное гетто богатых. С хозяйкой, женой Потемкина, мы говорили о детях. Оба они, и Алексей и Манана, ведут себя весьма откровенно, не скрывают своего образа жизни, но не аффектированно, не заносчиво. Так вот, каждый ребенок здесь живет за очередным забором, дети редко встречаются между собой, кажется, здесь это не принято, дети, наверное, тоже ходят под охраной, и проч. и проч. Манана сказала, что однажды на сутки сюда привезли весь класс ее дочери. Вот была радость! Во всех разговорах фронт вместе со мной держала Светлана

Семенова, замечательная женщина.

18 июня, пятница. Несколько раз звонил Славе Чернову. Благодаря «заботе» моих друзей из Гатчины меня не аккредитовали на Московском кинофестивале. Каждый раз, оказывается, их брала досада, что на бланке института я пишу письмо в министерство культуры, и меня как председателя жюри без лишних слов аккредитуют. На этот раз, как договорилась с гатчинцами В.С., я решил свою бумагу не подавать, а они должны были вписать меня в свою. Не знаю, что уж здесь получилось, но ни меня, ни В.С. не аккредитовали. Может быть, это и к лучшему, потому что я собираюсь в отпуск и надо будет работать. Для себя я заметил: если что-то делает не сама Генриетта, а ее помощница Лена, то дело всегда обречено на провал. Единственное, что сумел сделать для меня Слава, это прислать мне два билета на открытие фестиваля. Пошел я с Володей Рыжковым, потому что один ходить побаиваюсь, а С.П. был занят, в этот день он выписал из больницы мать Клавдию Макаровну. Володя для меня, как лакмусовая бумажка, он «проба» на молодежь, тем более что должны были показать фильм Квентино Тарантино «Убить Билла-2».

Жизнь в Москве с каждым днем становится все занятнее и занятнее. На пригласительном билете было помечено, что гости должны быть в вечерних костюмах. Я, по своему обыкновению, это просмотрел, и хотя был в каком-то костюме, но без галстука. Володя из-за его жилеточки и джинсов «dress control» не прошел. Очень хорошо, оказывается, рослые охранники разбираются в вечерних костюмах. Пришлось возвращаться в институт и там быстро переодевать его в какой-то из пиджаков, висящих у меня в кабинете. Снова стояние в длинной очереди, идущей от памятника Пушкину, желающих с пригласительными билетами пробиться в кинотеатр «Россия». Подъезжали со стороны «Известий» лимузины, какие-то ребята в белых перчатках открывали дверцы. Шик в этом был только в том, что все было по-русски неуклюже.

Фестиваль на этот раз открывали там, стало быть, не по высшему разряду, не в Кремле. Все открытие и церемония, с тремя или четырьмя кордонами, с металлической рамкой, с собаками и с довольно простым убранством сцены, показались довольно скромными. Неяркая речь Никиты Михалкова, его полузаискивающее представление Тарантино. «Приехал, приехал, к нам приехал!» Речь мэра, речь Соколова, украшенная его замечательным басом, представление жюри, в котором, как мне кажется, общий уровень задает Борис Акунин, — все это большого впечатления не произвело. Наличие Акунина в жюри как фигуры

в определенном смысле знаковой, может и испугать. Особенно в соединении с Тарантино. Интересно, даже замечательно, было выступление дуэта, как бы посвященное актрисе Уме Турман. Выступление очень занятное, идущее на фоне нарезки из ее фильмов и фильмов советских. Якобы шведская актриса встретилась со «звездами» русского кино. А песенка была про некоего Вовку, Вована, который пришел в гости к актрисе. Под Вовкой, конечно, подразумевался вполне определенный Вован.

Во время часового, вместо объявленного двадцатиминутного, перерыва, телевизионщики разбирали подвижную камеру на огромной стреле, которая, как одинокий птеродактиль над водами и миром, носилась над зрительным залом, и развинчивали осветительную аппаратуру. Было много криков через весь зал и разных веселых слов, рабочие не стеснялись. Что касается подвижной на стреле камеры, она скорее была для антуража, дабы показать всему свету и иностранцам, что у нас все серьезно.

«Убить Билла-2» мне показался фильмом и лучшим, чем первый, и интересным. Занятным человеком выглядел и Тарантино, которого зал встретил с восторгом. «Признайтесь, кто из вас видел «Убить-1»? Сколько «Убить-2» на нелицензионных кассетах? Вы все арестованы!» Фильм показал, по крайней мере для меня, распад литературы, которая необходима для кино, и распад в кино повествовательной формы. Чего-то в нас всех стало не хватать, для того чтобы воспринимать искусство всерьез. Смерть мы воспринимаем лишь как некое условие игры, после которого должен прийти следующий персонаж, и по велению публики режиссер снова его убьет. Хорош был выковыренный, а потом раздавленный ступней, между пальцами ног, человеческий глаз.

Пятница — время рейтинга, который пока регулярно печатает «Независимая». Спасибо Вере Цветковой, мне этот рейтинг заказывающей. Спечатываю с теми поправками, которые редакция сделала.

«1–3. И лучшая передача, и самая заметная **теле**персона **недели** — Суламифь Мессерер **(знаменитая балерина Большого)**, **передача — некролог, кажется, поставленная на девятый день после смерти, когда-то знаменитой балерины Большого.** И история, и трагизм дней и жизни искусства. И ничего не говорите мне о «говорящей голове». Если бы каждая голова так заговорила! Сердце для того надо иметь и судьбу!

2. Евгений Киселёв сделал близкую ему по биографии передачу об Андропове (НТВ). Боюсь, не стали ли подобные многочисленные телеполотна передачами «про царей, как люди

живут?». Пафос пугания прошлым действовать перестал. **Или сам Киселев до сих пор не может опомниться?**

19 июня, суббота. Накануне, когда я после фильма заезжал на работу, на столе, оставленный Максимом, был телефон Мананы Потемкиной. Она звонила и просила перезвонить. Звонил уже из Обнинска по мобильному. Манана просит организовать ту саму конференцию по Потемкину, о которой я говорил за столом. Я представляю, как это будет сложно сделать, даже за деньги. От попытки Мананы говорить сразу же о гонораре за выступления я, по своей нелюбви вести подобные разговоры, ушел. Весь день бегал по участку и что-то делал по хозяйству, это теперь единственная для меня форма физкультуры.

Вечером с электричкой приехала В.С., встречал ее в Обнинске вместе с Долли, которая всегда в этом случае от нее что-то получает.

Писал ли я, что кайфую от «приношений» студентов? Соня, вернее, ее отец Женя Луганский в прошлом году привез мне литровую банку с каким-то странным вареньем. Она долго стояла у меня в кабинете на подоконнике и, наконец, была вскрыта. Что за чудо, это абрикосовое варенье с зернышками миндаля. А Дима Назаренко вместе с собственной небольшой книжкой оставил у меня в кабинете две бутылки местного краснодарского белого вина. Это анапский «Секст», который я, как и рислинг, с юности страстно люблю. Так я за Диму рад, что он, как и его отец, наконец-то окончил институт. Он был на очном отделении, потом на заочном, побывал, отслужив два года, в армии, у него ребенок, возился я с ним лет десять, но слава Богу, окончил! Ура! Ура, ребята, как бы хотелось, чтобы вы прожили жизнь интересно, увлекательно, счастливо и честно. В субботу одну бутылку распили, в следующее воскресенье очередь за другой.

20 июня, воскресенье. Утром, не вставая с постели, я довольно долго работал и закончил сцену «в сенях» для романа. Я постепенно начал видеть роман во всей его простоте, значит, в определенности. Не забыть бы только вставить в роман, в уже написанные страницы, те мысли и новые повороты сюжета, которые приходят в голову. Институт и Дневник все время меня отвлекают. Впервые я почувствовал то, о чем читал у больших и малых беллетристов, будто кто-то диктует им новые страницы. Я понял, кто. Это уже образы самого романа, книги, повести, которые уже не знают, как по-другому материализоваться. Они уже сложились в голове и знают, путь короткий и ясный путь, как обрести жизнь — диктовать. По-другому нельзя, здесь, может быть, даже существует какой-нибудь ритуал. Вот голоса и шепчут.

Наконец-то я увидел на экране сцену знаменитого скандала с

Киркоровым во время пресс-конференции в Ростове-на-Дону, о котором все время пишут газеты. Он довольно грязно обругал молоденькую девочку-корреспондентку, которая осмелилась задать ему вопрос о ремейках. Видимо, вопрос был актуальный. У нас же теперь поют песни лишь про всяких заек… «Там вдали, за рекой» или что-нибудь похожее в нашем репертуаре не существует. Обругал Киркоров бедную девочку в лучших традициях московского мещанского быта, как привык. Будто даже не сам он выговаривает слова, а одна из героинь его жены — Пугачевой. Настоящий полковник для буфетчицы. И про сиськи бедной корреспондентши вспомнил бугай, и про розовую кофточку. И то и другое его раздражает. Сам при этом был в бесконечных цепях на шее, будто узник собственной пошлости. В течение нескольких дней скандал разрастается Хорош коллега Розенбаум, который уверяет, точнее поет привычную песню, что Киркорова подставили. Как же все они дерутся за пошлость и развязность, к которой привыкли! Если бы только мы все не видели своими глазами эту «подставу». Возникает движение бойкота так называемого творчества Киркорова. Это свидетельствует о накопившемся у публики раздражении против нескромности русских эстрадных «звезд». Каков сукин сын! Он, видите ли, не хочет, чтобы публика знала, на каких машинах он ездит и с кем спит. А разве не спит он с женой, публичный наш человек!

21 июня, понедельник. Вечером начал, а утром продолжил читать книгу Георгия Гачева.

Считается, что я уже в отпуске, я попытался вырвать для себя хоть пару недель. Кстати, получить на него приказ из министерства (а это очередное бюрократическое нововведение) оказалось невероятно трудно. Бюрократический произвол крепчает. Они бы поинтересовались и узнали, что за 12 лет, при наличии двухмесячного отпуска, я в лучшем случае отгулял два месяца. Но они поинтересовались у нашего отдела кадров, за какой период я ухожу. Потом в отпуске мне отказали, потому что ректор должен быть в институте во время зачисления студентов. Пришлось направлять этим рьяным кадровикам новую бумагу — расписание экзаменов, которые в нашем институте начинаются лишь в день возвращения ректора из отпуска. И вот наконец-то с опозданием приказ пришел. За меня остается Лев Иванович.

В 3 часа, как и положено в день солнцестояния, состоялся день рождения Людмилы Михайловны. Как всегда, все было здорово, я сидел рядом с Натальей Александровной и не переставал удивляться ее жизнелюбию, уму и доброжелательности. В своей речи я отметил, как бы укоряя всех

остальных, что Л.М. всегда со мною на работе рядом.

Вечером вместе с В.С. пошел на фильм Сергея Урсуляка по повести Юрия Трифонова «Долгое прощание». Сергей был одним из лауреатов нашего Гатчинского фестиваля, где он получил довольно большой денежный приз за экранизацию, кажется, «Дачников» Горького. Ничего не помню, но осталась сочная дачная зелень на экране и ощущение. Теперь — Трифонов. Повести раньше я не читал, но, как и предполагал, она, пожалуй, устарела. Это любовная история, случившаяся в конце сороковых — в начале пятидесятых. Очень здорово играют молодые актеры и героиня, актриса театра, ее играет Полина Огуреева. Впрочем, она уже получила приз за лучшую женскую роль на «Кинотавре» в Сочи. Но очень хорош и парень, ее муж. У Урсуляка получилось то, что очень редко получается на экране и в театре, — любовь. С остальным, с сюжетом, с вниманием зрителей — труднее. Из огромного зала Дома кино, никто во время демонстрации фильма почти никто не уходил, но в кинотеатре, я думаю, этот фильм проходить будет трудно. Здесь, включая и меня с В.С., собрались в основном киноманы и поклонники Трифонова. Фильм распадается на отдельные эпизоды, а постоянное подчеркивание диких условий жизни в той эпохе делает его излишне и как-то подловато политическим. Не могу не заметить, что один из дальних предков героя (здесь Трифонов не удержался) — кантонист, а вот все другие персонажи, более славянские, все они уроды, карьеристы и дикари. Многое по атмосфере заимствовано из других фильмов. Концертный номер матери героини, ведущей борьбу за мужа, за дочь, которая, как не имеющая в предках кантонистов и поляков, тоже хороша — живет сразу с двумя, так вот, «выходы» матери — это чистая Раневская в «Весне». Тем не менее удовольствие я получил, если бы еще все не осложнилось инцидентом, в котором я повел себя, как ничтожное говно.

Перед началом фильма на площадке перед Домом кино собралось много народу. Дверь была наполовину открыта, стояли какие-то амбалы, которые, точно так же как милиция на дорогах, устраивали «пробку». В.С., естественно, здесь меня взвинтила. Сами по себе мы, с моей седой шевелюрой и ее пятнисто-фиолетовой, представляли странную пару, вдобавок ко всему В.С. еще и с трудом и медленно передвигалась. Стояли мы довольно близко к двери, но ей во что бы то ни стало захотелось пройти через Белый зал, через Союз кинематографистов. Были еще и разные восклицания. Нас, конечно, через Белый зал не пустили. Вообще вся организация из рук вон плоха, пока дорогой Никита Сергеевич заискивает перед Тарантино, все службы творят что хотят. Это не первый случай моего столкновения и с

администрацией, и с охраной. Все нелепо, включая и рамки-металлоискатели, через которые подчас народ пропускают, как стадо. А не пустили, потому что пожилой охранник, увидев, что В.С. еле стоит на ногах, не смог связаться со своим старшим. Мы вернулись обратно, и, когда вошли в зал, здесь уже не было мест. Вернее, был занят целый ряд кресел для группы, толстозадые билетерши держали места для почетных гостей, а каждая прорвавшаяся в зал тетя или дядя, как бы торгуя услугами, держали возле себя по два-три кресла. Я с трудом протащил В.С. вверх, куда она рвалась и где не было мест, а когда дошел до тупика, то увидел, как две девицы держали одна — два места, а другая — три. Вот тут я почти силой В.С. и усадил. Та женщина, которая сидела от меня справа, что-то заверещала, а представление группы уже началось. Я был в совершенно отчаянном положении и тут, вспомнив рассказанный мне кем-то подобный случай, тихо, наклонившись к ней, сказал: «А не пошла бы ты на хер». Какая стыдоба! Потом все, естественно, утряслось, кто-то не пришел, и места освободились, но стыд жег меня все время. После окончания фильма я даже был бы не против, если бы спутники этой женщины начистили мне рожу. Я не прочь был бы попросить у нее прощения, но когда свет зажегся, ее уже не было. Единственно, что меня смущало: это как же я пойду на вручение мне ордена с набитой, в синяках, мордой.

Упоминание про морду не случайно. Днем позвонили откуда-то сверху: 25-го приглашают в Кремль, вручать будет президент, если есть служебная машина, сообщите номер, пускают только по паспорту. Я обрадовался тому, что можно будет Толику показать Кремль, вот у него будет в его деревне рассказов!

Дома я успел к телевизионной передаче Александра Архангельского. Наш с Ясенем Николаевичем Засурским эпизод был сильно сокращен, но все равно Саша сделал все очень достойно и как мог интересно, вписав нас в какой-то культурологический контекст с выставками и молодыми киношниками. Передача могла бы быть интересной, если бы всегда осторожный Засурский хоть чуть— чуть помог бы мне ее обострить.

22 июня, вторник. Утром ходил за продуктами в Новокупеческий, взял, в частности, и бефстроганов из сои. По дороге на столбе объявление: «Срочно сдам комнату только славянам». У нас никогда не было брезгливости к инородцам. Значит, это что-то другое, значит, люди уже натерпелись от обмана и пренебрежения к нашей морали и образу жизни. Возникает и делается все четче и четче компонент отношения к нашим бывшим соотечественникам по империи.

В двенадцать уехал на два дня на дачу. Но не тут-то было, Вл. Ефимович меня по телефону изловил: ссылается на министерство культуры, они не хотят делать новый тендер, обманув сначала все фирмы, которые могли бы нашу ограду сделать по-настоящему. Ах, дорогой Владимир Ефимович, мне, всех подозревающему и грешному, кажется, что больше всех вы хотите, чтобы это сделала фирма, уже работавшая с вами по пожарной сигнализации. Один раз они нас уже обманули, до тендера, назвав сумму в три раза меньше, чем поставили потом, теперь, чует мое сердце-вещун, что-то здесь в этой интриге с министерством не так. Может быть, тройной интерес? Один раз мы с вами, Владимир Ефимович, разбирались с канализацией, и куда-то там пропали 30 тысяч рублей. Я все помню. Министерство говорит, по словам В.Е., это значит говорит заинтересованный или не заинтересованный в работе клерк, что они могут вообще не дать нам деньги. Но никто из вас, ребята, не знает, что я уже придумал письмо, которое напишу Швыдкому. У нас в запасе есть еще и Ю.И.

В тишине, в спокойствии, с собакой на даче.

По телевидению — о страшном налете чеченских и интернациональных боевиков на Назрань. Вошли ночью в город и осадили тюрьму, горотдел милиции и другие учреждения, практически контролировали город до утра. Даже посты на дорогах расставили свои. Все были в форме милиции, прием довольно подлый. Когда человек на дороге протягивал милицейские корочки, его без лишних объяснений расстреливали. Это попытка запугать местных людей, идущих работать в правоохранительные органы. Значит, есть боязнь, что конфликт может быть завершен и положение налажено без участия федералов. А тогда какой смысл воевать? Тогда пропадает образ жизни, и человек превращается во врага своего народа. Но в принципе, для мира и дружбы нужна империя, ощущение этого уже витает в воздухе.

23 июня, среда. Полтора дня прожил на даче один и понял, какой образ жизни ведет большинство наших преподавателей. Преступно даже не то, что, несистематически уходя в отпуск, я портил свое здоровье, а еще очень сильно отставал как преподаватель, проигрывал свою творческую жизнь. Сколько, не торопясь, сделал по хозяйству, сколько написал и прочитал! Во-первых, внимательно просмотрел последний, третий номер «Московского вестника», в котором в лучшем случае раньше читал только себя. Здесь, в номере, есть и несколько моих учеников. Стихи Юры Глазова, и он опять удивил меня своей активностью, и повесть Жени Ильина «Гагарин», с которой он поступал в институт. Много интересного есть еще, что я лишь

понюхал, а не вдохнул, еще буду читать.

Внимательно я прочел лишь доклад В.Гусева на перевыборном собрании, где он опять показал себя как прекрасный аналитик и хороший стратег, и не менее великолепную статью Максима Замшева с анализом современной молодой литературы. В частности, Гусев пишет о расколе в стане патриотов. Дальше, излагая позицию организации, Гусев переходит к частностям и касается, естественно, точек болевых. «Если мы в газете критиковали евреев, которые плохо себя ведут, нам, конечно, вешали: вы антисемиты. Если критиковали поведение православных или порядки в церкви, нам вешали: вы против православия. Ну и вешали, разумеется, и много такого, что посередине». Статья Замшева — это еще и путеводитель по сегодняшней литературе молодых, все знает, всех читал. У меня самого отношение к молодым менее четкое. Но главным образом в Максиме поражает запал, ясное понимание собственных позиций и собственных требований к литературе. Молодец. Но поводом к статье явилась недавно вышедшая книжка не очень популярного среди демократов литературоведа Н.М. Федя «Литература мятежного века». Надо бы посмотреть.

Опять несколько продвинул роман, надо работать по возможности ежедневно, но понемножку, чтобы успевало «свариться». Возникла мысль написать главу-путеводитель по Марбургу, там я обязательно скажу о Гинденбурге. Весь день по ТВ Ингушетия, Путин во Владивостоке, где идут армейские учения по отражению нападения террористов. Показали даму, работающую в одном из министерств, которая присвоила себе во время ремонта здания чуть ли не миллион долларов. Вот поэтому я и хочу провести повторный тендер.

Бефстроганов из сои оказался замечательным, их можно есть без гарнира. Но не суп ли это из топора? Чтобы все это сделать, нужна еще сметана и сладкий перец. Сметану, полстакана, взял у Тани Матвеевой. Она же дала мне еще пяток рассады огурцов. На участке расцвел жасмин, а вот сирень вся померзла и нынче не цветет.

24 июня, четверг. Встал в шесть, собрался приехать в Москву, и тут меня В.Е., сердечный наш, порадовал, что ничего сделать нельзя, деньги чуть ли не переведены. Я так и не понял: все это происходит у В.Е. от непроходимой природной глупости или по сговору с фирмой? На просто глупость не похоже предельной наивностью. На работе я на проректора наорал, даже предложил сначала подать заявление. Тем не менее «неприятный» ход был найден, справедливости я не найду. За спиной у Е.Мальчевской мы, конечно, были бы как у Христа за пазухой,

главным образом еще и потому надо выруливать на нее, что сделают все хорошо. Пока написал письмо в министерство:

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО
ПО КУЛЬТУРЕ И КИНЕМАТОГРАФИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.
ДИРЕКТОРУ АГЕНТСТВА
г-ну ШВЫДКОМУ М.Е.

Глубокоуважаемый Михаил Ефимович!

В сложившейся ситуации только Ваше влияние может нас выручить. Речь идет все о той же ограде. Деньги нам, как Вы и обещали (а Вы практически единственный человек, который что-то обещал институту и выполнил свои обещания), силами министерства выдали (1 млн. рублей), и мы провели тендер. К сожалению, во время проведения тендера по тем или иным причинам, пока мною не выясненным, совершен ряд ошибок.

Главным лицом тендера стала фирма, заявлявшая устно о своей готовности сделать работу за один миллион рублей, но в результате в тендере запросившая три миллиона. Кстати, фирма эта, по моим сведениям, не имеет собственной реставрационной базы. Несколько фирм, специализирующихся именно на реставрационных работах, были искусственно «отжаты». В условиях тендера не было разъяснено, что работа может проводиться частями. Также фирме-«победительнице» неким специалистом из министерства были даны обещания на следующий год гарантированно предоставить новую порцию средств. Всё это меня смущает. Насколько я понимаю, деньгами на этот род деятельности распоряжаетесь Вы, мы же с Вами о новых деньгах пока не договаривались. Я не хочу никого обвинять, так как мой подозрительный ум колеблется между «вашими» и «нашими». Но Бог с ними. Я прошу только указания, если это возможно, провести новый тендер, за которым я бы уже внимательно присмотрел. Хочу также сообщить Вам, что, по мнению такого крупного специалиста в этой области, как Н. Л. Дементьева, которая в свое время осмотрела наш объект, запрошенная фирмой сумма — более 3 миллионов — завышена.

С уважением и признательностью, Сергей ЕСИН, заслуженный деятель искусств РФ, ректор.

В 15 часов состоялся ученый совет. Ничего особенного, итоги года, вручение дипломов профессорам С.П. и М.В. Ивановой. Хотел было рассказать на ученом совете всю историю с оградой и деньгами министерства, но потом пожалел В.Е., да и просто стало скучно. Целой толпой проголосовали на конкурс нашу профессуру. Жизнь все время упрощается. Каждый проректор залез в свою нишу и старается не высовываться, оставив мне и всю стратегию, и все текущие дела. Перед голосованием и ученым советом никакой конкурсной комиссии так и не состоялось. На совете зашел разговор о рецензиях кафедры Минералова на курсовые работы. Зашел разговор совершенно спонтанно. Ю.И. на это вспылил, опять изобразил из себя капризного ребенка, сказал что-то о восточном происхождении Елены Алимовны и о ее страсти к интригам. Что-то буркнул и про меня. Была довольно занятная и саморазоблачительная картинка. Неужели он все еще переживает из-за своей утраченной должности ученого секретаря?

Разговор с А.И. о моем новом ректорстве. Ой, как мне скучно. Сам я лично палец о палец не ударю, куда кривая вывезет.

25 июня, пятница. Уж коли мне сегодня все равно быть в Москве — именно на сегодня назначено вручение всем наград, а мне ордена, — значит, решил утром поехать на аттестацию первого курса. Немножко опоздал, потому что в на проспекте Вернадского жуткие пробки. Атмосфера, когда я приехал, была довольно благостная. Отчетливо понимая творческий характер вуза, я все же понимаю и необходимость всех подтягивать. Никого пока не исключил, но всем не сдавшим и не написавшим курсовую поставил железный срок — 15 сентября, грозил (чего, конечно, не сделаю), что 16-го подпишу приказ. Я хотел бы всех заставить учиться так, как не учился я, и не комплексовать по поводу не защищенной в семьдесят лет кандидатской диссертации. Просидел на аттестации час. Когда я уходил, то сказал ожидающему аттестации первому курсу: «Считайте, что вам повезло…» В ответ раздались аплодисменты.

Ну, вот и осуществилась мечта маленького мальчика, который прогуливал школу, и свое детство, вместо школы и двора, провел в Ленинской библиотеке. Тогда существовал детский читальный зал, располагавшийся в левом флигеле дома Пашкова, вход был со стороны Рождественки (улицы Фрунзе). Когда поднимаешься от метро, хорошо виды Боровицкие ворота, совершенно пустой к ним проход, выметенная от снега брусчатка. Зимой Москву всю хорошо убирают, но особенно хорошо, до блеска, центр, улицу Горького, Манежную площадь (нынче безнадежно испорчена) с таинственно-враждебным американским посольством в доме Жолтовского. Меня всегда привлекал этот

Боровицкий съезд, я представлял выезды бояр и царей, теперь лишь редкие машины вождей. Бояр было значительно больше, чем нынче вождей. В то время предполагал я, что когда-нибудь въеду сюда на машине. Я бы, конечно, по своему врожденному плебейству на машине бы никогда не поехал, но потом решил, что надо дать Анатолию потом долго рассказывать, как он въехал в Кремль на автомобиле. Кстати, по своему обыкновению, он, когда я уже пошел через железные ворота в глубь кремлевских тайн, заезжая на стоянку, поругался с одним из кремлевских военных регулировщиков. Браво, Толик, никому никакого спуска.

Атмосфера кремлевских коридоров мне показалась смутно знакомой: и по той экскурсии, которую нам устроил Коржаков, и по давнему моему посещению Кремля, когда я делал интервью с А.И.Микояном. Но тогда я шел от Спасской башни и не проходил через тяжелые кованые ворота на Ивановской площади. Первая сверка документов. Та же лестничка, с первым предъявлением паспортов внизу, те же среднестатистические русские лица охранников. Теперь здесь появилось новшество: у охранников полка с небольшими гнездами для сотовых телефонов посетителей. Сотовый телефон обязательно приказали не отключать от звонка, а выключить совсем. Пин-кода я не помнил, поэтому пришлось по телефону Анатолия звонить С.П., у которого полная бухгалтерия, в том числе и моих дел. В.Огрызко в своем прекрасном словаре современных молодых писателей совершенно справедливо написал, что «многие годы С.Толкачеву покровительствует С.Есин»: есть за что. К рамке металлоискателя мы уже привыкли. Тем не менее мне пришлось несколько раз под этой рамкой пройти: в нагрудном кармане у меня лежала маленькая плоская аллюминевая коробочка. Наверху, на втором этаже, новая проверка документов, названная здесь «сверкой». И первые знакомые: Николай Добронравов с Александрой Николаевной Пахмутовой. «Я здесь, как близкая родственница…», — сразу заявила А.Н., трогательно выталкивая к рампе мужа, менее, чем она, привыкшего к триумфам. В маленьком зальчике-накопителе много и других знакомых: Е.Евтушенко, С.Любшин, В.Лановой в замшевой куртке, с которой потом помучается Путин, пытаясь зацепить за материал булавочку, чтобы повесить орден. В зале стоят витрины, в которых лежали разные русские ордена и рассказана их история. Здесь же, в центре зала, в подобии горки находится орден «За заслуги перед Отечеством» первой степени с золотой тяжелой цепью, к которой орден прикреплен. Это символ власти президента России. все разговаривают, или, как нынче уродливо принято говорить, «общаются». И тут же как бы специально —

единственный человек, который подробно разглядывает выставленные предметы, все тот же муфтий Равиль Гайнутдин — председатель Совета муфтиев России. Последний раз, когда я был в Кремле на вручении юбилейной московской медали и все, торопясь завязать или укрепить свои связи, толпились в Георгиевском зале, единственным человеком — я был вторым, — которому была интересна находящаяся рядом и открытая Грановитая палата, был все тот же Равиль. Тогда в совершенно пустой Грановитой палате мы с ним раскланялись. Теперь уже встретились как старые знакомые. Вспомнили тот случай, я рассказал муфтию Равилю Гайнутдину о «мусульманском романе», который написал наш преподаватель Самид Агаев, а главное, о той знаменитой сцене, когда Иса встречается с Мусой, т. е. Мухаммед с Христом. «Нет ли в этой сцене какого-нибудь богохульства?» — осторожно спросил муфтий. Надо обязательно послать ему роман вместе с моими Дневниками. Муфтий получит орден. Но недаром это мероприятие носит и политический храктер. Здесь некая демонстрация равенства конфессий перед властью. И муфтий, и главный раввин России Берл Лазар, и митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир все получат по ордену. Но иерархия между тем расставлена: митрополит — орден «За заслуги перед Отечеством» II степени, раввин — орден Дружбы, а муфтий — орден Почета. Политический балет.

Наконец, нас всех позвали в Екатерининский зал. Я в нем впервые, красоты он необыкновенной, с замечательным куполом, скульптурными барельефами, живописующими век Екатерины. Мне почему-то кажется, что этот зал похож на зал в академии им. Жуковского. Перед входом была еще одна проверка документов. В самом зале, где-то позади всех, расположился, в смокингах и с бабочками, президентский оркестр. После каждого награждения они будут играть что-то вроде мягкого туша. Все сидели в креслах, впереди на столах были разложены награды. Наконец музыка заиграла, вошел президент. Нелегкая у него должность: еще вчера он был, судя по телевизионным сообщениям, во Владивостоке. Потом, когда дело дойдет до меня, я уже с близкого расстояния отмечу про себя, какой он хрупкий и легкий. С этого близкого расстояния понимаешь, что он психически очень мобильный человек и, видимо, отзывчивый. Совсем тихонько я сказал ему: может быть, вы к нам приехали бы? И понял, что он меня помнит. Я шепотом спросил: можно, я скажу два слова? Он шепотом ответил: ну, конечно.

Все вручение проходило по определенному плану. Сначала шли военные летчики, которые получили звезды Героев России,

потом пошли артисты и музыканты: С.Любшин, В.Лановой, М.Захаров, А.Малинин. Вторую степень получают Марк Захаров и Николай Петров, по третьей — Андрей Вознесенский и Евтушенко. Евтушенко вспоминает свою мать и рассказывает очень трогательную историю, которую потом возводит до символа. Пока ждали президента, мы с ним поговорили, и он рассказал мне очень полезную для меня, для моего романа, историю, связанную с Пастернаком. Как Пастернак в присутствии жены Зинаиды читал стихи о другой женщине. Самым интересным для меня было вручение ордена или какой-то другой награды машинисту того самого поезда метро, который во время теракта в Москве не растерялся и выводил людей из тоннеля. Этот парень, Владимир Горелов, сидел рядом, и я был горд, что с ним теперь знаком. Теперь самое интересное: легендарный Валентин Варенников, который в 45-м нес на Красной площади Знамя Победы, а после путча отказался от помилования и судился с правительством, получил орден «За военные заслуги». Обращаясь к президенту, он называл его товарищем. В армии это обращение действует до сих пор, а здесь генерал обращался к главнокомандующему. Потом, уже с орденом, несколько слов сказал легендарный академик Евгений Чазов, когда-то министр здравоохранения и врач всех генсеков. Вот что неполно записал я: «Всю жизнь я отстаивал принципы земской и советской медицины, которые в 50-е годы стали эталонными во всем мире. Это вселяло надежды, и я надеюсь, что вы, господин президент, сохраните эти принципы бесплатного здравоохранения». Отважные в России есть люди. Получила орден и ректор Петербургского — *Ленинградского* университета Людмила Алексеевна Вербицкая. Выступая с кратким словом, она именно так сказала о своем университете, слово «Ленинград» из деликатности перед новой властью не было забыто. И мне это понравилось. Я познакомился с госпожой Вербицкой в самом конце церемонии, когда внесли бокалы с шампанским и все теснились к президенту. А я в этот момент подошел к министру обороны. Он действительно филолог, слухи не подвели, но, оказывается, у него еще есть образование, наверное, военное. А как филолог Иванов — германист. Получили награды и директора, чаще всего, читай, владельцы некоторых фирм. В частности, руководитель пивного концерна «Балтика».

Но я пропустил себя и момент своего собственного награждения. Похоже, я немножко растерялся, потому что в какой-то момент не повернулся к фотографу, как было вначале предписано распорядителем. А сказал я буквально следующее, вспомнив нашего самого известного выпускника последней поры

— Евг. Евтушенко. Я не забыл, как его мать Зинаида Куприяновна, когда он получил диплом, сказала, обращаясь к сыну: «Наконец-то, Женя, ты получил диплом советского вуза, а советское образование, как известно, — лучшее в мире».

Шампанское было замечательного сорта. Церемония действительно возвышенная; над залом, в тяжелом взмахе крыльев, как бы проплыла Россия. Но обо всем этом хватит, продолжается обычная жизнь.

Вот что поместила «Независимая газета» по поводу телевизионных событий. Вернее, что я думаю об этих событиях. Смотрю-то я очень мало, но, кажется, попадаю.

«Две поп-звезды**на этой неделе привлекли к себе внимание:** сэр Пол Маккартни, который **говорит, что** в обычной жизни живет жизнью обычного гражданина, и региональный певец Филипп Киркоров, который называет себя «звездой» и требует, чтобы никто и думать не смел о фрагментах вторичности в его творчестве. Оба из народа, но один из той его части, которую русская интеллигенция презрительно называла — мещане. Ширится интернет-движение бойкотировать ласкового Филю. Вливайтесь!

Несмотря на оглушительные известия о губернаторе Лисицыне — да что же за дела, как губернатор, так сомнительные дела, все же передачао цветах на 1-м канале — лучшая передача недели. Здесь не только ассоциативное воспоминание о народном любимчике Чубайсе, но и модель почти любой мафии: билетной, энергетической, фруктовой, а может быть, и телевизионной. Главный же момент этой модели — государству это не нужно! Не хотят ребята, даже, несмотря на повышение окладов министрам, с этим возиться. Или?.. Сюжет с Лисицыным занимательный — с крупным планом губернаторской туфли и любовью к бильярду».

Из Кремля вернулся на работу с орденом на груди, всем орден показал, провел аттестацию переводчиков, которая, как обычно, прошла успешно. Сложности есть только у Рощина, который просто не ходит. Постараюсь как-то его спасти, если можно будет, переведу на повторное обучение к Апенченко, на переводчика парень не вытянет, но пусть хоть станет журналистом. С отцом несчастье, ему ампутировали ногу, у самого астма. К людям с астмой у меня повышенное чувство жалости. Я свою астму допустил исключительно по собственному разгильдяйству. Работать мне, видите ли, было интереснее, чем лечиться.

Встретился с Романом Мурашковским, мужем Ренаты Григорьевны, который вернулся из Нью-Йорка в Москву. Попили

чаю у меня в кабинете, мое письмо о создании совместного дела, т. е. творческого семинара в Америке, Ренату Григорьевну заинтересовало.

Уже дома, до отъезда на дачу, посмотрел передачу «Основной инстинкт» с Киркоровым и девушкой-журналисткой из Ростова. Киркоров услаждал зрение телезрителей из Болгарии. Все это было довольно гнусно. Защищали Филиппа Бедросовича два депутата Госдумы — Кобзон и Розенбаум и беллетристка Дарья Донцова. Я понимаю, в силу своей деятельности и ее характера, все трое настрадались от журналистов. Ее защищал парень с армянской фамилией, который ведет рубрику в «МК», здесь тоже понятно и понятен характер прикормки. Девушка-журналистка вела себя мужественно, хотя в какой-то момент заплакала. Ее слезы «защитники» Киркорова сразу расценили цинично, как пиар, ни капли искренности у них и ни капли совести. Мне понравилась позиция Димы Быкова. Правда, Кобзон обвинил его в том, что он под русской фамилией скрывает свою еврейскую сущность. Дима сказал, что носит фамилию матери, что и всем было ясно, но не жены же. Потом он встал и ушел, как бы уже этим подвергая бойкоту и Киркорова, и всю компанию. Эта позиция очень серьезна, ни от кого поп-звезда не зависит так, как от журналистов. Но если бы у журналистов хватило мужества.

26 июня, суббота. На дачу приехал вчера невероятно поздно. Дорогу от МКАД до Внукова превращают уже несколько лет в нечто единственное и образцовое, ведь по ней все время туда и обратно ездят правительство и президент. А если делать, то делать с русским размахом. Одно полотно, машины едут одна за другой впритык, много аварий. Ехал по обочине или по встречной. Все равно там, где обычно я еду два часа, я ехал четыре. Не успел открыть дом и кухню, поставить чайник, как на пороге Галя Шимитовская: нас обокрали. Я пошел через калитку к соседям. Здесь встретил раздраженного, как всегда, когда что-то неприятное касается его, Володю. В этих случаях он готов на все и на любые предположения. Украли дорогие инструменты, в том числе электролобзик и еще какой-то прибор. В том числе какие-то остатки продуктов, вермишель, немножко риса, картошки, луковицы, специи. Я сразу подумал, что это бомжи, они обычно ценят специи и изысканную домашность.

Вечером по телевидению была передача Александра Герасимова «Личный вклад». Там был очень занятный кадр, где чередовался показ ужасных событий в Ингушетии, когда боевики всю ночь держали в осаде Назрань, и антитеррористические маневры на Дальнем Востоке. С самолета сбрасывали танки, летали вертолеты, стреляли пушки, выбрасывая через дула,

десятки и сотни тысяч рублей. Солдаты обедали вместе с президентом: солдатский обед с традиционным компотом. Легко в учении, тяжело в бою. Бедный Путин, ему за все приходится брать ответственность.

Весь день работал над Дневником, как же это меня изводит!

У меня собралась уже стопочка бумаг, связанных с тем шухером, который Путин навёл в деле присуждения Государственных премий. Кажется, та безответственная «малина», которая царила, заканчивается. По крайней мере, нашим деятелям искусства, в частности, особенно хорошо подлизывающимся к власти, станет значительно труднее награждать друг друга. В прессе уже есть комментарии по этому поводу, и довольно злые. Все как бы понимали, в чем дело, но помалкивали. Ни в чем по обыкновению не обвиняю В.В. А с него и взятки гладки.

Теперь, вместо двухсот Государственных премий, будет всего шесть: три по литературе и искусству и три по науке. Размер их запредельный: по пять миллионов рублей. Правда, каждая эта премия, в свою очередь, может быть поделена, по русскому обыкновению, на троих. Но всё равно, это не более 18 человек. Награждать будут как бы личность.

Судя по Указу, выдвигать и комментировать будут соответствующие общественные советы — по науке, по литературе, по искусству. Меня вдохновило и то, что высокий, из администрации начальник, разрабатывавший и комментирующий этот Указ президента, обещает внимательно посмотреть эти советы. В президентском совете по искусству люди, за некоторым исключением, облегченного качества. Наверху любят репрезентативные, которые показывают по телевидению, искусства. Конечно, если в них будет введен Киркоров или Верка Сердючка, лучше не станет.

27 июня, воскресенье. Пресса не дремлет, и это может всех только радовать. Какая пресса и с какой степенью точности, с каким ощущением своего долга и доброжелательности? Пресса пишет, как она хочет слышать.

Не успел я приехать с дачи, а у меня в почтовом ящике уже вырезки. Кто их мне кладет, я уже писал. Среди вырезок — Ашот собирает для меня только культуру — есть несколько репортажей о вручении наград в Кремле. Не забыли в них и меня. Вот что пишет корреспондент «Коммерсанта» Андрей Колесников. Статья начинается с опасения корреспондента, что в зале он видит мало привычных ему, и привычных этому залу, лиц. Когда корреспондент пригляделся, то обнаружил, что все не так уж плохо. Как все же высокопринципиальная и неангажированная

пресса выдает себя в оговорках и светской болтовне. «Но все-таки посмотришь повнимательнее — и вот же, здесь и режиссер Марк Захаров, и пианист Николай Петров. Все наши!» Как скоро выяснилось, не все. Идет довольно долгое описание церемонии, потом эпизод с Евтушенко, когда он вспоминает свою мать и некую женщину со станции Зима, которая в войну поделилась с ним хлебом, и теперь в памяти поэта женщина эта символизирует Россию. Потом были еще описания, орден получал не один «не наш». Не нашим был художник Шилов. «И только после этого свой орден («За заслуги перед Отечеством» четвертой степени) получил ректор Литинститута Сергей Есин. Стоя у микрофона, он вспомнил ту самую маму поэта Евтушенко, которая отправила сына на станцию Зима, дав тем самым обильную (духовную) пищу для воспоминаний и реминисценций, которые кормят его до сих пор. Через много лет мама пришла в Литературный институт, где ее сыну вручили диплом о высшем образовании.

— Это был диплом советского образца, — заявил Сергей Есин. — Мы гордимся этим качеством и стараемся сохранить его в нашем институте, как и все лучшее, что у нас есть.

То есть получается, что диплом поэту так и не отдали». Вот врун и, главное, врет в прямой речи. Не дай Бог, если Зинаида Куприяновна встретит его когда-нибудь на том свете. Язык вырвет за враньё!

28 июня, понедельник. Пришлось ехать на работу, идет аттестация, и утром первым будет мой семинар. Провел своих с довольно большой строгостью, но все же остался недоволен, хотя и второй курс, но нет ощущения крепости мысли. Я пока надеюсь только на Женю Ильина и, может быть, на Романа Подлесских. На всякий случай застращал и своих любимчиков: Никитина, Аксенова и Олега Иванова. Дай Бог, что-то в них всех проснется, все отчаянно молоды, нет опыта.

Очень странное впечатление произвел семинар С.Чупринина и Т.Бек, там какая-то распря между руководителями и двумя парнями: Стасом Ефросининым и Романом (в свое время фамилию не вставил, а теперь уже и не вспомню). Весь семинар читал свои стихи, и я заметил, что у этих парней стихи не самые плохие, а даже, наоборот, наиболее приближенные к жизни, по крайней мере это не только лирические переживания по поводу половой проблемы, а нечто более значительное, глубокое, а иногда сатирическое. Ребята не без ерничества, думают по-своему и требуют, чтобы их убедительно переубедили. А переубеждать лучше всего практикой.

У меня на столе в кабинете коробка конфет и письмо. Все знают, что сладкое я люблю. Но по себе знаю, что когда кому-

нибудь хочешь сделать приятное или как бы отблагодарить, то в первую очередь делаешь это для себя. Собственный залет в будущее. Вот это трогательное письмо. Конфеты передарил, каюсь.

«*Многоуважаемый Сергей Николаевич!*

В том году Вы предоставили мне уникальную возможность — поступить в Ваш институт, хотя я этого и недостойна. Если говорить честно, я вообще не рассчитывала на поступление, думала, что меня не возьмут по причине здоровья. Сегодня, когда я заканчиваю первый курс, я выражаю Вам, Сергей Николаевич, огромную благодарность и искреннюю признательность. Я знаю, что вопрос о моём поступлении в первую очередь зависел от вашего решения. Вы могли не предоставлять мне возможность попробовать свои силы — курс и так набирался довольно большой, — но Вы это сделали.

Надеюсь, что я оправдала оказанное мне доверие. Ещё раз огромное Вам спасибо!

С уважением, Елена Фёдорова».

Надписал и отослал с письмами книги муфтию Равилю Гайнутдину и ректору Людмиле Алексеевне Вербицкой. Вместе с Дневниками отослал и книгу Самида Агаева. Но за то, что Самид без моего разрешения не пришел на аттестацию и уехал в отпуск, ему попадет.

В три часа был экспертный совет. Практически разбирали несколько уже разобранных ранее проектов. Наконец-то стали голосовать не поднятием рук. И сразу же Мысина не получила новых денег на свой проект, довольно, впрочем, безумный по отзывам, и зарубили еще одного искателя: это один из работников комитета, конторы по зрелищам и шествиям, который хочет еще и антрепризы. Я, естественно, упрощаю и утрирую.

У В.С. опять температура, но она мужественно сказала мне: это не первый раз, поезжай. У меня еще одна тайная мысль. Я уже пару дней заметил, что у Долли на «локте» задней лапы какой-то нарост, мне кажется, это какой-то нарыв. В Обнинске у меня будет возможность быстро показать собаку ветеринару.

29 июня, вторник. Утром довольно долго писал роман, но движется не так, как у всех, а медленно. Все же решился и повез Долли — у нее абсцесс на лапе. Ей лапу перевязали, выписали таблетки. Я поразился низкой стоимости ветеринарных услуг в провинции, здесь, включая прием у врача и перевязку, все стоило

менее пятидесяти рублей. Утром же позвонил В.С., у нее, к счастью, температура спала, все нормально, обещала позвонить вечером. Питаюсь овощами и соевым мясом.

Было несколько звонков из Москвы: архитекторы по поводу ограды, потом С.П. по поводу аттестации Георгиевской, которая пропустила Бог знает сколько. К сожалению, нет Самида Агаева, который должен был дать точную справку о студентке. Самид укатил, никого не предупредив, в отпуск, в Тунис. В конце аттестации я подберу сведения и приму какие-нибудь меры. Я заметил, что наши мастера постепенно начинают распускаться: Приставкин ни разу за все время моей работы в институте не был на заседании кафедры. Многие мастера считают, что их отпуск давно начался. Пишу, расположившись в нижней комнате на диване.

30 июня, среда. Основное, что делает меня раздражительным и злым, это то, что я хронически не высыпаюсь. Теперь я стал раздражаться от своего любимого когда-то словечка «долг». Встал в половине шестого и уже в восемь по утреннему холодку и малолюдству был в Москве, дома. Здесь два часа на разговоры с В.С. и на работу. Долг, долг! Обычные предканикулярные хлопоты с нагрузкой, приказами на переводы и отчисления. В три часа уже поехал на новую комиссию по премиям — это в основном и пригнало в Москву.

Никогда не управляя комиссией, мэрия на этот раз попросила посмотреть возможность коррективов предыдущего решения. В первую очередь, это касается Музея танка Т-34. На прошлом заседании секция изобразительного искусства отозвалась о музее довольно пренебрежительно, именно о самом музее. Но музей организован с поддержкой Людмилы Ивановны Швецовой, и здесь включились дополнительные силы. Музея я не видел, но идея-то сама по себе, независимо от Л.И., прекрасная. Надо иметь, конечно, в виду, что здесь одной из «запевал» была Лариса Васильева, с ее мощными и прямыми связями. Кремлевские жены в действии.

Вторым пунктом нашей переголосовки оказался, как я и предполагал, скульптор Юрий Чернов. Ой, как собственная секция боится этого деятеля! Конечно, скульптор он очень неплохой, я помню его работы 60-х годов. Наверное, звонков и разных движений была здесь масса, секция переформулировала свое представление. Замечательно грустно и мудро вел себя вконец уставший Вл. Андреев. Вот что интересно: впервые на комиссии появилось новое лицо, некая дама, наверное, искусствовед. Она сразу же вступила в бой за Чернова, прочитав нам всем лекцию. Потом, когда все дело, к всеобщему

удовлетворению, было сделано, я услышал ее шепот: «Я, как только узнала, что Чернову не дают, сразу полетела». В этой реплике для меня два момента: существование какой-то якобы очереди, которую нарушают, и определенная клановость — нашему не дали. Очень резко по поводу доклада сказал умница Андреев. Я тоже добавил, что из-за неловкости секции нам приходится менять свое решение, что связано с определенными издержками.

Вечером был в «клубе Николая Ивановича Рыжкова». С интересным докладом о Киотском протоколе и так называемом потеплении выступил академик РАН, директор Института глобального климата и экологии Росгидромета Юрий Антониевич Израэль. Все оказалось более чем занимательно. Ни о каком глобальном потеплении пока говорить не приходится, за сто лет это глобальное потепление выражено цифрой 0,6 градуса. Скорее всего, это все обычные цикловые колебания температуры. Точно такая же панама, как и потепление, как и «засорение» атмосферы углекислым газом в результате действия цивилизации. Ломоносов: «Польза от науки сомнительна, а вот вред очевиден». Если тезисно, то под Киотским протоколом нет научного обоснования. Америка, кстати, Киотский протокол не поддерживает и не собирается его подписывать. Без России он в действие вступить тоже не может. Здесь есть, по протоколу, определенные квоты на «засорение» атмосферы, которыми государства могут торговать. Подразумевается, за счет других государств, которые в своей промышленной практике будут, наоборот, к атмосфере относиться бережно. В настоящее время Россия могла бы своими квотами торговать, промышленность потому, что оскудела, нет особых выбросов. Но через несколько лет положение может резко измениться, и тогда мы вынуждены будем платить большие деньги. Практически здесь огромная заинтересованность Евросоюза. Европа хочет торговать своими системами и патентами по очистке выбросов. Есть еще несколько соображений. Например, любое потепление для России с ее проблемой отопления — благо. Теоретически повышение углекислого газа в атмосфере приводит к интенсивному росту растений и пр. и пр. вплоть до решения проблемы мирового питания. Именно когда в атмосфере углекислого газа было в десять раз больше, и возникли огромные леса, которые стали источником будущей нефти и газа. Наконец, Россия — это страна, которая поставляет в Европу газ, в свою очередь, при сжигании дающий меньше выбросов, чем любое другое топливо.

Н.И. Рыжков рассказал, что давно, когда очень серьезно стоял вопрос о повороте Печоры в Волгу, воды которой должны были

спасти умирающий Каспий, а Каспийское море мелело стремительно, он получил письмо, где один из специалистов об этом самом цикличном движении уровней Каспия и говорил: «Бойтесь Каспийского моря». А потом, через несколько лет Каспийское море принялось стремительно повышаться, и уже сейчас можно говорить о затоплении многих прибрежных земель, о заболачивании, о переносе населенных пунктов.

Как всегда, всех по очереди поднимали во время ужина. Я чего-то сплел о климате культуры и этике, Людмила Михайловна, с которой я был на этом вечере, сказала: «Вас никогда нельзя застать врасплох». Во время застолья, продолжая все ту же тему, поразительную историю рассказал Анатолий Карпов. О том, как хитроумным способом совсем недавно был приватизирован знаменитый шехтелевский особняк дома на Никитской, где когда-то жил Горький. Сначала поменяли адрес, поменяли таким образом, чтобы особняк выпал из какого-то реестра (например, дом 6 дробь 2 поменяли сначала на 2 дробь 6, а потом дробь выбросили). Сейчас пойдут суды и разная возня. Но все это свидетельствует о нечистоплотности чиновников и о том, что никак не могут исчезнуть хитроумные люди, готовые на все.

1 июля, четверг

Снова после «каникул» в Москве уехал в Обнинск в каком-то полустрессовом мятущемся состоянии. Мое главное хобби — это какие-то усовершенствования на даче, я этим очень интересуюсь. Насупротив всего создать у себя некий комфортный для житья и работы оазис. Хоть и не богато, но комфортно и совсем, как я считаю, необязательно украсть целую отрасль, чтобы потом что-то соорудить у себя дома. Идея огромного поместья и безбрежной собственности также пугает, потому что требует невероятного внимания. А меня только-только хватает на то, чтобы все фиксировать (а по сути, написать фрагмент своей жизни) и постараться закончить новый роман. Он каким-то трагическим образом остановился. Возможно, это связано с тем, что, как животные чуют тектонические шумы, так и я ощущаю приближение немощи. Особенно дают знать себя легкие, все время какая-то тяжесть за грудиной и тяжелая голова. Помогает ли мне так называемый отпуск? Вот уже вчера, уезжая с работы, я составил себе списочек необходимого на понедельник: письмо Илоне, встреча с Воскресенским, материал о гранте Хавинсон, письмо в Америку, этюды на приемные экзамены и пр. Это займет у меня весь день. Но процесс остановить нельзя, он непрерывный, как в доменном цехе.

Кажется, что-то случилось с банком Орехова, Альберт Дмитриевич сказал, что ему звонила Ирина, бухгалтер, они приостановили платежи. Значит, дорогой Андрей опять кого-то наколол, сам-то он, конечно, из этой ситуации выйдет без личных потерь, а может быть, как и любой банкир, еще и разбогатев. Во всем этом для меня есть тонкий привкус возмездия.

По дороге на дачу заезжал на строительную ярмарку на Калужском шоссе и все пытался расспросить и теоретически приспособить так называемый реверсер, водный аккумулятор, для своего нынче горячего душа. Беда в том, что он перестает работать, когда отключают в поселке электричество или подачу воды. Ну, с электричеством еще была не была, но воду отключают значительно чаще, по утрам и вообще именно тогда, когда горячая вода необходима. Как ни странно, некая идея возникла, когда поговорил с Андреем Матвеевым, который тоже у себя что-то усовершенствует. Но в принципе надо покупать маленькую насосную станцию. Как она будет работать летом и осенью, я отчетливо представляю, но главное — заставить работать ее зимой. Некая идея уже есть. Деньги и заранее вложенные усилия должны сделать надвигающуюся немощь менее заметной.

На дачи приходил электрик. Наконец-то свершилась мечта идиота, я сделал у себя трехфазовое электричество. Это первый этап, чтобы подключить на осень электроконвекторы и поставить в сауну дублирующую электропечь.

2 июля, пятница. Утром не выспался, потому что пришлось рано вставать и везти Долли к ветеринару. Приехал к половине восьмого, но зато был третьим, иначе все растянулось бы на полдня. К счастью, похоже, что ихтиоловая мазь и антибиотики помогли. Сегодня не было вчерашнего фельдшера Жени, но сама врач очень толково все посмотрела, велела продолжать лечение и приехать в понедельник или во вторник. В понедельник я точно не смогу, но, может быть, смогу приехать во вторник прямо из Москвы. У меня самого очень болит в локте правая рука, купил какую-то притирку, и если за несколько дней не поможет, то пойду к врачу. Твердо решил в сентябре ложиться в больницу, легкие меня пугают все больше и больше. Какая непростительная глупость и мальчишеская самоотверженность «помогли» мне заработать астму! Теперь прощай продуктивная и спокойная старость. Но счет всему этому я веду, и главный виновник здесь — мой старый добрый друг В.П. Смирнов, развлекавшийся в то время какими-то интригами, не давшими мне возможности тихо и спокойно вовремя лечь в больницу. Запомним, вернее, будем иметь в виду.

Теперь есть некоторая надежда на книгу о дыхании, которую мне, как всегда подложил С.П. Это какая-то новая система, она внушает мне надежду. Главное, все запомнить.

Днем прочел замечательный рассказ Лимонова «Соотечественница», который нашел в старой, еще за 97-й год, «Юности». Это рассказ о его голодной юности в Нью-Йорке и о некой соотечественнице с немецко-еврейской фамилией, балетмейстере, которая подрядила его, голодающего своего товарища, за смехотворно-низкую, пуэрториканскую зарплату скоблить ей потолок в новой квартире. В споре, который возникает между работодателем и нанимаемым, говорится о той форе, которую получают дети богатых, стартуя в жизни. Ее, балетмейстера, фора и ее преимущество — это то образование при Кировском театре, которое на Западе можно получить только за очень большие деньги. Единственное, чему я могу в моем положении завидовать, это умению писать просто.

Дума приняла в первом чтении закон о льготах. Я еще раз вспомнил угрозу Феоктистова, что Герои Советского Союза вернут свои медали и не примут участия в праздновании 60-летия Великой Победы. Прощай, социалистическое государство. У всех совершенно неправильное представление, что государство чего-то

дает пенсионерам. Оно лишь распределяет то, что пенсионеры заработали за свою жизнь и что государство в виде налогов и выплат у них отобрало или недоплатило им. Ужасно то, что с тем, что отобрало, оно обошлось неумело. Это свидетельствует о слабости и бездарности управления.

Вечером поздно прибыл на электричке Витя с термосом красного летнего борща, который прислала В.С.

3 июля, суббота. Ездили утром за стройматериалами, надо доделывать террасу, которую зимой построил Толик. Купил вагонку, плинтус и раскладку, цены невероятные. Я теперь буду жить со знанием, что два метра тонкой реечки на подоконнике стоят, как килограмм первоклассной свинины. Витя очень терпеливо и аккуратно выправляет окна, я ему, когда надоедает читать или писать, помогаю. Лучше работать пилой, лопатой ли, нежели сидеть над бумагой. Как ни приятно ощущение строительства новой реальности, которая возникла у тебя в мозгах, а ничего труднее и изнурительнее, чем писательский труд, я не знаю. Тем не менее закончил трудную четвертую главу. На горизонте замаячила пятая — это будет большая прогулка по городу, мой любимый жанр. Как бы я ни хотел писать, как большинство писателей, с разговорами и так называемым действием, у меня этого не получается. Я все-таки выработал если не свой стиль, то свой ракурс изображения действительности, свою конструкцию диалога с читателем. А может быть, это вовсе и не конструкция, а просто существует множество миров, и один из них мне открылся? У меня стала пропадать рефлексия по поводу недостаточности и ущербности моего письма. Переломлю я читателя, и если уже не заставил видеть по-моему, то заставлю, но мне кажется, у меня уже много единомышленников.

Вечером А. Герасимов рассказывал о пенсионной системе в Америке. Если вы все понимаете, значит, вам мало об этом рассказывают. Я во время передачи вспомнил горячие споры, которые услышал в строительном магазине. Речь шла о проездном билете, о его реальной стоимости. Наша система льгот как-то помогала людям чувствовать себя над гранью бедности, иметь хоть какие-то права. Потом, давайте также отметим, что все, что бы ни делало наше правительство, все, абсолютно все идет во вред народу.

Читаю работы иркутского семинара, прозу. Через иркутский семинар уже прошло двадцать человек. Качество прозы повсеместно повышается, но это все старые правила.

4 июля, воскресенье. Написал большое письмо Илоне Давыдовой, написал также врезку к рассказам и рассказикам Вячеслава Казачкова. Вот на это весь день и ухлопал. Варили

грибной, с шампиньонами, суп, плов, борщ съели вчера. Позже, чем обычно, уехали в Москву, смотрел на кассете фильм Скорсезе «Бешеный бык», это черно-белая лента про боксера-чемпиона, про итальянские нравы. Играет Де Ниро, и опять новый характер и формула. Заканчивается все тем, что герой стал владеть баром и клубом. Судьба чемпиона в Америке.

5 июля, понедельник. К десяти приехал на работу, письма, звонки, абитуриенты, внутренне я уже настраиваюсь на новый учебный год, каникулы для меня уже прошли. Утром же объяснял В.Е. по поводу его действий в министерстве, у него ощущения молодца-временщика. Но у меня долговременная программа, по новому зданию и ремонту центрального здания. Положение у нас в институте тяжелое. Провели обследование состояние крыши и второго этажа, результаты безрадостные. Скорее всего, в этом году мы вынуждены будем второй этаж закрыть и устраивать учебу в две смены. Надо менять стропила и перекрытия, ставить металл и бетонные плиты, как в театральном крыле, за десять лет, когда мы последний раз проводили это обследование, здание постарело. Как достать деньги?

К двум часам поехал в министерство вместе с Харловым и Матвеевым по поводу тендера. В.Е., кивающий и поддакивающий мне, тем не менее все время ведет двойную игру. В частности, когда мы уже вышли из министерства, на пороге встретили руководителя фирмы Юрия Ивановича. А накануне я предупреждал В.Е., чтобы всю информацию о наших демаршах держать закрытой. Потом в машине у нас, в присутствии Харлова и шофера Миши, произошел скандал. Почему вы обвиняете меня в воровстве? На что я ответил, почему и на основании чего подозреваю как минимум в халатности. Ведь этот самый Юрий Иванович в устном разговоре выставил цену в один миллион, а на тендер — в три, поэтому мы и не постарались, чтобы участвовали какие-либо другие фирмы. Мог ли не знать этого В.Е., который уже третий или четвертый договор заключает с этой фирмой. Кстати, он тут же заложил, определив, что фирма пришла, будто бы через знакомства С.И.

В министерстве, на первом этаже, где уже стоит рамка металлоискателя, густой запах денег. Встретили нас представители госпредприятия, которое занимается заключением контрактов и проведением тендеров. Один вальяжный молодой мужчина — видимо, чеченец, а второй — армянин. Разговор был почти пустой, но в результате я выяснил, что повторный тендер провести возможно, это одно из условий контракта. Проводя тендер, ребята даже не поинтересовались по-настоящему лицензией: в ней нет основных наших работ по металлу и работ с

природным камнем, а лишь возможность быть «генподрядчиком». Значит, все будут заказывать фирмам, которых из тендера отжали. Кстати, мы поиграли там довольно крепко словами. Иногда я прикидывался черпаком, который просит посоветовать ему, слабоумному.

Забежал к Ю.И. Бундину. Он готов посоветовать Киселеву, начальнику департамента, повторить наш тендер. Кстати, интересная подробность: как в свое время, уезжая из кабинета, Сидоров оставил мне массу подписанных ему книг, так, съезжая из своих апартаментов, Михаил Ефимович оставил на полках и мой «Дневник ректора». Видимо, он книгу и не посмотрел. Я подержал книжку в руках, прочел свое посвящение. Уехал из министерства в нервной накрутке, в таком гневе на обман и ложь, на формальное и бездушное решение дел.

В жутком состоянии, щемило сердце, поехал на дачу. Вот так проходит мой отпуск. Единственное утешение — дорога была почти свободная. Приехал, поел и сразу в свое логово на втором этаже.

Когда лег, сразу же схватился за «Воспоминания» Зинаиды Николаевны Пастернак. Об этой женщине я, конечно, читал, но все в намеках, в отдельных высказываниях, в сопоставлениях и подробностях, которые не очень хорошо говорили, стараясь, правда, ничего плохого не говорить. Ушла от мужа, от знаменитого пианиста Генриха Нейгауза, с которым прижила двух сыновей, к другому, к другу мужа, к поэту, какое-то время, мучаясь, конечно, переходила от одного к другому. Все это с поразительной откровенностью, так же как и о том, как в пятнадцать с половиной лет «сошлась» со своим двоюродным братом, который был старше ее лет на двадцать пять. Однако заслуживает эта женщина огромного уважения не только своей откровенностью, но еще и редчайшей самоотверженностью к семье, старой ли, новой, к великому мужу, старому ли, новому. Это надо читать. Одному она доставала для концерта в разоренном городе рояль и перекладывала печи в консерватории, другому ставила клизмы и была сиделкой. Но ведь была еще и женщиной высокого полета в искусстве: с Генрихом Нейгаузом, с которым перед уходом прожила более десяти лет, играла в четыре руки. Сорт женщин, которые умеют выбирать великих мужчин и быть с ними наравне. Удивительные литературные подробности. По привычке выписываю цитаты. Естественно, выписал то, что меня интересовало.

«Когда я познакомилась с Борей, он носил обувь с утолщенной на три сантиметра подошвой на правой ноге» (стр. 141). Как известно, Б.Л. в детстве повредил ногу, и она у него неправильно

срослась. Следующая цитата направлена против моих знакомых — писателей и литераторов, желающих во что бы то ни стало стать писателями. Как же они боятся любого физического усилия, они боятся спугнуть свое интеллектуальное воображение. *«Он говорил, что поэтическая натура должна любить повседневный быт и что в этом быту всегда можно найти поэтическую прелесть. По его наблюдениям, я это хорошо понимаю, так как могу от рояля перейти к кастрюлям, которые у меня, как он выразился, дышат настоящей поэзией. Он рассказал, что обожает топить печки. На Волхонке у них нет центрального отопления, и он топит всегда сам…»* (стр. 43). На ту же тему, как эстетическое шагает рядом с физическим и физиологическим: «*он любил, например, запах чистого белья и иногда снимал его с веревки сам»* (стр. 43). Теперь пассаж, относящийся непосредственно к Литинституту. Квартира Пастернака находилась на первом этаже, рядом со входом на заочное отделение, слева. *«Как ни странно, через две недели дали нам квартиру на Тверском бульваре из двух комнат, со всеми удобствами. Но квартиру надо было чем-то обставить, и Генрих Густавович, опять весьма великодушно, отдал кое-что из мебели. Мы купили какую-то дешевую кровать для себя. Несмотря на бедную обстановку, мы были очень счастливы. При доме был садик, где я гуляла с детьми, а обеды мы брали тут же в литфондовской столовой. Таким образом я обходилась без работницы»* (стр. 56). Теперь бытовые подробности, говорящие, что совершенно не обязательно быть графом или помещиком, чтобы стать писателем, но быть человеком дисциплинированным и работящим обязательно. Мелкие вкусовые привычки здесь не в счет. *«Ежедневно зимой и летом, когда бы он ни лег спать, он подымался в восемь часов утра. После завтрака шел в кабинет, работал до часу и потом сразу уходил гулять. В полтретьего он занимался водными процедурами, в три часа садился обедать. После обеда спал, хотя врачи запрещали ему это. Спал недолго, минут сорок. Напившись в пять часов крепкого чаю (чаем заведовал и заваривал его он сам), снова садился работать до девяти-десяти часов вечера. Перед сном гулял полтора часа — иногда вместе со мной. Он всегда любил плотно ужинать часов в одиннадцать, несмотря на запреты врачей»* (стр. 143). Теперь кое-что вызывающее у меня не свойственную мне зависть. *«Он знал три языка — английский, французский и немецкий, но не так блестяще, чтобы не работать над каждым ответным письмом без словаря»* (стр. 154). Ужас эпохи, объем и масштаб: *«В Переделкине арестовали двадцать пять писателей»* (стр. 75). Деталь, демонстрирующая социальный уровень жизни писателей и подробности личностных пристрастий: *«Летом 1940 года мы*

отправили Адика и Стасика в Коктебель в пионерский лагерь для детей писателей, а сами увлеченно занялись посадками на новом участке. Борис с упоением копал землю и трудился на огороде. Работая, он раздевался и, оставшись в одних трусах, загорал на солнце. Перед обедом принимал холодный душ, после обеда отдыхал час и садился за переводы» (стр. 81). А вот Шиллер писал, выпив полбутылки шампанского и поставив ноги в таз с холодной водой. Началась война, эвакуация, Зинаида Николаевна как мать и жена великого писателя в одном лице. *«В дорогу не разрешалось брать много вещей, но я захватила Ленины валенки и шубу и завернула в нее Борины письма и рукопись второй части «Охранной грамоты»: они были мне очень дороги, и я боялась, что во время войны они пропадут. Благодаря этому письма и рукопись уцелели»* (стр. 86). Теперь эпизоды с «Живаго», к роману и друзья, и интеллигенция относились неоднозначно. *«Работа над романом подходила к концу. Боря собирал людей и читал им первую часть. На первом чтении присутствовали Федин, Катаев, Асмусы, Генрих Густавович, Вильмонт, Ивановы, Нина Александровна Табидзе и Чиковани. Все сошлись на том, что роман написан классическим языком. У некоторых это вызвало разочарование»* (стр. 138). Но какова объективность любящей жены. «У некоторых это вызвало разочарование»! Теперь очень интересная мысль о коллективе писателей, мне она близка: *«…в 1945 году Пастернак рассказывал Исайе Берлину, он говорил еще и о том, что писатели не должны объединяться»* (212). Смерть, легенды о подлости и предательстве: *«От Литфонда прислали венок с надписью: «Члену Литфонда Б.Л. Пастернаку от товарищей»* (стр. 170).

6 июля, вторник. Ночью отвратительно спал, это все переживания вчерашнего дня. Передо мною сидит ситуация, когда героям отступать некуда, но они знают, что я ничего не докажу. Отменять тендер, не отменять, Владимир Ефимович ведет себя, как глупый лис, который залез в курятник. У меня лишь несколько словесных обманов, которые я сейчас, как бы даже в гневе, но обговариваю на публике, затверждаю. Спасает от постоянных мыслей только книга, проснулся в половине шестого и продолжаю читать воспоминания Зинаиды Николаевны Пастернак. Редчайшая книга, которая, кстати, так много и хорошо говорит и о великом поэте. Начал вчера вечером, читал утром до восьми, до девяти снова поспал и потом почти до двенадцати, не отрываясь. Особенность этих воспоминаний в том, что это еще и мое время. Все помню, даже ту знаменитую травлю Пастернака. Помню, как на углу Никитской и улицы Наташи Качуевской, которая снова превратилась в Скарятинский переулок, я на стене, еще мальчиком, читал в «Литгазете» письмо Пастернаку от

редакции «Нового мира». Потом на номере этой газеты с этим письмом Юра Космынин отпечатал прекрасный свой графический портрет Б.Л.

Днем возил Долли в ветлечебницу, опять осмотрели ей ногу, она подживает, кажется, можно будет не резать. По телевизору все дело ЮКОСа, с которым платные телевизионщики обращаются как с делом какого-то нажима и гнета государства на честного человека. Говорят об уходе от налогов, о финансовых бизнес-схемах, а это обычное воровство, отличающееся только размером. Воры в бабочках и с бутоньерками в петлицах.

Показали похороны космонавта А.Николаева у него на родине в Чувашии. Ни дочери, ни его первой жены — Валентины Терешковой не было, они хотели похорон не ***там***, а в Москве, в Звездном городке. Понятна позиция Чувашии, им нужна могила национального героя. Выступая на похоронах, бесконечно держал трагическую паузу президент Чувашии Федоров, передержал, актерствовал. Вот президентов США обычно хоронят на их родине, Рейгана похоронили не в Вашингтоне.

Днем ездил в Обнинск и здесь в роскошном универмаге купил в подарок на день рождения Льва Ивановича замечательный и дорогой итальянский халат. К халату приложена тайная для всех специалистов цитата об Обломове, его халате, тапочках, «золотом сердце».

7 июля, среда. Каждый день льет дождь, который мне не мешает. Немножко читаю параллельные тексты на русском и английском языках «Дневник неудачника» Лимонова, учу английский, режу доски и прибиваю, доделываю террасу, немножко гуляю, поливаю в закрытых теплицах, высадил еще порцию лука, смотрю телевизор, читаю книги, прочел и подчеркнул цитаты, которые потом мой секретарь Максим Лаврентьев выпишет на карточки из книги Зинаиды Пастернак, просматриваю книгу Федя, о которой написал Максим Замшев. Парень очень бесстрашный. Это из статьи, о которой я уже писал и к которой возвращаюсь. Мне подобный талант аналитика не дан. Он еще умеет формулировать то, о чем я лишь смутно подозреваю.

«В общем, патриотический фланг оказался вовсе не безупречен. Порядочные молодые люди, взглянув на него, снова говорят: «Что за недоразумение?» Но находятся и те, кто начинает соображать: какое удобное и тёплое местечко! Чуть православия, чуть консерватизма, немножко идиотизма — и всё в порядке. Тем более что на демократическом фланге всё, как говорится, плотно. Так возникают деятели типа Алексея Шорохова и иже с ним. Под патронажем критика Капитолины Кокшеневой они мнят себя

законодателями литературных православных мод (хотя и о литературе, и о православии они имеют весьма туманное и, мягко говоря, субъективное представление). Эти «авторы» молятся на В.Распутина, прикладываются к ручкам реальных литературных бонз и упорно не замечают мощнейшую фигуру Петра Проскурина» (Замшев М. В защиту поколения. М.: «Московский вестник», N3, 2004).

Опять ЮКОС, опять Ирак, идут бои в центре Багдада. К этому прибавляется и Южная Осетия. Отняли у наших военных какие-то автомобили с оружием, правда, при невероятном численном перевесе.

8 июля, четверг. История с тендером, вернее, недобросовестность или скудоумие Владимира Ефимовича испортили мне отпуск. Я как следует не могу работать, потому что нахожусь все время в волне этих событий. Много думаю и по поводу заключения о состоянии второго этажа института. Закрывать второй этаж для обучения или не закрывать? У кого просить помощи, кто-то должен же помочь? Перебираю ходы. Склоняюсь отменить тендер. Честь и последовательность дороже быстрого прагматизма. Но тем не менее так все поставлено, что деньги могут и пропасть. Эти милые специалисты по культуре через В.Е. намекают.

Начал четвертую главу, которая, кажется, пошла, по крайней мере есть какая-то перспектива движения. Все время уверяю себя, что надо не лениться, а писать быстрее.

Читаю Лимонова, разбираю английский перевод и убеждаюсь, что многие нюансы уходят.

Две телевизионные новости. Сгорело здание суда в Нижнем Новгороде. Это какая-то волжская болезнь — при помощи огня заметать следы. Вспоминается пожар в Самаре, когда сгорело здание то ли архива, то ли МВД. Вечером у Соловьева («К барьеру») Николай Петров выступил все по поводу того же Киркорова против Бари Алибасова. Петров талантливо победил с перевесом голосов раз в 12–13. Интересны были выступающие: от Марии Арбатовой до Ксении Собчак и Полины Дашковой. Обе последние отстаивали свой — одна образ жизни, а другая — образ творчества. И все говорили о милом Зайке.

Весь день варил большой котел картошки с грибами. Завтра частями приедет банда: топить баню и совершенствовать дачу.

9 июля, пятница. Ездил за сухой, в мешках, штукатуркой. В субботу, после того как побываю у Л.И. утром на дне рождения и до того, как приедет после диализа В.С., обязательно съезжу в магазин «ikea» и куплю там электрическую печку для сауны. К старости лет ли меня обуревает жажда комфорта, или времени

остается все меньше и меньше, а от привычного образа жизни отказываться не хочется, да и сил, чтобы самому долго топить дровами баню, уже нет. Спасибо, хоть Володя так любит баню, что приезжает по субботам и топит на всех. Мои дрова и пиво. А штукатурка нужна, чтобы закрыть плиткой одну из стен, на которой печку эту повешу.

Много занимался хозяйством: закончил выравнивание стены возле двери в комнате над гаражом, которую в прошлом году сделал Анатолий. Делал новую гимнастику, С.П. принес зарубежную новинку с этой самой дыхательной гимнастикой. Мне это подходит, мне кажется, от этих энергичных выдохов я начинаю чувствовать себя легче. С.П. вообще у нас мастер, он все знает про здоровье и бескорыстно меня просвещает. Английским он со мною заниматься не хочет, а вот здоровьем — пожалуйста, по крайней мере информацию не скрывает.

Прочел статью М.П.Лобанова «Консервативная накипь» в «Нашем современнике». У М.П. главным всегда являются даже не тщательно подобранные и пропущенные через себя факты, а сила убеждения. Как настоящий публицист он ничего никому не спускает. Я так не могу, и напрасно.

10 июля, суббота. С.П. еще вчера сказал мне, что часа в три поедет в Ракитки красить забор на своем участке — о его даче говорить пока не приходится, я не знаю, как С.П. собрал деньжат на этот самый забор. На участке у него стоит полусгнивший вагончик, оставшийся от строителей соседского дома, за который у него и денег, кажется, не берут. Зато забор, как и у соседей, классный. К счастью, с двух сторон забор уже поставлен — соседский. А у соседей, кажется, только павлины по участкам не бродят. Договорились, что на обратном пути, когда я буду ехать вечером из Москвы вместе с В.С., я заеду за ним в Ракитки. Сам я сорвался с дачи еще утром, в шесть, потому что на 12 часов назначено было у нас в «Форте» празднование дня рождения Льва Ивановича. Уезжал утром с собакой, замечательной нашей путешественницей, которой со вчерашнего дня я больше не даю антибиотики и не мажу ихтиолкой лапу.

Недаром Обри Бердслей как-то сказал, а может быть, это его современник Оскар Уайльд, что шампанское надо пить утром. На этот раз я, правда, шампанского не пил, но день рождения Л.И. прошел замечательно. Все это уместилось в два часа, было дружно, неофициально и значительно. Хорошо сам о себе говорил Лев Иванович, уж в чем-чем, а в отсутствии ума ему не откажешь. Может быть, только в скрытности и тех исконно русских недостатках, о которых писал Достоевский, но я и сам не без них. Кстати, Пастернак тоже был строг к себе до самолюбования. Я-то

вообще считаю, что такие события, если нет твердой и доброжелательной руки тамады, надо брать в свои руки. Борис Леонов, который, как мы предполагали, мог бы все это вести, отказался. В «президиум», который как-то сам образовался в том месте, где короткая перекладина у буквы «П» — столы стояли именно таким манером, — я сесть отказался, а посоветовал посадить всю семью: Татьяну Николаевну, Иру и Ярослава с мужьями и женами. Кстати, и Ярослав, как младший, и Ира, как старшая дочь, очень хорошо и душевно об отце говорили, и я в это верил. Много было вспомянуто. Ира о том, что судьба ее, как будущей студентки МГУ и филолога была предрешена: «На кухне, как только я себя помню, сидел или дядя Сережа Есин, или дядя Юра Апенченко и что-то рассказывали или о чем-то с папой говорили». Его семья — это настоящий триумф Льва Ивановича, и это заметно, и это говорит само за себя, и этим можно гордиться.

Я говорил вторым после Л.И., и, кажется, неплохо. Вспомнил молодость, его как моего читателя, ту веру, которую он в меня вселял, вспомнил о нашем походе на лыжах на Севере, в Лапландии, а потом вспомнил и об одежде Обломова — халате. Все вспоминают его халат, но у него было еще и «золотое сердце». Я очень порадовался тому, что сказал приглашенный Левой его постоянный редактор Карпюк — о выходе написанного Левой огромного нового словаря. Видимо, это будет каким-то образом связано с культурой речи, которой он занимается всю жизнь. Были в основном все наши. Институтские и родня. Я сидел рядом с двоюродными братьями Левы — Валерой и Левой Петуховыми, так славно между тостами поговорили.

11 июля, воскресенье. Поздно вечером звонил С.Ю.Куняев. Он предполагает, что я человек, более знающий в финансовых вопросах, чем он, и поэтому интересуется: не случится ли опять дефолт, не рухнут ли банки. По крайней мере, его интересует Сбербанк, здесь хранятся его, как он признался, полтора миллиона рублей, деньги за подписку на второе полугодие, за счет чего существует и издается журнал. Здесь опять можно посетовать, как хрупка наша капиталистическая жизнь. Я успокоил его как мог, борьба идет пока с мелкими банками. Государству надоело, когда его шпыняют из-за мелких хищников, и, как они ни близки по идеологии и хватке нашим дорогим правителям, чтобы самим жить спокойнее, продолжать радостно пользоваться непомерной остаточной стоимостью от труда общества, им теперь приходится беспокоить близких родственников, хищников одного класса.

С.Ю. сказал, что, как и в прошлый раз, прочел мои Дневники за 2003 год и сделал из них выборку, самое главное, сказал, что

опять интересно, и дневники мои его не разочаровали.

12 июля, понедельник. Мои проблемы, несмотря на мой якобы отпуск, за меня никто не решит, но может накопиться их столько, что или они начнут конфликтовать друг с другом, или под собственной тяжестью постараются меня угробить. Не будем их копить.

Опять занимался тендером, склоняясь поступать скорее прагматично, нежели принципиально. Посмотрел почту, которая растет. Говорил с охраной в связи с обстановкой угрозы со стороны террористов. Ходят упорные слухи, что они во время вступительных экзаменов в институты обещают устроить «Норд-Ост-2». Советуют отменить всякие родительские и гостевые посещения общежитий, особенно когда имеем дело с жителями проблемных регионов. Решили также не впускать по возможности родителей к нам на территорию во время экзаменов. Советовался с В.Е. относительно второго этажа и почти рухнувших перекрытий. Если можно было бы поставить какие-то металлические подпорки в трех аудиториях, которые страховали бы ситуацию, меня это бы не смутило.

К двенадцати часам поехал в Авторское общество, где должно было состояться совещание президиума авторского совета. Вопрос следующий: некое общество по смежным правам хотело бы заключить договор с РАО, с тем чтобы агенты РАО взыскивали деньги с пользователей для собственников смежных прав. Тонкость заключается в том, что во главе общества стоит певец Юрий Антонов, а с ним рядом некто Тагибов, человек в РАО известный с не лучшей стороны и уже сидевший, кажется, за вымогательство. Его здесь хорошо знают: угрозы, брань и пр. Об этом мне рассказывала бухгалтер В.В. Судя по всему, Тагибову этот договор нужен для того, чтобы, вооружившись им, как рычагом, собрать других собственников и другие общества под своим водительством. Но, к счастью, РАО заключить договор может только — это прописано в законе об авторских правах — при условии некоего коллектива обществ, или держателей прав, или ассоциаций. Но есть и другое обстоятельство: любой договор с организацией можно заключить, если организация имеет зарегистрированный устав и другие необходимые бумаги. Но бумаг этих у общества нет, а договор им нужен, потому что за ним в конечном итоге стоят деньги. Ой, как любит народ деньги и как их хочет! Мы довольно быстро это все объяснили Антонову, но он и сам понимал, мне лично кажется, что он делает все как бы по инерции, под неким давлением. «Зачем?» — я потом спрашиваю. Человек он обеспеченный, но, как мне объясняли, наверное, думает о будущем, о надвигающемся возрасте, когда

петь станет меньше, и пр. В общие объяснения я вложил и некоторые свои. Тем не менее, скорее сделав вид, что вспылил, нежели по-настоящему вспылив, Юрий Михайлович ушел, хлопнув дверью. Мы все остались писать постановление.

Был Алексей Ярмилко, замечательный актер из театра Евгения Симонова, просил помочь ему устроить где-нибудь в прессе небольшую заметку к 10-летию смерти режиссера. Заметку написал он сам, и она была хорошая, я через пять минут связался с Леней Колпаковым, и дело было решено. Надо не забывать, что в этом театре идет «Козленок в молоке».

Уехал из Москвы в пять, не попив дома даже чаю, взял сумку с постиранными банными халатами и махнул в Обнинск. Еще прошлый раз, в воскресенье, я заезжал в Воробьи, в магазин при молочном заводе. Там полное запустенье, взял только немножко творогу, который и то показался мне не очень свежим. Но и всегда, кроме творога, высокой, кстати, жирности, товар здесь был, как мне казалось, не очень качественный, даже сливочное масло, не свое, и то с привкусом маргарина. Теперь, после того как «москвичи» продали магазин «армянам», прилавки оказались пустыми. Может быть, это временно, армяне, может быть, порядок и наведут, но о качестве особо говорить не приходится. Я помню еще знаменитую, очень красивую, но фантастически непрочную ереванскую обувь. Но я не об этом. На этот раз за молочными продуктами решил заезжать в Белоусово, где возле птицефабрики открылся маленький магазинчик — филиал Жуковского молочного завода. Если бы не было сравнительно далеко, километров двадцать, я бы ездил в Жуково каждое воскресенье. В новой палатке все было достаточно свежее и качественное. Пока я собирал свои покупки и разговаривал с продавщицей, выяснилась такая подробность: этот прекрасный и замечательно работающий молочный завод в Жуково принадлежит министру сельского хозяйства. «Молоко со всех ближайших совхозов везут к нам». Во-от так! Какому министру, бывшему, следующему, настоящему или будущему, я не уточнял.

13 июля, вторник. У нас на дачах жуткое воровство. После того как обокрали моего соседа Шимитовского, теперь прямо днем обокрали кого-то из соседей по нашей улице. Это произошло днем, естественно, никто из соседей не подошел, когда чужой человек выходил с сумкой из дома. Наш всегда бравый комендант Константин Иванович говорит, что начал бояться. Наша подрастающая молодежь с дачных участков состыковалась с криминалитетом из деревни, и теперь ей угрожают.

14 июля, среда. В половине десятого уже был на работе.

Добрался с дачи очень быстро, но уезжал в расстроенных чувствах, неужели опять все ценное надо каждый раз увозить с собой или прятать! Как и договаривались, Е.Я. пришла утром, и мы провернули с ней целую кучу дел. Во-первых, я надиктовал огромный, в 12 страниц, материал, который требовал от меня С. Рыбас. Материал еще сыроват, но все по возможности я написал, как считаю необходимым. Здесь есть много интересного. Как вставная новелла о биографии автора Дневников она может быть помещена в общий текст. Что-то похожее я видел в Дневнике Кузмина — очерк о первых днях его осмысленной жизни и отчасти биографические сведения. Но позже текст немножко поправлю. Написал также письмо ректору Марбургского университета принца Филиппа, как через Барбару посоветовал мне сделать профессор Плагенборг. Из письма все ясно, поэтому здесь не рассказываю. Подготовил восемь комплектов экзаменационных этюдов. В этом году абитуриентов, прошедших творческий конкурс, у нас значительно больше, чем в прошлые разы, а ведь иногда мы просто кое на что закрывали глаза, чтобы набрать контрольную цифру студентов. В этот раз у нас на шестьдесят пять мест ровно втрое абитуриентов. Что касается предложений преподавателей по этюдам, то на сей раз Галина Ивановна Седых мне их даже не распечатала, а просто дала пачку. Самые интересные темы у Гусева, все. Одну очень интересную тему предложил А.Приставкин («Нельзя казнить помиловать» — где поставить запятую?). Все остальное довольно старомодно, может быть, за исключением Апенченко. Сдал темы и Е.Ю.Сидоров, это все довольно слабо, хотя одна тема интересная. Надо, конечно, иметь в виду, что уже несколько лет подряд Е.Ю. был почти оторван от литературы. Пару дней назад он позвонил и настаивал, чтобы я немедленно подписал приказ о его назначении на должность профессора. Будто забыл, как был ректором. Все подобные приказы подписываются в конце августа. Тем не менее завтра подсчитаем и подготовим для Е.Ю. приказ о его на летний период почасовой оплате. Обычно мы этого не делаем.

Вот как я сформировал темы этюдов, выбирая из предложений преподавателе и добавляя кое-что свое. Например, этюды для переводчиков, кафедра темы не подготовила, это целиком мое творчество**.** ***Детская литература.1.*** **2004 год: Татьяна пишет письмо Онегину. 2. Дама с собачкой Баскервилей. 3. Красная шапочка от кутюр. 4. «Не рассказывайте мне сказки…».** ***Публицистика.1.*** **Через пять лет, когда я закончу институт, у нас в России… 2. Танки грязи не боятся. 3. В Москве живу я иностранцем. 4. Цены на нефть.**

Перевод.1. **Любимый сюжет Шекспира. 2. Русские в Париже. 3. Кухня Рабле. 4. Пруст или Джойс — кто нравится больше? 5. Жанна д'Арк и Мария Стюарт.** ***Проза. 1.*** **Казнить нельзя помиловать (где поставить запятую?) 2. Когда погас телеэкран. 3. Кому на Руси жить хорошо? (не по Некрасову). 4. Гамлет на политической арене.** ***Драматургия.1.*** **Что я знаю о драматургии молодых? 2. Пожар Москвы 1812 года глазами очевидца 3. Бесплатный билет в Трансвааль-парк. 4. Заказное убийство.** ***Поэзия.1.*** **«…Сороковые, роковые». Исполнила ли советская военная поэзия свой долг перед сражающимся народом? 2. Интернет как поле общения. 3. Как соотносится любовная лирика поэта с его личной биографией? 4. Божественное невмешательство.** ***Критика.*** **1. Почему у Пушкина нет темы матери? 2. Бывают ли поэты без любовной лирики? 3. Печорин в коммунальной квартире. 4. Влияла ли философия Л.Н. Толстого на его художественный стиль? 5. Почему Синебрюхова принимали за самого Зощенко? 6. Стили Бунина: это «XX век» или архаизм?**

С чувством глубокого удовлетворения отправился домой.

15 июля, четверг. Теперь письмо ректору в Марбург. Я продиктовал его Екатерине Яковлевне, которая выходила на работу в среду, а сегодня только аранжировал и доправил.

Глубокоуважаемый господин Президент!

Мое обращение к Вам человека, Вам незнакомого, вызвано исключительно экстраординарньми обстоятельствами. Я охотно допускаю, что вопрос, на который я хочу обратить Ваше внимание, лежит не в моей компетенции и целиком зависит от Вашего решения, он не может быть обжалован и не может быть нелегитимен. Суть заключается в дошедших до меня слухах о грядущей возможности закрытия Отделения славистики в Университете Принца Филиппа. В связи с этим я хотел бы высказать свою точку зрения, имеющую отнюдь не практический, но чисто гуманитарный характер.

Я уже старый человек, видевший на своем веку многое, в том числе учившийся в годы войны в обычной русской школе, в тот момент, когда шло определенное противостояние между Советским Союзом и Германией. Вы понимаете — что мы, дети, знали о враждовавшей в то время с Россией стране? И тем не менее даже в то время одной из основных немецких дефиниций был знаменитый город Марбург. Другие города — Берлин, Гамбург, Мюнхен, Лейпциг — это были обычные познавательные определения, лежащие в курсе уроков географии, но среди этих названий мы хорошо знали маленький немецкий город с замком на скале. Но не только город мы знали — мы знали имя великого

немецкого ученого, который, кстати, был одним из Ваших предшественников на посту ректора. Это физик, геолог и естествоиспытатель профессор Вольф. Дело в том, как Вы, наверное, догадались, господин Президент, что в программе российской школы стояло имя одного из наших русских гениев — Михайлы Ломоносова, который в свое время был студентом Марбургского университета.

Это был не только крупнейший, европейского замеса ученый, но и выдающийся лингвист и поэт, в известной мере реформировавший систему русского стихосложения. Памятная доска, посвященная этому русскому гению, с девизом поиска и пытливости, висит, кстати, стараниями и инициативой фрау Барбары Кархофф, преподавателя Университета и почетного доктора литературы нашего Литературного института, на старинном здании Марбургского университета

Момент, связанный со стихосложением, я вспомнил в этом письме неслучайно. Конечно, кто-нибудь вместо Ломоносова смог бы проделать эту работу позже — ведь и Пушкин, великий национальный поэт, должен был появиться в нашей стране, а до него — Державин, а после него — Некрасов, Блок, Ахматова, Мандельштам и Пастернак. Хочу обратить Ваше внимание на то, что лауреат Нобелевской премии, другой наш национальный гений, Борис Леонидович Пастернак — тоже студент Марбургского университета в прошлом, и одна из улиц Марбурга названа его именем.

Вы понимаете теперь, глубокоуважаемый господин Президент, почему я пишу это письмо и почему меня так беспокоит возможное отсутствие того маленького якоря, который русская словесность забросила в Ваш прекрасный город.

Русская литература — частый гость Марбурга: по приглашению Нового литературного общества, работающего в тесном контакте с Марбургским университетом, кто только из русских писателей и поэтов не побывал в Вашем городе! На моей памяти это были А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Чингиз Айтматов, Булат Окуджава, написавший о Марбурге прекрасные стихи, и многие другие. Конечно, дух Пастернака, дух Ломоносова… Но всегда на пороге Марбурга нас встречал кто-то из преподавателей-славистов, и стоит ли в наше время расширения контактов и интеграции больших культур закрывать так счастливо открывшиеся ворота! Вот почему я очень обеспокоен даже по поводу слухов о возможном закрытии отделения. Полагаю, глубокоуважаемый господин Президент, что Вы разделяете со мной эту озабоченность.

С уважением,

Ректор Литературного института
им. А.М. Горького, профессор С.Есин.

16 июля, пятница. Приехал опять на работу раньше всех, но отдельные тени наших абитуриентов уже мелькали по двору. Обычная суета, с аудиториями, с опоздавшими. Без двадцати десять собрались в приемной комиссии все преподаватели, и я провел совещание. Не было только Вишневской и уехал в отпуск Гусев, но за него читает очень дотошный Антонов. Я зачитал все темы для всех семинаров, и, как всегда, начал что-то бунчать А.Е.Рекемчук. Я думаю, его наэлектризовало появление Сидорова, тему не продолжаю. Он сказал, что этюды к его семинару очень политизированны, а они разошлись, в том числе и по другим семинарам, мало тем, которые он придумал. Это обычные амбиции пожилых людей. Но я к этому уже был готов. В порядке эксперимента решил дать возможность преподавателям дописать каждому список одной темой, предложенной экспромтом. Я-то знаю, чем это закончится. Посмотрим, кто что предложит. Предупредил всех о том, что мы отменили ряд экзаменов, и теперь выбор уже не на судьбе и удаче на экзаменах, а в первую очередь на них, на преподавателях. Попросил быть очень внимательными к оценкам и особенно к пятеркам, которые раньше раздавались весьма свободно. Подправить в этом случае, при всех равных, судьбу абитуриента, в котором мастер заинтересован, будет трудно. Конкурс большой, давайте будем по отношению к абитуриенту порядочными и честными.

Часа в три и до шести принялся читать этюды наконец-то и я. Этого можно было бы и не делать, но здесь две причины: во-первых, все-таки я боюсь какой-нибудь липы или блатняны, которую смогу увидеть, а во-вторых, это своеобразная подготовка к собеседованию. Я дорожу репутацией учебного заведения, в которое можно попасть без блата. А вот тут появляется возможность узнать главное — характер письма современного молодняка, стиль, за которым, как правило, следует и ум. В этюдах, особенно когда это просто грамотная девочка, всегда идут и привычки семьи, мировоззрение и прочее. Сначала решил прочесть этюды медалисток, потому что если они пишут этюд на отлично, то освобождаются и от всех других экзаменов. Здесь более или менее все было в порядке. Единственной своей медалистке Е.Ю. поставил пятерку, но эта девочка — инвалид детства и, пожалуй, на все остальное надо закрыть глаза, пусть учится. Что касается других своих абитуриентов, то Е.Ю. оценки завысил — у него их только восемь, а хочется набрать семинар побольше, это я понимаю. Здесь в сложном положении оказываюсь я, но я-то что-нибудь придумаю.

Из интервью для российского журнала «КТО ЕСТЬ КТО»

1. Биография, родители, родовые традиции

Посмотрите на меня, когда я читаю лекцию, посмотрите, как я вожу машину, как выхожу из нее у подъезда Литературного института, как я ношу пиджак, — покойные мои бабушка и дедушка, покойные мои папа и мама, ваш ли это внук и сын? Парадокс заключается в том, что лет с двадцати, когда я начал работать сначала в газете «Московский комсомолец», потом на радио, потом в «Комсомольской правде» и снова на радио, все считали, что я из старой профессорской семьи с огромной московской квартирой, собранной поколениями большой библиотекой, а на самом деле я — первый из нашей семьи с законченным высшим образованием. Что поделаешь? Мать писала в сталинское время в анкетах «из крестьян», она окончила во Владивостоке два курса биолого-почвенного факультета; отец учился на юридическом факультете в Москве, но так и не окончил, и когда его в 43-м году арестовали, он работал заместителем военного прокурора и начальником судебно-гражданского отдела, хотя высшего образования не имел. Мать окончила юридическую школу, а после ареста отца зарабатывала рабочую карточку (был такой феномен в той нашей военной жизни) тем, что как надомница вязала кофты. В то время нас уплотнили в квартире на Померанцевом переулке, где мы жили (напротив финского посольства), и мы с матерью и братом помещались в проходной комнате, за занавеской. Тут я пошел в первый класс. Мы все время ждали, что нас выселят как семью репрессированного. Но мать моя была очень красивой женщиной, и, видимо, многочисленные прокурорские работники с Лубянки, где сидел отец, испытывали на себе влияние её обаяния и ума.

В конечном итоге нас поселили, освободили прокурорскую квартиру, в комнате 18 метров, в старом особняке, где за некапитальной стеной была уборная, а во всей квартире проживало около ста человек. Из окон этой комнаты — окна были полукруглые, так как она была выделена из вестибюля — был виден Дом звукозаписи на улице Качалова (ныне снова переименованной в Малую Никитскую), горевшие окна его аппаратных и студий. Никогда не предполагал я, что я когда-нибудь войду в это святилище тогдашней культуры и милиционер при входе отдаст мне честь. Но до этого я служил в армии, окончил школу, потом университет. Кстати, со школой связан один из ключевых моментов моей биографии. Мать моего товарища и соученика по школе N50 Марика Раца, работавшая экскурсоводом в Третьяковской галерее, повела нас туда, когда мы учились во втором или третьем классе. Это событие оказало

на меня такое серьезное воздействие, что назвать его можно не просто любовью к изобразительному искусству, а любовью к культуре, общностью со всем, что я видел, и это я пронес через всю свою жизнь. Может быть, отсюда начиналось многое, что потом стало моей романистикой. У писателя вообще жизнь очень тесно связана с его биографией, не зря Достоевский говорил, что для написания романа достаточно пары-тройки сильных детских воспоминаний.

Но я увлекся и стал пропускать куски в своей биографии. Итак, я окончил школу экстерном, и так как иностранный язык я изучал самостоятельно, на экзамене по английскому с меня взяли слово, что я не пойду в гуманитарный вуз. Но я слово нарушил и поступил на филологический факультет в Московский государственный университет. Тем не менее я на уровне бывшей школьной программы язык все-таки выучил и, хотя прошло почти 50 лет, до сих пор его учу, занимаясь почти каждый день по 10–15 минут. Но должен сказать, что дело это движется у меня плохо. Есть такой апокрифический момент: люди, чьи души всегда при переселении жили в своей родной стране, чужой язык так и не могут освоить.

После второго курса университета я служил в армии, а до этого год работал в военном театре. Актера из меня не получилось, так как слишком много я умничал, а, видимо, мог и получиться, ведь в характере у любого писателя есть способность к перевоплощению и даже некая актерская истерия.

Журналистом я стал довольно случайно, в университете я дружил с девочкой, учившейся на самом элитарном факультете — журналистики, Майей Горецкой. Как-то мы шли по не обезображенной еще Манежной площади вдоль Александровского сада, и я услышал пение соловья, давно уже не слышимое здесь. «Напиши об этом информацию», — сказала Майя. Ну, с этого всё и пошло.

Предел мечтаний всех нас, молодых журналистов тогдашнего «Московского комсомольца», живших в знаменитом питомнике матерого журналиста Бориса Иоффе, была цельная полоса. Мы писали репортажи и очерки на 20–30 строк, корреспонденции на десять строк, но я, еще не окончив университет, все-таки написал «цельную полосу», которая называлась: «Весь мир меня касается». Это было немного выспренно, но по сути дела — моё.

Я был очень преуспевающим журналистом, и, когда стал организовываться звуковой журнал «Кругозор», меня пригласили туда работать. Это был элитарный журнал, с пластинками. Кстати, какая россыпь известных людей там работала: Юрий Визбор, Галина Шергова, Людмила Петрушевская и, наверное, из

всех нас самым способным был там Игорь Саркисян, выдумщик и поэт, теперь уже покойный (как и Визбор). Все без исключения работающие тогда в «Кругозоре» мечтали стать писателями. Я твердо знал, с детства, что стану писателем, не знаю, откуда это взялось. Но тогда я писал стихи, и в университете появилась первая моя поэтическая публикация, в университетском сборнике, где я стартовал вместе с Куняевым, Костровым, Дмитрием Сухаревым и другими, ставшими и не ставшими потом поэтами. Павел Антокольский, руководивший литобъединением на Моховой, ткнул в меня своей палкой и сказал: «Из этого получится». Но я стал прозаиком.

Когда я работал в «Кругозоре», я нервничал: почему же проза, которую я ожидал, ко мне не шла? Но потом и проза пришла, пришла, как обычно бывает, от жизни, и я написал свою первую повесть «Живем только два раза», напечатанную самотеком в журнале «Волга». По поводу этой повести со мной беседовала знаменитая новомировская критик Анна Бергер. Но что-то я не сумел сделать по ее желанию, и повесть вышла в «Волге». Провинциальная «Волга» послала в Москву своего гонца — взглянуть на автора, фамилии которого еще не было в справочнике Союза писателей, а повесть была, по их мнению, написана абсолютно профессионально. Так не украл ли неизвестный молодой автор ее у какого-нибудь маститого литератора?

Дальше все становится скучно и известно. В какой-то момент я понял, что моя служба на радио, в том самом доме, который я видел из окон своей бывшей комнаты (тогда я был главным редактором Литературного вещания), начинает мне мешать. И я ушел с «генеральской» должности на свободные хлеба. Написал ли я, что в газете «Московский комсомолец», на почве жесточайшей журналистской конкуренции, я познакомился со своей будущей женой, впоследствии знаменитым кинокритиком, замечательным человеком — Валентиной Сергеевной Ивановой? И если бы меня теперь спросили: повторил ли бы я свою жизнь с теми трудностями, которые были, — я ответил бы: повторил, и обязательно хотел бы встретиться с молодой журналисткой в «Московском комсомольце».

Когда я ушел на «свободные хлеба», я написал маленький роман «Имитатор», который в 1985 году прочитала вся страна. Тогда было мне довольно трудно, и меня поддерживала только моя жена и старый друг — Лев Скворцов, который всегда считал, что я стану хорошим писателем. Ему я часто читал по телефону только что написанные страницы. Бедный Лёва, как он выносил эти 20–30 минут моего запинающегося чтения!

17 июля, суббота. С упоением вечером после бани и всех хозработ читаю Лимонова и «Наш современник». Есть замечательная статья о великом русском скульпторе-монументалисте Опекушине. Но там же есть и параллель с нашим очень крупным скульптором Антокольским. О его поддержке Стасовым и Тургеневым. Мне всегда казалось, что как-то о нем мало у нас в России говорят. Оказывается, что после окончания Академии художеств в Санкт-Петербурге он тут же уехал во Францию, где и жил постоянно, наезжая в Россию для участия в разных конкурсах. Но ни разу он у Опекушина, автора памятника Пушкину в Москве, конкурса не выиграл.

Я вспомнил из множества того, что я читаю, эту статью Евгения Болотина еще и потому, в ней есть эпизод о посещении императором Александром II мастерской Опекушина. Мне почему-то это очень напомнило кадры сегодняшней или вчерашней хроники о посещении В.В.Путиным археологического раскопа в Великом Новгороде. Академик Янин комментировал находки. Естественно, на месте, где еще копаться и копаться археологам многие годы, новые русские хотят построить что-то экономическое или лирическое. Самый центр. И ведь построят!

Насколько я понял, С.П. увлекся античной литературой ради заработка и помогать мне в написании научного доклада не будет.

Продолжение интервью для российского журнала «КТО ЕСТЬ КТО»

2. Собственное литературное творчество. Главные книги. Их направленность. Идеи

— За последнее время, когда стало гнуть на старость, принялся я почему-то писать теоретические книжки. Сначала написал полупублицитику-полулитературоведение о том, как меня избирали ректором Литературного института — «Сезон засолки огурцов», потом была книга театральных и литературных очерков и проблемных интервью под названием «Власть культуры», а потом я написал книгу «Попутные мысли» о писательском ремесле и книгу «Искусство вымысла», у которой есть подзаголовок «Опыт самоидентификации». Я много размышлял как преподаватель Литинститута, а потом как его ректор, — как надо учить студентов, передавать опыт, что такое мастерство, что такое книга. Единственное, чего мне не удавалось понять: что такое идея, что такое направленность книги. Я не умею направлять книгу так, как пытаются направить меня. Мне это не дано, я стараюсь довести до уровня только то, что мне интересно, тот смутный импульс, тот образ, который мне видится, и с предельной точностью отразить его на бумаге.

Собственно говоря, начало моей работы как писателя, сейчас меня не удовлетворяет; в нем было много журналистики, много поверхностных наблюдений, я порою как стенограф пытался зафиксировать то, что видел, и потом, когда ушел на «свободные хлеба» с радио, я выбивал из своей прозы дух журналистики довольно беспощадно, и горжусь, что сейчас это всё, пожалуй, ушло. Литература и журналистика — это две разные и далекие друг от друга профессии.

Дебютировал я повестью «Живем только два раза», где рассказывается о человеке, прошедшем войну и работавшем грузчиком. В его жизни был эпизод, когда с него слепили монумент, он послужил моделью для обобщенного образа советского солдата. Собственно, это и стало главным конфликтом повести. Я думал, что всю жизнь буду писать о войне, которую помнил еще мальчиком, помнил, как она началась и как закончилась, — тогда я жил в домике на окраине Калуги у своей тетки. Там я узнал, что такое народная жизнь и её заботы.

Написал я много, думаю, книг двадцать. Кроме романа «Имитатор», написал еще романы, связанные с деятелями искусства — «Временщик и временитель» и «Соглядатай», один роман-антиутопию, называющийся «Эффект близнецов». Эти романы были написаны значительно лучше, чем «Имитатор», но именно «Имитатор» принес мне, как я уже говорил, популярность, его прочитала вся тогда еще огромная страна. Это роман о художнике, но, к сожалению, такие имитаторы оказались очень живучи, куда от них денешься… Большую роль в моем становлении сыграл журнал «Юность», его все тогда читали. В «Юности» были свои любимцы, которых выпускали скорее, но, хотя с определенным тормозом, шёл и я. Там были напечатаны несколько мои рассказов, хорошо известных: «При свете маленького прожектора», повесть «Р-78» (аббревиатура переводилась так — «Растиньяк образца 78 года»), «Счет до сорока» — это автобиографическая проза, тоже напечатанная в «Юности». В 40 лет умерла моя мать, потом отец, который реабилитировался, но так и не поднялся… И вот, собственно говоря, на линии атаки я остался один.

Я особенно ценю свой роман «Затмение Марса», о перестроечно-путчевом времени, с амбивалентным героем-журналистом, трагедия которого заключалась в том, что он описывает события сразу на два фронта: и в правую, и в левую газету. Кто победит? Затем роман «Гувернер», когда я подобрался к проблеме новых русских. Хотел бы в этот ряд поставить и свою повесть «Стоящая в дверях», которую в 1992 году опубликовал журнал «Наш современник». Это повесть о «бескровной

революции», в ней, как мне кажется, впервые в нашей литературе появился кавказец, с определенным акцентом, со своей линией поведения, да простит мне Господь мою наблюдательность. Потом я сделал роман в новеллах «Хургада» — серию небольших рассказов о новых русских на отдыхе. Занятный это народ!

Считаю своим крупным достижением роман «В.И. Ленин. Смерть титана». Это роман о Ленине, написанный с сочувствием к этому оплёванному сейчас, но самому крупному, с моей точки зрения, деятелю за весь XX век. Я горжусь, что сумел написать этот роман от первого лица, писатель знает, как трудно постоянно держать в напряжении материал.

Сейчас я тоже пишу роман, я думаю, что это будет самый интересный мой роман, он — о моей жене, которая много лет тяжело больна, о моей собаке, которая является связной между моей женой и миром, об мне и нескольких моих молодых историй. Это роман о Ломоносове, который учился в Марбурге, о Пастернаке, который тоже учился в Марбурге, роман о самом городе Марбурге, он так и называется — «Марбург». Что из этого получится — посмотрим, как говорится: «ноблес оближ» (положение обязывает).

18 июля, воскресенье. Утром, не поднимаясь с постели, долго читаю этюды. Очень много прилично пишущих детей, они уверенно оперируют привычными словосочетаниями и штампами, фантазируют так, как об этом прочитали. Но, к сожалению, у них не наросла еще душа. Поэтому много этюдов кислых, округлых, вполне читабельных, но, по сути, не ярких, не творческих. Замечательно точно и аргументированно ставят оценки Модестов и Антонов, который читает и за Гусева, и за Вишневскую. Есть несколько замечательных работ.

Опять читал на английском языке и сверял с параллельным русским текстом «Дневник неудачника». Подобное чтение помогает разобраться сразу в двух языках и в одном писателе. Вот что значит ничего не бояться и быть предельно искренним. Только так и можно заработать мировую славу.

Вечером по телевидению, уже в Москве, смотрел у Караулова страшную передачу о наших деятелях искусства: показали дачу Швыдкого в Архангельском и рассказали о мероприятиях по строительству и присвоению огромных участков на Куршской косе народным артистом Михаилом Державиным. Не дремлют наши кумиры. Много говорили и об особняках других «значительных» людей, расположенных на Клязьминском водохранилище, показали и летний дворец Аллы Пугачевой.

Продолжение интервью.

3. Советский писатель как социальное общественное

явление. Положение современного писателя. Борьба союзов писателей. Роль государства, политика государства в области культуры

Когда маленьким мальчиком я твердо решил стать писателем, что мною руководило? Надо иметь в виду, что в то, сталинское, время писатель всегда был если не на виду, то на слуху. О нем говорили, писали газеты. Писатель был великой силой, надо отдать должное Сталину, великому знатоку литературы: он отчетливо понимал, что такое остаток в сознании человека от каждой прочитанной книги, понимал, как действует книга на мышление человека. Было известно, что писатель живет несколько по-иному, это было известно не только у нас, но и за рубежом. Когда Борис Пастернак отказался от Нобелевской премии, то, по слухам, существовало письмо шведского короля, просившего оставить за Пастернаком его «поместье» (ну, его достаток). Но дело не в материальном благополучии писателя, это в конечном итоге — миф. Дело в том воображаемом мире, который каждый писатель проецирует на своего читателя. В этом смысле писатель сейчас несколько иной, у него, может быть, больше духовных возможностей, но у него меньше возможностей донести до читательской аудитории свои идеи и свои образы. В этом отношении время так переменилось, как никогда, и взамен идеологической цензуры пришла такая могучая и несокрушимая цензура экономическая, а также цензура вкусов высших эшелонов власти, что она оказалась суровее цензуры прежней.

Много говорят о том, должно ли государство помогать культуре, каковы аспекты этой помощи, в конце концов, казалось бы, могут помогать и олигархи, и крупные банки, и соответствующие фонды. Вопрос, конечно, риторический, хотя в нем немалая доля экономического смысла: государству помогать культуре выгодно, так как за этим идет повышение культуры производства, культуры отношений, культуры отдыха, быта и прочее и прочее. Но вот в чем вопрос: уровень культуры зависит во многом и от уровня требований элиты, которая в первую очередь востребует эту культуру. И когда элита это делает, в одной стране появляется сын фабриканта Пруст, а в провинциальной Ирландии — Джойс, и какое бы кипение вокруг них ни происходило — они сохранятся, и элита их не отвергнет. Были времена, когда молодые великие князья зачитывались романами Достоевского. А сейчас элита на свои празднества приглашает Киркорова и вершиной песенного творчества считает Расторгуева. О чем это говорит? О том, что они воспринимают культуру как элемент, аккомпанирующий, необходимый в больших и малых приемах, необходимый стилю, державности. С культурой обращаются в

зависимости от сиюминутной надобности, не понимая, что это такой же базовый несиюминутный предмет, как молекулярная и квантовая физика. Еще недавно, желая во что бы то ни стало держать молодежь в социальной узде, не дать ей выйти на улицу, мы безбрежно развивали наше высшее образование, открывая несметное количество коммерческих вузов. Нынче мы твердо знаем, что молодежь и «идущие вместе» — едины. Молодежь окраин, испытав на себе эстетику пива, никуда уже не двинется. И зачем же тогда высшее образование? Сократим его в пять раз. А во Франции чуть ли не до 20 лет держат свой молодняк в школах, а уж в 20 лет утихают и социальные инстинкты и бурление общественных стремлений. Нам не хватает на другое: на евроремонт государства.

19 июля, понедельник. Весь день просидел в институте. Читал бесконечные этюды и понял, что, находясь в Москве, всего прочесть не смогу. Я все время от чего-то бегу, не читаю ничего нового, не пишу. В десять, немножко отдохнув, уехал в Обнинск, в 12 ночи добрался.

В интервью для «Кто есть кто» пропускаю 4-й вопрос, который касается института и роли ректора в перипетиях его жизни.

5. Взгляд на новое литературное поколение, на молодежь в целом

Такой же вопрос, по невозможности на него ответить, был поставлен перед Воландом из «Мастера и Маргариты», когда он оказался в Москве. Он внимательно на всё посмотрел и сказал ставшую классической фразу: «Люди как люди, только квартирный вопрос их испортил».

Я должен сказать, что не очень-то изменилась русская литература. Русский народ в потенции своей — талантлив. В бизнес, в коммерцию ушли те, для которых литература была всегда делом торговым, делом престижа, качества жизни, а не самой жизнью. Появляются новые имена, новые произведения. Но литература всегда ждет гения. Откуда он придет, где родится, где получит образование? В литинститутских легендах есть и такая, как за кипящим чайником на кухне в студенческом общежитии спорят поэт Николай Рубцов и поэт Юрий Кузнецов о том — кто из них гениальнее. Пока этот вопрос не решен. Но обоих уже нет. А место на кухне у газовой плиты не пустует. Споры идут.

Но не споры испортили русскую литературу. О чем ей нынче писать? Кому нужна тема сострадания? Писатели как писатели, но отсутствие куска хлеба их испортило.

20 июля, вторник. Утром долго вспоминал сон: снился мне Валерий Модестов, почему-то в церкви, которая одновременно была и зрительным залом.

На Украине опять взорвалась шахта, сильный пожар. С момента обретения независимости, так и сказали, на Украине погибло 600 шахтеров, в этом году — 100, это значит, что советские порядки, в том числе и связанные с техникой безопасности, брошены за ненадобностью.

Это последний вопрос интервью.

6. Назовите сто современных писателей, интересных вам

Ой, не назову. Мне по-прежнему интересны античные авторы, которых я изучал в университете, я по-прежнему люблю Пруста, каждый год я мечтаю оказаться на дне Блума, в Ирландии, и изучать таблички на дублинском асфальте с изречениями героев Джойса. Меня волнует, что наших молодых больше интересуют писатели зарубежные, нежели свои, среди зарубежных они выкапывают что похуже, какого-нибудь Коэльо, ведь невозможно читать такое нормальному человеку…

Сегодня я уже не читаю Фазиля Искандера, Курчаткина, Гранина и писателей этой когорты, потому что не нахожу в их творчестве смены качества. Я по-прежнему интересуюсь каждой вещью Распутина и Белова. Я читаю критику, самую разнообразную, от Нат. Ивановой до Федя. Меня интересует Маканин. Я критически отношусь к большинству букеровских лауреатов. Иногда они пишут хорошо, но всегда там мало адреналина. Я замечаю, что даже хорошие писатели постепенно становятся беллетристами. Не забываю, что «Медея и ее дети» и «Казус Кукоцкого» — это разная литература при одном авторе. Мне кажется, драматургия превратилась в некое уравнение, где талантливый математик просто расставляет ходы, она перестала быть многослойной, как у Горького и Чехова. Как правило, она меня не интересует.

Герои нашей молодой литературы продемонстрировали нам лексикон своей молодежной тусовки, ничего не открыв в духовном плане. А вот каждую книгу Эдуарда Лимонова я обязательно читаю. Я сознаю, что Жванецкий замечательный сатирик-скетчист, но никакой не Салтыков-Щедрин, как утверждает В. Познер. Я думаю, что в наше время многие журналисты притворяются писателями, а многие поэты усложненной формы не обладают мыслью. Я хорошо помню, как в юности, стоя у окна в здании Радиокомитета с видом на Кремль, я, Саркисян и Визбор «гнали» этот ложно-значительный верлибр, вернее, подделку под верлибр, без перерыва, один за другим, часами. Некоторые молодые поэты, такие как Тиматков, Амелин, Лаврентьев, Арутюнов, вышедшие из Литинститута, кажутся мне имеющими будущее. Куняев и Костров держат старую форму и имеют сострадание к человеку, мне кажется, есть мысль.

Иртеньев, мне кажется, делает свои стихи из макарон.

Я люблю перечитывать «Мертвые души» Гоголя. А лучшей книгой русской литературы, из которой вышла вся психологическая проза и современная романистика, считаю «Героя нашего времени» Лермонтова.

21 июля, среда. Не ел мяса, дочитал все этюды. С каждым годом нам будет все труднее и труднее отбирать будущих студентов. Уровень письма поднялся, и мы принимаем, по старческой немощи, эту почти одинаковую бойкость пера за литературные способности.

Обтесал на станке доску для полки в подвале, возился с окном на новой террасе, читал на английском «Дневник неудачника», читал монографию Н.Ивановой, мой справочник, перевязал и намазал ихтиолкой лапу у Долли, которая, кажется, опять нарывает, ходил в магазин, купил яблок, написал страничку в роман, опять после паузы пошло, прочитал в «Московском литераторе» очень смешную статью Ю.Коноплянникова о поведении и быте писателей, он там шпарит все с инициалами, смотрел телевизор. Все возмущаются ЮКОСом и возможной продажей некоторых его предприятий. Никто не сказал, что к этому привела не неуплата налогов, как принято говорить, а воровство. Сколько денег можно было бы отдать высшему образованию, в том числе, отремонтировать и наше здание.

В Переделкино, естественно, не в Переделкино, а поблизости собираются поставить бетонный завод. Вернее, перенести завод, который сейчас находится на Ломоносовском проспекте, т. е. там, где я живу. Битов, Искандер и Зоя Богуславская — против. Это тот завод, который строит Москву и должен находиться от Москвы поблизости. На территории этого завода сейчас строится фундаментальная библиотека МГУ. Я с этим заводом рядом, через дорогу, прожил 30 лет, теперь очередь Битова. Сколько возмущений! Тут же сказали, что стоимость сотки в Переделкино 23 тысячи долларов. Теперь понятно, за что бьются.

По телевидению же прошла какая-то странная информация о размолвке Ширака и Шарона. Премьер-министр Израиля обвинил Францию в антисемитских настроениях. Евреи из Франции не едут в Израиль. Воистину без врага невозможно.

22 июля, четверг. Есть дни, когда нечего рассуждать, сами, даже мелкие, события говорят за себя. Вечером накануне хорошо работал, вдруг внезапно тронулся роман и эпизод завершился. Опять возникло желание писать, но тут за своё принялись обстоятельства. Как хорошо, что моя молодая жизнь начиналась в свое время не с академии, не с университета, а с работы, с Ташкента, с поездок. Вот тут мне и стало окончательно ясно, что

весь свой багаж на творческую жизнь мы набираем в юности, и этого нам действительно хватает на всю жизнь, на всю романистику.

Утром встал в 6.30. В 7 выехал из Обнинска. Пользуясь тем, что ехал один с собакой, доступными мне средствами изучал жизнь. У пункта ДТП возле Воробьев подхватил молодого таджика Усмана до Каменки. Там он работает на стройбазе. 6 тысяч рублей оклад. Ему 26 лет, выглядит старше. 5 тысяч пересылает домой. Ест картошку, макароны. 10 классов, хотел бы на спортфакультет в Университет, но денег нет. За жену заплатил калым в 1500 долларов, отрабатывает. Жена дома. Сброс в судьбе, будущего нет.

Возле другого пункта ДТП взял худого парня Николая. Работает в Ватутинках коптильщиком рыбы на заводе. «Завод» в столовой бывшего пионерлагеря. У Николая жена и ребенок 9 месяцев. Он зарабатывает до 15 тыс. руб. в месяц. Сутки через двое и один раз между этими «двое» выходит на подработку, на дневную смену. «Маленький ребенок, многое нужно». Вспомнил высказывание Маркса о свободном времени, как главной человеческой ценности и богатстве.

От Пахры до Теплого Стана вез преуспевающего адвоката лет 35–40. У метро он предложил мне плату в 50 рублей, я отказался. У него дорогая машина, которая в ремонте, потому что в нее врезался мотоциклист. Мотоциклист в больнице. Ремонт обойдется в 6 тысяч долларов, теперь мотоциклист всю оставшуюся жизнь будет платить страховой компании. Говорили о дорогих машинах, их преимуществе не в скорости, а в безопасности клиентов. «Моя приятельница на «мерседесе» пропахала 200 метров кювета, срезала под корень две березы и осталась цела — ни одной царапины: подушки безопасности».

Не успеваю даже отмечать все катастрофы у нас и по миру, скандалы, этапы суда над Ходорковским и прочее. Обо всем этом думал, когда ехал утром с дачи на работу. В почтовом ящике — это Ашот держит меня в курсе литературных новостей — листочек с Указом президента о награждении писателя Бориса Васильева орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени. Есть некоторая горечь, потому что умершего не очень давно Проскурина наградить не успели. Но у него есть заслуги перед старым Отечеством — он Герой Социалистического Труда. Это о себе, что ли, сердешный, горечь? У-у хапуга! Как бы выковырять из себя эту невольную демагогию. Над романом «А зори здесь тихие…» слезами умылась вся страна.

В институте весь день занимался разной организационной чепухой! Сначала посмотрел все работы (изложение), где стоят

двойки. Взглянул на творческие работы, этюды, смотрел, кого мы теряем, но, к счастью, ни одного, за кого стоит крепко держаться. Разговоры с родителями, с абитуриентами.

23 июля, пятница. Утром начался экзамен по литературе. Мы решили запустить на территорию родителей, даже для них еще одну скамейку притащили от столярки и поставили в скверик. Потихонечку идут дела с коммерческим набором. Одна матушка очень резонно заметила, что лучше уж устроить ребенка, чем еще год больше платить за его репетиторов. Я подумал, что если нам удастся набрать достаточно людей, то, несмотря на нехватку площадей, мы сможем устроить все в два потока.

Дочитываю этюды, у Рейна есть два или три замечательных парня, с прекрасными, ярко и сочно написанными работами. Большинство же пишут так, будто собираются поступать на курсы электриков. Иногда, как мне кажется, чутье Евгения Борисовича подводит, он не очень чувствует народной стихии, предпочитая ее городской. Одна девочка с прелестной народной интонацией написала этюд о «Божественном невмешательстве»: как она третирует и любит своего Ваньку. Есть и еще примеры.

Кстати, о Е.Б. Совсем недавно он получил Пушкинскую премию. Я слышал, что с нею произошел какой-то скандал, будто бы Олеся Николаева, которая тоже претендовала на премию, звонила Рейну домой и его отчитывала. Пишу — помягче. В «Литературной газете» появилось коллективное письмо, адресованное В.В.Путину, о том, что соответствующая комиссия все же присудила премию Николаевой, а вот президиум переиграл ее на Рейна. Авторы письма волнуются, их не послушали. Обидно, что одним из инициаторов письма стал С.Чупринин. Впервые в большом литературном скандале, конфронтируя, принимают участие профессора Литинститута. Любопытен редакционный комментарий к письму. Взгляните на авторов: не кажется ли вам, что почти все они принадлежат к одному лагерю, к лагерю С.Чупринина? Что касается Рейна, то он умудряется сохранять некую объективность и дистанцию от всех тусовок почти на равном расстоянии. Пошел же он в свое время на юбилей Юрия Кузнецова. А кто бы из этих замечательных литераторов на этот юбилей пошел?

На экзамене есть тройки, но все равно абитуриентов на собеседование идет слишком много, как я с ними распоряжусь, не знаю.

24 июля, суббота. Приехал поздно вечером из-за различных пробок. Много было по дороге аварий, иногда ужасных. Стоишь всегда или там, где регулирует движение милиция, или там, где живет власть. На этот раз долго держали возле Архангельского,

где живет много власти. Там даже выстроили несколько лет назад фантастический пункт ДТС. Ну и правильно, будто знали, что именно там поселится наш премьер-министр Фрадков. Теперь мы пропали, надо ездить по Киевскому шоссе.

Когда уже ехал по поселку, то в свете фар увидел огромные лужи, видимо, только что прошла гроза. Дороги, наши улицы, по которым до глубокой ночи бродит дачная молодежь, на этот раз были пустые. Я про себя это отметил, но подумал, что безлюдье связано с дождем. Оказалось, что уже несколько часов, как в поселке отключен свет. Холодильник, который, уезжая с дачи в последний раз, я оставил включенным, разморозился. Но это и к лучшему, лежавшие в нем блинчики были уже готовы к жарке. Как хорошо жить без телевидения. Утром вокруг стояла неожиданная тишина: ни тебе далекого жужжания электропилы, ни фона радио, ни даже комариного попискивания кофемолки. Неужели люди жили так раньше?

Месяца полтора назад с подачи Владислава Александровича Пронина приходил некий паренек за интервью для вузовского вестника. Я, наверное, уже писал об этом, паренек оказался умненьким и, главное, заинтересованным. Ему было интересно меня спрашивать, мне интересно отвечать, но все равно я не думал, что может что-либо получиться. Тем не менее получилось. Если у моего дневника будет еще читатель, то, возможно, он заинтересуется технологией этого текста. Буду, как всегда, помещать это фрагментами.

О названии; как возник текст. Всякий раз перед лицом новой рукописи писатель всегда — начинающий. И у дневников только название «Дневник ректора». Я «дневник ректора» не писал, я писал дневник многие годы. И когда возникла необходимость приклеить к блюду необходимую «этикетку», придумали «дневник ректора». На мой взгляд, это не очень удачное название. Оно удачно в том отношении, что несколько проясняет дело. На самом деле — это просто МОЙ дневник. Просто дневник писателя, который в данный момент по тем или иным причинам работает. Я никогда не думал об их публикации. Сначала я писал от руки; «спровоцирован» на написание дневника я был лишь фактом ранней смерти своего друга — Визбора. Затем я купил свой первый ноутбук и стал работать на нем. И один раз, случайно, текст был напечатан. И когда он оказался на бумаге, я увидел, что это текст. А к тексту отношение другое…

Несколько причин, по которым я стал писать дневник. *Сегодня проза переживает очень сложный период: проза в чистом виде всем надоела. Мы уже заранее знаем, что все это вымысел. Мы открываем роман и говорим: «Это придумано, придумано,*

придумано… Этого не было». И автор начинает изворачиваться, чтобы этих «придумок» было как можно меньше. Он маскируется… И дневник в какой-то мере заполнил вакуум, который у меня возник, поскольку я не могу не писать. Во-вторых, я человек политически активный, и в дневнике я отвечал своим оппонентам. Вы спрашиваете о том, для кого я писал… Как опытный человек я могу вам сказать, что когда ты пишешь неискренне, то тебе лучше не писать вообще, поскольку в этом случае ты никому не нужен. Поэтому, для кого бы я ни писал, я стараюсь писать предельно честно. Я лишь оставляю кое-что «для расшифровки». Я, быть может, не говорю чего-то открытым текстом: хотите подумать, поразмышлять — поразмышляйте… **Остальное завтра.**

25 июля, воскресенье.

О «сюжетах» и «эпизодах» в дневниках. *Очень часто свои сюжеты я строю «от противного». Я развиваю свой сюжет следующим образом: «то, что было со мной, но наоборот». Такой творческий метод. Так была написана пьеса «Сороковой день». В основе сюжета — имущественная склока в семье ветерана. Но она началась в моем воображении, потому что о той же ситуации в моем доме никто и помыслить бы не мог. А я подумал: «А если бы»… Если бы у меня был другой характер, если бы у моей сестры, у моей мачехи был другой характер…*

Взгляд на себя и свою исключительность. Я не очень много думаю о своем внутреннем мире — он не очень интересен. Я не много размышляю о политике, потому что я в этой политике живу… Я — сторонний наблюдатель, старающийся внести в дневник все, что можно. Так, например, я люблю поесть, и знаю, что люди познаются через предметы, через еду. И рассказывая об этом, я исследую общество. Когда в самое тяжелое для страны время я описываю меню кремлевского банкета, это характеризует ситуацию гораздо лучше, чем что-либо еще. Надо лишь вдуматься, задать себе вопрос: «Почему это вдруг человек садится и начинает переписывать меню? Значит, что-то в его голове происходит…»

Ответ на очень коварный вопрос интервьюера: «Скажите, Вас прежде всего как писателя не беспокоит то, что интерес к Вашим дневникам обусловлен Вашим высоким общественным положением? «Червячок» не гложет?»

— Естественно, гложет… Впрочем, с другой стороны, с чего бы ему меня глодать? Не много было писателей, которые написали столько бестселлеров. Был ряд повестей в журнале «Юность», которые прочла вся страна. Во времена перестройки бестселлером стал роман «Имитатор». После этого была знаменитая повесть «Стоящая в дверях», которую так «обложила»

«Литературная газета»… А к тому, что об этом много не пишут, я отношусь спокойно. Все, что я делаю в этой жизни, я связываю только с одним человеком — с читателем. Я никогда не был любимцем партий, правительств… Мой приятель, Юрий Поляков, придя редактором в «Литературную газету», попросил сотрудников провести следующее исследование: подсчитать, сколько раз за десять лет в газете была упомянута фамилия Валентина Григорьевича Распутина. Выяснилось, что за десять лет он не был упомянут ни разу! Это была внутренняя установка целой шайки редакторов. А что, Распутин от этого стал менее знаменит? А его, думаете, не глодало? Но что бы они ни говорили, что бы ни писали, я их заставляю пятьдесят лет хранить у себя на полках свои книги. И читать…

26 июля, понедельник. Утром совершил большую экскурсию в магазин «Метро», где оставил 4 с половиной тысячи рублей, но зато у меня теперь полный холодильник и чуть ли не по пуду запасов растительного масла, гречки и пропаренного риса. А сколько моющих средств и разных других припасов! Надо только не лениться и ездить туда раз в месяц.

Отослал Лене Колпакову статью В.С. «Грузите сериалы бочками» и материал, связанный с Хавинсонами. Леня позвонил и сказал, что все это они напечатают.

Вечером ходил в аптеку «36,6» за ихтиолкой для Долли, у которой опять нарывает сустав на лапе. Обратил внимание на то, что почти нет ни русских шампуней, ни русских зубных паст.

По телевидению сообщили новые подробности по делу ЮКОСа. Одного из главных акционеров фирмы, ставшего ненадолго ректором РГГУ, Невзлина, который находится в международном розыске и живет в Израиле, обвинили среди прочего в подстрекательстве к убийствам. Да как же люди с подобным живут! Но, с другой стороны, как без подобного они обзавелись бы такими капиталами!

27 июля, вторник. С десяти и до пяти часов вел собеседование. Проходил семинар А.Е. Рекемчука, это — 50 с лишним человек на 18 мест. Мне показалось, что на этот раз А.Е. переиграл самого себя, он отобрал так много хороших ребят в надежде потом выбрать из них «верняк», лучших, что не справился с таким количеством а потом пошли обычные законы баллов, и в результате некоторые претенденты не прошли. Но надо сказать, что общий контингент по уровню был довольно высок, год урожайный, и семинар может оказаться очень хорошим. Дай Бог.

На этот год очень много ребят были из самой глубокой и дальней провинции. Может быть, действительно что-то

тронулось. Я также должен отметить, что в этом году нет таких страшных историй, какие были в прошлом. Но много было смешного: например, папа, который вдруг звонит в приемную комиссию, говорит, что он работник МИДа. Мы все раздражены, идет изложение, там много отрицательных оценок, и можно уже предвкушать ответ нашего раздраженного секретаря. Но, оказывается, девочка получила пятерку. Есть, чего почти не было раньше, — апелляции, особенно здесь активничали девочки-переводчицы. Я потом посмотрел их переводы с английского, они все во власти языка английского, но не русского. С этим у многих при ближайшем рассмотрении оказалось плохо, но мы ведь и сделали этот экзамен, чтобы определить долю помощи им неведомых сил в подготовке конкурсных работ. Научатся.

Сегодня пришло небольшое письмо от ректора Ленинградского университета Вербицкой. Господи, ну как же приятно читать нормальные интеллигентные слова!

Глубокоуважаемый Сергей Николаевич!

Примите мою благодарность за дружеское письмо и прекрасный подарок — книгу Ваших «Дневников». Ваши воспоминания, безусловно, представляют интерес как осмысление событий последних лет и будут прекрасным и необходимым дополнением моей домашней библиотеки.

Буду очень рада, если Вы найдете возможность посетить Санкт-Петербургский университет в любое удобное для Вас время.

С благодарностью и пожеланиями всего самого доброго,

Ректор СПбГУ Л. А. Вербицкая

28 июля, среда. Второй день собеседований, сегодня смотрели поэзию, набирал Евгений Рейн. Все прошло гораздо менее утомительно, нежели с прозой. Женя был неплохо готов, и, вдобавок ко всему, здесь все было ясно, каждый абитуриент читал свои стихи. Было несколько замечательных ребят и девушек, много провинциалов. Родители довольно быстро прознали, что выгоднее отправить свое чадо, недополучившее несколько балов, на платное обучение, нежели в беспокойстве целый год снова платить репетиторам. Дай Бог, у нас будет теперь больше платных студентов.

Мне иногда начинает казаться, что Дневник мой стоит и я повторяюсь, потому что ничего не происходит. Но жизнь обладает прекрасным саморегулирующим свойством, она в момент затишья всегда что-нибудь подбросит. Стала ясна последняя агрессивность и нервность Юрия Ивановича Минералова. Я приписывал ее только тому обстоятельству, что он из-за собственных капризов перестал быть ученым секретарем. Но дело

уже прошлое, можно было бы это и забыть. А вот определилась и причина. Как всегда бывает, некоторая непоследовательность влечет за собою и особую линию поведения. Надо оправдывать свою линию, оправдывать белые одежды. Причина, оказывается, была на поверхности, но я ее прозевал. Юрий Иванович в разгар нашего с ним уже, правда, прошлого — конфликта написал… Я привожу всю цитату из «Материалов к словарю русских писателей двадцатого века. «Поколение шестидесятников» Славы Огрызко: «В последние годы регулярно печатает свои дневники за разные годы. Юрий Минералов считает этот шаг Есина ошибкой. Эти «дневники» Юрий Минералов называет хронологически расположенными записями, в которых Есин порою представляет себя, свои поступки и открывает свой внутренний мир не с лучшей стороны, зачем он так делает, не знаю. Это, разумеется, не дневники как таковые, а в основе их литературная имитация» («Литературная Россия», 2003, 29 августа).

Сам словарь В.Огрызко читается, как увлекательный роман, уж он-то никому не спускает, хотя пользуется часто лишь материалами из-под руки, со страниц «Литературной России», есть в словаре — я просматривал лишь мельком — и ошибки. Так, в словарной статье о Евтушенко поэма «Ивановские ситцы» названа «Ивановские отцы». Много здесь злословия, слухов, личных мотивов, есть некоторая всеядность и разбалансированность мировозрения. Но в принципе, пока все остальные болтают и треплются, Огрызко делает большое и полезное дело. Я собрал слухи и «сплетни» из какого-то выпуска огрызковского словаря раньше, но не хватило времени все это поместить в мой эклектичный дневник. Надо бы выписать все «сплетни» из этого выпуска, это интересно. «Ардов (наст. фамилия Зигберман) Михаил Викторович… Скандальную известность принесли мемуары. Так, в 1999 году в «Новом мире» написал, что Н.Ильина, когда вернулась из Шанхая в Россию, была приставлена чекистами к Ахматовой, и та об этом знала…» Там же: «Арканов (наст. фамилия Штейнбок) Аркадий Михайлович… Критик В.Топоров полагает, что к 1990-м годам писатель, избрав пожизненным поприщем унылый пересказ старых анекдотов и застольных хохмочек, во многом выдохся». «Бородин Леонид Иванович… Отец — литовец, командовал партизанской ротой в литовско-польскую войну, в 24 года хотел скрыться в России, был пойман на границе, сослан сначала на Соловки, а потом в Сибирь и в 1939 году растрелян…» «Вознесенский Андрей Андреевич… Конст. Кедров полагает, что после смерти в 1957 году И.Эренбурга Вознесенский стал неофициальным «полпредом» европейской и американской

культуры в России». «Ганичев… В 2003 году опубликовал в «Нашем современнике» свои воспоминания, по стилю напоминающие язык докладов партаппаратчиков 1970-х годов… Отсутствие художественного вкуса у Ганичева подчеркивают названия его произведений (помимо «Флотовождя» можно вспомнить, например, «Державницу»)». Устал… впереди, правда, еще с десяток занятных выражений…

29 июля, четверг. *Утром пошли маленькие семинары, все это паллиативы, условности, стремление преподавателей добрать семинары, наша боязнь не найти нужного контингента. Впрочем, у Апенченко, как никогда, были хорошие и умные ребята.*

С самого начала присутствовал и Е.Ю.Сидоров, нервничал, волновался, иногда краснел. Время ушло вперед, критерии стали другие, он осознал, что так набирать уже нельзя и что оценки у него чуть завышены. В одном месте я допустил бестактность: у девочки, которая поступает к нему, начал спрашивать, сетуя на отсутствие у студентов любопытства, что она знает о своем руководителе. Это мой обычный тест на внимание, на любопытство, на заинтересованность. Она сказала, что он был министром культуры. «А что написал ваш руководитель?» И тут понял, что вряд ли она помнит очень небольшую Женину библиографию.

Вечером была «Культурная революция»: Великий и могучий, нужен ли он нам? О русском языке. Забойщиком, и очень неплохим, был Юра Поляков, и была еще какая-то писательница, фамилия которой от меня ускользнула. Творчества ее я не знаю. Передача в известной мере была провокационной: что хороший язык нужен, понимали все, не у всех с ним было все в порядке. Язык в известной мере еще и генетика, менталитет, потом язык. Моя собственная мысль заключается в том, что нынче и элите настоящий язык не нужен. Она потеряла свое первородство, она смешалась с плебсом и теперь маскируется демократическим языковым равенством. Английскую аристократию, например, всегда, отличал другой язык.

30 июля, пятница. *Пошли переводчицы, их человек двадцать на шесть мест, но взяли все же семь, потому что нельзя было оставить группу хотя бы без одного парня. А парень, который чуть недотягивал, оказывается, хорошо играет в футбол. В начале собеседования, когда одна за другой шли слабые и натасканные москвички, я расстраивался — одни тройки, все уныло, серо. Потом, когда пошли девочки из провинции и из дальнего Подмосковья, где еще школа не разжирела и не сдала позиций, стало повеселее. Я так порадовался, когда приняли одну девочку из Александрова, вторую из-под Смоленска, а третью, кажется, из*

Башкирии. Кстати, и паренек с греческой фамилией был тоже не из Москвы, а из Протвино. Возрождение России произойдет провинцией.

Я специально так рассчитал, чтобы устроить для института маленькое гуляние после окончания первой серии приемных экзаменов. Это мой должок институту за мой орден. Провели последнее собеседование с переводчицами, и в три часа началось пирование. Писал ли я о том, что Альберт Дмитриевич попросил устроить во дворе института параллельно столовой веранду? Я разрешил, взяв с него не арендную плату, которую не знаю, как брать, а долевое участие в реставрации спортивной площадки. Как обычно, этот молодой капиталист, не умеющий, как его большие собратья типа Ходорковского или Гусинского, непосредственно грабить государство, как капиталистик маленький все делал и делает своими руками. Ездил на рынок за стройматериалом, сам покупал доски и материал на прозрачную кровлю, получилось все очень здорово, с цветами вдоль веранды, с прохладой, и вот здесь и решили праздновать. Было человек тридцать, все было по-летнему, вино, напитки, водка, фрукты, легкая закуска, светло-розовый арбуз, бликующий желтизной селитры, шашлыки на деревянных палочках и отварная картошка в мармитах. Все было не обязательно и поэтому прекрасно. Я пришел в легком черном костюме и белой рубашке. Кителёк с приколотым к нему орденом я повесил на балясину. Так замечательно все выпили и поели. Специально приходили Лобанов, Лева, принесший воздушный шарик — он никогда не приходит с пустыми руками, были Володя Смирнов, Леша Антонов, Игорь Болычев, который с каждым месяцем кажется мне все интереснее и интереснее. Пришел и Владислав Александрович. Выглядел он, несмотря на перенесенную весною операцию, хорошо. Выпили немножко, порадовавшись жизни, наши замечательные женщины. Только Л.М. пришла попозже, потому что после экзамена сидела и заполняла договоры на платных студентов. Улов душ, без которых мы не проживем, продолжался. Да простит мне литература эти сентиментальные пассажи. Одно плохо — литература у нас никому, кроме нас самих, не нужна. У Высшей школы экономики, снабжаемой ведомством Грефа, стоимость обучения за год как минимум 3800, а у нас 1650 долларов. У них платных студентов хоть отбавляй, как и желающих пойти в милицию. Все хотят воли, беззакония и неправедных легких денег.

Закончилось все довольно быстро, и часов в семь уже уехал из дома на дачу — отсыпаться, в Москве в такую жару совсем не сплю. В.С., как всегда, наварила большую кастрюлю летнего

овощного супа.

По телевизору показывают постоянные демонстрации из-за отмены льгот. Говорят, что по этому поводу высказался новый премьер Фрадков, наш Дизраэли: мы, дескать, с этими льготами выкорчуем последние остатки социализма. Это на фоне того, что мир потихонечку социализируется. Об этом же мы довольно долго говорили с М.П.Лобановым во время суаре по поводу моего ордена. Все это, по его мнению, с которым мне остается только согласиться, направлено еще и к тому, чтобы скорее уничтожить это поколение — поколение носителей памяти о победе в войне, о жизни при социализме. Теперь ведь вслед за льготами исчезнут и таблички в поликлиниках, что участники ВОВ обслуживаются вне очереди. Было произнесено и слово «геноцид», но мне еще трудно поверить в злую, чужую, направленную и упорную волю.

31 июля, суббота. В обед пришел электрик Миша подключать электропечь для сауны. Поговорили о разных обстоятельствах, в том числе и о том, что опять ограбили одну из дач. Делают это уже совсем в открытую, на машинах. Вывезли на этот раз не только телевизор, но и нагревательные приборы. Времени или места не хватило только для дорогого велосипеда, значит, все же грабители приезжали не на грузовой, а на легковой машине. Работы, говорит Миша, у него сейчас много, пошла мода ставить какие-то специальные контуры, которые отключают электричество при любом прикосновении «к фазе», даже если человек сам этого и не чувствует. Среди прочего рассказал, что мой сосед по линии недавно продал дачу. Ее кто-то купил…

Но сделаем отступление, которое назовем эпизодом «к национальному вопросу». Я вспомнил этого человека, это был армянин, армянская семья, которая довольно мирно здесь жила, был у них сын-десятиклассник, который ловил рыбу, В.С. и я с ним общались. Они очень много строили: гараж, протянули трехфазное электричество. Я еще тогда, в начале перестройки, подумал, не на продажу ли делают? Но вроде бы собирались капитально жить. Отец-армянин работал где-то на авиационной или космической фирме. Обеспеченная семья. Мальчик-десятиклассник взялся покрасить дом моей соседки напротив. Звали его Алик. Чтобы не мешали, связал пучком электропровода, потом я узел разрезал. Деньги получил, но верх так и не докрасил. Потом, по слухам, ездить они перестали, мальчик Алик окончил институт, устроился работать в мэрию. Теперь дачу продали. Ну, продали так продали, через неделю после совершения купчей въехали новые, и тут они обнаружили, что всю проводку из дома бывшие хозяева сняли. Это мне рассказал Миша-электрик, он теперь делает в доме новую. Мы долго с ним

сокрушались: зачем? Как правило, старые провода и арматуру никуда использовать уже нельзя. Мог бы подобное совершить русский? Мог. Но представителю нетитульной нации надо внимательно следить за своими поступками. И не говорите мне о пресловутой политкорректности!

Саакашвили, как я понимаю, будучи не в состоянии решить внутренние проблемы, пытается теперь стимулировать свою популярность за счет конфликта в Южной Осетии. Там почти начинается война. Что там Пушкин писал о грузинах? Кажется, «робкие», но какие говорливые.

Вечером с электричкой в 21.15 встречал В.С. Шел проливной дождь, я был с зонтиком и в плаще. Уже второй раз за мою жизнь меня назвали батяней.

1 августа, воскресенье

Вот и добавление к национальному вопросу или к вопросу о политкорректности. Вечером ходил к соседке Татьяне Матвеевой, отнес ей деньги за килограмм рыжиков, которые она купила у нашего молочника. В том числе поговорили и о разных наших дачных делах, о сторожах, об оплате, о молодежи. Татьяна тоже знает о том, что армяне продали дачу каким-то хватким русским за 15 тысяч долларов. И опять вылезла пикантная подробность: уехали, не заплатив за два года необходимые взносы. Видимо, или заморочили голову нашему коменданту, или дали небольшую взятку и получили справку. Уж кому, как не владельцу дачи, не знать, что за нее два года не плачено! Теперь эти несколько тысяч раскидают на всех нас. А такие были милые и предупредительные люди.

Утром опять пришел Миша и наконец-то подключил три недели назад приобретенную для сауны электропечку. Теперь у меня столько электрических приборов, что пора ждать воров.

2 августа, понедельник. На работе проводили последнюю утруску по приказу о зачислении. Возникли некоторые сложности с девочкой Абаевой, племянницей поэтессы, получившей по русскому устному двойку. Карусель обычная, была больна, принесла справку, я занимался документами. Увидел, что оценка Рейна по этюду была завышена, об этом я уже раньше написал на этюде, но полагал, что здесь случайность, тетка, наверное, звонила. И сегодня тетка подошла ко мне во дворе института, объясняла, как девочка талантлива. Тем не менее провели собеседование. Любой ребенок для меня свят, но и своих принципов я сдавать не собираюсь. Талантлива — не очень, в стихах эта талантливость проглядывает не слишком ярко. Девочка из Перми, я стал спрашивать, как обычно, не выходя с площадки абитуриента. Как поживает Пермь? Была ли там в музеях, что такое «пермские боги»? Не знает. «У меня не было возможностей. Я больше люблю театр». В театре слушала оперу «Пиковая дама». «Кто написал музыку?» Долго думала, наконец, ответила правильно. Стали спрашивать о «Пиковой даме» Пушкина. С трудом, с ошибками, не читала. Любит Цветаеву, но вот уже поэтов круга Цветаевой не знает, не знает стихов ни Пастернака, ни Мандельштама. Поставили тройку. В собеседовании мне ассистировали С.П. и Л.М., вполне грамотно и находчиво себя вели.

Вечером по телевидению показали, как лимоновцы захватили кабинет и здание министра Зурабова — это медицина и

социальные выплаты. Целый час здание держали, пока не приехал бойкий толстожопый ОМОН. Вот здесь они молодцы! Здесь они действуют без ошибок, это им не Чечня! Содрали плакатики о бесплатной медицине. Одновременно с этим какая-то левая молодежь голодает на Театральной площади в знак протеста против лишения народа льгот. Лимоновцами я восхищаюсь, они оправдывают свое название левой партии и патриотов. Если бы я был моложе, я бы обязательно был с ними. Лимонов тоже молодец, я как раз сейчас читаю его «Дневник неудачника», он оправдывает все то, о чем писал в юности. Писатель, у которого слова не расходятся с делом. А мы все только пишем о Ленине и о справедливости. Сам себе я противен!

Начал читать свои старые дневники, которые готовлю к печати. Я тогда писал их не каждый день, но как умно и с каким напором! Сейчас у меня дневники стали пожиже, поакадемичнее.

3 августа, вторник. Я знаю, почему я не сплю, знаю, что меня волнует, но, как страус, прячу голову в песок, все время отвожу от себя эту проблему. Несколько месяцев назад в помещении кафедры русского языка у окна обвалилась штукатурка. Для меня это не было неожиданностью, лет десять назад мы проводили обследование, и именно на этом месте перекрытия не были не в порядке. Рядом на стене лежит водосточная труба. Перекрытия у здания деревянные, поменяли на бетонные плиты только над 23-й и 24-й аудиториями. Перекрытия сгнили и стряхнули с себя штукатурку. В свое время, видимо, не желая впускать в себя новую тревожную информацию, я даже не пошел смотреть проран. Только сказал: закройте это место, подоприте. Судьба здесь обошла меня. Я-то думал, что удастся начать строительство нового корпуса, а потом, закрыв старый, заняться и им, но дерево гнило быстрее, чем наша власть могла договориться сама с собою или на что-нибудь решиться.

Я давно искал какого-нибудь толкового консультанта, практически соображающего инженера. Еще в прошлую субботу я пытался договориться с Володей Шимитовским, моим соседом, но он уезжает на две недели. Нужен человек практических инженерных решений. Я подозреваю, что наш В.Е. никогда не держал в руках логарифмическую линейку. Лучше всего это показало то обследование, которое, по моему же указанию, он провел. Здесь надо было самому шаг за шагом идти с проверяющими. Задавать вопросы: как? что делать? А так мы шестнадцать тысяч заплатили и ничего путного, что любому инженеру и самому ясно, не узнали. Помог случай.

Вышел из отпуска Буштаков. Он бывший военный, доцент, строитель. В общем, приехав в институт, полный решимости, я

сразу же стал с Буштаковым разговаривать. Выяснились замечательные подробности. Он, оказывается, не только строитель, но и взрывник. «Когда я вижу какое-нибудь здание, я сразу же думаю, каким образом его можно взорвать». Я сразу же понял, что этот человек — клад. Вот с ним-то мы и полезли по аудиториям и чердакам. Сразу же выяснилось, что инженерный талант нашей хозяйственной части равен нулю. Крепеж на кафедре поставлен без малейшего представления о том, что тяжести и силы надо распределять. Без малейшего, даже школьного, представления о механике. То же самое оказалось и на чердаке. Ту растяжку над аудиторией, которая должна была разгрузить балку, подтянув ее к стропилу, поставили, не наложив на стропило бандаж и не усилив его. Но самое главное, оказалось, что кое-что можно и сделать. Наша деревянная конструкция стропил так же хороша, как, наверное, до пожара хороша была конструкция Манежа. И вот строители, опирая балки на капитальные стены, предусмотрели и возможности ремонта.

4 августа, среда. Не знаю, как раньше, но, может быть, все и наладится. Пришла на помощь все та же Елена Мальчевская. Правда, не знаю, во что мне это обойдется, я имею буквальный смысл. Она привела с собою человека из фирмы, которая бралась часть здания если не законсервировать, то хотя бы пока сохранить.

5 августа, четверг. Утром, впервые, Матвеев воспользовался моим советом, данным ему накануне, и организовал очистку чердака главного здания. Тонн пять-шесть, конечно, с крыш сбросили. Но ведь для того, чтобы пройти критическую точку, достаточно и нескольких килограммов. Это старые водопроводные трубы, обломки кирпича и дерева, старая жесть, путаница проводов, обломки мебели. На этот раз Матвеев собрал всех наших работников — и шоферов, и рабочих, и дворников. Даже барственный Толик принял участие, снизу занимаясь проводкой тяжелых предметов. Наверху, на крыше, естественно, без какой-либо страховки, сидел Витя и меланхолично привязывал к капроновому тросу очередной трехпудовый обломок трубы. Внизу груз принимал и оттягивал другой веревкой от стенки Анатолий. Наши хозяйственные шоферы Миша и Паша оттаскивали себе в гараж все, что могло бы еще пригодиться. В какой же пыли, духоте и тесноте под балками и стропилами вытаскивали этот мертвый, пролежавший здесь десятилетия груз и подносили его к слуховому окну остальные наши молодцы. Внизу рядом с местом приземления стоял огромный контейнер. На следующий день я специально позвонил: забрал ли контейнер шофер или потребовал дополнительной

оплаты? В конце рабочего дня Ефимыч за тяжелый и ударный труд милостливо подарил всем нашим работягам царственный отгул.

Совершенно успокоенный, я уехал вечером на дачу, чтобы на дачном просторе заняться чтением. Но перед этим приходила еще Абаева-тетка с довольно мужественным решением заключить договор на платное обучение. Это довольно круто для писательницы, но, возможно, не совсем бедные у девочки и родители. По крайней мере, одет ребенок весьма модно.

6 августа, пятница. Чего я, спрашивается, учу и учу английский язык? Во сне мне приснилась такая мысль: я отвечаю на высшем суде на вопросы на английском языке. Поэтому, проснувшись, сразу принялся читать параллельные тексты все того же Лимонова.

В этом году мне повезло, возник замечательный урожай помидоров. Правда, оказалось, что в свое время Толик купил мне рассаду странного сорта: помидоры оказались желтые, мясистые, без лишней воды и еще огромные. Пошли немножко и огурцы. Хозяйством я почти не занимался, только полил и собрал.

День прошел в чтении верстки своих дневников и продолжении писания главы в «Марбург». Пишу пока прописи про Пастернака. Удастся ли добиться здесь чего-нибудь своего? Что касается дневника, то я понял, что необходимы доделки и некоторая реставрация пропущенных событий. Дневник стал беднее, пропуски очевиднее, особенно после того, как я стал ректором. Тем не менее из-за этих косноязычий в тумане возникает минувшая, очень тяжелая и опасная эпоха.

Вечером приехали С.П. и Витя, который будет продолжать что-то мастерить на террасе и все чинить. В «Ex libris'e» небольшая заметочка. Это Женя Лесин откликается на мою просьбу посмотреть «Хургаду». Один абзац в крошечной заметке о выходе в свет второго номера «Московского вестника», журнала московских писателей.

«*Еще один автор этого номера хорошо знаком читателю и без предисловий. Ректор Литературного института Сергей Есин выступил с циклом «Хургада. Семнадцать историй о шалостях россиян на отдыхе». Короткие хлесткие истории наверняка придутся по сердцу поклонникам «Легенд Невского проспекта» Михаила Веллера, а также постоянным зрителям закрытой уже программы «Намедни», поскольку настроением (а порой и содержанием) напоминают сюжеты о бесящихся с жиру сильных мира сего».* Написал этот абзац *Станислав Артемов.*

7 августа, суббота. Занимался Дневником и писал пастернаковские странички в роман. Может быть, попробовать это

диктовать, но тогда получится так же жидко, как у Симонова. Начал также читать старый «Октябрь». Ни подшивок «Нового мира», ни подшивок «Октября» я еще не выбросил. В.С. постоянно все это перечитывает, а я между делом впиваюсь. Вот так влез в старый номер «Октября» и наткнулся на «Все течет» Василия Гроссмана. Сразу, с первой же сцены в поезде, видно, какой это сильный и плотный по письму писатель. Портреты и типы сделаны изумительно, хотя и в старой, но нестареющей манере. Но как не любит русский тип, его быт, его манеру думать и манеру быть хозяином на своей земле.

8 августа, воскресенье. По телевидению в передаче Шаховой о дачниках был занятный эпизод о шестидесятниках и о том, как эти борзые шестидесятники отдыхали и развлекались в Крыму, на писательском плацдарме в Коктебеле. «Напряженный, как кобель, приезжаю в Коктебель». Кажется, в этой изумительной проделке принимали участие скульптор Цигаль и Саша Авдеенко. Эти два молодых бонвивана, прожигателя и острослова, отломали ночью голову у гипсовой скульптуры Белинского: ха-ха-ха, а деть-то ее куда? Насадили эту голову, — а может быть, даже голову Чернышевского — ха-ха и насадили ее на весло «Девушки с веслом». Здорово! И главное, с какой любовью к России и к ее прошлому!

9 августа, понедельник. Утром с курьером в институт прислали большой конверт — это фотография сцены моего награждения в Кремле. Слева на фоне флага России В.В.Путин, который пристегивает орден, а справа я с довольно дурацко-смущенным видом, в синей в полоску рубашке, которую мне подарили Л.М. и Ира Шишкова на день рождения. Путин выглядит доброжелательно и даже бодро, хотя только вчера вечером мы видели его по ТВ где-то в Приморье. Я ревниво рассматриваю на фотографии: и шея у меня не такая уж морщинистая, почти как у В.В., и кожа на голове не так уж просвечивает сквозь волосы, но я, конечно, побелее Путина, и вряд ли он прикладывает к этому какие-либо усилия, а я вот мою голову специальным шампунем для усеченных и поврежденных волос. Но вот свободно висящая моя левая кисть, выглядывающая из-под рукава пиджака, это очень старая, морщинистая, с истонченной кожей рука.

До двух часов прождал, но не пришел инженер от Мальчевской, ну ладно, завтра придет. Написал письмо Худякову о создании некой библиотеки литературы, премированной московским правительством. Написал, но не отослал письма Илоне Давыдовой, занимался распределением абитуриентов по семинарам. Был большой разговор о С.П. и его дальнейших

планах. Читал «Дневники», начиная с 95-го года, читаю очень внимательно, уточняя стилистику. Опять спорил с В.Е. из-за рабочих. В Москве жара, на дачу до четверга поехать не удастся. Была И.Л. Вишневская, расказывала светские новости. Вера Максимова нашла себе нового врага — это Боря Поюровский, который о ней что-то написал. Не шибко крупный враг. Дело Смелянского, видимо, уже списано в архив.

Ночью покусали комары, проснулся часа в три и долго пил чай с медом и читал все подряд. Но тут мне попалась книжка Юр. Юркуна, которую мне дал мой новый секретарь Максим, не так уж она плоха, как говорили и как могло бы показаться. В этих разговорах все ссылаются на предисловие Мих. Кузмина: дескать, по-свойски. Отнюдь, хорошие, плотные тексты со своеобразным видением и фантазией. Один просто примечателен. Я абсолютно уверен, что не загляни Мих. Афан. Булгаков в повесть Юркуна «Клуб благотворительных скелетов», никакого бала у Сатаны в «Мастере» не получилось бы. Влияние идеи как для действующего писателя очевидно, только слепой может этого не заметить.

11 августа, среда. Утром умудрился почти закончить эпизод с пассией Пастернака Идой Высоцкой в романе, позанимался английским, пошел на работу.

Договорились о противоаварийных мероприятиях. Ведет с нами дело некто Юрий Владимирович. Я сразу сказал, что мне лично обычного отката не нужно, поэтому давайте на 10 % сократим смету. Тут же я понял, что это дело в строительстве обычное. Больше никого к договорам не подпущу.

В три часа провел консультацию по этюду, это моя 24-я консультация, можно гордиться, что мне ни разу не удалось повториться.

По ТВ конфликт в Южной Осетии. Как понятен Саакашвили, которому в маленькой республике с разрушенной экономикой надо что-то делать. Как ему нужен внешний враг, даже Россия. Вспомнил знаменитую басню Крылова «Слон и Моська». По поводу осетинского конфликта долго допрашивал нашего Игоря Темирова, с которым я занимаюсь английским языком, он осетин. Он сказал, что звонил матери и та сказала, что при прошлом обострении многие осетины уезжали, сейчас никто не хочет трогаться с места.

12 августа, четверг. *Утром началась горячка — день написания этюдов на заочном отделении. Каждый мастер немножко лукавит, стараясь ухватить себе побольше семинаристов. Но утром на совещании я их всех предупредил, что если оценки за этюды будут завышены, то я сам их скорректирую. К сожалению, из-за нашей мягкотелости возникли трудности: не*

было Вишневской, не пришел Рейн, позже пришел Сидоров, — семинары приходится объединять, читает за всех безотказный Антонов. Пришлось понервничать, кто-то опоздал к совещанию, нужно было все объяснять два раза. Вдобавок ко всему утром, предварительно напутав, исчез куда-то Славик. Роздал придуманные темы. Как всегда, поумничал, требуя «испытания души», Э. Балашов, по поводу «некрасивой девчонки» попытался сделать мне замечание Толкачёв, и пришлось его урыть.

Все утро, пока шел экзамен, встречался с мастерами, пили чай. Как всегда, был глубок и обеспечен знаниями М.П. Лобанов — о «рождении» или «вселении» души; я подумал, что вокруг этой мысли я и хожу в своем романе, у Балашова «кармическая» точка зрения: вода, минералы — тело, а Всемирный Дух снабжает нас душой, которая потом возвращается в черное пространство. Говорил с Приставкиным, который рассказывал о том, как прошло время, и прибалтийская литература, еще недавно считавшая себя европейской, вдруг заинтересовалась дружбой с русской литературой. Это естественно, они, как правило, эти просвещенные европейцы из Прибалтики, плохо пишут для прямого перевода на западные языки. Плохо, и все. Другое дело, когда предварительно их переведут как следует, внося своё сокровенно русское, на русский язык русские писатели. Ну, наши либералы, конечно, эту новую тенденцию поддерживают. Е.Ю. Сидоров, как он признался, едет сейчас к цивилизованным литовцам и, кажется, еще к латышам или эстонцам.

Пил чай у меня в то время, как ребята писали этюды, и Саша Михайлов. Он все это лето провел, ремонтируя дачу, доставшуюся ему от отца где-то возле Красной Пахры. В том числе рассказывал о кооперативе, где поначалу располагались многие наши писатели. Теперь там остался только Слава Рыбас, остальные писатели свои участки, ставшие очень дорогими, продали. А я столько лет в Союзе писателей и ничего не получил!

Сегодня были такие темы этюдов на заочном отделении. **Чтобы мне не было скучно читать одно и то же, я почти каждому семинару дал свои этюды.**

Детская литература (Торопцев и Сеф). 1. Дети подземелья (не по В. Короленко). 2. Панки грязи не боятся. 3. Голый король. Современная сказка. 4. Любовь бабочек. Драматургия (Вишневская, которой на экзамене не было). 1. Если бы А.Н. Островский жил в стране олигархов… 2. Фабричная девчонка. Пьеса 2005 года. 3.Народ безмолвствует. Реплика или ремарка? 3. Доронина и Ермолова. Точка зрения галерки. Критика (Гусев, но читает сегодня А. Антонов). 1. Печорин в коммунальной квартире. 2. Влияла ли философия Л.Н.

Толстого на его художественный стиль? 3. «Познание начинается с удивления» (Аристотель). 4. Стиль Бунина: это «XX век» или архаизм?

Проза (это для Приставкина, Сидорова, Лобанова, А Михайлова). 1. Руку жмут, а не лижут. 2. Воланд в Москве 2004 года. 3. У собаки лишь один недостаток: она слишком верит человеку. 4. С точки зрения секретарши.

Проза (В.В.Орлов, он сам темы и придумал) 1. Фонтан для десантника. 2. Записки угонщика. 3. Третья любовь. 4. Поправка в расписании сновидений.

Проза (С.П. Толкачёв). 1. Йогурт для вундеркинда. 2. Вчера я проснулся в Китае… 3. Мой счастливый брак с Бабой-Ягой. 4. Цезарь и Брут за кружкой «Клинского».

Поэзия (Балашов). 1. Медный всадник (московский вариант). 2. Выхожу один я на дорогу… 3. Некрасивая девочка. 4. Только ли ленивый не пишет стихов?

Поэзия (Костров). 1. Важнейшим из искусств для нас является поэзия. 2. «Не сотвори себе кумира». Мастер начинает как подражатель? 3. Поэзия и самоубийство. 4. Путь Державина и путь Лермонтова.

Публицистика (Ю.Апенченко). 1. Новый поворот сибирских рек. 2. Льготы или деньги? Если бы я был президентом. 3. Герой нашего времени. 4. Хотел бы я стать лимоновцем?

Вечером грозненский «Терек» обыграл польскую команду. Замечательно.

13 августа, пятница. Утром, когда ел сушеные овощи и смотрел по «Культуре» новости, вот о чем подумал. На экране мелькают разные лица актеров, режиссеров и даже писателей. Но они — не культура. Они лишь мелкие факты, песчинки и звездочки. Сами по себе они, может быть, страшные и плохие люди. Культура — это их перекрестное мерцание, отблеск этих бликов в душах простых, часто не имеющих никакого отношения к культуре, людей. Но без этих людей, без тех мелких движений в их душах и теней, которые на них напускают эти странные люди — деятели культуры или факты культуры, — то, что мы называем культура, не существует.

Утром закончил эпизод с Идой Высоцкой и остановился перед почтамтом: а это уже в романе переход к Ломоносову.

Днем читал этюды. Прочел двух девушек из Иркутска, которых мне прислал А.Румянцев, практически это девушки, которые будут заниматься у меня. Какая-то иная по духовному изобилию земля. Настроение у меня после этого чтения повысилось. Одна написала о Воланде в Москве 2004 года, им оказался билетный контролер (Гордеева Оксана), а другая — о

собаке (Владимирова Ирина), которой жаль дерева, вырубленного её хозяином. Сколько несуетности, душевного запаса и внутренней правоты в обеих! Владимирова, кажется (сужу по прозе), человек верующий. Серьезная вера много дает человеку. Вспомнил вдруг вчерашний разговор с Костровым за обедом. Говорили, сравнивая И. Шмелева и И. Бунина: насколько первый серьезней по материалу и видению, а второй — лауреат Нобелевской премии. Из этюдов понравился Станислав Алексеев (Костров). Искренность — это еще полдела в искусстве, вот когда эта искренность глубокого и умного человека, это уже много. Хорош был также А. Логунов, который и не глуп, и держит форму и интонацию. У абитуриентов Кострова много хороших и серьезных этюдов.

Перед отъездом домой вместе с Максимом вслух читали оду Ломоносова «На взятие Хотина», а потом Максим читал мне пленительнейшего ломоносовского «Кузнечика».

14 августа, суббота. Вечером, когда ехал на дачу, поставил наконец-то на магнитофон в машине записи Нового Завета. Еще несколько лет назад мне на день рождения Елена Алимовна подарила большую коробку с кассетами — это запись на русском языке, сделанная, кажется, где-то в Чикаго. Величественное чтение! Текст захватил меня. Какое обилие незатёртых эпиграфов. Если по существу, то как литератор думаю, вряд ли эти тексты созданы и возникли без вмешательства потусторонних, т. е. божественных сил. Слишком много здесь опыта и знания, слишком выразительны формулировки. Даже расхождения в евангелиях от Матфея и Марка читаются как изощренные литературные приемы, которые вне человеческого озарения.

Весь день шел дождь, читал этюды, довольно много сидел над рукописью, пробовал топить баню электричеством. Получилось, сразу же видны конструктивные недостатки сауны, она все-таки у меня рассчитана на дрова. Надо отделять металлическую печь какой-нибудь легкой перегородкой, чтобы даром не нагревать железо.

Из «общественных» новостей: со взяткой свыше 100 тысяч долларов изловили вице-губернатора Калининградской области Ф. Леонова. Он распределял квоты на машины. Интерполируя это явление на другие области нашего управления, можно догадаться, откуда у наших министров, лидеров партий и других «начальствующих лиц» такие состояния.

15 августа, воскресенье. Проснулся ночью в четыре часа и почти до семи читал. И утро, и день, и вечер распределяются по трем объектам: сначала идет Лимонов на английском языке. Вечером к этому чтению прибавился еще и четвертый объект. Два

дня назад пришло письмо от Илоны Давыдовой, она беспокоится и торопит. Вот по приезде в Москву и принялся, начиная с третьей главы и продолжая все с тем же неослабевающим интересом, читать ее роман. Какой-то очень неожиданный, почти детский взгляд на эмиграцию, на еврейскую проблему, на разрушенный Советский Союз. Может быть, этот детский взгляд и есть самый точный. Много интересного, а главное, искреннего о русской литературе, своеобразная, казалось бы, хаотичная композиция — но держит, держит и тянет. Так вот, Илона по своей предельной искренности очень похожа на Лимонова. А может быть, это эмиграция накладывает лапу: когда ничего нет, все отобрали, так хоть искренностью спасусь.

После Лимонова я читаю этюды и на каждый пишу крошечную ремарку. Это из папки Балашова, и, надо сказать, этюды неплохие, но много и проходных. Один из показателей: как правило, те, кто послабее, и пишут на самую легкую тему — «Выхожу один я на дорогу».

Ну а потом, уже для души, идет В. Гроссман. Продолжаю читать «Все течет» и делаю это с огромным интересом. Это эпоха, «дело врачей», эпоха Сталина, мне близкая, но по молодости я тогда во многое не вникал. Сейчас у Гроссмана пошли детали того периода. Писатель, конечно, Гроссман крупный, с ясным, традиционным для русской литературы письмом. Иногда обидно бывает, что этот выработанный, в первую очередь, классической русской литературой метод, он обращает, ну, хотя и громко сказано, против русского народа. Может быть, этот народ (по Гроссману, которого я не могу назвать полноценным русофобом) и был когда-то народом, а сейчас это скопище приспособленцев. Во всем этом писании такое приторное ощущение исключительности народа еврейского, хотя и у Гроссмана среди евреев есть такие мерзавцы, что дальше некуда.

Отыскал в романе кусочек про Пастернака, который мне понадобится в романе моем.

Вечером в Москве до чтения Илоны, пока мыл посуду и жарил кабачки, смотрел, а скорее слушал диалог — воспоминания о передаче «Вокруг смеха» Аркадия Арканова и Виктории Токаревой. В каком-то смысле наше телевидение («Культура») сошло с ума, безудержно комплектуя так дружно подпевающие друг другу этнические пары.

Оба дружно пели о высокой литературе, об интеллектуализме, называя Жванецкого гением. Потом в гении и в высокую литературу произвели Фазиля Искандера и проиллюстрировали эту гениальность довольно плоским, с привычными советскими тычками, рассказиком: Ф. Искандер сам

читал зарисовку о том, как некто из Чегема поступал в университет на философский факультет. Ну и литература для высоколобых! Виктория Самойловна сравнила Искандера с Марксом (!).

16 августа, понедельник. Утром собрали совещание по ограде с присутствием Елены Александровны Мальчевской. Как я и предполагал, протеже В.Е. — фирма, которая выиграла тендер минкульта — предложила на отпущенные деньги разобрать ограду и укрепить фундамент. Их логика мне понятна — это советская практика делать самое емкое по деньгам — фундамент. А что будет с оградой дальше, никого не волнует. Даст министерство деньги, не даст, нам, говорят представители фирмы, вместо ограды натянут сетку-рабицу. Я категорически против такой постановки вопроса, только «захватами».

Весь вечер читал Илону Давыдову, она очень изобретательна в аранжировке сюжета.

17 августа, вторник. Приходил в институт Борис Николаевич Тарасов, я говорил с ним о переходе Толкачева на работу на его кафедру. Вроде договорились, в свою очередь, он сообщил мне вещь радостную: его сын, не Федя — Федя в этом году поступил в консерваторию, — а Алексей получил Госпремию за книгу, кажется, о Толстом. Б.Н. сказал, что теперь в связи с изменением статуса Госпремии он хотел бы, чтоб мы выдвинули и его. Уж в этом, в поисках славы, я не отказываю никому.

Читал этюды Балашова. Довольно удачно. Есть небольшая статистика.

В автомобильную катастрофу попал Леня Бородин, наш преподаватель и главный редактор «Москвы». У него сломана кость крестца, его оперировали и поставили какой-то титановый протез, будет ходить в корсете. Но сколько же всего на одного человека: лагеря, ссылки, операции на ногах, теперь вот это.

18 август, среда. Занимался английским, написал страничку в роман, дал интервью о литературе «Аргументам и фактам», просто не знаю, как девочка Даша, которая его делает, из моей невнятицы выплывет. Потом читал этюды к собеседованию после Толкачёва. Уехал из института в девятом часу, проезжая мимо синагоги, увидел милицейскую машину и много людей в форме. Или предотвращают какой-нибудь теракт, или праздник, или премьер-министр приезжает в новую синагогу. Похоже, что строительство пристройки синагоги подходит к концу. Впереди — выходящий на улицу фасад из стекла, похожий на египетский пилон.

Мы весьма благополучно проигрываем Олимпийские игры. Проиграли плаванье, женскую и мужскую гимнастику. Пока на

первом месте Китай, на втором Америка. Я отношу это все исключительно за счет духовного положения в стране. Я не представляю, какие внутренние ценности защищают наши спортсмены. Традиция прервалась, новая не народилась, в стране несправедливость, воровство. За кого биться: за Родину, которая захвачена олигархами, за правительство, за Грефа и Чубайса, за Черномырдина? Особенно это касается игровых видов спорта. Это при том, что никогда еще так много и государство, и Олимпийский комитет за золотую и серебряную медаль не платили. Что чудовищное молотят в спортивных передачах наши комментаторы? Эта американизированная манера тараторить, вдобавок ко всему нынче наши спортивные журналисты стали украшать свою речь разнообразными тропами, за которыми понять, что на самом деле случилось, невозможно. К счастью, наша метательница ядра из Азова Ирина Коржаненко выиграла золото на символическом стадионе в Олимпии. Ой, недаром наши бабы еще совсем недавно ворочали рельсы и таскали на себе железнодорожные шпалы.

Вечером по «Культуре» смотрел передачу «Еврейский вопрос. Русский ответ», которую ведет Феликс Разумовский». Дочитал первую книгу Давыдовой, делал заметки, теперь надо написать предисловие.

19 августа, четверг. В одиннадцатом часу уехал на дачу. Меня даже не помидоры волнуют, которые нынче удались, а в Москве мне трудно сосредоточиться и прочесть этюды.

20 августа, пятница. Читал этюды заочников, как всегда, они интереснее работ наших абитуриентов с дневного отделения. Анатолий Игнатьевич Приставкин не удосужился написать ни одного обоснования своих оценок, но в целом прочел все довольно правильно. В его системе — отбирать только уже неплохо пишущих, и это верно — никаких экспериментов, тогда легче работается. С пятерками несколько человек: Ольга Бритвина — «С точки зрения секретарши», здесь есть стиль, от лица молодой Екатерина Резникова — та же тема, здесь секретарша у писателя, ставшая его женой; язвительное, ироничное слово; Сергей Монахов — «У собаки лишь один недостаток — она слишком верит человеку» — это об одаренном псе, который сначала писал музыку за композитора, подвывая, а потом принялся сочинять эпические поэмы за поэтессу. Все здесь собрано и кипит мыслью; Алла Дубинская — та же тема — здесь семья, ожидающая смерти любимой собаки. Не дай Бог попасть в эту ситуацию, в которую попаду. У Приставкина статистика такая: «Воланд в Москве 2004 года» — 1, «У собаки…» — 6, «С точки зрения секретарши» — 5. Пишут там, где быт, где близко, что

отчетливо представляют.

С утра полил теплицы, собрал огурцы и помидоры, урожаем я горжусь, потом обошел наше поле и долго шел сначала вдоль речки, а потом, возвращаясь, вдоль железной дороги. Долли мужественно вынесла всю дорогу, но по пути три раза отдыхала в тенечке. Вот только ест она с прежним энтузиазмом. У нее уже усы и брови седые, как и у меня.

21 августа, суббота. В.В. Орлов, судя по этюдам его абитуриентов, соберет очень неплохой семинар. Он написал все крошечные рецензии, причем делает это точно и выразительно. Статистика его семинара такая: «Поправка в расписание сновидений» — 7 человек, «Записки угонщика» — двое, «Мой счастливый брак с Бабой-Ягой» написала довольно скучно и длинно одна девушка, «Фонтан для десантника» — эту тему взяли трое. Прозу читать — поинтереснее. К сожалению, в каждом семинаре лишь 3–4 человека с начатками своей интонации или собственного видения, остальные между беллетристикой и журналистикой.

Вечером жарили шашлык и ссорились «на всю жизнь». Поезд, на котором приехала В.С., опоздал на тридцать минут, я перенервничал. Один из пассажиров привычно успокоил меня: или авария случилась, или теракт.

На Олимпиаде мы откатились с шестого места на восьмое. У нас 5 золотых медалей, а у американцев и китайцев по 15. Мы израсходовали все запасы, оставленные СССР, и теперь только хорошо стреляем. Столько у нас охранников и так много наворованного оружия.

23 августа, понедельник. Первый день недели создал такой объемный спектр, что мне начинает казаться, будто прошла целая вечность. Это — наше традиционное собеседование. Пошли заочники, начали с семинара Кострова. Наверное, так бывает всегда, — пропуская человек сорок, практически по-настоящему встречаешься только с тремя-четырьмя талантливыми людьми. Какая-то пошла удивительная мода, вернее — удивительное сужение и в прозе, и в поэзии. Если обратиться к радио и телевидению, то окажется: лейтмотив любого певца — «Я люблю свою девочку, и эту девочку хочу, и эту девочку ревную» или «Я люблю этого мальчика, этот мальчик мне изменил, но все равно я его добьюсь». Собственно, то же самое делается и в литературе. Молодежи вбили в голову какую-то фантастическую веру в значение, не только для них, но и для литературы, их исключительной индивидуальности. Эти переживания никто из «творцов» не хочет обобщать, все почему-то считают, что на почве какого-нибудь конкретного происшествия создается

знаменательное произведение, забывая при этом, что для этого необходимо невероятное умение, упорство и врожденное мастерство. В процессе собеседования я заставил какого-то из абитуриентов прочесть стихотворение любимого ими Бродского. Там практически то же самое: то ли бытовая картинка, то ли микродрама, изображающая двери комнаты перед коридором. Поэт говорит: главное — не выйти за границу этой бытовой плоскости, но эта плоскость удивительным образом обстроена, здесь есть воздух, есть образы, есть в конце концов названия болгарских сигарет «Шипка» и «Солнышко» — детали абсолютно конкретные. Но для подобного, врезающегося в сознание изображения нужен талант.

К часу дня, когда у нас наступило время обеда, я был совершенно измучен. Но надо было еще посмотреть вёрстку из «АиФ», потому что сегодня там сдают номер. Я обычно не очень готов к глобальному интервью по поводу литературы, которое положено давать ректору Литературного института. Все почему-то считают, что я пропускаю через себя весь литературный процесс, а мне бы только прочесть наших студентов. Но тем не менее, давая интервью, я выразил несколько мыслей, и вот теперь они мне кажутся все более и более справедливыми.

ЛИТЕРАТУРА НЕ ТЕРПИТ «ШТУЧЕК»

ИЗВЕСТНЫЙ по романам «Имитатор», «Соглядатай» и книге-эссе «Власть слова» писатель Сергей ЕСИН имеет полное право рассуждать о современной литературе как эксперт. Ведь через его, ректора Литинститута им. Горького, руки проходят самые свежие творения нынешних светил и бумагомарак. Только, как он сам мне первым делом признался, нынешняя литература его совсем не радует.

— ЗА ПОСЛЕДНИЕ 15 лет не появилось ни одного по-настоящему нового автора, произведения или явления. Истинная литература — это то, что ввинчено в общественное сознание. Я вижу: дают Букеровскую премию, читаю книгу. Да, более-менее интересно, но абсолютно не укоренено в обиходе. Куда делись писатели, когда-то гремевшие после получения Букера? Их нет. А если кто и остался, то исторически принадлежит советской литературе. Сейчас студентам интересен очень средний писатель Довлатов, литература не для высоколобых — Пелевин, штучное явление — Ерофеев и публицистика Лимонова. Но все это сначала кажется открытием, а потом расползается. Сейчас пишут, посматривая назад или на Запад. Много второсортной литературы. Есть мастеровитые писатели, Например, Улицкая. Хотя по своей натуре она скорее беллетрист. Но настоящая литература не может держаться на «штучках». Уверен: время

расставит все по своим местам. Литература — вещь мстительная. Когда-то Иван Бунин получил Нобелевскую премию, оттеснив не менее талантливого Ивана Шмелева. Сейчас Шмелев наступает на Бунина и берет «реванш».

— Чего же нынешней литературе не хватает для нормального развития?

— Объема и задач, масштаба игры, охвата времени. Необходимо мощное стилевое начало. Литература возникает, когда смыкается «ПРО ЧТО» и «КАК». А у нас за последнее время только «про что». Обнажение жизни, честно говоря, бессовестное. Нужны попытки взглянуть на мир по-другому, напрячь воображение. Но, чтобы ассоциации засверкали, требуется большая культура, которую необходимо и себе нарастить. Есть и другая причина упадка. Скажите, ради чего писать, ради чего побеждать? В Древней Греции побеждали ради славы города, рода, себя лично. А теперь? Наша слава ничем не обернется — поэтому и на Олимпиаде провал. Нужна не только идеология, как часто говорят, нужна любовь к тому, что защищаешь. За что и против чего должна бороться нынешняя литература? Разработка образа маленького человека в прошлом. Ругать правительство — да вроде все довольны: и кока-кола есть, и выезд из страны открыт. Но наше время духовно выжжено. Про что писать — про олигархов, власть, современного героя? В нынешнем обществе присутствует какая-то двусмысленность. И дети *(студенты Литинститута. —* **Прим. авт.***)* стали так писать — ни туда, ни сюда. Раньше стихи читала вся страна. Кто не знал Евтушенко, Вознесенского, Ахмадулину? А сейчас и поэты есть хорошие. Но камерные. И поэзии в общественном сознании нет, потому что о ней никто ничего не знает.

— Быть может, возродиться литературе поможет возвращение к религиозной теме, столько лет находившейся под запретом?

— Эта литература обязательно получит новое развитие. Другое дело, что писатель, взявшийся за такую тему, должен тщательно разработать собственное сознание и веру. А для этого нужно больше времени, исторической свободы. В более широком смысле темы Нового Завета разрабатывает вся литература. Для меня самое крупное литературное впечатление последних дней — чикагские аудиозаписи Евангелий. Это хорошо продуманное, спокойное прочтение текста. И я осознал, что Библия — фантастический род литературы. Она открыла нам все ходы — от импрессионистических приемов, своеобразного построения сюжета, самых изысканных форм подачи до прямого воплощения идей. Рядом с этой литературой вся другая кажется вторичной.

Даже «нестыковки» в трактовке тех или иных явлений библейской истории, которые есть в разных Евангелиях, сейчас мне кажутся изощреннейшим ходом. И это сделано настолько грандиозно, что, кажется, человеку понять невозможно. Нужна высшая интуиция.

— Как вы думаете, о чем будут произведения новой русской литературы?

— Сейчас жду появления нового «Сатирикона». Это должно быть не столько сатирическое осмеяние действительности, сколько ее специфическое рассмотрение и фиксация. Затем должны нахлынуть волны блестяще написанной социальной литературы. Если она не будет таковой, то окажется никому не нужна. Дальше — произведения, где будут очень тесно увязаны общечеловеческие проблемы и проблемы сегодняшнего дня. И, наконец, новый роман. Поясню. Кто-нибудь помнит труды академика Тарле? Он изобразил войну 1812 года куда более точно, чем Лев Толстой. Но мы знаем о событиях того времени только по Толстому. А XIX век мы знаем по Пушкину, И через 30 лет войну между красными и белыми будут знать только по «Тихому Дону». Писателя нынешней эпохи у нас нет. Но он должен появиться. Однако это должно быть произведение не только по истории. За жизнью должно проглядывать что-то другое. «Муму» — ныне детский рассказик, история немого Герасима и его собаки. А когда-то это произведение оказало колоссальное влияние на отмену крепостного права. И после сегодняшней эпохи грядет новое толстовство, а потом опять придет разруха. Такое же черное поле, через которое мы пытаемся переползти сейчас.

— Давайте соберем в рюкзак книги, которые мы возьмем с собой в новую эпоху.

— Писатели — люди эгоистичные. Они пытаются забрать что-то свое. А задача культуры — забрать как можно больше всего. Рюкзак, знаете ли, сумка небольшая. И я бы уложил самое хрупкое. То, что без нас через черное поле не перейдет. Классическая литература и Серебряный век сами пробьют себе дорогу. Нужно не потерять крупнейшие достижения советской литературы, заставить их работать. Например, Алексея Толстого. Зощенко, Шукшина, Ильфа и Петрова…

— Может, вам самому стать автором романа нового времени?

— Мне кажется, я для этого стар. Нужно другое самочувствие эндокринных желез, более густой адреналин. Хотя сейчас я все-таки пишу очередной роман.

Интервьюировала Дарья Мартынкина

Усилием воли заставляю себя писать роман. Внезапно, на

середине главы, я почувствовал, что нужен какой-нибудь «новый сбой». И стал писать главу о собаке. Это будет не только глава о собаке, но и глава о герое и его жене. Может быть, главной мыслью станет мысль о жизни без детей. Надо будет обязательно сконструировать роды собаки и отношение к её щенку, как к ребенку семьи. А впереди еще масса нереализованного и по поводу Пастернака, и о Ломоносове. Впереди еще целая глава о Серафиме и её эмиграции. Вечером заставил себя и написал еще пару страничек. Я по опыту знаю, что более полутора-двух страниц в день писать нельзя — дальше станет скучно и неинтересно.

24 августа, вторник. Второй день собеседований.

Вчера вечером пришел домой, жарил грибы с картошкой, немного почитал по-английски. Грибы и картошку творил по заявке В.С. Я предполагал, что это не пойдет ей на пользу. И утром у нас была целая история: пришлось идти в аптеку, там накупил каких-то лекарств… Не очень представляю, как она поедет на диализ.

На собеседовании идет драматургия. Что нового? В первую очередь, резко изменилась география. Вовсю проходит Поволжье, Урал, Западная Сибирь, кто-то есть даже из Хабаровска, причем не единичные случаи. Видимо, какой-то особый стандарт времени.

У «драматургов» есть свои сложности. У Дьяченко, который на этот раз отсутствовал, ложное представление, что он как руководитель семинара может научить любого. Анатолий, конечно, формалист, я это понял еще по его весьма слабой диссертации, а тут он достаточно вольно отбирал рукописи, поэтому оказалось много людей слабых, талантливых условно. Самого его на собеседованиях, как я уже написал, тоже нет, что составляет для меня новые трудности. Но тем не менее, как мне показалось, я сумел отжать всё, что не соответствует нашему стандарту, зато соответствует объему заочного семинара.

В этом году поступает молодой парень, сын Сережи Арцибашева. Практически он должен быть включен в семинар Вишневской, но парень оказался настолько ориентированным на западную систему, настолько противоречиво относится к русской драматургии, что я решил провести рокировку: Арцибашева к Дьяченко, для связей и благ, а к Вишневской одного из рабочих парней.

Довольно слабым оказался и семинар Балашова, и здесь опять тот же самый принцип: надо сейчас набрать, дай Бог, ребята потом чему-нибудь научатся. Так и выходит: возможно, всё умнётся, и вокруг трех-четырех по-настощему талантливых людей

возникает какое-то общее поэтическое единство.

25 августа, среда. Теперь, главное, прожить еще день завтрашний. Опять сегодня занимались собеседованием, проходил семинар Торопцева и Сефа, семинар Лобанова, потом — огромный семинар Толкачева. Пожалуй, в процентном отношении интересных ребят больше, чем в предыдущие годы. Если бы еще я смог прочитать все их сочинения, то был бы абсолютно уверен в результатах. Вообще-то неизвестно — кто кого учит: мы абитуриентов или они нас. Что касается первого, то есть самой постановки вопроса, то я вообще считаю, что собеседования — первый воспитательный акт для вновь поступивших студентов. У меня уже образовался ряд приемов для тех, кому необходимо отказать — а мы отказываем по единственному поводу: при допущении ошибки на первоначальном отборе. Очень редко, когда талантливый человек в прозе или поэзии недотягивает по общеобразовательным предметам. Как ни странно, обычно всё совпадает. Начинаю спрашивать о вещах житейских: о школе, о втором высшем образовании, о городе (для иногородних), о родителях — и постепенно картина расширяется, дополняется картиной чтения, картиной социальных приоритетов, иногда возникает что-то интересное и из мыслей. Надо бы всё фиксировать, но ведь всю жизнь не запишешь… Вот, например, один абитуриент сегодня говорит: «Солженицын известен, но не популярен». Это ведь целая картина!

Вчера по телевидению возникла в «Оркестровой яме» у Варгафтика такая мысль: произведение искусства и произведение, в котором художник лишь самовыражается, — разные вещи.

Сегодня выработал для себя некую новую формулу: беллетристика — это тот вид литературы, где писатель активно пользуется приёмами в индивидуальном порядке, наработанными большой литературой.

Иногда ребята бывают просто потрясающие, очень хотелось бы отметить Ларису Ким, которая написала этюд на тему «Цезарь и Брут за кружкой пива». Много идет людей очень немолодых, которые пытаются еще и еще раз самораскрыться. Запомнил Игоря Евтишенкова, бывшего военного переводчика, да и некоторых других.

Вечером ходил в галерею Шилова, через новый вход, о котором много писали и даже бастовали окрестные жители. Это был вечер по случаю дня рождения Виктора Сергеевича Розова. Тут же состоялся экспертный совет по очередному присуждению «Хрустальной розы Виктора Розова». Среди предполагаемых лауреатов и я, в списке еще Станислав Куняев, Владимир Андреев, актер из театра Т.В. Дорониной Максим Дахненко,

Виктор Стефанович Кожемяко. Лауреатом оказался и Святослав Гуляев, двадцатилетний художник, который снайперски пишет портреты членов клуба. На экспертном совете я даже выступил, потому что всех знаю по жизни и по творчеству, и люди все очень достойные, каждый в своей области выдающийся. Я сначала стеснялся, что вот, дескать, опять Дневники представляются как мемуарная проза, я слишком близко к дающим, а потом в себе это чувство подавил. Что-то заворчал на совете, вроде того, что «картин я не видел и не могу ставить свою подпись», Александр Максович Шилов. Что его смутило: действительно отсутствие портретов или хватка мальчика, не знаю, но Шилова довольно быстро уломал М.И.Кодин. Кстати, у меня на столе уже давно лежит какой-то небольшой журнальчик с интервью Станислава Гуляева. Такой там есть пассажик. Выписываю потому, что это, наверное, характеризует многих молодых русских «творцов».

«Я зарабатываю деньги картинами. Мне заказывают портреты разные люди… Искусство — это вещь дорогостоящая. Я вообще отвергаю теорию, что художник должен быть таким бедным, нищим алкашом в каком-то грязном свитере с бутылкой водки на столе. И вот что ему взбредет в голову, то он в пьяном виде на холст выливает. Искусство всегда было привилегией богатого класса. Все художники, которые дошли до нашего времени, были безумно состоятельными людьми». Дальше в этом интервью шли тоже не слабые места, но и этого достаточно. На чем здесь сделать акцент? Пожалуй, на «безумно состоятельных людях». Каждому грезится свое.

В списке еще стоит и дочь Голубицкого — пианистка она блестящая. В конце концов, каждая такая премия в наше время обслуживает только свой клан. Ведь не будет же меня печатать «Вагриус» и премию давать Пен-клуб, он скорее даст ее энергичной публицистке Алле Гербер.

На вечере читали телеграммы по поводу юбилея Розова, были его жена и сын. Потом состоялся хороший, но небольшой концерт. Молодые актеры из «Геликон-оперы» пели Моцарта, Россини и Гуно. Это то, что нынче — вальс Маргариты, каватина Фигаро, дуэт Дон Жуана и Церлины — по телевизору не поют, но какая прелесть.

Видел А.Шорохова, который, как всегда, надменен и значителен, и Колю Переяслова. Оба ожидали лауреатского звания, но получили только дипломы. Я себе поклялся, что и впредь не поддамся никаким уговорам, а только по таланту и по работам. На церемонии был также Леня Колпаков, который рассказал мне чудовищную историю. Фильм по роману Юры Полякова «Козленок в молоке» не берет ни один телевизионный

канал. Вроде бы Эрнст не хочет не то что осмеяния, но даже юмористического освещения либеральных ценностей.

26 августа, четверг. Ну, вот и все, подписал приказ на заочников. Приемные экзамены проходили очень бурно, но главное, есть желающие и есть люди талантливые. По книге договоров у нас проходит около ста человек, из них около тридцати очников. Как всех рассаживать, я не знаю, у нас нет ни одной аудитории, в которой мы смогли бы разместить весь поток. Пока решили античку, введение в литературоведение и введение в языкознание читать в два потока. Поделим мы всех студентов по семинарам. Вроде бы одна проблема решена. Витю Гусева взяли на первый курс дневного.

К счастью, выяснилось, что и с крышей все более или менее нормально. Над углом, над кафедрой русского языка, постелили новые бревна, брусья. Я сам лазил наверх, лет десять как минимум все простоит. Рабочие простукали весь потолок, все вроде нормально. Это только реставраторам и Владимиру Ефимовичу хотелось бы снять всю крышу и все потолки и начать большие дорогостоящие работы. Иногда я не понимаю желания людей и отсутствия у них обычной производственной хватки. И это инженеры!

В четыре часа состоялось празднование дня рождения С.П. На этот раз все прошло очень мило и дружно, С.П. надарили кучу подарков.

Утром я разговаривал с Б.Н. Тарасовым относительно нагрузки. Уже второй год подряд Б.Н. в сентябре куда-нибудь едет. В прошлом году, вспомнив какую-то свою задолженность, уехал на десять дней в сентябре в Крым, в этом году в самом начале сентября летит на какое-то собрание по поводу Достоевского, а потом на нечто аналогичное в Симферополь. Кости Ф.М. давно истлели, а мы точим и точим крышечку его гроба, и какое занимательное и небезвыгодное это дело. И не говорите мне о чистой науке!

27 августа, пятница. Все решилось с нагрузкой у Толкачева. Ему отдали семинар Джимбинова, который тот, читая основной курс, похоже, никогда не читал, а только при семинаре числился. Я думаю, такие же нюансы в нагрузке я встречу и еще. Но главное, собрав утром небольшое заседание, я выработал определенную концепцию по нагрузке и оплате наших преподавателей. Теперь всем будем продолжать платить бюджетную зарплату, если у тебя ставка, то ставку, а если полставки — полставки, а вот основную часть, так сказать, интенсификацию — исключительно по объему работы.

Был Паша Быков, важное достоинство которого — это умение

принять удар и ситуацию так, как она есть. Объяснил ему ситуацию, но, кажется, объясняя, почти простил. Он устроился преподавателем в какую-то школу искусств вести что-то вроде семинара по литературе. Я не очень люблю эти школы искусств, где возникают шустрые всезнающие дети воспаленных на одаренности своих чад родителей. Мы с В.В. Орловым, как члены комиссии по премиям Москвы, одну из них видели, и она произвела на нас плохое впечатление. Ею руководил тогда, вернее, числился руководителем, актер Леонид Филатов. Он тоже был на диализе и сделал пересадку почки, что уложило его в могилу. Вот почему мы с В.С. твердо решили: будет так, как оно идет.

В одиннадцать часов приехал в Обнинск. В программе шашлык по поводу дня рождения С.П. Я взял с собой портфель и рюкзак, полные книг, компьютер и другие материалы. «Правда» опубликовала полный список лауреатов «Золотой розы», особенно я рад за Виктора Кожемяко — вот это попадание «в яблочко», сколько этот немногословный в быту человек сделал для нашей культуры, сколько сделал интервью и бесед.

28 августа, суббота. Все эти дни телевидение только и говорит о теракте, который совершен еще 24 августа. Этот день войдет в историю, как вошел в историю день 11 сентября. Два самолета — Ту-134 и Ту-154, вылетевшие из Домодедовского аэропорта, в одно и то же мгновение потерпели крушение и рухнули на землю. К субботе — а наши спецслужбы всегда придумывают много версий — стало очевидно и доказано, что это был теракт. Вроде бы отыскали даже чеченский след, двух женщин-чеченок, летевших этими машинами. У одной из них были какие-то неясные манипуляции с билетами, и они оказались единственными, чьи тела не стали востребовать и забирать родственники. Скорее всего, виновата система досмотра в аэропорту, пропустившая багаж или способствующая тому, что необходимые для диверсии вещества и предметы оказались в самолете. Зная, как и любой русский, нашу систему, я отчетливо понимаю, что купят у нас все и не посчитаются ни с чем, предложи только 100 долларов. Путин предлагает ввести в аэропортах израильскую систему досмотра пассажиров. Она действительно самая лучшая в мире, но попробуйте ее распространить на наши огромные пространства. С этим терактом в нашей жизни появилось что-то новое, мы теперь всегда будем жить под фатальной неизбежностью выбора: рискнуть или не рискнуть? А раньше мы думали только о том: побыстрее и подороже или помедленнее и подешевле.

Полил утром огород, съездил в Обнинск, где купил десять

килограмм помидоров по 13 рублей за кг и другие овощи, которые дешевле, чем в Москве. Как всегда, долго рассматривал все в строительном магазине, удивляясь, почему всего этого не было раньше? Если это свойство рынка, то я «за». Ну, а другие его свойства?.. Наконец-то с Витей организовали слив со спортивной террасы. Два года лило, размывая ограду.

Довольно много для меня — т. е. положенные две страницы — занимался романом, это глава о собаке. А вечером взялся за новую книгу Галковского «Магнит». В нашей литературе существует лишь три автора, которыми я по-настоящему дорожу: Галковский, Лимонов и Солженицын. И сразу меня обожгло: в интервью «АиФ» я сказал, что за последние пятнадцать лет ничего в литературе не случилось. Случилось! Вышел в свет «Бесконечный тупик» Дмитрия Галковского. И вторая грубая и торопливая моя ошибка. Под конец Олимпиады в Греции мы все-таки разошлись и вышли на второе место после США по количеству наград. Неужели я такой недобрый злопыхатель, и так без веры смотрю на свою обновленную, но, как я считаю, плохо обновленную страну? Но ведь столько всего продули, где всегда выигрывали! И я хорош, но и Россия замечательная страна, замечательная по генофонду, по воле, по умению сконцентрироваться в бою. В ней еще столько внутренних резервов, что никакой грефо-кудринской банде с нею не справиться.

29 августа, воскресенье. Сразу же, как приехали, принялся делать «аджику» из помидоров: протер их на кухонном комбайне, соль, чеснок, по трехлитровым банкам — и в холодильник. Потом, как обычно, устал и тупо принялся смотреть телевизор. Как всегда по воскресеньем своим канючащим голосом говорил Андрей Караулов, так хорошо и плотно живущий на несчастьях нашей страны. Если хоть половина или даже четверть того, о чем он рассказывает, правда, то почему все сидят на местах, почему наш «сенат» не утвердил проскрипционные списки, почему еще сидит на своем месте президент? Почему? Но он по-прежнему бодр и излучает спортивную уверенность.

Вечером, около девяти, позвонила плачущая Оксана. Ей только что звонил Джимбинов и почему-то кричал на нее за то, что в прошлом году она не так, как бы ему хотелось, поставила его в расписание Высших литературных курсов. Все наши преподаватели, штатные в первую очередь, хотели бы все читать в один день и не хотят считаться ни с чем. Я-то думаю, что эта некрасивая истерика профессора, кандидата наук, который на моих глазах двенадцать лет пишет докторскую диссертацию и уже несколько раз ходил в оплачиваемый отпуск по этому поводу,

вызвана тем, что, видимо, с ним говорил Б.Н. Тарасов и рассказал ему о положении вещей.

Читаю Галковского.

30 августа, понедельник. Недавно я понял, отчего мне бывает так трудно — хотя чего говорить в Божьем мире о трудностях: живем, и ладно, — но трудно бывает потому, что я не только пытаюсь хорошо прожить день, но стремлюсь еще что-то «приварить». Ну, ректорствую — ладно. Придет следующий ректор, пусть начинает всё сначала. А я стараюсь сберечь здания, ввязался в реставрацию ограды, сейчас ремонтируем крышу, которая, конечно, года два еще простояла бы, уже наготове проект нового корпуса. Еще пишу Дневник, ну, казалось бы, и хватит, но пытаюсь сделать новый роман и сложить еще одну книгу. А потом охаю и вздыхаю: «Ах, трудно!» Может, и трудно, но прекрасно, и другого я не хочу.

Долго днем разговаривал с Модестовым о балете, в котором он крупный специалист. А как понял вечером — разговор этот был неслучайный. Меня очень интересовало его балетное либретто «Евгения Онегина». Чайковский ведь написал музыку к опере, которую точнее было бы назвать «Татьяна», а вот балет, по крайней мере его либретто, — это «Евгений». Какая удивительная судьба этого пушкинского романа в нашем искусстве: все о нем говорят, но серьезно никто к этому не притрагивается. У меня складывается целая конструкция из четырех очень сильных впечатлений: из постановки Немировича-Данченко в театре Станиславского и Немировича-Данченко в Москве, самое раннее моё детство. Это блестящее целиковое чтение Васей Мичковым «Евгения Онегина», и лицо Васи, залитое слезами, в финале. Это замечательный иностранный фильм «Евгений Онегин», но когда я предложил фильм в Гатчину, потому что это был явно наш материал, явно наш фаворит — ничего не получилось. Когда я пытался продвинуть Васю на премию Москвы — её получил Наум Клейнер, а балет с либретто Вал. Серг. три года шел в Праге, но не в Москве или Санкт-Петербурге. Это моя культурологическая тема, и я думаю рано или поздно ее сделать.

А вот почему я написал, что разговор с Вал. Серг. неслучаен. Когда в девятом часу я приехал домой, по телевизору шла какая-то очередная дребедень. Я подумал, что за мою жизнь, в том числе и телевизионную, я не посмотрел не то что целиком, а даже несколько передач подряд ни из одного нашего сериала, ни из одной «мыльной оперы». И вот идет «мыльная опера» с убийствами, с криминалом, да еще и с Волочковой. Днем у Вал. Серг. я спросил: а почему ее поддерживает Григорович, почему ее рекомендует Плисецкая? И по уклончивому ответу понял. Верю в

это с трудом, люди такого уровня свободны от мнения под давлением, цари и императоры, как правило, не берут «барашка», об этом писал еще Булгаков. Но вечером, во время этого сериала, многое выяснилось. Во-первых, мы увидели талию знаменитой балерины, увидели её стать, увидели ее кинотанец, шедший временами под музыку Адана к балету «Жизелъ». Ой, это не та грация, которая предполагает миф и легенду, это не Лопаткина, не молодая Уланова или Плисецкая, не Бессмертнова, на спектакле которой я был, когда она танцевала с М. Лавровским. Всегда смущают шарфы и развевающиеся туники, романтизм всегда призван скрыть или заменить настоящее чувство и подлинную страсть. Танец Волочковой мне напомнил танец выпускницы Воронежского хореографического училища, которая снялась у нас в фильме Лотяну в роли Анны Павловой. А уж если говорить о драматической игре актрисы, да и большинства персонажей сериала — тут просто приходится развести руками, я даже не поверил, что всё это снимал Алик Хамраев…

Вот и вывод: деньги, конечно, могут многое, но не всё. В данном случае никакие деньги и никакие мнения наших корифеев не соткут нового мифа.

С остервенелым удовлетворением читаю «Магнит» Галковского. Видимо, в Дневнике я буду писать почти о каждой его статье из этого сборника. Это такой острый, проницательный, местами ошибающийся, но такой живой ум, такая поразительная ирония! Пока читаю первую статью о «Вехах», так энергично разруганных Лениным. Галковский заходит с другой стороны, в первую очередь со стороны интеллигенции, способной в своей жажде власти и в жажде «нами, умницами» сменить любую элиту. Просто диву даешься! В частности, весь наш коммунистический период он считает искусной второй европеизацией, возникшей под влиянием части интеллигенции, не очень-то прикрепленной к традициям национальной почвы. При всей нелюбви к недавно отошедшему строю Галковский признает, что блеф европеизации сопровождается все-таки созданием истеричной, лживой, но в своем высшем проявлении выдающейся цивилизации, по крайней мере в литературе, сценическом искусстве и отчасти в музыке. Он всё время помнит о нашем евроазиатском начале и иногда по этому поводу пишет удивительно звонко: украсили себя чужой мыслью: «Ситуация, когда выросший в полуазиатском захолустье «западник» Плеханов вместе с дочкой раввина Любовью Исааковной Аксельрод орал на «восточных деспотов» Николая Романова Дармштадт-Готторпского и Александру Гессенскую, по уровню незатейливого юмора приближается к лучшим фильмам Чарли Чаплина».

Но так история кажется из «сегодня».

Продолжаю читать дальше.

31 августа, вторник. С утра, опять же по телевизору, шла передача о группе военных войск в Германии, о воссоединении Германии. Рассказывали о потрясающем воровстве, которое царило в тот момент. На экране были разные люди, в том числе и Яковлев, со своей «справедливой точкой зрения»: прозападной, неестественной, так контрастирующей с его вологодским выговором. Был также Дима Якубовский, который показался мне здесь несколько иным. Выступал Юрий Болдырев, в ранние времена Ельцина занимавшийся контролем при президенте. Фантастическое воровство, фантастический цинизм, в подтексте вырисовывается роль во всём этом и Горбачёва, и Яковлева, и Шеварднадзе. В подтексте возникает мысль, что так шло немыслимое накопление капиталов. В связи с этим вспомнил о том, что Пиночета лишили парламентской неприкосновенности. И я абсолютно уверен, что как только с политической арены президентства уйдет Путин, ну, может быть, еще через один или два президентских срока, хотя в наше время история катится очень быстро! — разберутся и с Ельциным, и с его семьей, а может быть, и со многими другими.

Во второй половине дня, в пятом часу, поехал в «клуб Рыжкова», который на этот раз должен был состояться в Московском государственном социальном университете. За этим, не очень внятным для здравого смысла, названием есть ещё как бы подзаголовок, указание на покровителя: «министерства труда и социального развития Российской Федерации». Как бы ведомственное, министерское заведение, готовящее специалистов для бывшего курятника Починка. Сейчас этот сектор нашей жизни отдали Зурабову, тому самому, который так энергично прокачивал отмену льгот и которого дружно ненавидит половина населения России. Университет расположен далеко, напротив ВГИКа, на улице Вильгельма Пика. Клюнул я на то, что увижу кабинет Димитрова. Так оно и произошло, и, пожалуй, это у меня было главным в вечере. Если забегать вперед и обратиться к истории заведения, то можно восхититься: бывшая ВПШ, расформированная, отовсюду выселенная, вдруг перевернулась, обернулась, вытерпела, нащупала некий свободный сектор и теперь — университет с отделениями по всей России и с 10 тыс. студентов в Москве. Заслуга здесь, конечно, лежит на ректоре Василии Ивановиче Жукове. Человек он энергичный — перед его дверью стояла целая выставка книг (я насчитал свыше 70), где он был или автор или соавтор, — но и ВПШ давала огромные связи. Но ведь угадал: социальной сфере, а страна сейчас вся

социальная сфера, нужны специалисты в собесы, в муниципалитеты и пр. Вот Починок деньги на всё и дал, правительство, друзья по партии и по жизни, деньги подкинули.

Самое поразительное — здание, в котором находится университет. То самое, легендарное, построенное еще до войны, в котором поочередно находились и Ленинская школа, и Коминтерн, и Смерш, и Институт Маркса-Ленина, и журнал «Коммунист». Потом, в наши дни, здания пошли гулять по арендаторам и собственникам. В кабинете, где сейчас сидит В.И. Жуков, был столярный цех.

К счастью, в этот кабинет я все-таки пробился: огромная комната, почти зала, деревянные потолки, два книжных шкафа, принадлежавших фельдмаршалу фон Боку (наследие Смерша, перевезли, знали толк в мебели), и один, средний, принадлежавший Марксу (это подарок немецких товарищей к 100-летию Вильгельма Пика). В этом-то кабинете, но без шкафов, и сидел Димитров.

Потом, когда шел по коридору, показывали: кабинет Мориса Тореза, кабинет Пика, даже кабинет сейчас всеми забытого Б.Пономарева. В тосте, который пришлось говорить на товарищеском ужине, я использовал вдруг возникший образ: в этих коридорах ночью переговариваются тени владельцев кабинетов, обсуждают нас, в том числе: а не подлецы ли мы, так легко и свободно отказавшись от их наследства?

Разговоры за столом и в зале заседаний ученого совета В.И. Жуков. О демографической ситуации, которая нас ждет. Рассказ о борьбе за учебное заведение. Н.И. Рыжков. Разговор с Зурабовым. «Зачем ты залез в эти льготы?» — «Теперь родная мать со мною не здоровается». Жуков. Формально теперь здание и сам университет оказались под властью того же самого Зурабова. Его мечта: провести инвентаризацию, передать университет министерству образования, но в этом случае университет будет платить за аренду зданий. Рыжков: Старые опытные люди в правительстве говорили: «Не отдавайте власть над страною минфину. Жуков: Высшее образование как учреждение занятости: иначе молодежь ушла бы в криминал. Рыжков: У нас высококвалифицированных рабочих — 5 %, в США и Германии — 45–47 %. Отец Марк об отношении к православию. В школе экскурсия по храмам Москвы: синагога, мечеть, молитвенный дом баптистов.

Когда в десятом часу возвращался домой, передали по радио: новый теракт у метро «Рижская», есть погибшие и раненые.

Записал ли я о том, что пришли книжки от Игоря Янина? Кое-что интересно, и по изданиям: Булгаков, Паустовский, но и три

его собственых авторских тома: «Энциклопедия мудрых мыслей», «История крылатых слов и выражений», «Из русской мысли о России». Здесь много информационного материала, к счастью, без какого-либо художничества. С какой подарочной роскошью это сделано!

1 сентября, среда

Утром телевизор стал вестником нового несчастья — чеченские боевики захватили школу и родителей в Беслане (Северная Осетия). Буденновск и «Норд-Ост» повторяются. Как через посты ГАИ проехали, как работает разведка? Захватили свыше четырехсот человек — школьников, родителей, детей, согнали в зал. Проводили день знания.

Никогда еще наш двор не был так полон. Открылись, провели собрание, вручили студенческие билеты, развели всех по аудиториям, ничего пока не рухнуло, слава Богу, пошло. На митинге выступал Рекемчук и что-то говорила Седых. Приходил Евгений Юрьевич, по-праздничному, парадно, были Апенченко, Вишневская. Я хотел, чтобы она выступила, но чувствовала она себя плохо. Очень тактично не захотел выступить, хотя я нетактично ему это предложил, Е.Ю. Не было ни Кострова, ни Рейна, ни многих других мастеров. Правда, Рейн накануне звонил, пытаясь перенести свой семинар с 10 часов, как мы договаривались и как было в прошлом году на первом курсе, на более позднее время.

Наш маленький конференц-зал был набит под завязку, когда я вручал билеты, что-то опять полезное я сказал. Лица замечательные, без спеси, на смену идет интересная и, кажется, вдумчивая молодежь.

Сразу же после митинга и вручения билетов поехал на ВДНХ, на открытие книжной ярмарки, а оттуда — в общежитие. Выезжая около двенадцати из ворот, встретил идущего в институт Джимбинова. Может быть, лекция, но, во всяком случае, не общее мероприятие. Эту жизненную позицию я недолюбливаю, не по-русски все это.

Долго перед открытием ходил по книжным лавочкам на площади. купил книжку писем и записок Ф.Раневской и две книжки издательства «Новое литературное обозрение»: Робер Жан-Ноэль «Рождение роскоши. Древний Рим в погоне за модой» (полагаю, что это актуально) и замечательную книжку Доминик Мишель «Ватель» о знаменитом поваре и домоправителе времен Людовика XIV. Об этом человеке я видел фильм с Жераром Депардье. Читал поздно вечером и ночью, какая-то романтическая тяга у меня к этому времени.

Сама ярмарка меня не очень заинтересовала, она, конечно, теперь носит коммерческий характер. Но коммерция прикрыта опять-таки декоративностью, флером новизны, и тем не менее книг много, это радует, многие книги продаются по сниженным

ценам.

Сюда же, пользуясь правилами игры на компьютере, вставляю кусочек из «Российской газеты». Дело в том, что на выставке встретился Саша Щуплов, который по обыкновению меня опросил, когда мы шли с ним по стендам. В том числе зашли и на наш, книголюбский стенд.

«Еще один из примечательных стендов ярмарки — экспозиция Международного союза общественных объединений книголюбов. В ней представлены «Российский экслибрисный журнал» и «Альманах библиофила», который после десятилетнего перерыва возобновил свой выход. Украшением стенда являются экспонаты существующих при Международном союзе книголюбов Музея миниатюрной книги и Музея экслибриса. У стенда беседуем с председателем Совета Международного союза книголюбов, писателем, ректором Литературного института Сергеем Есиным:

— Между прочим, нынешний МСК является преемником того самого Всесоюзного союза книголюбов, на котором в советские времена держались все библиотеки страны. Это общество занималось главным — читателем. А им сейчас никто не занимается. Кстати, мое председательство в этом обществе — своего рода нонсенс: в Германии, например, аналогичное общество (оно называется «Общество чтения») возглавляет президент страны. Не я должен возглавлять такое общество, а первое или второе лицо в государстве, иначе мы никогда не поднимем культуру народа.

На выходе с выставки огромный плакат с портретом Александра Потемкина и надписью, что, дескать, здесь и интеллектуальное, и художественное удовольствие.

Возвращаясь с выставки, заехал в общежитие. Там все более или менее в порядке, я думаю, что оно лучше, чем многие, наши арендаторы заканчивают ремонт. Но переполнено оно смертельно, в известной мере на этой политике держится зарплата персонала института.

Из «Советского спорта» от 30 августа. Табличка медалей: ***Золото: США –35, Россия — 27, Китай — 32; Серебро: США – 39, Россия –27, Китай — 17; Бронза: США — 29, Россия — 38, Китай — 14. ВСЕГО,*** соответственно, ***США — 103, Россия — 92, Китай — 63***.

2 сентября, четверг. Проснулся с мыслью об этих осетинских заложниках. Так Чечня ответила на выборы президента. Наши думают, что все само по себе рассосется, а оно не рассасывается. Политику мы и в культуре и в государстве ведем скорее декоративную, берясь только за то, что

выразительно, что сразу попадает в прессу. Но думаю, что здесь чеченцы могут крепко ошибиться. На чеченскую жестокость осетины могут ответить и кровной местью. Это ребята не менее отважные и не менее коварные. «И широкая грудь осетина».

Днем вручали премии Москвы. У нас в институте опять урожай: Игорь Волгин — за книги о Достоевском и Инна Вишневская — за педагогическую и публицистическую деятельность. Хорошо выглядел и хорошо говорил мэр. В частности, говорил о прессе, которую ругал, и о чиновниках, которых все, с легкой руки прессы, ругают. В заключение очень точно, без малейшего подобострастия выступил Володя Андреев. Премию получил также и Юра Поляков, такой же одинокий и среди своих и среди чужих русачок, как и я. Совсем недавно опубликовали новый совет при президенте в области культуры, который теперь будет решать вопросы с новыми Госпремиями. Включили в этот совет и Юру Полякова. Судя по прописанной в этом списке членов расстановке сил, ввели со скрежетом зубовным. К счастью, в совете есть еще и Федоров, директор Ленинки. Говорят, что в совет новый министр культуры Соколов хотел еще ввести Доронину и Соломина. Да кто же допустит такого триумфа русских единомышленников!

Вечером боевики, захватившие школу в Беслане, выпустили 25 человек. В основном самых маленьких детей. Это матери с малолетками приходили на день знаний в школу. В удачных переговорах принимал участие экс-президент Ингушетии Р.Аушев.

3 сентября, пятница. Утром по радио слушал выдержки из газет интервью с женщинами, вырвавшимися из плена. Одна из них говорила, что боевики не снимают масок, и я сразу подумал: значит, собираются выбраться из этой ситуации и не хотят, чтобы их опознали. В два часа по телевидению показали конец этой ситуации, т. е. практически штурм школы нашими войсками. Штурм совпал с взрывом в школе и прорывом заложников из спортзала на первом этаже, куда их всех согнали. Я плакал, когда показывали почти раздетых детей, которые выбегали из школы. Погибло около ста человек, несколько сотен ранены. О политическом аспекте всего этого не говорю. Нас ничто научить не может. Американцы столько всего ввели после 11-го сентября, даже отпечатки пальцев начали брать. А мы идем впереди девственной либеральной демократии. Представляю теперь речи официальных лиц, которые скоро примутся обсуждать эту проблему.

3-4-5 сентября; пятница, суббота, воскресенье. Как мы иногда бываем безжалостны к нашим «абстрактным близким»! Не

прошло еще и двух дней постоянной думы: что же дальше? (хотя каждый понимал, что существует власть, спецслужбы, какие-то контактные технологии), как все разрядилось само по себе, разрядилось с жуткими жертвами, потоками крови, и для большинства, для народа, вдруг всё как-то и закончилось. Назовём это освобождением, назовём это штурмом — как хотите, но это произошло. Еще утром, в машине, слушал в обзоре газет интервью одной женщины из освобожденных вчера, как говорит телевизор — не без помощи Аушева, одной из 26-ти. Она рассказала, что по голосам она поняла: среди них есть и чеченцы, есть и ингуши. Это показалось мне знаковым, хотя позже многое поменялось, к чеченцам и ингушам добавились еще и арабы, и негры, и, наконец, как сказал диктор, — лица «славянской национальности». Теперь, наряду с лицами «кавказской национальности» в России есть еще люди с лицами «славянской национальности».

Размышлял над всем этим, а когда вошел в кабинет и сразу включил телевизор, увидел тот знаменитый штурм, тот «исход», который теперь навсегда останется в памяти. Стыдно признаться, но за последнее время я только два раза смотрел и каждый раз, кстати, успевал к «прямой трансляции»: это и события 11-го сентября, и события в бесланской школе N 1. Пока была только картинка, почти без комментариев, и когда я увидел нескольких женщин, бойца в военной форме, каким-то особым, нежным образом несущего ребенка, почти младенца, я заплакал.

Уже потом объяснили ход событий. Террористы разрешили забрать 20 расстрелянных ранее мужчин — жара, мухи, зараза… Оказалось, что это те, кто пытался в самом начале сопротивляться захватчикам. И тогда их завели в учительскую и расстреляли. Когда же военные стали подходить, чтобы забрать эти трупы, выброшенные из окна, в этот момент раздалось несколько взрывов. Школа была заминирована, но или у кого-то из террористов сдали нервы, или кто-то зацепился за растяжку. Это был то ли сигнал, то ли импульс, то ли проявившаяся внутренняя готовность — и в образовавшиеся от этих взрывов проемы кинулись пленники, чтобы бежать. Для террористов это явилось неожиданностью, и именно по ним, по убегающим женщинам и детям, они принялись палить из оружия. И еще одно немаловажное обстоятельство; осетины мужчины, стоящие вокруг школы, часто со своим оружием, открыли ответный огонь.

Я умышленно ничего дальше не описываю, только констатирую, что практически одни и те же фрагменты телевидение показывало по 6-10 раз, и каким-то магическим образом это каждый раз смотрелось и воспринималось не как

киноповтор, а как случившееся только что. Тут я, прости меня Бог, подумал об искусстве: это вполне могло быть кинокадрами, но в этих кинокадрах было то, до чего кинокадры все-таки не могут подняться, я даже не смогу сказать — реализм это был или реальность, а скорее — нечто другое.

Интересно, как всё это смотрит наш народ. Ну, конечно, с ужасом. А как смотрят дети? Это ведь поразительно, но мы все потеряли ощущение подлинности крови, подлинности трагедии.

Традиционно мы задаём вопросы: почему? кто виноват? Меня волнует, как это бесконечно печально, похоже и на Буденновск, и на «Норд-Ост». 30 человек приезжают на автомашине в город, но, оказывается, в школу оружие и боеприпасы были завезены еще летом, в ходе ремонта, под видом строительных материалов. Кто помогал? Кто недоглядел? На следующий день я увидел, как президент этой самой Северной Осетии говорил, что он извиняется. Кому нужны эти извинения? Это японцы падки на извинениня, им они нужны, потому что для них ритуал — почти их жизнь. А кто бабушке, которая на похоронах внучки носилась с её цветным портретом, заменит живую девочку? Сейчас портрет несет какую-то ритуальную миссию — но ведь это бумага. Жизнь, дух, будущее — всё улетело, и даже не улетело, а всё пропили, все купили, прогуляли. Не исключено, что какой-нибудь гаишник взял за пропуск автомашины всего сто или даже пятьдесят долларов!

В воскресенье утром показали Путина, который традиционно, когда всё заканчивается, прибывает на место трагедии. Он в черной водолазке и черном пиджаке, это стало у него уже траурной формой. А почему не извиняется правительство? Перед бабушкой. Перед другими. Почему сидят на месте министры? Если уж начали играть в западную демократию — играйте до конца, уходите в отставку, чтобы дать возможность другим совершать те же самые ошибки.

Постепенно возникают справедливые цифры. Сначала сказали, что 400 человек заложников, а выяснилось, что их было 1200. 1200 человек, как стадо, загнали в школу, правда, это были в основном дети и женщины. А загонщиков — 30 человек. Если бы все заложники бросились врассыпную — то всё равно столько жертв (360) не было бы. 190 еще пропали без вести, т. е. где-то лежат под обломками. Несколько сотен ранено. Обо всём этом я думаю последние три дня.

Что касается внешней стороны жизни, то в пятницу из Москвы я так и не уехал, уехал только в субботу утром. Настроение смутное и сумрачное. В пятницу начал, а в воскресенье закончил читать «Вателя». Поразительная все-таки

возникает картина. Что мне этот гастроном, этот распорядитель XVII века? Но тогда почему эта книжка читается как лучший и самый совершенный роман? А практически состоит из небольшой легенды о поваре суперинтенданта Фуке и принца Конде, нескольких фраз, написанных мадам Севинье, правда, одной из основоположниц французского языка, массы рецептов французской кухни, описания кухни и буфета, анекдотов об аппетите Людовика XIV… Какие поразительные подробности о булимии короля, какие подробности о содержании его ночного королевского горшка. А вот другая эпоха, другая жизнь, и удивительное чувство соприкосновения с обстоятельствами этой иной жизни. И опять — как много, оказывается, может литература! Вот человек ушел в небытие — но мало ли кто кололся или вешался! Но вот мадам пишет письмо дочери:

«Вечер пятницы, 24 апреля 1671 года.

Я намереваюсь рассказать Вам о том, что Король прибыл вчера вечером в Шантильи: он загнал оленя при лунном свете; фонари были чудо как хороши, фейерверк несколько поблек перед сияньем нашей лучезарной подруги; но в конце концов и вечер, и ужин, и игра — все прошло превосходно. Сегодняшняя погода внушала надежду, что столь приятное начало получит достойное продолжение. Однако, приехав сюда, я узнаю нечто, от чего до сих пор не могу прийти в себя, так что уж и не знаю, что выходит у меня из-под пера: в общем, что Ватель, великий Ватель, дворецкий г-на Фуке, а ныне дворецкий Принца, человек исключительных способностей, чья золотая голова способна была вместить заботу о целом государстве; итак, этот человек, кого я знала лично, обнаружил сегодня поутру, в восемь часов, что не доставлена свежая рыба; и вот, не в силах вынести мысль о неизбежно грядущем позоре, он, одним словом, закололся. Можете вообразить, какой ужасный беспорядок внесло в праздник столь чудовищное происшествие. Подумать только, что свежая рыба, быть может, была уже доставлена, когда он испускал дух. Я ничего более об этом не знаю. Пока что. Полагаю, Вы найдете мой рассказ недостаточным. Несомненно, было большое смятение, что весьма досадно на празднике стоимостью в 50 000 экю».

В Обнинске читал Галковского. Дочитал его эссе «Русская политика и русская философия», ничего хорошего про интеллигенцию, ясное понимание, что другая, нежели Запад, страна, другие условия, он поколебал меня в ощущении динамизма в русской истории, и вот поразительный вывод: русский человек и русский внутренний мир могут развиваться при двух условиях: либо под сенью тирании (монархии или чего-то другого), либо как диссидентствующее начало — при тирании,

при демократии, при коммунизме.

Когда в субботу приехал на дачу, ощутил состояние упадка, я давно уже заметил закономерность: начинается работа, начинается учеба — и закрывается моя романистика. Долго не мог найти в себе силы закончить 5-ю главу. Но вдруг, внезапно, в каком-то, может быть, скомканном виде, начал и закончил. Всё, думаю, не так плохо, потому что впереди уже маячит окончание романа. Еще одна глава — экскурсия — и последняя глава. И можно будет ставить точку.

В «Гудке» вышло мое большое интервью, не доставившее мне радости. Вынули из меня комплименты и руководителям современных железных дорог, и писательским руководителям, может быть, справедливые при других обстоятельствах.

6 сентября, понедельник. Как ни странно, наверное с возрастом, моя психология чуть поменялась, я уже не живу с прежним нетерпением во что бы то ни стало всё сделать мгновенно, заставить колесо крутиться со все возрастающей скоростью. Я начинаю понимать, что есть диалектика разрушения и диалектика строительства, что всегда буду иметь дело с ремонтом, с недовольными, с чужой правдой и с чужой корыстью. Мне опять хорошо на работе, я с удовольствием делаю маленькие дела, пытаюсь всё уладить, наладить и уже подумываю, что в октябре уеду на две недели в отпуск.

В Беслане всё хоронят и хоронят. Конечно, хоронят каждый день по всей стране, но это город, где похороны стали жизнью. Показали единственного захваченного боевика. Казалось бы, весьма благообразное молодое лицо, даже не очень испуганное, абсолютно человеческие глаза… Но ведь спускал курок, но ведь мерзавец. Расширился интернациональный состав участников этого преступления, конкретизировались лица «славянской национальности» — украинцы, прибавились казахи и корейцы. Показали, как на похоронах в Беслане выступают наши политические деятели. Все будто говорят те самые слова, все в строгом трауре, но их слова почему-то не цепляют. Еще что-то остается после выступления Лужкова благодаря его всегдашнему напору, а вообще такое ощущение, что говорят по должности, не забывая, что лучше лишний раз, воспользовавшись любым случаем, отсветиться на телеэкране. Мы — люди выборные.

Назавтра собираются устроить какой-то музыкальный марафон, который, с одной стороны, должен призвать всех вносить деньги и сдавать кровь, а агитировать будут крупные наши рок-музыканты. Телевизионные каналы, как о большом достижении, говорят, что эти траурные дни пройдут без рекламы — действительно, какое блаженство, на телеэкранах без пива,

прокладок, пропаганды новых автомобилей и телефонов.

Но какую дорогую цену мы заплатили за этот прежний мир величественной тишины!

7 сентября, вторник. Накануне позвонили из «Независимой» — сезон начинается, пора опять писать телевизионный рейтинг. Для меня это важно, потому что здесь другой, полуличный ракурс. Утром быстро написал, в своей манере, не знаю, колеблюсь, не слишком ли развязно я все это делаю.

1. Незабываем тот парень, спецназовец или просто боец, полуобожженный, в камуфляжном жилете и с автоматом на плече, который, держа нежно и мужественно на руках ребенка, выносил его из огня и пулеметного боя. Этот кадр был показан в самом начале штурма или «исходе» Первой школы Беслана около часа дня и потом несколько раз повторялся. И персона и самое сильное впечатление.

2. Лучшей передачей стала передача на канале «Культура» со знаменитым кинорежиссером Татьяной Лиозновой, которая прямо и открытым текстом кое-что сказала о стране, о жизни и о подвиге. Это тот случай, когда собственный пафос перебивает бесконечные «документальные» истории, с талантливо и умно, в зависимости от текущего времени, врущими ведущими.

3. Самой «неприятной» для меня на этой неделе фигурой стала фигура президента Дзасохова, на японско-западный манер извинявшегося за сделанное при его прямом попустительстве. Какое дело матерям, потерявшим своих детей, до его извинений! Рядом с этим региональным президентом я невольно поставил и кое-кого из наших силовых министров готовых к новым извинениям и новому демократическому бездействию.

Долго готовился к семинару, собирался, думал о плане, об интонации. Думал о том, как и кого буду пугать. У меня трое, которые не были обсуждены в прошлый семестр: Леша Козырев, Аня Козаченко, Упатов. Представил троих новых студентов, двух девушек из Иркурска — Оксану Гордееву и новенькую очницу, семнадцатилетнюю Ирину Владимирову. Начал семинар с моих размышлений о Беслане, о поведении правительства и силовых министров, потом мгновенье все молча постояли. Для разогрева говорил о литературе, о документальном и «художественном». С некоторым удивлением обнаружил мертвую тишину, которая царила в аудитории. Или я собрался, собрал материал и теперь хорошо и интересно говорил, или ребята соскучились за лето, набездельничались и теперь с удовольствием слушают что-то умное. Но лица у ребят славные, во многих идет какая-то своя, а иногда и лукавая, работа, это заметно.

К четырем часам дня ездил в Институт философии к Нелли

Васильевне Мотрошиловой, которая вернулась из Германии. Привезла мне от Барбары и Рексуса приглашение и лекарства для Вали. Институт философии я вижу впервые, всегда думал: дом и дом, стоящий боком к Волхонке, а оказалось — дворец Сергея Голицына. Когда я выходил, то обнаружил роскошный двор с остатком планировки и коваными воротами. Еще в девятнадцатом веке дворец на два этажа надстроили и завели там офицерское собрание. Мысленно я отделил дворец от надстройки. Варварство — это не прерогатива сегодняшнего дня, а веяние всех времен. А в зале на втором этаже танцевал на балу Пушкин и даже, говорят, собирался венчаться в домовой церкви, но что-то разладилось, и он венчался в церкви Большого Вознесения.

С огромным наслаждением разговаривал с Н.В. о Германии, о сегодняшней литературе. Каким-то мистическим образом, или живя у Барбары, у которой все мои книги, она знает их все. А что может быть интереснее, чем разговоры о написанном тобой и о тебе? Услышал много интересного, в том числе и не очень для меня комплиментарного, например о повторах. Поговорили о моем «Марбурге», он оказался таким же интересным, как я о нем рассказываю. Объясняла мне Н.В., почему меня так не любят писатели.

Вечером приехал в институт, Игорь принес мне письмо наших коллег, побывавших у нас в Москве на стажировке.

8 сентября, среда. Вчера на ночь и сегодня утром принялся читать книгу о римской роскоши, оторваться уже не могу…

Вот цифры, которые мне подготовили перед завтрашней конференцией. Все думают: раз конференция, значит, будут выбирать ректора, а ректор еще не решил: оставаться ему, вернее, добиваться ли ему еще одного срока. Цифры за 2003 год: 13 миллионов с небольшим рублей — бюджет; 4,7 миллионов — аренда. Собственные средства заработанные — это 21, 3 миллиона. Соответственно в процентах: 33 %, 12 %, 55 %. На налоги от зарплаты и добытое как «собственные средства» ушло 96 % тех самых «денежных средств», которые мы получили от бюджета. Собственные средства, исключая аренду, распределяются так: 9 миллионов — доходы от образования, почти 12 полных миллионов — гостиница и общежитие. Это все означает, что государству мы обходимся лишь в 4 % от суммы в 13 миллионов, которое оно нам переводит. Еще, конечно, платит стипендию.

В этом году у нас не хватает стульев, чтобы рассадить всех студентов. Сегодня с поразительной яростью Владимир Ефимович объяснял мне, что «ему ничего не сказали». Но тут Елена Алимовна напомнила нашему очень умному и замечательному

хозяйственнику, что перед занятиями он вместе с ней, Еленой Алимовной, и ректором обходил все здания и на «желтой бумажке» записывал все, что нужно было для учебного процесса, в том числе записаны были и стулья. «Где желтая бумажка?»

Вчера пришел пакет с книгами и небольшое письмецо от Владислава Пьявко.

Сережа!

Пользуюсь случаем высказать свою удовлетворенность очередной встречей с хорошим русским мужиком, который вызывает во мне симпатии к себе не только своей кипучей энергией, но и силой духа, и мировоззрением. Хорошо, что есть ещё места, где «русский дух», где «Русью пахнет».

Посылаю тебе книги об Орфёнове и Казанцевой.

Рад, что ты мыслишь так же, как я. Обнимаю, твой Владислав.

Выходя из мэрии, мы что-то разговорились о старых певцах, которые постепенно уходят из культурного оборота, и о музыке, которая нынче уже на радио и по телевидению не звучит. Тут же выяснилось, что фонд Ирины Архиповой выпускает серию книг о кумирах нашей юности. Мне ничего не обещали, но вот я получил две книжки об Анатолии Орфенове и о Надежде Казанцевой. Сунул нос — какие поразительные подробности, книга Орфенова в большей части состоит из его воспоминаний. Ну почему интересно это лишь мне и немногим людям моего поколения? Но римская-то жизнь — это совсем не мое поколение, а тоже привлекает и волнует. Уверен, о советской цивилизации когда-нибудь будут читать, как о золотом веке человечества, Как о Древней Греции и Древнем Риме. Был Нерон, был Калигула, была и травля людей на арене зверями, и гладиаторские игры, а ведь читаем. Взахлеб, и оторваться не можем.

9 сентября, четверг. Собрали и провели конференцию, от которой надо было получить согласие на изменение в нашем уставе нового титула нашего головного учреждения: вместо слов «Министерство образования» — «Агентство по образованию». Сколько же раз за последнее время мы делаем что-нибудь подобное. Совсем недавно меняли вполне понятные и читаемые названия учреждений: то «Комитет», то «Министерство», наконец «Агентство». В свое время, кажется, в 1802 году, при Александре I Благословенном, создали мы, первыми в Европе и даже во всем мире, Министерство просвещения. Так оно и просуществовало вплоть до Наркомпроса. И неплохо выполняло свои функции — и великих князей выучило, и Ленина, получившего в качестве экстерна высшее образование. Мне вообще нравится слово «просвещение». В том, что считается, что мы даем всем

образование, есть некий перехлёст: образование каждый получает сам.

Одновременно с этим рассказал коллективу о положении в институте, о наших финансах, о достаточно трагической ситуации института, который не является декоративным и предназначенным для коммерции. Вот если бы мы создавали искусственные цветы для украшения банкетов или занимались нефтью — это другое дело, это власть любит. Наша стезя — фундаментальное развитие той стороны человеческой деятельности, с которой, собственно, всё и начинается. Господи, пошли мне какую-нибудь внучку или дочку президента ли, премьер-министра ли, или министра экономики, или министра чрезвычайных ситуаций, или министра внешней торговли, или, на худой конец, министра обороны, которая захотела бы стать писателем или аспиранткой нашего несчастного Литературного института.

Как я уже писал раньше, из моих выкладок свидетельствует, что, кроме стипендии для студентов и того, что существовало раньше и было построено при советской власти и чем мы сейчас владеем — общежитием и комплексом Литинститута, — все это, т. е. студенты, которые не бастуют, а учатся, преподаватели, которые чувствуют себя государственными служащими, обходится нашему родному государству в 4 процента от тех денег, которые оно, в виде бюджетных ассигнований, даёт институту. Потому что всё остальное мы государству возвращаем в виде налогов на нашу собственную деятельность, на нашу зарплату, которую мы зарабатываем сами, в виде налогов на ту аренду, которой мы пользуемся, и проч. и проч.

Во второй половине дня, после конференции, Инна Андреевна Гвоздева устроила маленький свой юбилей, ей исполнилось 60 лет. Но гордиться она может, собственно, другим: тем, что поставила дело изучения древних цивилизаций и античности в Литературном институте так, как это не поставлено нигде в России в общеобразовательных и специальных учреждениях. Уж как-нибудь концентрат того, что Инна Андреевна говорит нашим студентам, в их легкомысленных головёнках все-таки остается. И приятно было высказать ей это, сказать, как многим мы ей обязаны, поблагодарить за ее талант, энергию и поразительную требовательность. Ответственный человек ответственно подходит ко всему, даже к своему юбилею. Полагаю, что остатки после застолья будут вкушать на кафедре еще в течение всей пятницы. На подарок мы ей сложились, преподнесли и цветы. Заслужила И. А., конечно же, и профессорской должности, и в ближайшее время я издам такой

приказ.

10 сентября, пятница. Вчера вечером и сегодня утром долго читал и дочитал «Стол» Александра Потёмкина. Это написано, конечно, лучше, чем его предыдущий «Изгой», более компактно, чувствуется, что Александр чуть раскрепостился и, в отличие от себя прежнего, скорее идет вслед за словом, а не за придуманной схемой. Это очень точное по пафосу обличение взяточничества и чиновничества. Думается, человек этот пишет с тем знанием дела, которое диктуется его биографией. Есть сцены, скорее по замыслу, нежели по исполнению, просто удивительные. Россия в литературе часто пользуется термином «*стол*», и *стол* гуляет по литературным произведениям. У кого из наших классиков я подобрал эту фразу: «ясноглазый столоначальник»?.. Да и у меня, в «Имитаторе», есть образ стола, есть и образ воронья, которым Саша Потемкин также попользовался. Вообще, могло бы получиться замечательное сатирическое произведение, если бы у писателя было покруче культуры, побольше знания литературы, если бы он чуть более глубоко чувствовал русский язык. Но и сейчас есть в языке поразительные находки. Всё это я разметил у себя по экземпляру, потому что, наверное, 16-го числа буду выступать на конференции по Потёмкину в Доме литератора. Как очень богатый человек он, кажется, всё оплачивает, ему так страстно хочется пробиться в эшелон писателей первой руки. Сколько было послано и роздано его прекрасно изданных книг! Но сделать это очень трудно, так как существует не только масса прихлебателей, на всё готовых критиков и литературоведов, но и масса читателей, которым нужно испытать от книги особое волнение, и любовь этой читательской массы идет, скорее, не от разума, а от чувства. Надо сказать, что «Стол» читаешь, ожидая продолжения интеллектуально, но не физиологически его предвкушаешь.

Утром, еще не вставая, прочел работы Виктории Новик, нашей коммерческой студентки, которая восстанавливается в институте. Это три рассказа. Первый — «Полусон», где героиня, как бы во сне, чувствует ту оккультную темнуху, которую крутит её мать, некая самодеятельная гуру. А кто их поймет, что они чувствуют, а где зарабатывают деньги?.. И два великолепных маленьких рассказа: «Милостыня», как современная молодежь подает милостыню старому человеку, доедающему остатки с тарелок в кафе, и «Новики». Затрудняюсь сказать, кто герои последнего рассказа, но всё это так замечательно передает атмосферу сего дня и предвосхищает какой-то новый стиль, который обязательно должен появиться.

Еще утром я слышал по радио о пресс-конференции, которую

дают в магазине «Москва» на Тверской авторы книги, посвященной сорокалетию «Маяка». Книга названа немного претенциозно — «Эфир тревог и надежд». Но эта претенциозность вообще свойство «Маяка» и радиожурналистов. Всё это ребята продвинутые, все хотели бы стать писателями. Пошел вечером туда, чтобы только посмотреть на эти лица, которые, конечно, знаю уж никак не меньше 40 лет. О книжке, которую я получил в подарок, — разговор особый. В магазине, где из последнего зала велась конференция (или встреча), я увидел Бизяева, который вёл трансляцию. Это хороший журналист, Валя когда-то работала с его женой, он жил в нашем доме. Но сейчас он важный до умопомрачения, важный, как и все люди с полузнанием, от какой-то бесконечной в себе уверенности.

Разговор в эфир из магазина состоял из общих слов. Вытащили меня, предупредив, что лишь на две минуты. Я давно заметил за собой качество: говорить и писать точно в намеченных размерах, как будто что-то передается, и в конце указанного времени дыхание заканчивается. Успел сказать то, что думал: что до сих пор «Маяк» — лучшая радиостанция, которую, кстати, я всегда слушаю; она отличается от большинства других, где есть какое-то непонятное, востребуемое, может быть, и широким кругом молодежи, но кругом с очень низкой культурой, ощущение: это не то что фон жизни, а скорее оно вышибает любые мысли и лишь занимает внимание — лишь бы не думать, лишь бы ни о чем не размышлять. Так вот, «Маяк» — это станция информативная, это и проблемы нашей страны, другие различные проблемы, проблемы спорные, где разнообразные выступления, от некоторых из них получаешь удовольствие. Так я и сказал, заметив, что с «Маяка», в том числе и с радио, пришло большое количество неплохих наших писателей. Это вполне естественно.

Вспомнил Петрушевскую. Из моих хороших знакомых был Георгий Зубков, который сейчас где-то преподает, ведет журналистику; Глеб Скороходов, который делится своим нажитым опытом во ВГИКе; Валентин Зорин, который сказал, что он уж и забыл, сколько лет профессор. Я не вслушивался в речь, обратил только внимание, что Зорин, как всегда, с апломбом, высоко оценивает каждую свою примитивную мысль. Он что-то начал говорить о том, как они *вынуждены* были вещать раньше. Упомянул, что в журналистике он — долгожитель. Я тут же, не особенно стесняясь, сказал, что он еще и виртуоз по перемене позиций — если кто-то по-настоящему и вбивал в нас несправедливую точку зрения об Америке (а у Вал. Зорина она была именно несправедливой), вбивал по мелочам, по быту, по отношению к литературе, то это и был мэтр советской

журналистики Валентин Зорин. Он был активным, активнее и Шрагина (уехавшего в США еще до перестройки), и Генриха Боровика, который, впрочем, тоже много интересного поведал нам. И всегда казалось, что в их инвективах проглядывало какое-то журналистское «удобство», они как бы сколотили модель, по которой замечательно всё излагали и с которой неплохо кормились, эти специалисты по капиталистическому окружению, по американскому миру. И не надо ссылаться, господа, на идеологию, на то, что «так хотел ЦК». Просто не умели говорить стилистически чуть пошире, чуть потеплее, поёмче, поправдивее. Мы сравнивали их выступления с тем, что читали у Сэллинджера, у Хемингуэя, у других авторов, и я рад, что нынче всё это сформулировал. Вот засранцы!

В книжке много фотографий, в том числе и дорогих для меня; при любом подборе на первый ряд выходят еще живые… Среди фотографий нашел фотографию Аржанова, это наш сосед по Гранатному переулку, с сыном его я когда-то дружил, сын этот уже давно разбился на вертолете, а отец на пару десятков лет пережил его.

Началась осень, жизнь удивительно у меня уплотняется. Всем я чего-то должен, все от меня чего-то хотят. Устаю, но по-прежнему, по-молодому, чего-то хочу от мира.

11–12 сентября, суббота, воскресенье. Утром принялся читать повесть нашей иркутянки Ирины Глебовой о сибирских казаках. Все это здорово написано, по-взрослому, хотя за всем прочитывается Иван Шмелев, которого эта молодая женщина, наверное, и не читала. Особенно хороши первые главы, воспринятые мальчиком уклады казаков, церковной службы, быта (дедушка его был священник). Есть страницы, написанные с поразительной теплотой. Но конец повести— раскулачивание, разрушение церкви — все это уже как-то вибрирует, не то, что это неправда, но слишком много отношений, слишком много сегодняшних эмоций, подсказок телевидения и прессы. Почти по журналистике написана последняя глава, где герой, начавший жизнь в произведении мальчиком, становится священником в одной из церквей и снова переживает разрушение — напали воры и жулики, и пропали иконы. Хорошо, что об этом пишет молодежь.

На даче с В. С. говорили о том, почему в наше время намечается подъем кино, но совершенно черно поле в литературе. Валя сейчас сидит и читает мемуары А.Д. Сахарова. Кстати, она говорит, что в свое время все ее подруги — диссидентки и демократки эти мемуары и не прочли, но рассуждали о них. Как жаль, что Сахарова уже почти забыли, а кое-что у него было

такое, за что его, в гражданском смысле, стоило любить. У В. С. возникла мысль, что литературы нет потому, что нет сейчас у нас гражданского общества. Литература превратилась или в сколок жизни, или в ее протокол: все воюют, дерутся, нет единого общего разговора о том, как жить дальше и как мы прожили это время, что не сделано, что сделано, а что сделано из рук вон плохо.

В воскресенье с утра занимался романом. Ход найден, все уже идет довольно легко, и я чувствую, как начинает проглядывать дно. Напишу одну главу по «Экскурсии» и дальше — последняя глава, которую надо продумать и пережить. По телевизору постоянно говорят о Беслане, о самолетах, на которых везут и везут в Москву раненых. Их с каждым днем становится все больше и больше. Только неопознанных трупов сейчас что-то около двухсот. Всех смущает, конечно, и то, что, видимо, на месте очень низкий уровень медицины. Только в Москву, только в Москве!..

В воскресенье уехали с дачи пораньше, потому что к шести часам мне надо было идти во МХАТ на день рождения Т. В. Дорониной. Я бываю там традиционно, восхищаюсь и люблю эту женщину. Купил букет цветов и попросил в столовой испечь для нее пирог, это традиция. Ну что ей дарить? Я представляю, какая тьма у нее безделушек, которые она, наверное, передаривает, а купить что-нибудь поразительное и величественное — для меня сложно.

Как всегда, всё происходило в столовой, почти тот же состав, много людей из театра, старые подруги, люди всё близкие. Я выступил вторым и сказал тщательно продуманную речь о «днях рождения», где чествуемый сам определяет — что он сделал, а чего не сделал, что сделал хорошо и что плохо. Я опустил все то, что уже говорили в прошлые годы, и коснулся лишь традиции русского театра большого стиля, т. е. говорил о театре имперском, который смотрели и из партера, и с галёрки.

Как всегда, там хорошо, по-домашнему, кормили. Был любимый Т. В. холодец. Она ест много, с аппетитом, и я отчетливо теперь вижу, чем питается энергетика. Все празднество Т. В. как бы взяла на себя — сама начинала, в процессе разговоров высказала много интересного, в частности, что видит Чехова как драматурга графического, что мысль у него прописана графически. Возникали цитаты. Под конец вечера, когда я выпил пару рюмочек, и Т. В. тоже, наверное, выпила немного, она сказала мне то, что и я мог бы ей сказать про себя: что, в общем, у нее ничего нет, ни базы, ни денег, ни особенно близких (я так это понял, может быть, не совсем правильно). Что все было поставлено на театр, на профессию. Опускаю некоторые моменты,

связанные с ее личной жизнью, которые я, наверное, спровоцировал, так как начал рассказ о том, как впервые ее увидел, уезжая на автобусе от «Метрополя» — в Финляндию. А потом возникло какое-то, свойственное ей, как никакой другой актрисе, чудо. Она зацепилась за слово «верблюд» в каком-то из поздравительных посланий и мгновенно, во вдруг затаившем дыхание зале прочла стихотворение Цветаевой. Какая мощь, какая сила, какое понимание и даже добавление первоначального смысла! Здесь явная аналогия с нею, а я подумал, что и со мной.

Верблюд идет, на него все грузят и грузят, а он всё идет, пока вдруг не увидит далекие холмы Иерусалима… Приблизительно так.

13 сентября, понедельник. Вечером по телевизору — трансляция расширенного заседания правительства. Выступал Путин. Терроризм, который прижал Америку, достал и нас, мы наконец спохватились. Через терроризм мы поняли, что и другие стороны жизни начнут разваливаться из-за эгоистического стремления меньших взять большее. Путин практически предложил сделать то, что на опыте государства, именно нашего государства было очевидным уже много раз — централизация, назначение губернаторов, предложенная форма выбора Законодательным собранием по представлению президента (всё это довольно условно, это, как раньше, — выборы ректора по представлению министерства и ЦК КПСС, и выборы первого секретаря обкома по представлению Политбюро). Предложена в том числе новая система выборов, т. е. выборы партийным списком. Здесь я вижу только один смысл: по мажоритарным спискам проходило такое количество просто богатых людей, которые своими деньгами выколачивали себе депутатскую неприкосновенность, так что лучше уж свои дисциплинированные люди в партии, хотя и здесь тоже будет огромное количество купли-продажи и других некрасивых действий, что вообще свойственно демократии. Но эта демократия окажется тогда ближе к демократии управляемой, т. е. или к тоталитаризму, или к монархизму, что свойственно России.

Я представляю, какие по этому поводу поднимутся вопль, вой и стоны. Весьма, впрочем, справедливые. Но это всё будут стоны среднего интеллигентско-буржуазно-еврейского звена, которое во что бы то ни стало захочет в экономическом отношении забраться чуть повыше — через банк ли, в управлении ли или через общественную деятельность. Эти общественные крики, как и в прошедшие времена, так и в наше время, ни к чему хорошему не привели. Трудности же и особенности русского тоталитаризма (или монархизма) заключаются только в одном: в чьи руки

попадет власть, какие приоритеты окажутся у первого властного лица. История показывает, что всё сразу, с оценкой по всем предметам на пятёрку, в стране сделать нельзя. При Брежневе не сажали, но возник развал в экономике, «застой»; при Сталине, силами врагов народа, и мнимых и настоящих (а настоящих, действительно, было много), построили великую державу и замечательную промышленность. Путин, пока у него не подросли дочери, пока они не обзавелись мужьями (а всем им нужны будут места, деньги и собственность), Путин — лучшая фигура нашего времени, в президенты в нашей стране надо брать людей с обостренной совестью и желательно без большой родни. Тоталитаризм у нас — это средство борьбы с главным нашим злом: с олигархией, с коррупцией: подтянем всё государство, смотришь — и эти господа уймутся.

14 сентября, вторник. Утром, до семинара, пришлось быстро, практически из ничего, творить «рейтинг» для «Независимой газеты». Вот его текст:

1. Персона: Выступление в «Вестях» Н. Д. Солженицыной, альтер-эго Александра Исаевича, редко появляющейся на телеэкране. Мысль та же самая, что и у В. В. Путина: доколе всё, включая собственные разрушительные амбиции, будем грузить на государство? Стыдно, господа! В качестве протестной ассоциации вспомнил выступления Боннэр, Алексеевой и Гербер.

2. Понравилось: До слез хороши и трогательны «Диверсанты», которых смотрю по утрам. И детектив, и приключения, и привычное по сериалам лицо Галкина, но другой тон, другое отношение к жизни. Начинаешь думать, что дело России не совсем проиграно.

3. Антиперсона: Как победу общественного мнения воспринял отмену «Большой стирки». Ан нет, появились «Пять вечеров» всё с тем же рыцарем банальности Малаховым. На этот раз его героями стали солист Нижегородской оперы Басков и звезда Краснодарского театра Волочкова. Последние её танцы, драматическую игру и талию мы только что видели в провалившемся сериале «Место под солнцем». Ну, а Басков — это, конечно, герой «сладкого романса», а не соперник Лаптева и Хворостовского. И, предупреждая планы телевидения: никакого Познера из Малахова не получится. Не то образование и не тот вкус, хотя страсти к сегодняшнему низкому образу жизни много.

Можно сказать, что получилось. Мой прошлый рейтинг газета напечатала без правки, но выкинула тот пункт, где я коснулся Дзасохова. Хитрый человек и неискренний. Полагаю, что это мнение всех, кто его когда-либо видел и слушал. Меня очень интересует, насколько, кстати, коснется предложенная Путиным

система выборов первых лиц таких республик, как Киргизстан, Татарстан. Очень хотелось бы посмотреть на лицо Шаймиева в тот момент, когда он услышит об этой новации.

Днем, по расписанию (мне оно неудобно, но два года назад решили: первый курс — семинары в 10, второй — в 11, третий — еще позже), так вот, по этому расписанию, в 1 час начал свой семинар. Считается, что до часу ребята успеют макнуться в бассейне, который открывается в 8. 30. Не очень в это верю, но поэкспериментируем.

Сегодня в 11 часов должно было состояться выступление Бахыта Кинжеева. Это было написано на доске объявлений. Чуть опоздал, потому что подписывал что-то в кабинете, аудитория четвертого курса уже была полнёхонька. Собрали все поэтические семинары: семинар Чупринина, Рейна, Николаевой. Вошел я в аудиторию во время громогласного, как всегда, выступления Рейна, он как раз представлял поэта как поэта русского, но упомянул, что последний уже 22 года живет в Канаде. «У меня паспорт с московской пропиской. Смотрю на эту аудиторию и вижу, что пишущих в России больше, чем читающих». Так Кинжеев начал. Здоровый дядька, с густой, не очень опрятной бородой. Сидит впереди, мне, кстати, места не досталось, я прошел в самый конец аудитории в надежде найти стул. Кто-то из ребят в ожидании, что я откажусь, предложил мне сесть вместо себя, я просто сел на последний у стены стол. Кинжеев на встречу пришел, вооруженный портативным компьютером. Читал новые стихи. Называет, как Бродский, свои стихи стишками. Стихи однообразные, скучные, отчасти похожие на стихи Рейна, но без его уверенной силы. Что-то подобное мы в отделе жизни Советского Союза на зарубежном радио на спор фантазировали экспромтом минут по двадцать. Возникло в стихах же слово «рифмоплёт». За всем этим, как мне кажется, усталость и житейское понимание: надо писать. Горсть конфет из разных назывных образов и слов. Поэт-номинатор, в стихах много цитат с установкой на признанность культуры, а не на время и не на органическое, как у классиков, запоминание стихов. Кокетливо ощущает себя классиком: вдруг закурил в тесной и душной аудитории. Все его собственные знания и привычки, культурные символы заритмизированы. Зал выжидательно, без аплодисментов, молчал. М. б., в стихах Кинжеева установка на общую музыку? Она трагически не возникла. С белой, коротко стриженой бородой, с сигаретой в руке, в очках, спущенных на нос, кольцо с камнем на левой руке. Возле компьютера стоит бутылка нашего коньяка. Заговорил о китайском императоре Цинь Шихуанди. Все знающий и всюду побывавший мэтр говорит

с несмышленышами. Я вспомнил музей терракотового войска в Сиани. Главная ошибка: это войско не было закопано, как утверждал поэт у подножия Великой китайской стены. Ой, как она далеко! Какое это насилие над культурными реалиями, имитация поэзии. Недостаточная филология педагогического института. Эти все фразы я выписываю из своей записной книжки. Строчки, как горошины при лущении стручков.

В перерыв — через 20 минут — переговорили с Таней Бек: она-то все знает, сразу же сдала: полуказах-полуеврей. Мы оба немножко недоумеваем. Куда все подевалось? Но тем не менее голос у Бахыта уверенный, «с выражением», как бараний курдюк, жирный, самодовольный. Что меня удивляет: это чтение меня лично не «набивает» поэтическими образами. М. б., эти образы существуют только в контексте?

Прозаические перебивки. «Знаете ли вы, что такое слово «повторник»? Это человек, который сидел в сталинские времена по 58-й статье, и по отбытии срока ему автоматически давали второй срок». Отец у меня по 58-й статье сидел, и что-то я не помню «второго автоматического» срока. Интересно говорил о смерти и об архивах по Пастернаку.

Девочки, составляющие большинство семинара, дружно захлопали. Вопросы. Ответы: «Несмотря на жизнь за рубежом *22* года, я не люблю западную поэзию». «Книжка складывается за 2–3 года, в книжке 50 стихотворений». «В стихах можно сказать только о том, что относится к Богу». «Богу можно служить любым искусством». «Собрались будущие писатели здесь, как в казино; гарантий никаких, графоман ты или поэт». Вопрос: «Писали ли вы на языке отцов?» «Никто из казахов не знает казахского языка». Это он уж слишком!

Потом начал читать свои молодые стихи. Это было хорошо.

Передо мной сидела, облокотясь на стол, девушка с обнаженным, по моде, крупом. Слушаю стихи, любуюсь на черные шелковые трусики, на шелковую кожу. Не очень хорошо, как мне показалось, завистливо, Кинжеев отозвался о Лимонове. По важности и степенности они с С. Чуприниным похожи. Под конец прочел стихотворение Ходасевича. Это оказалось опасным, сразу многие стихи, прочитанные ранее, стали превращаться в пыль.

В час дня обсуждали повесть Оксаны… Семинар построил хорошо, сначала прочитали два этюда: Алексея Упатова и Жени Ильина, по поводу «летних размышлений». Оба написаны с блеском, эти двое — очень умные, способные, по-разному думающие люди. Я жду обсуждения Упатова с большим нетерпением. Уже по этюду видно, что он — человек, глубоко и серьезно верующий, не позволяющий себе верить «по моде». К

тому же оба парня владеют словом. Во время обсуждения повести Оксаны обратил внимание, что девочка эта, по крайней мере в устных выступлениях, умна и точна. Повесть разобрали, решили, что надо что-то делать с окончанием, в котором поменялась стилистика, а начало — просто прекрасно. Я очень благодарен Иркутску, который в мое московское рафинированное сборище посылает новый импульс, импульс жизни в провинции, импульс русского мировоззрения.

Вечером пришлось ехать в театр. Сезон начался, надо быть в курсе всего. Это была «Екатерина Ивановна» Леонида Андреева в театре Светланы Врагoвой. О постановке даже трудно говорить, ибо она по возможностям и расцветкам — уникальна как для Москвы, так и для мирового театра. Каждое действие проходит в другом зале огромного театра «Модерн». Залы, правда, маленькие, но везде иные интерьеры — то витражи, то классическая мебель, то тяжелый немецкий импрессионизм, играла и сама Врагова, продемонстрировав мелкую, но чрезвычайно выразительную технику; практически в этой технике играют все, я даже не уверен, что всё это можно слушать на большой сцене. Хотя, возможно, и на большой сцене это выглядело бы интересно. особенно хороши были Олег Царев и Сергей Пинегин. Екатерину Ивановну играла дочь Юрия Яковлева — Алена Яковлева. Пьеса эта вроде бы не закончена Л. Андреевым, и последний акт вызывает самые большие сомнения. Я вспоминаю тут слова кого-то из классиков: «он меня пугает, а мне не страшно». Так и последний акт этой пьесы — пугливо и конформистски несчастная, изменившая мужу Екатерина Ивановна, прошедшая через оргии декаданса, возвращается к мужу… Очень хорошо, что серьезна и напряженна та атмосфера, которая льется из зала.

Приехал домой около двенадцати.

15 сентября, среда. В три часа состоялось совещание в РАО. Текущие проблемы, старая идея Юры Антонова по смежным правам во что бы то ни стало присосаться к РАО, а также просто налёты работавшего здесь ранее и когда-то уволенного Ахмета Тагибова, наша перепуганная русская публика: справимся и с этим? На заседании правления возникла мысль о 50-тысячном призе РАО за лучшую музыку в кино.

16 сентября, четверг. Пропускаю всю институтскую мелочевку. В том числе и приказ об отчислении, который подписал, как и обещал, 15-го. Ой, как просто на всех накричать и сказать, что всех выгоню, если не сдадите экзамены. Значительно труднее подписать приказ на двух-трех действительно двоечников. А если они талантливые двоечники? Подписал. В том

числе и на Фролова, который ездил у нас в Данию. Мальчик думал избежать физкультуры, теперь в назидание всем пусть покрутится!

В 16 часов Александр Потёмкин устроил свой творческий вечер в Малом зале ЦДЛ. Конечно, это был достаточно амбициозный проект миллионера и богатого человека. Выступая на этом вечере первым, я сказал, что, наверное, мне предоставили слово в силу того, что мы когда-то с Потемкиным работали в «Комсомольской правде». Я говорил, что есть у него блестящие страницы, но значительно хуже с языком, плохо с культурой, я думал, что если бы начать ему с этими знаниями, будучи еще студентом Литинститута, тогда бы он, может быть, стал изумительным писателем. Для меня это и еще один вопрос: можно ли проникнуть в литературу через тиражи, через массмедиа, через прессу? По этому поводу одна из выступающих критиков сказала: «Александр Петрович, не тратьте деньги на роскошные издания своих книг и на постеры». Сказала она это, конечно с некоторым юношеским перехлёстом, но надо отметить, что такого букета выступающих не собирал ни один писатель. В зале — Аннинский, Гачев, Светлана Семенова, Наталия Корниенко, Раппопорт, пришел Игорь Волгин, выступал даже Сережа Сибирцев. Оттенки разные. Но недостаточность была везде. Конечно, он очень талантливый человек. Я посмотрел пометки, сделанные мною на его «Стол». И среди них есть одна: каждую свою вещь Потёмкин старался написать как очередной шедевр русской литературы, а шедевры по заказу не создаются.

Когда я вернулся на свое место в зале, где сидел рядом с Анатолием Кимом и его женой Наташей, Толя сказал мне: «За время работы в Литинституте ты научился тихой и улыбчивой публичной порке». Ничему я не научился, просто стараюсь говорить то, что думаю, и не люблю людей, которые пытаются протолкаться без очереди. Вот этому-то Александра Петровича научить и невозможно. И в этом смысле литература и ее жизнь — изумительная вещь.

17 сентября, пятница. Сегодня вскрыл пакет из министерства культуры, — кто бы мог подумать, я оказался членом коллегии министерства. Все это, конечно, инициатива неведомых мне сил, но полагаю, в первую очередь Юрия Ивановича Бундина. Из пишущей братии, из писателей я, кажется, один. Причем композиторов представляет Владислав Казенин, председатель Союза композиторов России, но писателей — ни Ганичев, ни Казакова, ни Ткаченко. От этого известия у меня возникло какое-то детское ощущение сбывшегося. По радио я помню, как мне не дали этой мало что прибавляющей

привилегии: когда я возглавлял литдрамвещание, главный редактор которого традиционно должен был являться членом коллегии. Но тогда это место занял какой-то зрелый джентльмен.

Около трех на маленькую вечеринку по случаю утверждения ВАКом докторской диссертации Ирины Николаевны Шишковой приехала Нина Павловна Михальская. Мне нравится эта женщина, у нее прелестное значительное лицо и умный разговор. Говорили о литературе мировой и нашей, о детях, об их обучении. У нас совершенно одинаковый взгляд на это. Литература должна доставлять удовольствие, и все равно, когда и в каких рубриках это будет прочитано. Вечеринка прошла довольно интересно, мило, была вся кафедра, я снова увиделся с Н. А. Бонк, которой очень симпатизирую. Эти два дамы, Н. А. и Н. П., похоже, одни из последних интеллигентов в России.

Я много думаю об интеллигенции в нашей стране. Мы изобрели это слово, но мы нашу интеллигенцию и потеряли. Артистов, художников, большинство московской тусовки я не считаю интеллигентами. Слишком уж они обременены не служением народу и Родине, а своему благополучию.

К сожалению, Т. В. Доронина заболела, и на премьере «Прощания в июне» А. Вампилова, спектакле, который она же и поставила, я ее не видел. Розы, которые я принес, не стал передаривать Чубченко, который играл в спектакле главную роль, а попросил завтра с шофером отправить Т. В. Мне кажется, спектакль получился, хотя сидевшая рядом со мною Ирина Холмогорова так не считает. Т. В. обладает редким талантом брать для театра то, что сейчас начинает работать. Нехитрая, казалось бы, пьеса о молодом человеке, который хочет заниматься наукой и хочет любви и карьеры. Наверное, студенческая пьеса, которую автор написал во время учебы в Литинституте. Кстати, в пьесе есть фигура ректора, отца девушки, в которую влюблен герой. Я подумал, что, наверное, крепко допек Вампилова бывший ректор Литинститута Вл. Пименов. Не идет у меня из головы этот легендарный ректор! С другой стороны, хорошо помня то время, я подумал, что в свою пьесу Вампилов талантливейше внес все возможные тогда и в той среде конфликты. Опять — замечательные декорации Серебровского.

Как всегда в пятницу, в «Независимой» вышел новый рейтинг. Все, как я и написал, пропущена только фраза, что в качестве протестной ассоциации на блестящее выступление Н. Д. Солженицыной я сослался на телевизионные выступления таких дам, как Боннэр, Алексеевой и Гербер.

18 сентября, суббота. Стеклил окна на террасе, купил новое топорище, покосил траву.

19 сентября, воскресенье. По поводу исключенного из института за неуспеваемость первокурсника Жлобинского позвонил по сотовому телефону Тимур Зульфикаров. В свое время этого мальчика мы взяли в институт на самом краю предела: у него были тройки, и спасла его только моя пятерка на собеседовании. Нашел ли я в нем что-то чудесное, пожалел ли я его и попытался спасти от армии, или, может быть, тот же Зульфикаров позвонил и я натянул оценку, сейчас уже не помню. Помню только, что год был для нас в смысле приема очень неурожайный, и мы брали практически всех, кого допустили до экзаменов. А вот теперь парень не может сдать античную литературу, хотя еще весною я всех предупреждал, что пятнадцатое число — последняя дата всех пересдач. Проболтался лето, плохо, формально, не пропуская через себя, читал. Или просто очень молод и до института еще не дозрел. Светлана Викторовна так и считает. У нас были случаи, когда парень возвращался в институт через год после отчисления, снова пройдя конкурс, и начинал интересно работать и хорошо учиться. Тут же, как только отчислили, уже в пятницу прибежала ко мне заполошная мама, певица, которая уже год как решила, что сына она определила и теперь можно успокоиться. Ах, ах, мальчик так любит институт! У меня стоит очередь из заочников, которые хотят учиться на очном отделении. А чего же вы, мама, раньше не поинтересовались, как учится ваш мальчик? Показал ей пухлое дело сына, полное квиточков на пересдачи экзаменов. Чего же вы, мама, не всполошились по поводу его сплошных троек? Вот и сейчас, видимо, мама организовала звонок Зульфикарова. По привычке больших и капризных художников Тимур не захотел вникать ни в чьи-либо сложности, даже мои, которые заключаются в том, что я не могу отменять без причины собственные приказы, ему подавай свое. А сделал ли он что-либо, кстати, для меня? Сказал ли раз доброе слово? Он гений, я жестокий человек, обязанный щадить сынов и дочерей его знакомых.

Уже несколько дней подряд переживаю и по поводу других исключенных из института студентов. Конечно, многих восстановлю, но откуда у них такое ощущение безнаказанности? Среди исключенных за неуспеваемость и Таня Шалиткина. В Испанию-то она съездила, опоздала в институт на десять дней, а вот курсовой работы не сделала, зачета по стилистике не сдала. Есть и еще один занятный тип, покинувший, надеюсь временно, институт — Олег Фролов, которого мы год проучили в Дании и который вот теперь ни разу не посетил занятия по физкультуре. Это парнишка с понятием, все ему должны, везде он хочет как-то

обойти, сделать только то, что удобно ему.

Весь день читал пьесы на конкурс «Открытая сцена», в том числе и пьесу нашего выпускника Коровина. Правда, это его самая первая пьеса и, кажется, выбор продюсера. Ну, вкус продюсеров, с их редким нюхом на деньги, даже если они пахнут говном, мы знаем.

Пьеса Александра Коровкина «Рябина кудрявая, или Деревенские страсти» — незатейливая в высшей степени. Я бы даже не назвал это комедией, а скорее, водевилем без песен и танцев. Конфликт практически отсутствует, вернее, он существует где-то за сценой — это неверные, неправильные мужья. Тот муж, который на сцене, — «изменник» в семейных трусах и попадает в ситуации, близкие комедиям раннего кинематографа: торт и шланг с водой. Остальные мужья — «порченые»: один с «неправильной ориентацией», что, конечно, для сегодняшнего театра, двадцать лет назад пережившего Жене, смело; другой — «доставала». В пьесе действуют три дома, рассказывающие свои судьбы, и некий Щукарь — охотник, выступающий под именем отца Федота. Как ни странно, всё это литературное сооружение позволяет актерам создавать некие своеобразные образы. Связано это, скорее, не с сюжетом и сценическим номинациям, а с достаточно ярким и интонационно подвижным языком автора. Но здесь же возникает и сложность с восприятием текста пьесы: слишком многие словесные дефиниции в своей духовности не поднимаются выше пупка. Порой кажется, что весь этот деревенско-пригородный мир зациклен на проблемах Фрейда. Это вызывает у меня опасение. Итак: всё пошловато и не возвышенно, хотя и весело. Имея в виду дебют совершенно нового режиссера, актрисы по первой профессии, можно было бы и рискнуть дать грант — на актерскую, сочную буффонную композицию.

Вторая пьеса меня просто поразила. Это так плохо, что пришлось даже в рецензии лицемерить и писать с меньшей резкостью, чем я обо всем это думаю. Здесь тоже занятные заказчики и продюсеры.

«Супруга президента», пьеса С. В. Филатова. Примитивная, многословная конструкция с интригами, достойными XVIII века. Некий карьерист и помощник депутата, кандидата в президенты, крутит роман с депутатской дочерью.

Одновременно в интригу вовлекается жена депутата и его мать, решительная женщина, типа Кабанихи. В пьесе всё время то «флейта слышится, то будто фортепьяно», звуки эти доносятся ещё из производственно-партийных конструкций сталинского периода.

Немалую надежду внушала фамилия автора: неужели тот

самый из правительства Ельцина Филатов! Оказалось, нет. Совпали инициалы. А если бы тот, то какая удивительная возможность продемонстрировать низость существующей власти и полную моральную деградацию её представителей. Язык пьесы характеризуется полным его отсутствием или лексическими возможностями районной газеты.

Я также хотел бы отметить чудовищное завышение сметы в 5–6 раз для постановки этого политического шедевра.

20 сентября, понедельник. Утром приехал в институт в половине десятого, а во дворе на скамеечках уже наши ребята, тянет их сюда, тянет особая, присущая только нашему институту атмосфера. На лавочке сидят Настя, Леша с моего семинара и еще какие-то ребята. Я предупредил насчет курения: увижу возле скамейки окурки — заставлю убирать. Кстати, в прошлый понедельник кого-то вот так же заставил взять у дворника совок и метлу и убрать налузганную шелуху от семечек.

Пошел на заочку, завтра начинает заезжать второй курс, а сегодня заканчивает первый. Возле аудитории ВЛК на рояле играет Олег Иванов, вперемежку с какой-то девушкой. Живая музыка определенно всегда притягивает — вокруг толпятся ребята, слушают.

Около одиннадцати ходил в агентство на Петровском переулке рядом с Советом Федерации сдавать паспорт для поездки в Грецию. В конце переулка вдруг впервые увидел огромную пристройку к музыкальному театру Станиславского и Немировича-Данченко. Видимо, будет теперь еще и вторая сцена и огромные репетиционные залы. Комплекс производит невероятно серьезное и мощное впечатление. В такие минуты начинаю гордиться Москвою и временем и одновременно думать, сколько же денег добываем мы с налогоплательщиков? А сколько людей на этом строительстве стали богатыми? Кстати, объявился ли главный балетмейстер театра Брянцев, сообщение об исчезновении которого в Праге промелькнуло в прессе несколько недель назад?

21 сентября, вторник. Главное, не забыть это замечательное впечатление от музыки Свиридова, которое я испытал. Концерт, на который меня пригласил Фонд Ирины Архиповой, состоялся в Оружейной палате. Я сначала долго ходил по первому этажу, где выставлены кареты и коронационные платья императриц. Привлекают внимание ботфорты Петра Великого и платье, надетое на манекен Анны Иоанновны, замечательно пышная талия; какая была утроба!

Сам концерт состоялся на втором этаже. Было всего пять певцов с очень небольшим репертуаром. Какая все же музыка и

как до сих пор композиторская общественность не любит Свиридова! Как он всем мешает. Казалось бы, великого композитора после всего того, что было, быть уже не могло, а он нашелся, он определился и всей своей жизнью и творчеством подтвердил свое божественное призвание. Ни одного повтора, сложнейшая и такая легкая, такая одновременно простая музыка.

22 сентября, среда. Виктор Вольский опять пригласил меня в театр Покровского. Там для «пап и мам» дают «Волшебную флейту» Моцарта, одна из генеральных репетиций. Конечно, для меня всегда любой вечерний выход в театр — большая нагрузка, тяжело. Но упустить ничего не хочу, понимаю, что движет мною только удовольствие и любопытство. Я ведь не слушал «Волшебную флейту», смутно знаю ее содержание. Надо сказать, что в театре Покровского всегда особенная атмосфера, которую я бы расшифровал так: он создает таким образом свои спектакли, что возникает ощущение, что сделал он только для тебя и что ты человек именно той эпохи, о которой этот спектакль и поставлен. Вот и теперь я совершенно отчетливо представляю, почему антрепренер, когда рушился его театр, заказал оперу, а точнее, некое музыкальное действо, самому известному и модному композитору эпохи — Моцарту. И Моцарт написал не высоколобую оперу для снобов и ценителей, а некую последовательность картин и песенок, арий, танцев — понял, что это народное зрелище. Это все смотреть можно, переговариваясь с подружкой и чем-нибудь закусывая и запивая. Содержание совершенно ничтожное, может быть, сатирическое, может быть, ироническое, может быть, здесь даже есть пародия на масонов, на императрицу Марию Терезию и на безумие оккультных наук. Здесь только сцены, и каждая из них замечательная. Но Покровскому 92 года. Пошли, Боже, ему здоровье.

23 сентября, четверг. Утром, ещё не вставая с постели и не гуляя со своей терпеливой собакой, я прочитал очень милую небольшую пьесу Наталии Ворожбит «Галка-Моталка». Это о спортивной школе-интернате, где готовят олимпийский резерв. Картина жизни нимфеток и их соучеников, с немудреными развлечениями, их спортивных руководителей. Всё это не только живо, но и плотно, большое это дело, когда писатель с языком. Ворожбит окончила наш институт. З. М., которая знает и помнит о наших студентах всё, сказала, что девочка вышла замуж за Максима Курочкина. Можно порадоваться, что двое способных людей соединились, и пусть тогда дополняют друг друга. Думаю, что Ворожбит более первозданна.

Вчера в «Литературке» моя заметка о гранте М. Авербуха, которую мы вручили В. Казачкову. Утром я начал диктовать Лене

записку Марку, но тут же из Интернета «выползло» письмо от него. Привожу обе его части: и первую, как характеризующую в первую очередь его, и вторую, потому что там дана потрясающая характеристика трагедии Беслана.

22-9-2004 Филадельфия

Дорогой Сергей Николаевич!

Открыл в Интернете ЛГ N37 с «Рождественским подарком…» и сразу же последовал Вашему примеру: ахнул. Моё имя никогда не шло дальше упоминаний в школьной стенгазете, и вдруг оказался, как у Северянина, «повсеглядно огазечен». Реальность новая, подобие культурного шока, и, поглядев на меня, со всех пор брызжущего радостью, Соня поставила диагноз: «Да ты тщеславен, дружок». Ох, не нравится мне это слово, не считаю себя таковым, но чем же объяснить столь несдержанный эмоциональный всплеск? И тут припомнился святой мудрец А. С. Пушкин, я по-иному осмыслил начало его Стансов: «В надежде славы и добра / гляжу вперёд я без боязни…» Может быть, слава (тщеславие) довольно часто идёт рука об руку с сотворением дел добрых и полезных, не думаю, что наш гений соединил их случайно. Вот так сработала в этом случае пушкинотерапия.

Словом, украсили Вы мою с Соней жизнь этой заметкой невероятно. Большое спасибо. Излишне повторять, что на последующие несколько лет грант для Литинститута обеспечен (на тех же «условиях», без раскрутки в газете, впрочем), нам лишь нужно отработать систему его передачи в Москву.

Теперь вторая часть этого замечательного письма Марка:

На иной ноте не могу не написать о Беслане. Эта трагедия будоражит всё нутро, мозг воспалён от бессилия выразить чувства словами. Для меня больше не существует понятия «греческие трагедии» или драйзеровская «американская трагедия», но есть лишь БЕСЛАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ. Нарицательный смысл преступления Герострата подлежит замене бессмысленностью БЕСЛАНСКОЙ ТРАГЕДИИ. Как совладать с чувством бессилия от невозможности предотвратить этот ужас лишения жизни невинных? Как смириться с тем, что вопреки нашей воле мы являемся современниками БЕСЛАНСКОЙ КАТАСТРОФЫ? Нет на то ответа.

На этом я закончу своё благодарное письмо. Есть несколько маленьких вопросов, которые я адресую в письме к Сергею Петровичу.

Сердечный привет и наилучшие пожелания бодрости и здоровья от Сони и меня Вам и Валентине Сергеевне. Ваш Марк.

Но всё это совершенно не главное событие дня. После чтения Н. Ворожбит я собирался взяться за рукопись О. Казаченко, даже

заглянул в неё и уже восхитился, но тут раздался телефонный звонок от Павла Геннадьевича, одного из помощников Шанцева. Нет, определенно властители дум, особенно советского разлива, остаются верны себе. По первым же разведочным словам Павла Геннадьевича я понял, что меня опять достают со студентом Жлобинским. Но здесь надо начать все сначала. С весенней аттестации, когда я предупреждал, что отчислю из института всех, кто до 15 сентября не сдаст хвосты! Или со звонка Тимура Зульфикарова и Володи Бондаренко, которые допекли меня год назад, и я, поставив на совещании этому парнишке 5, взял его самым последним эшелоном в институт, уже как будущего бакалавра (т. е. с четырехлетним образованием).

24 сентября, пятница. Живу исключительно на внутренних ресурсах, добивая все, чем овладел раньше, не развиваюсь. На работе бесконечная вереница студентов со своими восстановлениями, стипендиями, жильем. В современном молодом человеке, в соответствии со временем, много прагматизма, но замешен он еще и на советском ощущении, что кто-то все сделает, поможет, кто-то обязан, и не дай Бог, если не сделаешь! Одни тройки, несданные экзамены, уже пару раз из института исключали за бездарность и академическую неуспеваемость, и опять — восстанови, дай стипендию, а в армию служить я идти не хочу. Дима Гончаренко опять смотрит на меня лунатическими глазами, не хочет на заочное и не будет сидеть на лекциях. Но самое главное — никому никаких поблажек и никакой жалости.

Утро началось со звонка депутата по поводу одной нашей абитуриентки, Комиссаржевской, уже с высшим образованием, но она инвалид и теперь, когда она сдала экзамены, почти плохо написала этюд, хочет учиться бесплатно. Опять эта самая советская жалость и гуманизм, которым так богато было советское время. А все потому, что А. Торопцев и Р. Сеф ее допустили до экзаменов, опять пожалели, а вдруг не хватит студентов. Эту студентку в самом начале предупредили, что обучение может быть только платное, идя на экзамены, она с этим, согласилась, уже были разговоры, что за нее будут платить какие-то органы социальной защиты. А теперь письма депутату и в министерство. Министерство наверняка ответит, что можно учиться по решению ученого совета вуза, а это значит — гуманизм за счет института, за счет нашей, и в том числе моей, работы.

Несколько раз встречался с Л. М. по поводу нагрузки, а значит, заработка наших преподавателей. Поступить резко и принципиально так и не удается. Вижу все приписки, все тихое

интеллигентное пренебрежение своими обязанностями, рвачество, недобросовестность, а сделать ничего не могу. Для того чтобы по-настоящему наладить дело, надо быть владельцем и решать все безапелляционо одному — и никакой нынешней демократии.

26 сентября, воскресенье. Мы с Валентиной Сергеевной, как всегда, встали рано. После вчерашнего просмотра ребята еще спали, но через час уже засветилась лампа над изголовьем кровати С. П. В понедельник у него три лекции, и он начинает готовиться еще с субботы. В. С. вчера приехала в возбужденном осеннем состоянии. Я опять во всем виноват, и говорить мы можем только о ее состоянии. Тем не менее очень интересно и дружно побеседовали с час на кухне, о телевидении, о Беслане, о новой, всегда тематически ожидаемой, передаче Сорокиной, о Малахове, о положении дел у них на диализе. Как обычно, в подобных состояниях В. С. чуть враждебна и высказывается против всего мира очень громко. Мы все к этому привыкли, и я думаю, очень рано, около двенадцати С. П. собрался и поехал в Москву. Правда, в машине места всем и собаке все равно бы не хватило, и так уезжает рано С. П. довольно часто. Когда — вид из тренировочного зала над гаражом — С. П. в спортивных штанах и легкой куртке, с рюкзаком за спиной, открывал ворота и зашагал легко и беззаботно, я невольно ему позавидовал, его свободе, легкости, с которой он минует все сложности жизни.

27 сентября, понедельник. Открытие слёта молодых, меня не предупредив, перенесли на 12 часов. Мне не очень удобно, я уже договорился насчет обеда для слета, и его пришлось переносить с 13 на 14. А после обеда в 15 часов у меня сразу экспертный совет в Комитете по культуре. Читал я, кстати, присланные из Комитета пьесы на этот совет два последних дня, даже мой роман стоит.

К открытию собралось человек двадцать, у меня на руках список участников, много молодёжи из Москвы, из Челябинска, из Белгорода. Все, оказывается, добирались за свой счет. Общежитие предоставляет институт. Открывая слет, В. И. Гусев сказал, что это в известной мере компенсация тому мероприятию, которое проводится в Липках, где отгуляли, оттусовались, получили на все это огромное довольствие, и… обо всем можно забыть. После такого форума ребята предоставлены сами себе. Я об этом уже писал. На этих Липкинских совещаниях до 50 % наших, литинститутских. Зачем? Их уже открыли, заметили. Они уже в процессе, они каждый вторник видятся с известными писателями, и в том числе с тремя главными редакторами наших ведущих «толстых» журналов. Нынешних, «наших» слетчиков предварительно хорошо отчитали в Московском отделении.

Занимались этим, кажется, Жанна Голенко с Максимом Замшевым. Они как бы уже всё распределили по журналам и издателям, кого из ребят и где печатать. Кстати, троих из мною прочитанных: Григорьева, Макееву и Силкан я буду рекомендовать в Союз. Все они, конечно, фантазеры, мистики. Современные, но все очень не простые ставят перед собой задачи. Далекую мысль этого собрания сформулировать можно так: а вдруг вырастет некий новый творческо-поколенческий отряд писателей?

В. Гусев говорил, я переписываю свои записи: о качестве собравшейся молодёжи, это все избранные; о кризисе в литературе. О литературной ситуации: полагаться можно лишь на старшее поколение, среднее — пролетело, его нет. Сказал также, что через 2–3 месяца подобный слет повторим. Это мне показалось интересным.

На открытии выступил Ю. В. Бондарев. Ему уже много лет, кожа на лице и руках истончилась, но волосы еще не седые, а скорее сивые. Говорил без записей, скорее фантазируя по обдуманному. Мне кажется, это одно из лучших его выступлений последних лет. В моей записи все будет выглядеть очень спрямленным, но на меня отдельные его положения произвели впечатление. «О профессии писателя думают с детства. Мечтают, готовятся. О чувстве одержимости, которое охватывает писателя. Ко всему, что происходит в вашем сознании, надо относиться с серьезностью. Настоящее появляется только тогда, когда складывается несколько случайностей. Талант — это долготерпение и трудолюбие. Если пишущий взялся за рассказ или повесть, но устал и плюнул… — всегда надо заканчивать. И плохая страница может вырасти. Главное в писательском труде — это воображение. Воображение — есть реальность. Литература не конец жизни — это вторая реальность. Лес — отраженный в воде. Что такое талант, определить не можем. Честолюбие писателя: я знаю, а вот люди не знают. Я знаю, как умирает солдат, знаю любовь. Я знаю самое главное — ради чего человек живет. Я сравниваю жизнь с быстрой рекой».

Как духовно богат Бондарев! Это второе его выступление после разговора со мною 30 лет назад, которое так меня захватывает. Может быть, просто я вошёл с ним в некий унисон?

«Самый лучший сюжет в литературе — история Иисуса Христа. Самая трагическая и самая оптимистическая история. Патриотизм — это голое слово, патриоты для меня это те, кто находятся в движении. О политической ангажированности Достоевского и Толстого. О писателях, которые предают себя и свои убеждения».

В 14 обедали в малом зале в нашей столовой. Меня удивило, что никого из СП на обед не пришло. Я и кормил и развлекал этих замечательных ребят. Дальше они практически оказались предоставлены сами себе.

В 15 часов я уже был на экспертном совете. Такое ощущение, будто в театральных кругах прослышали, что в Комитете по культуре дают деньги, и все слетелись их получать. Из десяти проектов прошли три, в том числе двое наших ребят из Литинститута. Это Наташа Ворожбит — «Галка-Моталка», и Демахин — «Бабий дом».

В половине шестого вместе с С. П. начали семинар прозы по молодёжному слету. Я впервые вел как бы парный конферанс и, должен отметить, это получилось — С. П. тянул свою линию безукоризненно, уверенно и ловко. Тем более мне легко, что здесь моя школа, моя интонация.

28 сентября, вторник. На семинаре обсуждали материал Оксаны Казаченко. Это, как я, наверное, писал, материал о Ленинградской блокаде. Сама Оксана москвичка, значит написан по рассказам. Конечно, какая-нибудь личная зацепка здесь есть, рассказы бабушки какой-нибудь или байки. Достоинство работы — в легкости чтения. Большинство ребят уже пишут достаточно пластично с тем пространством между слов, в котором шевелится воображение читателя. Коллизия: семья — мать и двое детей, старшая девочка Зина и мальчик. Мальчик уже не двигается, мерзнет, лежит в постели. Узел этой небольшой повести (материала, рассказа, текста) в том, что Зина договаривается об эвакуации — своей матери и себя из блокадного города. Парня она решила бросить (за мальчиком якобы «должна» приехать машина), по дороге на вокзал признается матери и возвращается. За эту несостоявшуюся эвакуацию Зина платит дорогую цену — отдается какому-то начальнику в цехе. Хорошо потом описано, как в холодной комнате плещется вода, гремит ковшик: девушка моется.

Больше всего меня взволновало, что, оказывается, этот текст интересен не только мне, не только людям моего поколения. Ребята очень живо и по-деловому все обсуждали.

Как всегда, перед началом обсудили и прочитали вслух два этюда, на этот раз Назарова и Аксенова.

Я уже писал, что в понедельник по собственному состоянию решил, что уже пятница. Вот эта жизнь в постоянном стрессе и полнейшей усталости будет преследовать меня теперь до самого конца недели.

Второй семинар, уже с участниками слета, проводил в четыре часа. Здесь довольно неожиданное дело. Ребята оказались очень

хорошо подготовленные и отобранные, в смысле самой литературы учить их нечему. Они все работают в своем жанре чисто и довольно точно. Другое дело, что жанр этот и видение их сильно отличаются от нашего, привычного: все замыкается на поисках волшебного, неожиданного. Кажется, большинство считают себя учениками Мамлеева. Эта литература меня не волнует, она не из гоголевского рукава, идет она от смутного, не социального, а ощущенческого недовольства жизнью. Это Коля Григорьев, Наташа Макеева, Наталья Силкан. У последней некоторое своеобразие лексики, тяжелая дружба с прилагательными, стремление все обозначить. Остальные ребята, доставшиеся С. П., хороши по-другому: они не москвичи, проза их яснее, теплее. Особенно занятен, хотя и стоит еще в самом начале пути, Миша Третьяков из Белгорода. Есть еще одна взрослая совсем девушка — Елена Романенко, с книгами и со сложившимся миром. Но я представляю, как в провинции трудно проникнуть в круг старых мастодонтов, вступить в Союз. Без имен, но описываю ситуацию, сложившуюся в одной из центральных областей. Здесь Союз активно и значительно поддерживается губернатором. Но количество мест для получения стипендий и грантов на издание книг как бы квотировано существующим положением. Когда возникает ситуация с молодежью, председатель Союза ходит вокруг и шипит: «На наших даже не хвалите».

29 сентября, среда. Утром состоялась первая для меня коллегия министерства. Стыдно об этом говорить, но я до сих пор удивляюсь, как это я, полуграмотный мальчик, первый из семьи с законченным высшим образованием, оказался в этом святилище. Разбирали две программы: «О мерах по сохранению памятников истории и культуры» и «Концепцию федеральной целевой программы «Культура России (2006–2010 годы)». Я сделал довольно много помет, но приглядываться ко всем пристально не решался. В коллегии люди все знаменитые, но не те, наверное, что сидят в коллегии Агентства. Здесь решаются общие, стратегические вопросы, а там — кому и сколько давать. Что касается людей, то большинство из них не обойдены прессой, на многих какие-то смутные видения, слухи. Рядом со мною справа сидит Зайцев, директор Ленинградской Публичной библиотеки, а слева — директор ВГТРК Добродеев. По своей привычке вписываю «мелочи», поскольку права Гиппиус со своим призывом записывать детали, «большое», «крупное» запишут и без нас: о даче Кшесинской в Кисловодске, которую Брынцалов отреставрировал так, что памятник культуры погиб навсегда.

1 октября, пятница

Столкнулись два — грех сказать — мероприятия: вечером в Екатерининском дворце, в бывшем Доме Советской Армии, день рождения Николая Ивановича Рыжкова, а утром в одиннадцать прощание с Виктором Сергеевичем Розовым, который умер два дня назад. В «перерыве» я восстановил в институте Таню Шалиткину, которая все-таки написала курсовую и сдала экзамен по современному русскому языку. Восстановил я и Олега Фролова, который утряс свои отношения с Тычининым. Главное, обоих я заставил написать по нормальному, как и положено писателям, заявлению. Задача была в одном: заставить их осознать свои проступки, как некие действия, могущие помешать их дальнейшей жизни, и понять, что автоматически ничего не происходит: на все необходимо не только их желание, но еще и чья-то воля.

На прощание с В. С. Розовым поехали с Надеждой Васильевной Барановой. Я почти никогда не упоминаю ее в своем дневнике, как редко пишу о самых близких людях или людях, которые мне хорошо и по-настоящему помогают: об Оксане, о Лене, о Максиме, даже о Славике — они проходят по жизни, как ее необходимый компонент, и только. Я скорее напишу, что Б. Н. Тарасов, ведущий очень закрытую, направленную только на себя жизнь, попросил у меня, после того как в начале года уже уезжал в Швейцарию и в Симферополь в какие-то научные командировки (не за счет института), а вот теперь попросил у меня неделю «отгулов» за несколько дней, которые он потратил летом на приемные экзамены. А вот о Н. В., с которой я каждый день работаю над учебным процессом, о Светлане Викторовне, на которой так много держится, — ни слова. Может быть, Дневник — это поле обид?

Прощание состоялось в Центральном детском театре — я пишу как старый человек по-старому, театр сейчас называется по-другому, но я помню, как во времена моей молодости покойная тетя Валя говорила: не проезд Художественного театра, а называла: Камергерский переулок. Эти странные названия имеют удивительную способность возвращаться.

Мы повезли большой венок с надписью: «Незабвенному Виктору Сергеевичу Розову — выпускнику и профессору Литературного института». Символично, что прощание это состоялось в театре, на сцене которого зарождалась слава Розова. Так же как символичным мне кажется, что поступал он в Литинститут с инсценировкой, которая позже была поставлена в

«Современнике», а заканчивал с пьесой, которая потом стала фильмом «Летят журавли». Фильмом, который признан критиками лучшим художественным фильмом XX века.

Венков и цветов было много. Я не стал предлагать себя в выступающие и потому, что понимал, что есть люди в этом зале, которые скажут о покойном лучше, и потому, что надеялся на Инну Вишневскую, просто отсвечиваться не хотел и, кстати, не ошибся. К сожалению, не взял с собой блокнота и ничего не записал в среду, а жаль, потому что все без исключения говорили хорошо: это и феномен самой жизни В. С., жизни праведника, и его творчество, и воздействие его гения.

Баталов вспомнил эпизод, как В. С. дописывал сцены в фильм во время съемок, сидя где-то у забора на табуретке. «Для меня, — сказал Баталов, — это еще и личная утрата». Я в это верю. Для нас всех это тоже утрата, но по-другому. Вышел **Табаков** с неохватным букетом красных гвоздик. В отличие от Баталова, это актер, привыкший каждый день выходить на сцену. Но эта внешняя оболочка почти сразу же спала. Табаков рассказал, как Розов по поводу его, табаковской, закрытой первой студии ходил куда-то в партийные органы. Заступился в то время за существование студии лишь один Розов. «Многие в этот момент ушли в кусты». **Л. Толмачева** запомнила, что 30 лет они в театре 9-го мая играли «В поисках радости». Наверное, это упрек сегодняшнему театру в забывчивости. Майя Кабахидзе — это, кажется, зам. М. Е. Швыдкого по Агентству, со слышимым грузинским акцентом прочла письмо Швыдкого, находящегося за границей. Запомнилось, что Швыдкой говорил от имени театральной России. **Л. Касаткина**, которая играла в его спектаклях, еле справилась с головокружением, но старается держаться. Вспомнил В. С.: в этом возрасте женщины пытаются скрыть, что они не всегда могут сохранить равновесие. Замечательно сказал бывший директор Театра на Таганке Дупак об обиде бывших фронтовиков на власть. Счел необходимым выступить **Юрий Беляев**, который у нас президент Академии словесности за спиной почетного председателя В. С. Розова. В этот самый момент, во время выступления Ю. Б., на сцене появился **Г. А. Зюганов**, который подошел к Надежде Варфоломеевне. Кто же говорил об удивительном семейном целомудрии Розова? Кажется, **Вишневская**. На встрече со студентами Вик. Серг. говорил: «Вижу в ваших глазах алчность». Инна говорила долго и хорошо, так же хорошо говорил умница и мудрец **Вл. Алексеевич Андреев**. **В. Шахиджанян** сказал, что все студенческие театры страны всегда ставят Розова. **Роксана Сац** — о мире Розова, о его ощущении счастья. Она навещала его во

время болезни. — «По-честному?» — «По-честному.» — «Я умираю». **Геннадий Печников:** может быть, его постоянное ощущение счастья жизни и спасло ему жизнь на фронте. Герои его пьес особые люди: дети, родители и учителя. Здравствуй, живой Розов. **Вишневская**. Он ведь предчувствовал буржуев. Надо снова поднимать саблю. Как хорош был тогда Табаков, как искренен и неожиданен. **Миша Ножкин**. В России не хватает положительных примеров. Он родился солдатом, так и прошел через все войны.

Я дождался, когда вынесут огромное количество венков, потом вынесли гроб. Машина прошла через шлагбаум, который сейчас у метро и ушла в поток машин в Москве.

Возможно, что-то и нездорово-любопытное было в том, что почти с похорон я поехал на день рожденья, а может быть, в этом и заключен трагический накал жизни? Еще вчера думал, что не поеду, не было подарка. Можно было бы ограничиться букетом цветов, но тем не менее.

Но вчера же утром появилась та самая китаянка, хорошо владеющая русским языком и знающая русскую литературу, из «народного издательства» в Китае, которую я пригласил на конференцию по Николаю Островскому. Вот ее-то подарок, китайскую вышивку в красивой раме, вещь элегантную и изысканную, я и решил передарить Николаю Ивановичу. Пусть порадуется. Правда, когда я увидел, с какими коробками и с какими охапками цветов поднимаются гости по ступенькам Екатерининского дворца, я, конечно, понял, что мой подарок затеряется. Но дело ведь не в том, что я дарил ненужное, а дарил красивое и привлекательное для меня самого.

Гостей всех перечислить не смогу. В ресторане я сидел за 13-м столом (круглым), а за ним помещается десять человек. Из знакомых — да лица почти все знакомые, телевизионные — это три бывших премьер-министра: Абалкин, Примаков, Степашин, сегодняшний вице-премьер Жуков. Видел Месяца и переговорил с ним о переводе «Вестника Литинститута» в диссертационное (докторское) издание. Он рекомендовал написать письмо на президиум: «В ВАКе замотают». Я за столом сидел с двумя бывшими министрами А.А. Бессмертных (МИД) и В.И. Черноиванов (С. Х.). Кормили качественной ресторанной едой, но по московскому скучному стандарту: осетрина, два вида икры. Я подумал, сколько ресторатору останется водки и нетронутого, нераспечатанного вина. Где-то в середине церемонии промелькнули с букетами Николай Губенко и Жанна Болотова. Все сказанные речи не обскажешь. Общее впечатление, что празднуют высокий юбилей не просто советского бонзы,

добившегося извилистыми путями известности и благополучия. У меня возникло ощущение праведника, какого-то точного уворота судьбы, когда она отметила в первую очередь внутреннее достоинство и моральную силу. Самое яркое выступление — жены Николая Ивановича, Людмилы Сергеевны. Она рассказала, как 50 лет назад познакомилась на практике с мастером цеха на Уралмаше. Через год она за этого мастера вышла замуж, еще через год родила дочь. Редчайшая схема жизни без подлости. Возможно, на мою эту дефиницию наложились и собственные наблюдения: много лет по телевизору и уже три года я наблюдаю Н. И. и слушаю его в нашем Клубе.

Рейтинг из «Независимой». Опять они ничего не правят, кажется, я получаю право говорить так, как хочется. Но, правда, немножко перекомпоновали.

«По «Культуре» прошел караван верблюдов — «путешествие по Великому шелковому пути». Интересно. И потому, что древняя и современная история, и потому, что часть этого пути проходит по нашим бывшим советским республикам. Как живут? Мне кажется, плохо, зато самостоятельно.

Что может быть смешнее и нелепее украинских выборов: то бросают в кандидата «тупым и острым предметами», то бывшего премьер-министра вызывают на допрос по поводу «дачи взятки российским военным». И второе: одни проблемы, почти те же люди, но почему так по-разному у Сорокиной и Познера? Феномен Сорокиной — ожидаемое.

Виталий Вульф рассказывает более интересные истории и менее интересные. Передача о Раисе Максимовне Горбачевой могла стать и захватывающей, но вдруг в нее — умеет это Вульф мастерски — ворвалась, как бы по ходу дела, одна страничка из жизни МХАТа, об Олеге Ефремове, о забвении его памяти друзьями. Тут, собственно, и началось захватывающее и, кстати, опасное телевидение, то есть настоящее».

3 октября, воскресенье. Долго ожидаемый и вот легендарный Крит… отпуск Толик приехал в пять утра, чтобы везти в аэропорт. Определенно, мне одному ездить нельзя. Прицепился к Саше Мамаю и его брату. По дороге, как я предполагал, в Шереметьево, Саша выяснил, что надо бы в Домодедово. Уже во время пути, когда ехали по Кольцевой мимо новых роскошных огромных магазинов, мимо современных развязок, я подумал: сколько перемен в жизни страны и в облике Москвы я увидел за свою жизнь. Так ли быстро двигалось время раньше, так ли результативно? И одновременно: Москва стала не русским, а интернациональным городом. Вкус Лужкова все же лежит в рамках его социального менталитета, в рамках

понимания мира, как огромного рынка.

Домодедово не узнать, аэропорт стал значительно удобней для пассажиров, чем Шереметьево: зал регистрационных стоек, зал паспортного контроля. Удобно, но попробуйте купить здесь бутылку воды. Собственно, здесь один буфет, воду продают в книжном киоске, цена запредельная. За этим мелким упущением проглядывает протекционизм тех мест, где продают чай и кофе. Стакан чаю (зеленого) и чашка кофе с молоком — 140 рублей. Парижский и нью-йоркский аэропорты — малые дети.

Еще один эпизод. Когда мы ожидали регистрации, то стоящая буквально передо мною пожилая женщина вдруг внезапно упала. Она упала, как костяшка домино, плашмя, не сгибая ног в коленях. Раздался глухой стук удара головой об пол. Но все-таки я думаю, это звук упавшей рядом сумки. Я сразу подумал, что вот так, может быть, на улице падает и В. С. Я пошел и вызвал врача. Но все, кажется, обошлось. Старая женщина летит на Крит вместе с дочерью. Обеих я потом видел в самолете. Дочь наверняка вывозит мать показать мир. Очень было бы жалко, если бы отпуск у бедной девочки не состоялся.

Очень сложно описать первые впечатления. С аэродрома — горный пейзаж. Через тридцать минут после прохождения паспортного контроля — уже у себя в отеле, в крошечной деревушке Агиа Пелагия. Это в тридцати минутах езды от Ираклиона, который промелькнул, как пригород Махачкалы. Две бухты, находящийся между ними мыс — наш отель. Я на все смотрю глазами недавно прочитанного «Тезея». Описать горы и море невозможно: здесь особая справедливая суровость. Жилье в парке — что-то похожее на однокомнатную квартиру без кухни. Две краски: белая и синяя, которой покрашены окна, кровати, двери и шкафы. Прошлись по теренкуру — каменная тропа, ограниченная жердями вдоль каменистого обрыва. Для меня везде витают ожидаемые герои античности. Атмосфера парка и отчасти отеля напоминает декорацию к Фаулзу, к «Волхву». Кормят очень неплохо. Вечером за шведским столом безумствовал: кусочек баранины, кусочек индейки, салаты, торт, виноград.

4 октября, понедельник. Погода стоит вовсе не летняя, на небе облака, которые закрывают наш парк, бассейн, пляжи, зверинец и театр на открытом воздухе. Территория отеля фактически небольшая, но так трудно исследовать все потаенные уголки и потаенные места. Все это какой-то таинственный театр, где картины и сцены открываются при каждом движении и взгляде.

Все утро пролежал у бассейна, расположенного на вершине

плато. Выскобленная до стерильности чистота, контрастирующая с волнами, бьющимися внизу о скалы. Каждый раз, глядя на море и на гигантские пласты обломившихся скал, представляю себе поднимающуюся из моря в сияющих волнах лаву, которая, застывая, превращается в остров.

В бассейне купаться не захотел, по лестнице спустился к крошечному, но прекрасному пляжу. Вода теплая, сразу начинаешь чувствовать себя легким, молодым и подвижным.

Естественно, переедаю утром и вечером — растлевающее влияние шведского стола, съесть уж не меньше, чем заплатил. Тем не менее в обед с ребятами пошел в деревню, где пообедал в какой-то траттории.

Я выбрал идеальных спутников для работы: Саша и Юра не пьют, купаются, фотографируют и фотографируются, я сижу и пишу свой роман, который все больше и больше скользит в сферу интеллектуально-литературоведческого умничанья, читаю Лимонова, выписываю английские слова и веду дневник.

Дочитал роман-пылесос Саши Щуплова «Имя тайны». В целом роман не получился, потому что почти нет характеров, но временами проглядывает крупно посоленная Сашина талантливость. Нет большой животворящей идеи, его стремление всё время и всех подтягивать, перемигиваться сыграло с ним плохую шутку. Слишком много современных молодежных присловий, припевочек, подколов. Литературно-историческая часть почему-то напомнила мне аристократические претензии «Изгоя» Потемкина. Тем не менее роман, пока внимательно не дочитал, — не отложил, как обычно со мной бывает.

Вечером внезапно, как в сказке, открылся еще один уголок парка нашего отеля: у самого выхода, между стоянкой и рецепцией, отыскался зверинец. Об этом я прочел в проспекте. Еще раньше на мысу у моря я видел в небольшом загончике двух страусов, огромных и ленивых («пока, пока, покачивая перьями на шляпах») и двух грустных пони. Это и есть разрекламированный зверинец? А вот теперь целое поселение. Специализация здесь — не львы и носороги, а пернатые, совершенно замечательная коллекция кур, лебедей, уток, куропаток — все, что несется, и все, что можно есть. Посетителей мало, огромные пекинские утки переваливаются по дорожкам. Есть небольшая коллекция обезьян, мне почему-то их жалко. В какой же степени родства они находятся с нами?

5 октября, вторник. Утром после обычных безумств за шведским столом — огромной тарелки йогурта и такой же миски овсяных хлопьев с молоком — поехали на автобусе в Ираклион. Я-то думал покончить все одним махом: византийский форт и

музей в столице и археология в Кносском дворце. Я вообще не очень понимаю, как люди живут в подобных местах и каждый день не перебирают исторические подробности. Но ведь и я в Москве каждый день не хожу в Исторический музей и не перечитываю «Уложение царя Алексея Михайловича 1679 года». Люди есть люди, но в моей голове все время с детства свистит история. Но к теме: Саша решил разделить все мои исторические планы на две половины и очень правильно сделал.

От моей Агиа Пелагии до столицы километров двадцать, автобусы новые, роскошные, «вольво» и «мерседес». Города, может, как такового и нет. Город — это архитектура и культура. Культура затиснута и законсервирована в центре. Это венецианский форт-крепость в порту, городские стены, арсенал — все это окружает бухту. Наверное, это самая удобная бухта поблизости и, значит, раньше здесь и был порт, куда привезли мифического Тезея.

Вот она, сила литературы: несколько лет назад случайно мне попалась книга Мэри Рено, книга довольно старая, 1991 года, издана ныне канувшим Издательством политической литературы. Я эту книгу прочел, она полна беллетристическких пристрастий и красивостей, но в душу мне запала. Может быть, потому, что с детства я интересовался историей, а в юности попалась мне еще одна книжка — переводы античных поэтов Вересаева, и мое сознание стало рабом этой книжки. Чем-то меня привлекала та далекая история: неожиданным, волшебным или непохожестью на то время, в которое я жил? Но, вообще-то, объяснить ничего словами нельзя, можно лишь объяснить биологией, движением соков в человеке. Но как это потом расшифровать, чтобы было и понятно и не боязно?

Есть еще несколько венецианских палаццо, перестроенных и отреставрированных, — здесь банки. Узкие старинные улочки в центре, толпы туристов, а значит, здесь магазины сувениров и всякие точки общепита. В лавках предлагают раритеты, переведенные в современный материал и с использованием современной технологии, все, что местная крито-микенская и критская культуры накопили за тысячелетия. Если б сэр Эванс не раскопал Кносский дворец и не извлек оттуда образцы искусства той жизни, то чем бы сейчас торговал критский ширпотреб? В магазинах статуэтки «Богини со змеями», макеты «Фестского диска», до сих пор эта письменность не расшифрована. А может быть, это навроде балетной записи — точная запись исполнения религиозного ритуала? Здесь же открытки с греческих ваз. Выбираются самые изящные. Можно взять с лотка в центре и посмотреть, как Зевс, согнув счастливого Ганимеда «раком»,

имеет бога предпринимательства и торговли «в очко». Может быть, в древние времена и не было похабно, а только эротично? Или это пособие по технологии?

Посмотрели фонтан со львами, еще XVI века, видели несколько церквей XIV–XV веков, зашли в кафедральный собор. Действительно мелкая византийская пышность. Но пышность, как бы сотворенная суровыми людьми. Особенность, подмеченная еще на Кипре. Византийская фреска всегда имеет черный фон. Посмотрел (2 евро) иконы в маленьком музее рядом с кафедральным собором. Это старинная, в отличие от собора XIX века, церковь. Есть иконы замечательные, написанные с внутренним суровым религиозным переживанием, но ближе к XV–XVI векам внутренний строй ослабевает, начинает чувствоваться и глубокая провинция, с одной стороны, и близость итальянской школы живописи — с другой.

Теперь самое главное: музей. К счастью, он однотемен — крито-микенская культура, находки Эванса. Два зала античной скульптуры производят впечатление провинции, всё в точно найденном повторе, плохой римский портрет, шаблоны, действительные для всех императоров, как совсем недавно существовавшие каноны для портретов членов Политбюро ЦК КПСС.

Переходя из зала в зал, постепенно понимаешь эту удивительную культуру, существовавшую практически параллельно с культурой Египта и заслоненную от нас его и культурой более поздней античной Греции. Описывать ничего не стану, все есть в словарях и путеводителях.

Саша учил меня все это смотреть: глядите на мелочи, на рисунки, на изображения на палицах. Сначала художник лишь просто следовал природе, потом стал уплотнять.

6 октября, среда. Надо бы развить и прописать мое страстное стремление с самого раннего возраста попасть в Грецию. Этот мир заворожил и заколдовал меня с 3-го или 4-го класса. Все же школа моего детства была другой школой. Правда, даже мысль о том, что я могу попасть в Грецию, меня не посещала. Это было невозможно, любовь поэтому была платонической, безысходной. Тогда же в школе книга «Боги, гробницы, ученые» — это мое чтение, после университет с латынью и античной литературой, а до него — публичная лекция профессора Радцига. Я еще мальчиком попадаю на публичную лекцию в Коммунистическую — ранее Богословскую (а как она называется ныне?) — аудиторию. Целая библиотека античных авторов, собранная у меня дома. Но самое удивительное — долго и много я путешествовал по свету, где я только не был, даже как бы

подошел совсем близко — был на Кипре десять лет назад, но это какая-то цивилизованная, английская Греция. И вот, наконец, легендарный Крит!

Утром, несмотря на плохую, облачную погоду, принялся купаться. О, волна, поднятая Посейдоном! Эгейское, Критское, как здесь называют море, почему-то производит на меня особое, таинственное впечатление. Может быть, это отголоски все того же, прочитанного ранее, романа «Тезей». Я купался в Черном, в Красном, в Средиземном море, на Кипре, в Испании, в Балтийском море в Дании, в Балтийском в Эстонии, на Кубе, в Анголе, на Курилах и пр. и пр. Но впервые я почувствовал стиль и мощь океана, когда был в Анголе, и здесь, на Крите, море кажется мне абсолютно живым. Что в нем особенного, не знаю. Оно не злое, не ласковое, не тревожное, оно живое, и не потому, что волны бьют в берег, а потому, что внутри него что-то разумное и как бы человеческое. Здесь я отчетливо понял, почему миф о Посейдоне возник в этих местах. Я могу себе представить, что морской царь, обвешанный мидиями, живет, как вечный, разумный дух этих живых пучин.

Сразу же после завтрака, где я опять переел, хотя и стараюсь не есть мяса и лишнего, но жалко, деньги плачены, отправились в Ираклион, чтобы посмотреть Кносский дворец. Это полчаса на автобусе от нашей Аги Пелагии, до города. Замечательно и легко приехали, но на автобусной станции, которая находится в центре города, узнали — дворец закрыт. Я даже немножко обрадовался, потому что люблю отодвигать свои разнообразные мечтания, это в какой-то мере гарантия того, что не умру так быстро. Кто же умирает, покуда не исполнятся все его желания!

Но иногда следует пускаться по течению жизни. Прошлый раз торопились в музей, поэтому и не посмотрели венецианскую крепость, лишь снаружи, внешний вид. Вход в крепость стоит 3 евро — вход в мир Отелло. Все это довольно хорошо отреставрировано и внешне довольно точно повторяет генуэзскую крепость в Крыму, на фоне квадратных зубцов стен которой происходило все действие фильма, да и, вероятно, роман самого Бондарчука с обольстительной и молодой тогда Скобцевой.

Здесь есть казематы, переходы, световые люки-колодцы, ведущие из подземелья наверх. В своем воображении я старался заселить эту крепость. Караульные на стенах, дозорные, жаровня, чтобы в любой момент можно было запалить огонь фитилем, домик коменданта на крыше. Роскошная венецианка, носовой платок, вышитый земляничными листьями. В инженерном смысле это очень продуманное сооружение. Можно представить себе, как по крутому пандусу наверх, на стены вытаскивают тяжелые

пушки, представлял себе, где жили солдаты, а где — в отдельном домике, наподобие пентхауса на крышах небоскребов — комендант и его жена-венецианка. Очень интересно, хотя ходить взад и вперед по крутым ступеням не так-то легко.

Надо было возвращаться в отель, купаться, лежать на пляже — оплачено. Но я еще не представлял себе нового и случайного подарка судьбы. Вот что значит внимательно читать путеводители! Как же тесен мир! Оказывается, отсюда недалеко не только от Мадрида (музей Прадо) до Толедо (музей Эль Греко), но и от деревушки Фоделе (здесь Эль Греко родился) до Рима, а потом и до Эскуриала, где жили заказчики. Теперь я везде побывал.

Идея возникла у Юры, который как художник многое, относящееся к его профессии, держит в памяти. Он эту деревушку высмотрел в путеводителе и все обсчитал: она от нашей Агиа-Пелагии по шоссе километрах в пяти. А там надо еще идти около трех километров вверх по течению реки, в глубь долины. Махнули прямо из Ираклиона. Почему-то мне кажется, что именно это небольшое путешествие я запомню, как никакой другой эпизод на Крите.

Пропускаю привычный и роскошный автобус, остановку на дороге, не стану описывать и путь обратно, когда на другом автобусе мы доехали до обозначения на дороге Агиа-Пелагия, автобус пошел дальше в Ираклион, а мы пешком по серпантину долго, разглядывая по пути чужие дома, бухту, оливковые рощи, сады, огороды, потихонечку спускались к своему отелю. Но это потом, на обратном пути. Пока главное во всей этой эскападе — медленное движение шагом по пустому деревенскому шоссе. Иногда обгоняли машины. Невероятная тишина, тянущиеся одна за другой апельсиновые рощи, гранатовые сады, бесконечные, обрамляющие дорогу, оливковые деревья. Асфальт в масляных пятнах от перезревших ягод. Чужую страну надо изучать только так, чтобы боль в мышцах становилась частью впечатлений. Боль в ногах иногда говорит больше, чем жадный взгляд. Мы отвлекаемся от медленной панорамы, когда видим каждый листочек, надорванный от перезрелости плод и тропинку муравьев рядом с шоссе. Слева от шоссе на крутых, почти отвесных склонах паслись козы. Ботало вожака слышалось отчетливо и звонко. Один из надтреснутых плодов, перегнувшись через проволочную ограду, я сорвал, на всякий случай оглядевшись. Никого. Ох, эта русская страсть к тому, что плохо висит! Это был огромный розовый гранат. Плод такого вкуса я не ел никогда. Откуда у меня такого рода жадность?

Удивляясь сочному изобилию края, я скоро заметил, что весь

склон, спускающийся уступом к более темной полосе зелени — к ручью или реке, опутан тяжелыми пластмассовыми шлангами — бурная растительность и стабильность урожая поддерживаются, ну, скажем так, прилежанием. Потом стали появляться другие признаки незаметного прилежания: аккуратно обрезанные белые пеньки, а на деревьях сучья, расчищенные междурядья, подвязанные ветки.

Наконец на другой стороне зеленой впадины показалась церковь. Но до нее надо было пройти еще деревню в конце долины и уже по другому ее краю как бы вернуться обратно.

Сам музей Эль Греко будто бы на месте, где когда-то стоял дом, в котором он родился. Квартал этот жителями давно брошен. Деревня переехала на новое место, там она теперь и стоит. Никаких «подлинных» предметов — лишь большое количество прекрасно освещенных репродукций, но впечатляет. Среди них есть репродукции картины периода, когда Эль Греко учился, а потом работал в Риме. Все достаточно правильно и типично для итальянской школы. Доменико Теотокопулос стал называться Эль Греко, когда вспомнил свою крошечную церквушку в деревне, истовость и спрямленность наивной живописи в ней. Мрачные, как бы клубящиеся скалы над домом, где он родился. Все это соединилось — и возникло нечто новое. Но это все лишь внешние рассуждения, в жизни все гораздо сложнее. Поиск стиля — явление мучительное. Почему художник, судя по римским картинам, прекрасно знающий анатомию, вдруг рисует у какого-нибудь святого колено на десять или пятнадцать сантиметров ниже того места, где ему надлежит быть — профану не понять. Но какой выразительный эффект это дает!

Церковь низенькую, почти домашнюю, с площадью пола чуть большей, чем кабинет ректора института, описать не берусь. Она вся — из прямого и неистового религиозного чувства. На сохранившихся фресках имеются вполне современные подписи — идиотов хватало во все времена. В деревне, возле огромного старого дерева, есть памятный знак в честь Эль Греко — 1934 год, университет в Вальядолиде — испанскому художнику на земле Греции, его родины.

Долго шли обратно.

Вечером, как почти и каждый вечер, читаю Галковского. Отношение сложное, как и к любому выдающемуся писателю. Но это в любом из нас — читателях «советской Атлантиды». В первую очередь мы готовы как любящие дети сами ругать нашу мать, но не дай Бог позволить это кому-нибудь. У Галковского нет твердых и зафиксированных отношений, он представляет мир в свете собственных развивающихся восприятий фактов. Как он сегодня

сам ругал Ленина, называя его чуть ли не придурком. Но вот покойный Курёхин назвал Ленина «грибом», и тут же у Галковского огромный, яростный пассаж в защиту вождя. Его главное оружие — редкая историческая начитанность и умение все вспомнить. Замечательные по субъективизму очерки о Дзержинском, Менжинском…

7 октября, четверг. Каждый раз я раздражаюсь, что ребята меня поднимают, отвлекают от привычного лежания с чтением и писанием, и каждый раз я потом благодарю их за эти шевеления.

Уже два раза посещение Кносского дворца срывалось. Я стал готовиться к новому, как в свое время, еще в молодые годы, готовился к фестивальному просмотру «Смерти в Венеции» Висконти. Вероятно, я часто вспоминаю этот эпизод. Но, может быть, здесь я отрабатывал технологию, ибо живу искусством. На этот раз не то чтобы я не ел или, как в случае со «Смертью в Венеции», берёг свое восприятие, не читал перед фильмом, но внутренний подъем был, было ожидание и предвкушение. И вначале, естественно, предвкушение меня обмануло.

Ну, вот и опять вспомнил я знаменательную книгу «Тезей», прибытие в порт, дорогу ко дворцу, первые впечатления. Здесь долго пришлось пробираться по городу, хотя дворец в пяти километрах от центра. Город строится, дороги, как и в Москве, перерыты. Словно крушение на дороге с человеческими жертвами, воспринял вывороченную с корнем огромную тяжелую пальму. Пирамиды и пальмы — вечный в моем сознании объект. Наконец автобус остановился. Опять, как и обычно, узкая улочка с сувенирами. Если бы предки не создали столько, не расписали столько ваз, не понастроили столько дворцов и не напридумывали столько мифов, чем бы греки сейчас торговали? Постарались здесь также и природные катаклизмы: вулканы и землетрясения. Были бы тогда так же хороши чистенькие, с иголочки, дворцы, совершенно целые вазы и всякие закопченные сюжеты настенной живописи? И уверены ли мы все, что если бы Ника Самофракийская, отполированная и новенькая, не потеряв ни единого пера из своих крыльев, две с половиной тысячи лет просто простояла бы где-нибудь на уличном перекрестке, и у ее подножия жарили бы каштаны, что эту Нику взяли бы в основную экспозицию Лувра? Происходит постоянное накопление культуры, но и ее постоянная селекция. Что выносит на поверхность время? Мое поколение уже забыло Лемешева и Козловского. И не встанут ли на их места в «долгой истории» Киркоров и Валерий Леонтьев?

В кассу заповедника стоит неиссякаемая и немаленькая очередь: 6 евро, «юриков», как говорят русские туристы, за вход.

Потом эти туристы, как стадо жадной саранчи, будут ходить по мосткам и дорожкам дворца. Подлинные плиты, сохранявшиеся минимум три с половиной тысячелетия и пережившие гигантские природные и культурные катаклизмы, того и гляди прохудятся под их башмаками.

Турист жаждет постичь культуру быстро, в полном объеме и безо всяких альтернатив и вариантов, он уже почти все знает. Он слушает громкие голоса самоуверенных гидов и верит всему, что ему рассказывают. Он уже готов выстрогить свою версию. Он уже не глядит ни направо, ни налево. Это тронный зал, это спальня царицы, это кладовые, здесь сидел Минотавр. Он запоминает, он не хочет чувствовать и сопереживать, для него главное: «Я был там». Потом, после экскурсии, он начнет скупать по лавкам «античные» сувениры, «почти подлинники», производимые промышленностью в невероятных размерах. Однако мы очень много знаем об этой культуре. От нее остались плиты, фрагменты замечательных фресок, невероятное количество глиняных табличек с бухгалтерской отчетностью. Сколько принято и хранится мер зерна, штук вооружения, мер масла, но ни одного слова литературы, ни одного письменного «художественного» образа. Что это за культура? Какой титул носили правители земли? Зачем создан этот огромный дворец, фундаменты которого говорят о тысячах комнат? А может быть, комнат было мало, а фундаментская сказка говорит об отсутствии длинномерного материала? Театром ли здесь был «театр»? И шел ли народ с пальмовыми ветвями по длинной «дороге процессий» или раз в год гнали огромного быка-производителя, представляли его стаду?

Сэра Эванса сейчас, повторяю, принято ругать за его не слишком научные раскопки, проводимые, кстати, как и раскопки другого энтузиаста того времени — Г. Шлимана, за собственный счет. Но Эванс создал миф дворца, и даже более того — он открыл новую культуру. Уже теперь критикуем его недостатки, дополняем, но есть целое, и оно крепко вбито в сознание всех школьников мира. Пусть его реставрация не вполне точна и даже неверна. Есть тысяча доказательств, что эллинская цивилизация времен Платона и Аристотеля существовала. Памятник сэру Эвансу стоит на территории, у касс, он, на мой взгляд, чуть мелковат, нежели следовало бы. Но и сам сэр Эванс уже превратился в миф, а миф бессмертен.

Что меня больше всего потрясло, пока я ходил по каменному лабиринту, — это открывающиеся отовсюду виды. Дворец — язык не поворачивается сказать «стоял», — дворец стоит в широкой долине. Сейчас по склонам разрослись замечательные оливковые

рощи, раньше, кажется, здесь рос дуб.

Вечером на пароме уехали на остров Санторин — это продолжение легенды о прагреческой цивилизации.

8 октября, пятница. Я особенно не люблю во время отпуска сложных передвижений. Задача всегда многофункциональна: немного отдохнуть, размять ноги, которые за московское сидение затекают, коленки трещат; немножко загореть, потому что внешний вид входит в перечень профессиональных качеств немножко почитать, а главное немножко поработать. Сегодня основная задача — закончить хотя бы предпоследнюю главу «Марбурга».

Глава эта особенно важная: в сознании героя переплетаются картины Марбурга и страницы биографий Пастернака и Ломоносова. В жизни не стоит лениться и халтурить по мелочам. Глава эта вышла из хорошо найденного приема лекции для китайских студентов. Я тогда попытался прочертить русскую литературу и ее историю от одного московского памятника к другому. Теперь этот прием, когда понадобилось, вспомнил и доработал. Глава эта пошла хорошо, я все время ищу эпохи, и этот переезд показался мне скорее туристической прихотью. Вдвойне потому, что люблю места, связанные с литературой. Сама жизнь — 4 часа на большом морском пароме — меня не привлекала. Я уже не один раз видел и испытал это.

Величествен был только отъезд из Ираклиона, когда огни, рассыпанные вдоль берега, как стая голубей, начали таять в темноте, и огромный корабль оказался в полной, неисчерпаемой темноте. Звезд не было. Но море здесь, возле Крита и, видимо, возле всех греческих островов, какое-то особое, живое и сочувствующее людям.

И выгрузка была хотя и интересной — я тысячи раз могу смотреть, как действуют механизмы, и предугадывать их назначение, — но тоже ранее уже виденной. Но вот эта скала-остров, поднимающаяся стеной вверх, — нечто новое, неожиданное и сказочное.

Не стану описывать картину, раскинувшуюся из окна моей комнаты. В сам отель мы попали прямо с дороги. Спускались по крутой лестнице вниз. Каждый этаж вырыт в скале и так же снабжен террасками, лестничками…

Здесь же, на высоте от воды метров в 500, — бассейн, перекрытый стеклянным мостиком, и ресторан. Выходить из отеля, преодолевая высоту в 5–7 этажей по крутым ступенькам, мне довольно трудно.

9 октября, суббота. Если бы я занимался своими делами сам и на это у меня было бы время, то, конечно, ни на какой

Санторин, к черту, я бы на поехал. Когда Саша Мамай уже на Крите сказал, что нам дальше предстоит не какая-нибудь экскурсия на Санторин, а что нам придется прожить там дней пять, я пришел в уныние. В первую очередь потому, что понимал — всё это дорого, немыслимо для моего кармана. Но, видимо, судьба моя сложилась таким образом, что нечего даже было задумывать, так как всё не сбывается. Я, например, не могу ни на кого по-настоящему сильно злиться, потому что боюсь, что моя злоба может перерасти в какую-нибудь катастрофу для человека, и спешу скорее помириться со своими врагами.

Как-то в самолете давно я прочитал в журнале «Вояж» очерк нашей выпускницы Ксении Соколовой (была такая на переводческом отделении — крупная темноволосая девочка с начинающими пробиваться на верхней губе волосками). Тогда она мне казалась не очень способной. Но в этом журнале был ее дивный очерк о Санторине. Наверное, тогда я много пропустил, но хорошо помню, что стилистически очерк был сделан здорово — мне запомнился черный пляж, какие-то горы, а ведь любое описание, как правило, ниже и менее совершенно, чем сама действительность. На краешке сознания остались очертания острова, но мало ли экзотических мест в мире?

Паром, на котором мы уходили с Крита, был довольно типовой: машина, а в трюме толпа народу, замечательное изделие инженерии, удобно. Уходили вечером, а пришли на Санторин, находящийся между Критом и Грецией, ближе к материку, около 12 часов ночи. Паром лихо, как лодка, подошел к берегу. Большая толпа туристов выкатила на ярко освещенную набережную. Для экзотического места народу было довольно много, а вот когда машина пошла почти на отвесную гору, когда с каждой минутой мы стали подниматься все выше и выше, мне — хотя я ездил и на Кавказ, и в Афганистан, и даже на Памир, — стало страшновато. Наверху открылся город, нас высадили у какой-то балюстрады, и я ужаснулся, подумав: а где же отель? Отель оказался наподобие сакли, прилепленный прямо к крутому склону горы. До самого номера пришлось с чемоданом спускаться на сто ступеней. Там номеров пять в ярусах, половина номеров в горе, половина — в бетонной пристроечке с балконами. Вышел на балкон — внизу: как щепка, уже отходящий от острова паром.

Экскурсия в Ию. Белые дома. Много церквей. Места эти опасные, люди ищут заступничества у Бога. Сходим по огромной тяжелой лестнице вниз. Купались на камнях, я заплывал на небольшой островок с церковью, высеченной в скале. Таверна на воде, на сваях.

Вечером я снова в своем номере.

10 октября, воскресенье. Скорее даже не утренние наблюдения, а чтение, рассказы. Вроде бы Санторин — это то место, где в землю была воткнута огромная пробка над действующим вулканом. Где-то поблизости находилась Атлантида; потом пробка вылетела, Атлантида ушла под землю. В течение нескольких месяцев море вокруг было покрыто пеплом. Но нигде нет таких пляжей, такого чистого моря и такой экзотики. Сейчас на островке — три городка, цены запредельные, приблизительно пятьсот церквей. Когда у человека тяжело на душе — надо обращаться к Богу в надежде, что Бог защитит.

Потом из жерла «бутылки» вылетела магма, порода, пепел — все это осело вокруг скалы многосотметровыми ярусами. На скале с незапамятных — с доантичных — времен находился город, который, так же как и Помпеи, засыпало пеплом. Сейчас его раскопали, это была мировая сенсация. И, собственно говоря, эта огромная, вновь насыпанная площадка, и есть наш остров. Трясет его постоянно, он имеет вид полумесяца; по самой высокой части, по дороге, идти примерно, в лучшем случае, 20–30 минут. Все это вместе — Кольдера, в центре ее, из глубины, тоже возникло несколько островков, один из них условно называется Вулкан. Это — национальный заповедник, сюда организованы экскурсии. (Для меня все это не новость, потому что я помню, как в юности залезал на Авачинскую сопку в Петропавловске, там спуск практически в жерло вулкана.) Этот вулкан в последний раз работал в 56-м году, тропинка для экскурсантов, две-три скамеечки, катерок; на вулкан билет стоит пять евро, поднимешься на 10 метров — киоск, где продаются билеты уже на саму экскурсию. Все это напоминает Остапа Бендера с его торговлей билетами в «Провале».

11 октября, понедельник. Тот город, который засыпан, а потом раскопан, туристам показывают только до октября. В октябре работает еще старая Фира, это тоже раскопанный город. Я впервые увидел амфитеатр, огромный, ну, очень большой, построен таким образом, чтобы актеры виднелись на фоне моря, чтобы ветерок всегда дул с моря, так легче слова доносятся до зрителей. Совсем маленький амфитеатр я видел в Трое.

Почему так сильно всегда меня занимает чужая и навсегда улетевшая жизнь? Город построен на вершине очень высокой горы. Я видел там несколько цистерн. Как они снабжались водой, кто их построил? Сколько во всё это вложено труда под этим палящим солнцем?..

Обратно долго, по пологому берегу, спускался вниз. Взять машину не решился — машины всё импортные, и, хотя прокат не так дорог, я никогда не сидел за рулем импортной машины.

Вдобавок по скаредности не отремонтировал очки.

13 октября, среда. Вчера вечером позвонил В. С. С присущей ей радостью сообщать мне плохое она сказала, что все ужасно. Накануне, т. е. в понедельник, Витя пришел пьяный в таком состоянии, что она не решилась доверить ему собаку и пошла гулять с Долли сама. Во вторник Витя тоже пришел поздно и был не совсем трезв. Она, по ее словам, «устроила перезвон», звонила Толику, Диме, но пришел С. П. и погулял с собакой. Все это меня, конечно, взвинтило до безобразия. Тут же В. С. упрекнула меня, что я не звонил уже три дня. Не звонил с субботы вечером, потому что сама мне приказала до вторника не звонить. Взвинченный, я позвонил С. П. и выговорил ему, что он не смог все организовать, высказав в том числе и свои предположения по поводу еженедельного Витиного пьянства: по инерции с субботы и до понедельника, до вторника. Надо сказать, что в прошлый вторник случилось нечто похожее. Не буду говорить, сколько всего я сделал для них, и просил лишь одного: дать мне спокойно провести две недели. Но, к счастью, именно в понедельник вечером я закончил предпоследнюю главу. Попытка написать главу самую последнюю отпала, я даже не смог ее «поставить».

Бедный С. П.! Он мне тоже ответил своеобразной колкостью. В. С. с радостью сообщила мне, что у нее снова температура и она опять начала принимать антибиотики.

Плохо спал ночь. В гостинице еще один русский. Утром слышу: «Убить тебя надо». Чего делят?

Постепенно я вдруг понял, что в Греции много наших русских соотечественников. Утром проснулся от русских голосов — девушки-уборщицы убирали, мыли отель. Отель очень элегантный, с претензией на современность, на новые материалы. Бассейн высоко над морем, стеклянный помост через бассейн, на котором за бешеные деньги вам могут сервировать столик на двоих. Парень-портье, подносящий вчера вечером чемодан, тоже оказался русским. Они из Закарпатья, с Украины, российских — меньше. В канун отъезда я опять встретился с ним, и он рассказал, что за три года заработал здесь 24 тысячи долларов. Работа, конечно, адова. Где-то в таверне встретилась мне пожилая женщина из Донецка, моющая посуду в общежитии и одновременно убирающая в отеле. Норма у нее — 19 комнат. Говорит, что в летний сезон, как правило, она не успевает даже искупаться в море — работа от зари до зари. Зарабатывает около тысячи долларов в месяц. Осенью все уезжают на родину, потом опять возвращаются. Очень гордятся, что многим из них, в конце концов, разрешили регистрацию: полиции, видимо, надоело иметь дело с людьми без вида на жительство. Любопытная

особенность — все люди, с которыми я говорил там, с высшим образованием: экономисты, механики, электрики. Женщина из таверны сказала, что мужчинам здесь хуже, многие русские спиваются, так как вино дешевое.

14 октября, четверг. Утром укладывал вещи и наконец искупался в гостиничном бассейне. Может быть, впервые почувствовал себя чуть лучше. Все еще связано с тем, что все-таки основная часть романа закончена. Сразу же возникла идея по исправлению как бы двойной службы в армии, и вдруг в сознании заблестела следующая, последняя глава. Никакого университета — герой прочтет лекцию в кафе «Корона» и пригласит на нее Барбару и Леге. Это уроки, которые мне дает Сережа Шергунов. Если бы не вчерашняя история с собакой и не плохое состояние здоровья В. С., все было бы совсем хорошо.

Около двенадцати дня, когда день уже был распланирован и чемодан собран, раздался телефонный звонок: паром, который должен отплыть с Санторина в 4 часа, опаздывает. Какая-то путаная история: паром идет из Салоник и в лучшем случае будет в четыре ночи. Унывать мне нечего, я стал дочитывать изумительную статью в «Новом Мире». Что ни говори, а при всей его своеобразной ориентации этот журнал — один из лучших, в нем всегда серьезная критика, и, не читая его, я скоро как бы теряю дыхание.

После всех этих интеллектуальных развлечений, отсрочивая как только можно, необходимость садиться за роман или писать Дневник — в который уже раз пожалел, что не взял компьютер, — я отправился обследовать закулисье отеля. Как всегда, меня, гуманитария, почему-то интересуют практические и инженерные решения: как в гостинице, расположенной высоко на откосе скалы, обстоят дела с канализацией, как стирается белье (догадываюсь, что здесь, как и у нас в общежитии, своя прачечная), как на почти безводном острове обстоит дело с водой? И потом был очень рад, что отправился в эту свою исследовательскую прогулку.

Я уже давно со своего балкона приглядел, что за бассейном, вокруг которого вылизанные и даже выкрашенные светлой краской дорожки и мостики, одна из таких дорожек вдруг обрывается и превращается в тропинку с. Сразу же за поворотом тропинка расширилась и превратилась в площадку 10–15 квадратных метров. Здесь же крошечный столик, две кружки с чаем. И сразу же я обрел своих бывших земляков. Тут же появился, как бы вынырнул из-под земли, и мой давний знакомый Игорь, который всегда по утрам возился со шлангами и бассейном. Интересно несколько моментов. Из земляков —

интернационал. В прачечной бок о бок работают грузин и осетинка. И — никаких конфликтов. В прачечной — я осмотрел ее очень подробно — четыре машины: две для глажки, в полпростыни, много уже, чем одна, которая стоит у нас в общежитии, и довольно крупная, с большим холодильником фирмы «Электролюкс», машина для сушки, большая производственная стиральная машина. Производительность ее 18 кг белья за раз, но вот в чем основной фокус — работает она и на сжиженном газе. Здесь же стоят газовые баллоны. Естесственно, привозные, как и всё на острове. Я тут же произвел расчет: это то, что нам сейчас нужно для общежития и гостиницы, при том, какая бездна народу у нас живет.

Убогости этого закоулка отеля я поразился. На них бы напустить нашу санэпидемстанцию, но, правда, и климат другой. Естественно, здесь и грязное белье, и на стеллажах чистое. Это при том, что белье в отеле меняют ежедневно. Теперь экономика: грузин и осетинка получают по 800 евро в месяц, без жилья. Видимо, Игорь, знающий греческий и работающий здесь уже восемь лет, — несколько больше. Отель закрывается в конце октября — кончается сезон. Теперь другая сторона — экономика. Может быть, здесь и не очень большие доходы. В отеле 23 номера. На день привозят 10 тонн воды и через три дня 20 тонн. Греют в своей котельной — на горячую воду тратят 1 тонну солярки в месяц. Канализация у нашего отеля уходит по склону и распыляется, не доходя до моря. У других отелей стоки откачивают. Такая жизнь.

Опять ездили на пляж в Пириту. Поразительная скала, у которой Пирита ютится, меня потрясает. Грубо и определенно, без подходов и отмелей, как зуб, она вырастает из моря. Непоколебимость жизни.

Весь день думал: а кто же таскает тяжелейшие газовые баллоны на последний «этаж» отеля?

15 октября, пятница. Возвращаясь из Пириты, опять доехали до Фиры, а потом пешком, через золотые ряды, мимо таверн и лавчонок шли до Имеровигли. По дороге закусили в кафе, где утром я съел кусок пахлавы, которую всегда воспринимаю как армянское блюдо и которая позавчера днем, после разговора с В. С., примирила меня с жизнью. На этот раз такого эффекта не последовало. Какао, которое здесь называют горячим шоколадом, было холодное, а пахлава как-то плохо подействовала на меня.

Спал плохо, уснул поздно, ошибся с будильником, поставив его по московскому времени, на час и вместо четырех проснулся в три: снова читал «Новый мир». Он все-таки неровный, и есть

статьи, которые, видимо, прошли из-за какой-то групповой преференции: скучная и очень специальная статья Ирины Сурат «Превращения имен». Это из цикла не более и не менее, как «Мандельштам и Пушкин», и похожее скучно-специальное «Как Чехов писал стихи». Но вот стихи Александра Зорина (41-й г. р., закончил Литинститут) меня если не потрясли, то заставили пережить и их строй, и ситуацию. Очень хорошо, хочется цитировать, но почему-то именно о смерти

Когда в машине ехал в порт, по поводу романа Буйды подумал: а) Никто так близко и естественно в русской литературе не подходил к Маркесу. б) Отчего-то все же вспомнился роман Володи Орлова «Альтист Данилов». Кстати, попутно вспомнил, как покойная Мери Осиповна Озерова довольно пренебрежительно говорила о рассказиках про домовых, которые ей приносил в «Юность» Володя. Из этих «рассказиков» и сложился Альтист. По правде, из «Книги рассказов» его я прочел лишь один.

Утром в четыре принесли кофе — ужинаю за завтрак. Ребята, Саша и Игорь, рослые и красивые. Игорь, мой уже старый знакомый, а молодой Саша был самым первым русскоговорящим, который встретил нас в отеле в день прибытия. Ребята подхватили чемоданы — и вверх. Около ста ступенек, я подсчитал. Хлорированный бассейн светит русалочьими бликами. Баллоны для газа, оказывается, носят рабочие из фирмы, которой их заказывают. Игорь в этом году возвращается домой. За три года он скопил 24 тысячи евро. Но три года непосильного труда.

Все-таки греки — подлинные мореходы. Около семи подошел корабль, ну, думаю, это часа на полтора. Пришвартовать такую махину, разгрузить, взять пассажиров на борт — нет, все обошлось в пятнадцать-двадцать минут. Никто по три раза не проверял билеты, не было никаких служителей, проверяющих паспорта всех, скопившихся за полутора суток. Туристов запустили на борт, уже внутри на второй палубе матрос оторвал у билетов корешки. Не успели оглянуться — корабль уже в море. А когда посмотрел на стоимость билета — 11, 5 «юриков», это меньше, чем блюдо жареного рыбного ассорти в таверне. Я понял: гигантские паромы ежедневно, как насос, всасывающие на Крите и в Афинах туристов и отвозящие их на Санторин и обратно, — это обычный общественный транспорт, морской автобус.

Пропадает в утреннем тумане Санторин, его вулканы, его пятьсот шестьдесят церквей, его монастыри с уникальными библиотеками, с его постоянными опасностями землетрясений — их было чуть ли не шестнадцать, с жителями, которые молят Бога на всех языках о прощении и уповают, а санторинские подземелья

трясет и трясет. Не записал имя и фамилию той семьи — грек и гречанка, — которые в 1982 году на свои деньги построили фуникулер. У них было одно условие: фуникулер возит горожан и гостей вверх и вниз бесплатно. Ну, уж дудки, — решил муниципалитет, и как только жертвователь ушел в мир иной, дружно прекратили это демократически-социальное безобразие и стали брать 3, 5 «юриков» за поездку. Саша долго мучался, но как истый экономист, учитывая туристские месяцы и зимние городские каникулы, насчитал доход — 1 млн. евро. Ну, как здесь не трясти!

16 октября, суббота. Вот с этого-то дня, когда все посмотрено, всё более или менее прояснилось, когда на сердце стало чуть поспокойнее, и начать бы отдыхать. День умиротворенный, продуктивный. Только под вечер позвонил в Москву: у Виктора новый конфликт с В. С. Он остался сегодня в Москве, смотрел город и не успел приготовить какую-то для В. С. запеканку. Я по телефону В. С. сказал, что нельзя требовать от людей того, чего они не могут дать или к чему не готовы. Если бы удалось взять настоящую приходящую или постоянно живущую домработницу. Но В. С. никогда на это не пойдет, не согласится и никогда с женщиной не уживется.

С утра ребята уехали в Ираклион за покупками, а я счастливо провел время у бассейна с тетрадкой: хорошо продвинул последнюю главу, помолчал, подумал, позагорал. Погода ясная, жарко, солнце лишь на минуту-другую закрывается облаками. Ощущение Крыма и детского тягучего счастья.

Ребята приехали около двух, и мы сразу же пошли на городской пляж. Взяли педальный водный велосипед и за 10 евро счастливо час ездили по заливу. Потом всё покатилось как бы по-проторенному: сначала уже знакомая таверна «Дом Стеллы», а потом магазины и галереи: в любой есть какая-нибудь своя фишка, интересно. Куда бы ни зашел, везде смотрят приветливо: сегодня не купишь, присмотришь, купишь завтра. Это не наши московские девушки, которые на покупателя смотрят априори раздраженно — он мешает ее безделью, ее телефонным разговорам, он мешает ей полировать ногти. Купил по 1. 90 евро десять платков с каким-то необыкновенным рисункомдля подарков нашим институтским женщинам. Хотел купить что-нибудь для себя: зеркало в красивой раме или фаянсовую керосиновую лампу для дачи — не решился, заела жаба.

За обедом — горжусь собою — не стал выдрючиваться, жадничать, а прислушался к себе: греческий салат и рыбный суп. Из-за этих чертовых денег, из-за ощущения «заплачено» крепко переедаю: утром, чтобы меньше есть за обедом, за который мы

платим отдельно, а вечером возле груды десерта: «Ну, где я такое еще поем».

После, в номере, дочитывал Буйду, делал это в обратном порядке, от рассказа, где я сравниваю Буйду с Маркесом. Нет, это далеко не Маркес, но и не хуже. Писатель мощный, глубокий, с удивительной духовной силой и проникновением в духовную суть русского человека. Невольно сравнивал рассказ про священника, едущего хоронить свою жену к себе на родину и везущего ее гроб на мотоцикле, с финалом последней распутинской вещи. У Буйды эта часть жизни, самостийность русского характера сильнее. После смерти В. П. Астафьева мне казалось, что ничего подобного по силе не появится. А вот появился — Юрий Буйда. Он отодвигает в сторону и Маканина, и Проханова, и других претендующих. Мне хотелось бы позавидовать, но я с ним расхожусь. Особенность этой прозы в том, что она, согласно моим убеждениям о современной прозе, как бы почти документальна. А может быть, когда проза на пределе художественной исчерпанности, тогда она и становится документом?

17 октября, воскресенье. Перегрелся вчера на солнце, рано лег, ночью болел живот. Проснулся в третьем часу, сидел на балконе, видел звезды над Критом, греческого, наверное, происхождения. Или интернациональные.

Потом до 5-ти читал «Хутор» Марины Палей. Пишет, конечно, здорово, умная холодная тетка. Окончила Литинститут в 1991 году, сейчас живет в Нидерландах, по первому образованию врач. Сейчас бы ей бесплатно получить второе образование не удалось. Вот я и познакомился с этой ученицей Е. Ю. Сидорова, имеющей аристократическую, царскую фамилию. До этого руки как-то не доходили, сунешь нос — не твое. Повесть о лете, проведенном молодым тогда автором на хуторе в Эстонии. Скорее о цивилизованной ненависти к русским. Написано без особого сочувствия к эстонцам, но с ненавистью к русскому быдлу, ко всему русскому, которое прикрыто советским. В повести есть и грустная разгадка этого чувства: автор гордится своей иной национальностью, уже какой — не пишу, ясно какой. Даже толчок, «очко» в Эстонии изливает восторг (стр. 24). Писатель-соглядатай, вот только так и описывает нашу жизнь. А вот оконченный Литинститут — не в счет, театры, библиотеки, аспирантуры, наше умное детское чтение, наши кружки в пионерских домах, наша самодеятельность — это в счет. Мы держали первое место по пьянке и поножовщине — они по наркотикам. Цивилизация. Нет никакой благодарности к стране, которую они выбрали и которая их приютила, нет благодарности к языку, гениальному, свободному и всеобъемлющему, который

стал их языком, но который создавал этот народ и эта страна. 05. 15 утра.

18 октября, понедельник. После вчерашнего перелета — уже, будто ничего и не бывало — ни отпуска, ни дворца Кносса, ни орлиной Санторины, — принялся за обычное свое институтское рутинное дело. У Буйды хорошо было написано о том, как лошадь влегла в хомут, будто сама на себя его надела, и пошла, потащила телегу вперед. Мельница закрутилась.

Если продолжить «о вчера», то перелет был довольно легким. Наш огромный «Ил», в котором сидеть, правда, было удобнее, чем в «Боинге», довольно быстро и качественно долетел. Кормили, правда, хуже, чем раньше кормили на советских авиалиниях, и при этом еще показали какой-то отвратительный, донельзя банальный американский фильм. Это вкус пассажиров или вкус сытой самолетной администрации?

Хорошо, что я часа два, пока летели, дописывал свой роман. Я твердо знал, что другого свободного времени в Москве у меня не будет, не будет ни сосредоточенности, ни внимания, ни душевного подъема. А как пишут другие писатели?

Мое возвращение, по-моему, умиротворяюще подействовал на В. С., она поговорила, рассказала мне о своих впечатлениях и болезнях и успокоилась.

Включился сразу же в весь комплекс институтских забот. Днем разбирал — наезд Московского отделения Госкомимущества, которое во что бы то ни стало хочет, в обход Закона о высшем образовании, распоряжаться сданными в аренду (их уже осталось мало) площадями. Здесь возникли какие-то санкции из-за банка Орехова. Вроде бы банк платил свою долю в Госкомимущество, но мы тоже виноваты. Эти платежные поручения надо было собирать и хранить. И. Н., поглощенная собой и своими житейскими сложностями, так и не наладила должный учет и контроль. Теперь все это надо разыскивать, а банк ликвидирован, Орехов как бы устраняется.

Вечером же смотрел, как и обычно, телевидение. Лукашенко получил через референдум право на новый, третий срок. Путин вяжет узлы внешней политики. Демонстрации в Минске и жуткая эпопея «Московская сага» Вас. Аксенова. Этот огромный роман Вас. Павлович написал, когда началась перестройка, всё разрешили. Чудовищно. А какие были рассказы! Графомания убивает писателя. Еще одна новость: Абрамович купил на Лазурном берегу замок Виндзоров. Рассказывают, что он очень бережет своих детей: когда они семьей едут куда-нибудь, то стараются ехать в разных автомобилях. Если с одним из родителей что-нибудь случится, другой должен заботиться о

семействе. Очень неплохо, вырастут новые грызуны. Я эту информацию совмещаю с информацией о продаже части ЮКОСа. Может быть, когда-нибудь дело дойдет и до наследников.

19 октября, вторник. Виделся и разговаривал с Евгением Юрьевичем Сидоровым. Работает он пока очень заинтересованно, мне нравится.

Днем возникли новые трудности: в общежитии отключили лифт. Предписание о ремонте появилось год назад, в какой-то период у нас не было денег, а потом и Матвеев об этом забыл, и Лыгарев запамятовал. Оба последнее время купались в своих личных делах, и я это видел.

Написал небольшой рейтинг в «Независимую газету».

Днем провел семинар, обсуждали рассказ Юры Глазова. Он очень ищущий парень, но в его внутреннем мире много виденного и уже знакомого. Немножко ему вскружила голову премия, которую ему дал «Московский вестник». Тем не менее он сделал большие успехи, этот рассказ написан чисто, хороший диалог, есть подтексты. Особенно запомнился эпизод, когда мать взяла урну с прахом отца, положила ее в красный рюкзачок и понесла. Есть еще несколько, казалось бы, необязательных, но, по существу, основных эпизодов. Это вызывает ощущение надежды.

Начал читать мемуары князя Мещерского, которые купил уже очень давно. Репутация у князя неважная, но здесь медленная по годам конструкция. Интересно, читать буду долго. Уже поначалу появляется иной образ времени и иная интонация, вместо привычной царской власти.

20 октября, среда. В шесть часов в ресторане «Джонка» проходила церемония торжественного вручения премии имени Виктора Розова. Я пошел туда вместе с Людмилой Михайловной. Все это было довольно затянуто, продолжалось часа полтора. Попутно с премией и дипломами вручалась еще медаль Розова «За вклад в отечественную культуру». Каждый из награжденных что-то говорил о себе, о времени. Говорил и каждый, кто был назначен оргкомитетом для этого вручения. А люди здесь были очень интересные, глубокие. Выросла и картина жизни, и все получили своеобразный, подпитывающий характер каждого, нравственный урок. В этом я и вижу смысл данного мероприятия. Все это было и чуть, правда. старомодно, но в этой традиционности таилась определенная воспитывающая глубина. Вообще после Клуба выходишь всегда чуть лучше, чем туда пришел.

Видел Толю Кима, Володю Бондаренко, у которого с Гусевым какая-то война, был на вечере Алексей Шорохов. Любопытно, что среди лауреатов оказалось довольно много людей, окончивших

Литинститут. Даже Леванов, которого я и выдвинул на премию, в свое время я же и вручал ему диплом.

Диплом, премию и знаки «Хрустальной розы» мне вручал академик Челышев. Перед этим прямо на подмостках он шепотом спрашивал, какое у Есина имя-отчество. Сказал несколько слов о значении института и о моей роли в нем. Видимо, уцепился за слова «Дневник ректора». Испытал я в этот момент определенную неловкость, не самый любимый мною герой.

На этот раз к ответному слову я был готов. Накануне мне позвонил Сережа Сибирцев: «Готова ли нобелевская речь?» Люди характера Сережи придают очень много значения подобным событиям. И тогда я подумал: а почему бы и нет? Буквально за час до собрания я продиктовал Е. Я. эту речь. Заняло у меня это десять минут и пятнадцать минут у Е. Я., чтобы все это напечатать. Но стоял уже уверенный, потому что в крайнем случае вытащу из кармана и прочту. Все же читать ничего не стал, а просто прокатился по тезисам, получилось неплохо. Но речь все же перепечатываю.

«Я отчетливо представляю, что премия имени Виктора Розова, которая называется «Хрустальная роза» и которую вручают лауреатам как самый драгоценный приз, могла быть сделана и из другого материала, да мало ли хороших материалов в мире — из серебра, золота, даже выточена из мрамора. Но она — хрустальная, и в этом есть определенный магический смысл. Совершенно верно, слово «магический» произнесено сознательно:

И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Еще не ясно различал…

Но «магический кристалл» — это еще и прозрачное, это то, через что просвечивается наша действительность, что или уменьшает её, или увеличивает. А может быть, сквозь этот магический кристалл эта действительность начинает являться именно той, как она и существует без торжественных аксессуаров дня?

Что же видно сквозь этот магический кристалл Виктора Розова? Видно, что действительность наша, почти строго по грани хрусталя, разделилась на грустное, печальное — с одной стороны, и является такой нарядной, такой приукрашенной — с другой. С этой другой стороны, она так украшена лампочками и различными побрякушками, что просто хочется рвать (не к столу и не к месту будь сказано). Для меня эта «Хрустальная роза» означает еще и то, что поделена не только действительность, но разделена и литература. Одна литература занимается веселым, подпевает Алле Пугачевой или подыгрывает какому-нибудь

подзаборному поэту; она озабочена тем, чтобы быть современной, модной, изысканной, легкопереводимой, западной и эффектной. Но есть другая литература, которая обслуживает, так сказать, другую сторону нашей действительности и в которой жизнь не кажется веселой и увлекательной, хотя и доставляет все-таки какое-то удовлетворение, так как литература — это всегда и часть нашего страдания и сострадания. Интересно отметить, что в этой печальной литературе задействованы более серьезные силы, нежели в другой. Печально пишет Распутин, печально пишет Белов, печально пишут ряд других художников.

«Хрустальная роза Виктора Розова» была организована как премия еще при жизни писателя — явление небывалое. Какой надо было иметь духовный авторитет, какое неслыханное влияние на читающую публику, чтобы это сделать, какую нужно было иметь поразительную художественную уверенность в правоте своей литературы и своего дела! Впрочем, правое дело — всегда вселяет уверенность.

Недавно одна известная писательница объяснялась с другими на телеэкране и затронула в беседе годы, проведенные в Литинституте. Этот диалог напомнил мне какую-то жуткую пантомиму, когда человек из воды кричит: «Спасите! Спасите!», а спасатель — бряк его веслом по голове. Так вот эта писательница сказала: «В институте в то время преподавал Виктор Розов. А чему, собственно говоря, он мог научить?»

Я никогда у В.С. Розова не учился — и все-таки учился, когда видел, еще мальчиком, отрывок из его спектакля в старом здании ВТО, на 5-м этаже, помню и яростную саблю Олега Табакова в фильме по пьесе Розова — ничего подобного по художественному впечатлению Табаков потом не играл. Потом всю жизнь мы пользовались маленькими этическими открытиями великого драматурга. Года за три до своей смерти (а умер В. С. Розов как праведник) он был у нас в институте, и я как мальчик, как студент сидел и записывал то, что он говорит. Эти записи хранятся в моих Дневниках.

Для меня высокая честь получить «Хрустальную розу Виктора Розова». Являются ли мои «Дневники» литературой — я не знаю, они писались как дневники. Случайно один раз была проделана компьютерная распечатка, и я обратил тогда внимание на то, что они интересны. Вообще-то литература имеет краткий срок жизни. Селекцией литературы занимается сама литература. Но вот парадокс: сколько всего поуходило, а в наш век всё печатают и печатают дневники писателей. И каждый раз это бывает интересно.

Последнее, что хочу сказать. Не меньшая для меня честь, чем

получение этой замечательной премии, — та компания, в которой я получаю эту премию. Я нынешних лауреатов хорошо знаю, с некоторыми из них была прожита жизнь. «Магический кристалл», мне кажется, выбирает именно тех людей, которыми мы будем гордиться.

И, наконец — самое последнее. Хочу выразить свою глубокую благодарностьи экспертному совету премии и Клубу Николая Ивановича Рыжкова, который он своей мощной дланью ведет по бурному морю нашей жизни».

21 октября, четверг. Опять тяжелый день, в который ничего не сделаю для себя. Утром совещание по лифтам в общежитии. И Лыгарев и Матвеев на меня, конечно, сердятся за мою резкость, но ведь последнее время совершенно не желают думать наперед и по-хозяйски решать хозяйские же проблемы. Приехал человек из лифтовой фирмы «Шиндлер», начали говорить о замене лифтов, причем в разговоре выяснилось, что мы могли все сделать поэтапно, если бы начали тогда, когда нам дали предписание. Но Лыгарев сделал лишь то, что позволило лифты не закрывать. Все успокоились и повторяют, как попугаи: в институте нет денег. А они бывают, как прилив. Здесь есть и определенная вина И. Н. Зиновьевой, не очень интересующейся общими делами, ее дело — деньги учитывать. Но когда после совещания сели искать деньги, то полмиллиона нашли почти сразу, надо только переделывать сметы. Вот этого, наверное, не хочется.

А в четыре надо было совершенно обязательно ехать в МГУ, потому что там Инна Андреевна Гвоздева устраивала на кафедре свой юбилей. Надо сказать, что в МГУ порядка и чистоты стало побольше, в порядке лифты, народ спокойный ходит, в туалетах довольно чисто.

Устроила Инна Андреевна все в высшей степени роскошно, и выпивка была роскошная, и еда, и сам порядок кафедры, который верной рукой ведет Вас. Иванович, — все это вызывает зависть и восхищение. Сидело, кажется, две кафедры, античной истории и древних языков. Были мы вместе с Л. М. Моя задача состояла еще в том, чтобы обнародовать профессорскую должность Инны Андреевны, на которую совсем недавно мы ее назначили. Я в своей речи напомнил о дипломе Макарова по Гильгамешу, а Людмила Михайловна вспомнила наше старое литинститутское студенческое присловье: «Меняю автомат Калашникова на «автомат» у Гвоздевой». Совершенно замечательная была жаренная в кляре рыба. Хорошо, что на кафедре вместе с величественными женщинами есть и много молодежи.

Заехал в институт — сегодня должен был состояться вечер Бриля — за Максимом, он же ведь музыкант, его покойный отец

был дирижером. К семи часам поехали на юбилейный вечер Игоря Бриля, моего коллеги по Авторскому обществу. Вечер в зале Павла Слободкина, и потом там же мы все получили фуршет. Игорь Бриль — выдающийся джазовый пианист, профессор Гнесинки. Этой области нашей музыкальной жизни я совершенно не знаю. Играет он, конечно, замечательно. Это все как бы мелодии незабываемых шестидесятых. Читал на вечере Жванецкого и Вас. Аксенова Александр Филиппенко, делает он это тоже очень и очень неплохо, с некоторой социальной зловещностью. Наибольшее впечатление на меня произвело семейное трио: Бриль и два его сына, Алексей и Дмитрий, играющие на саксофонах. Красивые парни, замечательно дующие в свои дудки. Такому итогу жизни можно позавидовать.

На вечере также состоялись две для меня сенсации. Это совершенно феноменальная игра молодого джазового пианиста Алексея Чеснокова, переигравшего всех, и как бы вразрез всему вечеру с его современной музыкой — Николай Петров, огромный и мощный, чуть прикасаясь пальцами к клавишам, исполнил «Рождественский хорал» Баха. Откуда все это возникает?

22 октября, пятница. Впервые за много лет не пошел на работу потому, что плохо себя почувствовал. Заболевать стал еще вчера, утром проснулся весь мокрый. И даже, пожалуй, еще раньше. Позавчера купил себе, напуганный всяческими сообщениями о гриппе, импортную прививку, но почувствовал себя не так хорошо, чтобы, как в прошлом году, уколоться. А уже тут во второй половине дня и свое любимое «терафлю» купил и некий «биопарокс». Тем не менее утром прихватило, вместе с потливостью и самой для меня плохой температурой 36, 2.

Утром принялся смотреть фильм Майкла Мура «Фаренгейт 9-11». Этот фильм стал лучшим на Каннском фестивале 2004 года, я о нем много слышал. Фильм документальный, сделанный из пленок самого Мура и телевизионных операторов, снимавших Буша. Практически фильм о страшной современной коррупции и коррупции международного капитала, когда Дж. Буш-старший, разгромивший Ирак, был, оказывается, тесно связан с семьей Бен-Ладена. О жестокости власти и ее полнейшей беспринципности. Фильм произвел на меня огромное впечатление, потому, что, в первую очередь, проецировался на положение дел у нас, а во-вторых, я с грустью думал, что подобный фильм у нас совершенно невозможен. Разве кто-нибудь осмелится снять жестокий фильм о Ельцине или правдивый фильм о Горбачеве? Как эти люди пришли во власть, как они к ней шли, что сделали лично для себя. Нет, мы торопливо нацепили на Ельцина статус неприкосновенности.

В пять часов все же поехал на дачу. Развел там электрическое тепло, выпил чаю с медом, терафлю, биопарокс, улегся под два одеяла и проснулся на следующий день в десять часов. Тишина, капли дождя, хрустящие листья во дворе, полуразбитая теплица, еще зеленеющая петрушка, яблоки, разбросанные по мокрой траве. В поселке почти никого нет, лишь мои соседи напротив, да горит свет у Матвеевых. Те, кто не хочет ехать в московскую тесноту.

24 октября, воскресенье. В этот день покойная мама обычно праздновала свои именины, потому что родилась 31 декабря, а два праздника в один соединять никогда не хотелось. Как же быстро мелькает время на даче! Вчера ездил на рынок, купил продукты, Долли обрезки мяса, которые тут намного дешевле. Топил баню, пропарился и вечером написал сцену в окончание романа.

Утро сегодня начал с продолжения последней главы, полночи через сон думал о разных мотивировках. Все получается очень благостно и красиво. Боюсь, как бы не соскользнуть в банальщину.

Ничего не читаю, даже не достал из рюкзака компьютер, чтобы немножко поработать с Дневником. Книгу Лимонова, которую перевожу, забыл на работе. Но зато возился с террасой, пытаясь утеплить ее к зиме, сделать двойное остекление. На это пошли листы плексигласа, который я каждый год снимаю с теплицы. Очень хорошо получается. Еще обтянул дерматином и утеплителем дверь между входом и тамбуром. Очень довольный сделанным и собою, в два часа уехал с дачи.

Вечером собирал В. С. в Матвеевское.

26 октября, вторник. Начинать надо всегда с самого хорошего. Все-таки Лекачи — большие молодцы. Уже к концу дня во вторник приехал парень и привез деньги для Арутюнова и Тани Бек, Арутюнову — 1 тысячу долларов, Тане — 200 долларов. Это им за перевод и редактуру. Мы с Романом Михайловичем договаривались на пятницу, но в пятницу я заболел, а он улетел в Нью-Йорк, и вот, такой молодец, ничего не забыл и велел своему помощнику послать деньги. Я уже созвонился с С. Арутюновым, обрадовал его, буду звонить Татьяне Александровне Бек. Кстати, она вместе с Чуприниным сегодня заходила ко мне. У них нелады со Стасом Ефросининым, начавшиеся уже давно. Стас — парень умный, но, видимо, не только образованный, а еще и едкий. В общем, и Бек и Чупринин от Ефросинина отказываются. От Сережи Бочкова, которого они определили *нацболом*, за его любовь к революции и который всё время подыгрывает Стасу, они еще не отказались. Мне-то Стас очень нравится, он был со мною в

Гатчине, вёл себя хорошо, читал стихи, но вот в чем-то они не сошлись характерами, я думаю, что не сошлись и мировоззрением.

С утра ходил на семинар к Саше Михайлову, он ведет прозу у заочников. Семинар как семинар, разбирали какую-то неплохую прозу (хотя и не без вампиров) Вадима Демичева. Но главный интерес в этом семинаре у меня к одному человеку — Олегу Зоберну. Это совсем молодой парень, за творчеством которого я слежу уже давно. Какое счастье, что у нас в России так быстро иногда вызревают ребята, такой он умница! В этот момент меня охватывает зависть к времени, в котором можно чувствовать себя раскрепощенным, свободным, писать, о чем ты только захочешь… Но здесь очень важно о чем-нибудь стоящем думать. Могли бы мы помыслить в наше время о чем-нибудь «насупротив»?

В 12 часов занимался с Лыгаревым и Владимиром Ефимовичем. Мы экономим каждую копейку, даже бедному Дёмину, из-за нехватки часов, снизили оклад, а в общежитии уборщица, работающая по два часа в день, получает по 8 тысяч; 15 тысяч получает наш электрик, который к своему электричеству еще что-то прирабатывает. Во время обеда в нашей столовой вырвал страшную «тайну» у Тони: сколько она получает? Она приезжает утром к 8-ми или к половине 8-го, моет всю кухню, два зала и все остальные помещения. Помогает поварам, стоит на раздаче, кормит всех наших студентов и преподавателей. Потом, после 2-х, опять моет кухню и все помещения, часто стоит на посудомойке — и за все получает 500 долларов, меньше, чем 15 тыс. руб. Предложил нашим молодцам самим разработать систему по выплате зарплаты, хотя бы как-то уравнять с общежитием. Притом все работающие в общежитии живут у нас, в Москве, учатся, работают, не выходя из собственного дома.

В половине 2-го начался уже мой семинар. Чувствовал я себя неважно, сначала был достаточно вялый. Нашел новую форму: читаем два этюда, еще летних. Новизна заключается в том, что сначала этюд читает автор, а потом кто-нибудь из студентов разбирает каждую фразу. Все ошибки при этом, все стилистические неточности сразу вылезают наружу. Разбирали работу иркутянина Вадима Рудакова «Сны о гражданской войне». Я так и не смог понять: очень ли это плохо? Фрагменты текста звучат довольно средне. Но общий замысел глубок и серьезен. Все это надо избыть. В трех рассказиках много привычных для социалистического реализма штампов: брат идет на брата, отряд белых и отряд красных, а между ними маленький мальчик, которого те и другие пытаются спасти; придурок-сапожник, юродивый, говорящий правду и погибающий, — и проч. и проч. Я

даже не уверен: надо ли все это перерабатывать?

Из неприятного. В прошлую пятницу «Независимая» все-таки не напечатала моего рейтинга. Видимо, чего-то испугались. Я развернул газету. Вот как пишет Таня Бек: ««Московская сага» — экранизация романа Василия Аксенова. Редкий случай — и сериал и художественно». Далее идет перечисление актеров. Не хочется думать, что Таня с её вкусом могла эту киноподелку оценить так высоко, если не исходила из придыхательного литературного пристрастия. До этого мы говорили с Е. Ю. Сидоровым — он тоже достаточно жестко отзывался о фильме, да и о романе, хотя дружит с Аксеновым, хотя и писал в свое время совершенно гениальное предисловие к его повести «Затоваренная бочкотара» в «Юности».

Кстати, сегодня Евг. Юр. заходил ко мне опять, он рассказывал истории о том, как он лишился должности посла ЮНЕСКО в Париже. Я даже боюсь об этом писать в Дневнике, потому что никого не хочу подводить. Господи, какой сложный мир, какое счастье, что я его плохо знаю.

28 октября, четверг. Еще во вторник решил, что в пятницу уеду на дачу, а потому энергично надо работать неделю и подобрать все неоконченные дела и долги. Накануне написал себе план: утром пишу и диктую приветствие Юре Полякову к юбилею, потом отвечаю на анкету из пяти или семи пунктов, которую прислали мне, как лауреату «Хрустальной розы». Ответить, конечно, надо так, чтобы чувствовалось перо, не так, как это делают многие. В три часа у нас ученый совет, а в пять заседание секции прозы. Самое главное, это случается редко, я все задания себе выполнил.

ВМЕСТО ПОЗДРАВЛЕНИЙ ЮРИЮ МИХАЙЛОВИЧУ ПОЛЯКОВУ, ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

И откуда ты такой взялся, за каким, прости меня за выражение, хреном ты вообще появился? Как мы прекрасно без тебя жили, все молодые годы мы чувствовали себя знаменитыми писателями, мы писали разные рассказы, повести, их цитировали девушки, их неискренне ругали газеты. Ну кто тебя просил врываться в мир литературы без очереди? Мы все уже отстояли, а ты, ты на 20 лет нас моложе, пришел — и на тебе! Сто дней до приказа. Мы что, раньше не служили? Ты взял и почти украл наработанный нами же материал. Ну, шустёр! Мне кажется, что это я написал, и сколько бы меня литературоведы ни убеждали, что это особенность литературы, что писатель как бы пишет за тебя, — я должен сказать: какие всё же живучие эти парни, выходящие из маргинального подполья!

А потом, прямо у тебя спрошу: почему ты так непристойно

умён? Ты что, не помнишь, что поэзия должна быть глуповата? А кто сказал, что проза должна быть умна? Ну, я согласен, что кое-что у нас в романах получается, но ведь ты еще и публицист, и телевизионный деятель! Даже Познер рожу кривит, когда ты начинаешь, пожёвывая усы, что-то говорить!

Нет, дорогой, так дальше не пойдет. Я понимаю, я сам кручусь в Литературном институте и что-то там делаю. Но я ведь не пришел на развалины, как ты пришел в газету, которую все перестали читать. Ты скажи мне, пожалуйста, какие ты там винтики прикрутил, какие шестеренки сдал в металлоремонт? Почему у тебя всё так получается, везунчик? Когда смотришь на твою простецкую рожу, на твою статную фигуру любителя рюмки, женщин и забав, — то никто и подумать не может, что ты еще и эстет, и когда немного выпьешь, начинаешь цитировать чуть ли не всю русскую поэзию, что ты тьму всего знаешь, что тебя не проведешь на мякине. Это всё так интересно, и я думаю, что это — феномен русской литературы. Боюсь, что ты и дальше будешь развиваться, и что же мне тогда придется писать о тебе, когда тебе стукнет лет шестьдесят? А пока тебе брякнуло только пятьдесят. Но это ЧП отнюдь не районного масштаба и даже не всероссийского. Бери выше — общерусское! Русский, ответственный, добрый и принципиальный гений!

Сергей ЕСИН

На ученом совете основное: ввели на первом курсе промежуточную аттестацию после первого семестра, проголосовали за Таню Никольскую на звание доцента единогласно, выступали Тычинин о физической культуре и Буштаков о системе нашей охраны. Я предложил один из ближайших ученых советов посвятить нашим спецкурсам и спецсеминарам.

Правление у писателей прошло тихо и мирно, видел Гусева и Жанну Голенко. У Гусева выпросил его сборник стихов. Дело в том, что в газете у Владимира Бондаренко появилась, я бы даже сказал, подловатая рецензия некоей Елены Павловой на этот сборничек. Называлась она не без намека «Осень председателя». Я немножко понедоумевал. Рецензия как бы написана человеком, который хорошо знал довольно трагическую ситуацию, которая развивалась на глазах его близких друзей. От всего этого за версту несло предательством. А потом у меня появился М. З. и сказал, что двое молодых людей, очень обязанных Гусеву — в судьбе обоих он принимал участие и, кстати, не без моей помощи, — так вот, этот сборник, который не распространялся, а лежал всем тиражом в кабинете В. И., эти молодые люди выкрали и, придумав себе девичий псевдоним, как Гонкуры, вдвоем

выточили эту довольно занятную рецензию. Когда я читал, то даже посмеивался, похохатывал. Цитаты были смешные и уместные.

Но когда я взялся за сборник, то оптика поменялась. Я ведь читал и дневник Гусева, и его прозу. В. И. себе не изменил, это тоже дневник, искренний, своеобразный, честный. Может быть, даже один из лучших лирических дневников эпохи, в которой любить не умеют, чувствовать не умеют, в которую умеют только трахаться. Вот Гусеву-то как раз это высокое, мужское и дано. Те цитаты, которые меня прежде смущали, здесь встали на свои места. Жаль, конечно, что Володя Бондаренко поставил рецензию этих двух, соединенных в одно имя, «литераторов», не прочитав сборника. Все это очень мое, современное, умное, определенное, без сюсюканий и написано с прекрасным чувством родной речи. И опять: как, оказывается, легко в литературе попасть под молох открытого недоброжелательства. А мы-то говорим о чести и принципиальности, о необходимой в литературе объективности.

29 октября, пятница. Все газеты написали, а радио и телевидение два дня продолдонили о съезде Союза кинематографистов. Мне кажется, этому стоит придавать значение только в память о знаменитом Пятом съезде, с которого начался и распад нашей культуры, и распад Советского Союза. Тогда впервые оказалось, что все дозволено. Сегодня же это просто борьба за власть. От Союза кое-что осталось, какие-то дома, недвижимость в виде Киноцентра на Пресне, материальные ценности — и всем хотелось бы этим распоряжаться. По-прежнему у Союза есть и определенный имидж влияния. Здесь могут подавать в правительство на звания, представлять к орденам. Здесь есть центры влияния на министерство культуры, которое дает гранты. Для многих было важно, кто захватит власть. В задачу Московского союза входило не допустить к кормилу Никиту Михалкова. И из-за его благополучия, и из-за его дружбы с президентом, и из-за семьи, которая тоже и талантлива и благополучна, но главное было все же в другом… Союз кинематографистов, как ни один другой, отличается своей особой эстетикой и определенными национальными пристрастиями: раз у нас получается, значит не должно получаться у других. Это была битва русских с кабардинцами… Но и у той и другой групп не было альтернативного лидера. Группа, пишу условно, Гусмана выставила очень немолодого Эльдара Рязанова, не вполне им подходящего Станислава Говорухина и даже вконец православную Елену Цыплакову. Рязанов и Говорухин решительно отказались, Цыплакова не получила большинства. Говорят, что о самом кино на съезде не было сказано ни слова. Как я и предсказывал, снова

возглавит хоровод в Союзе кинематографистов Никита Михалков. Его отец Сергей Владимирович сейчас довольно тяжело болен, уже чуть ли не две недели лежит в больнице с воспалением легких.

Уехал на дачу, скопилось невероятное количество чтения, в Москве я не смогу сосредоточиться: в частности, пять или шесть пьес к совету по «Открытой сцене». По дороге заехал на расхваливаемый всеми продовольственный рынок в Теплом Стане. По 25 рублей за кг накупил фейхоа, этот заморский плод мы с В. С. перетираем с сахаром.

Встретил Таню Матвееву, они будут жить до середины ноября, не хотят возвращаться в московскую сутолоку. Таня рассказала, что на наших участках творится неприкрытое и наглое воровство. Тащат все, но особо охотятся за цветными металлами. Это воровство можно прекратить в мгновение ока, если Дума запретит прием цветного металла многочисленными приемными пунктами. Так и жди, чтобы они запретили, накося выкуси! Может быть, именно для этого, так же как и для запрещения по ТВ рекламы пива, и нужна сплоченная «Единая Россия»?

30 и 31 октября, суббота и воскресенье. Замечательно провел время. Писал роман, закончил последнюю главу, остался только эпилог. Занимался утеплением террасы, поставил двойные рамы; читал пьесы, читал материал моего студента В. Керамова, подборку с общим названием «Беляк». Керамов — это тот парень, от которого в свое время отказался Анашенков. Я со своей стороны скажу, что ни один русский так не владеет современным языком, как он. Недаром он понравился мне на приемных экзаменах. Пишет он мало, а здесь решил издать свое полное собрание сочинений: в том числе и этюд (о моих отношениях со Св. Викт.) и даже собственные стихи. Обсуждение будет достаточно сложным. Правда, может быть, придется все отменить — ведь придет Дмитрий Галковский.

Среди прочих дел, памятуя свое военное детство и стремление во что бы то ни стало сделать запасы, ездил на рынок, купил 5 кг прекрасных по 50 руб., мясных обрезков, рассчитанных сначала на собаку. Но в Москве всё рассортировал и половину обрезков прокрутил через мясорубку! Остальные, для собаки, заморозил. Еще одна замечательная покупка: 18 кг моркови по 5 рублей за кг. Весь вечер ее чистил, строгал на кухонном комбайне, раскладывал по пакетам, теперь есть что положить в суп или добавить в рис.

По телевизору идут репортажи с Украины. Там объясняют, что, возможно, возникнут самые разнообразные инциденты.

Сценарий по захвату власти готов и апробирован уже в Словакии и Грузии. Сейчас будет сделана попытка еще раз проверить его на Украине. Поразительная, как всегда, пошлость шагает вместе с юмором: вместо отдыхающих Петросяна и Степаненко выступает Арканов. Еще я заметил одну удивительную телевизионную манеру: текст у некоторых юмористов становится уже не бытовым, а поразительно развязным. Эта мода очень прилипчива. Бог знает о чем рассказывают актеры, Бог знает о чем говорят общественные деятели. Долго по телевизору говорил Рогозин — о том, как и куда исчезают миллиарды нашего золотого запаса: они уходят на поддержку американской экономики.

В почтовом ящике нашел целую кипу вырезок из газет, касающихся прошедшего съезда кинематографистов. С каким воодушевлением газеты рассказывают об этих скандалах! Цитаты, ужасные, выворачивающие наизнанку человеческие лица. Весь сыр-бор горел из-за Киноцентра. Лёг в первом часу.

1 ноября, понедельник

Пожалуй, мне надо написать большой рассказ о моем собственном утре, когда я просыпаюсь в шесть часов, полчаса пытаюсь раскрыть глаза, потом нащупываю еще не дочитанный текст, ищу очки, читаю, опять засыпаю, просыпаюсь. Из Матвеевского звонит Валентина Сергеевна, рассказывает о том, что вокруг творится полное безобразие: практически рядом с двумя богадельнями идет огромная стройка, где, нарушая все экологические нормы, гремят краны, бьют сваи, забывая, что рядом люди, больница и родильный дом. Капиталу надо ворошить своё. Естественно, В. С. не высыпается, давление у нее в этот раз было под 200. Потом я прекращаю разговор, начинаю принимать свои лекарства. Сегодня насчитал 12 таблеток, которые должен принять. Параллельно, приготовляя что-то на завтрак, делаю зарядку, чищу зубы, моюсь, собираю портфель, читаю не прочитанные вечером газеты и старательно думаю, как начать день, думаю о том, что надо не забыть, что во вторник у меня Галковский, что надо принять человека из фирмы «Шиндлер» с договорами по лифтам, оговорить с Леной решение арбитража по оплатам Мерит-банка (кстати, Лена и Харлов дело выиграли, и я уже отдал приказ, чтобы им выдали по 3 тысячи рублей). И надо продиктовать три рецензии. Наш дорогой замечательный Славик во время моего отсутствия на каждый звонок из Комитета по культуре (не прочтет ли Сергей Николаевич пьесы?) с готовностью отвечал: «Да, прочтет!» И вот теперь у меня четыре конверта, и я читал и в субботу, и в воскресенье. Это Центр Шатрова, неизвестные мне авторы Ал. Крастошевский и Над. Спиридонова, «Мастер-класс российского капитализма». Интрига соцреалистическая, но вместо секретаря райкома — губернатор; убийство, незаконные выборы и проч. и проч.

«Актерское братство», «Гаргантюа и Пантагрюэль». Буфф. Кажется, старый Подгородинский для молодого Подгородинского соорудил совершенно замечательную пьесу, а может быть, и сам молодой Подгородинский это сделал, подпись, кажется, его. Сделано талантливо, ярко, неожиданно. Я уже, кажется, теряю квалификацию и пишу одну за другой положительные рецензии. Следующая пьеса — «Ивонна, принцесса баварская» Вит. Гомбовича. Это абсурдистское сочинение прошлого века. И еще пьеса — «Маугли» Юрия Калинина, которую собирается прокатывать Театр Вахтангова. Что-то в них есть. Ну, дай Бог.

С утра по телевизору передают известия — кажется, выборы

выиграл Янукович, это очень важно для России, для самой Украины, для ее народа. Но потом выясняется, что все не так обнадеживающе. Похоже, мы с Януковичем всё проиграли, и поездка Путина в Киев оказалась бессмысленной.

2 ноября, вторник. Как всегда, во вторник происходит главное событие — семинар, но в этот раз было еще одно: заседание кафедры. Наверное, это судьба любого дела: затухание, постепенное затухание. У меня даже складывается впечатление такого затухания на нашей кафедре, возможно, это связано с возрастом — мне 68, а средний возраст кафедры — 74. Устали. Все хотят работать только на себя. Никто — на общий пул, молодежи тут, конечно, досталось бы больше. У нас не включены в Интернет ни наши семинары, проводящиеся по ускоренной методе — за час, а порой и за 50 минут; нет хорошей отчетности, нет методических собраний, полного обмена мнений. Вроде бы постановили сделать два творческих объединения — поэтическое и прозаическое. Посмотрим. Я твердо решил сам заняться делами на кафедре и освободил Г.И. Седых от необходимости мне помогать. Это связано и с её высокомерием, и с её неточностью, со многими другими обстоятельствами наших совместных отношений. Ведет она семинар, ведет Лицей, курсы, немало зарабатывает — и слава Богу.

В этот раз у меня на семинаре был Дмитрий Галковский. Накануне я вывесил объявление, чтобы наш дошлый народ, проходящий Галковского по текущей литературе, сообразил — кто будет выступать. Но народу пришло мало, обидно, потому что Галковский наряду с Лимоновым, конечно, одна из самых заметных фигур в литературе, в современном процессе, если говорить о его фундаменте, о его базовом принципе. Здесь ребята не могли взять никаких особенных баек или рассказов, но могли понять сам принцип критически подробного рассмотрения действительности. Ведь как создаются большие толстые книги? Вот начало его лекции: «Я всю жизнь провел в Москве и только сейчас решил поездить по миру: впервые был в Париже, в Минске, в Пскове. Я впервые увидел аэропорт, впервые летел на самолете, как Герман Титов в космосе: попробовать поесть, попробовать полетать…

Дальше. Мне хотелось бы уйти из советского мира, но он сильно изменился. Люди вашего поколения не знают, как тогда жили. Если бы я был преподавателем вашего института, я бы предложил такую тему: один день советского человека 1977 года».

Опять «мысль»: «Во Франции старое общество, где человек оценивается по двум десяткам параметров, у нас молодой человек

оценивается по двум-трем: какая машина, какая квартира».

Дальше я записывать не стал. Но пытался сформулировать свое впечатление: у него ум, который каждый предмет пытается увидеть, но не по-своему, а вообще наоборот. У него точные, как и у меня, детские и юношеские впечатления. Он значительнее интереснее в своих книгах, человек письменных формулировок.

Вот еще его точка зрения, похоже, что справедливая: «Человек, родившийся до 60-х годов, не может по-настоящему общаться с компьютером, в лучшем случае у него пишущая машинка».

Поговорили два часа, ребята задали ему много вопросов.

3 ноября, среда. На коллегии министерства культуры на этот раз всех нас рассадили по-новому. Я привычно глянул налево, но М. Б. Пиотровского, директора Эрмитажа, видно не было. Позже я обнаружил его на своей стороне, через одного человека от меня. Зато напротив оказался Юрий Иванович Бундин, с которым можно и есть о чем всегда переговорить, хотя бы глазами, а чуть левее — Женя Миронов. Он, собственно, еще до начала коллегии сам начал разговор: «Сергей Николаевич, я перед вами в долгу, вы не видали у нас «Тринадцатый номер». Хотите сегодня?» Я поколебался, но потом решил: была не была, дела и усталость — они всегда, но пойду сегодня во МХАТ, другой возможности посмотреть спектакль не будет. Еще когда я вручал ему за кулисами МХАТа премию Гатчинского фестиваля, тогда как раз репетировали «Тринадцатый…» — такой визг доносился со сцены, гам, столько оглушающих разгоряченных вульгарных криков, что я тогда еще решил: нет, на эту легкую комедийку, поставленную кумиром Вл. Машковым, не пойду. А тут вот сдался — и получил огромное удовольствие, по крайней мере, обнаружил, что виртуозное владение техникой, поразительное умение держать себя в рисунках роли — это в России не потеряно. Наибольшее впечатление произвел Авангард Леонтьев, игравший главную роль. Но об этом ниже.

Не обладаю я спокойной манерой относиться ко всему легко. Вот и сейчас, на коллегии, где было, кроме вопроса о наградах, еще два пункта — подготовка к празднованию 60-летия Победы и концепция Конкурса им. Чайковского, — легко отнестись к происходящему не смог. По студенческой привычке всё записывал, фиксировал.

А. С. Соколов, министр, говорил о процессе и мероприятиях. О людях. Присылают письма, заявления… Потом он произнес ключевую фразу, произнес с некоторой горечью: «Через десять лет мы с этим проблем иметь не будем». Подразумевалось, что сейчас надо молчать и терпеть, потому что люди эти — уже уходят.

Козлов, директор архивной службы, — о находках новых документов, связанных с военными, которые погибли за рубежом. Я подумал: столько лет прошло, а все еще ищем и, главное, — находим. О рассекречивании материалов, о готовящейся выставке «Невольники Третьего рейха». Некоторые, вернее, наши демократические СМИ считают, что вот, если бы немцы победили, мы бы жили хорошо… О том, что это было бы рабство, медленное или быстрое убийство, использование людского материала, за той валютной помощью, «компенсацией», которая сейчас поступает в адрес пленных и мирных жителей, в свое время отправленных на работу в Германию, мы уже стали забывать. Я-то хорошо помню, что моя покойная тетка Антонина, тетя Тося, и ее муж, дядя Ваня были угнаны в Германию. Сколько же потом дядю Ваню, который работал слесарем на судоремонтном заводе в Таганроге, таскали в КГБ.

Далее Козлов говорил о подготовке издания, связанного с судьбой военнопленных в СССР — что они сделали, что построили, как мы с ними потом расстались. А было этих военнопленных шесть с половиной миллионов, тоже цифра немалая, и могил, полагаю, осталось после них немало. Готовится документальный сборник «Молодая гвардия» — есть возможность сравнить роман с тем, что происходило на самом деле. Наверное, для науки это сделать надо, но бережнее всего следует относиться к народным мифам. Фадеевская «Молодая гвардия» принадлежит к нашим сокровенным мифам, не дай Бог, со страной что-нибудь случится, еще будем издавать, переиздавать и заново снимать в кино. Китайцы знают, что делают, переснимая постоянно «Как закалялась сталь» и подобные именно наши героические эпосы. Происходит рассекречивание военного фонда Сталина, фонд поступил в открытое хранение. Отдельно Козлов говорил об ужасном положении военно-морского архива в Гатчине, о неподходящих, разваливающихся и требующих ремонта его помещениях. «Я видел много архивов, но этот в ужасающем положении». Тут, естественно, я вспомнил прорванный в прошлом году в Гатчине коллектор, когда говном затопило центр, а главное, озеро и доблестного гатчинского мэра.

Сеславинский, директор агентства, говорил о поддержке средств массовой информации и телевидения. По лексике и самой стилистике сразу видно, что человек всю жизнь провел в аппарате, передать это на письме невозможно. Я пишу другие оттенки. «Эху Москвы» заказано 800 программ; интересно: заказали ли хотя бы 500 программ «Маяку»? Сеславинский говорил также о тех заявках, которые выполнить уже невозможно, мол, надо было делать это раньше. Это справедливо, но только в

представлении администратора художник думает заранее, он мыслит импульсами, а они возникают с опозданием по отношению к календарю. Современная администрация делает все, чтобы скрыть, когда на тот или иной грант надо подавать документы, стремится, чтобы широкие слои заинтересованных в этом лиц ничего не знали и о самих этих грантах. Говорил о заказе телевидению цикла передач о красных командирах. Я для себя уже пометил, что красными командирами были и Бакланов, и Бондарев, и Алексеев, и Ваншенкин — интересно, войдут ли они в этот командирский раздел и вообще кто туда войдет?

Попутно я все время делал пометки для своего выступления, и постепенно у меня вырисовывалось три тезиса. Выступавший с содокладом последним Швыдкой, как всегда, был убедителен и говорил по существу. Моего лояльного отношения к Швыдкому, которого я ценю, мои друзья-патриоты мне не простят никогда. Он говорил о попытке регионов всё водрузить на центр — и памятники, и содержание в порядке военных кладбищ и мемориалов. На фронт, дескать, призывала не Орловская или Тульская область, а государство. Будто слово «государство» способно скрыть отсутствие собственной региональной совести. Говорил о реставрации памятников в Сталинграде. Произнес такую замечательно-грустную фразу: «Основную часть средств на Родину-мать дает федеральный бюджет». Говорил о ставшем традиционным поезде «Москва — Берлин»: «Используя ветеранов, другие люди делают много своих дел: кто их встретит, кто поедет, приезжают люди очень старые, больные, с совершенно другой судьбой, нежели судьбы побежденных». Да уж, действительно, насмотрелись мы на этих бодрых, подтянутых старых немцев со спортивными фигурами и хорошими зубными протезами. А если наши старые победители еще не передохли за время перестройки и их не споили, то сейчас ходят в старой одежде и ищут, где бы найти денег на протезы. А минфин в это время думает: ох, если бы не их льготы и пенсии, как легко было бы сверстать бюджет!

Я, кажется, выступал последним. Сослался на мысль Соколова относительно того, что «через десять лет не будет проблем». Сказал о том, что носителями памяти в государстве, которое идет от мероприятия к мероприятию, становится семья, что мы всегда и раньше не забывали: о ветеранах войны 1812 года — например о Раевских. Я вспомнил, как шла советская пропаганда, основу которой несла литература: Великая Отечественная война 1941–1945 годов все время сопрягалась с Отечественной войной 1812 года. Сейчас мы уже забываем эти исторические параллели и выбираем только те, которые нужны

нам сегодня. Я говорил о том, что теперь ветераны для многих стали надоедливыми, как мухи. К ним даже в семьях относятся просто как к амбициозным старикам. Что-нибудь дав семьям, мы смогли бы повысить «их семейный статус». Мы могли бы, например, предоставлять семьям ветеранов некие культурные льготы — бесплатные посещения музеев, некоторых театров, выставок. Основной подарок я приберег к концу. Это о мемуарах, о рукописях ветеранов, которые те безуспешно носят сейчас по издательствам и учреждениям. А почему бы не организовать фонд, который давал бы возможность печатать эти рукописи, так сказать, «семейным» тиражом: по 25, по 50 экземпляров? Один экземпляр отправлять в областную или районную библиотеку, один — в Центральный архив, все остальные — родственникам и знакомым. Пусть гордятся, пусть рассказывают знакомым о своих стариках, пусть близким дают читать книгу.

Далее — Конкурс им. Чайковского. Здесь было много интересных выступлений. Но тон задал Соколов, который в этом хорошо разбирается. Из того, чего я не знал, вернее, пока не осмыслил. Конкурс вошёл в обойму крупнейших мировых событий, у него сразу же сформировался свой бренд, который обычно формируется за многие годы. Когда конкурс организовывался, подразумевалосъ, что победителями должны стать обязательно наши исполнители. Великая школа пианизма. Но тут совершенно неожиданно появился Ван Клиберн, завоевал симпатии слушателей — и восторжествовала справедливость. Подтекстом выступления шла мысль о затухании конкурса, поэтому вопрос и вынесен на заседание.

Выступало довольно много людей, пытавшихся разобраться с неудачами. Выделяю три интересных выступления: Т.Н. Хренникова, который был почти несменяемым председателем оргкомитета, Александра Чайковского, сказавшего, что ситуация изменилась, многие наши преподаватели работают за рубежом и их ученики подчас побивают представителей наших школ; Ал. Чайковский подчеркнул важность того, чтобы конкурс работал на высшем уровне справедливости. Кто-то из выступавших говорил о безобразиях на этом конкурсе, ставшем «русско-китайско-корейским», когда не проходящая отбор японка или китаянка вдруг оказывается в программе тура, и это списывают на ошибку корректора.

Не фиксирую многого, что было сказано. В конце выступил Петров, тот самый Николай Петров, которого я так люблю как пианиста. Это было самое значительное, я бы даже сказал, сенсационное выступление. Он сидел напротив меня, и я рассмотрел его огромные руки с большими ногтями и высокими

лунками — играет он, наверное, не столько пальцами, сколько энергией, которая из них вырывается. Как? Может быть, демоны водят этими лапами? Петров предупредил, что говорит как частное лицо, а не как профессор консерватории. Он фиксировал полную потерю доверия к конкурсу и у музыкантов, и у публики. Ушли грандиозные музыканты, по инициативе которых конкурс был организован, такие как Шостакович и Свиридов. Конкурс изменился до неприличия. Правда, вся система мировых конкурсов коррумпирована. По мнению Петрова, можно наладить дело, если принять к исполнению два простеньких принципа: 1. Члены жюри не должны иметь права судить своих учеников и родственников. (Здесь М. Е. в качестве реплики привел случай, как кто-то из родственников играл на одном из международных конкурсов и, кажется, Докшицер, несмотря на то что в конкурсе были и его собственные ученики, присудил премию чужому родственнику.) 2. После каждого тура надо вывешивать отчет — как проходило голосование, т. е. кто из членов жюри и кому сколько баллов поставил. В этом случае ничего «подправить» и «скорректировать» будет нельзя. Петров образно сказал, что на конкурсах очень часто происходит «убийство» музыкантов. Молодые люди теряют веру в себя. Потом, в частности ему, приходится разыскивать таких «засуженных», чтобы как-нибудь вернуть их к жизни и музыке.

Записал я всё это, может быть, и неточно, но, должен сказать, что для меня всё это было интересно. Никто и не представляет, как сложно крутится бюрократическая машина культуры, с какими непреодолимыми трудностями. Теперь я прикоснулся к этой механике.

В конце, когда все приглашенные разошлись, прошло любопытное заседание по третьему пункту — о наградах. Соколов организовал совет по наградам, орденам и званиям, документы на которые министерство подает в администрацию президента. Совет, в котором и Смелянский, и Соломин, и Паша Слободкин, поработал очень хорошо. По крайней мере, именно этот совет убрал, в качестве претендентки на звание народной артистки России, одну юмористку, постоянно торчащую на экране телевидения.

Вечером, как уже написал, ходил в театр. Сидел в 8-м ряду, место номер десять, я часто там сижу, это место Немировича-Данченко. Женя Миронов, которого я так называю, чтобы хоть как-то приблизиться к этому гению, играл замечательно, с огромным количеством импровизации и заранее сделанных придумок, психологических трюков. Это был не князь Мышкин и не разведчик из «Августа 44-го», а какой-то иной, английский

хлопчик. Все держали стиль английского абсурдистского юмора. Поразил, конечно, Леонтьев, это очень высокий полет. Самое главное — всё в полной и единой стилистике, а я как писатель, который может рассуждать об этом, скажу: работать в одной стилистике на большом пространстве — очень трудно.

4 ноября, четверг. Сегодня утром передали о том, что Буш-младший выиграл выборы, а сенатор Керри признал себя побежденным. Показали по ТВ ряд откликов на собственные выборы американцев. Одна из девушек назвала Буша идиотом и сказала, что пусть соотечественники сами за четыре года убедятся, как они неумны. А через четыре года, смотришь, президентом станет Хиллари Клинтон. Я лично думаю: дело даже не в этом, американцы, как, впрочем, и наши, в своем большинстве просто необразованны и, конечно, будут хлебать со временем. А думаю о том, что сейчас Буш, уверившийся и в своей непогрешимости, и в любви к нему Бога и народа, что он сейчас сотворит с бедным Ираком! Для меня эти американские выборы, за которыми я внимательно следил, еще и выражение тенденции, почему и в нашей стране и в большинстве других, в частности в Америке, власть стремится к оглуплению большинства, к такому совсем простому и прагматическому образованию, которое делает из человека лишь придаток к той или иной функции жизни. Выполнял бы определенную функцию и правильно, особенно не задумываясь об общем, о горизонтах, голосовал.

И. А. опять устроила застолье на кафедре по поводу своей профессорской должности. На этот раз был жареный поросенок. Жаль, что, когда я был молод, таких вещей к столу не подавали. Или подавали, а я при таких подачах не присутствовал. Был Василий Иванович Кузищин. Он подарил мне новую, под его редакцией, Хрестоматию по истории Древнего Рима. Поговорили с ним об устройстве семинара в Севастополе. Это реально. МГУ открыл свой Севастопольский филиал, потому что где же еще учиться детям офицеров? Сам филиал, оказывается, расположен на территории военной части. Ах, наши украинские братья, ах, наше пьяное начальство, отдавшее Крым ни за что ни про что.

Поздно вечером уехал на дачу, мне все равно надо быть в субботу в институте.

5 ноября, пятница. Весь день средства массовой информации говорят о палестинском лидере Ясире Арафате. Он в коме, журналисты как бы обрадовались сенсации и говорят, говорят. Вспомнили даже Бернарда и ту проблему, которая возникла после его легендарной первой пересадки сердца: что называть клинической смертью? Все это, как в мещанских и купеческих семьях: покойник еще не отошел в мир иной, а родственники уже

делят наследство.

Читаю Хрестоматию по античной литературе. Уникальная, замечательная книга, в которой огромное количество и поразительных сведений, и правил, корреспондирующихся с законами и обычаями сегодняшнего дня. Книга большая, как бы мне ее прочитать? Можно только радоваться, что эту книгу будут читать студенты. Вот только ясна, понятна и умна она для людей среднего и сташего возраста. Но, впрочем, у каждого возраста свое понимание жизни, законов и поучительного, что несет история. Вот как римляне раздавали почести военным и платили им за службу. Генералы были, как и солдаты, только боевые. *«Многим воинам легионов счастливо удалось пройти войны, и (иные), едва начав военную карьеру, смогли перейти к мирному труду по возделыванию полей. Ведь когда старшие командиры и трибуны выводили для ассигнации легион со значками и орлом, то размер участка зависел от заслуг. Согласно документам, земельные участки раздавали воинам после того, как они провели схватку с врагами».*

Возможно, эпилог в романе вырастет в новую главу. Боре Тихоненко мой новый роман не нравится. Ты обвинял Владимира Новикова в том, что он пишет филологические романы, а сам написал такой же. Боря ошибается, я написал замечательный роман.

В «Независимой газете» небольшая статья Сережи Шаргунова. Как за последнее время Сережа вырос, как отчаянно он пропагандирует свое поколение! «*Власти, как известно, во что бы то ни стало хотят уничтожить все свидетельства о праздновании Великой Октябрьской социалистической революции. Стереть все воспоминания. Сначала придумали «день примирения и согласия», на который отчаянно плевались старики. Сейчас ряды советских людей редеют, и власть предлагает сдвинуть праздник на 4-е число, когда случилось восстановление государственности ополчением Пожарского и Минина во время Смуты 1612 года. Посрамили ляхов? Мы и литовцев срамили — тоже, кстати, вполне себе праздник. И татар, и французов, и шведов. На словах — благодать, седины древние. А по духу современности — день лавочника, с тусклым довольством озирающего узкую улицу. Кока-кольный патриотизм под звон колоколов, готовых услужить любому заказчику. Так что, быть может, 7-е ноября в РФ отмечают последний раз».*

Горько, но точно.

6 ноября, суббота. Задумался, а почему бы мне не написать рассказ «Техника речи-2»? Впервые за многие месяцы я один-одинешенек, без каких-либо спутников, даже без собаки,

совершил путешествие из Обнинска в Москву и обратно. Кстати, бензин, который еще недавно стоил меньше десятки, стоит уже по 13 р. 80 к. за литр.

Сегодня исполняется сорок дней со дня смерти Виктора Сергеевича Розова, и я решил отметить сороковины именно в нашем институте, в кафе. Сороковины — Ник. Иванович Рыжков очень тактично назвал это поминальным обедом — начинались в 2 часа дня. В десять я сел в машину и поехал в Москву. Надо было еще дома переодеться.

Литинститут В. С. окончил, в нем же до самой смерти преподавал. В той самой столовой будем проводить поминки, в которой он обедал, когда был студентом, много раз. Инициаторами этих сороковин и организаторами стал, конечно, Клуб Н. И. Рыжкова и сам Н. И., человек он очень русский, а поэтому всегда считающий, что он кому-то должен, обязан. Он, кстати, вместе с женою Людмилой Сергеевной и был, и сказал свое слово, не укатил на дачу.

Народу было не очень много. Хирург Бокерия, видимо, лечащий врач В. С. или, может быть, он много раз его консультировал, священник отец Владимир, говоривший с такой непримиримостью и тотальной верой, в первую очередь, в свою непогрешимость, что стало страшновато. Не из бывших ли он секретарей райкома? Но вообще-то это тоже русский фанатический тип. Тем не менее я после его речи очень сильно задумался и о своей невоцерковленности. Но я-то уверен, что Господь милостив ко всем своим чадам. Я абсолютно уверен, что учение о рае и аде он придумал в назидание человечеству, как я грожу своим студентам, что выгоню их из института, а на самом деле только их стращаю. Господь возьмет к себе всех, но там все будут другими. Может быть, только каждый помучается перед этим душою, осознавая свою грешную и порочную жизнь.

С самого начала отец Владимир взял происходящее в свои властные руки: пропоем молитву «Отче наш», которую должен знать каждый христианин, потом пропоем «Вечную память». Потом произнес долгую нравоучительную и решительную речь о грехе и праведности. Но перед этим Ник. Иванович сказал несколько слов о том, что в полной мере покойного Виктора Сергеевича власть не оценила. Интересная и глубокая деталь: Ник. Иванович, хотя, я думаю, человек он верующий, не крестился прилюдно, так же как и Вишневская, но у нее, может быть, другие резоны. Он, я полагаю, думал так: негоже ему, как Ельцину, публично туда-сюда перебегать. Возможно. это было достойное поведение убежденных атеистов.

На этих поминках было несколько — я об этом позаботился

— наших институтских сотрудников: Инна Люциановна Вишневская, Екатерина Яковлевна Веселовская, Светлана Михайловна Молчанова. Все они тепло вспоминали Виктора Сергеевича, они проработали с ним по многу лет. Интереснее всех, сдержаннее и целеустремленнее говорила Екатерина Яковлевна. Умные эскапады Вишневской, по стилю на грани дозволенного, приперченные специфическим юмором, начали приедаться, а подчас производят разрушительное впечатление. Говорили о терпении, о его детской и невинной вере в лучшее в людях, о его умении положить предел даже собственным желаниям. Сильный, цельный и счастливый в семье и искусстве человек. Говорили также сын Сергей и дочь Татьяна.

Теперь о ремейке собственного рассказа. Как у меня построен предыдущий рассказ? Писатель, преподаватель Литинститута — дело происходит в самом начале перестройки — едет к себе на дачу, везет ящики с рассадой и по дороге подсаживает в машину попутчика или даже по очереди несколько попутчиков, не помню. Рассказ этого попутчика и одновременно мысли о том, как из этого материала можно сделать рассказ, теоретические размышления о творчестве — все это и составляет канву, фабулу и тему рассказа. Вот теперь, через двенадцать-пятнадцать лет, появляется материал к новому рассказу. Теперь уже на машине едет ректор.

Первый попутчик. Между путепроводом и деревней Сахарово есть воинская часть. С дороги видны ворота со звездой. Иногда возле автобусной остановки стоят родители, иногда солдат провожает приехавшую к нему девушку. Мне всегда интересно, я уже много раз говорил и писал, что для меня служба в армии была тем периодом времени, который в моей судьбе многое определил: знание людей, общение, знакомство с техникой и пр. Вот здесь-то на остановку мне и дал «отмашку» молодой, хорошо одетый человек. Уже в машине заметил: кольцо с цирконием на руке, на другой — золотой, правда, тонкий браслет, модные узконосые ботинки. Автобус уже ушел, он опаздывает, попросил довезти до следующей остановки, до Воронова, он там собирался пересаживаться. Я довез его до Москвы. Зовут Максим, командир роты, 25 лет. Начал его «разговаривать» еще и потому, что сейчас идет дембель, а мы часто берем к нам в институт на должности электриков, сантехников, просто рабочих демобилизованных солдат. Живет в общежитии, прилаживается, поступает в институт, женится или не приживается, едет на родину. В Москве на такую работу найти людей трудно, москвичи еще и не так добросовестны, как провинциалы. Уже от совершенно безвыходного положения мы и Витю, Толикова племянника,

взяли, и еще какого-то своего знакомого Толик привез из Сальска. В провинции, судя по рассказам, полная нищета и работы почти нет, а если есть, то деньги за все платят ничтожные.

Говорили с Максимом о его службе, о ребятах, которые приходят в армию. Каждую неделю какой-нибудь папа приезжает на джипе с просьбой отпустить в увольнение. О душевных разговорах: почему надо служить, а мне это по фигу, Родину пусть офицеры защищают. Сам Максим из семьи потомственных военных. Три месяца воевал в Чечне. Хочет поступить в Академию. Ему в армии нравится.

На въезде в Москву огромные пробки. Потом, когда после шести я уезжал из города, пробка была за Окружным мостом, гигантская очередь машин выстроилась, чтобы подъехать к полю супермаркетов: здесь расположены «Ашан», «Ikea» и какие-то другие огромные магазины. Ехал за покупками народ или на самое любимое свое развлечение — поглазеть «на вещи», на витрины.

На обратном пути льет дождь, на остановке возле Ватутинок стоит с протянутой рукой, голосует пацан. ***Это второй попутчик.*** Его, как ни странно, тоже зовут Максим. Это уже племя новых и молодых предпринимателей. Учится в 10-м классе, в вечерней школе — учиться надо, потому что собирается пойти в техникум — на повара, «это выгодная работа». Максиму 16 лет, у него девушка, и не одна, «с одной я не только целуюсь». Он прирабатывает на мойке и иногда там же, в автосервисе, сидит за прилавком в магазине с запасными деталями. Этот армянский автосервис я знаю, в прошлом году менял там ночью снегоочиститель. В неделю зарабатывает около 3 тысяч рублей. «Мамке даю и трачу на подруг». — «А чем ты вообще-то интересуешься?» — «Деньгами». Я всегда полагал, что подобный ответ — плод литературы, журналистики. Мне это трудно понять. Может быть, на более низких этажах жизни это вполне естественный ответ?

Ссадил этого Максима возле Пахры, как раз у сгоревшего в этом году летом магазина. Магазин стал немедленно отстраиваться, но уже в кирпичном, капитальном варианте. Вместо барака появилось крепкое двухэтажное строение. Я гадал: сожгли, сгорел или сам хозяин постарался? В оставшейся части барака тем не менее шла бойкая торговля. Я здесь всегда покупал себе субботний хуч. Кто бы мог подумать, что как раз сегодня я получу на все свои вопросы исчерпывающие ответы.

Возле Крестов опять человек с поднятой рукой. Я не очень, вопреки советам всезнающих обывателей, боюсь подвозить людей, в конце концов, судьба — это судьба, а я писатель, по

старомодной привычке реалиста я еще хочу получить какую-то информацию. Дождь, каждого человека в непогоду жалко. Тем более после поминального обеда я настроен на христианское размягчение. ***Третий попутчик.*** Ни с кого денег не беру, как, впрочем, всегда в таких случаях от денег отказываюсь. Раньше руку поднимали просто, не думая о деньгах: школьники, старухи. Теперь руку поднимают только те, у кого есть деньги. Человек, который сел ко мне в кабину, сразу достает 50 рублей, протягивает мне и спрашивает: «Шеф, хватит?» Бывалый, нынешние порядки знает. В этих случаях я стараюсь и сам не становиться в ложное положение, и людей в подобное положение не ставить. Я помню, когда работал в юности в «Комсомольской правде», то один раз не было курьера, и я сам поехал за статьей к Исаковскому. Это был уже старый человек, еле видевший, в толстых, тяжелых от линз очках. Он отдал мне статью и, видимо, подумав, что парень, приехавший к нему за статьей в кожаной куртке, шофер — сразу же мне сунул в ладонь три рубля. Я поблагодарил и, ничего не объясняя, деньги взял.

Моего нового попутчика звали Юра, он электрик, ставит в частных домах и современных новостройках новых капиталистов проводку. Я ведь и беру людей, чтобы с ними говорить. Ехал он со мной до Белоусова, это значит, минут сорок, время было. Сначала Юра рассказал о целом комплексе в Голохвастово, за строительством которого я наблюдал. Я думал, что какой-нибудь предприниматель строит трехэтажную гостиницу. Оказалось, что это тот же владелец сгоревшего магазина. Он строит магазин и попутно еще себе усадьбу. Здесь три этажа, будет жить всей семьей, на втором этаже чуть ли не пять спален, для детей с женами и пр. На третьем этаже будет бильярдная и библиотека. Как библиотека, он разве книги читает? Ну, кабинет, что ли! Потом Юра мне рассказал о том, как люди строят с украинцами, молдаванами, казахами и прочими бывшими нашими соотечественниками, которым можно платить меньше. О бассейнах, о том, кому принадлежит ресторан «Калужская застава», тоже очень хорошенькая новостроечка по пути, как подрядчики надувают простых работников, и прочее и прочее. Самое любопытное, что он сам жизнью доволен, даже восхищается своей предпринимательской жилкой, а богатые — это другой сорт людей, вроде бы как раньше были партийные работники.

Приехал на дачу в девятом часу.

7 ноября, воскресенье. Все те же известия из Парижа о состоянии здоровья Арафата. Идут рассуждения, когда и по чьему желанию остановят приборы жизнеобеспечения. О политическом

и финансовом наследовании. О завещании Арафата похоронить его на Храмовой горе в Иерусалиме возле мечети Омара. Израиль по политическим мотивам на это согласиться не может. Рассуждения о том, обратима ли кома или нет. Открывал ли больной глаза или не открывал. Все это кажется мне страшно оскорбительным и бесчеловечным. Вечером из Парижа Шоммер сообщил, что завтра на военном медицинском самолете Арафата перевезут или в Каир, или в Оман.

Весь день читал, приводил в порядок дневник, читал английский, а в перерыве строгал, сгребал листья, прибивал в маленькой комнате возле гаража обрамления окон.

Вечером смотрел НТВ, демонстрация коммунистов, демонстрация «Идущих вместе», показывают старые лица. Уже недели две обсуждают о замене праздничного дня 7 ноября на другой праздничный день, 4 ноября, как день освобождения России от Смуты, от польской интервенции. Все это гуманитарное безобразие: 7 ноября — величайшая в России дата, изменившая ее путь. Я хотел бы посмотреть Францию, отменившую День взятия Бастилии. Вот так потихонечку и стирается историческая память. В истории все надо беречь, все памятники и все даты.

Взахлеб читаю книгу И. Д. — в чем ее особенность? Здесь много еврейских подробностей, много подробностей из жизни эмиграции, но есть еще какой-то особый остаток, заставляющий книгу буквально глотать. Есть даже секс, и очень много.

9 ноября, вторник. Как и решил еще в начале года, хожу по чужим семинарам, приходится делать то, чего не сделала в свое время Г. И. Седых, занимаюсь ревизией. Бог с ней, все уже произошло. Уже был у Рекемчука, потом на совместном поэтическом семинаре у Ал. Михайлова, теперь пришел на драматургию к И. Л. Вишневской. Но ничего нового не произошло: нарвался опять на пьесу Саши Демахина, с творчеством которого я немножко знаком. Он начал с некоего предисловия. Оказалось, что у него заранее были условия для написания пьесы: два близнеца лет по сорок — пятьдесят, единство места, молодая женщина и старая. (В каком-то театре вроде бы действуют близнецы именно того возраста.) Очень занятное сочинение, вдобавок ко всему Демахин прекрасно, в темпе читает. Веселый диалог, но сразу же возникают угадываемые ситуации. Сразу же возникает кровосмешение. Комикование перекрывает трагизм сцены. Как же замечательно и легко пишет Саша свои диалоги! Постепенно все превращается в легкий и пошловатый скетч. Что-то даже появляется непристойное в комиковании очень взрослых людей. И другое: холодный, жадный и уверенный прагматизм самого Демахина.

Дальше — больше: все небрежнее, беспринципнее, все ближе к водевилю положений. Беда — почти нет характеров, кроме, может быть, молодежи, мальчика и девочки, а у более дряхлых людей непристойное комикование снова и снова. Пожилые близнецы, расставшиеся в юности, их дети, которые оказались вместе, может быть, в одной постели, и бездарная мать сына, естественно, два дома — богатый и бедный, через дорогу.

Во время чтения усталое лицо И. Л., рука в перстнях подпирает голову. Мне кажется, иногда она засыпает.

Слушаю дальше. Диалоги, монологи, небольшой лексикон, но много, много слов. Как бы уже диалоги по поводу. Но что хорошо, все же весело, и Демахин, сукин сын, держит каждую сцену. Правда, интересно: Катя и Вадим по законам жанра не должны все же оказаться двоюродными братом и сестрой. Началась такая сложная генеалогия, смешанная с гинекологией. Но все же оказалось, что они не спали, а — брат и сестра. Но новый поворот винта — и все оказывается лишь большой фреской нравов.

После перерыва началось обсуждение. Вспомнили Аристотеля, который говорил, что начинающие авторы больше интересуются характерами, а опытные — сюжетом. Надо бы принять во внимание. В пьесах я определенно не самый опытный автор. Один из ребят (Гоша): наши комедии (русские) должны быть грустнее. Коровкин (реплика): тусовочная драматургия. В ответ на другую реплику Гоши о пьесах, которые пишутся с прицелом на тусовочную группу, Саша Коровкин сделал ряд замечаний с позиции бывшего актера. Говорил о «нулевом акте», и пр. и пр. Очень интересно.

У меня на семинаре обсуждали Вадима Керамова, ребята почему-то его совершенно не приняли. Единым блоком я и Паша Быков отбивали от наших молодых снобов дагестанского милиционера. В керамовских текстах меня смущает только одно: я их прочел еще в прошлый вторник, они показались мне эмоциональными, с хорошо закрученными внутренними маленькими сюжетами, а когда пришел в аудиторию, выяснилось, что тексты забылись.

В Черкесске случилось невероятное. Писал ли я, что еще раньше там разразился скандал? Зять президента, глава крупной компании по производству цемента, пригласил к себе на дачу семерых своих компаньонов-акционеров. Среди них — люди все молодые — один парень был даже депутатом республиканского законодательного собрания. Что-то, видимо, зять президента хотел от своих гостей. Заглядывая вперед, я полагаю, что речь шла о каком-то новом акционировании, вернее, изъятии собственности. Возникает, конечно, первый вопрос: какая

невероятно удачная семья, тесть президент, а зять — глава компании; когда же успели так разбогатеть, и все, наверное, благодаря собственным талантам? Что там на этой сходке шло, было неизвестно, но закончилось все тем, что семеро молодых людей приехавших на сходку, пропали. Люди, жившие в окрестностях, слышали выстрелы, видели какую-то суету машин.

Родственники пропавших, видимо, не самых последних людей в республике, как водится, обратились в милицию. Милиция заехала на дачу зятя президента республики и, естественно, не нашла ничего тревожного. Здесь надо еще знать местную милицию с ее холуйским чинопочитанием. Тогда эти же самые родственники устроили свое собственное расследование и довольно быстро наткнулись на следы преступления. Новые все же времена и кое-чего, как рассчитывалось, скрыть не удалось. Родственники, как позже выяснится, зверски убитых охраной дачи людей, потребовали ответа у президента. Пока собрали митинг на площади перед администрацией. Здесь ведь все свои, все родственники, можно представить себе, сколько было родни у этих семерых.

Митинг власти, конечно, обеспокоил. Президент в спокойной и раздумчивой манере первого секретаря обкома объяснил всем. что его дочь со своим мужем фактически, дескать, уже не живет, а вот теперь подала на развод. Можно опять представить, сколь быстро в этом мире родства и блата этот развод полетел. Моя хата с краю, тесть за зятя не отвечает. Но народ, наверное, лучше знает и степени родства, и дружеского и семейного участия в семье президента.

Тем временем нашелся и был арестован зять. Потом в квартире земляка и родственника петербургского милиционера были арестованы двое тех самых охранников с дачи зятя президента. Как все же быстро перемещались по стране люди зятя президента! Они показали заброшенную шахту, место, куда, предварительно немножко подпалив и закидав горящими покрышками и камнями, были сброшены трупы молодых предпринимателей. Общественность, конечно, взвыла. Народ понял, что если сейчас, в минуту возмущения и гнева, не сковырнет эту власть, то она и дальше будет ехать на его шее.

Потом, конечно, случились вещи противоправные. Но кто только объяснит мне, как же в этом случае поступать по праву? Ждать указания из центра, надеяться на вертикаль, слушать своего местного президента о разводе его дочери или писать президенту в Москву. Народ штурмом взял здание администрации, штурмом прорвался в кабинет президента, переворошил там все бумаги — в основном это были женщины,

надо полагать, матери, сестры и жены убитых на даче зятя президента, — и не собираются покидать этот кабинет, пока президент не подаст в отставку. С каким оглушительным смаком телевидение показало это! В этот момент я телевидению простил все.

10 ноября, среда. С утра был на экзаменах в аспирантуру. Урожай не очень большой, но самое главное — экзамен стал гласным: вся наша комиссия довольно дружно работала. Правда, когда пошла явно с наводки Ирины Георгиевны студентка из Педагогического университета, плоховато отвечала, а я еще посмел ей задавать вопросы, то Ю. И. Минералов, естественно, принялся за старую песню: ректор пришел на экзамен уставший, у него плохое настроение и пр. Но все это для меня привычное, Ю. И. нервничает, до выбора ректора осталось полтора года, и ему очень хочется — так, кажется, все близко, досягаемо, а внутреннее чувство жжет: не достану…

Поставили две пятерки, очень хорошо отвечали, в первую очередь, наши: Федорова, которая работала у нас лаборанткой, и заочник с красным дипломом, военный, политкомиссар, как мы его прозываем, Роман Кожухаров. Знания у парня глубокие, настоящие, помнит не абзацы и цитаты, а пережитую им самим литературную ситуацию.

В. П. подготовил сборник по конференции Заболоцкого и очень этим гордится. Я по опыту знаю, что сделал, значит, хорошо.

Доблестные матери и жены убитых в Черкесске из кабинета президента так и не уходят. Забыл написать вчера, что президент во время штурма его резиденции не поступил, как Альенде, при штурме дворца Ла Монеда, он смотался из своего «дворца» через заднюю дверь, как прислуга. На беседу с мятежниками прибыл полпред Козак и озвучил единственное мнение, с которым может выступить власть: никакие неконституционные методы в борьбе за свои права не пройдут. С точки зрения власти — абсолютно верно, с точки зрения людей, над которыми власть издевается, — сомнительно. Этот случай показателен: с одной стороны, коррупция дошла до своих пределов, с другой — народ доведен до ручки. Черкесский случай, боюсь, покажет простому народу, которому терять нечего, потому что и цепей-то у него нет, — покажет народу путь.

Вечером долго читал книгу Тани Земсковой «Останкинская старуха». С Таней мы долго вместе сотрудничали, вели «Книжный двор». Это моя тусовка: литература, проблемы, близкие мне, многих людей я знаю. Есть страницы, где показано, как складывалось в далекие девяностые мнение — и общественное, и

так называемое демократическое мнение. Мне-то это хорошо известно на собственной шкуре. Но, кроме страниц, посвященных мне, есть еще и мой во всю страницу портрет.

«Так что же происходило в эти августовские дни? ***— Это, кажется, те самые роковые и знаменитые августовские дни (С. Е.)***Был Литературный институт, где по-прежнему ректором — Сергей Есин, у которого я собиралась взять интервью для какой-то газеты.

Когда ехала на Тверской бульвар, удивлялась, что Литературный институт еще существует в Москве, и немало молодых людей стремятся в него поступить и стать впоследствии писателями.

— Институт развивается по некоей магической инерции. Может быть, и вопреки времени, — развеял мои сомнения Есин. — Сейчас у нас учится много ребят из провинции. Не из крупных городов, таких как Новосибирск, а из таких как Вологда и подобных. Все повторяется. Беда этого института только в одном — слишком много талантливых ребят.

Есин задумался и после паузы произнес:

— Знаете, тоска по жречеству, которое называется писательством, существует независимо ни от чего.

Потом Есин рассказывал, что продолжает писать роман о Ленине и собирается опубликовать дневники за 1999 год. Во время разговора дверь ректорского кабинета то и дело открывалась: заходили преподаватели, студенты, беспрерывно звонил телефон. Делам и заботам не было конца.

— А кем вы мечтали стать в детстве? — спросила я, когда Есин кончил какой-то хозяйственный разговор.

— Только писателем, — не раздумывая, ответил ректор. — И твердо знал, что стану писателем. Я первый человек в моей семье с высшим образованием, хотя отец мой был заместителем военного прокурора Москвы. Но у него не было законченного высшего образования, только юридическая школа. У меня вся семья была репрессирована: дед, отец и дядья. Отец просидел лет десять, у него была знаменитая 58-я статья — антисоветская пропаганда.

Я удивилась:

— Имея такую биографию, вы могли бы стать диссидентом…

— Родители мои — из крестьян. И при всем том я прекрасно понимал, кто мне дал образование, кто мне дал будущее. Советская власть, и больше никто. Мы нормально учились, у нас были хорошие учителя. Я окончил университет. Но я точно знаю, что при советской власти ректором Литературного института я никогда бы не стал, потому что им стал кто-нибудь из любимцев

ЦК КПСС, кто-нибудь из сегодняшних демократов…

Есин опять отвлекся, а в моей памяти закрутился телевизионный сюжет: «Книжный двор» снимается в Ялте, собираемся поехать к домику Чехова. Ждем машину. У входа в гостиницу встречаю актера Евгения Весника, спрашиваю, не хотел бы он прочитать что-нибудь из Чехова для нашей программы? Весник молчит несколько секунд, потом спрашивает:

— Ведущий вашей программы — писатель Есин?

— Ну да, — отвечаю я. — Вы только что его видели.

Весник опять делает паузу, потом произносит медленным скучным голосом:

— Так он же красно-коричневый.

Я аж присела от неожиданности:

— Откуда вы это взяли? Прекрасный прозаик, ректор Литературного института, абсолютно независимый человек…

Весник посмотрел на меня с сомнением и читать Чехова отказался.

— Вот поэтому ваше начальство и вяжется к «Книжному двору», — сказал Есин, когда я рассказала ему этот эпизод. — Дело не в заставках, не в костюмах, не в рейтингах. Дело в ярлыках…

С тех пор прошло шесть лет. Есин похудел и осунулся. Выглядел замотанным и бледным, уж никак не красным и совсем не коричневым. При всем при том вовсе не потерял доброжелательного вида и веселого искрометного нрава.

— Не скучаете по работе на телевидении? — спросила я под конец.

— Сейчас телевидение другое, — ответил Есин. — Оно стало безумно болтливым и каким-то досадным. И, конечно, приобрело наркотическое действие. На меня это еще пока не действует. Сейчас все привыкли переключать каналы. Однажды я тоже стал это делать и обнаружил, что в один момент на всех каналах крутилась реклама. Это ужасно. Вообще создается впечатление, что наше телевидение работает в Африке».

Вот такая, значит, была картиночка. Чего бы я о себе ни говорил и как бы ни красовался, существует некое зеркало.

11 ноября, четверг. Объявили, наконец, итоги выборов на Украине. Я из чувства личного консерватизма предпочитаю называть Санкт-Петербург Ленинградом, а Украина у меня всегда возле края России, а не в некой стране «в», как сейчас принято. Янукович отстает от Ющенко на пол-процента. Передали также, что В. В. Путин опять собирается на Украину. Это сильный поступок. Это означает не только поддержку действующего, прорусски настроенного премьера, но и как бы некое

символическое предупреждение: если уж слишком сильно начнут зажимать области Украины, практически всегда тяготевшие к России и с русским населением, это Донбасс, Харьковщина, то….

Заседание РАО, Пахмутова.

Умер Арафат.

12 ноября, пятница. Показали похороны Арафата в Палестине. Море народа, выстрелы из автоматов, сметенные народом силы национальной гвардии.

Аккомпанементом Черкесску послужили события в Сухуми. Там возникшая после выборов президента оппозиция тоже захватила дом администрации, кажется, это помещение, где работает премьер-министр.

13 ноября, суббота. Утром все же закончил «Марбург». Еще много доделок, не вполне прописанные сцены, но фреска, ее рисунок, закончена. Я проснулся часов около семи и, лежа как обычно, принялся заканчивать последнюю сцену с Серафимой. Уже давно я не писал так свободно, особенно не раздумывая, много импровизируя. Возникло какое-то новое ощущение письма. Может быть, так раскованно и пишут наши литературные счастливцы? Чувствую, что с первым окончанием этой работы я получил какое-то новое знание.

На даче замечательно, трава вся истлела, листья я собрал. Небо такое мрачное и хмурое, но небеса еще грозно молчат. Помню, как в самом начале строительства дачи седьмого сентября уже шел снег. Помню, как один раз был на даче с ныне покойным Валерой Юдиным в такую же погоду уехали. Сегодня мне тоже кажется, что снег того и гляди выпадет. Выпадет сразу много и сильно, не пощадит никого. И тем не менее с дачи так не хочется ехать. Но сегодня в 5 вечера в ЦДЛ состоится юбилейный вечер Юры Полякова. Ему 50 лет.

Вечер прошел интересно, было много трогательных деталей и поздравлений. Я, кстати, выступал одним из первых и как раз сослался на то, что дача, — перед этим Поляков говорил, представляя Дементьева, который и вел вечер, что он его сосед по даче, по Переделкину, — на это я и сослался, моя дача на 100 километров дальше, и мне пришлось приехать на этот праздник, проделав эти сто километров за рулем. Но все по порядку.

Я забыл пригласительные билеты и сел на первое попавшееся место ближе к концу зала. Но оказалось, что места эти или проданы, или на них просто раздавали билет с нумерованными креслами, и пришлось идти вперед. Не очень я хотел садиться на первый ряд, но других мест не было, и вдобавок здесь сидели все мои знакомые. В общем, я впервые сидел в ЦДЛ на первом ряду. Здесь сидели Юрий Иванович Бундин, Владимир Константинович

Егоров, а потом оказалось, что с другой стороны сидит и третий ректор Литинститута Е. Ю. Сидоров. Как хорошо с первого ряда видно и слышно всю процедуру. Но только одну подробность.

На креслах, всех без исключения, лежало по номеру специально выпущенной к этому дню «Литературки»: это для внутреннего пользования газета. Здесь разные поздравления — от Михалкова и Дорониной до Зульфикарова и Ширвиндта. Здесь же много фотографий. И Поляков маленький, с игрушками и разными зайчиками, и Поляков в армии, в солдатской гимнастерке, но уже с университетским «поплавком», до фотографий с разными деятелями литературы. С особым умилением я воспринял две фотографии: Юра и Анатолий Алексин (вспомнил его, Алексина, сладкий и нежный стиль общения), и Попцов (наш милый красный комиссар, так энергично переметнувшийся к белым). В этом же номере газеты есть и мое маленькое приветствие, которое я написал несколько дней назад. Вот на этом-то номере я и записал ручкой, взятой у В. К. Егорова, несколько фраз. Пьянов, бывший отв. секр. «Юности», совсем не изменился: «Не только был в комсомоле, но и в одном бюро райкома вместе с М. Е. Швыдким». В. Костров в новом красивом костюме: «Ваше поведение соответствует званию русского писателя». В. К. Егоров говорит о сегодняшнем взлете газеты и о судьбе писателя: «Если не получится дальше, идите к нам в академию, и мы выучим на чиновника». Ю. И. Бундин — он впервые вышел на сцену ЦДЛ, прочел адрес, поднес подарок, громко и хорошо сказал о Юре, как о верном друге. Сам Поляков вел себя удивительно тактично, с долей отваги и самоиронии. У него действительно выдающийся ум и есть харизма. Все это он принимал с очень милым смущением и неоднократно говорил, как тяжело терпеть это славословие. Показали несколько фрагментов из новых, видимо, фильмов, снятых по его книгам. Все это очень густая и выдержанная в хорошей злости сатира: «Козленок в молоке», которого два года каналы не дают: «фильм осмеивает либеральные ценности», но, кажется, пойдет после 20-го ноября. Время-то все же подвинулось.

Я тоже сказал небольшую речь. Леня Колпаков отметил, что говорил хорошо. Сказал, что не люблю и боюсь писателей, что в конце концов писателей, и даже хороших, много, но вот писателей с линией, с сердцем — таких писателей единицы, вспомнил позицию Полякова и в 91-м, и в 93-м. Записал я один фрагмент и реплики самого Полякова. На сцене кто-то сказал, что Поляков и сам разрушал комсомол. Ю. М. здесь восстал: он очень высоко ценит эту организацию, поддерживаемую государством, как нужную и необходимую, у него нет ни одной фразы о

разрушении комсомола как целого. Дальше запись: «Надо честно относиться к своему прошлому. Вот знаменитый певец и композитор, который сосал комсомол так, что за ушами трещало, теперь рассказывает басни, как в комсомоле его травили и чуть ли не ставили к стенке». Из зала: «Кто?» Поляков: «В моих сочинениях этот прототип носит имя Комаревич». Зал грохнул. Я тоже догадался, кто, сидим мы с этим самым Комаревичем в одном правлении одной общественной организации.

Трогательно говорили девушки-соученицы по Пединституту. Сейчас им тоже по пятьдесят. Одна из них была наша, Люда Шустрова, в прелестном оранжевом туалете.

Состоялся фуршет, писатели ели с большим энтузиазмом.

В вестибюле при разъезде встретил Веру Сидорову и Аню Кугач, жену А. Дементьева. Многим эти мужья — Сидоров и Дементьев — обязаны своим женам. Женя носит шарф поверх пальто и поэтому похож на деятеля искусства.

14 ноября, воскресенье. Заезжал на работу, подписал некоторые документы: конвейер не должен останавливаться ни на минуту. Завтра утром мне к десяти часам надо ехать к книголюбам, процесс должен идти, несмотря ни на что. Шоу продолжается.

Оказывается, не только «Литературка» посвятила вчерашнему юбилею Полякова свои страницы. Газета бывшего телевизионного кумира Евг. Киселева «Итоги» подготовила статью Александра Агеева. Ничего особенного этой в статье нет, и Полякову не стоит по этому поводу расстраиваться. Но хамский сам тон. Впрочем, последнее больше говорит об ангажированности автора и неумении его справиться с литературоведческой данностью, нежели о самом герое статьи. «И вот на этой самой волне всенародного желания понять, что же это за страна такая, в которой мы живем, Поляков, как некий серфингист, прокатился к нынешней известности… А Поляков был эдакий молодой наглец, ему ничего не мешало, а главное, хотелось всего сразу и без очереди… Это он разоблачал и тайно прогнивший советский строй, пока это было ему выгодно». Так же хамски вся статья и кончается: «Сорняк чисто… культурного растения, которое так и не проросло в газете, и лишь букетик этого сорняка вполне уместно преподнести Юрию Михайловичу в день его рождения». Это наш буржуазный критик Агеев говорит о работе Ю. Полякова в «Литературной газете», газете, которую до Полякова уже лет десять никто не читал.

В. С. со своею блестящей памятью вдруг вспомнила, что еще месяц назад звонили из Театра Гоголя и звали на «Марлен». Пьеса о двух женщинах, которыми у нас в России всегда очень

интересовались и о которых много знаем — Лени Рифеншталь и Марлен Дитрих. Две звезды мирового класса: актриса-кумир, сводившая с ума весь мир, и любимица Третьего рейха, режиссер-документалист класса Эйзенштейна. Ее фильм о Мюнхенской Олимпиаде стал классикой. Ее фильм о съезде фашистской партии — «Триумф воли» — по изобразительным средствам и выразительности тоже стал классикой. Редкий спектакль — идет лишь раз в месяц, сразу маленькой серией в два вечера. Всего две актрисы: московская Светлана Брагарник и ленинградка Светлана Крючкова. Позвонили, поехали, взяли с собой еще и С. П. Буквально оттащили его от письменного стола: суббота и воскресенье у него подготовка к лекции. Мне это в помощь: пропуск, В. С., у которой мало и сил и терпения, машина, гардероб. Честно говоря, я не думал, что В. С. вынесет весь спектакль, обычно, когда мы вместе, она уезжает после первого акта, но тут я все предварительно разузнал: пьеса в одном акте, идет полтора часа.

Недаром совсем недавно мы говорили с Федоровой относительно того, как крепко в смысле успеха и известности зажат Сергей Яшин, а ведь крупный режиссер, со своей стилистикой и объемом. Все это определилось и сейчас: замечательный, крепко сколоченный спектакль.

Вообще-то все поначалу непривычно. И полноватая Рифеншталь, и не очень привычная Дитрих. Все разворачивается в парижской квартире Дитрих, на излете жизни обеих, куда Рифеншталь пробралась с предложением сделать новый фильм. Фильм, который обеих снова поставит к свету мировой рампы. Но все это, естественно, фантазия. Действие происходит чуть ли не в день смерти Дитрих, которая, постарев, стала бояться публики. Стала скрывать свое старое лицо бывшего кумира. Им есть что сказать друг другу. Но так ли уж сильно развела их идеология? Развели обстоятельства жизни. Есть несколько опорных фраз. У Рифеншталь: «Я была самым могущественным человеком в 1938 году в немецкой киноиндустрии — куда я могла из Германии от этого поехать?» И с другой стороны: «Разве я виновата, что жила в этом ужасном XX веке?» Все это о выборе пути, о выборе, который часто делает не наша воля, а наши обстоятельства и биография.

Весь спектакль зудило, что хочется написать о Брагарник, об этом спектакле, о Яшине, о Гущине, о театре. Как много этот спектакль оживил всего в памяти! Написать бы большой красивый и умный материал — эссе на полосу. В свое время как хорошо мы работали с В. С., когда я диктовал, а она все время подкидывала мне что-то и записывала. Куда все это делось? Сил у нее все меньше и меньше. Но я знал, что это месяц или полтора месяца

работы, если писать все без диктовки. В самом начале спектакля В. С. подремала у меня на плече, а потом оправилась.

15 ноября, понедельник. Как и предполагалось, бои в Эльфалудже не закончились. Всё время показывают пожары и взрывы: выкуривают «боевиков», а попутно разрушаются дома и быт, который налаживается годами, а ломается мгновенно. Похоже, это уже не усмирение непокорных, а гражданская война, потому что американская энергия разделила страну на две части.

У нас в стране, терпеливой и всепрощающей, все затихло, молодежь еще пьет пиво, а пожилые подсчитывают, получат ли они что-либо от отмены льгот. Телевидение все время показывает рассуждающих старух, которые, подбодренные вниманием телевидения, угодливо объясняют, что лекарств бесплатных они получать не могут, а вот 500 рублей им пригодятся, они и лекарство могут купить, и кое-что из еды, и даже раз в месяц купят что-нибудь из одежды. Но вот о том, что огромное количество старых людей ограблено и практически разрушены их надежды — об этом ни слова. Никак не могу дозвониться до Л.К. Слиски, которая обещала прийти к нам в институт. С каким бы воодушевлением я спросил у нее: когда парламент голосует за прибавки в двадцать-тридцать процентов к пенсии, сознает ли парламент, о каких нищенских копейках идет речь?

У меня в душе тоже какой-то раздрай. Ощущение, что я ожирел, обуржуазился и уже с позиции сытого принялся все рассматривать. Уже почти нет никаких революционных идей по институту, по собственному — простите, не люблю этого слова особенно по отношению к себе — творчеству.

Вечером вусмерть разругался с В.С. Тезис в любых наших ссорах всегда один: отношение к людям, умение им прощать, понимать их собственные возможности и проблемы. Не все нам должны, не мир крутится вокруг нас, а мы одно из мгновений этого мира. Каждый человек — это галактика, и по его орбитам тоже летят огненные метеориты. Вот по этому поводу, хотя повод был весьма конкретный — Дима Слетков, который три недели назад, когда я был в отпуске, не погулял с собакой. Этого ему В.С. простить не может, но и не хочет никаких человеческих объяснений.

Естественно, как всегда, разошлись до крика, до слов «ненавижу» и «буду жить один», до замечательных и много раз произносимых слов «развод». Ночью пил валидол, но вечером, чтобы не усугублять свою рефлексию, я в мрачном состоянии духа принялся смотреть «Возвращение» Андрея Звягинцева, который получил премию в Каннах и который давно лежал у меня, но все не было настроения, чтобы посмотреть. Кстати, наша

завистливая интеллигенция фильм не любит. И понять ее можно: смотреть, влезть и страдать вместе с героями трудно! Какой замечательный фильм! Отец — уголовник, бывший военный, — возвращается в семью. Здесь двое мальчишек, десяти и тринадцати лет. Ревность, сопротивление, тяжесть жизни, «чтобы мои дети были сильные и выносливые, как я», тяжелая медленная стилистика подтекстов, ни одной красивости, ни одной развлекательной паузы — мир сегодня жесткий и не сентиментальный. Любовь и признанье, быть может, мы получаем, только заплатив за них своей жизнью.

16 ноября, вторник. Напрягся, сам погулял с собакой, сделал зарядку. Утром хотел пойти на семинар Е. Рейна, но в Москве были такие пробки, что запоздал к десяти, а потом обсудили с Е.Ю. Сидоровым вечер Полякова, и когда я поднялся по лестнице на кафедру творчества, то как раз увидел, что по другой лестнице в 11.15 уходит Е. Рейн, уже все быстренько закончил. Но здесь счастливо подвернулся И. Ляпин, и я отправился к нему.

У Игоря уже 4-й курс. Студенты у него не очень разговорчивые. Стихи о природе и лете, написанные так, будто девочке лет сорок. Вряд ли это будет выдающийся поэт, но она уже сейчас работает корректором и редактором. Значит, как минимум будет хороший редактор. Ищет истоки, «не видит лица родного». Не универсалия, а частые сравнения и сюжеты. Пошел стиль неточной и приблизительной медитации, которая всегда производит некоторое ложное впечатление: будто бы за этим что-нибудь стоит. Впрочем, девочки на семинаре все хороши — все говорят о длиннотах, о традиционном для наших студентов унынии. Поток рифм и строф, может быть, и хорош, но где одно стихотворенье?

Игорь Ляпин точно говорит о необходимости вносить в поэзию элемент сугубо личного, если даже хотите, — судьбы. Я, естественно, тоже ввязался и поговорил на свою старую тему: не копайте литературу, копайте в первую очередь себя.

Следующим читал Олег Павлов, еще один О. Павлов, который живет в Норильске и говорит, что не занимается политикой. Стихи у него современные, политизированные, острые и очень ясные.

Мой собственный семинар посвящен рассказам В.Чуркина. Пишет Вадим удивительно прозрачно и точно. Именно те детали, какие надо, и с той силой выразительности, какая следует. Как обычно, опросил почти весь семинар. Провел летучее «голосование»: «хорошо», «средне», «плохо». Показал, вернее, вместе выяснили силу деталей — они-то как раз помнятся. Что меня в рассказах Вадика смущает: он маргинал и из своего

подпола вылезать не хочет. Где-то здесь он похож на многих современных писателей: даже никакой попытки приподнять повествование он не предпринимает. Рассказы интересны даже не главным героем, в большинстве случаев это Вадик: Вадик играет в компьютерную игру, Вадик варит курицу, Вадик трахается, а в это время у него болит зуб, интересен фон, мелькание современных типов, точные детали. За десять минут до окончания рабочего дня парень садится на велосипед и ровно в четыре оказывается возле часов проходной: и точно, и не придерешься, и себя не обидел. Очень смутило меня, что мои ребята плохо читают повседневные реалии жизни. Например, никто не знал, для чего везут вагоны со щепой — варить целлюлозу.

Долго, как духовная антитеза времени со стороны другого искусства, рассказывал о фильме Андрея Звягинцева, который посмотрел вчера вечером. Здесь и новый характер, и духовный подъем. Это не просто фильм. Что бы наши снобы-кинематографисты ни говорили — успех в Каннах — это не ошибка.

Вечером из почтового ящика достал «Труд» со статьей Любови Лебединой «Табаков «обтартюфился». Заголовок говорит сам за себя, хотя и грубоват, как «обос…ся». Значит, не только я люблю и высоко ценю русский национальный театр, с его движением характеров и уточнением каждый раз смысла. Лебедина вспоминает и о знаменитом спектакле с Любшиным и Вертинской двадцатилетней давности. Теперь цитата, в которой смысл статьи, этими словами статья, впрочем, и заканчивается: «МХАТ имени Чехова снял из своего названия слово «академический», но если в дальнейшем в нем будут ставиться спектакли, подобные нынешнему «Тартюфу», то придется, может быть, подумать и о снятии слова «художественный»».

17 ноября, среда. Боря Тихоненко, кажется, с увлечением возится с моим романом, каждый раз совершая нечто большее, чем обычный редактор. Звонил ему вчера, он получил последнюю главу и повеселел, потому что мой замысел для него стал яснее. Я со своей стороны тоже думаю о некоторых обострениях именно в тех самых точках, которые уже написал. Но роман от меня отодвигается.

Вечером же собрался в дорогу, на этот раз никаких вещей, лечу в одном костюме, сборы минимальные, но спал плохо, проснулся в шесть, зарядку за много недель впервые не сделал, пошел гулять с собакой. На улице наконец-то холодно, лужи затянуты льдом, кое-где наметает снег.

Отвозил в аэропорт Толик, в Домодедово всё знакомо, даже процедура досмотра раздевания, вплоть до снятия брючного

ремня. Я так увлекся этим, что забыл свой саквояж. Потом парень-охранник за ним сходил — не пропал. За мной нужен глаз да глаз. Но, с другой стороны, у меня в голове: институт, дневник, роман, две дачи, вчерашний звонок Васи Калинина, который переезжает в Москву, В.С., собака, коллегия министерства во вторник и пр. и пр. Но что же тогда в головах у тех, кто никогда и ничего не забывает?

Интересную сцену наблюдал на регистрации: азербайджанец, летевший из Москвы в Баку с семьей, сдал вещей на 130 кг. И очень не хотел платить за те 13, которые он же на пересадке добавил в Москве. Столько сначала было крику, но наши большие мощные тетки энергично его успокоили. Заплатил как миленький.

Следующие строки начнут опровергать предыдущие: внутреннюю недоброжелательность к азербайджанцам. Кстати, и парень, который «успокоился как миленький», был какой-то для Москвы нетипичный. Высокий, европеизированный, со вполне европеизированным семейством, без деревенской наглой, пузом и расхристанной грудью вперед, походки. Слова расставляю не случайно. Потом в автобусе, который вёз пассажиров к самолету, — час в накопителе я писал дневник, — его маленький сын, черноглазая кроха, сидел у меня на коленях, а его рядышком же сидевшая с другим сыном мать сказала, что семейство едет из Норильска. Ясно, что семьей они туда ездили не торговать апельсинами.

В общем, я уже прилетел в Баку к другим, не московским азербайджанцам. Я потом спросил у своих бакинских знакомых: «Откуда московские-то берутся? Из деревень, беженцы. Около миллиона человек из восьми миллионов республики — это беженцы из Карабаха и из районов, примыкающих к Карабаху. Здесь, в Карабахе, и армяне особенно не живут, не стремятся захватить земли, с которых ушли коренные жители. Опыт Израиля показал, что «поселенцев» могут «попросить» и через 26 лет колонизации. Причем попросить может собственное правительство.

Встретила меня через VIP— зал Зарифа Салахова. В дальнейшем я буду говорить о ней много. Замечательная женщина, с редкой и счастливой прозорливостью — семья, культура, учеба в Москве. Речь, конечно, дальше пойдет о ее знаменитом Музее миниатюрной книги, расположенном в самом центре Баку, стена к стене с итальянским посольством. Говорили о доме: дескать, построен в центре, о его стоимости, о связях, которые были использованы при выборе и получении места. Но какой получился замечательный музей. Его надо было придумать,

двадцать лет собирать коллекцию, для начала строительства продать квартиру дочери и по уши залезть в долг к банку под 30 % годовых. Не описываю ни интерьера нижнего зала, ни прекрасных витрин, ни саму экспозицию — 4,5 тысячи книг: от книг XIX века до сегодняшних серий. Сочинения Пушкина, Гете, современные книги, сборники документов. Полиграфическое искусство, курьез? Но и еще понимание — как мало мы знаем и прочли из того, что есть и написано. Миниатюрные книги из Молдавии, Прибалтики — это ведь карта бывшего Союза. И здесь же крошечные книжки с политическими документами. Забыть ничего не удается: ни Ленина, ни Сталина. Их имена намертво впечатаны не только в историю, но и в культуру. Все это в сознании любого посетителя, вход бесплатный.

Теперь Баку. Я был здесь тридцать лет назад: город изменился, или я ничего не видел? Огромный, еще зеленый, чистый и по размаху столичный город. Прошлись по узким улочкам старого, еще в крепостных стенах, города; глупая в своих частностях и невежливая в своих деятелях советская власть могла бы здесь разрушить и больше.

Горящие факелы во дворе, оркестр национальных инструментов, играющий из «Крестного отца», кабинеты, бывшие каменные клетушки купцов. Ужинали в центре, в бывшем караван-сарае. Блинчики с мясом, с зеленью и с тыквой. Люля-кебаб, шашлык на бараньих ребрышках, всё тает во рту. Потом еще раз прошлись по центру. Людно, порядок, молодежь, хорошие лица. Развалы: серебро, ложки, вилки — это продают пенсионеры, ордена («Слава» — 12 долларов), матрешки: Путин, Буш, Бен-Ладен. Дети катаются на детских автомобилях. Автомобилей, естественно, много и других. Много, как говорят, старой архитектуры: нефть, Нобиль, купцы-армяне. Правда, первоисточником богатства был азербайджанский и русский рабочий. Памятник Шаумяну снесен, сквера 26 бакинских комиссаров нет. Показали дом, в котором жил Ландау, в этом же доме жил и Зорге.

Живу в гостинице на 15-м этаже, виден залив лукой, амфитеатр города. Вместо горячей воды — теплая хорошая постель, но лампы возле кровати нет, нет и настольной лампы. Есть телевизор. Может быть, к 30-летию Общества книголюбов Азербайджана чтение отменено?

18 ноября, четверг. В конце дня, когда около семи вернулся в гостиницу, сил уже не было никаких, лег в постель, включил телевизор — и тут отвратительное известие: в Москве жуткий снегопад, движение парализовано, аэропорты не работают. А мне завтра в пять часов вечера улетать. Если не прилечу вовремя, всё

рассыплется, а дома нечитаная рукопись Леши Карелина.

Утро началось с интервью, которое взяла у меня умненькая девочка Инара для местной газеты. Я возбудился и дал ей приличное интервью: Баку, книжный союз, музей, Зарифа, своеобразие переключения интересов Общества на встречи, на экслибрисы, на миниатюрную книгу. В общем, разогрелся и почти по тем же тезисам потом в Национальной библиотеке, где отмечалось 30-летие Общества, начал речь. Начал её с азербайджанцев на моем пути: Энвер Мамедов на радио. Сколькому же он меня, ничему не уча, научил! Кажется, его сын сейчас заместитель министра иностранных дел. Потом Самид Агаев, его книжка, его семинар, его премия, а потом уже наш студент Салех. Похоже, что Инара его знает. Кажется, говорил удачно, несколько слов сказал о старшем Алиеве, напомнил, что наше заседание происходит на фоне разрушающегося книгоиздания. Зарифа тоже в своей речи говорила о Гейдаре Алиеве, она говорит о нем часто. Мне нравится такая ее верность. С Алиевым она проработала всю жизнь. Зарифа, правда, много и часто говорит о себе, но это цельный тип сильной восточной женщины, общественной деятельницы. Она волевая, решительная женщина, за спиной у нее учеба в Москве, ощущение правоты русской цивилизации, её силы, её мощи, светлая волна которой распространяется.

В Национальной библиотеке вручили около тридцати грамот. Была речь Зарифы, моя, потом пяти или шести выступающих.

Очень ярко говорил Чингиз Абдуллаев, один из секретарей СП Азербайджана. С юмором о разгосударствлении книжных магазинов. В бывшем магазине «Подписные издания» — то ли колготки, то ли мебель. Значит, подписные издания никогда не будут нужны Азербайджану? А если через 50 лет появится новый Фирдоуси? Перечислил в том числе и с десяток азербайджанских писателей первого ряда, которые окончили Литинститут. С Чингизом, кстати, мы встречались в Москве, он всегда мне казался просто благополучным функционером, а тут заговорили в перерыве: он боец, со стремлением, как у меня, к объективности. Поговорили о делах Литфонда, много подробностей о любимом ими Приставкине и Черниченко. Надо по приезде посмотреть в «Литгазете» статью Нуйкина о моих героях. Судя по сообщению Чингиза, в этой статье есть нечто сенсационное.

Почему я так жадно все это вынюхиваю и разыскиваю? То, о чем они сейчас говорят, я видел еще пятнадцать лет назад. Они тоже не могли не видеть, они же умные люди. Так, значит, из-за глупости, честолюбия или выгоды, в которой так нуждается неудачник, молчали? Мало я читаю разного другого, о чем надо

бы знать.

Еще, оказывается, есть статья Бакланова о Солженицыне. Но это скорее не о Солженицыне, а элемент яркого автопортрета.

Если говорить в общем, то не очень большая церемония прошла с международным блеском. Был народ, телевидение, понимание значения любого позитивного публичного факта общественной жизни. Вечером эту церемонию показали по телевидению. Правда, по телевидению было очень много событий в виде собраний. Дисциплинированные, внимательные слушатели. Все слушают. Кто же работает?

После собрания зашли в Союз писателей, который рядом. Роскошный особняк начала прошлого века, в очень неплохом состоянии. За советское время могли бы подобный особняк основательно изгадить. Пили чай вместе с Чингизом Абдуллаевым и первым секретарем СП Фикретом Годжа. Он тоже, как и многие, окончил Литературный институт. Начали рассказывать байки из студенческой жизни. Вот бы сделать книжку таких баек! Пока договорились, что азербайджанцы пришлют данные в наш Словарь выпускников. А, может быть, соорудим в Баку конференцию выпускников?

В конце дня опять обедали в ресторане, опять в Национальном, и, наверное, очень дорогом. Тариэль, сын Зарифы-ханум, сделал, оказывается, четырехчасовой фильм (был продюсером) об азербайджанской кухне, отсюда качество ресторанов и еды. На сей раз это замечательный сад (летом здесь даже гуляют павлины), в котором стоят деревянные павильоны с занавесочками. На обед: зелень, сыр, соленые огурцы, капуста, помидоры, суп из чечевицы, лаваш, антрекоты из осетрины, баранина на ребрышках, чай с вареньем из черешни. Говорили о книгах, о проектах, о власти, вспоминали о Гейдаре Алиеве. Ресторан и сад на месте бывшего трамвайного депо, трамваи износились, менять вагоны денег не было, депо закрыли, рельсы продали на сталь для бритв.

Когда отвозили меня в гостиницу, остановились наверху амфитеатра, почти под телебашней. Я встал на парапет, ограничивающий дорогу, и шофер Валера стал мне показывать город, который находился внизу. Для меня очень много значит, когда я, как бы с птичьего полета, вижу город в его логике и последовательности. «Раньше огней было больше». Сейчас электроснабжение города в руках какой-то турецкой компании. Они хотели вернуть вложенные в реконструкцию деньги за несколько лет, но столкнулись с тем, что не у всех жителей и потребителей есть деньги. Не суйтесь в бывшую Россию, здесь живут по другим правилам. Как же я завтра улечу?

19 ноября, пятница. Половина третьего дня, сижу в зале vip, самолет из Москвы, кажется, улетел вовремя, значит, прилетит, и тогда, Бог даст, улечу. Тариэль, сын Зарифы-ханум, уже уехал в город. Долгие проводы — лишние слезы. Я сам знаю, как тягостно сидеть в аэропорту рядом со всё не улетающим гостем, а дома полон рот дел и забот. Сегодня, кроме обеда в центре, на набережной в ресторане, опять две существенные экскурсии: одна во дворец шаха, а вторая — в храм огнепоклонников в Сурхане. Это по дороге в аэропорт, но закончу с обедом.

Естественно, вкусно, хотя меню, по местным меркам, незатейливое: мелкие пельмени, которые мы уже ели с бульоном, барашек, шашлык на ребрышках, жареная телятина и говядина кусочками; зелень, маринованные огурцы, капуста, горячий хлеб, сыр. Особенно, как доморощенный гурман, должен сказать о свежих огурцах — это какой-то сказочный сорт: маленькие, твердые, мясистые и одновременно свежие. Но всё это я пишу не к этому: на троих едоков, включая сюда еще воду и яблочный сок, который особенно любит Зарифа-ханум, обошлось всего в 25 долларов. В Москве нечто похожее стоило бы по 70–75 долларов с человека. Это одна из положительных сторон местной жизни. Сравнительная — не для бедных — дешевизна ковров, услуг, питания, хотя сами, скажем, помидоры стоят не намного дешевле, чем в Москве. И еще, почему я затеял эти описания: качество азербайджанского общепита. Оно, как я успел заметить, не уступает московскому сервису: посуда, гигиена, чистота продуктов (вчера, например, когда обедали в саду, через огромные окна-витрины была видна кухня, не хуже, чем в парижском ресторане или у известного гурмана и повара Комаревича), белье, туалет, салфетки, официанты без развязности и подобострастия — всё это на очень высоком, европейском, уровне. Научились.

Когда мы после обеда ехали с Тариэлем по направлению к аэропорту, он рассказывал, как быстро оставшиеся без указующего перста и без поводыря азербайджанцы учатся. Первыми сюда сразу в начале перестройки приехали турки: кафе, рестораны, общепит. Азербайджанцы посмотрели, научились, и теперь практически турецкого общепита в городе нет. Потом такая же ситуация обозначилась в строительстве — теперь строят сами. Кстати, ситуация в Москве с «лицами кавказской национальности» пошла на пользу: московские азербайджанцы, наблюдая за неустойчивой московской ситуацией, принялись вкладывать деньги в Азербайджане. Скупают старые дома в центре, покупают квартиры в новостройках. Обычно эти купленные дома и квартиры сдаются иностранцам, тем, кто, как

правило, работает на нефти. Вот удастся ли азербайджанцам оттеснить иностранцев от нефти, новых месторождений, которые в значительной своей части ушли к пришельцам, это неизвестно.

Хронологию дня я нарушил. Утром встретился с Зарифой-ханум, и поехали во дворец Ширваншахов. Это сравнительно небольшой замок династии, у которой подобных замков было несколько. Устроено всё по принципу дворов, как обычно, мусульманских дворцов на Востоке. Основное помещение, «жилые комнаты» (52 комнаты) еще закрыты, находятся под гнетом реставрации. Мечеть, фонтаны, гробница одного из властелинов, павильон, где происходил суд, ворота, огромный комплекс (около 30 помещений) бань (керамические трубы, горячая и холодная вода, подогретые полы) — это XIV–XV век и производит впечатление подлинности. Культурный слой очень поднялся, и теперь здания кажутся менее монументальными, чем в момент постройки. Живая жизнь подминает под себя историю. Любопытно, что все это нагревалось жидкой нефтью, в мечети есть специальные продухи, через которые уходила гарь от нефтяных светильников. Здесь же, в цитадели, выставлены и облицовочные камни, поднятые со дна Каспия, здесь на одной из отмелей стоял еще более древний замок, XII или XIII век. Я долго разглядывал полуразмытые волной и солью фигурки животных на этих камнях.

Нефть… По дороге к храму огнепоклонников, т. е. между обедом и аэропортом, заправляли машину. 95-й бензин — 40 центов. Я спросил, не очень ли дорого для нефтедобывающей страны? Дорого, конечно, но это директива Всемирного банка. Тут же мне, правда, с чувством удовлетворения пояснили, что вот где-то в Эмиратах на эту директиву наплевали и там бензин по 25 центов. Я про себя подумал, что у нас, в нефтедобывающей стране, бензин стоит дороже, чем в Баку, и цена на него будет, конечно, повышаться.

Под разговоры о нефти доехали до знаменитого храма огнепоклонников. Храм здесь был очень давно, еще до ислама, и башни молчания тоже. Здесь земля сама извергала из себя огонь. Не забудем, что нефть тогда добывали еще в колодцах. Копали колодец глубиной в 5–6 метров и черпали оттуда просачивающуюся сквозь породу нефть. Особенно ценной была белая нефть, почти лишенная парафина. В войну такой нефтью без всякой обработки заливали баки танков.

Храм восстановили в XVII веке, когда сюда пришли индийские купцы. Поклонение огню — это одно из их верований. Кстати, в храме исполняли свои обряды и индусы. Сам храм похож на караван-сарай: двор, окруженный стеною с кельями.

Здесь жили монахи-аскеты и простые паломники-огнепоклонники, которые оставались здесь на 10 дней. В середине двора — алтарь, по его четырем углам горели огненные факелы, в каждой келье через дырочку в полу сочился газ — горел огонь. Здесь же, в центре двора — место, окруженное камнями, для кремации. Пепел отвозили в Индию и развеивали над священной рекой Ганг. Вокруг храма первоначально была пустыня, не очень далеко — пересоленное Каспийское море. Когда стали добывать нефть в промышленных масштабах, то упало давление, факел на павильоне и центральный факел над каменным шатром угасли. К визиту в конце 1950-х в Азербайджан Джавахарлала Неру храм восстановили, даже провели по трубам газ к угаснувшим факелам. Но Неру в храм не поехал. Когда сюда попадают жители Индии, огнепоклонники снимают у входа туфли и по гранитным плитам, на которых храм стоит, идут к алтарю. В одной из келий есть список знаменитых людей, побывавших здесь. В списке художник Верещагин и химик Менделеев. Менделеев прожил здесь несколько сезонов, отсюда писал письма жене. Химик, органик, нефтяник. Добраться бы до этих писем. Лаборатория знаменитого химика, давшего миру идеальный рецепт водки, находилась рядом с храмом.

Это действительно именно то место, где 130 лет назад начались знаменитые нефтяные разработки. Какие особняки, какие лачуги вокруг! Хотя в казармах, которые Нобиль построил для рабочих, сейчас и до сих пор находится больница.

Несмотря ни на что, вылетели из Баку почти вовремя, с минутным опозданием.

20 ноября, суббота. Прилетел я, конечно, чудом. На следующее утро, когда собрался по своему обыкновению на дачу, погода разгулялась еще сильнее, на дорогах снег, машины идут врастопырку, каждая ожидает, что сейчас занесет, перевернется или её стукнут сзади. Бензину сжег пропасть, ехал почти все время на третьей скорости. Первую снегоуборочную машину увидел лишь на 61-м километре Киевского шоссе. О Москве не говорю, ад.

Дачные участки занесло так, что можно было подумать — конец декабря! Тем не менее прорвался, значит — баня, печка, собака, которая ходит по снегу.

Вчера вечером В.С. встретила меня гороховым супом, попытались опять поругаться, но получилось все вяло и без энтузиазма. Но, когда уже из машины я позвонил ей, чтобы предупредить: возле нашего подъезда под легким снежком наледь, не поскользнись, она попыталась меня уязвить: «Ты же будешь рад». Зачем я всё это пишу? Вечером хорошо поговорили

об интервью Путина по трем каналам, о выборах на Украине, о склоках в нашем писательско-артистическом мире. Мы почти перестали говорить о литературе, может быть, потому, что литературы, которая нас бы захватывала, нет.

Прочел крошечную книжку Фаины Раневской. «Дневники на клочках», которую купил раньше, но все было недосуг. Здесь есть и письма к ней Плятта, Л. Орловой, М. Бабановой, Т. Тэсс. Хорошо, что люди находили время, чтобы обменяться добрыми словами и лаской — эта счастливая привычка постепенно уходит из нашей жизни. Корявые и слишком простые слова в Интернете, конечно, подержатся, а потом будут угасать и растворяться в общем электрическом вихре. Как всегда, пометил несколько цитат, совпадающих или с вектором моих размышлений, или с моим раздражением.

Сначала об успехе, которого у меня по-настоящему не было, потому что не умел им заниматься, кудахтать, дергать за ниточки славы. А если и был, то даже дома меня за него корили. «Успех — единственный непростительный грех по отношению к своему ближнему». Теперь о телевидении, наглом и много о себе думающем. Такая же ситуация была и с корифеями нашей режиссуры, когда я там работал. Что-то у них у всех получалось лишь за счет лучших в стране актеров. Но сколько у разных Верников было спеси! «Вчера возили на телевидение. Вернулась разбитая. Устала огорчаться. Снимали спектакль «Дальше — тишина». Неумелые руки, бездарные режиссеры телевидения, случайные люди. Меня не будет, а это останется. Беда» (78 год).

Осталось еще две цитаты. Одна о литературе, о ее настоящих и мнимых ценностях: «Боюсь сна, боюсь снов… Вот вошла в черном Ахматова, худая — я не удивилась, не испугалась. Спрашивает меня: «Что было после моей смерти?» Я подумала, а стоит ли ей говорить о стихах Евтушенко «Памяти Ахматовой»… Решила не говорить…» (66 год.). И, наконец, последняя, которая меня-то и потрясла, здесь универсализм, относящийся и к театру, и к литературе, и к любому искусству. Если сильны внутренний напор произведения, страсть, талант художника, то огрехи и даже небрежности не имеют значения. Хороший стилист Достоевский? Во всем оригинален Пушкин, бравший свое отовсюду? Нет общих, проходных или просто скучных мест у Толстого? Но вот что пишет Раневская о другой великой русской актрисе. Эта мысль меня потрясла. Я обязательно воспользуюсь ею на семинаре во вторник: «Она же говорила, что Ермолова была так равнодушна к деталям, что, играя Юдифь в «Уриэле Акоста», не снимала нательного креста. И никто не замечал этого, хотя крест был виден. Не замечали — так играла Ермолова!» (48 год).

21 ноября, воскресенье. С большим трудом, пропахав почти километр по снежной целине, выбрался с дачи. Утром видел Константина Ивановича, который рассказывал, что еще одну дачу ограбили. Поймали, врал, что бомж, но оказался житель какой-то ближайшей деревни. Но все равно день провел прекрасно, полно и почти счастливо: обивал внутреннюю дверь дерматином. Уехал тем не менее рано, думал, что ехать буду часа четыре, но, как ни странно, дорога оказалась вычищенной, добрался довольно быстро.

К шести часам поехали в Дом кино смотреть «Терминал» с Томом Хэнксом. Конечно, это все смотрится совсем иначе, чем дома по кассетам. При общей положительной оценке это, конечно, американский фильм в большей степени, чем советские фильмы были советскими. Нет ли у них в Голливуде какого-то своего идеологического отдела ЦК местной американской партии? Хенкс, конечно, выдающийся актер, но слишком уж условна модель. Настоящее искусство прорезывается лишь в той сцене, когда уборщик вдруг начинает жонглировать во время ужина «влюбленных». Искусство всегда начинается там, где больше ума, нежели инстинкта.

22 ноября, понедельник. Объявили наконец итоги выборов на Украине. На один процент Янукович опередил своего конкурента Ющенко. Теперь побежденный кандидат призывает общество к гражданскому неповиновению. На митингах разглагольствует Юлия Тимошенко; я не могу забыть, что ее привлекали к суду за какие-то махинации.

Состоялась традиционная встреча театральной общественности с мэром, Ю.М.Лужковым. Я про себя заметил, что власть, конечно, любит визуальные и «живые» искусства, ей приятнее встречаться с «телевизионными» людьми, чем с писателями, которые и выглядят не так авантажно, и спросить могут что-нибудь эдакое незапланированное. По традиции театральному сообществу показывают еще и новые театральные здания. На этот раз — это театр Луны на Малой Ордынке.

В конце встречи вошел несколько обрюзгший С. Проханов, главный режиссер, в длинном модном сюртуке. Но это уже ритуал пост-собраничный — вчера исполнилось 60 лет режиссеру Б. Морозову, ходил, значит, с поздравлением. Вышел как обласканный мэром хозяин театра. На фуршет я не пошел, уехал. Театр, кажется, хороший, уютный, квадратный зрительный зал, видимо, удобная сцена, но слишком много пластмассы — уже и кресла стали делать из этого современного материала. Тот единственный спектакль, который я видел с труппой этого театра еще в старом помещении возле площади Маяковского, мне не

понравился. Почему же и кто так любит Проханова?

Театральная общественность наэлектризована: просочились слухи относительно того, что некоторые театры могут оказаться лишенными государственной поддержки. В ответ им предлагают искать другие формы хозяйствования, собирать попечительские советы. Этих попечительских советов театры, может быть, боятся больше всего — ведь попечительские советы могут сместить и руководителя театра, в известной степени это, конечно, форма давления, форма цензуры. Так вот, общественность была наэлектризована. Как станет ясно, мэр тоже был несколько заведен спорами с Грефом из-за московской собственности, из-за памятников истории и культуры. Ах, эти памятники, которые понастроил прежний режим, какие лакомые кусочки, как хорошо они расположены в Москве!

В президиуме, кроме Лужкова, Л.И. Швецова, Платонов, Кобзон, Худяков, который и сделал доклад, ясный и небольшой. В зале — сплошь узнаваемые лица, перечислять бессмысленно, как я понимаю, одни мечтают просто отсветиться, другие что-то попросить, третьи хотят поговорить о деле, как говорится, «лизнуть» — это тоже неосознанное, но страстное желание. Этих людей сегодня упоминать на этих страничках не стану, актеры наивные как малые дети, любят свою учительницу.

Говорили в таком порядке:

Марк Захарович Гурвич, директор одного из московских театров, он как бы возглавлял директорскую фалангу. Сложные условия хозяйствования, несправедливая критика театрального менеджмента со стороны прессы. М. Гурвича интересовали «собственные средства», которые он считает нужным оставлять театрам, а не возвращать на баланс в казначейство на собственный театра бюджет. Это понятно, это маневр, это резерв. Канализацию засорило — вынул деньги из сейфа или достал из кассы — просить и писать бумаги некогда, аварийка признает только наличные. Еще раз прошелся по попечительским советам. В Мариинке, например, член попечительского совета — принц Чарльз, но на всю страну Чарльзов не хватает. Почему не прописана обязанность у членов попечительского совета финансировать театр? Еще одна фраза Гурвича: «Власть приготовилась бросить театр». А действительно — зачем государству театр? Для представительства и показа хватит Мариинки и Большого — это уже моя ирония.

Марк Захаров — не было ни одного собрания, чтобы он не говорил. Я-то отлично помню, что он первый, лет 15 назад, кричал о самоокупаемости театра. Сегодня он жалуется, что за последние десять лет не было такого тяжелого положения,

говорит о капиталистическом обществе, которое на нас надвигается. Какая лексика! Говорит о проекте указов, которые обрушиваются на общественность. «Мы постоянно находимся в состоянии системного административного кризиса. Пора реформировать эти реформы. Репертуарный театр может существовать только на бюджетной основе». Подумать только — это говорит Марк Анатольевич Захаров, как он заговорил! Получается хорошая шутка, но это вроде бы некая «улыбательная» сатира. Екатерина Великая ее любила. Говоря о тех театрах, которые остаются без бюджетного финансирования, он провел аналогию с разгоном в праздничные дни облаков: законы зыбки так же, как и эти облака, и их, законы, можно в любую сторону трактовать, и непонятно, чьи облака разгоняет Лужков: московские или федеральные?

Молодой режиссер Агеев говорит от имени этой самой молодой режиссуры: о творческой гибели многих своих молодых сверстников, не сумевших реализовать себя. Его коронная фраза: «Мест мало, и эти места заняты». Сидящие в зале «держатели мест» довольно улыбаются. И здесь же мысль, высказанная Агеевым: «Помимо репертуарного театра, на котором мы стоим, мы еще обязаны искать». Мне кажется это совершенно справедливым.

Марк Розовский. Список выступающих традиционен. Актер и режиссер имеют женскую природу, даже если ему нечего сказать интересного и глубокого, должен обязательно отсветиться. Его театр — один из первых четырех театров, которые возникли в период гласности, до этого в Москве, кроме «Современника», ничего нового за многие годы не было создано. «Я всегда был прогрессист, — говорит Розовский, — всегда поддерживал новое, а сейчас надо поддерживать старое». Дело, кажется, идет к новой социалистической революции.

Светлана Врагова, театр «Модерн». На этот раз она говорила достаточно жестко. Единственное, что в России работает и развивается, несмотря ни на что, — это театр. И это происходит, в первую очередь, в отличие от экономики. В ее выступлении слышатся какие-то чрезвычайно знакомые мне самому мысли, может быть, даже мои собственные, просочившиеся через прессу. Или просто у людей, занимающихся искусством, стали появляться общие мысли? Даже её призыв политизировать культуру мне знаком. Для себя выделил следующее, как занятное: «Мы, интеллигенция, привели страну к этой демократии». Справедливо, теперь нам *это* и хлебать. Привела цитату Швыдкого о Лужкове: «Он строит театры, где художественное руководство хуже, чем архитектура». И, наконец, особенно

смешное место, о том же Швыдком: «Был тихим и скромным театральным критиком».

Шалевич, режиссер театра Рубена Симонова. О Швыдком: «Адреса авторов реформ нет. Не придумал ли это всё сам Швыдкой?» Признался в любви к Комитету по культуре Москвы. После весьма традиционного для этого собрания обращения Шалевича о реконструкции здания традиционных аплодисментов не было. Очередь просящих велика, из гордости я не прошу.

И.Д. Кобзон. Он сожалеет, что мало услышал о театрально-концертной деятельности Москвы. Вспомнил присловье Утёсова относительно высшей власти, как она относилась к артистам: «Вы к нам, артистам, относитесь как к девкам легкого поведения: любите проводить с нами свободное время, а потом делаете вид, что нас не знаете». Это Утёсов сказал, кажется, Романову, киношному, потом перешедшему редактором в «Культуру».

«В списке думских комитетов, — сказал И.Д.Кобзон, — комитет по культуре стоит на последнем месте». Он отметил, что наш суммарный бюджет по культуре не дотягивает даже до двух процентов. Вообще, Кобзон стал говорить интереснее и взвешеннее, чем раньше. Чувствуется, что общественно этот человек вырос.

И, наконец, выступление Лужкова. И на этот раз я был поражен и калибром личности Лужкова, и его неординарным видением. Мне всё это, естественно, не дано, но я ведь не политик, я вижу нечто другое. Лужков рассказал о ссоре с Грефом из-за памятников. Отвечая Грефу, Лужков будто бы сказал: «Надо не констатировать, кто «прихватил», а говорить, кто взял на себя ответственность». «Федералы» выплачивают лишь десять процентов средств, идущих на поддержку памятников, а хотят использовать их как свою собственность. Администраторам из правительства не нужны, например, памятники: Пушкину, Лермонтову, а вот Дом купца Калашникова — это да, нужен».

«Я смотрел в зал — настроение тревожное (это говорил и Кобзон). Десять лет назад, когда было гораздо беднее, настроение было — получше. Хотя на культуру тратят больше, и деятели культуры не должны испытывать синдром иждивенчества». Объясняет свой тезис: «Все, что город тратит на театр — с лихвой возвращается, в Москве за год сейчас бывает два с половиной миллиона туристов». Что это такое, мы знаем. Мысль замечательная, я по себе знаю: когда я прошу для института, я стесняюсь, будто прошу для себя.

О реформах и сегодняшних реформах продолжает **Лужков**.

Первое. Нумерация тоже его, я, как всегда, все записываю. Рядом со мною С.Яшин, один из лучших московских режиссеров,

Эскина, Поюровский, впереди в зеленом платье Вишневская. Все внимательно слушают, это касается всех. Можно ли доверять власти и быть уверенным, что она всегда правильно ведет реформы? Он, Лужков вспоминал о том, как был собран съезд ректоров, когда Кириенко предложил всем вузам перейти на коммерческую основу. И что же, съезд поднапер, и — отменили. «Критичнее, господа», — почти призыв к восстанию. По сути дела, призыв к сопротивлению. Его фраза: «Я за реформу, если я понимаю её суть». Опять он: «Я спрашиваю у Грефа: а что ты еще не разрешил?»

Второе. Кем разрабатывалась театральной перестройки концепция? Реформа «сверху вниз» никогда не приносила пользы. Меня, мэра (и его, значит), смущает «троянский конь» в Положении о попечительских советах. Если бы соревновательный процесс шел в экономике так же, как в культуре! Это, кажется, опять залп по Грефу.

Третье. Об облаках, о которых говорил Захаров. Кстати, к сервилизму Захарова, Розовского и Гурвича — трех Марков — Лужков, кажется, относится иронически: «даже себя защитить во весь голос не умеете». «Я никогда не задумывался, чьи облака я гоняю и в какой театр иду: в московский или федеральный. Люди идут в театр, и им в высшей степени наплевать, в театр какого подчинения они попали».

«Я хочу поразмышлять об ответственности власти». Говорил о людях, которые при советской власти зарабатывали свои пенсии, могут ли они сейчас воспитывать детей и доплачивать за них в институты? Говорил о том, что семьи, которые будут способны платить, которые уже обрастут определенным экономическим жирком (кроме, естественно, богачей), возникнут в России только лет через двадцать. Реформа продолжается. После пенсионного и льготного реформирования власть захотела большего. Она берется за театр, а потом примется и за образование.

У меня лично ощущение точно такое же, как и у нашего мэра. Общественных денег в государстве все меньше и меньше, несмотря на рост цен и нефть, и всякие появляющиеся особые фонды. Но делать вид, что государство по-прежнему мощно и широко функционирует — необходимо. Общество обнищало ровно настолько, насколько выросли частные капиталы. А что мы получили в росте популяции русских людей, что получила культура?

23 ноября, вторник. Пришлось переносить семинар с часу дня на три, потому что утром состоялось заседание коллегии министерства культуры. Коллегия была посвящена государственной политике в области культуры. Я, как всегда,

делал заметки.

Ю.И. Бундин: Отставание от мирового уровня. В стране укоренилось впечатление о культуре как о чем-то скорее знаковом и символичном. Остаточный принцип как принцип нищеты действует. Новый для меня термин «экранная культура». О глобальности культуры, действующей на всю страну. Культура не должна рассматриваться как бремя. Адресное финансирование у разных слоев общества — разное, по-разному получают. Поддержка и продвижение российских компаний наряду с государственными гарантиями и бюджетным финансированием. Иные источники. Опять новое для меня: попытка сопоставить культуру и средства массовой информации. Жестокое, но справедливое.

Содоклад ***Боярского***, руководителя, служба по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. О центральном и региональном вещании. Выработка мер государственной поддержки. Независимость работы по инвентаризации культурных ценностей.

Реплика ***А.С Соколова:*** восемь стран сейчас предъявляют претензии к России (о реституции).

В.П Козлов, руководитель федерального архивного агентства. Эрозия в ценностях. Ограничительный подход, связанный не с охранительной, а с финансовой составляющей.

Соколов и ***Козлов*** переговариваются о сроке действия закона об архивах. Сплошь и рядом «очередной», к моменту его принятия, уже устаревает.

Сеславинский: Печать и массовые коммуникации. Две тенденции: глобализация и самобытность. В следующем году отменяется 10-процентный налог. Агентство перестанет финансировать две тысячи местных газет. Книгоиздание: 90 тысяч названий. О поддержке, скажем, литературы для плохо видящих. Выравнивание графической ситуации. Отношение к Интернету. Регистрировать каждый сайт невозможно. Есть стороны Интернета, которые связаны с темными сторонами нашей жизни. Надо сотрудничать с крупными поисковыми системами и держать сайты, имеющие социальную направленность.

Швыдкой ставит ряд вопросов: чего мы хотим — активизировать общество, воспитывать творчески самостоятельную личность? Много у нас культуры или мало? Мы великие? На самом деле у нас очень низкая инфраструктура. В 8 раз меньше театров, чем в других развитых странах. С другой стороны, в маленькой Финляндии нет частных театров. Абсолютная неравномерность. Иногда она достигает полторы тысячи раз. Возрастает роль государства в нематериальных

фактах культуры. Лишь 2 % в сельских библиотеках есть Интернет. О нервозности людей культуры: любые изменения в культурной сфере и политике вызывают раздражение. Чем шире развивается сеть услуг, тем необходимее помощь государства.

Фурсенко говорит о соотношении поддержки и свободы. За десять лет в ответ на то, что мы всё отпустили, государство ни во что не вмешивалось. Делиться опытом. Но чем лучше хочешь сделать, тем хуже тебя воспринимают. Следовать ли внешнему заказу (похоже, он имеет в виду Болонские соглашения). Касается проблем глубинки. Справедливо считает, что при сельских школах надо образовывать массовый культурный центр. Иногда невозможно сохранить школу в селе, потому что ученик начинает стоить как студент МГУ. Но уход школы из села — огромный культурный шок. Отдельно останавливается на вопросах «пиратства». Мы воспринимаем это как некий каприз Америки. Борьба с пиратством — это борьба с криминалом и поддержка своей культуры. Бренд — понятие экономическое. Мы считаем, что у нас самая лучшая культура и самое лучшее образование. От стереотипов надо уходить, надо больше вкладывать в культуру и образование. В области образования и в области науки у нас был свой порядок.

Мне эта мысль понравилась, действительно — был свой порядок, и надо ли его менять?

Кобзон. Начинает с того, что я слышал вчера: о списке думских комитетов. Необходимо склонить правительство к тому, чтобы оно поняло, что духовное состояние общества важнее состояния экономического. Сравнивает культуру и вспоминает романс «Нищая». (В свое время Кобзон, по его словам, это сравнение привел министру Е.Сидорову, и Сидоров обиделся.) Говорит о двух ветвях еврейской религии: об ортодоксах и о хасидах. Дальше выхватываю такую фразу: «Мы объединяемся только тогда, когда нужно просить деньги».

Вмешивается ***Соколов***. Когда Кобзон начинает приводить в пример Москву, приводит цифры: 17 % бюджета по Москве и до 0,02 % — в Алтайском крае. Вспоминает о Гимне нищете — как определенном двигателе духовности — Григория Сковороды.

В. Казенин. О нераспавшихся союзах. Они все существуют. Это только писатели все что-то делят друг с другом.

Данил Дондурей. Еще не наступил модернизм сознания, отсталое мышление. Это вызывает необходимость объяснить обществу и власти, что без модернизма смыслового никакого удвоения ВВП не произойдет. О кинематографии. Говорит о том, как три года назад министерство пошло навстречу общественности, это протекционизм своего кино, и вот теперь

кинопроизводство увеличилось в 37 раз. Телевидение — инструмент управления страной — и нет анализа. О сериалах: ни в одном сериале нет художника; нет ни одного сериала, где люди работают. О положении критики. Критика и пиар-продукт. На производство чего-то мы еще можем дать денег, а на продвижение — никогда.

Соколоввмешивается и говорит о критике.

К. Разлогов — о двух бумагах, которые он написал, работая в Госкино в Москве, в самом начале своей карьеры. О развитии видеотехники, о видеомагнитофонах. Из ЦК и из КГБ пришел ответ: этого никогда не будет. Разлогов элегантно спрашивает: не потому ли разрушился СССР?

Т.М. Гудима — это связная между Думой и министерством, одна из прекрасно и верно служащих женщин-аппаратчиц. Говорит, как этим летом в Думе были выхолощены законы о культуре, что за каждой поправкой — рука министра экономики и министра финансов. И все это принято.

У меня возникает мысль: а как в этих случаях протестовал Кобзон?

Б. Сорочкин: Сегодня формируются законы, еще более ухудшающие положение культуры. Впрочем, нет ни одной страны в мире, в которой хватало бы денег на культуру.

В три часа обсуждали нашего новенького, коммерческого Сашу Карелина, который ходит в замечательной кожаной шляпе с зубами медведя. За то, что он литературно одарен, не глуп, видит в жизни необычное, за это я ручаюсь. Но как иногда пишет плохо, «красиво», подражая самым низким образцам! Об этом я сказал ему со всей резкостью. Дай Бог, чтобы я успел его выучить.

24 ноября, среда. Написал письмо министру Соколову. Это практически то, о чем я не успел сказать на коллегии.

А потом пошел на совет по драматургии на Гнездниковский. Вел его Швыдкой. Вместе со всеми думал: как все же оживить театральную жизнь? Сидели довольно долго, кое-что придумал, но самое главное, читать придется много. У Швыдкого меня раздражает лишь одно, хотя он, конечно, умница: его постоянные разговоры о деньгах, получается, что культура — деньги и только деньги. В моей концепции все это не совсем так.

Глубокоуважаемый Александр Сергеевич!

Вот две мысли, которыми я хотел бы вооружить Вас перед предстоящим обсуждением вопроса о культуре в правительстве.

Ничего нового в этом, наверное, нет, но и промолчать я не считаю возможным, ибо коллективная работа всегда подразумевает коллективные усилия.

Первое. Об этом говорилось на коллегии, но мой эпизод

достаточно выразителен. Два или три года назад ко мне обратились монгольские писатели с просьбой принять двух-трех человек на Высшие литературные курсы или в институт. И это при том, что, собственно, вся монгольская интеллигенция прошла через ГИТИС и Литературный институт, при том, что премьер-министр Монголии — выпускник переводческого отделения нашего института. Я надеялся, что тогдашнее Министерство образования даст мне разрешение на несколько мест в счет какой-нибудь государственной квоты. Мне объяснили, что вообще-то это лучше всего делать за деньги. Весь мир учится за деньги, пусть за деньги учатся и монголы. Я так не считаю. Лучше готовить писателей и переводчиков, скажем, монгольской или китайской литературы за счет нашего государства, чем держать на границе несколько дивизий. У нас была обширная сфера влияния в смысле языкового притяжения в Монголии, во Вьетнаме, в Ираке (они тоже у нас учились, и точно так же мы в свое время не смогли принять ни одного человека из Багдадского университета в Литинститут или аспирантуру), и мы эту сферу влияния потеряли, потому что считаем мелкие выгоды, а потом прощаем многомиллиардные долги, так как государства рушатся и взыскать долги невозможно.

Вторая мысль. Мы много говорим о бюджете, а нам говорят, что бюджет и центральная власть всем должны. Это дает возможность администрации на местах, ссылаясь на госбюджет, тратить «свои» деньги неизвестно на что, вместо того чтобы тратить их на культуру. Примеры не живописую. Не выработать ли нам в министерстве некую программу-минимум, из которой будет ясно, что, в смысле культуры, должны иметь область, край, район — некую минимальную «потребительскую корзину» культуры (формулировка Ю.И. Бундина). Скажем, в районе в обязательном порядке должна быть детская музыкальная школа, библиотека, детская библиотека, художественная школа, клуб, студия детского творчества, может быть — литературная студия. Область: театр, драматический театр или национальный, если это необходимо; филармония или филармоническая группа, оркестр и прочее, и прочее, и прочее. И не всё это обязан финансировать центральный бюджет. Главное — определить минимум. Это, конечно, лучше всего сделают специалисты. Можно сделать культурный кадастр на всю федерацию, где определить, что и кому совершенно необходимо. Например, театр во Владивостоке — его финансирует государство, а вот театр в городе Кавалерово может быть, а может не быть. Это уже компетенция местной власти. Но четко сначала прописанный, а потом реализованный минимум позволит людям, особенно молодым, получить некий

культурный старт, чтобы иметь возможность выбраться из предопределенной социальной ниши.

Совершенно не претендую на теоретическое решение вопроса, но готов поговорить на эту тему со специалистами.

С уважением,
ректор Литературного института,
член коллегии министерства
С. ЕСИН

25 ноября, четверг. Три события, которые стоит записать. В обед пришли американцы. Какая-то организация, связанная с Библиотекой конгресса, занимается своеобразным обменом. Александр Хилков, координатор программ Центра «Открытый мир», и Мария Пушкина, организатор программ. В данном случае они хотели бы отправить в Америку небольшую группу наших молодых писателей. Говорили почти час, я им сразу предложил группу: Демахин, Тиматков, Слава Казачков. Это все люди интересные, перспективные, любопытные, на которых я надеюсь, которые способны держать аудиторию. Значит, и американцам будет интересно. У них уже есть опыт, по крайней мере, Катя Садур, которая училась у нас в аспирантуре, но не окончила — пишу об этом с некоторым восхищением ее ловкостью, — в Америке побывала. Здесь американцы, на мой взгляд, ошиблись. В тот или не в тот раз американцы также приглашали Олега Павлова, но от него пришлось отказаться. Его амбиции, почти последнего наследника Льва Толстого, — 500 долларов за каждое выступление — им не подошли. Но я думаю, что с ним надо было бы поласковее поговорить, и он согласился бы на обычной для русских альтруистической основе.

Кстати, как всегда и бывает, события всегда следуют парным образом. Вчера Витя Гусев с первого курса, наш общий любимец, принес мне свою последнюю статью в «Литературной России», где он ругает Павлова. Я прочел и начал ругать Витю, потому что Павлов прекрасный писатель. Нельзя начинать карьеру с уступки правде и некоторого идеологического вранья. По этому поводу я даже позвонил Славе Огрызко, заму редактора «Литроссии», попросив его построже относиться к подобным сюжетам.

Но дальше по теме. Потом американцы обнародовали и свой список, который опять оказался списком Литературного института: Паша Быков и Кочергин. Разговаривали мы в самой изысканной комнате института, на кафедре литературы XIX века, в комнате, где родился Герцен. Впрочем. Паша Быков вполне может оказаться и Димой Быковым, так скорее всего и будет.

Сразу же после встречи с американцами начался ученый совет. Говорили о методической работе на кафедрах, о заочном

отделении, о профессорстве Евгения Рейна, отменили моего уже не нужного мне зама по кафедре Г.И. Седых, а главное — о ВЛК. Курсы на глазах мелеют, люди там мельчают, мы пошли на многие компромиссы при их приеме. Институт опять вышел на первое место в своей подгруппе по физкультуре — об этом докладывал Вик. Андр. Тычинин. Постановили дать ему премию — три тысячи рублей и капитану институтской команды — тысячу.

Как обычно, последний четверг месяца — в пять собрание бюро прозы. На сей раз это все было для меня интересно и полезно. Полезно, потому что перед самым началом я рассказывал о положении с ВЛК и высказал предположение, что, может быть, лучше больше брать москвичей, это будет хотя бы надежнее по уровню. И тут получил совет: начинать занятия во вторую смену, тогда работающие москвичи смогли бы получать это самое базовое образование. Для людей, не имеющих высшего образования или имеющих техническое.

А потом, как и договаривались, начался клуб рассказчиков. Сначала читал Игорь Николенко блестящую, медиативную прозу. Он философ и блестящий литератор, это литература далеко не для всех. Какая сцена с сыном, играющим на флейте на дороге! Почему же этот великолепный писатель так и не смог пробиться? Столько хорошего написал, а ведь практически неизвестен. И надежд на то, что его роман напечатают, почти никаких. Потом читались рассказы Лидии Шевяковой. Это очень точно, весело и плотно сделано. У нее не эсхатологический характер письма, как у Николенко, она бытовая, умная, ясная, вглубь она лезть не хочет, это ее установка. Давно я уже не получал от литературных сходок такого удовольствия.

Сейчас идет телевизионная дуэль между Рогозином и Жириновским. Пока счет 36 тысяч на 16 в пользу Рогозина. Определенно, «разоблачительные» истерики Жириновского выходят из моды. Рогозин постепенно отнимает у него нишу русколюбивого маргинала.

Среди прочего и многого, что я уже видел в течение XX и XXI веков, — открытый и наглый захват власти на Украине сторонниками проамериканца г-на Ющенко. Это действует на меня точно так же, как в свое время трансляция танкового обстрела Дома правительства. Показали по телевизору «технологию»: приезжих кормят на специальных пунктах питания, одевают, приплачивают зарплату и посменно выводят на улицы. Небезызвестная Юлия Тимошенко дает команды блокировать администрацию президента, блокировать Центральную избирательную комиссию… Я всё время думаю об этой

украинской, с косой вокруг головы, богине — кажется, она не чиста на руку. Единственное утешение — находящийся в Гааге Путин, который кое-что сказал этому Сообществу: никто и ничего утверждать, кроме украинской Избирательной комиссии, не должен, и уж во всяком случае — не Буш и не Сообщество. У всех нас, зрителей, рушатся последние иллюзии относительно технологии легитимного получения власти. Ощущение шайки бандитов. Как теперь идти голосовать на следующие выборы? Нам показали, как это делается.

26 ноября, пятница. Пришел сегодня невероятно рано на работу, около 9 часов — надо взять это на вооружение и в дальнейшем. К 12-ти часам написал и отправил кучу писем, приказов, разобрался с конкурсом, деньги на который дала Катя Лебедева, даже постоял, пугая студентов, в вестибюле. Кажется, подвигается дело по признанию нашего «Вестника» неким академическим изданием, по крайней мере, сегодня отправляю в ВАК несколько номеров и — как «благодарственную жертву» — свои «Дневники».

27 ноября, суббота. Ну, пятница была пятницей, что ж тут поделаешь, впереди расстилается огромное поле двух выходных дней, и столько нужно сделать, и столько с собой привезено книг и рукописей, которые нужно прочесть. Но утром надо было ехать в город покупать продукты и мясо для собаки, а потом ехать заправлять баллоны газом, а потом переезжать из летней кухни уже в дом.

Но все равно, еще до того, как настало утро, я проснулся, достал маленькие рассказы Марка Гасунса, которые готовы к обсуждению во вторник, прочел их и почти успокоился: все же я научил его так хорошо и четко писать, или это влияние лекций и семинаров по современному русскому на литовца, пару лет и говорившего и писавшего с ошибками и со стилистическими погрешностями? Да кто же обучил его так волшебно, так точно обходиться с языком?

Ночью я размышляю о себе и совершенно определенно говорю, что совсем я не умен, не умен и как Познер, и как Витя Ерофеев, мало занимаюсь собою и мало работаю, но зато внимательно читаю рукописи и потом три часа во время семинара стараюсь до каждого донести, что, по-моему, в этой рукописи плохо, а что хорошо, а потом ребята пишут так, что я же начинаю им завидовать.

Тогда же, почти уже утром или почти еще ночью, прочел пьесу некоего или некой А. Маскота «Мой прекрасный джентльмен». Есть такая порода пьес или вообще изящной словесности, произведения которой забываются уже через час

после прочтения. Это вот такая же комедия с примитивным сюжетом и выстроенным одноплановым действием. Может быть, местами и смешно, возможно, от этой пошлости неузнаваний и обманов зритель и будет кататься по полу, но все удивительно прямолинейно и высчитанно, ничего живого, какая-то арифметика. Заснул, вернее, продолжил спать, с ощущением своего несовершенства, своей мизантропии, зависти к авторам, которая не дает мне возможности чем-то восхититься, а лишь одно сплошное раздражение.

А потом принялся читать другую пьесу, на этот раз французского автора — Ж.-Л. Лягарса — «В стране далекой». Так стало хорошо, потому что умно, тонко, философично, и театру нашему и нашим драматическим авторам эта пьеса, если ее поставят, что-то принесет, а мне она уже принесла какое-то удивительное погружение в другой — возвышенный и умный мир. А вот наверняка кататься со смеху на этой пьесе зритель не будет. Здесь дело идет о жизни и до смерти, и после смерти. Новая стилистика, иные для драматургии, почти как в прозе, повороты. «ЛЮБОВНИК, уже умерший». «ЮНОША, все юноши». «ОТЕЦ, уже умерший». Это из списка действующих лиц.

С некоторым раздражением уже днем взялся за сказку, написанную Юрием Дунаевым, «Кащей Бессмертный». И опять предварительное раздражение: привычный, много раз апробированный материал, но вот опять интересно, увлекся, ругать себя перестал за въедливость. Представил себе молодую публику, крики, подбадривание артистов из зала, никакой пошлости, остроумно, возможность что-то покуролесить на театре. Ой, не такой уж я, оказывается, завистливый.

Баня, как обычно. По телевизору Украина. Наконец-то что-то прорезалось, — особая роль Донбасса. Испугались, сукины дети. Хотите Украину без Донбасса и Одессы? Мы возьмем! Это всегда было наше, и все это было смоделировано из Санкт-Петербурга, а не из Киева. О каком компромиссе говорит Кучма? О компромиссе поставить у ворот России «Великую Польшу»?

29 ноября, понедельник. Искусство начальника состоит только в том, чтобы не давать людям того, чего они не могут сделать. И по возможности — везде облегчить результат. Я отчетливо сознаю, что если надо позвонить в министерство, то лучше позвонить мне самому, нежели Михаилу Юрьевичу, мне для этого надо сделать один звонок, в крайнем случае — пять, а ему — десять или пятьдесят, прежде чем его соединят с начальником.

С 12 утра занимался всем, что связано с проверкой пожарниками общежития. Пожарники, конечно, сошли с ума. Я

понимаю также — общежития и институты горят один за другим, но пожарники совершенно безумно расставляют свои грозные пункты. Например, пишут: уберите турникет при входе, и не удосуживаются обнаружить рядом с турникетом огромную, распахивающуюся наружу металлическую решетку — ворота. В общем, я собрал всех заинтересованных людей и начал постепенно всё исправлять: ставить сроки, вырабатывать технологию, выявлять материальную заинтересованность. В том числе надо распилить 50 решеток на окнах. Но всё, кажется, получится.

Утром же занимался Интернетом и пришел к выводу, насколько косны и не заинтересованы в конечном, дальнейшем процветании нашего института наши преподаватели. Мы их никогда не били рублем, никогда не заставляли задуматься о том, что их зарплата зависит от количества студентов, которое мы имеем. В Интернете, на нашем сайте, существующем уже несколько лет, совершенно чистыми остаются и кафедра общественных наук, и кафедра зарубежной литературы, и кафедра литературы XIX века. А слависты, двое из них, видимо самые честолюбивые — Л. Скворцов и М. Иванова — на сайте своей кафедры обозначили только себя, а что касается всех остальных, — хоть трава не расти.

В три часа поехал на последнее в этом году заседание экспертов по драматургии. Я уже писал о пьесах, которые мне понравились. Но на этот раз то, что приглянулось мне, в основном не прошло. Не прошла, кстати, и Гремина со своим «Театром ДОК». В рецензии я помянул, что мне не близка идея всех проигравших в этой войне. Но идея эта, либеральная, на Западе очень популярна: все, дескать, проиграли, нет победителей и побежденных. Биологически я не могу забыть кое-чего, что делали с нашими соотечественниками, а Греминой следовало бы не забывать того, что делали с людьми, близкими ей по крови. Тем не менее почти всё уже забыто. Как крестовые походы. Сергей Иванович Худяков достаточно жёстко говорил именно об этом проекте. Время демократии и либерализма — делайте, что хотите, но в данном случае не за государственные деньги.

Дома весь вечер смотрел Украину. Мне кажется, что угроза украинского раздела очень сильно взволновала даже и самую либеральную украинскую общественность. Для России раздел этот — тоже не лучший вариант, но у многих есть все-таки ощущение, что Донбасс, Одесса, Николаев не исконные запорожские земли, что безбрежные, как море, шаровары — не символ этих краёв.

Очень некрасиво ведет себя Кучма, все время говоря о компромиссе. Какой здесь компромисс? Если один выиграл, то другой проиграл. Если кто-то вбросил три миллиона голосов — а попробуйте сделать это незаметно, то скажите, кто вбросил, и объявите победителя, проявите хоть отчасти мужскую волю. Мне кажется, что Кучма всё время ходит с мокрыми штанами. Впрочем, это уже известная нам форма советского сервилизма.

30 ноября, вторник. Утром заседал в министерстве культуры на коллегии по наградам. Всё прошло быстро, за три часа, и произвело на меня хорошее впечатление. Я еще не совсем огляделся, но справа от меня увидел Смелянского и Армена Медведева, напротив — Гараняна и всё знающего Пашу Слободкина. Ведет — Надиров, прекрасно понимающий состояние искусства Ленинграда, люди все чрезвычайно компетентные и знающие. Наконец-то в министерстве культуры появился фильтр, который может чётко определить, достоит ли человек звания народного артиста России или заслуженного деятеля культуры. Народу было довольно много, поэтому есть какая-то определенная объективность. По крайней мере, и главному хореографу Кубанского хора, и главному хормейстеру звание народного артиста присвоили. Не без моего, кстати, нажима. Я этот коллектив видел в Иркутске, когда гостил у Распутина.

Днем обсуждали Марка Гасунса. Я послушал семинар на гипотетическом опросе всех ребят: что бы они выбрали из украинской эпопеи для рассказа, очерка, романа? Дескать, сидит в издательстве большой скучающий начальник, а вы приходите к нему со своей идеей. Каждый должен был объяснить в двух словах — концепцию и заголовок. Кое-что было интересно. Но сам я сказал ребятам, что писал бы только о том огромном честолюбии, сжигающем главных персонажей, которые даже во вред стране готовы настаивать на своем праве и желании рулить. А тем временем с корабля летят паруса, трещат борта, ломается руль. Вообще-то, меня интересует только одна личность — Юлия Тимошенко, особенно в разрезе её замечательной коммерческой деятельности. Она для меня главная героиня. Кстати, по телевидению сообщили, что она практически не может выехать ни в одну страну мира, в России её приглашает зайти в гости прокуратура, а в Америке уже сидит её подельник. Вот, как говорится, такие дела.

Что касается Марка, то за три с половиной года он, конечно, великолепно выучил язык. Его проза образна, изысканна, он много пишет о детстве и о своих юношеских переживаниях. Но проза эта холодная, это проза человека с лупой, нежели человека

страстного. Добротный писатель получился. А вот писателя с большой буквы — еще нет, нет писателя с выраженным сознанием и собственной душой. Хотя, в принципе, проза Марка духовна, хотя и не одухотворена.

Вечером — 50 лет Саше Клевицкому. Поехал на вечер в Концертный зал «Россия». Это длилось довольно долго, три часа. Самым талантливым образом Саша сыграл роль большого композитора. Из концертных номеров более всего мне понравился, естественно, Витас и то, как пела Анна Резникова. Когда певица думает о душе, а не о том, как у нее руки-ноги двигаются и как она подтанцовывает, когда женская страсть — подлинный адреналин, как настоящее сливочное, а не синтетическое масло, — вот тогда и бывает хорошо. Но, в принципе, Саша сделал много, и звание он получил справедливо, — он создал большой образ, где был и подход к людям, и сердечность, и улыбка — слава Богу, это тоже немало. Не Моцарт, но фигура в нашем искусстве вполне определенная. В концерте со знаковой пошлостью, но с лучшими чувствами очень неудачно выступил Лион Измайлов, было произнесено чуть ли не слово «яйца». С банкета я ушел почти сразу же, хотя мне пришлось выступить. Я сидел с полным ртом, и тут меня назвал Коля Денисов, а врать в искусстве я не умею, да и столько о Саше уже наговорили хорошего, что я повернул в иную сторону — принялся говорить о его человеческих свойствах. И, в частности, вспомнил его речь на президиуме РАО, как он призвал тогда идти до конца и воевать с открытым забралом, как гладиатор. Пришлось даже назвать его «московским бультерьером», а кто-то даже произнес: значит, Саша собака?

Но хорошо помню и еще два эпизода этого вечера: когда Семён Резник прочитал стихи о лжедрузьях (тема, на которую я много думаю), и когда Александра Николаевна Пахмутова в своем слове сказала, что главное свойство мужчины в творчестве — умение отказаться. Я очень хорошо запомнил эти ее слова, жаль, что не знал, вернее, не до конца понимал эту идею раньше. Отказываться от лишнего, отказываться и отказываться.

1 декабря, среда

Конец ноября и весь декабрь — это самое тяжелое для меня время: конец года, конец семестра, театральный сезон в разгаре, все после лета стараются закончить свои дела, а я, бедный, никому, как всегда, не могу отказать. Я отчетливо понимаю, что когда-нибудь человек, сунувший нос в мой Дневник, скажет: «Ах, Сергей Николаевич, милый уставший лицемер, какую прелестную светскую жизнь он ведет!» Даже В.С., до которой уже стало доходить, что эти мои «удовольствия» и «стремления к искусству» на самом деле разведка того мира, в котором я живу, еще и кусок моей работы, и вот даже она, как воспитанница и небожитель 60-х годов, воспринимает заграницу, поход в театр, званый обед — как нечто близкое к удовольствию. С каким бы наслаждением я это «удовольствие» променял на то, чтобы сидеть дома, смотреть в окно на падающий снег, поливать цветы, весь день что-нибудь есть, то и дело подходить к компьютеру или к пишущей машинке… Вот так я и живу.

Вчера наконец-то приехал Лев Иванович, привез мне в подарок маленький Кёльнский собор. Это хороший подарок, много раз я видел этот собор воочию, а теперь буду с удовольствием рассматривать эту маленькую пластмассовую, а может, и каменную, композицию. Тем не менее я крепко Льва Ивановича отругал за то, что он уехал в Германию и оставил свой участок работы, а вернее, спланировал, чтобы избежать приемных экзаменов в аспирантуру, аттестацию и проч., и дело даже не в том, что это пришлось выполнять и делать мне. А где твое собственное любопытство? Во время разговора я даже разошелся и устроил маленькую истерику. Я не на грани срыва, но отчетливо понимаю, что осталось не так много, и просто хочется пожить на даче, с собакой, заниматься в саду, а делать, как некоторые ректоры, приезжающие на работу раз в неделю, — я не умею. Я, конечно, развел богадельню, это касается и некоторых проректоров, и некоторых кафедральных работников. Все замечательно говорят о Родине и чувстве долга, но подхватываются и убегают с работы, потому что считают, что доделали свои дела, которые лежат у них на столе. Но ведь остаются дела по работе со студентами, с преподавателями, остается дело просто пройти по коридору и погасить за студентами свет, поздороваться и поговорить, посмотреть, какие документы есть на кафедре… А потом подойдет аттестация — и все опять с удовольствием сбросят это на меня, как и в прошлый раз, когда Александр Иванович даже из проректоров ушел, только

чтобы аттестацию самому не делать и в ней не участвовать. Это тяжело еще и психологически, потому что приходят люди, которым надо показать твою работу, для этого требуется смелость и даже мастерство, чтобы доказать свою точку зрения.

В общем, я сказал Льву Ивановичу, что на следующий учебный год буду уходить, хотя отчасти понимаю: если дело коснется будущего — я знаю за собой и такое свойство, — не одно учреждение после моего ухода разваливалось. Я добиваюсь какого-то пилотного уровня, а когда ухожу, самолет начинает резко снижаться. Так развалился после моего ухода журнал «Кругозор», так развалилась и когда-то мощная литературно-драматическая редакция на радио… Ну, да ладно, возможно — всё это временное настроение.

Днем, вместе с Е.И. Луганским, был в мастерской у Виктора и Рафаила Вольских. Эти театральные художники, конечно, самого высшего, заоблачного, пилотажа, но они почему-то в нашей стране не имеют таких званий и откликов, как Левенталь и Мессерер. Они живут в Романовском переулке, бывшей улице Грановского, в знаменитом заповедном доме правительства. Я впервые вошел в этот дом, в этот старинный подъезд с дорогостоящими зеркалами, все начинает напоминать дореволюционный быт. Долго смотрели театральные костюмы, разговаривали; они хранят удивительно много подробностей. Рафаил, который постарше, рассказывал сначала об ошибке В.Карпова, написавшего биографию Сталина, а потом о приеме по поводу заключения советско-китайского договора. Карпов перепутал и годы и первых лиц: сначала приезжал Чжоу Эньлай, а потом Мао Цзэдун. Прием тогда был в ресторане «Метрополь», и первый тост произнес Сталин, долго говоривший о предательстве. Как я его понимаю в современной ситуации, да и вообще, когда об этом заходит речь. Ведь на тех высотах, на которых всю жизнь летал он, это было основным чувством. Мы живем в том слое, где предательство имеет другой характер и по-другому за него карают: на выборах, на получении должностей, на новых книгах. В общем, Сталин произнес тост — и вдруг все омертвели, потому что кому-то стало страшно говорить…

Собственно, с чего я начал этот эпизод? До этого Рафаил рассказал, что в 93-м, кажется, году слышал мое выступление на юбилее Михалкова в Колонном зале. Я оторопел: так много выступаю, много говорю, но никогда не чувствую обратной связи: как это действует, какое оказывает впечатление, остается ли в памяти? Рафаил рассказал, что я тогда в своей речи повернул так: «Я люблю многие стихи Сергея Владимировича Михалкова, но любимейшим и лучшим для меня является стихотворение…» и

начал читать: «Союз нерушимый республик свободных…» Зал встал. Потом мы начали говорить с Рафаилом о нашей привязанности к Михалкову, который стремится всем делать хорошо, без того, чтобы делать что-нибудь плохое.

А потом он рассказал об этой ситуации в ресторане «Метрополь». После тоста Сталина попросил слова Михалков и очень искусно, на каждом слове заикаясь — что является не только его физиологической особенностью, но и неким театральным приемом, — стал говорить о пекинских пионерах и этими своими милыми запинаниями в речи разрядил тяжелую атмосферу.

Потом, в машине, мы с Луганским, возвращаясь в институт, поразмышляли, что хорошо бы обоих братьев пригласить на какой-нибудь спектакль в Ставрополь, развернуть вокруг этого спектакля выставку. Я сказал о том, что в провинции вокруг одного явления большой культуры возникает некая волна, которая может поднять и весь художественный круг.

К 7-ми часам, весь уже усталый, ходил на спектакль Ерёмина в Театр Моссовета «Учитель танцев». Пошел исключительно из-за того, что там вроде бы есть роль, которую когда-то исполнял бессмертный и звездный Зельдин, а потом — Федя Чеханков. Теперь ее играет и пляшет Гедиминас Таранда. Я не могу сказать, что спектакль меня разочаровал, но слишком уж много там сделано, что бы во чтобы то ни стало всё было современно и ново. Костюмы современные, начало XX века, учат танцевать фокстрот, танго. Сам Таранда располнел, большая задница, он уповает на свою балетную стройность и память тела, на пируэты и жетэ в Большом театре. Там его ласково прозывали «летающий шкаф». Всё это, может быть, и мило, но так старо, такая устарелая труппа, так все лишено романтического блеска — просто это сейчас развлекательная комедия. Было понятно, почему этот спектакль был поставлен в войну и просуществовал, как память тех лет, в Театре Советской Армии долгое время. Зельдин и Федя — это немеркнущие звезды. Впрочем, второе действие было повеселее, и возникла пародия, а также первозданный текст. Не портите карьеру ни себе, ни писателям, которых уже давно нет. Оставляйте их жизнь такой, какой она сложилась. Оставляйте писателю его канонический и привычный текст. Какая прелесть! Как талантливы эти слова! Не нравится, пишите сами!

2 декабря, четверг.

РУКОВОДИТЕЛЮ ФЕДЕРАЛЬНОГО АГЕНТСТВА
по здравоохранению и социальному развитию
ПРОХОРОВУ В.А.

Глубокоуважаемый Вячеслав Александрович!

Традиционно сотрудники Литературного института имени Горького — преподаватели, имеющие ученые звания и степени, а среди них выдающиеся деятели культуры, лауреаты Государственных премий, крупнейшие поэты и писатели — все они прикреплялись для медицинского обслуживания к лечебным учреждениям Национального медико-хирургического Центра имени А.М. Пирогова.

Убедительно прошу Вас, глубокоуважаемый Вячеслав Александрович, не лишать институт этой привилегии и в дальнейшем. Согласимся, что культура — это тоже здоровье народа и фактор его национальной безопасности.

С уважением и признательностью –
Сергей ЕСИН,
ректор Литературного института,
секретарь правления Союза писателей России,
Заслуженный деятель искусств РФ,
профессор.

Большого Букера присудили Василию Аксенову. Всё это происходило, как и в прошлом году, на Смоленской площади, в ресторане гостиницы «Золотое кольцо». Я, конечно, помнил, куда идти, все сияет огнями, везде толпится народ, но все-таки у входа заколебался — увидел человека в эдакой фасонной накидке и позолоченной тюбетейке. И тут же подумал: «не мелковат ли стал в гостинице швейцар?» Спросил, где этот самый зал «Суздаль»? Швейцар обернулся — и оказалось, что это Людмила Улицкая. Новый имидж или творчество, действительно, фантастически истощает!

В шорт-листе было заявлено пять или шесть человек: Аксенов, Курчаткин, Слаповский, Петрушевская. Как всегда безукоризненно элегантный Игорь Шайтанов всё это объявлял, но на этот раз не было постоянной английской представительницы баронессы Никольсен, она в Евросоюзе, голосует по поводу вхождения Турции в ЕС. Вообще надо внимательно думать и внимательно на все смотреть — куда и зачем ты ходишь. Не каждую еду, чтобы не превратиться в лакея, стоит есть, и не на каждое собрание ходить.

Уже внизу, в вестибюле, а зал «Суздаль» на втором этаже, увидев мужественного классика Аксенова, я прошел как-то сторонкой, потому что совсем недавно очень резко отозвался о фильме «Московская сага». Но необходимо выработать в себе принципиальное мужское качество, мужское начало характера — не робеть и при всех условиях быть готовым держать удар. А тут — новая многозначительность: Букеровская премия — это дитя образования «Россия — открытое общество», то есть существует

на деньги Ходорковского. Мне потом М.О.Чудакова, мы сидели с нею за столом, справедливо говорила о том, как много Ходорковский сделал для поддержки детских домов, для культурных мероприятий, для образования. Я это понимаю, но не могу не вспомнить давнюю статью в «Труде» о том, как, почувствовав определенную зыбкость, Ходорковский пытался так же точно действовать и в Америке — войти в круг больших жертвователей, так сказать, в круг самого высокого общества, но, кажется, это общество не вполне его приняло — богачам уже во втором поколении не совсем безразлична причина возникновения денег. Ходорковский, я думаю, ошибочно полагал, что громкое имя всеобщего благотворителя способно защитить… В общем, изысканная закуска, лежащая на тарелке, — икра, белая и другая рыба, кусок авокадо и еще какие-то экзотические овощи, включая спаржу, — всё это оплачивалось деньгами Ходорковского. Так литераторы едят, воистину, един раз в году.

Выступала, как и в прошлом году, Ирина Ясина, дочь бывшего министра экономики. Она говорила о Ходорковском, о том, что ему всего 41 год, что уже год он сидит в тюрьме, а Платон Лебедев — полтора года; что здоровье того и другого уже подточено узилищем. Объективно мне всех жалко. Жалко и этих людей. Что касается самого выступления Ясиной, то заслуживает уважения ее преданность, я бы сказал — преданность почти собачья. Это не так часто в нашем мире встречается. Но только что она защищает: близкого ей человека, образ жизни, которого она не имела раньше, или, как уверяет закон, жуткое бесчеловечное воровство, грабеж всего общества! Не с этого ли благочестивого воровства началось обнищание всего общества?

Как я уже писал, рядом со мной сидела Мариэтта Омаровна. Я клялся, что больше писать о ней в Дневниках не буду, но не мог не слушать её, она говорила очень интересно, ведь у меня с ней очень много гуманитарных точек соприкосновения. Она высказала свою теорию: меня она считает выше лагеря тех людей, к которым я примкнул. Как она предполагает, это вызвано тем, что во времена, когда происходило подобное деление, я, дескать, просчитал, что в этом лагере могу быть одним из первых, а в том — демократическом — рассчитывать на первенство хоть и мог, но уверенности не было. Я думаю, что она тут совершенно не права: я не из тех людей, которые все высчитывают, у меня был скорее интуитивный выбор, я как простой мужик, который идет из каменного дома ночевать в свою избу. М.О. говорила еще много интересного, но всего не запомнишь.

Напротив меня сидела дочь председателя жюри Войновича. Я сразу же ей сказал, что я — несогласный читатель её отца. А М.О.,

кстати, многие годы дружит с Войновичем, и она не согласна с ним в отношении Солженицына, но они никогда о нём не говорят. Я заметил, что так жить не умею: если не согласен — говорю об этом сразу.

Подали горячую закуску. Это некий блин, перевязанный сверху как бы ленточкой, а внутри то ли тушеные почки, то ли тушеная печенка — вкусно неимоверно. Но после этого у меня начал болеть живот. То ли Бог наказал меня за то, что я по недомыслию съел скоромное в Рождественский пост, то ли нет, но еще раньше, во время закуски, я подумал — гораздо нравственнее, с большим доверием к Богу в пост съесть кусок сала, чем употреблять эти дорогие рыбные разносолы. Да кто в наше время ест подобные вещи? Ну да ладно.

Атмосфера накалялась. Курчаткину дали диплом за участие в финале, уже выяснилось, что другая финалистка — Петрушевская — не пришла. Объявили студенческий Букер, судьями стали студенты РГГУ, не чуждые Ходорковскому, и тут я опять удивился. За роман «Рахиль» или «Ревекка» его получил Геласимов. Вот пострел, как точно стреляет по намеченным целям!

Стали разносить горячее. Я заранее выбрал рыбу, которая называется, кажется, дорада (о ней и в литературе есть). Это маленькая вкусная рыбка почти без костей. Другие гости сделали иной выбор, им принесли по большому куску баранины на рёбрышках, И вот в этот момент и объявили, что Букера выиграл Василий Аксёнов. Я пошел на пресс-конференцию в зал «Есенин», пропустив десерт. Мне хотелось повидаться с двумя членами жюри: Лёшей Быковым из Екатеринбурга, с которым когда-то встречался во Владивостоке, и с Никитой Елисеевым, книгу которого я недавно прочёл. Я отчетливо представляю сам, как мы великодушно принимаем комплименты и поздравления — и точно так же принял их Елисеев, невысокий, худощавый молодой человек, сказавший мне, что в свое время зачитывался моими «Мемуарами сорокалетнего». Может быть, я действительно такой известный писатель? Лёша Быков немного постарел, но, в общем, всё такой же живой. Журналистов была тьма. Аксенов, сурово глядя в телевизионные камеры, сказал, что наконец-то получил первую свою премию, упомянул, естественно, о некоем узнике. Долг платежом красен. Твердо решил, уходя с Букера, прочесть роман Аксенова «Вольтерьянцы и вольтерьянки».

Посадил в свою машину Лёву Аннинского и его жену Сашу (нам по дороге) и довёз их до дома.

Трое или четверо моих знакомых, Таня, Толя Курчаткин, М.О. спрашивали о В.С., многие знают ее книги. Таня Набатникова

даже сказала, что она с настоящим спортивным интересом следит за появлением статей В.С. Подтекст был такой: значит, жива.

В Москву прилетел для каких-то консультаций Кучма. Летай не летай — для меня он всё равно человек конченый.

3 декабря, пятница. Еще несколько дней назад С.И. Худяков на экспертном совете предупредил, что в пятницу (т. е. сегодня) в 12 часов дня на Тверской, на доме девять, будут открывать мемориальную доску, посвященную памяти Е.А. Фурцевой. Какая-то дата, кажется, связанная с годовщиной ее смерти. Он сказал так: «Я боюсь, что там будет пять человек выступающих», и попросил, по возможности, членов экспертного совета прийти на открытие. Для меня это прозвучало не только просьбой, но задело мое природное чувство справедливости — уж о какой справедливости я здесь говорю, не знаю. Может быть, не все так безнадежно, значит, есть какие-то в обществе здоровые силы. В общем, пошёл. Правда, потом, когда час простоял на Тверской, без шапки (а шёл снег, и замерзли ноги, пришлось принимать меры: пить терафлю и все прочее), не жалел, а подумал, что даже в проявлении своих чувств в моем возрасте надо быть осторожней.

Народу было достаточно много. Приехала Л.К. Слиска, изысканная прическа, красивое пальто, это уже не та упорная женщина, которая стала внезапно для всех вице-спикером Думы. Молодой человек, видимо, охранник, держал над ней зонтик. Был министр А.С. Соколов, спокойный, как всегда вежливый, но тянущий, без излишней аффектации, свою линию. Пешком от Моссовета пришла Людмила Ивановна Швецова. Мне недавно рассказали о гибели в какой-то аварии ее сына. Когда я вижу ее, я всегда думаю: что делается у нее в душе, как она живет и как держится? Выступали с речами еще и Вл. Андреев, и Виталий Вульф. Телевизионные люди, Виталий и Володя, стояли без шапок. Когда памятник открыли и стали говорить речи, то Володя передал свою шапку мне и пошел к микрофону. Он полон каких-то мрачных предчувствий, какой-то горечи.

Но вообще присутствовала некоторая удивлённостъ и ощущение, что внезапности в наше время — воплощение художественной справедливости. Скинули с бронзовой доски полотно. Работа скульптора Балашова, сына Екатерины Балашовой, замечательной женщины, много лепившей Пушкина. Я хорошо помню Балашову по встречам для интервью в «Комсомольской правде». Это случилось сразу после скандальной выставки «XXX лет МОСХ» в Манеже. Как она, наверное, страдала, когда ее заставляли высказываться!

Красивая доска, лицо в профиль и очень точная надпись:

«Выдающемуся деятелю культуры». Нет ни «министра», ни «члена ЦК», осталось лишь — выдающийся деятель культуры, много сделавший для нее.

По-настоящему хорошо говорили почти все. Это был редкий случай, когда не надо было лукавить. Сначала С.И. Худяков, потом Шевцова — о женщинах в обществе вообще и о Фурцевой в частности. Она, видимо, ее знала каким-то образом еще с детства. Очень точен был Соколов. Формулировки-то все были привычные, синтаксис и лексика обкатанные, но за всем этим было личное серьезное напряжение. Все это было с каким-то русским, пусть простят меня за неточность, акцентом. Шёл снег, на мокром асфальте толпились телевизионные камеры. Я стоял рядом с Володей Андреевым, также выступавшим и говорившим о своих встречах с Фурцевой, а рядом мёрз также без шапки Вит. Яковлевич. Вообще сцена была интересная, когда он практически на всю улицу Горького с удовольствием пересказывал биографию Е.А., о которой рассказывал уже в своей передаче. Я еще не понимаю до конца, что случилось в этот день, но что-то особенное случилось.

На дачу уехал поздно вечером. Стиснув зубы, всё-таки поехал — через снег, по мокрому шоссе. Часов в 9 или в 10 был уже в своем непротопленном доме. Тишина, умиротворение, белый и нежный снег.

4–5 декабря, суббота, воскресенье. Как же все мы оказываемся неправыми в своих торопливых тусовочных представлениях! Взял в пятницу в библиотеке роман Вас. Аксёнова «Вольтерьянцы и вольтерьянки», в субботу вгрызся в него, и только в Москве, в ночь с субботы на воскресенье, закончил первую половину. Я думал, что опять какая-нибудь очередная мутота, но большой писатель может взять тайм-аут, как говорится — мастерство не пропьешь. Аксёнов всегда был крупным человеком, но в какие-то годы он занимался поденщиной, которой занимаются и другие писатели, занимался этим и я. А это он делал для себя. Какой удивительный полёт, какое удивительное сознание собственной личности! Его угрюмость и его значительность, показавшиеся мне несколько смешными на букеровском обеде, — не маска, а отражение его сути: крупный писатель после очень крупной работы. Разве это сравнишь с «Московской сагой»? Здесь некая фантазия на тему восемнадцатого века, что-то похожее по приему на его знаменитую повесть в «Юности» — «Затоваренная бочкотара».

На этот раз дело шло о переписке Вольтера с Екатериной. У писателя действительно всё идет в переплав, таков поразительный закон, специально сочинённый и

сконструированный язык. Каков баланс между пародией и историей! Отчасти это действительно напоминает и наши дни. Но, может быть, отсутствие злости и есть опыт большого писателя? Я все-таки достаточно злобен в литературе. Литература, конечно, должна приносить удовольствие, поэтому я предвкушаю тот момент, когда возьмусь за чтение второй части романа. Сделал выписки, связанные, как всегда, с психологией творчества и с тайнами ремесла. И вот парадокс: пока читал чужой роман, думал о том, как расположить главы в моей собственной диссертации, мысль о которой я не оставил. Жизнь хороша тем, что в ней еще есть место для восторгов.

Вечером в Москве телевидение. Кажется, как и обычно, политически мы все просрали, в том числе и подъем народной волны в Донбассе. Кучма, этот старый лис, все финтит. И этот человек когда-то был президентом огромной страны!

6 декабря, понедельник. С пятницы, всю субботу и воскресенье я был под впечатлением того, что у нас в институте довольно плохо обстоит дело с электричеством. Насовали мы в каждый угол арендаторов, парикмахерские, банки и «Машимпекс» — и электрические сети не справляются. Наш договор с Мосэнерго заканчивается, Владимир Ефимович с радостью сообщил мне, что нужно один или два миллиона на проект и замену электрооборудования. К счастью, сегодня я вызвал нашего электрика Евгения Петровича и потихоньку, пункт за пунктом, разобрался с ним в этой проблеме. Он очень знающий человек и понимает хозяйственную логику. Кое-что мы уже сделали, сэкономили, ввели кое-где энергосберегающие принципы. Во-первых, решили определить мощность каждого потребителя; 30 единиц у нас, например, потребляет банк, а вся разрешенная мощность — 60 единиц. А сколько потребляет жилой подъезд, который сейчас беспризорный? А сколько так называемая парикмахерская, которая даже отапливается, при попустительстве Сергея Ивановича Лыгарева, электричеством? Надо заставить больше платить арендаторов — хотите аренду, платите; если нет — найдем менее электрически ёмкого клиента.

Сегодня утром по телевидению, кажется, по второму каналу, показывали очень интересную передачу о кино. Конечно, как всегда, всё замешено на Сталине, что он любил кино, и что и кого в кино именно любил. В том числе выступал и внук Сталина режиссер Бурдонский — дожили мы до времени, когда не только молва тихо шелестит «внук Сталина, внук Сталина», а и в титрах указано: «Внук И.В.Сталина». И он сказал: «Кто говорил, что Любовь Орлова — любимая актриса Сталина?» Этой фразы мне было достаточно, чтобы выстроить модель интеллигентской

накачки своего значения и своей роли в искусстве.

Кто-то из ведущих рассказал такой эпизод. Геловани, игравший роль Сталина в фильме «Падение Берлина», попросил разрешить ему, чтобы вжиться в образ, пожить на даче Сталина на озере Рица. На это желание актера Сталин якобы отреагировал следующим образом: «А почему бы актеру не пожить в Туруханском крае, где я был в ссылке?..»

Среди многих обстоятельств, из-за которых я не поехал в Германию, был и сегодняшний вечер — вручение премий и дипломов конкурса «России верные сыны» — твердо обещал заранее, надо, значит, исполнять. Поехал. Все это происходило в Центральном доме литераторов, где литераторам все же оставили кусочек, иногда от кино освобождают большой зал, но почти постоянно функционирует зал малый. Там теперь происходят творческие вечера и хоронят. Писательская публика толпится в фойе, в большом холле происходят фуршеты. Наверное, последний раз в знаменитый деревянный зал ресторана писателей пустили на предпоследний юбилей С.В.Михалкова, да еще были там писатели, когда закончился какой-то литературный конкурс. Здесь теперь невероятно дорогой, может быть, самый престижный в Москве ресторан, не с кошельками писателей в него ходить.

Большой зал был полон. Возможно, это свидетельствует о признании премии, о её расширительном значении, но основное — что русской, патриотической литературой кто-то интересуется. Было даже сказано, что даст Бог, доживем и до названия «государственная» премия. По своему обыкновению я сидел и записывал. Сидел, правда, в президиуме, я один из тех, кто премию вручает. Но сначала — кто что дал и кому. Распутин, естественно, получил премию за повесть «Иван, сын Ивана». К премии прилагается обязательная речь. В.Г. говорил о двух странах в одной стране. Вот его фраза, я бы сказал, коронная: «Нас читают мало, их читают еще меньше». Вторая фраза: «Можно назвать гадкие вещи новым вкусом». Третья: «Со временем их будут читать еще меньше».

Вручал премию В.Г. Распутину Юрий Поляков, который назвал Распутина писателем мирового уровня. Согласимся. Мысль Полякова и также мысль Распутина: быть державы верным сыном — довольно трудно. Поляков (или Распутин) говорили, что чем подлее ты пишешь о России, тем больше у тебя шансов попасть в какую-нибудь престижную делегацию. «Я рад, что наше государство медленно, но верно разворачивается в державном направлении». Это, кажется, сказал основной меценат и спонсор премии — Виктор Степанович Столповский. В свое время именно

он, вместе с Петром Лукичом Проскуриным, образовывал фонд для этой премии.

Премию за поэзию дали Дудареву, я плохо его знаю, — парень обаятельный, читал стихи.

Мне надо было вручать премию Володе Бондаренко. Речь свою при вручении я произнес с некоторой долею иронии или юмора. Держался, ни разу не употребил слова «патриот». Кстати, кто-то из выступавших, кажется, А.М. Соколов, министр культуры (пришел на вручение премии, это знаковый поступок), позже сказал, что слово «патриот» стало очень затертым. Я говорил о Володе как о редакторе, рассказал его литинститутскую эпопею, кое-что процитировал из его «личного дела», в том числе его характеристики из НИИ то ли лесной, то ли бумажной промышленности, где он в юности, закончив лесную академию, работал… На вступительном экзамене в институт Бондаренко написал сочинение на тему «Советский народ». Не изменять себе — это тоже достоинство. В том числе я сумел сказать о нем как о редакторе, который иногда умудряется закрывать глаза и ставить кое-какие статьи, не читая. Это я ответил на несправедливую, облыжную рецензию на сборник стихов Вл. Иван. Гусева. Это было какое-то сведение счетов, потому что сборник был совсем не о том, о чем эта рецензия писалась. Собственно, ради этого я в свое время и согласился участвовать в церемонии.

Одну свою заготовку я тем не менее забыл. Хотел еще процитировать пару абзацев из литературного путеводителя, написанного С.И. Чуприниным, абзацы довольно объективные, но, как всегда у Чупринина, с оттенком доноса. Это неизбывная советская черта у нашего либерала. Власть не должна забывать о его литературных противниках или о его литературных завистях, а вдруг пристрелят! Попутно просмотрел всю книжку. Конечно, он сукин сын, и завистливый вдобавок: Наташу Иванову вписал в действующую литературу, меня из нее исключил. Ну ладно, посмотрим.

Вручили премию за публицистику одному из бывших руководителей «Альфы» — Зайцеву. Его фраза: «Ни писателя, ни поэта из меня не получится. Но я считаю себя гражданином России и буду продолжать им себя считать».

Завершал вечер министр культуры. Я к нему отношусь с особым пристрастием и вниманием. У нас, кажется, возникает контакт. Вообще, я всё больше и больше задумываюсь над фигурами тех или иных руководителей. Почему возникает контакт? Потому что одни и те же приоритеты: вступил он в должность и вскоре оказался на юбилее Дорониной, наверное, она ему интересна. М.Е. Швыдкой тоже считает ее большой

актрисой, однако она ему, судя по всему, менее интересна, его больше интересует театральная тусовка, которая собирается в ВТО у Маргариты Эскиной, там он среди своих. Я свой среди других людей, и не говорите мне, что все люди одинаково нам интересны.

Я встретился с Соколовым еще раз на разъезде, в вестибюле, и он сказал, что нас знакомили еще тогда, когда вышел мой «Имитатор». Я, видимо, очень старый человек — уже рассказывают обо мне, а не я о ком-то. Во время своей речи, в зале, А.С. сказал: «В зале происходит то, для чего он создан, т. е., видимо, для того, чтобы говорить о литературе. Сегодня так глубоко и широко были представлены многие жанры литературы. Когда художник говорит о художнике — это уже много».

Видимо, приходит некий час «Х», когда востребуется русский дух.

У телевидения удивительная страсть к Сталину, как раньше у желтой прессы была страсть к жизни знати и царей. Вчера утром была передача о кино, показывали бесконечные эпизоды со Сталиным, с работниками НКВД — это фильм «Дети Арбата». Меня всегда удивляет, что все сцены написаны только с одной позиции — с позиции жертв: Зиновьева, Каменева, с позиции интеллигентов. И никто не рассматривает точку зрения Сталина. Когда я попытался изложить свою мысль В.С., она сказала: и это говоришь ты, сын репрессированных родителей! Но тем не менее логика такова: совсем недавно произошла смена режима. Страна живет довольно средне. Огромное количество людей хотят реставрации. Тонкошеии вожди, видя близость власти и те «демократические» пути сговоров и выборов (на примере наших дней), при помощи которых ее можно достать, естественно, как могут, интригуют против Сталина. Он отвечает. Но как хотелось бы услышать и его монолог!

7 декабря, вторник. На вторничном семинаре обсуждали Мишу Прокопьева, моего студента из Иркутска. В принципе, большое счастье, что иркутяне, с их обостренным почвенничеством и пониманием литературы не как некоей филологической игры, а как жестокого понимания жизни, сидят, работают и обсуждают у меня на семинаре. Моя московская интеллигенция как бы начинает понимать, что не всё так просто, что писательская жизнь — это не отблеск телеэкрана, не вторичность кинокартинок, не знакомая игра слов — за всем этим стоит что-то серьезное и грозное.

Правда, я с горечью обнаружил, что Миша Прокопьев уже год как не живет в Иркутске, а живет у нас в Москве, в общежитии, работает у нас плотником, работает хорошо. Свою повесть — за

исключением очень скверного названия: «Колыбельная для души» — написал на серьезной и трагедийной ноте. Это повесть о Чечне. Все повести о Чечне похожи друг на друга, а кто-то из студентов заметил, что они отличаются лишь приемами пыток, и отчасти это справедливо. Эти грозные сцены есть и у Миши, они написаны лаконично, но с поразительной проникновенной силой. Мне запомнилась такая сцена: командир отряда, некий Искандер (потом оказывается, что это вполне интеллигентный человек, окончивший в Киеве художественный институт, скульптор), сейчас представляет собой то ли полевого командира, то ли некоего господина горного ханства; он захватывает пленных, и здесь проявляется некая немецкая технология — пленного надо использовать поскорее, пока у него еще есть силы. И присутствует немецкая точность: первого числа всех больных и немощных выкладывают на дорогу, и командир давит их своим джипом. Есть еще одна, столь же кровавая сцена: молодого парня, солдата, подвесили на крюке и содрали с него чулком всю кожу. Когда приходят наши, то парню убирают кожу с лица, он еще жив. Как тебя звать? — Серёжа. — Какой твой адрес? — Сказал адрес. И единственное, чем ему можно было помочь — вынуть револьвер и застрелить. Большое впечатление оставляет сцена, в которой мать этого самого Искандера, светлая такая старушка, приезжает выбирать пленных для работы в хозяйстве. Казалось бы, благообразная и тихая, она тем не менее заставляет пленных раздеваться до пояса, чтобы взять качественного работника. Но это даже не суть повести, суть заключается в описании того, как трое живут в плену и ждут выкупа; один из них священник, другой офицер, который уже раз умолял, облизывая ботинки своих хозяев, чтобы его оставили в живых, и он знает, что будет это делать еще, в момент казни… Вообще, повесть о душе, о том, как христианство помогает вынести бремя тела. Очень точный замах. Естественно, что в повести много непрописанного, и ребята и я указали на это, есть некая школьность приёма — через дневник; есть неточность в описании поведения священника… Но высок сам пафос. Когда Миша доделает работу, я покажу ее в «Литературной России», кстати, «Литературная Россия» — единственный орган, способный напечатать подобное произведение, где пафос жизни сильнее, чем пафос литературы.

В связи с этим подумал еще и о том, что надо обязательно отдать в «Литературную Россию» и рассказы Чуркина. Ничего подобного по отношению к своим дорогим москвичам, даже лучшим из них, мне делать не хочется.

8 декабря, среда. День начал очень рано. Продолжаю читать Аксенова, и тут потрясают два обстоятельства: с одной стороны,

мой возраст, когда многое уже притупилось, с другой — удивительный полёт фантазии, поразительная адекватность приёма и смысла. Крупнейший мастер. Наслаждаюсь скорее возможностями, хотя иногда замечаю в стиле возникающую усталость. Сейчас добрался до того места, где Вольтер начинает свою беседу с людьми, якобы посланными императрицей для проведения предварительных сеансов. На повестке дня стоит вопрос: стоит ли освобождать крестьян сейчас? Вроде бы молодая императрица готова, и вот ответ либерального Вольтера: «Еще по крайней мере двадцать лет в России крепостное право отменять нельзя». К этому, по мнению и Вольтера, и, к сожалению, самого В.П. Аксенова, либерального наблюдателя, не готовы ни крестьяне, ни помещики. Крестьяне любят сильную руку, а дворяне думают — кто же будет им услужатъ?

Во второй половине дня ездил на президиум Академии словесности. Я пришел последним и, собственно говоря, оказался «кворумом». На повестке дня было два вопроса: обсуждение сына Стаднюка, почтенного и опытного человека, бывшего военного, как ученого секретаря — к нему у меня никаких замечаний нет. А второй вопрос главный для Юры Антонова: назначить новых членов президиума, а академиков, которые каким-то образом недостаточно себя проявили, перевести в разряд полуакадемиков, неких полуассоциативных членов. Я вцепился в оба списка. Первый список, представляющий людей на понижение: Жданов, Луценко, Буянов, Калашников, Рассолов, Воротников, Зюганов. Это, я считаю, понижение конъюнктурное. Сначала мы брали Рассолова (хоть он и средний писатель, я сам писал предисловие к его собранию сочинений) как первого зама председателя ВАКа, а Зюганова — как лидера тогда самой большой думской фракции. Ради этого мы их брали, хотя эти люди достаточно далеки от нашей литературной работы, и я выступал по этому поводу. Теперь берем других, против которых у меня нет замечаний.

Пафос моего выступления заключался в том: а не будем ли мы через пять лет говорить, что и эти чем-то нехороши? Мы берем достойного человека — Жукова (я читал его превосходную статью о Тегеранской конференции, где он был). Но мы берем его как отца вице-премьера; берем мы еще и одного из лучших и успешных российских издателей — Олега Поликарповича Ткача, не только из-за мечты напечататься (а я в этом издательстве печатался много), но и потому что О.П. — член Совета Федерации. Берем Карпухина — умного и достойного человека, потому что он — советник председателя Совета Федерации. Повторяю, я не против этих людей, но, ребята, давайте установим: или у нас Академия, куда мы очень тщательно

принимаем, а потом работаем с ними, наконец провожаем, как В.С. Розова, — или у нас детский сад. Мне удалось первую часть повестки дня снять: вопрос не готов.

Кстати, в своем выступлении я сказал, что не удовлетворен работой Академии, мы не стали настоящей организацией, к которой прислушиваются, мы вручаем лишь бесконечные Пушкинские медали и дипломы. Возник еще разговор о членских взносах, но это менее интересно. Я напомнил, что за время существования Академии у нас не было ни одного общего собрания, в этом смысле всё руководство Академии нелегитимно. Мне пытались объяснить, что аренда зала — трудное дело, что у нас 16 человек иногородних. На это я ответил: зал Литинститута на один день будет предоставлен безвозмездно, а 16 человек бесплатно поселим на нужное время. Случай, когда деньги решают меньше, чем идея. Я вспомнил, что мы уже сделали: Академия остановила готовящуюся реформу русского языка. Участвовала в этом.

Вечером я по телефону, который мне дала Н.И. Литвинец, и по поручению Н.И. Рыжкова, коллеги Ткача по Совету Федерации, говорил с Олегом Поликарповичем. Собственно, вопрос публикации второго тома моих Дневников решился. И я не считаю, что он решился как-то несправедливо, в конце концов, каждый апеллирует к тем людям, с которыми знаком. Когда я был очень молодым, я обращался к Галине Костровой, моему редактору, тогда тоже очень молодой, и она инициировала мое имя в редакционных списках. В разговоре с О.П. я сказал и о Г.П. Костровой — видимо, она и будет моим редактором «Дневников», хотя они уже готовы и лежат в моем сейфе.

Вечером В.С. рассказывала о собрании Союза кинематографистов. Зал был полон. Я думаю, всё было организовано теми, кто недоволен избранием Н.С. Михалкова главой Союза. Мутит там другой лагерь, во главе с Пашей Финном. Но вроде бы все образовалось. Вечером В.С. читала стенограмму последнего съезда, говорит, что это поэма, такие удивительные подробности. В ближайшее время и я начну читать этот матерьяльчик. Если бы можно было не увлекаться жизнью, а заниматься, как Аксёнов, большой романистикой!

Ашот опять положил мне в почтовый ящик вырезку из газеты «Коммерсант» — это, значит, опять новое культурное событие. На этот раз грустное: умер Владислав Старков — редактор знаменитой газеты «Аргументы и факты». Газета эта многое сделала для выяснения демократической «правды» о СССР, КПСС, Ленине, КГБ и прочем. Во всяком случае, она всегда была интересной. Последний раз я встречался со Старковым лет пять

назад. По слухам, он был очень богатым человеком. В «Коммерсанте» о Старкове рассказывает Александр Яковлев, это говорит о многом. Три года назад Старков продал свою часть акций какому-то банку, не он один, многие разбогатели на времени и антисоветизме. У меня отношение к покойному было сложно-завистливое. Скорее всего, я восхищался его ловкостью и беспринципностью. В 1990 году «Аргументы и факты» выходили тиражом в 30 миллионов. Эти искусственные тиражи на даровой государственной бумаге тех лет и погубили нашу прессу и нашу литературу.

9 декабря четверг. На Украине самый настоящий фарс. Уже изменили сам статус республики, она перестала быть президентской и стала скорее парламентской. «Стабилизируя» ситуацию, Кучма, естественно, всех, кого только можно, сдал: Януковича, и выборы, и себя как хоть какого-нибудь видного украинского деятеля. Напрочь вычеркнул себя из истории. Он теперь так же презираем, как у нас Горбачев и Ельцин.

Вечером по ТВ Михаил Леонтьев стоял у барьера с курчавым купидоном Борисом Немцовым. Немцов доказывал, как обычно, что Америка лучшая в мире страна и к выборам на Украине никакого отношения не имеет. Поединок по зрительским симпатиям, выражающимся в телефонных звонках, закончился соотношением один к трем в пользу Леонтьева. Это только судьи, среди которых была и Татьяна Толстая, не признали его победу. Как обычно, у нас интеллигенция умна, но ее мнение не совпадает с мнением народа.

Путин — все то же ТВ — говорил с олигархом Аликперовым о цене на нефть у нас на внутреннем рынке, вернее, о ценах на бензин. Алекперов мужественно пообещал президенту что-то туманное. Цены на бензин у нас уже выше американских, хотя нефть добывают у нас, а не в Америке.

Занимался восстановлением в институте Чуркина, который учится уже лет восемь, и подготовил ответы на вопросы «Литгазеты», она собирается опубликовать их на следующей неделе, к моему дню рождения.

Над чем вы сейчас работаете?

Мне недавно попался сборничек С. Чупринина о нынешнем состоянии нашей вянущей литературы. Я обратил внимание, что меня там нет, хотя есть много персонажей, близких к Чупринину по бессмысленно-либеральному для нашей страны лагерю… Но, может быть, я сейчас отвечаю не «Литературной газете», а Чупринину? Так вот, я готовлю второй том своих «Дневников». Это моя жизнь — как ректора, как писателя и как гражданина за все последние четыре года. Я написал большой роман, материал к

которому собирал в течение нескольких лет, роман называется «Марбург»; в нем пять или шесть действующих персонажей: герой, видимо, похожий на меня; героиня, в которой есть определенные черты моей жены; действует и собака, которая просто списана с собаки Долли и вот уже десять лет является членом нашей семьи; есть в романе и город Марбург, где я был пять или шесть раз, и два персонажа русской истории, учившиеся в Марбурге: Ломоносов и Пастернак (либеральная публика может переставить эти имена в удобном для неё порядке).

Как складывается журнально-издательская судьба ваших произведений?

Вею жизнь эта самая судьба складывалась для меня довольно благополучно. Я полагаю, что это связано всегда с качеством текста. Мы ведь знаем, что и Солженицын попал в свое время в «Новый мир» самотеком, а в XIX веке самотеком попали в журналы и Толстой, и Достоевский. Мою первую повесть, посланную заказным письмом в пять московских и один провинциальный журнал, напечатал журнал «Волга» и положительно отрецензировал «Новый мир». «Имитатора» я сам принёс в «Новый мир», и через два года он был там напечатан (редактором отдела тогда был А. Жуков, а главным редактором журнала — Вл. Карпов, внутренним рецензентом — М. Чудакова). Еще не будучи ректором, я отдал в журнал «Наш современник» свою повесть «Стоящая в дверях», и через два месяца она вышла. Галина Кострова, мой постоянный редактор еще по издательству «Молодая гвардия», инициировала книгу моих «Дневников» в издательстве ЭКСМО — проч. и проч. и проч.

Я всю жизнь работал, и поэтому вопрос гонорара для меня особенно не возникал. Хотя должен сказать, что гонорар, полученный мною за мою еще советскую книгу, равный по стоимости или двум «Волгам», или двум годам спокойной писательской жизни, съел дефолт. Что уж об этом говорить! Лично для меня признание публики дороже всего остального.

Какие работы ваших собратьев по перу вас обрадовали или огорчили?

Больше всего меня радуют успехи моих учеников. По внутреннему потенциалу это очень сильные ребята. Но даже старт их часто откладывается, и хотя я говорю им, что литература, в том числе печатание собственных произведений, дело одинокое, — но с такою тоскою вспоминаю об отделах по работе с молодыми в бывших советских издательствах!

За последнее время самые мои большие огорчения и радости связаны, как это ни странно для человека не либерального направления мысли, с именем В.П. Аксёнова. Во-первых, этот

жуткий фильм «Московская сага», о котором я резко отозвался в журнале, издаваемом Советом Федерации, по двум сериям, просмотренным мною. Мне показалось тогда, что творчество Аксёнова совершенно проиграно в наше время. Но вот я начал читать роман «Вольтерьянцы и вольтерьянки». Какой потрясающий роман!

В.П. Аксёнов получил за него Букеровскую премию. Собственно говоря, столько «Букеров» было, а помним мы лишь Маканина, Павлова и Гальегу (здесь, правда, особь статья). А где все остальные? Я и взялся-то за роман, чтобы удостовериться по поводу некоего конъюнктурного междусобойчика, называемого «Букером». Ан нет! Грандиозный роман, поразительный, великолепный язык, на что-то подобное могли рассчитывать в русской литературе Астафьев, Белов и Распутин, с нестареющей фантазией, с огромной энергией… Браво, Аксёнов! Читать этот роман, конечно, не очень легко, для этого кое-что нужно знать. Но литература не ликбез. Внутренне я при этом перебрал всё, что грандиозного у Аксёнова помню — его рассказы, «Затоваренная бочкотара» (с предисловием Е. Сидорова) тоже запомнилась, «В поисках жанра», с которыми он уехал за рубеж, — и вот, замечательный роман «Вольтерьянцы и вольтерьянки».

10 декабря, пятница. Утром ходил в кино на фильм Оливера Стоуна «Александр». Билеты по 100 рублей, дешевые, но сеанс начинается в 9 утра. Фильм скорее удовлетворил мои познавательные, нежели художественные интересы. Очень дорогой блокбастер с потрясающей сценой битвы войска Александра и Дария, так же художественно неповторимой, как бой колесниц в «Бен-Гуре». Подобные фильмы могут быть опасны только тем, что неверное, осовремененное видение истории и материальной культуры может некритически войти в сознание. Разве такой мы представляем себе историю, скажем, древней, как предыдущее поколение? Телевидение и кино разукрасили все наши исторические картинки.

Вечером приходил Витя Широков. Его стараниями вышел второй том «Власти слова». Подзаголовок у него «Практика». Два этих очень изящных томика превращаются в некоторую систему.

Завтра у Толика свадьба. Это и мое очень серьезное достижение, хоть чью-то жизнь я направил.

11 декабря, суббота. Весь предвкушаемый на целых три дня порядок поломался, потому что в субботу должна была состояться свадьба Толика, нашего завхоза, а в воскресенье получил телеграмму от Рогозина: намечается какая-то сходка. Забегая вперед, скажу: сразу же после свадьбы уеду, протестовать, бороться за права и со всеми вместе голосовать, стоя под

взглядом телекамер, — не буду. У каждого должна быть своя работа, моя — выращивать грамотных и культурных людей.

К 9 часам приехал в институт. Собрались все Толиковы друзья и сослуживцы, те, кто с ним непосредственно работает: я, Владимир Ефимович, Витя, его племянник, Володя Рыжков, с которым он скидывает снег с крыш, возится во дворе; пришли шоферы Миша и Паша, приехал Сергей Петрович. Мы погрузились на «Газель» и поехали сначала за женихом с невестой.

Когда сели за стол, я сказал о том, как Литинститут многих безошибочно соединяет: Толик, когда приехал, пил и вовсю бегал за девками, мы же с В.С. старались его от всего оградить. А когда он начал дружить с Людой, я в первый раз за него порадовался, она всегда казалась мне замечательной девушкой — веселой, самостоятельной, умной и предприимчивой. Вот, собственно, за Литинститут, который их соединил, я и поднял стакан с минералкой, сейчас говорят: поднял тост. Встретились на этом пятачке в центре Москвы парень откуда-то с Дона и девушка из Москвы, и не только встретились, но и поженились. Может быть, это самая толковая свадьба, из состоявшихся за последнее время в Москве.

Итак, приехали в загс. Люда была замечательно одета — никакого специального белого платья, никакой фаты, только в красиво причесанные волосы вплетена белая веточка, намекающая на свадьбу. И самое замечательное — они взяли в загс своего, прижитого вне брака, ребенка. Это было так трогательно — они стояли друг возле друга, а теща держала четырёхмесячную, в красном комбинезончике, Варвару, которая, кстати, ни разу не пикнула.

Когда мы с Анатолием подходили проверять документы, какая-то предприимчивая дама-регистраторша спросила: вы как будете, с музыкой или без? Наше удивительно бедное, никчемное государство даже не может в таком деле установить символ равенства, унижает людей различного социального достатка. «А сколько стоит с музыкой?» — спросил я. «Семьсот рублей». Уже столько было потрачено, но я вынул 700 рублей и заплатил. Когда проходил акт регистрации, я увидел за ширмочкой двух пожилых скрипачек, а кто-то невидимый играл на музыкальном синтезаторе.

Зажгли камин, который мы зажигали только при встрече с китайцами, а возле него стояла коляска, в которой (ни гугу) спала Варвара. Со стороны Люды было две школьные подруги, замечательные девки, разыгравшие какой-то конкурс — команда мужчин и команда женщин должны были замотать в рулон

туалетной бумаги (это называется «сделать мумию») жениха и невесту, кто управится быстрее. Мужчины выиграли. Немного танцевали. И никакой пьянки, никакого шума. Володя Рыжков, глядя на красивых высоких девушек, страдал. Выпили и у памятника Герцену шампанского, съели по шашлыку. Хорошая свадьба, с результатом — лежащий в коляске ребенок. Можно только порадоваться за них. Всё закончилось часам к трем.

Несмотря на все мои колебания с поездкой, В.С. сварила мне на дачу супа, который я и повёз в термосе.

12 декабря, воскресенье. Еще в среду или в четверг В.П. Смирнов дал мне почитать книгу С.П. Яковлева «На задворках «России»». «Россия» в данном контексте — это кинотеатр на Пушкинской, в доме, примыкающем к нему с обратной стороны, находится журнал «Новый мир». Сейчас этот кинотеатр — «Пушкинский», раньше был «Россия». Сейчас, как выяснилось, первый этаж журнала отошел под казино «Каро». О публикации каких-то материалов Яковлева в одном из ленинградских журналов я уже слышал, будто бы там немыслимые подробности. Но никогда не думал, что целиком вся книга так увлекательна и захватывающа. Я-то ждал, в общем, сплетен, разных разговоров, но оказалось — это стремительная, наболевшая книга о нескольких последних годах редакторства в «Новом мире» С.П. Залыгина.

Незадолго до его смерти я разошелся с ним, как будто кто-то незримо стоял между нами, а раньше, смею сказать, я был любим С.П., он везде брал меня с собой… Но вдруг что-то разделило нас, и сейчас я понял: разделило это жуткое окружение в журнале.

Книгу пересказать нельзя, ее надо прочесть. Во-первых, здесь ряд интересных портретов — не злых, даже не безжалостных, а лишь грустно-точных. Это и наш Руслан Киреев, который явился передо мной в новом качестве, менее добрый и менее отзывчивый. Оказывается, он, как и в случае выборов меня ректором, баллотировался на пост главного редактора, и опять, как и тогда, оказался неким «бревном», как принято говорить в политической терминологии, — в некий момент он снял свою кандидатуру с выборов. Есть портрет и Василевского. Милый мальчик, играющий всегда только в одни ворота — в свои.

В этой книжке, которую я неотрывно читал вечер субботы и всё воскресенье, есть много ответов на вопросы, на которые сам я не мог ответить. Например, почему журнал стал таким плохим после смерти Залыгина, да и во время его болезни, когда он был еще жив? А это всё «групповщина», как говорил С.П., «православные евреи». Я получил ответ, почему бездарный роман Михаила Бутова оказался удостоенным Букеровской премии. И

почему журнал почти перестали читать, и этот когда-то лидер нашей «толстой» журналистики стал проигрывать «Нашему современнику». И это наша интеллигенция! Боже мой, какие невероятные интриги происходили на задворках «России»! С некоторым восторгом я воспринял так называемую «бухгалтерскую ситуацию». Выяснилось, что она была близкой к той, что случилась и у меня — с наездами, звонками, револьверами. Только там два раза людей чуть не убили, и я порадовался, что сумел обойти те сложности, которые С.П. Залыгину обойти не удалось — я не дал втянуть себя в сговор, в «черную кассу» и проч. и проч. и проч.

Особую роль в книжке занимает портрет самого Залыгина. Я хорошо помню его рассказы, его живость, ясный быстрый ум, и меня поразило поведение *старого* человека. Как часто старость диктует эту линию практического одряхления и экономической немощи. Я дал себе слово, что в такое положение не поставлю себя никогда. Сколько же Сергей Павлович проиграл, пытаясь выговорить себе право, как бывший главный редактор, два раза в месяц воспользоваться машиной редакции для поездки к врачу. И это жизнь нашего выдающегося русского писателя на фоне журнальных прихлебателей! Вспомним и такой эпизод — как С.П. умудрился недоглядеть, как он жаловался потом Г.С. Костровой: дескать, за его спиной прошла рецензия Марченко на книгу Есина.

Ну, по крайней мере, можно порадоваться, что в лице нашего выпускника С. Яковлева (все-таки не зря мы кого-то учим, воспитываем, и эти воспитанные нами редакторы получаются как люди) эта новомировская «общность» получила свою оценку и отпор. Теперь с этим пусть и живут, миленькие. Хватит ли у меня сил и умения когда-нибудь позже, когда меня перестанут захватывать сиюминутные замыслы, написать что-нибудь подобное, показать, чем тут живут люди? Ведь какие фигуры.

Вечером посмотрел материал Игоря Каверина. Опять все совершенно гладко, местами написано просто виртуозно и с такой верой в собственную гениальность (а талант его лишь в том, чтобы складывать простые слова), что диву даешься. Причем, судя по тексту, он увлёкся большим полотном, где ему являются и Данте, и Петрарка, и Ронсар. Мне совершенно ясно, что художественно как писатель он не состоится, в лучшем случае выйдет такой новеллист мелких форм. Его во что бы то ни стало надо переориентировать и ближе к жизни, и ближе к журналистике. Если бы он имел верное чутье, возможно, из него получился бы замечательный журналист, а сейчас у него нет мысли, нет чувства… Дай Бог, чтобы я ошибался. Что завтра

говорить на семинаре?

14 декабря, вторник. Особенность моей памяти: я плохо помню собственные тексты, то, что уже сделано и отработано, чего не нужно уже держать в голове; зато отчётливо помню ощущение (именно ощущение!) деталей, необходимость действия, собственные долги, которые надо платить. Накануне, ложась спать, я наконец-то внимательно просмотрел вторую часть книжки «Власть слова», стал проглядывать текст. Что же такое в этой «Стоящей в дверях», что так хвалит b.c. и всё время упоминают другие? Я как бы её забыл, но открыл — и залпом прочитал полповести. Боюсь, что так уже писать не смогу. Недаром за эту повесть получил премию, а если бы это было еще при советской власти, при тогдашних оценках и критериях — не идеологических, а художественных — эта вещь сделала бы меня архизнаменитым. Эта повесть была совершенно неожиданной, после «Имитатора», для нашей демократической общественности. Да и сейчас — какой прочувствованный монолог героини, этакой Аллы Пугачевой из народа! Прав был Лобанов, оценивший тогда эту повесть.

Кажется, еще в воскресенье или в субботу на дачу по сотому позвонил Волгин. Фонд Достоевского готовит конгресс «Русская литература в контексте мировой литературы», и надо обязательно выступить на открытии. Вот с этой обязанностью — выступить, которая засела во мне как гвоздь, я прожил субботу, воскресенье, понедельник; пришел на работу во вторник, провел семинар.

Собственно говоря, с семинаром все было ясно: мое прежнее отношение к Игорю Каверину не изменилось. Игорь навёл на семинар несколько своих приятелей-интеллектуалов, которые должны были присутствовать при его торжестве и разделить с ним восторг. Я устроил традиционный опрос, во время которого какие-то вещи уточнил, тезисы записал на доске, поднял самого Игоря, заставил его объяснить, о чем он пишет и сколько. Мне очень важно было, чтобы ребята не пользовались моими поделками и не учуяли, что я сам думаю об этом, а выразили бы свое мнение самостоятельно. Игорьку досталось от Упатова и за язык, и за западную модель, и вообще всё прошло так, как я и предполагал. Даже Паша Быков, не так уж критически настроенный в предварительном разговоре со мной, во время этой дискуссии пришел к более определенным критическим выводам. Я только отметил, что в тех двух главах, которые Каверин написал о своем дяде и его квартире, проскользнула жизнь, и возникло что-то интересное, что могло бы далее развиться. Но претензии Игоря фантастические — он пишет «шедевр», не замечая, что когда конструирует свои «видения» — в

них узнаются лекции Пронина, лекции Стояновского, все вторично.

В общем, семинар закончился, и меня опять ударило — надо составить для выступления на конгрессе какую-то речь. Мысли собирались медленно, но некое предчувствие проблемы и своего акцента в этой проблеме у меня уже возникло. А дальше всё просто. Дальше приходит из своего скворечника на втором этаже Е.Я., и, когда диктую, я внимательно слежу за её лицом: выражает ли оно одобрение или нет, иногда я с ней советуюсь. В этом отношении все писатели — ученики Гоголя: им всегда интересно мнение тех, кто их набирает или переписывает. Речь написали, две с половиной страницы, и я поехал в «Космос». Это далеко, морозно, дороги ужасные.

Я не очень люблю эти большие, так называемые научные собрания, я не очень верю, что они каким-то образом и что-то определяют в литературе, они определяют что-то лишь в университетской практике, а мы эту практику переоцениваем; она, конечно, помогает формировать мир писателя, его историю, и современные писатели этим пользуются, стараясь побольше мелькать перед глазами заведующих кафедрами и профессоров. Но вот Лимонов стал очень крупным писателем без помощи этой известной и деятельной профессуры, а Довлатов так и уйдет в сторону, несмотря на профессорское старание, так и останется средним региональным писателем, писателем-полужурналистом.

В низком зале на первом этаже было много народу. При входе я получил программу выступлений: я стоял 18-м, после меня — Юра Поляков, передо мной Аксёнов, Золотусский, Евтушенко. Выступления писателей перемежаются всякими ансамблями и певцами. Подобрано все это было неважно, много случайного, публика в рядах переговаривалась. Наблюдая за этим интеллигентным непорядком, я просидел два часа. И зачем эти певцы, которых плохо слушать в радиофицированном зале, зачем эти оркестры и песни на слова китайца Ли Бо и испанца Гарсия Лорка? Тем не менее сижу, в утешение смотрю на знакомые лица — вот Скатов, вот Ваня Панкеев, издавший уже такую массу собственных сочинений, что можно составить библиотеку, вот Сережа Сибирцев в черных очках и черном джинсовом костюме; мелькнул как лодка по волнам Борис Николаевич со своей бородой, мелькнуло лицо Карен Хьюит в квадратной челке, внутри у меня все гудит, потому что я думаю, как буду выступать перед этими непростыми людьми. Боюсь, что у меня иные, чем у них, тезисы. Я вообще не очень понимаю, как влияет и на публику, и на литературу эта наука.

И тут раздался звонок по моему мобильному телефону.

Звонила В.С.: Витя не пришел с работы, гулять с собакой некому. Такое отчаяние поднялось у меня в душе: что же делать, почему со мною так обращается судьба? Наверняка Витя пьет в гараже, а мне обещал приехать вовремя. Да и ехать мне с ВДНХ не менее часа. Я попытался связаться с С.П., который и надоумил меня выступить на этом конгрессе: вы, Сергей Николаевич, скажете по-своему, не как все, а может быть, и лучше всех. Но его не оказалось дома, а скорее он просто не брал трубку Он, с его подозрительным отношением к телефону, обладает еще и свойством трубку не брать. Я сделал еще несколько звонков — и ушел, просидев два часа. Все еще только должно было начаться. А мне хотелось вступить в это состязание признанных звезд нашей литературы. Не получилось. Ну, дай Бог, в следующий раз.

Вот чертова речь, которая так и осталась у меня в кармане.

Дорогие коллеги! Позвольте мне от имени знаменитого высшего учебного заведения России, Литературного института имени А.М. Горького, поздравить вас, участников Международного конгресса «Русская словесность в мировом культурном контексте», с самим фактом открытия нашего замечательного собрания. Не правда ли, в этом нет ничего неожиданного? Институт, который выпустил из своих стен замечательную когорту российских писателей, имена которых у всех на слуху, приветствует Конгресс, приветствует своих коллег. Но сам факт, что подобный институт существует, что он продержался в самые тяжелые годы российской жизни, — уже многозначителен и уже сам по себе представляет некий контекст. Контекстом является, я бы сказал, полунищенское существование этого института с его проблемами ремонтов, проблемами зарплаты для преподавателей, стипендии для студентов, при которой большинство из них вынуждены работать, а не посвящать свободное свое время литературе. Но один классик, кажется, марксизма-ленинизма, говорил, что основное богатство человека — свободное время, а опыт большой литературы утверждает, что литература скорее всего создаётся в мансардах и в нищете. И я затрудняюсь здесь сказать — расцвет сейчас русской литературы или она живет в положении сироты. И что тогда говорить о контекстах? Но, тем не менее, перейдем всё-таки к основному и главному.

Широко известно мнение, что русская литература является одной из ведущих литератур мира. В этих случаях в качестве незыблемой аргументации мы тут же выставляем имена Достоевского и Толстого, Тургенева и Чехова, Маяковского и Шолохова, Солженицына и Платонова. Эти писатели принесли в мир свое знание о человеке, свое представление о времени, в

котором они жили, в конце концов они даже придумали этого человека, и этот человек теперь живет вместе с нами. Вопрос заключается только в том, насколько идеи и художественные образы этих замечательных писателей внедрены в повседневное общественное сознание, насколько мы пользуемся моральными постулатами, которые принесли с собой эти писатели. Это относится и к миру, это относится и к нам. Здесь у нас, в России, мы часто идем вразрез с тем, что творится в мире. Очень запомнились два замечательных эпизода. В самом начале перестройки, в городе Нижнем Новгороде, на родине писателя отмечался юбилей Алексея Максимовича Горького. И из Москвы, из которой всегда в этот день приезжали толпы писателей, — на сей раз явился только один. Или когда наступил юбилей Маяковского, он отмечался в Италии, но не у нас. В это время мы отмечали другие юбилеи, искали другие контексты, а между тем в мире в театрах ставится Горький, во Франции стараниями знаменитого переводчика г-на Клода Фриу выходило Собрание сочинений Влад. Маяковского. Ох, какое это зыбкое дело — контексты!

Эти контексты подразумевают не только любовь к русской литературе, но и то, что сама русская литература, чтобы развиваться, должна следить не только за своим собственным хозяйством, но и за самими мировыми контекстами. И здесь я рад сказать вам, что только за последнее время в нашем Литературном институте мы провели научные конференции по древней русской литературе, по таким бессмертным русским классикам, как Заболоцкий, Ник. Островский (столетний юбилей, только что отошедший), а также конференцию по писателю и мыслителю Хомякову. Набрались мужества и провели мы Всероссийскую конференцию англистов. Это всё — контексты первого дела, которое называется «литература».

Какими пожеланиями, какими сомнениями поделиться мне здесь с вами? Я думаю, что современная русская литература не едина и не монолитна, как это было раньше. Я думаю, что в современной русской литературе все-таки существуют или пытаются существовать произведения большого стиля, но существуют, часто вопреки логике прославляемые, произведения, связанные с восторгами отдельных групп писателей. Я думаю, что на Западе не совсем ясно представляют, где проходит стрежневое течение русской литературы, — во всяком случае оно проходит не через произведения с обезличенным, легким для перевода языком. Язык — это вообще тяжелая штука для понимания. Давайте вспомним, что ведь еще Гоголь, Лесков, Бунин, Шмелев не освоены в западной литературе так хорошо, как, скажем, у нас

освоены Пруст, Джойс или Томас Манн. И освоены ли в этом контексте даже такие великие наши авторы, как Достоевский и Толстой? Цитаты и отдельные высказывания гуляют по монографиям исследователей и ученых, и вопрос заключается в том, чтобы внедрить главное, чем отличается русская литература, — её моральные достижения в сознании народов и масс. Собственно говоря, за этим мы сюда и собрались. Собственно говоря, это мы и можем сегодня пожелать друг другу.

15 декабря, среда. В своих Дневниках я, в общем-то, отражаю лишь внешнее движение событий. Здесь всё время идут дискуссии — что такое культура, да как её заполучить, да должно ли государство эту культуру воспитывать или ее должна вкладывать в сознание семья? По-моему, государство должно создавать некую возможность для свободы выбора, чтобы человек мог понять, чем ему заниматься в области культуры. Семья же должна прививать определенные первоначальные навыки, интерес к возвышенному, интерес к духовной жизни. В дальнейшем культуру или некультуру определяют свойства самого человека: как он смотрит на мир, как воспринимает любые явления. Телевизор меня не направляет, но я сам нахожу в нем то, что мне интересно, я из различных политических передач всегда выискиваю сам, что же происходит на деле. Культура начинается там, где человек думает и работает постоянно.

Еще днем мне Максим показал на одном из сайтов текст, я не поверил своим глазам, когда прочел. Текст привожу, но главное, в тот же день я встретил Рейна и спросил: Женя, ты действительно подписал текст к Туркменбаши? Женя сразу же заговорил, что он нищий, а перевод этого туркменского «классика» мог бы принести ему некоторые деньги. Вот этот текст.

«Многоуважаемый Туркменбаши!

Ваши стихи о матери, о нравственной чистоте («юношам — честь, девушкам — стыд»), о миропорядке в семье и в государстве стали в современной туркменской жизни светскими молитвами. Сегодня литература теряет свою прежнюю силу. В такое время издание книги Ваших стихотворений на русском языке поднимет значимость поэзии.

Байрам-хан и Алишер Навои принадлежат истории не только как выдающиеся государственные деятели, но и как первостепенные поэты. Сегодня такое счастливое сочетание еще важнее.

Издание Вашей книги нам представляется в переводах лучших русских мастеров слова, которые еще остались, хотя их уже немного.

Желаем Вам здоровья, вдохновения и долголетия на благо

Туркменистана и Поэзии».

Подписи:

Евгений РЕЙН, лауреат Государственной, Пушкинской, Тепферовской, Царскосельской премий;

Игорь ШКЛЯРЕВСКИЙ, лауреат Государственной, Болдинской, Царскосельской, Пушкинской премий;

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ, поэт-переводчик, академик РАЕН, лауреат премий «Дружбы народов» и «Глобус».

Любопытно, что, перенеся из Интернета этот текст, Максим снабдил его на таким заголовком, написанном на дискетке: «Письмо трех Туркменбаши».

Под вечер, совершив все свои необходимые по службе дела, я долго совещался и канючил, советовался с Людм. Мих. — ехать ли мне на встречу с Обществом книги, вернее, на их ежегодный рождественский банкет. Рано, конечно, они начали банкетничать, но председателем этого Общества является Сергей Степашин; из-за этого и поехал. Интересен и он сам и обстановка.

Я долго путался, мне казалось, что приглашение это как-то совпадает с приглашением на юбилей сотого номера «Дня литературы», который выпускает В. Бондаренко. Но потом заглянул в календарик: степашинский бал в небольшом элитном ресторане «Бухараев» в Большом Каретном переулке, а праздник сотого номера — в ЦДЛ. Обидно, что до этого в институте я наелся каких-то пончиков и пахлавы, которыми угощала Ира Шишкова. Но ведь не есть же я приехал на прием!.. А что касается «фуршетной» еды, то как я её не люблю, как она однообразна и безвкусна, редко появляется какой-нибудь замечательный салат или аппетитный кусочек поросенка.

Народ был не мой, Толик стыдливо спрятал от мерседесов и БМВ свою «Волгу» куда-то во двор, у дверей ресторана милиция. Я отчетливо сознавал, что в Обществе книги будет масса и полезных и нужных людей. Так оно и оказалось. Внутри — всё деятели издательств, дорогие костюмы, дорогие духи, ведь книга, с другой стороны, это явление коммерческое, люди занимаются продажей книг, льготами и проч. Но я рад, что поехал. Меня представили Степашину. Глаза у него заблестели, видимо, он меня знал, ему тоже захотелось какого-то контакта с Международным обществом книги. Он обещал приехать в институт, в самое ближайшее время я напишу ему письмо. Познакомился я и с Олегом Поликарповичем Ткачом, с которым до этого был знаком только телефонно. Это какие-то особые люди, другой класс, другие разговоры. Пробыл не более часа, заехал обратно в институт, во дворе из «Волги» пересел в свою родную «Ниву», поехал в Дом литераторов.

Володя Бондаренко сидел на эстраде уже не в своем красном жилете, а в белой рубашке и бабочке. Зал был не полон, возможно, интерес к патриотической литературе снизился. На сцене сидела вся наша компания: Юра Поляков, Золотцев, Володя Личутин, к которому я и присоединился, все в основном лауреаты премии «России верные сыны». Хорошо, как обычно, говорил Поляков. Золотцев читал стихи. Это традиционные смысловые стихи, в которых детально точно уложены слова, но нет ощущения космического разгона, что бывает только у очень больших поэтов. Много риторики. Я говорил в своей манере, довольно просто, говорил только о смелости, которая свойственна газете. По-простому просто не знал, о чем говорить, а произносить просто слова и разжигать зал не хотелось. Я слишком хорошо представлял, как у этой публики получить аплодисменты.

На закуску и выпивку не остался. Поехал домой, по дороге предвкушая, что достану из холодильника, чего разогрею, чего съем.

16 декабря, четверг. Последнее время я даже с большей охотой, чем раньше, хожу по утрам гулять со своей дорогой собакой. Дело в том, что уже больше месяца я начал слушать курс английского языка, тот самый плейер, который мне подарил С.П., пошел в дело. Я купил на Горбушке какой-то нелицензированный курс, сделанный в Америке, и каждое утро минут по сорок с упоением его слушаю. Интересно наблюдать за собой: постепенно иероглифы слитного английского звучания начинают разъединяться, выясняется, что многие слова я знаю, и замечаю, что эти знания погружаются всё глубже и глубже, и появляется маленький, но навык. Почему мне так тяжело это дается? Английский я учу уже лет сорок, но то ли не хватает наглости, то ли опыта, но я абсолютно уверен, что окажись я в Англии — через три-четыре месяца при наличии учебника и уже приобретенных знаний отчетливо бы заговорил.

Второе мое наблюдение, тоже связанное с аудиокультурой, это мои постоянные слушания в машине «Маяка-24». Может быть, я слушаю его потому, что здесь музыки меньше, чем слов, а я человек не музыкальной, а вербальной культуры. Недавно, пока в течение двух часов ехал на дачу, слушал захватывающую передачу Варгафтика о Чайковском. Думаю, «Маяк-24» вспомнил обо всём наработанном в советское время, и эта станция, мне кажется, становится сейчас самой популярной. Слушаю постоянно там и Гришу Заславского, даже написал ему письмо по поводу его интервью с прима-балериной Большого Светланой Захаровой. За последнее время я стал замечать, что балерины начали очень

неглупо говорить. Светлана Захарова — это, конечно, не Волочкова, в её речи столько продуманной чистоты, столько наработанной духовности, что начинаешь понимать: может быть, и в балете ноги — не самое главное, а еще там нужны сердце, душа и хороший светлый разум.

Вечером в музее Пушкина на Пречистенке подводил итог конкурс «Дебют». Это уже в пятый раз, дело очень значительное, а самое главное — оно показывает, сколько у нас пишущих людей: около 50 тысяч рукописей поступило на этот конкурс, а условие — отобрать до двадцати пяти человек.

Я уже писал о том, что существовало несколько номинаций: большая проза, малая проза, поэзия, драматургия, эссеистика. Всё это собирается в Музее им. Пушкина, в том зале, где Швыдкой ведет свою «Культурную революцию». Сразу скажу, что по номинации малой прозы выиграл конкурс наш студент Олег Зоберн. Я слежу за ним уже давно по его публикациям в «Новом мире» и другим журналам. А вообще-то он, наверное, самый сильный из всех этих конкурсантов.

Вся процедура награждения была довольно традиционна: открылись двери и подчеркнуто хиппово, подчеркнуто отвязно выбежали, как и в прошлом году, все номинанты. Кепочки, коротенькие юбочки, короткие или, наоборот, лохматые прически. Мы молодые, мы и так красивые! В конце всей процедуры дарили книжки лауреатов и участников шорт-листа прошлого года. И здесь опять наши студенты: Сережа Калужанин и мой позапрошлогодний выпускник Андрей Каратеев, со своей дипломной работой «Пришлые люди».

Олег Зоберн, умница, говорил очень хорошо. Вспомнил своего мастера, А.А. Михайлова, поблагодарил и меня: «Я хочу поблагодарить ректора Литературного института, в котором я учусь, писателя Сергея Есина, все-таки это единственный вуз в стране, где студентов кормят бесплатно». Похлопали, но, возможно, что-то и не понравилось, особенно когда про меня. Ко мне отношение довольно кислое.

Жюри — в чем-то однотонно. Председатель, отвечающий за большую прозу, Чингиз Айтматов, не приехал. Большую прозу и поэзию представлял Сергей Гандлевский, малую — писатель Асар Эппель, драматургию — Галин. У меня нет, конечно, оснований, говорить о какой-то предвзятости жюри и проч. Но, возможно, акценты расставлены были бы по-другому, если бы судили, скажем, Валентин Распутин, Юрий Бондарев или Юрий Кузнецов. Написал имя Кузнецова, отчетливо сознавая, что его уже нет с нами, а другой фамилии в нашей русской поэзии найти не могу.

На церемонии все говорили довольно интересно. И Эдвард

Радзинский, опекающий жюри и сам конкурс, повторил свою байку, которую я уже слышал: «До двадцати лет писатель говорит только «Я», после двадцати — «Я и Моцарт», ну а в конце жизни — «только Моцарт».

Вечером по ТВ «стрелялись» у Вл. Соловьева И. Хакамада и Рогозин. Победил, естественно, Рогозин, потому что он вроде бы был за бедных. А хотим мы, не хотим, большинство наших телезрителей, и русские и бедные одновременно. Но вот что интересно: и та и другая партия хочет власти. Мне Рогозин ближе по менталитету. Но и у него и у Хакамады нет концепции: что же делать с этой властью, что делать, если власть будет взята?

С обеда в нашей телевизионной прессе очень много говорили о заседании правительства по культуре. Об этом же мы накануне на приеме перемолвились парой слов с Сеславинским, директором федерального агентства, он сказал, что слабоваты документы, я отметил, что драка будет большая, потому что от концепции ждут некой идеи, не обеспеченной деньгами. А так быть не может. Так, в общем-то, и получилось. Судя по всему, А.С. Соколов дрался очень уверенно и ловко. Сегодня пресса говорит, что все министры были очень оживлены. Подчеркивает, что Шойгу все время задавал вопросы. Во-первых, он дружит с Никитой Михалковым и поэтому полагает, что культуру знает. Так бочонок с пивом хорошо разбирается в пиве. Никита Сергеевич знает, с кем дружить: кажется, именно Шойгу выручал друга во время съемок «Сибирского цирюльника», когда снимали чуть ли не весной зимнюю сцену у Новодевичьего монастыря. Во-вторых, Шойгу, как и любой очень занятой в далеких от культуры сферах человек, «имеет мнение». Все с культурой путают телевидение, которое иногда власть покусывает, и полагают, что именно министр культуры должен их от чего-то предохранить.

Если о Шойгу, есть и еще соображение. Огромные деньги, которые даются на это постоянное и вечное спасение, делают министра очень самоуверенным. Нормальное государство должно существовать без такого невероятного количества катаклизмов, убийств и терактов. Ведомство Шойгу, в силу необходимости, имеет такие деньги, которые нельзя тратить копейка в копейку, да и подсчитать невозможно. А вот культура — она, как бы с точки зрения министров, должна существовать бесплатно и на полном учете. Они, повторяю, недовольны и средствами массовой информации, которые не дают им спать спокойно и вольно тратить деньги. Помню, как с гордостью спасатели рассказывали, что возили чугунные батареи на самолетах. В этом и доблесть спасателей, и всеобщая неразумная и отчаянная глупость.

Запретить говорить о министрах можно только с запретом

воровства олигархами и мздоимства. Пресса очень четко почувствовала, на что идет замах, а Соколов, первый из всего сериала министров культуры последней эпохи, оживил разговоры о том, что с культурой надо что-то делать. Он хотя бы сказал, что культуру нельзя путать с развлечениями. А что делать? Делать надо со всем комплексом: образованием, телевидением, деньгами, двойным стандартом, с матом на улице, с хамством властей, с упоением токующей, что зарплата через полгода увеличится на 300 рублей. А это всего-навсего два килограмма мяса на рынке. И с каким восторгом эти люди об этих мизерабельных увеличениях поют!

17 декабря, пятница. С утра, специально на час остался дома и досмотрел «Дети Арбата». Младший Эшпай сделал это, конечно, замечательно. Каждая сцена напряжена, и на заднем плане, что я люблю, все время происходит что-то еще, т. е. идет многословное действие, то, чего нет в романе Рыбакова. Теперь ясно, что покойного Рыбакова надо благодарить не за его длинный и многословный роман, который вряд ли кого восхитит после фильма (здесь можно поразиться только многословию и среднему уровню написанного), а благодарить его надо, что он придумал очень просторный синопсис, заявку будущего сценария, по которому и вышивал уже наш знаменитый сценарист Валентин Черных.

Приехала дорогая Сара Смит. Все та же кофточка и куртка, все то же ощущение простора ее интеллектуальной и научной жизни. У них точно так же с образованием, оно становится все более и более функциональным. Я пытался навязать ей работу, связанную с переводом нашей институтской книжки о творческих семинарах мастеров, но времени до конгресса осталось мало, и она сделать это уже не успеет. Я разозлился, не на нее, а на себя, на Шишкову, и решил, что если книжка не получится, то и сам не поеду на этот конгресс, и никого посылать не буду. Хотят жить в провинциальном институте — пусть и живут.

Днем обедал вместе с нашими арендаторами, которые занимаются кузбасским углем. Говорили об украинских выборах, о налогах, о Ходорковском. Это знающие грамотные люди бизнеса, жонглирующие огромными суммами. Я задал, может быть, некорректный вопрос: вот взялись за Ходорковского, а с остальными олигархами как? Из дальнейшего разговора я выстроил такой ответ: остальные олигархи задолжали нашему государству приблизительно столько же, в тех же пропорциях, что и Ходорковский. Но он полез в политику, видимо, сам захотел стать президентом. Теперь ясно, почему так получилось. Но сил хватило на одного Ходорковского — и так бизнесмены всего мира

подняли вой из-за того, что государство борется с этим воровством. Говорят, что Дерипаска самостоятельно готов, без всякого суда, отдать 70 % того, что в свое время не вполне лояльно получил.

Днем также заходила Галя Долматовская. Это связано с тем, как я и ожидал, чтобы назвать одну из улиц нашего города именем покойного Евг. Ароновича. Институт, конечно, поддержит это. Кое-что я ей уже придумал в смысле административных ходов. Галя сделала новый фильм — об актрисе Серовой и, наверное, хочет продвинуть его в Гатчину.

Вечером ездил на Конгресс соотечественников.

Мы все не очень четко представляем себе ту политическую работу, которая происходит на всех этих вечерах, якобы банкетах и т. д. Люди, играющие там заглавную роль, естественно, в этих банкетах не нуждаются, для них это — долг. Очень не люблю никуда ходить в пятницу, но муж Св. Киселевой Сережа прислал мне пригласительный билет на церемонию вручения почетной награды «Соотечественник года-2004». Указано и место: «ваш стол N 6, ваше место N 7». Сергей утром позвонил, напомнил, что я являюсь каким-то членом совета соотечественников, пришлось ехать. Я понимаю, нужны еще и узнаваемые лица и проч. и проч.

Всё происходило в гостинице «Россия». С трудом поставил на ул. Разина свою машину, обогнул корпус, вход со стороны Васильевского спуска, там же рядом вход в Золотой зал. Гостиница спроектирована и построена, конечно, неудачно. Вопрос заключается не в том, чтобы ее сносить, это очевидно. Но пока в Москве столько нуждающихся в жилье. Приём велся от лица мэра. Я приехал по времени впритык — правда, мэр еще не прибыл, но на пороге, ожидая и встречая, уже стоял С.И. Худяков. В одном костюмчике, на ветру, мерз, но надо принимать высокого гостя. Когда я через полтора часа выходил, С.И. опять стоял на холоде, координировал машины и по сотовому телефону договаривался о продолжении мероприятия, уже в узком кругу лауреатов, говорил о женах, детях, приглашенных для этого, и т. д. Тяжелая это работа по организации культуры в Москве!

Гостиница на этот раз удивила меня своей изношенностью. В свое время ее строили в каком-то приступе национального модернизма. Все «современные» кресла, шкафы, вообще этот стиль — уже давно ушли на помойку, видимо, скоро сломают и это несчастное, горевшее здание. Зал холодный, тоскливый, обычная, скучная фуршетная еда. Но как бы то ни было, все же работа по единению наших соотечественников, в жутковатых и неприспособленных условиях сего дня, ведется, и она необходима.

Было три лауреата, каждому из них вручили по хрустальному шару с землей всех субъектов федерации России — земля Родины. Это — Костя Цзю, знаменитый спортсмен, боксер, чемпион, уехавший из России 13 лет назад. Сейчас он кумир Австралии. Это удивительная женщина Татьяна Жданюк, русская по языку и национальности, она выиграла в Латвии выборы в Европарламент и из семисот с лишним депутатов единственная русская. Она организовала худо-бедно в Европе русскую партию — мы, русские, все равно возьмем своё, не мытьем так катаньем. И третий — предприниматель из Запорожья, некий Богуслаев, выпускает какие-то моторы. В 20-е годы прошлого века его прадед вместе с белыми ушел из России, а вот теперь внука сделали как бы нерусским гражданином. Но всё равно и у него есть ощущение русскости, родины, святости русского пространства. Построил собор Андрея Первозванного. Все это интересовало нас в связи с выборами на Украине. Все трое говорили, говорили интересно, и за этим ощущалось наше русское, нетающее единство. Перед этим хорошо выступил мэр. Он сильно вырос, речь его и углубленна, и мудра, и вполне культурна, не хуже, чем говорят писатели, а может, и поинтереснее. Я вспоминал его речь на фоне его поездки на Украину и на фоне рассказов о филиале МГУ в Севастополе. Он ведь его организовал. Здесь ничего не поделаешь, в его поведении чувствуется своя, личная политика. В конце концов, не так важны памятники после себя, а важны дела: там, в небесах, у Бога считают именно дела, а не медали и регалии.

18 декабря, суббота. Замечательно провожу свой день рождения на даче в окружении обычных своих банных друзей. Уехал рано утром, еще до шквала телефонных звонков. Но Ю.Копылов и кое-кто из других моих старых друзей меня настигли. Может быть, первый день рождения, когда я не был связан различными обстоятельствами. Развернул подарок, присланный Марком Авербухом, посылку привез Сергей Петрович. Марк прислал две книжки, одна огромная, иллюстрированная, «Николай и Александра», царь и царица, эпоха — с фотографиями и т. д. Написана по-английски. И вторая (видимо, Марк внимательно читал мои «Дневники») книжка, связанная с прототипами Пруста, относящаяся к его эпопее «В поисках утраченного времени», тоже с фотографиями и подобранными к ним текстами. Видно, как образы порой собирались из кусочков, по деталям. Писатели умеют быть благодарными своей натуре. А кто бы, не будь писателя, помнил бы сейчас этих герцогов и графов?

Как всегда, заводили баню, пили пиво, пил мой любимый «хуч», на вечер у нас бутылка каберне, которую прислал посол

Новой Зеландии.

Попутно я привожу в порядок свой Дневник, размышляю о времени, читаю новый роман Андрея Мальгина под названием «Советник президента». Мальгин хотел написать роман, имея в качестве прицела Приставкина, но получилось интереснее и значительнее — о времени. Как же Мальгину надоели эти старые, потрепанные, но бодрящиеся джентльмены!

Кстати, — если о моем возрасте и дне рождения — в еще прошлое воскресенье произошел такой случай. Я пошел погулять с собакой, которая пыталась проспать целые сутки, гулял с ней под снегом часа полтора, а когда пришел, обнаружил, что все кинулись меня разыскивать. Когда я все же встретился с розыскальщиками, они сказали мне так: «Сергей Николаевич, да вам почти 70 лет! Можете где-нибудь слечь, и вас занесет снегом!» Теперь эта реплика меня преследует, она наложилась на уговоры многих моих соратников в институте, которым хотелось бы, чтобы я работал еще один срок. Нет уж, даже В.С. сказала: достаточно, хватит. Я сам понимаю, что нить может оборваться в одну секунду, жалко расставаться с образом жизни, захватывающе интересным, но и ходить и слышать за собою шепоты и видеть голодные глаза честолюбцев — тоже удовольствие малое. С каким волнением я вспоминаю те вольные десять лет, прошедшие между последней моей работой и этой, сколько тогда было написано! Тогда-то и возникло имя. Может быть, не все у меня потеряно?

Итак, баня, каберне, далее в программе шашлыки и два фильма на кассетах. Один совершенно по-американски дурацкий, а другой «Идеальное убийство» с Майклом Дугласом. Дурацкий, но по-другому. Тем не менее между всеми этими мероприятиями, пока кто-то колол дрова или топил баню, я много читал.

Женя Ильин представил на обсуждение два рассказа. Женя дружит с Игорем Кавериным, сидит с ним за одной партой. В пятницу я мельком просмотрел текст и встретил в нем, как и у Игоря, иностранные слова, какие-то неожиданные, фантастические сюжеты. А тут и сам Женя во дворе института мне сказал: «Сергей Николаевич, вы, наверное, меня будете ругать…» Я подумал, что и здесь, у моего любимца Жени, тоже прорезался этот западный стиль, это стремление русской литературы быть похожей на иностранную. Поветрие это у нас разворачивается, захватывает наших студентов. Неужели и Женя попал под него? Но когда начал читать первый рассказ — фантастика про культуру инков, про наших исследователей, про нашу русскую мнительность, — я увидел, что это умно, ёмко, с блестящей эрудицией. А что касается второго его опуса — описания студенческих каникул, где он оперирует, в том числе и

временем, дело происходит на даче, одни и те же герои, видящие, как сама юность и интересы юности постепенно увядают, — это вообще здорово, мягко, просто, как у классика. И такое возникло замечательное настроение!

К сожалению, читал всё без очков, а в портфеле лежало продолжение романа Мальгина, которое он переслал мне в пятницу. Он мне долго рассказывал, что роман документальный. Действительно, есть очень похожая на документальную завязка — советник президента, написавший когда-то повесть о Чечне… Главный герой романа — не сам советник, а его жена. Это роман-памфлет, литература о времени, о коррупции, об интеллигенции. Здорово написано. Этим всем я и занимался до глубокой ночи и в воскресенье, уже приехав в Москву.

Потом созвонился с Мальгиным и сказал, что прямые упоминания писателей и администраторов в тексте надо убрать или взять под псевдонимы. Все равно будут говорить, что это Приставкин. Однако все в свое время тоже говорили, что я в «Имитаторе» вывел Глазунова, а я не писал Глазунова. Кого ты писал, это уже никого не интересует или через десяток лет не будет интересовать, но получился новый литературный тип, и теперь надо избавиться от всего, что мешает этому типу спокойно жить. Издательства, думаю, проявят трусость, «Вагриус» уже колеблется, но может и произойти и другое: роман просто уйдет в самиздат.

По мобильной связи получил эсэмэску: «С днем рождения, С.Н. Читаю Ваши восхитительные дневники! А.Мамай». Звонила из Белгорода В.К.Харченко, говорила, что когда начала читать дневники, то сначала ей показалось, что я потерял то, что меня отличает от многих писателей, — плотность текста. Оказалось, что в этом тексте есть нечто другое, снова поразившее Веру Константиновну, — особая смысловая гармония. Она готова написать еще одну обо мне, новую книгу. Звонил Витя Симакин из Новгорода, поздравлял, он опять поставил «Вассу».

20 декабря, понедельник. Отгремел день рождения, всё прошло замечательно, за выпивку я уже заплатил 5 тыс. рублей, осталось только рассчитаться с Альбертом за еду. Но рука дающего никогда не оскудевает: пять с половиною тысяч присудил мне комитет по культуре как премию. Это урок и мне и всем — никогда не отказываться от работы, я так и делал: всё читал, писал рецензии, выступал на экспертных советах. И вот откуда-то выплывают деньги, и слава Богу, их надо тратить. Я понимаю, что мой день рождения — повод поговорить и пообщаться друг с другом, но есть люди, для которых это один из главных годовых праздников, они попадают в ту атмосферу,

которую видят лишь по телевизору. Меня огорчает то, что я получаю так много подарков — много книг, много винно-водочного арсенала (который будет передарен) и проч. Я даже сделал списочек подарков, который, как всегда, кажется неполным. Самое главное — Энциклопедический словарь на 20 тыс. статей — подарок от Льва Ив. и Людмилы Михайловны, индивидуальный. Теперь, когда В.С. вошла в Энциклопедический словарь кино, стал энциклопедистом и я.

Есть подарки, за которые я обязательно отдарюсь. В том числе подарок от матери моей студентки Насти Тегуновой. Она написала такое потрясающее послание, что я не могу его не процитировать:

«Нашим детям, которые пришли в этот мир с необыкновенным видением жизни, возможностью выразить его и абсолютной незащищенностью, как расплатой за утонченное восприятие — фантастически повезло. В самом начале своего пути они нашли в Вас понимание и поддержку. Для моего ребенка Вы являетесь духовным отцом. Столько понимания, сочувствия, внимания, любви и приятия она не смогла получить от родных ей людей. Не будь Вас, Настя погибла бы. Надеюсь на Ваше великодушное снисхождение к такому выражению благодарности от материнского сердца».

Я цитирую для того, чтобы доказать себе, что не так уж зря я живу, вожусь, но, с другой стороны, вожусь не потому, что надо возиться со студентами, каждый раз приходить на семинар с волнением, а потому, что я по-другому не умею. Люди пишут бульварные романы не потому, что хотят их писать, а потому, что не могут писать по-другому. И серьезная литература возникает не потому, что авторы хотят писать «на века», а потому что не умеют писать литературу бульварную.

21 декабря, вторник. Ночью и вечерами читал, днем вместе с Романом Мурашковским ездил в общежитие, возможен вариант застройки общежития и еще одного нашего учебного корпуса.

22 декабря, среда. Утром, ни свет ни заря, разбудил звонок от Виктора Кожемяки. Просит написать новогоднюю статью в «Правду»: дескать, только ты можешь с этим справиться, напишешь так легко и язвительно… Я разозлился, так как накануне поздно лег, читал, но тем не менее весь день был занят этой идеей. Я, конечно, был бы рад написать об итогах года, хотя они и безрадостны. Однако в иронической форме стоило бы коснуться. Например: дали по 7 лет ребятам-нацболам, которые захватывали какой-то кусок здания министерства здравоохранения. Этим они старались привлечь внимание общественности к отмене льгот, ранее вполне реальных, но

замененных на некое денежное довольствие для пенсионеров, которые еще не знают, чем это для них обернется. (Может быть, это будет выгодно лишь для В.С., которая все лекарства скупает в поликлинике за деньги, хотя и инвалид первой группы, но как она теперь летом будет ездить на дачу?) Я уж не говорю о других пенсионерах, для которых пропадает большое количество возможностей. Можно было бы написать и о самом лицемерном заявлении, какие мы слышали в последнее время, — о заявлении нашего правительства относительно повышения зарплаты к июню 2006 года. А во что к этому времени превратятся наши деньги? А во сколько раз вырастет квартплата, цены в магазинах и на рынке?

Сейчас в институте мы собираем какие-то остатки, подводим итоги финансового года. Решили выдать по премии в размере месячного оклада. Ну, мне, может, выдадут и не один оклад, потому что, по уставу, я могу пользоваться премиями только два раза в год. Остальные же получают премии чаще. Но даже и у меня, у которого, по государственной шкале, самый высокий оклад в институте, — он составляет всего 2800 рублей! — это лишь 90 долларов. Можно было бы коснуться в статье и тех футбольных команд, яхт, имений, которые приобретаются олигархами. Можно было бы и упомянуть о нововведении — эдаком совете старейшин, который создается (это как бы третья палата парламента) из людей «самых заслуженных в стране». Отчетливо сознаю, сколько там будет людей с сомнительными заслугами. Можно было бы написать и о той удивительной ругани, которая произошла на заседании правительства только что, с одной стороны, по поводу указания Путина увеличить в два раза ВВП и с другой — заявления Грефа, что к данному господином Путиным сроку ВВП вдвое увеличить невозможно. Но разве есть невозможное для большевиков? Все это довольно грустная тематика, но пока не могу найти никакого хода к этим соображениям, только размышляю и думаю, а пока веду разные переговоры, пишу письма, считаю. Дневник становится некоей формой, за которой я скрываю свое безделье как художника. Но на большие замыслы нет времени.

Уже довольно давно Владимир Алексеевич Андреев просит меня посмотреть спектакль по пьесе Зорина «Невидимка». Вот, наконец-то, я и выбрался. Думал, что это под гнетом обстоятельств, дружеских обещаний, а нарвался на сильнейшее театральное впечатление. Что Андреев актер первостатейный, огромного внутреннего темперамента и поразительной сосредоточенности на сцене — я знал, но вот и в пьесе Леонида Зорина всё оказалось невероятно интересно. Внешне это просто,

даже банально, приём, уже бывший в употреблении: старый то ли писатель, то ли историк и молодая деваха не знают друг друга, но переговариваются по телефону. Женятся, естественно. Но в литературе все в конечном счете решает не форма. Зорину 80 лет, и как он смог написать такую современную пьесу, где оказался и современником старого писателя, и современником молодой победительной провинциалки? А главное — жизнь не безнадежна, всё еще можно поправить. И не столь уж прагматична молодежь. Я отчетливо сознаю, что Зорин, при его опыте и при наличии в каждом доме телевизора, мог создать такой молодежный сленг, но обошелся обычным русским языком, что я считаю довольно крупным завоеванием.

Играли Влад. Андреев и Мария Бурлак, молодая выпускница Щукинского училища. Девушка играла замечательно; роль Володи — в таком же стиле, как всегда: он обычно избирает для себя особую позицию, как бы в стороне, в видимо-спокойном состоянии, никаких эффектов, никаких криков, но огромная внутренняя сосредоточенность, и всё это практически в непосредственном окружении зрителей. Играли на малой сцене.

Еще сидя на спектакле, я подумал — надо бы плюнуть на всё и написать о нём хорошую статью. И я напишу. Вот позвоню Колпакову, спрошу команды, и если «да», то напишу.

23 декабря, четверг. Неизвестно, как наше слово отзовется, и вообще всё неизвестно — полагаться нужно во всем на Божью волю или на случай, пусть каждый назовет это по-своему.

Вечером начал раздумывать, ехать ли на получение Булгаковской премии — утром раздался звонок из газеты «Гудок» и мне сообщили, что газета присудила мне премию. Месяца три или четыре назад они брали у меня интервью, довольно большое, по средствам массовой информации, но что-то они туда приписали, помнится, это была комплиментарная часть в адрес председателя компании «Российские железные дороги» Фадеева. Тем не менее я согласился с этими региональными правилами игры. И вот поехал в газету, из-за московских «пробок» чуть запоздал. Премию мне вручал этот самый Г.М. Фадеев и сам Игорь Янин, главный редактор газеты.

Когда вручали, я вспомнил и об интервью, которое давал по поводу «Московской саги» в парламентский журнал, вспомнил и звонок корреспондента: «Сергей Николаевич, можно ли его в сокращенном виде напечатать в «Гудке»? Выяснилось, что это интервью на сайте газеты вызвало огромную волну читательских откликов, многие газеты его потом перепечатали. Главного редактора провинциалы спрашивали: «А будет ли автор требовать гонорар?» Но этот автор, как известно, ни с кого гонорара

никогда не требует.

Итак, получил я премию, кстати, не маленькую. Весомую, как железнодорожный рельс. Но самое главное — посидел сначала с самим Фадеевым. Умнейшим человеком он оказался, и, судя по всему, если бы не его теневое присутствие при министре Аксененко — всё, что мы имели, разлетелось бы и разошлось. В частности, говорили об электричках, новых, которые были показаны на экране в связи с визитом Путина в Германию. Оказалось, самое трудное в этом деле — как огромные электромощности подвести к моторам. Большинство наших дорог рассчитано на скорость 200 км в час, а не 260, на что способны новые электрички.

Мы ведь привыкли во всем сравнивать себя с Западом, и во время разговора подтвердились мои сомнения относительно того, может ли всё у нас соответствовать тому, как на Западе. Я задал вопросы о погоде, о грунте и получил ответ: у нас с этим значительно сложнее. Оказывается, железная дорога, сами рельсы чувствуют себя зимой лучше, а вот летом всё это начинает потихонечку расползаться, и здесь нужен глаз да глаз. Специальный механизм, его устройство, передающнее энергию к колесам, совместное изобретение западных стран и Японии, — держится в тайне, но при этом — достижение переговорщиков: такие скоростные поезда будут производиться и у нас в России. Это очень важно. Удивительная подробность, о которой я никогда не знал: оказывается, на Западе так плотно держат в секрете некоторые производственные тайны, что у нас есть моторы, работающие, естественно, на наших просторах, которые в случае остановки мы сами запустить не можем, а только через специальный код нового устройства и через спутник, и тогда запускаем из страны-изготовителя. Как невероятно усложнился век, а мы всё еще думаем о гуманизме, литературе, духовности.

Глядя на Фадеева, я подумал: как иногда Путин делает удивительно верные кадровые ходы. Фадеев очень немолодой человек, по внешнему виду совершенно не вписывающийся в молодую команду энергичного президента, — а вот служит, а вот работает, а вот держит отрасль в руках. Я поинтересовался о ценах на услуги и заметил, что раньше много ездившее население теперь ездить перестанет.

Поздно вечером опять видел поединок между депутатом Геннадием Гудковым и Эдуардом Лимоновым на НТВ. НТВ, конечно, ловит разнообразные политические моменты. Только что мальчишкам, штурмовавшим твердыню Зурабова, дали по 7 лет, а теперь допрашивают Лимонова. Дали 7 лет потому, что лимоновцы — единственная сила, способная что-то довернуть к

народной справедливости. Всё остальное — инертно и мертво. Этих мальчиков и девочек с повышенным чувством ответственности сажают в тюрьмы, чтобы другим было неповадно, но счет голосов — 70 тысяч на 20 с небольшим в пользу Лимонова. Этого, пожалуй, правительству стоит бояться больше всего. Больше даже, чем наверняка проигранных выборов на Украине.

24 декабря, пятница. Чем только за этот день не пришлось заниматься! В основном студенты, вечер Клуба Н.И. Рыжкова, который должен состояться в субботу, т. е. завтра, но главное — письма.

Для меня важно одно то, которое я написал Соколову, нашему министру культуры, чью ситуацию я переживал. Человек интеллигентный и тактичный, он попал в другую среду.

Глубокоуважаемый Александр Сергеевич!

Пользуясь случаем, поздравляю Вас с Новым годом и со всеми надвигающимися праздниками. Примите также пожелание здоровья, творческих удач и хотя бы некоторого душевного спокойствия.

Основная цель моего письма — выразить солидарность по поводу того странного, расцвеченного массмедиа Вашего выступления на Правительстве. Я прочитал Вашу большую речь в «Гудке», но и по телевизионным фрагментам понял, что здесь присутствует некое шельмование не только со стороны журналистов. Вряд ли есть смысл всё это облекать в термины. Но должен сказать, что, судя по моим наблюдениям, никогда еще Правительство и министры так горячо не обсуждали вопросы культуры. Что бы там ни происходило, все оказались припертыми к стенке одним фактом: для того чтобы жить — надо что-то делать с культурой. И, как стало совершенно очевидно, сделать это бесплатно, как, может быть, считает правящее большинство, — невозможно. Вольно или невольно, но Вы огласили этот факт и, вольно или невольно, это дошло до общественности и теперь ею осознано. Полагаю, что здесь надо было проявить определенное бесстрашие. Люди ведь всегда хотят слушать лишь готовые и не затрагивающие ни в коей мере их интересы решения.

Может быть, без связи со всем остальным, вспомню один эпизод из давней своей армейской службы. В полковой библиотеке (а я служил в части 6852, помню номер ВЧ до сих пор) я взял томик параллельных текстов на русском и английском языках «Гамлета»; русский перевод был сделан М. Лозинским. По этой книжке в армейские годы я изучал английский язык. Ну, естественно, такую книжку я не мог запустить обратно в фонды —

в наше время мальчики из всех семей, а не только из семей бедных, служили в армии, слишком много в полковую библиотеку ходило солдатиков с понимающими глазами. В общем, эту книжку я спер, и после демобилизации она долго хранилась у меня, пока я не подарил её Иннокентию Михайловичу Смоктуновскому, в качестве, видимо, моральной «заеды» и моральной компенсации.

Замечательное было время молодости, и неплохо мы тогда служили, и кто-то, видимо, за библиотекой следил, во всяком случае — не министр культуры и не министерство. По-моему, это был наш замполит, майор Зунник, которого я помню.

Еще раз поздравляю с Новым годом,

с уважением к Вам — С.ЕСИН

Вышел наконец-то, хоть и не поспел к моему дню рождения, номер «Литературной газеты» с интервью, которое я уже включил в Дневник. Отвечаю на вопросы в компании еще двух писателей — Андрея Реброва из СП и Герберта Кемоклидзе из Ярославля.

Вечером ходил на ежегодник РАО, который состоялся в зале церковных соборов. На этот раз, чтобы билет не пропадал, я взял с собою Максима. Мне всегда хотелось, чтобы наш молодняк узнавал кое-что о жизни и иногда о жизни, для них недоступной, пораньше. Максим также ведь музыкант, человек тонкий, а в программе вечера подразумевался концерт. Потом, рано или поздно, как замечательный поэт Максим попадет в подобный круг. Но это еще и ранняя прививка, чтобы в дальнейшем в эти призрачные дали творческого человека не особенно тянуло.

Что касается меня, то мне на этот раз безумно захотелось увидеть то «зеленое» закулисье, комнату VIP, где собирается президиум. Там ведь всегда бывает Патриарх и высший клир, представить это себе невозможно. Комната действительно интересная, вдоль всей стены, обращенной к сцене, огромное резное панно «Тайной вечери». Вдоль панно и стены поставлен стол с закусками, с зеленой шелковой обивкой креслица и банкетки. Приехал министр Соколов, который тоже должен был получить диплом, А.Петров из Ленинграда, М.Захаров, О. Фельцман, с которым мы узнали друг друга и приобнялись. Во время моей работы на радио мы встречались довольно часто. Был Ю.И. Бундин, который недавно возвратился из командировки в Минск. Интересно было бы его послушать, особенно на фоне украинских событий. Может быть, мы наконец-то узнали, что такое «демократически-националистическая» оппозиция! К сожалению, с Ю.И. так и не поговорили.

Здесь же среди шелковой зелени было внутреннее противоборство Ильи Резника и Владимира Кострова. Я еще

никогда об этом не писал. Резник — фигура коллоритнейшая, высокий, модный, длинные седые волосы, хороший загар, повадки и походка мачо. Всегда он с какой-нибудь хорошенькой девушкой. Вообще деятели искусства любят окружать себя молодой свитой. Володю я хорошо понимаю, с его широким лирическим и чистым талантом он вовсе не так обеспечен, как Резник, а ведь тоже написал слова к полутора сотням песен.

Кстати, с молодыми до головокружения девушками далеко не все. А. Колкер с Марией Пахоменко — какая была до изумления красивая молодая женщина. Но иногда это выглядит удивительно трогательно: Архипова и Владислав Пьявко. На приеме, во время фуршета Владислав отыскал для Архиповой стул и все время стоял рядом с нею, чего-то подкладывая и поднося. Невероятна любовь публики к Александре Николаевне Пахмутовой. Зал всегда встречает ее овацией. Кстати, во время исполнения ее с Н.Добронравовым песни «Надежда» я стал вслушиваться в слова. Может быть, песня и получилась, потому что она написана так «не по законам» скругленной песенной поэзии. Здесь много как бы выскользнувшего случайно из подсознания, но как все здорово и непосредственно! Какие-то аэродромы, какие-то звезды, все перемешано, как в человеческих мечтах.

Само вручение дипломов произошло на удивление гладко и быстро. Вручали В.Казенин и Сережа Федотов, который, несмотря на отчаянно молодой возраст, держит себя уверенно и солидно. Не суетится, не заискивает, не боится публичности. Мешает ему только слишком модная узконосая обувь, которая выдает и молодость, и некоторую жажду движения. Вот бы взглянуть на него лет через десять!

Лауреаты были все деятели искусства первого ряда. Попал в среду деятелей искусства даже Е.М.Примаков. Когда он вышел, я подумал, что без авторитета Казенина такой козырный состав подобрать и принудить прийти на этот вечер было бы невозможно. Концерт был составлен таким образом, чтобы как можно шире охватить лауреатов.

Приехав домой, во дворе в машине еще полчаса слушал «Маяк», там говорили Володя Бондаренко и Саша Воскресенский, мой недоучившийся студент. У Володи, как всегда, концепция, но полагаю, что кое-что, о чем он говорил в передаче, он не прочел.

25 декабря, суббота. Несколько дней я волновался, потому что новогоднее заседание Клуба Н.И. Рыжкова должно было состояться у нас в институте, в кафе «Форте». Меня попросили ужин и речи чуть разбавить какой-нибудь хотя бы крошечной «словесной» программой. Я поручил это Анатолию Дьяченко, нашему институтскому руководителю театра, и он замечательно

все придумал. Зачем я на эти хлопоты согласился? Там люди все влиятельные, если кто-нибудь где-нибудь скажет, что был на новогоднем приёме в Литинституте, и там было весело — лучшей рекламы нам и не нужно. Надо вести дело так, чтобы институт стал совершенно необходимой частью истеблишмента, как, скажем, Большой театр. А было по-настоящему здорово, веселее и лучше, чем в галерее у А. Шилова. Пусть Александр Максович на меня не обижается!

Где-то в самом начале вышли ребятишки-школьники с некой пародией на стихи «все работы хороши, выбирай на вкус». На голоса прочли, чем «пахнут» разные профессии: милиционера, банкира, учителя и пр. и пр. Было очень смешно, но и грустно. Это всегда грустно, когда несмышлёныш-девочка говорит, что она станет «путаной». А потом, в середине вечера, наши ребята, из самодеятельности, стали колядовать. Все в масках, раскрашенные гримом и в какой-то смешной одежде. Выколядовали лично у меня 100 рублей. Бросил им в их бездонный мешок.

Была еще обычная музыкальная программа кафе «Форте». Весело было необычайно, я сам с удовольствием, а не для показухи танцевал. Музыканты соображали и грянули для очень пожилых людей танец их юности — рок-н-ролл. В этот момент я отчего-то вспомнил В.С. Как когда-то мы с ней танцевали, как вообще я бросал девок в рок-н-ролле, а вот теперь не осмеливаюсь.

Постепенно я стал привыкать к клубу, к его людям. Во время ужина было много выступлений, много слов. Для меня неожиданным стало выступление бывшего первого секретаря ЦК ВЛКСМ Евгения Михайловича Тяжельникова. Из хорошо знакомых был еще А.А. Зиновьев с женой Ольгой Мироновной, замминистра ж.д. транспорта Э.С. Поддавашкин. Ему по должности положено читать «Гудок» — поздравил меня с премией. Я, чтобы сделать ему приятное, сказал, что ж.д. премия тяжела и многовесна, как и рельсы.

Мне как хозяину тоже пришлось говорить. Я вспомнил юность, нашу студенческую столовую, в которой, собственно, все и происходило. Пусть студенты в своей области достигнут того, что достигли в своей многие из присутствующих здесь.

Был здесь и Евгений Дога, наш удивительный композитор. Перемолвились парой слов, в том числе и о музыке к фильму Сони Ромы. Его мысль о том, что существующая современная телевизионная эстрадная тенденция — это, по сути, такой же терроризм, как бандитизм обычный. Замечание его, совсем не молодого человека, что в мозгах, в душе, в сознании еще живет много ненаписанной музыки, меня восхитило. Мы стареем, но так

называемых творческих планов все больше.

26 декабря, воскресенье. Проснулся рано, потому что вчера, как только в одиннадцать вернулся из института, погулял с собакой. Она меня не будила. Сразу же принялся смотреть по телевизору «Апельсиновый сок». Соловьев беседовал с каким-то умным и быстро реагирующим человеком, чьего имени я не расслышал. Говорили об Украине, где сегодня выборы, о Ющенко и Януковиче. Разговор был интересен, Соловьев по возможности соблюдал нейтралитет, подначивал собеседника, который, конечно, симпатизировал Ющенко и предсказывает победу. Но вот что я подумал, пока шли эти высокоинтеллектуальные разговоры о политической полярности мира, об Америке, об Украине, о том, как должна жить Россия и о прочем, столь же умном. Почему-то большинство специфических телевизионных умников хотели бы, чтобы Россия жила по нормам, приближенным к их пониманию и их видению Запада и Америки. Другого пути они не видят, и не дай Бог, чтобы она жила как-то по-своему, а она обернется, не пропадет и именно своим неуклюжим путем опять выберется к вершине.

Слонялся по дому, читал «Историю нравов», вернее, перечитывал, «Ренессанс» Эдуарда Фукса. Много интересного, в частности взгляд на церковь, на целибат, на отношения в те времена. Ну почему же не я придумал такие простые причины?

Вечером смотрел фильм о Валентине Серовой, который мне принесла Галина Долматовская. Евгений Аронович снова ей отец, а вот Караганов, который так много сделал для ее кинокарьеры, если не забыт, то о нем ни полслова. Но самое главное, фильм оставляет у меня сложное впечатление. И Серова несколько померкла в моих глазах, и фильм с массой мелких и необязательных подробностей. Ощущение, что в него впихнули все, что было в архиве детей и в архиве Долматовских. Двойственное впечатление и от Серовой, не мне, конечно, кого-нибудь винить, но очень талантливо влюблялась: сначала в знаменитого любимца страны, летчика-комбрига, потом в знаменитого и ловкого журналиста и драматурга, а еще в знаменитого победительного красавца маршала. Странное впечатление на меня произвели и стихи Симонова, которые я никогда не перечитывал: огромная однотонность, привычно ложно-философские концовки, не свойственная русской поэзии публицистичность. Отдал смотреть В.С. Для меня ясно. что фильм будет воспринят только подготовленным зрителем, для молодого поколения, которое ничего не слышало о персонажах, все это пролетит. Тем не менее для меня лично, почти семидесятилетнего, подробности есть. И телевидение, выходит, у

нас не такое плохое, если исключить эту эстраду. Фабрика звезд! Люди жизнь кладут на то, чтобы получить известность, а тут за две недели — звезда! Если о подробностях, то вот интересно: Новый год в России, если считать от 1917 года, стали отмечать лишь с года моего рождения, с 1935-го, а до этого Новый год был слишком близок к «поповскому» празднику — к Рождеству Христову.

На Украине опять идут перевыборы президента. Вот выберут, а потом начнется такое разочарование, и как начнут гнобить избранного президента! Насколько же удобней оставаться в оппозиции!

27 декабря, понедельник. Днем обедал с китайцами, это делегация Союза писателей Китая. Среди них мой старый знакомый Лиу Хианпинг, переводчик, и Бай Мяо, проректор Литинститута Лу Синя, еще две старые писательницы, которых я смутно помню по Сианю и Санжоу. Разговора за столом почти не было, мне очень жалко, что китайскую литературу мы почти не знаем, в этом есть и что-то пренебрежительное, что со временем отомстит. Договорились с проректором Лиу Хианпингом о некотором обмене студентами и преподавателями. Китайцы торопились в посольство, институт я им почти не показал, мои рассказы о Булгакове и Мандельштаме слушали рассеянно, возможно, не знали. Все это меня расстроило.

Вот статья, которую я все же сделал для «Правды»:

УРА! ЛЮБИМАЯ СТРАНА

Ну вот и слава Богу, високосный год уходит. Они, как известно на Руси, не самые ладные. Но ни слова о Президенте. Он священен, он наш Осирис. Очень легко водрузить на него многое… Но по себе знаю: тоже, когда стал ректором, ни машины не было, ни компьютера, ни зарплаты. Вообще, это удивительное чувство, которое овладевает хозяином, когда он выходит поутру в разоренный и разграбленный двор. И корову свели со двора, и естественные монополии украли, а шубу твою, которая досталась от папки и мамки, уже примеряет некий олигарх или другой случайный завлаб. Ах, русская жизнь, куда же ты катишься, в какую сторону крутится твоё развесёлое колесо? Тем не менее очень разные у нас итоги. По существу, как человека Ходорковского жалко — такой замечательный, крепкий и весёлый парень, а вот томится в узилище. Но если перевести сумму, так сказать, уведенную из-под государева догляда, да перемножить её на количество других наших замечательных благотворителей и олигархов, какая бы могла получиться прекрасная жизнь! На всё бы хватило и на всех. Ой. Но, боюсь, это не взвешенная речь почтенного мужа, а стон обывателя. Либеральная общественность

меня осудит.

Кое на что хочется закрыть глаза и забыть: Беслан, с его корчащейся от невыразимой муки безъязыкой трагедией, теракт в Москве у Рижского вокзала, синхронный полет самолетов из аэропорта Домодедово на юг. А это когда у нас высадили в центре Ленинграда из машины марки БМВ жену министра внутренних дел? Представляю такую ситуацию при Николае Первом «Палкине», при Николае Втором «Кровавом», Иосифе Джугашвили — сыне сапожника. Ну, правда, вождя мирового пролетариата вместе с женой высаживали из машины в Сокольниках бандиты, но когда это было. А у нас что — пошел на повышение? И кто там оказался виновным за трагическое параллельное планирование самолетов? Кажется, нашли какого-то армянина, который продал билеты, и какого-то «стрелочника», который пропустил. Какой все же коварный существовал рецепт у врачей: лечить не симптомы, а причины. А Библия, та просто рекомендовала: если мешает тебе рука — отсеки её. Не время, конечно, казней, но что-нибудь отсечь не помешало бы. Отсекли льготы.

С чувством глубокого удовлетворения наблюдаю я за нашим любимым русским народом. Помню, в начале перестройки добрые русские бабушки, так дружно проголосовавшие за демократию и Ельцина, говаривали, бывало, в телевизор нашим ласковым журналистам: «Я при советской власти никогда пенсию в тысячу рублей не получала!» Она получала бесплатное медицинское обслуживание, внуки бесплатно учились в престижных московских вузах, доярки зимой, после того как престижные санатории освобождала московская и областная элита, занимали ялтинские и сочинские курорты. Теперь отдельные бабушки пропели, как важны им 200 рублей заместо какой-нибудь льготы, которую они недополучали. А как теперь эти бабушки будут ездить на электричках на свои садовые участки, находящиеся за чертой Московской области, как будут обходиться с городским транспортом и прочим, и прочим? Ах, Зурабов, народный благодетель! Рассказывают анекдот, а может быть, и быль, что вроде бы даже родная мать после всех историй со льготами не пускает родного сына на порог своего дома.

И опять, не к новогоднему столу будь помянут этот Зурабов, с его инициативами и министерством, которое штурмом взяли, дабы научить взрослого дядю, как заботиться о стариках, семь «лимоновцев» со строительным пистолетом в руках. Не помогло. А может быть, мама с папой мало били в детстве? После этого — новая инициатива: в больнице держать пациента только пять дней и ни денечка больше. Если больной хочет эксклюзивных медицинских услуг больше пяти дней, то пусть решает сам, за

соответствующее, разумеется, вознаграждение. Говорят, что после этого знаменитый доктор Рошаль меланхолично заметил: а кто будет решать за недоношенных детей или больных, находящихся в коме? Когда в коме находится парламент и общество, когда расслаблено общественное мнение, а якобы средний класс упивается своим якобы благоденствием, вот тогда и лезут на балконы Минздрава мальчишки со строительными пистолетами. Но надо отдать должное нашей Фемиде. Она твердо знает, где опасность, она хорошо знает, что олигарха можно простить, вора пожурить, бандита отметить медалью, а двадцатилетнему мальчику надо дать семь лет. Слишком уж яркие примеры. Слишком уж эти мальчики напоминают тех молодых людей, которые в свое время подточили империю гнёта и насилия. Фемида знает своих героев. Фемида дожмёт кого надо. Но, как известно, сила гнёта всегда равна силе противодействия. А иногда и превосходит.

Что еще сказать, что пожелать, кроме помилования и милости? Пусть у богатых будет полная чаша, у бедных еда и медицинское обслуживание, и у всех — Новый, не високосный год».

На Украине все же победил Ющенко. Как украинцы будут жить дальше? Теперь маятник должен отклониться в другую сторону. Поздравит ли теперь с победой Путин нового президента Ющенко? Теперь будут суды, несогласия, оппозиция. Для телевидения это хорошо, хоть о чем-то есть поговорить и что показывать. Какой невероятный аттракцион устроило в свое время телевидение, показывая бомбежку и взятие нашего русского Белого дома. Дай Бог, дойдет дело еще и до американского. Но каково будет народу, он-то думает, что после победы его кандидата все сразу перевернется и все заживут лучше. Счет был такой, свидетельствующий, не об единстве и единомыслии в стране: 52 на 44. Правда, сторона Януковича утверждает, что много подтасовок и победители украли у побежденных 3 миллиона голосов.

Последнее, пока я все это писал, приводил в порядок дневник, то по телевизору шла какая-то литературная передача с участием Аксенова, Марка Розовского, Александра Архангельского, одним словом «свои», «наши» сидели по домам. Я теперь на Аксенова смотрю, как на автора «Вольтерянцев и вольтерянок», как на грандиозного писателя сегодняшних дней. Под самый конец передачи А.Архангельский вскользь сказал о письме к Туркмен-баши, которое подписали писатели Рейн, Шкляревский и Синельников. Архангельского это удивило, но он заметил, что авторы вроде хорошие. Я понимаю, что сделали это

«авторы» из-за нищеты. Но если бы это были «не свои»? А так Архангельский своих даже и не пожурил!

28 декабря, вторник. Дума, а за нею и Совет Федерации утвердили «длинные зимние каникулы» — до 11 января. Под шумок, под ажитацию этого беспредельного гуляния отменили и день 7-го ноября. Вместо этого определили некий день 4-го ноября, когда, дескать, поляков выгнали из Москвы, еще раз переписали историю. Очередному поколению доказали, что историческая правда хлипка и ненадежна. Стало еще раз ясно, что у русского народа в истории никаких корней нет. Впрочем, я совершенно точно уверен, что к 7-му ноября как к празднику мы еще вернемся. Почему-то в памяти встают две женщины — Слиска и Горячева. К чему бы это?

Днем проводил кафедру. Не было Куняева, Сегеня, Приставкина, Николаевой, Чупринина. Как иногда говорят на пресс-конференциях — «без комментариев». Подтвердили выдвижение на должность для голосования на ученом совете Е. Сидорова, говорили о планах, о взаимных посещениях, самое главное, о дипломных работах. Я поставил кафедре перед Новым годом, но подразумевая свою Булгаковскую премию, трехлитровый пакет сухого вина, который купила для меня Л.М. в магазине «Метро».

После кафедры немножко поговорили с Е.Сидоровым и Е.Рейном о Пастернаке. Женя Рейн выдал несколько потрясающих подробностей. А все началось с дневников Чуковского, с пассажа, который все принимали за прославление Сталина. А может быть, это был «двойной» дневник: и для себя, и одновременно для НКВД. А я Сталина люблю! Здесь история о белом комбинезоне, в котором Пастернак ходил к Ивинской на свидание на картофельное поле. Там был шалаш, а на поле Пастернак копал картошку. Этот комбинезон стирала, естественно, Зинаида Николаевна. С балкона в бинокль ей, между прочим, было отчетливо видно, чем занимается ее великий муж и почему на коленках белого комбинезона всегда прилипала грязь. Будто бы, по словам одной ее собеседницы, она сказала: «За хуй мужчину не удержишь». И фразы, сказанные поэтом в разное время разным людям: «Неужели ты не понимаешь, что нужно навязать себя стране». «Быть знаменитым некрасиво»… «Да он и одного дня бы не прожил, если бы не был знаменитым», — это, кажется, Сельвинский.

Надо бы обязательно каким-нибудь образом проникнуть в архив Сталина. Письма Пастернака к И.В. хранятся вроде бы там, родня, естественно, это тщательно скрывает и не хочет никаких публикаций. Но ведь можно не цитировать, а обсказать. Кто-то

высказал предположение, что в этих письмах какая-то едкая восточная лесть, такая приятная на слух вождя. И опять одно цепляется за другое. Когда Сталин объявил Маяковского первым поэтом страны, то и здесь Пастернак написал будто бы письмо, в котором признавал, что он, Сталин, прав, первый поэт эпохи действительно Маяковский. Но это был еще и удар по Бухарину, утверждавшему на съезде писателей, что первый-то — Пастернак. Может быть, именно поэтому Сталин приказал «не трогать этого небожителя».

По телевидению наконец-то зазвучал стон опомнившихся пенсионеров относительно их проезда в городском транспорте и по ж.д. на дачные участки. Но это только начало большего русского стона.

Вечером же звонил К.Я.Ваншенкин. Говорили о его внучке, которая покинула институт и о моем интервью «Литгазете». Подтекстом звучало: как же я, патриот, осмелился похвалить Аксенова? Кстати, еще раз о нем. С романом Аксенова проснулось во мне забытое чувство: бежать скорее домой, чтобы взяться за книгу. Так я читал «Всадника без головы», в конце, припоминаю, было страшно. Мама в ванной стирала белье, я дочитывал книгу, держась за ее юбку.

29 декабря, среда. Весь день до глубокой ночи телевидение передавало подробности ужасного цунами, уничтожившего чуть ли не 100 тысяч человек в Таиланде, Индии и Шри-Ланке (это бывший Цейлон). Одна из самых страшных катастроф на земле, даже земная ось несколько сместилась, и на микросекунды стал короче земной год. Это уже что-то библейское. Вот так мы живем, что-то изобретаем, кичимся своим человеческим могуществом, а потом Бог поведет бровью и сметет половину человечества.

Во всех сообщениях много говорилось о наших соотечественниках, проводящих зимний отпуск на курортах Таиланда. Я полагаю, что многие наши телезрители, особенно из глубинок, теперь узнали, что роскошно живут не только американцы и немцы, но и наши бывшие советские люди. И таких людей, оказывается, немало, не только олигархи. Вот так.

Днем ко мне заходил С.Б.Джимбинов, он после болезни, после больницы. Ему все кажется, что это временное недомогание, что он вылечится и его быстрая утомляемость пройдет. Я долго объяснял ему, что это еще возраст. Говорили с ним о литературе, об Аксенове, я перевел все на разговор о Пастернаке. Он, конечно, человек энциклопедически образованный, все помнит, подсказал мне переписку Пастернака с Жаклин де Пруайяр. Библиотека наша, кстати, немедленно нашла мне «Новый мир» за 1992 год. Неплохо девушки работают.

Опять, как и вчера, писал письма и поздравления. Давали зарплату, я, согласно повелению сверху, получил три оклада поверх всей демократии и сразу же начал тратить. Вечером ходили с Витей на рынок у университета и еле-еле дотащили огромную сумку с продуктами.

Утром дочитывал роман Аксенова. Это гениальная работа. гениальная находка. Я просто иззавидовался, ведь знаю эпоху, люблю ее, а придумать и близко ничего подобного не смог. И как все играючи, как все легко. Это редчайший образец настоящего писателя!

30 декабря, четверг. В два часа состоялся ученый совет, все прошло тихо и мирно. Проголосовали за должность профессора по кафедере зарубежной литературы С.П., за Никиту Гладилина как доцента — на кафедру иностранных языков и как доцента — за Маргариту Черепенникову. Рассматривали вопросы зимней сессии, ввели промежуточную аттестацию, постановили выпустить небольшой сборник Максима Лаврентьева. Собственно, за все время моей работы в институте я смог насчитать только трех поэтов: Тиматкова, Лаврентьева и Федю Черепанова, который мог бы стать поэтом, но не стал. Здесь не только стихи, здесь еще линия поведения и линия жизни. Даже гениальный стишок написать можно, а вот поэтом стать — это труднее. А где кумиры прошлых лет: разные Воеводы?

Мирно распрощались со всеми до Нового года.

Ходил в МХАТ им. Чехова, в названии которого старанием последнего времени потерялась буква «А», т. е. понятие «академический». Я звонил в театр Табакову, чтобы позвать его жену Марину Зудину на Гатчинский фестиваль, в жюри, но у секретаря Ольги Семеновны узнал, что Марина из-за своего расписания поехать не сможет. Сразу же меня позвали в театр на «Тартюфа». Мне это было особенно интересно, потому что я помню и «Тартюфа» с Любшиным и Вертинской лет двадцать назад на сцене филиала и прочел довольно злобную недавнюю рецензию в «Труде» на новый спектакль. Еще раз, уже на представлении, убедился, насколько условна любая точка зрения журналиста. Спектакль веселый, «Тартюф» понадобился и как веселый кассовый спектакль с перчинками и солью разных аллюзий по отношению к сегодняшнему дню. Обидно только, что спектакль до безукоризненной стилистики «Тринадцатого» не дотягивает. Слишком много рассчитано на беллетризацию спектакля, на роскошь, на богатого зрителя, на стремление нравиться этому богатому и излишне его не волновать. Некое кривое зеркальце, только пощекотать. Все обманывают друг друга: олигархи государство, бизнесмены налоговую службу,

продавцы покупателей, вот и здесь веселая глуповатая обывательская семейка и обманщик, замаскированный под братка — Тартюф. Фигура не инфернальная, не символ времени, а лишь его горяченькая примета. Табаков тем не менее меня не разочаровал, в нем сохранилась еще мрачная потусторонняя сила актера. Он выбрал некую, в соответствии со временем, фигуру плачущего братка, да и загримирован то ли под предсовмина, то ли под покойного офтальмолога Федорова, это дело не меняет. Ласковый и опасный. Хорошо, свободно и ярко играет Марина Зудина, крупная актриса.

В антракт пошел в буфет, размахнулся: на прилавке дорогие коньяки, но ведь не драгоценные: «Дайте, пожалуйста, 100 граммов коньяку и бутерброд с семгой». — «Пожалуйста. 710 рублей». Возвращался из театра на метро, в Москве ездить на машине уже нельзя — чудовищные пробки, едешь, как на поезде в Гражданскую войну.

31 декабря, пятница. Утром позвонил из Ленинграда Вася — он едет к нам на Новый год, деваться ему некуда. Еще пару дней назад с рынка возле Университета я притащил с помощью Вити, отъехавшего в Пермь, целую сумку продуктов к Новому году, килограмм сорок. Вино и более крепкие напитки у меня в изобилии — это все подарки к Новому году и к дню рождения. Кстати, подарки приходится отдаривать: послу Новой Зеландии я послал свой двухтомник «Власть слова». В ответ на томик «Практика», где есть статья о ней, Т.В. Доронина прислала мне в праздничной упаковке бутылку коньяка и бутылку хванчкары именно сегодня, когда я приехал на работу, но об этом позже. Меня восхищает в ней еще и круглый, крупный уверенный почерк, которым она пишет поздравительные свои открытки, и удивительные слова, которые она находит. В общем, к празднику я был готов, даже фаршированный судак, мое традиционное блюдо, уже готов, стоял в холодильнике.

Утром отправился на работу. Надо было все досмотреть, да и закончить статью о Володе Андрееве. К моему удивлению, никого, кроме меня, хозчасти во главе с Вл. Ефимовичем, Максима и Екатерины Яковлевны, не было. Но тут же пришел парень-заочник с первого курса Корягин. Он на один месяц раньше приехал в Москву на сессию. Выгнать и не поселить в общежитии накануне Нового года у меня не хватило духа. Посоветовавшись с С.И.Лыгаревым, пристроил его на месяц работать столяром. Столяра у нас в общежитии уже несколько месяцев нет. Сам этот Корягин, правда, производит довольно странное впечатление, — говорит, что в Нижнем Новгороде у них никакой работы нет, полная труба. Подкупило, что он в

удивительном порядке привез все свои учебные работы, даже сколотил для них, чтобы не помялись, какой-то ящичек. Как здесь было не проявить милосердия.

Статья об Андрееве, похоже, получилась, по крайней мере в ней есть несколько кусков полетного бреда. Но обязательно с ним еще посижу, поговорю, не хватает того, что раньше, когда еще начинал писать, было самым основным, «случаев», фактуры, а теперь это такая мелочь, так быстро наживное, что и задумываться об этом не стоит. Вот тут, когда я уже почти закончил со статьей, появилась из МХАТа Маша и в сумочке принесла мне дары от Т.В. Дорониной.

Новый год встретили замечательно, по крайней мере, с В.С. не поругались, я за столом особенно не нервничал. У всех был прекрасный аппетит. Приехал Толик с женою Людой, тещей и прелестным своим ребенком Варей. Совершенно замечательный четырехмесячный бутуз. Люда привезла какие-то салаты, и еще по дороге они прихватили кое-что, что мне приготовил Алик: рыба, немножко мяса, салат. Продуктов оказалось тьма. Люда подарила мне и В.С. по хорошему махровому полотенцу, я тоже их чем-то отдарил. Подарки должны оборачиваться, а у меня их скопилась масса. По телевидению шла какая-то чушь, похожая на шабаш. Високосный год ушел — как провалился.

Указатель имен

А.И. — *см.* Горшков А.И.
А.К. — см. Антонов А.К.
А.Ф. — *см.* Киселев А.Ф.
Абаева Л.Н. — писательница 324
Абаева Я.В. — студентка 321
Абалкин Л.И. — экономист, академик РАН 384
Абашидзе Аслан — политический деятель 118, 185
Абдрашитов В.Ю. — народный артист РФ, кинорежиссер 85
Абдуллаев Ч. А. — писатель 447, 448
Абдулов А. Г. — народный артист РФ 94
Абрамович Р. А. — олигарх, политический деятель 101, 121, 405
Авдеенко А. А. — журналист, редактор газеты «Экран и сцена» 325
Авербух Марк — соотечественник, живет в США, друг автора 42, 186, 195, 196, 197, 198, 199, 375, 376, 503
Авербух Софья — соотечественница, жена М. Авербуха — 42, 194, 195, 196, 198, 199, 200, 375, 376
Агаев С.С. — выпускник, затем доцент Лита — 148, 272, 279, 447
Агеев Александр — критик, журналист — 440
Агеев В.В. режиссер — 455
Агишев О. А. — драматург, сценарист 176
Адан Адольф — композитор 345
Адлер Макс — политический деятель 178
Азарян Александр — писатель, выпускник Лита — 28
Айтматов Ч.Т. — писатель 298, 499
Аксельрод Л.И. — партийный деятель 346
Аксёненко Н. — бывший министр путей сообщения 126, 509
Аксенов В.П. — писатель 33, 126, 405, 410, 413, 473, 475, 477, 482, 483, 484, 487, 493, 518, 520, 521
Аксенов Владимир — студент, выпускник Лита — 278, 380
Акунин Борис — писатель 34, 177, 262
Александр I — российский император 358
Александр Второй — российский император 238, 303
Александр Иванович — см. Горшков А.И.
Александр Македонский — царь Македонии, полководец 487
Александр Невский — русский святой и князь 81
Александра Леонтьевна — *см.* Толстая А.Л
Алексеев М.Н. — писатель 217–219, 422
Алексеев Станислав — абитуриент Лита 329

Алексеева Л. М. — правозащитник 365, 371
Алексей Михайлович — русский царь 388
Алексин А. Г. — писатель 438
Алеша — *см.* Есин А.В. 54
Алёшкин П. Ф. — писатель, издатель 74, 78, 112-113
Алибасов Б.К. — Заслуженный артист РФ, музыкант, музыкальный продюсер 291
Алибек — *см.* Ягибеков А.
Алиев Г. А. — партийный и государственный деятель 447
Аликперов В. Ю. — президент ОАО «Лукойл» 485
Альберт Дмитриевич, Алик — *см.* Сергин А.Д.
Альбинони Томазо — композитор и скрипач 58
Альенде Г.С. — президент Чили 435
Альтшулер Евгений — инженер-нефтяник 235, 241
Алябьев А.В. — в бытность председатель правления РАО 110, 132, 249, 368
Амелин Максим — поэт, учился в Лите 309
Анашенков Б. А. — писатель, доцент Лита 191, 417
Анашкин Е. М. — кинорежиссер 85
Андреев В. А. — народный артист СССР, главный режиссер Московского драматического театра им. М.Н. Ермоловой 213, 232, 251, 280, 339, 350, 383, 476, 477, 508, 522, 523
Андреев Л. Н. — писатель 368
Андрей Викторович — *см.* Алябьев А.В.
Андропов Ю.В. — государственный и партийный деятель 263
Анна Иоанновна — российская императрица 374
Аннинская Александра — жена Л. А. Аннинского 83, 95, 475
Аннинский Л. А. — писатель, литературовед 82–84, 95, 129, 160, 175, 369, 475
Антокольский М.М. — скульптор 303
Антокольский П. Г. — поэт 156, 302,
Антонина, тетя Тося — *см.* Донина А. С.
Антонов А.К. — писатель, выпускник ВЛК, доцент Лита 45, 230, 258, 299, 305, 319, 327
Антонов Ю. М. — Народный артист РФ, певец, композитор 63, 294, 369, 483
Апенченко Ю. С. — писатель-публицист, поэт, друг автора 71, 106, 161, 186, 223, 275, 292, 296, 317, 328, 348
Арафат Ясир — политический деятель 426, 431, 437
Арбатова Мария — писательница, выпускница Лита 291
Ардов М.В. — писатель 317
Аржанов Юрий — друг молодых лет автора 362
Аристотель — философ 328, 395. 432
Арканов А.М. — писатель-сатирик 223, 317, 331, 417

Артемов Станислав — писатель, журналист 325
Арто Дезире — оперная певица 64
Артюхов К.В. — кинорежиссер 87
Арутюнов С. С. — поэт, выпускник, затем доцент Лита 151, 177, 184, 309, 411, 412
Архангельский А. Н. — писатель, телеведущий 255, 518
Архипов В. А. — поэт, выпускник Лита, друг автора 216
Архипова И.К. — народная артистка ССС, оперная певица 251, 358, 374, 512
Арцибашев А.Н. — писатель 216, 218, 338
Асмус В.Ф. 288 — философ, работал в Лите
Астафьев В.П. — писатель 91, 117, 218, 232,403
Атлагич А. — художник 130
Аушев Р. С. — первый президент республики Ингушетия 351
Афанасьев Юрий — первый ректор РГГУ, политический деятель 104
Ахмадулина Б. А. — поэт, выпускница Лита 43, 336
Ахматова А. А. — поэт 34, 94, 170, 241, 298, 317, 452
Ахметова Галлия — литературовед, доктор филологических наук 34, 72
Ашомко З.И. — секретарь Т.В.Дорониной 31
Ашот — *см.* Вартанян А.Л.
Б.Л. — *см.* Тихоненко Б.Л.
Б.Н. — *см.* Тарасов Б.Н.
Бабанова М. И. — народная артистка СССР 41, 452
Бажов П.П. — писатель, сказочник 56
Бай Мяо — проректор института Лу Синя в Пекине 515
Бакланов Г.Я. — писатель 33, 48, 71, 72, 157, 422, 447
Балашов Андрей — скульптор 476
Балашов Э.В. — поэт, профессор Лита 57, 215, 328, 330, 332, 327, 338
Балашова Екатерина — скульптор 244, 476
Балтин — советский офицер 36
Баранова Н.В. — заведующая учебной частью Лита 245, 382
Барбара — *см.* Кархофф Б.
Барметова И.Н. — критик, главный редактор журнала «Октябрь» 73
Бархатов Алексей — писатель, журналист 259
Басина Н. — журналистка 151
Басков Н. В. — заслуженный артист РФ, эстрадный и оперный певец 51, 145, 182, 365
Баталов А. В. — народный артист СССР 383
Баткин Л. — писатель 55
Батурина Е.Н. — предприниматель, жена Ю.М. Лужкова 260

Бах И.С. — композитор 410
Бек Т.А. — поэт, доцент Лита 48, 73, 97, 278, 367, 411-413
Беккет С. — драматург, пишущий на французском и английском языках 76
Белинский В. Г. — критик, писатель 325
Белов В.И. — писатель, выпускник Лита 33, 126, 218, 308, 408
Белокопытов Ал. — писатель 45
Белый Андрей — писатель 68
Беляев Ю. И — главный редактор газеты Культура 383
Белякович Валерий — народный артист РФ, режиссер 7
Бен-Ладен Усам — лидер террористической организации 410, 446
Бергер Михаил — редактор журнала 29
Бердслей Обри — английский художник 292
Березовский Б. А. — олигарх 113
Бернард Кристиан — хирург 426
Бернстайн Леонард — композитор, дирижер, пианист 10
Бертолуччи Бернардо — кинорежиссер 138
Бессмертнова Н.И. — народная артистка СССР, балерина 234, 345
Бессмертных А.А. — председатель Внешнеполитической ассоциации, в прошлом министр иностранных дел 384
Бизяев В. — журналист 361
Битов А. Г. писатель 33, 53, 310
Бланк Б. — народный художник РФ, режиссер 65
Блок А.А. — поэт 298
Блэр Тони — государственный деятель 145
Бобков Д.Ф. — генерал армии, член МИД-клуба (Московский интеллектуально-деловой клуб Н.И. Рыжкова) 119
Бобров А. А. — поэт, журналист, бард 12
Боброва Лидия — кинорежиссер 86, 92, 109
Бовин А. Е. — журналист, политик, дипломат 45
Богомолов В. О. — писатель 11, 22, 117
Богуславская З. Б. — писатель, общественный деятель 310
Богуслаев В.А. — генеральный директор ОАО «Мотор Сич»(г. Запорожье) 503
Бойков Виктор — поэт 52
Бокерия Л.А — хирург, академик РАМН 427
Болдырев Ю. Ю. — государственный и политический деятель 226, 245, 346
Болотин Евгений — журналист 303
Болотова Ж. А. — народная артистка РСФСР 384
Болычев И. И. — поэт, выпускник, затем доцент Лита 319
Бондарев Ю.В. — писатель 33, 117, 126, 155–156, 217, 219,

379, 422, 499
Бондаренко В. Г. — писатель, критик-литературовед, главный редактор ежемесячника «День литературы» 376, 406, 415, 480, 497, 513
Бондарчук Н. С. — народная артистка РСФСР, кинорежиссер 84,89
Бонк Н.А. — профессор Лита 119, 179, 210, 265, 370
Боннэр Е. Г. — вдова академика Андрея Сахаров 365, 371
Борисова Ю.К. — народная артистка СССР 167
Боровик Г. А. — писатель, политолог 184, 362
Бородин Л. И. — писатель, главный редактор журнала «Москва» 117, 164, 173, 317, 332
Бортко В. В. — народный артист РФ, кинорежиссер 167
Бортников Г. — народный артист РФ 112
Борщаговский А.М. — писатель, критик, драматург 45, 105
Бочков Сергей — студент Лита 412
Брагарник С. М. — народная артистка РФ 48, 440, 441
Брежнев Л.И. — государственный деятель 365
Бриль Алексей — музыкант, саксофонист 410
Бриль Дмитрий — музыкант, саксофонист 410
Бриль Игорь — народный артист РФ, профессор 410
Бритвина Ольга — выпускница Лита 333
Бродская Г.Ю. — искусствовед 124
Бродский И.А. — поэт 16, 334, 366
Брукс Мело — автор бродвейского мюзикла 202
Брут — персонаж римской истории 328
Брынцалов В. А. — предприниматель, политик 59, 381
Брянцев Д.А. — народный артист РФ, балетмейстер 374
Буйда Ю. — писатель 401, 403, 404
Булгаков М.А. — писатель 17, 83, 326, 345, 348, 516
Бундин Ю. И. — генерал, писатель, друг автора 22, 47, 109, 154, 245, 246, 286, 370, 420, 438, 439, 458, 462, 512
Бунимович Е. А. — поэт, депутат Московской городской думы 36
Бунин И.А. — писатель, поэт 297, 328, 329, 335, 495
Бурдонский А. В. — заслуженный деятель искусств РСФСР 478, режиссер
Бурлак М. — актриса 508
Бурляев Н. П. — народный артист РФ, кинорежиссер 89
Бутов М. — писатель 98, 257, 490
Бухарин Н.И. — государственный и партийный деятель 519
Буш Дж. (младший) — президент США 425, 446, 464
Буш Дж. (старший) — президент США 139, 410
Буштаков В.В. — начальник безопасности Лита, доцент 230,

247, 323, 415

Быков А. — критик, литературовед, доктор филологических наук, профессор 475

Быков Василь — писатель 92, 117

Быков Д. Л. — писатель, поэт 276, 463

Быков Павел — писатель, оперный певец, выпускник Лита 69, 72, 342, 433, 463, 492

Бэлза С. И. — народный артист РФ, литературовед, телеведущий 10

В.Е. — *см.* Матвеев В.Е.

В.М. — *см.* Филиппов В.М.

В.П. — *см.* Смирнов В.П.

Вавилов Андрей — финансист, сенатор 100

Вайкуле Л. С. — эстрадная певица 151

Вайль Петр — писатель 181

Валенса Лех — политический деятель, президент Польши 38

Валентина Сергеевна, Валя, В.С. — *см.* Иванова В.С.

Валера — *см.* Есин В.Ю.

Валера — *см.* Петухов Валерий

Валех — *см.* Салех-оглы

Валя (тетя) — *см.* Сапрыкина В.М.

Вампилов Александр — драматург, учился на ВЛК 370, 371

Ван Дейк А. — художник 208

Ван Липин — председатель союза музыкантов Китая (137)

Вандербильд — американский магнат и нувориш 208

Вандервельде Эмиль — бельгийский социалист, упоминался В.И. Лениным 178

Ваншенкин К.Я — поэт 223, 422, 520

Ваня (дядя) — *см.* Донин И.И.

Варгафтик А. — музыкант, критик, теле— и радиоведущий 48, 158, 163–164, 339, 498

Варенников В. И. — генерал армии, депутат Госдумы 273

Варламов А. Н. — писатель, доктор филологических наук, профессор Лита 33

Вартанов Г.С. — писатель, журналист 47

Вартанян А.Л. — юрист института, сосед по дому 35, 50, 51, 82, 104, 187, 277, 311, 484

Василевская Анна — автор знаменитых воспоминаний, напечатанных в «Новом мире», мать главного редактора Василевского В.А. 4

Василевский А. В. — поэт, выпускник Лита, главный редактор журнала «Новый мир» 76, 173, 174, 490

Василенко Светлана — Первый секретарь Правления Союза российских писателей 4

Василий Иванович — *см.* Кузищин В.И.
Василий, Вася — *см.* Калинин Василий
Васильев А.А. — театральный режиссер, заслуженный деятель искусств России, создатель «Школы эротического искусства» 41
Васильев Б. Л. — писатель 33, 89, 117, 311
Васильев Владимир — народный артист СССР, танцовщик 252
Васильева Л. Н. — писатель, поэт 280
Васильевы — (однофамильцы; псевдоним братья Васильевы) советские режиссеры, сценаристы 92
Васильчиков И.В. — князь, государственный деятель, мемуарист
Васнецов В.М. — русский художник 234
Васягин Иван — депутат Госдумы 218
Ватель Франсуа — гастроном, распорядитель торжеств времен Людовика XIV 354
Вексельберг В.Ф. — олигарх 58, 208
Великодный А.В. — заместитель декана заочного отделения Лита 57
Веллер М.И. — писатель 325
Венцель Е.С. — писательница, ученый 90
Вера Владимировна — *см.* Федотова В.В.
Вербицкая Л.А. — ректор Санкт-Петербугского государственного университета, доктор филологических наук, профессор 79, 274, 279, 316
Вересаев В.В. — писатель
Верещагин В.В. — художник 451
Верник Э.Г. — народный артист РФ, режиссер радио 452
Вертинская А.А. — народная артистка РСФСР 444, 521
Вертинский А.Н. — поэт, композитор, певец 15, 200
Веселовская Е.Я. — писатель-мемуарист, стенографистка Лита 15, 40, 256, 295, 297, 407, 428 492, 522
Весник Евгений — народный артист РФ 436
Ветрова В. — поэт 124
Виардо Полина — оперная певица 64
Визбор Ю. И. — поэт, журналист, актер, бард 20, 40, 302, 309, 313
Визель М. Я. — переводчик, выпускник Лита 191
Виктор (Витя) — *см.* Вотинов В.А.
Виктория Самойловна — *см.* Токарева В.С.
Виктюк Р.Г. — народный артист РФ, режиссер 11, 161
Висконти Лукино — итальянский режиссер 393
Витас — эстрадный певец 468
Вишневецкая Марина — писатель 260
Вишневская И.Л. — писатель, доктор искусствоведения,

профессор Лита 11, 57, 213, 214, 221, 222, 247, 248, 251, 255, 299, 305, 326, 327, 328, 338, 348, 350, 382, 383, 428, 432, 457

Вишняков — председатель Избиркома 114

Вл. И., В.И. — *см.* Ленин В.И.

Владимир — митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский 273

Владимир Ефимович — *см.* Матвеев В.Е

Владимир Яковлевич — *см.* Лакшин В.Я.

Владимирова Ирина (329, 356)?

Владимирова ирина (356)?

Владислав Александрович — *см.* Пронин В.А

Вознесенский А.А. — поэт 151, 273, 298, 317, 336

Войнович В.Н. — писатель 73, 86, 157, 474

Волгин И. Л — поэт, писатель, доктор филологических наук, профессор Лита 57, 74, 124, 181, 214, 251, 350, 369, 491

Володя — *см.* Рожков В.С.

Волос А.Г. — писатель 33

Волоховский Александр — фотограф, работал в Лите 83, 88

Волочкова А. — заслуженная артистка РФ 84, 345, 365

Волчек Г. Б. — народная артистка СССР, главный режиссер Московского театра Современник» 96

Вольский В.А. — заслуженный деятель искусств России, театральный художник 249, 251, 252, 374, 470

Вольский Р.А. — заслуженный деятель искусств России, театральный художник 470, 471

Вольтер — писатель, поэт, философ — 477, 483

Вольф Христиан — немецкий ученый-энциклопедист, философ, математик 229, 297

Воробьев Константин — писатель 101, 117

Ворожбит Наталья — драматург, выпускница Лита 375, 376, 379

Воскресенский Александр — поэт, учился в Лите 513

Воскресенский Д.Н. — китаист, профессор Лита 249, 282

Вотинов В.А. — родственник автора 158–159, 214, 284, 323, 324, 343, 398, 402, 429, 488, 493, 520, 522

Врагова С.А. народная артистка РФ, главный режиссер Московского театра «Модерн» 120, 368, 456

Вульф В.Я. — писатель, доктор исторических наук, телеведущий 11, 167, 168, 172, 385, 476, 477

Высоцкая Изольда — возлюбленная Б.Л. Пастернака 326, 329

Г.Я. — *см.* Бакланов Г.Я.

Гайдн (на самом деле Гендель Г.Ф.) — 249, 251

Гайнутдин Равиль — председатель совета муфтиев России — 272, 279

Галеса Татьяна — журналист, сотрудник американского посольства в Москве 165-166
Галибина Елена — актриса 214
Галин Александр — драматург 499
Галкин Владислав — заслуженный артист России 365
Галковский Д.Е. — писатель, философ 178, 179, 343–346, 354, 393, 417-419
Галлай М. Л. — писатель, летчик-испытатель 38, 97
Гальега Рубен — писатель 487
Гандлевский С. М. — поэт 499
Ганичев В.Н. — писатель, общественный и религиозный деятель 89, 154, 172, 186, 217, 218, 317, 370
Гаранян Г.А. — народный артист РФ, саксофонист, дирижер 467
Гарин Э.П. — народный артист СССР 182
Гаспаров М.Л — литературовед, академик РАН 181
Гасунс Маркус — выпускник Лита 465, 468
Гафт В. — народный артист РФ 112
Гачев Г. Д. — писатель, крик, литературовед, философ 259, 264, 369
Гвоздева И.А. — профессор Лита 359, 409. 425
Геласимов А. В. — писатель 124, 127, 159, 475
Геловани М.Г. — народный артист СССР 478
Генриетта Карповна — *см.* Ягибекова Г.К.
Георгиевская Елена — писательница, училась в Лите 279
Герасимов А. — журналист, телеведущий 150, 276, 285
Гербер А.Е. — писатель, общественный деятель 45, 340, 365, 371
Герцен А.Н — писатель 87, 154, 463, 489
Гершензон Л.М. — поэт 124
Гинденбург Пауль — немецкий военачальник и политик 268
Гинзбург Е. А. — кинорежиссер 123
Гиппиус З. Н. — поэт, писательница 381
Гите Абрамовна — мать Михайловской Н.Г. 175
Гладилин Н.В. — доцент Лита 521
Гладкая Татьяна — режиссер 85
Глазов Юрий — студент Лита, выпускник 53, 67, 69, 268, 406
Глазунов И. С. — художник 111, 505
Глазьев С. Ю. — общественный и политический деятель, экономист, академик РАН 49, 114
Глебова Ирина — студентка Лита 362
Гнедич А.И. — поэт, переводчик 81
Говорухин С. Ст. — кинорежиссер 170–171, 176
Говорухин Ст. С. — народный артист РФ, кинорежиссер,

актер 86, 90, 94, 96, 416
Гоголь Н.В. — писатель 65, 105, 182, 309, 492, 495
Годенко Н. М. — доцент Лита 245
Годжа Фикрет — поэт, писатель, общественный деятель, выпускник Лита 448
Голенко Ж. А. — писатель, критик, выпускница Лита106, 224, 232, 378, 415
Голубицкий Ю. — писатель, сценарист, член МИД-клуба 340
Голышев В.П. — писатель, переводчик, профессор Лита 119
Гольданская (Мордвинова) А. — актриса 257
Гомбович Вит. — драматург 418
Гонкуры (братья) — писатели Жюль и Эдмон 415
Гончаренко Дмитрий — поэт, выпускник Лита 377
Горбачёв М. С. — политический и государственный деятель 146, 217, 346, 411, 485
Горбачева Р.М. — жена М.С. Горбачёв 385
Гордеева Оксана — писатель, выпускница Лита 329, 356
Горелов Владимир — машинист поезда метро 273
Горецкая Майя — журналист, друг юности автора 301
Горобец Ю. — народный артист РФ 6
Горшков А.И. — проректор Лита, доктор филологических наук, профессор 14, 97,160–161, 230, 270, 470.
Горький М. — писатель 5,6.43, 85, 135, 172, 238, 282, 308, 494
Горячева С.П. — депутат Госдумы 519
Гостынская Л.М. — театровед, работник Комитета культуры Москвы 123-124
Гоша — внук Н.Г. Михайловской 171
Гранин Д. А. — писатель 308
Грач Эдуард — народный артист СССР, скрипач, альтист, дирижер 10
Гремина Елена — драматург, выпускница Лита 467
Греф Г.О. — государственный деятель 97–98, 104, 121, 199, 319, 332, 454, 456, 457, 507
Григорий Соломонович — отец Ренаты Лекач 200, 205, 207, 210
Григорович Ю.Н. — народный артист СССР, балетмейстер 345
Григорьев В.В. — заместитель руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям 73, 106, 249
Григорьев Н. — писатель 378, 380
Гримм Роберт — швейцарский политик, корреспондент В.И. Ленина 178
Гришковец Е.В. — писатель, драматург, актер 24
Гроссман В.С. — писатель 5, 16, 105, 125, 176, 325, 330, 331
Грызлов Б.В. — государственный деятель 218

Губарев В. — писатель 227
Губенко Н.Н. — народный артист РФ, главный режиссер Московского театра «Содружество актеров Таганки» 36, 384
Губченко Елена — актриса, писательница, выпускница Лита 115–117, 232
Гудима Т.М. — работница Министерства культуры 460
Гудков Геннадий — депутат Госдумы 510
Гуляев Святослав — художник 340
Гумилев Н.С. — поэт 129
Гуно Шарль — композитор 340
Гурвич М.З. директор театра им. М. Ермоловой 454, 455, 457
Гуревич М. — газетный автор 201, 457
Гусев В. И. — писатель, поэт, руководитель московской писательской органиации, доктор филологических наук, профессор Лита 14, 28, 61, 67, 71, 99, 106, 111, 120, 138, 181, 217, 218, 220, 224, 268, 296, 299, 305, 328, 378, 406, 415, 480
Гусев Виктор — учился в Лите 341, 463
Гусинский В.А. — беглый олигарх 207, 319
Гущин О. — заслуженный артист РФ 48, 441
д'Арк Жанна — героиня французского народа 296
Давид Жак Луи — французский живописец 208
Давыдова Илона — писатель, живет в США 201, 202, 207, 210, 215, 282, 285, 326, 330, 331, 331, 333
Давыдова М. — театральный критик 22)
Данте Алигьери — поэт 491
Дарий — персидский царь 487
Дарико — подруга В.С. Ивановой 10
Дахненко М. — заслуженный артист РФ 340
Даша см Мартынкина Дарья
Дашкова Полина — писатель, выпускница Лита 291
Де Ниро Роберт — актер, режиссер, продюсер 285
де Пруайяр Жаклин — корреспондентка Б.Л.Пастернака 520
Дёгтев В. — писатель, выпускник Лита 33, 98
Делакорт Маргарита — женщина, которая любила всех детей 195
Демахин А. — писатель, драматург, выпускник Лита 379, 432, 462
Дементьев А. Д. — поэт, выпускник, преподавал в Лите 438, 439
Дементьева Н.Л. — в прошлом министр культуры, сенатор 42, 74, 105, 221, 270
Демидов Иван — телеведущий, продюсер, общественный деятель 174
Дёмин А.С. — доктор филологических наук, профессор Лита

412
Демичев Вадим — студент Лита 412
Демьянков В. З. — доктор филологических наук, профессор, друг автора 245
Денежкина Ирина — писатель 113, 116, 159
Денисов Н. И. — поэт-песенник, выпускник Лита, заслуженный артист РФ 469
Депардье Ж. — киноактер 349
Дерепа Дмитрий — выпускник Лита 231
Державин Г.Р. — поэт 92–93, 328
Державин М.М. — народный артист РФ 306
Дерипаска О.В. — олигарх 502
Джабраилова Мадлен — заслуженная артистка РФ 130
Джимбинов С.Б. — выпускник и профессор Лита 202, 341, 344, 349, 520
Джойс Дж. — писатель 296, 307, 308, 495
Джугашвили И. В. см. Сталин И.В.
Джулиани Рудольф — мэр Нью-Йорка 206
Дзасохов Александр — бывший президент Северной Осетии 356, 366
Дзержинский Ф.Э. — государственный и партийный деятель 393
Дзюба — драматург 159, 161
Дизраэли Бенджамин — английский государственный деятель 319
Димитров Г. — государственный и политический деятель Болгарии и международного коммунистического движения 347
Димон, Дима — см. Слетков Д.А.
Дитрих Марлен — актриса 151, 440, 441
Добродеев О.Б. — генеральный директор ВГТРК 111, 381
Добронравов Н. — поэт, выпускник Лита 272, 512
Довлатов С.Д — писатель 85, 335, 493
Дога Е. — народный артист СССР, композитор 514
Докшицер Тимофей — народный артист РФ, трубач 424
Должанский Роман — театральный критик 6, 22
Долли — собака автора — 3, 11, 17, 18, 20, 21, 22, 24, 33, 44, 158, 233, 263, 279, 283, 289, 309, 315, 333, 398, 411, 486
Долматовская Г. Е. — сценарист, кинокритик 502, 515
Долматовский Е.А. — поэт, выпускник и профессор Лит 69, 502, 515
Дондурей Д. — киновед, главный редактор журнала «Искусство кино» 257, 460
Донин И.И. — слесарь, родственник автора, был в плену 421
Донина А.С. — тетка автора, была в немецком плену 421

Доннер Карла — оперная певица, киноактриса 91
Донцова Дарья — писатель 232, 275
Доронина Т.В. — народная артистка СССР, художественный руководитель МХАТ им. М. Горького 5, 7, 11, 15, 17, 21, 22, 30, 41, 121, 145, 166–173, 213. 250, 328, 339, 350, 363, 370, 438, 480, 522, 523
Достоевский Ф.М. — писатель 3, 17, 81, 112, 124, 167, 204, 251, 292, 301, 307, 341, 350, 379, 452, 486, 494, 495
Дуглас Майкл — актер р504
Дунаев Юрий — драматург 466
Дупак Н.Л. — директор театра на Таганке 383
Дурова Н.Ю. — народная артистка СССР, писательница. выпускница Лита — 111, 152–153, 155
Дьяченко А.В. — писатель-драматург, выпускник Лита 57, 147, 338, 513
Дьяченко Татьяна — математик, дочь президента Б.Н.Ельцина 101
Дюма Александр — писатель 101
Дягилев Сергей — деятель русской культуры 81
Е.Ю. — *см.* Сидоров Е.Ю.
Е.Я. — *см.* Веселовская Е.Я.
Евгений (владыка) — 154
Евдокимов Н. — писатель, выпускник, профессор Лита 71
Евсеев Б. Е. — журналист, театральный критик 33
Евтеева И.В. — кинорежиссер 94
Евтеева Ирина — кинорежиссер-мультипликатор 85
Евтишенков Игорь — студент Лита 339
Евтушенко Е.А. — поэт, выпускник Лита 69, 91, 272–274, 277, 298, 317, 336, 452, 493
Егоров В.К. — в прошлом ректор Лита, ректор-президент Академии госслужбы, доктор исторических наук, профессор 154, 155, 438, 439
Егорова С.Г. — жена В.К.Егорова 23
Ежов В.И. — киносценарист 176, 191
Екатерина Великая — российская императрица 455, 477
Екатерина Яковлевна — *см.* Веселовская Е. Я.
Елена Алимовна — *см.* Кешокова Е.А.
Елизавета Вторая — английская королева 101
Елисеев Никита — писатель, критик, литературовед 475
Елисеева-Шрайна Яна — руководитель театральной студии и преподаватель Кельнского университета 57, 72
Ельцин Б.Н. — государственный и партийный деятель 101, 188, 189, 346, 373, 411, 428, 485, 517
Еременко Владимир — писатель, издатель 125

Еремин Ю. И. — народный артист РФ, режиссер 112, 214, 471
Ермолова М. Н. — русская актриса, народная артистка республики 328, 453
Ерофеев Виктор — писатель, телеведущий 33, 37, 73, 335, 465
Есенин С. А. — поэт 52
Есин А.В. — танцовщик, сын В.Ю. Есина
Есин В.Ю. — полковник российской армии, племянник С.Н. Есина 54
Есин С.В. — менеджер, сын В.Ю. Есина
Ефремов О.Н. — народный артист СССР 17, 385
Ефросинин С. — студент, выпускник Лита 278, 412
Жванецкий Л. — писатель-сатирик 56, 100, 101, 105, 253, 309, 331, 410
Жданюк Татьяна — политический деятель. (503)
Жеймо Я. Б. — актриса 182
Жеребцов Владимир — драматург 159, 161
Жириновский В. В. — общественный и политический деятель, депутат Госдумы 25, 73, 464
Жирмунский В.М. — филолог, теоретик и историк литературы, преподавал в Лите 94
Жлобинский — студент Лита 371, 376
Жолтовский И.В. — архитектор 164
Жуков А.Д. — вице-премьер правительства России 384
Жуков Анатолий — писатель 486
Жуков В.И. — ректор Российского государственного социального университета, академик РАН 347, 348
Жуков Д.А. — писатель 483
Жуковский Василий — поэт 17
Журавлева Ольга — писатель, выпускница Лита 57
З.М. — *см.* Кочеткова З.М.
Заболоцкий Николай — поэт 16, 17, 170, 434, 495
Заборчук А. — студент Лита 126
Зайцев В.Н. — генеральный директор Российской национальной библиотеки 381
Зайцев Г.Н. — руководитель группы «Альфа», генерал-майор 480
Зак М.Е. — доктор искусствоведения, профессор, историк и теоретик кино 213, 214
Залыгин С.П. — писатель, преподавал в Лите 489, 490
Замшев М. А. — поэт прозаик, выпускник Лита 61, 268, 290, 378, 415
Занусси Кшиштоф — кинорежиссер 89 –90
Запашная И.Н. актриса цирка 123
Заславский Г. А. — писатель, театральный критик

радиоведущий 11, 31, 498
Засурский Я.Н. — декан факультет журналистики МГУ, доктор исторических наук, профессор 48, 255, 267
Захаров М.А. — народный артист РФ, художественный руководитель театра «Ленком» 37, 48, 86, 273, 277, 455, 457, 512
Захарова Светлана — балерина Большого театра 498
Звягинцев Андрей — кинорежиссер 442, 444
Зельдин В.М. — народный артист СССР 471, 472
Зельдович Александр — кинорежиссер 45
Земскова Т.Н — писатель-мемуарист 435
Зизи — танцовщица, жена Роллана Пети 102
Зимин А.И. — доктор философии, профессор Лита 190, 195, 204, 205, 210, 223
Зинаида Ивановна — см. Ашомко З.И.
Зинаида Куприяновна — мать Е.А. Евтушенко 274, 278
Зиновьев А.А. — писатель философ, преподавал в Лите 514
Зиновьев Г.Е. — политический деятель 481
Зиновьева И.Н. — главный бухгалтер Лита 405, 409
Зиновьева О. — жена А.А. Миронова 514
Зоберн О. — писатель, издатель, выпускник Лита 258, 412, 499
Золотусский И.П. — писатель, литературовед 493
Золотцев С.А. — писатель, поэт, переводчик 497, 498
Золя Э. — писатель 151
Зорге Рихард — советский разведчик, Герой Советского Союза 446
Зорин Александр — поэт, выпускник Лита 401
Зорин В. С. — политобозреватель 184, 361, 362
Зорин Л. Г. — писатель, драматург 508
Зоркая М.В. — писатель, переводчик, выпускница, доцент Лита 147, 245
Зорькин В.Д. — председатель Конституционного суда РФ 106-107
Зощенко М.М. — писатель 297, 337
Зоя Михайловна — *см.* Кочеткова З.М.
Зубков Георгий — телевизионный ведущий 361
Зудина М. В. — народная артистка Р.Ф., жена О.П. Табакова 521, 522
Зуев Дм. — журналист 71
Зуева Виктория — кинорежиссер 85
Зульфикаров Т.К. — писатель, выпускник Лита 371, 372, 376, 438
Зунник — майор советской армии, сослуживец автора 511
Зурабов Г.А. — министр здравоохранения и социального

развития 322, 346–348, 510, 517
Зыкова Ю.А — заслуженная артистка РФ 6
Зюганов Г.А. — общественный и политический деятель, депутат Госдумы 383. 483
И.Н. — *см.* Зиновьева И.Н.
Ибрагимбеков Рустам — писатель 120
Иван IV, Грозный — первый русский царь 29
Иванов Александр — инженер-механик, товарищ автора 78 – 81
Иванов Игорь — государственный деятель 185
Иванов Олег — студент Лита 211, 278, 373
Иванов С.Б. — государственный деятель, министр обороны 274
Иванова В.С. — писатель, журналист, кинокритик, жена автора 3, 10, 11, 21, 23–25, 28, 39, 41, 44, 56, 77, 82, 99, 105, 109, 114–115, 122–124. 132, 150, 173, 176, 181, 211, 214, 222, 253, 26, 263, 265, 266, 279, 280, 284, 29, 292, 302, 315, 319-32, 325, 338, 342, 356, 36, 362, 363, 376, 377, 378, 383, 386, 398–403, 405, 4, 416, 418, 440–442, 45, 46, 475, 48, 484, 488, 48, 491, 493, 504, 506, 50, 514, 515, 523
Иванова М.В. — декан дневного отделения Лита, доктор филологических наук, профессор 14, 173, 175, 248, 270, 467
Иванова Н.Б. — писатель, критик, литературовед, заместитель главного редактора журнала «Знамя» 48, 124, 125, 131, 104, 181, 308, 309, 480
Иванченко Александр — писатель 156
Ивинская О. В. — секретарь К.М. Симонова, возлюбленная Б.Л. Пастернака 519
Игорь — рабочий-эмигрант на Крите 400
Игорь — *см.* Темиров И.Р.
Измайлов Лион — писатель-сатирик 469
Израиль Ю.А. — Возглавлял Метеослужбу, профессор 281
Ильин Евгений — выпускник Лита 126, 211, 268, 278, 368, 504, 505
Ильина Наталья — писательница 317
Ильф Илья — писатель 208, 337
Инара — журналистка в Баку 447
Инин А. Я. — писатель, сценарист 49
Иоффе Б. Е. — журналист, театровед 301
Ира — *см.* Скворцова И. Л.
Ирина Георгиевна — см. Минералова И.Г.
Иртеньев Игорь — поэт 309
Исаева Елена — поэтесса и драматург 219
Исаковский М.В. — поэт, выпускник Лита 170, 430

Искандер Фазиль — писатель, выпускник Лита 33, 41, 308, 310, 331
К.Р. — поэт, псевдоним Константина Романова 174
Кабахидзе Майя — чиновник министерства культуры 383
Каверин Игорь — писатель, выпускник Лита 211, 491, 492, 504
Кадыров Ахмат — первый президент Чечни 189
Казаков Андрей — актер 130
Казаков Ю. П. — писатель, выпускник Лита 174
Казакова Р.Ф. — поэт, выпускница ВЛК 35, 252, 370
Казанцева Н. А. — народна артистка РФ, певица 358
Казарновская Л. Ю. — оперная певица 64
Казаченко Оксана — студентка, выпускница Лита 376 380
Казачков Вяч., Слава 71, 186, 232, 285, 375,
Казенин В. И — композитор, народный артист РФ 162, 370, 460, 513
Казначеев С. М. — писатель, выпускник, доцент Лита 67, 258
Калигула — римский император 358
Калинин Василий — офицер российской армии, друг автора 80, 234, 260, 444
Калинин Юрий — драматург 418
Калужанин С. — студент, выпускник Лита 499
Калягин А. А — народный артист РФ 76, 257
Каменев Л.Б — государственный и партийный деятель 481
Кан Диана — поэт, выпускница Лита 244
Канищев В. — курьер Лита
Кант Иммануил — немецкий философ 259
Капустин П. — доктор философии 231
Карабутенко И.И. — писатель, переводчик, выпускник затем доцент Лита 147
Кара-Мурза С.Г. — писатель, ученый, политолог 37
Карапетян И.В. — профессор РГГУ 104
Каратеев Андрей — студент, выпускник Лита 499
Караулов А. В. — театральный критик, телеведущий 55, 226, 245, 306, 343
Карелин Алексей — студент, затем выпускник Лита 460, 446
Карелова Г. Н. — государственный и общественный деятель 63
Каримов Вадим — писатель, поэт, выпускник Лита 47, 110
Карла дель Понте — прокурор Международного триунала в Гааге 126
Карпов Анатолий — чемпион мира по шахматам 282
Карпов В.В. — писатель, Герой Советского Союза 470, 471
Карпухин Г.В. — книжный и научный редактор (483)

Карпюк Г.В. — редактор издательства 293
Кархофф Барбара — почетный доктор Лита, живет в Германии 133, 198, 231, 296, 298, 356, 357, 399
Карясов Сергей — поэт, студент Лита 238
Касаткина Л.И. — народная артистка СССР 120, 153, 383
Касьянов М. М. — государственный и политический деятель 82
Катаев Валентин — писатель 288
Качуевская Наталья — героиня Отечественной войны 289
Каэр — сценическая фамилия театрального режиссера работавшего в театре Лита 148
Квирикадзе Ираклий — режиссер, сценарист 257
Кедров Константин — поэт, ученый, преподавал в Лите 259, 317
Кемоклидзе Герберт — писатель 511
Керамов Валерий — эстрадный певец 417, 433
Керова Нина — сестра Р.Г. Лекач 205
Керри — сенатор 425
Кешокова Е.А. — доцент Лита 45, 230, 270, 329, 357
Ким А.А. — писатель, выпускник Лита, преподавал в Лите 33, 369, 406
Ким Лариса — студентка Лита 339
Ким Чен Ир — глава Корейской Народно-Демократической Республики 189
Кинжеев Бахыт — поэт 366-368
Киреев Р. Т. — писатель, выпускник, затем профессор Лита 33, 71, 148, 156, 490
Кириенко С. В. — был Председателем правительства 457
Кириллов Андрей — корреспондент ТАСС в Китае 145, 146
Киркоров Ф. Б. — народный артист РФ, эстрадны певец 47, 51, 130, 151, 193, 264, 275, 277, 291, 307, 394
Киселев А.Ф. — в прошлом первый заместитель министра образования, генеральный директор издательства «Дрофа», доктор исторических наук, профессор 18, 19
Киселев Евгений — телеведущий 263, 440
Киселева С. В. — заместитель начальника учебного отдела Лита, гроза и друг студентов 502
Клавдия Макаровна см. Толкачёва К.М.
Клара Степановна — *см.* Лучко К.С.
Клевицкий А. Л. — композитор, дирижер 185, 468, 469
Клейнер Наум — директор музея кино 344
Клепиков Ю.Н. — сценарист 86, 92
Клиберн (ван) — пианист 423
Климов Элем — народный артист СССР, кинорежиссер 44

Клинтон Б. — президент США 138, 139
Клинтон Х. — жена Б.Клинтона 425
Кобзон И.Д. — народный артист СССР, эстрадный певец, общественный деятель 11, 25, 36, 39, 45, 64, 69, 164, 275, 276, 454, 456, 457, 459, 460
Кодин М.И. — исполнительный директор и вице-президент МИД-клуба, доктор социологических наук, профессор 340
Кожедуб Олесь — писатель 109
Кожемяко В.С. — писатель, публицист 340, 342, 444, 507
Кожунков Алексей — выпускник Лита 71
Кожухаров Роман — выпускник Лита 434
Козак Вольфганг — ученый-славист 435
Козаков М. М. — народный артист РФ 16, 65, 66
Козаченко Алена — выпускница Лита 215, 356
Козинцев А. — писатель, заместитель главного редактора журнала «Наш современник» 41
Козлов А. Н. — издатель, работает в Лите 47, 110
Козлов В.П. — директор архивной службы 420, 421, 458
Козлова А.Ю. — писатель, критик, дочь писателя Ю.В. Козлова 5, 27, 184
Козловский И.С. — народный артист СССР, оперный певец (тенор) 394
Козырев Алексей — студент Лита 356
Кокто Жан — писатель, поэт, художник 227
Кокшенева Капитолина — писатель, театровед, критик 290
Колесников А. Г. — музыкальный, театральный критик, кандидат искусствоведения, друг автора 277
Колкер А. — композитор 512
Колов С. Н — работник аппарата Полпреда президента по Центральному федеральному округу 217
Колпаков Л. В. — журналист, первый заместитель редактора «Литературной газеты», друг автора 11, 15, 22, 30, 33, 46, 82, 88, 92, 124, 147, 190, 233, 295, 315, 341, 439, 508
Коль Александр — учился вместе с автором в МГУ 156
Коль Гельмут — государственный деятель, политик, канцлер ФРГ 138
Коляда Н. М. — драматург, актер, режиссер, выпускник Лита 213
Комиссаржевская В.Ф. — русская актриса 377
Комиссаров Сергей — выпускник Лита 230
Конде — принц, придворный Людовика XIV 353
Кондратов С.А. — издатель, доктор исторических наук, профессор 69, 74, 147, 154, 169, 224
Кононыхин Александр — президент Всероссийского

биржевого банка, убежавший в Америку 127
Коноплянников Ю. — писатель 309
Консовский А.Н. — народный артист РСФСР 182
Константин Иванович — комендант дачного поселка 295, 453
Копылов Ю. М — экономист, друг автора 503
Корель Дмитрий — режиссер 85
Коржаков А.В. — генерал-лейтенант, депутат Госдумы 271
Коржаненко Ирина — спортсменка, метательница ядра 333
Корниенко Н. В. — литературовед, член-корреспондент 181, 369
Коровкин Александр — актер, драматург, выпускник Лита 371, 432
Королев Сергей — студент Лита, позднее трагически погибший 17
Королева Ксения — выпускница Лита 116-117
Короленко В.В. — писатель 328
Коротков Юрий — сценарист, писатель, режиссер 257
Космынин Ю. И — художник-график 289
Костров В.А. — пот, профессор Лита 50, 172, 302, 309, 328, 329, 334, 348, 439, 512
Кострова Г.С. — редактор многих книг автора, жена В.А.Кострова 31, 484, 486, 490
Костюк Л. — народный артист РФ, директор и художественный руководитель цирка на проспекте Вернадского 123
Котомкин И. А — замеситель председателя исполкома Международного союза книголюбов 12
Кочергин Илья — писатель, выпускник Лита 463
Кочерина Светлана — студентка, затем выпускница Лита 231
Кочеткова З.М. — декан заочного отделения Лита, доцент 75, 245, 375
Коэльо П. — писатель 34, 308
Крамской И.Н. — художник 86
Красный Юрий — художник 200
Крастошевский Ал. — драматург 418
Крашенинников П.С. — политический деятель 25
Кривцун О.А. — теоретик искусства, доктор философских наук, профессор Лита 223
Крутой Игорь — композитор 228
Крылов И.А. — русский баснописец 327
Крымский Владимир — писатель, издатель, предприниматель 126, 187
Крючкова С. Н. — народная артистка РФ 440
Кублановский Ю.М. — поэт 51

Кувалдин Юрий — писатель, издатель 44
Кугач Анна — журналист, жена поэта А.Д.Дементьева 439
Кудрин А.Л. — министр финансов 104
Кузищин В.И. — доктор исторических наук, профессор 409, 425
Кузмин М.А. — писатель, поэт, композитор, драматург 296, 326
Кузнецов Владимир — писатель, выпускник Лита 163, 247, 248
Кузнецов Ф.Ф — литературовед, член корр. РАН 172, 218
Кузнецов Ю.П. — поэт, выпускник затем профессор Лита 3, 12, 106, 217, 308, 312, 499
Кундера Милош — писатель 85
Куняев С.Ю. — поэт, главный редактор журнала «Наш современник», профессор Лита 76, 219, 293, 302, 309, 339, 519
Курбатов В.Я. — писатель 57
Курёхин Сергей — музыкант 393
Куроедов Владимир — адмирал 179
Курочкин Максим — драматург, выпускник Лита 375
Курская А.Б — работница столовой в Лите 412
Курчаткин А. Н. — писатель 33, 258, 308, 473, 475
Кутафина Наталья — экономист, доцент Лита 75
Кучма Л.Д. — президент Украины 466, 467, 475, 478, 485
Кшесинская М.Ф. — прима-балерина 381
Л.И. — *см.* Скворцов Л.И.
Л.М. — *см.* Царева Л.М.
Лаврентьев Максим — поэт, выпускник Лита, главный редактор журнала «Литературная учеба», работал ранее помощником и секретарем ректора 43, 44, 83, 177, 263, 290, 309, 326, 329, 382, 410, 496, 497, 511, 512, 521, 522
Лавров Кирилл — народный артист СССР 84
Лавровский Михаил — народный артист СССР, танцовщик 234, 345
Лавуазье А. — основатель современной химии 208
Лазар Берл — 98, 273
Лакшин В.Я. — писатель, литературовед 254
Лакшина С.Н. — литературовед, вдова писателя Вл. Лакшина 254
Ландау Л.Д. — физик, лауреат Нобелевской премии 446
Лановой В.С. — народный артист СССР 21, 22, 272, 273
Ланская Н.Н. — вдова А.С. Пушкина — 80
Лаптев Константин — народный артист СССР, оперный певец 365
Ларионов А. В. — писатель, издатель 156, 252, 253

Лебедев Платон — заместитель председателя правления ЮКОС 474
Лебедев Станислав — режиссер 89
Лебедева Е. Д. — кандидат филологических наук, выпускница Лита, живет в Великобритании 14, 464
Лебедина Л. — театральный критик 444
Леблон Ж.Б. — французский архитектор 250
Леванов Вл. — драматург, выпускник Лита 255, 406
Левенталь В.Я. — народный художник СССР 470
Легге Людвиг — общественный деятель, живет в Германии 399
Лекач Р. Г. — ректор американского университета Туро в Москве 194, 199, 200, 204, 205, 210, 224, 275, 411
Лемешев С.Я. — народный артист СССР, оперный певец 394
Лена — *см.* Полянская Елена
Лена — *см.* Сухоруких Е.В.
Ленин В.И. — философ, журналист, политический и партийный деятель 22, 29, 30, 31, 37, 39, 48, 102, 146, 178–180, 226, 238, 252, 305, 322, 345, 358, 382, 393, 435, 436, 446, 485
Леонов Б.А. — писатель, доктор филологических наук, профессор 71, 126, 292
Леонов Ф. — вице-губернатор Калининградской области 330
Леонтьев Авангард — народный артист РФ, профессор 420, 425
Леонтьев В.Я. — народный артист РФ, страдный певец 151, 182, 394
Леонтьев Михаил — телеведущий 485
Лермонтов М.Ю. — поэт, писатель 174, 309, 328, 457
Лесин Е. Э. — поэт, журналист, выпускник Лита 63, 110, 249, 324
Лесков Н.С. — писатель 495
Ли Бо — китайский поэт — 493
Ливанов А. — 171
Ливанов В.Б. — народный артист РСФСР 36, 131, 183
Лимонов Э. В. — писатель, поэт, политик 27, 102, 196, 217, 283, 290, 291, 303, 309, 322, 324, 330, 335, 343, 368, 411, 419, 492, 510
Лиознова Т. М. — народная артистка СССР, кинорежиссер 356
Лисицын Анатолий — губернатор Ярославской области 275
Лисковая О.П. — выпускница Лита, затем ответственный секретарь приемной комиссии 3, 27, 344, 368, 382
Литвинец Н.С. — чиновник Министерства печати РФ, издатель 73, 484

Лиу Хианпинг — переводчик 515, 516
Лиханов Альберт — писатель 219
Личутин В. В. — писатель 497
Лобанов М.П. — писатель, литературный критик. профессор Лита 48, 49, 179, 292, 319, 319, 327, 328, 339, 491
Лобков Павел — телеведущий 91
Логунов А. — абитуриент 329
Лозинский М. Л. — поэт переводчик 83, 511
Ломоносов М.В. — поэт, ученый, русский гений 42, 80, 154, 182, 208, 229, 281, 298, 305, 329, 338, 395, 486
Лондон Джек — писатель 204
Лопаткина У.В. — народная артистка РФ, балерина 345
Лорка Гарсия — испанский поэт. Драматург 493
Лотяну Эмиль — поэт, кинорежиссер 345
Лу Синь — китайский писатель, классик 515
Луганская С. Е. — студентка, выпускница Лита 38, 263
Луганский Е.И. — директор Драматического театра им. М.Ю. Лермонтова в Ставрополе 263, 470, 471
Лужков Ю.М. — мэр Москвы 11, 114, 118, 158, 189, 260, 355, 385, 453-457
Лукашенко А.Г. — президент Белоруссии 405
Лучко К.С. — народная артистка СССР, киноактриса 91, 94
Лыгарев С.И. — директор общежития Лита 17, 247, 286, 406, 409, 412, 478, 522
Лыкошин Сергей — писатель 220
Львов Д.С. — академик РАН, член МИД-клуба 108
Лю Юнь — аспирантка, стажировалась в Лите 14, 16
Любовь Михайловна — *см.* Гостынская Л.М.
Любшин С. — народный артист РФ 272, 273, 444, 521
Люда, Людмила — *см.* Селиванова Людмила
Людмила — жена Андрея Кириллова см. 145
Людмила Михайловна — *см.* Царева Л.М.
Людовик XIV — французский король 250, 349 353
Лягарс Ж.-Л. — драматург 465
Лямпорт Е. П. — писатель, критик, по профессии врач, живет в США, друг автора 183, 184, 198
Ляпин И. И. — поэт, выпускник Лита 220, 443
М. З. — *см.* Замшев М.А.
М.Е. — *см.* Швыдкой М.Е.
М.О. — *см.* Чудакова М.О.
М.П. (49)
Маканин В.С. — писатель, вел семинар в Лите 33, 73, 184, 308, 403, 487
Макаревич А.В. — народный артист РФ, композитор,

эстрадный певец 227, 249
Макаров Анатолий — писатель 409
Макарова И. В. — народная артистка СССР 91
Макеева Наталья — писатель 378, 381
Маккартни Пол — музыкант 274
Максим — *см.* Лаврентьев М.И.
Максимов Андрей — драматург, телеведущий 253
Максимов В.Г. — театральный художник 130, 250
Максимова В.А. — театральный критик 213, 326
Малахов Андрей — телеведущий 365, 378
Малинин Александр — народный артист РФ, певец 273
Малышкин О.А. — депутат Госдумы, кандидат на пост президента России 65
Мальгин А. В. — писатель, издатель, общественный деятель, друг автора 196, 504, 505
Мальро Андре — писатель, общественный деятель 47
Мальчевская Е.А. — архитектор 180, 221, 255, 256, 269, 323, 326, 331
Мамаенко Наталя — поэт, студентка, выпускница Лита 230, 247, 255
Мамай А.М. — экономист, друг автора 140, 180, 385, 387, 389, 396, 402, 505
Мамедов Э. Н. — журналист, переводчик, в бытность первый заместитель председателя Комитета по радиовещанию и телевидению СССР 447
Мамедова Лидия — танцовщица 234
Мамлеев Д.Ф. — журналист, писатель 380
Мамлин Борис — режиссер, сценарист 86
Мандельштам Н. О. — писатель, жена О.Э. Мандельштама 43
Мандельштам О. Э. — поэт 298, 322, 516
Манн Томас — немецкий писатель 194, 495
Манна (Потемкина) — 260,261, 263
Мао Цзэдун — политический и государственный деятель Китая 146, 471
Маре Жан — французский актер театра и кино 227
Маринина А.А. — писатель 232
Мариэтта Омаровна см. Чудакова М.О.
Мария Терезия — австрийская эрцгерцогиня 375
Марк — архиепископ, член Синода — 348
Маркес Г.Г — писатель 403
Маркс Карл — мыслитель, общественный деятель, основоположник марксизма 310, 331
Мартынкина Д. — журналист 332, 337
Марченко Алла — критик, литературовед 490

Маршак С.Я. — поэт, переводчик 43
Маскот А. — драматург 465
Масляков А. (младший) — телеведущий, сын А.В.Маслякова — телеведущий 158
Матвеев Андрей — режиссер звукозаписи, сосед по даче 283
Матвеев В.Е. — проректор по хозяйственной части Лита 22, 38, 72, 183, 212, 220–221, 248, 267, 269, 270, 285, 286, 290, 291, 294, 322, 323, 324, 326 357, 331, 341, 406, 409, 412, 478, 488, 522
Матвеев Николай — поэт, выпускник Лита, работал в Лите шофером 66
Матвеева Т. Н. — соседка по даче — 269, 321, 411, 416
Матвиенко В. И. — губернатор Санкт — Петербурга 78
Матецкий В. Л. — народный артист РФ, композитор 227, 228, 249
Матизен В.Э. — писатель, кинокритик 27, 28, 95
Матюхова Татьяна — актриса 214
Маша — *см.* Моноленова М.А.
Машков Владимир — заслуженный артист РФ 168, 420
Маяковский В. В — поэт 494, 495, 519
Медведев Армен — кинокритик 467
Медведев Р. И. — писатель, историк 37, 124, 125
Медичи — семейство богатых флорентиских коммерсантов 186
Мелинов Михаил — шофер в Лите 38, 286, 324, 488
Мелинов Павел — шофер в Лите 7, 97, 129, 234, 324. 488
Мельников В. В. — кинорежиссер, народный артист РФ 86, 96
Менакер Л. — народный артист РФ 85
Менделеев Д.И. — ученый-химик, педагог 451
Менжинский В.Р. — партийный и государственный деятель 393
Меркьюри Фреди — эстрадный певец 66
Мессерер С.М. — народная артистка СССР, балерина 248, 252, 262, 470
Месяц Г.А. — академик РАН, член МИД-клуба 384
Мещерский В.П. — князь; публицист, прозаик, журналист 406
Микоян А.И — партийный и государственный деятель 271
Миллер Алексей — Глава Газпрома нефть 98
Мильтон Джон — поэт 195
Минералов Ю.И. — поэт, доктор филологических наук, профессор 35, 45, 75, 126, 181, 190, 191, 204, 205, 223, 270, 316, 434
Минералова И.Г. — доктор филологических наук, профессор 434
Минин Кузьма — народный герой 218, 426

Миронов Е. В. — народный артист, художественный руководитель театра Наций в Москве РФ 189, 420, 424
Миронов С. М. — общественный и политический деятель, председатель Света Федерации 12, 15, 121, 167, 168
Митрофанов Алексей — депутат Госдумы 100
Михаил Юрьевич — *см.* Стояновский М.Ю.
Михайлов А.А. — писатель, доцент Лита 328, 412, 432, 499
Михайлов Максим — актер 85
Михайловская Н.Г. — доктор филологических наук, профессор, преподавала в Лите 171, 175, 230
Михалев Павел — журналист 145)
Михалков Н.С. — режиссер, народный артист РФ 262, 266, 416, 484, 500
Михалков С.В. — поэт, драматург, общественный деятель 18, 19, 35, 110–112, 156, 252, 253, 416, 438, 471, 479
Михальская Н.П. — доктор филологических наук, почетный профессор Московского государственного педагогического университета 68, 370
Михальский В.В. — писатель 33
Михальчук Сергей — кинооператор 88, 94
Михоэлс С.М. — народный артист СССР, главный режиссер еврейского театра в Москве 66
Мичков Василий — актер, режиссер 16, 344
Миша — *см.* Рощин М.М.
Миша см. Мелинов Михаил
Мишель Доминик — писательница 349
Мищенко В. К. — Заслуженный артист РФ 91, 96
Модестов В.С. — переводчик, театральный и музыкальный критик, профессор Лита 20, 305, 308, 344, 345
Можаева А.Б. — литературовед, доцент Лита 119, 147
Моисеев Б. М — заслуженный артист РФ, эстрадный певец 17, 151
Молчанова С.М. — доцент, работает в Лите 428
Монахов Сергей — абитуриент 333
Моноленова М.А. — сотрудник литчасти МХАТ им. А.М Горького
Мордвинов Н.Д. — народный артист ССС 66, 85
Морзе Сэмюэль — американский изобретатель 194
Морозов Борис — режиссер 454
Морозов Юрий — режиссер, актер, продюсер 122
Мотрошилова Н. В. — доктор философских наук, профессор 356, 357
Моцарт В.А. — композитор 340, 374, 375, 469
Моцкус Т. — артист 130

Мур Майкл — кинорежиссер 410
Мурадов Эдвард — депутат Госдумы 214
Мурашковский Р. М. — президент Московского университета «Туро», доктор юридических наук 204, 205, 210, 275, 506 — народный артист РФ,
Мусоргский М. П. — композитор 162
Мушкина Е. Р. — писатель, журналист, многолетний друг автора 12, 13
Мысина Оксана — актриса, режиссер, певица 86, 279
Н.В. — *см.* Мотрошилова Н.В.
Набатникова Т. — писатель, переводчик 185, 256, 258
Набоков В. В. — писатель 91, 95
Навои Алишер — узбекский поэт, мыслитель, государственный деятель 496
Надежда Варфоломеевна — жена В.С. Розова 383
Надежда Васильевна — *см.* Баранова Н.В.
Надиров Леонид — заместитель министра культуры и массовых коммуникаций 467
Назарбаев Н.А. — президент Казахстана 16
Назаренко Дмитрий — поэт, выпускник Лита 263
Назаров Юрий — писатель, выпускник Лита 85, 380
Наполеон — император 38, 48
Нарусова Л.Б. — сенатор 199, 220
Настя — *см.* Тагунова А.
Наталья Александровна — *см.* Бонк Н.А.
Наталья Леонидовна — *см.* Дементьева Н.Л.
Науменко А. М. — врач, друг автора 175
Невзлин Л.Б. — беглый олигарх 124, 315
Нейгауз Г.Г. — народный артист СССР, пианист 287, 288
Некрасов Виктор — писатель 91
Некрасов Н.А. — поэт 174, 298
Некрасов С.М. — директор Всесоюзного музея А.С. Пушкина на Мойке, профессор 92-93
Немзер А.С. — писатель, литературовед 260
Немирович-Данченко В.И. — народный артист СССР, режиссер, драматург, реформатор театра 344, 424
Немцов Б.Е. — общественный и политический деятель 100, 485
Непомнящий Вал. — писатель 167
Нерон — римский цезарь 358
Неру Джавахарлал — первый премьер-министр Индии 451
Никитин В. — студент и выпускник Лита 101, 102, 278
Никитин Евгений — студент и выпускник Лита 123
Николаев А.Н. — космонавт 289

Николаев П.А. — член-корреспондент РАН, почетный профессор МГУ, друг автора 16, 35, 68
Николаева О.А. — поэт, прозаик, выпускница, затем профессор Лита 44, 51, 311, 312, 366, 519
Николай I — российский император 516
Николай II — российский император 29, 516
Николенко Игорь — писатель 463, 464
Никольсен — баронесса, член английского парламента, 473
Никольская Татьяна — доцент Лита 415
Никононенко Сергей — народный артист РФ 94
Нина Сергеевна — *см.* Литвинец Н.С.
Нобель — шведский предприниматель 451
Новик Виктория — студентка Лита 360
Новик Майя — писательница, выпускница Лита 159, 163
Новиков В.И. — писатель, литературовед, доктор филологических наук, работал в Лите проректором. 426
Новикова Елизавета — критик, дочь В.И. Новикова 184
Новикова Н.П. — сотрудница РАО 132
Ножкин М. И. — народный артист РФ, поэт, бард, член МИД-клуба 174, 383
Носик Борис — писатель 181
Носков директор Дома Литераторов 223
Носов Е.И. — писатель 117
Нуйкин А.А. — писатель 447
Нуриев Рудольф — балетный танцовщик, хореограф 11
Образцова Е. В. — народная артистка СССР, оперная певица 163
Огрызко В.В. — писатель, главный редактор еженедельника «Литературная Россия» 5, 316, 317, 463
Озерова М.О. — легендарный редактор отдела прозы журнала «Юность» 401
Оксана — *см.* Лисковая О.П
Окуджава Б.Ш. — поэт, писатель, бард 41, 197, 298
Олег Павлович — *см.* Табаков О.П.
Ольга Мироновна — *см.* Зиновьева О.М.
Опекушин А.М. — скульптор 303
Опендик Владимир — писатель 201
Ореханова Г.А. — писатель, театровед, критик, завлит МХАТ им. А.М. Горького 121, 126
Орехов Андрей — работник банка 282, 405
Орлов А.С. — историк профессор Лита 157
Орлов В.В. — писатель, профессор Лита 35, 148, 213, 232, 249, 328, 333, 342, 401
Орлова Любовь — народна артистка СССР 452, 478

Орфенов А.И. — заслуженный артист РСФР, певец, тенор 358
Осипов Андрей — кинорежиссер-документалист 176
Оскоцкий Влентин — писатель 36
Остер Григорий — писатель, поэт, выпускник Лита 26
Островский А.Н. — драматург 34, 125
Островский Николай — писатель 75, 135, 384, 495
Остроумова Ольга — народная артистка РФ 112, 122
Остужев А.А. — народный артист СССР 66
Оффенбах Жак — композитор 142
Ошанин Л.И. — поэт, выпускник, профессор Лита 69
П.С. — *см.* Слободкин П.Я. 11
Павленко Алексей — соотечественник, живет в США 153
Павлов Олег — писатель 22, 27, 33, 73, 196, 443, 463. 487
Павловский Г. — политолог 26
Палей Марина — писательница 404
Панкеев И.И. — писатель, журналист, друг автора 493
Параджанов С.И. — кинорежиссер, Народный артист Украины 88
Парвус А.Л. — деятель российского и германского социал-демократического движения 38
Парфенов Леонид — телеведущий 253
Пастернак Б.Л. — поэт 17, 29, 42, 43, 80, 131, 182, 228, 229,231, 241, 245, 273, 286, 292, 298, 305, 306, 322, 324, 326, 330, 338, 367, 395, 486, 519, 520
Пастернак З.Н. — вторая жена Б.Л. Пастернака, пианистка 273, 286, 288–290, 519
Паулс Раймон — композитор 150-151
Паустовский К. Г. — писатель 348
Пауэлл Колин — госсекретарь США 145
Пахмутова А.Н. — народная артистка СССР, композитор 272, 437, 469, 512
Пахоменко Мария — Народная артистка РСФСР 512
Пахомов С.Н. — работник министерства образования 50
Паша — *см.* Мелинов Павел
Пашенная В. Н. — Народная артистка СССР 5
Пекач Евгений — учился в Лите 88
Пелевин Виктор — писатель, учился в Лите 33, 184, 335
Пельш Валдис — телеведущий 145
Пенн Уильям — основатель англ. колонии в Сев. Америке, политический деятель 197
Переяслов Николай — писатель 50, 152, 220, 340
Пети Роллан — балетмейстер 102
Петр I — российский император 29, 87, 126, 374
Петрарка — поэт 491

Петров А. П. — композитор 512
Петров Евгений — писатель 208, 337
Петров Николай — Народный артист СССР, пианист 273, 277, 291, 410, 423, 424
Петросян Е. В. — народный артист РФ, разговорный жанр 56, 417
Петрушевская Л. С. — писатель, драматург 40, 302, 361, 473, 475
Петухов Валерий — доктор медицинских наук, родственник Л.И. Скворцова 293
Петухов Лев — полковник, родственник Л.И. Скворцова 293
Печников Геннадий — народный артист РФ, театральный режиссер, общественный деятель 383
Пик Вильгельм — соучредитель Социалистической Единой Партии Германии, президент ГДР 347
Пикуль В.С. — писатель 240
Пиманов Алексей — телеведущий 245
Пименов Владимир — театровед, в бытность ректор Лита 371
Пиночет Аугусто — чилийский диктатор 346
Пиотровский М. Б. — директор «Эрмитажа» 420
Пирогов Кирилл — актер 130
Плагенборг Стефан — литературовед, историк, профессор 296
Платон — древнегеческий философ 395
Платонов А. П. — писатель 53, 494
Платонов Владимир — председатель Мосгордумы 454
Плеханов Г.В. — политический деятель, философ 346
Плисецкая М.М. — народная артистка СССР, балерина 345
Плотников Борис — Народный артист РФ 214
Плотникова Вероника — актриса 151
Плятт Р.Я — народный артист СССР 452
Подгородинский В.В. — театровед 418
Подгородинский Г. В — заслуженный артист РФ 418
Поддавашкин Э.С. — в бытность первый заместитель министра путей сообщения, предприниматель, член МИД-клуба 514
Подлесских Роман — писатель, выпускник Лита 215, 278
Пожарский Д.М. — народный герой, князь 218, 426
Познер Владимир — телеведущий 37, 48, 105, 160, 163, 309, 365, 385, 414, 465
Покровский Б. А. — Народный оперный режиссер 249, 251, 375
Полоцкая Э.А. — филолог, исследовательница творчества А.Чехова, преподавала в Лите 124

Полтавченко Г. С. — полномочный представитель Президента РФ в Центральном федеральном округе 217, 218
Поляков Ю. М. — 13, 22, 33, 36, 109, 111, 117, 123, 124, 129, 190, 214, 251, 314, 318, 341, 350, 413, 414, 438–440, 443, 479, 493, 497
Полянская Елена — сотрудница РАО 132, 418
Пономарев Б.Н. — советский партийный деятель 347
Попов Геннадий — писатель 219
Попов Михаил — писатель 61, 67, 98
Попова Р.А. — архитектор 180, 183, 212, 221
Поповски Иван — режиссер 130
Попцов О.М. — писатель 438
Потанин В. О. — олигарх 58
Потемкин А.П. 3, 4, 7,13, 16, 25, 32, 59, 60, 170, 258–260, 350, 359, 360, 369, 370, 387
Починок Александр — сенатор 55, 104, 226, 227, 253, 346, 347
Поюровский Б. М. — театральный критик 213, 326, 457
Привалов В. — редактор журнала «Эксперт» 231
Примаков Е.М. — государственный деятель, академик РАН, член МИД-клуба 138, 384, 513
Приставкин А.И. — писатель, выпускник, затем профессор Лита 33, 46, 73, 223, 247, 248, 280, 296, 327, 328, 333, 447, 504, 505, 519
Пришвин М.М — писатель 71
Проди Роман — политический деятель 13, 14
Прокопьев Анатолий — шофёр, родственник автора 3, 11, 17, 20, 23, 38, 53, 54, 65, 66, 77, 124, 182, 234, 245, 267, 271, 272, 284, 291, 323, 324, 385, 398, 429, 444, 488, 489, 497, 523
Прокопьев Михаил — писатель, выпускник Лита 481, 482
Прокофьев С.С. — композитор, дирижер, пианист 162
Пронин В.А. — доктор филологических наук, профессор, преподавал в Лите 36, 45, 59, 119, 147, 183, 312, 319, 492
Проскурин П.Л. — писатель 290, 311, 479
Проханов А. А — писатель, главный редактор газеты «День», преподавал в Лите 117, 403
Проханов С. Б — народный артист РФ, директор и художественный руководитель театра «Луна» 453, 454
Прохоров В.А. — врач, государственный деятель 472
Пруст Марсель — писатель 53, 296, 307, 308, 495, 503
Пташук Михаил — кинорежиссер 92
Пу И — последний китайский император 138, 142
Пугачева А.Б. — народная артистка СССР, эстрадная певица 136, 137, 151, 264, 306, 407, 491

Пулатов Т.И. — писатель 132, 133, 138
Путин В.В. — Президент России, затем премьер-министр 16, 17, 22, 36, 53, 79, 82, 84, 100, 101, 103, 104, 114, 115, 125, 136, 145, 150, 156, 186, 188–190, 218, 220, 223, 228, 246, 255, 269, 272, 276, 277, 303, 312, 325, 326, 353, 342, 346, 364–366, 405, 418, 437, 446, 452, 464, 485, 507, 509, 510, 518
Пушкин А.С — писатель, поэт, создатель русского литературного языка 17, 71, 89, 174, 297, 298, 303, 321, 337, 357, 376, 452, 457, 476
Пушкина Мария — организатор программ международного обмена 462
Пушков А.К. — политолог, журналист, телеведущий 36
Пьецух В. А. — писатель 33
Пьявко В. И. — народный артист СССР, оперный певец 52, 357, 512
Пьянов А. С. — писатель 439
Рабле Франсуа — французский писатель 296
Радзинский Э. С. — писатель, телеведущий 499
Радциг С.И. — доктор филологических наук, профессор 389
Раздорская Е. — режиссер 91
Разлогов К. Э. — киновед, культуролог, телеведущий 460
Разумовский Феликс — историк, телеведущий 333
Райкин А. И. — народный артист СССР 23
Райкин К. А. — народный артист РФ, художественный руководитель Московского театра «Сатирикон» 35
Райков Геннадий — депутат Госдумы 25, 214
Райс Кондолиза — госсекретарь США 158
Райхельгауз И. Л. — народный артист РФ, художественный руководитель Московского театра «Школа современной пьесы» 24
Ракша И. — писатель, окончила ВЛК 61
Раневская Ф. Г. — народная артистка СССР 265, 349, 452, 453
Распутин В.Г. — писатель 33, 74, 126, 218, 227, 290, 308, 314, 408, 468, 479, 499
Распутин Г.Е. — фаворит Николая 11 и Александры Федоровны 120
Рассолов Н. — писатель, государственный деятель 483
Расторгуев Николай — народный артист РФ, певец 307
Рахаева Юлия — журналистка 117
Рахманинов С. В — композитор, пианист 52
Раца Марк — доктор геолого-минералогических наук, школьный товарищ автора 300
Ребров Андрей — писатель 511
Ревич А. М. — поэт, переводчик, профессор Лита 119, 147

Резник Илья — поэт-песенник 512
Резник Семе — поэт 469
Резникова А. Г — эстрадная певица 468
Резникова Екатерина — абитуриентка Лита 333
Рейган Рональд Уилсон — президент США 289
Рейн Е.Б. — поэт, профессор Лита 51, 192, 311, 312, 316, 321, 327, 348, 366, 443, 463, 496, 518, 519
Рекемчук А.Е. — писатель, выпускник, затем профессор Лита 148–149, 168, 174, 299, 315, 348, 432
Рексус Фридрих — школьный учитель, член нового Литературного общества в Марбурге 356
Рембрандт — голландский художник 208
Рено Мэри — писатель 388
Решетовская Наталья — первая жена А.И. Солженицына 84
Рильке Рейнер — писатель, поэт 202
Рита Давыдовна — *см.* Черненко Р.Д.
Рифеншталь Л. — кинорежиссер, актриса 440, 441
Робер Жан-Ноэль — писатель 349
Рогачева М. Е — сенатор, дочь орловского губернатора Егора Строева 220
Рогозин Д. О. — политик, общественный и государственный деятель 49, 100, 417, 464, 488, 500
Родионов Филипп — студент 183
Розенбаум А. Я. — народный артист РФ, бард 39, 264, 275
Розов В.С. — драматург, выпускник, позже профессор Лита 339, 340, 381–383, 406–408, 427, 428, 484
Розовский М. Г. — народный артист РФ, художественный руководитель Московского театра «У Никитских ворот» 455, 457, 518
Роман Григорьевич см. Мурашковский Р.М. — президент Московского университета «Туро», доктор юридических наук 411
Романенко Елена — писательница 381
Романов — руководитель Госкино 456
Романов А.Г. — директор музея А.Н. Толстого в Самаре 242
Ромма Софья — поэт, переводчик, драматург, закончила аспирантуру Лита, живет в США 201, 202, 204, 205, 210, 514
Ронсар Пьер де — французский поэт 491
Россини Джоаккино — композитор 340
Рошаль Лев — знаменитый детский врач 517
Рощин М.М. — писатель, драматург 122
Рубинштейн Лев — поэт 29, 30
Рубцов Николай — поэт, выпускник Лита 308
Рудаков А.Ф. — журналист 49
Рудаков Вадим — писатель, выпускник Лита 413

Румянцев А. Г. — писатель, работал в Лите 329
Русс Анна — поэ, выпускница Лита 43, 44, 173
Ручкина Т.С. — глава общества книголюбов в Самаре 240–242
Рыбаков Анатолий — писатель 501
Рыбас С. Ю. — писатель, общественный деятель 295, 328
Рыбкин И.П. — государственный и политический деятель 62
Рыжков В. С. — слесарь в Лите 261, 488, 489
Рыжков В.А. — политический деятель 104, 124
Рыжков Н.И. — общественный и государственный деятель, сенатор, почетный президент МИД-клуба 106, 129, 179, 223, 280, 281, 346–348, 381, 384, 385, 409, 427, 428, 484, 510, 513
Рыжкова Людмила Сергеевна — жена Н.И.Рыжкова 384, 427
Рязанов Э. А. — народный артист СССР, кинорежиссер 48, 190, 416
С.И. — *см.* Лыгарев С.И.
С.П. — *см.* Толкачёв С.П.
Саакашвили М.Н. — государственный и политический деятель 118, 185, 320, 327
Савельев Денис — писатель 184
Саддам Хусейн — президент Ирака 189
Садур Екатерина — выпускница Лита 462
Салахова Зарифа — председатель общества книголюбов Азербайджана 445-450
Салех-оглы Валех — поэт, выпускник Лита 88, 447
Салтыков-Щедрин М.Е. — писатель 105, 309
Самсонов Сергей — писатель, выпускник Лита 184
Санин Олесь — режиссер 88
Сапрыкина В.М. — бухгалтер, тетка матери автора 382
Сараскина Л.И. — писатель, доктор наук, профессор 24, 157, 166-167
Саркисян И. А. — поэт, журналист, друг юности автора 302, 309
Сатановский Е.Я. — президент Российского еврейского конгресса 98
Сахаров А.Д. — физик-теоретик, общественный деятель 362, 363
Сац Р.Н. — заведующая литературной частью Детского музыкального театра им. Н. САЦ 383
Саченко Вера — сотрудница музея А.А. Фадеева на Дальнем Востоке 212
Саша — *см.* Мамай А.М.
Св. Ал. — *см.* Ореханова С. А. 121
Свердлов М. — филолог, журналист 126

Светлана Викторовна — филолог, журналист 45, 371, 382, 417
Светлова Наталья — девичья фамилия Н.Д.Солженициной
Свиридов Г.В. — Народный артист СССР, композитор 52, 374, 424
Севастьянов Александр — писатель 25
Севастьянов В. И. — космонавт, Герой Советского Союза 179
Северянин Игорь — поэт 375
Севинье мадам — французская писательница 353
Сегень А. Ю. — писатель, выпускник, доцент Лита 33, 50, 98, 148, 220, 232, 519
Седых Г.И. — доцент Лита 230, 296, 348, 419, 431, 463
Селиванова Людмила — бухгалтер, жена А.Прокопьева 3, 11, 53, 488, 489, 523
Сельвинский И.Л. — поэт, преподавал в Лите 519
Семанов С. Н. — писатель 44, 54
Семенова С.Г. — писатель 3,4, 259, 261, 369
Семчев Е.Н. — писатель, поэт 244
Сенчин Роман — писатель, выпускник Лита 149, 168, 169, 173, 174
Сергеев К.С. — чиновник минобраза 31
Сергей — сын Розова В.С. 428
Сергей Михайлович (С.М.) — *см.* Некрасов С.М.
Сергин А.Д. — директор столовой Лита и кафе «Форте» — 160, 282, 318, 506, 523
Сердючка — телевизионный персонаж 130, 277
Серебровский В.Г. — народный художник РФ, 6, 250, 371
Серебрянник Юрий — студент Лита 75
Сережа — см. Есин С.В.
Серова Валентина — заслуженная артистка РСФСР 502, 515
Сеславинский М. В. Руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям 421, 458, 500
Сетько Евгений — режиссер 92
Сеф Роман — поэт, писатель, профессор Лита 328, 339, 377
Сибирцев С. — писатель 109, 156, 369, 407, 493
Сидоров Е.Ю. — в прошлом ректор Лита, министр культур, доктор искусствоведения, профессор, посол России в Юнеско 46, 47, 222,223, 226, 286, 296, 299, 318, 328, 348, 404, 405, 413, 438–440, 443, 460, 487, 519
Сидорова Вера — жена Е.Ю. Сидорова 439
Силкан Наталья — писательница 378, 381
Симакин В. А. — режиссер, заслуженный деятель искусств РФ, друг автора 505
Симонов К.М. — писатель, выпускник Лита 43, 325, 515

Симонов Н.К. — народный артист СССР 85
Симонов Р. Н. — народный артист СССР 456
Синельников Михаил — поэт-переводчик, выпускник Лита 496, 518
Сиренко И. М. — народный артист РФ, художественный руководитель Московского театра «Сопричастность» 130
Скворцов Л.И. — проректор Лита, доктор филологических наук, профессор, многолетний друг автора 14, 16, 75, 124, 157, 230, 245, 265, 290–293, 303, 319, 467, 469, 470, 506
Скворцов Я.Л. — журналист, кандидат социологических наук, сын Л.И. Скворцова 292
Скворцова И.Л. — филолог, кандидат филологических наук, дочь Л.И.Скворцова 292
Скворцова Т. Н. — филолог, преподает в Лите, жена Л.И.Скворцова 37, 124, 292, 475
Скидан Е.Е. — студентка, выпускница Лита 16, 45
Скобцева И.К. — народная артистка СССР, киноактриса 88, 390
Сковорода Григорий — философ 460
Скороходов Глеб — журналист 361
Скорсезе Мартин — кинорежиссер, продюсер 285
Славик — *см.* Канищев В.
Славникова О. А — писатель 27
Слаповский Алексей — писатель, драматург 33, 473
Слетков Д. А. — заместитель коменданта общежития лита 17, 20, 23, 124, 214, 398, 442
Слиска Л.К. — общественный и политический деятель, депутат Госдумы 166, 442, 476, 519
Сличенко Н. — народный артист СССР, художественный руководитель театра «Ромен» 153
Слободкин П. Я. — народный артист РФ, композитор, музыкант, общественный деятель 11, 64, 251, 410, 424, 467
Смеляков Ярослав — поэт 170
Смелянский А. М. — доктор искусствоведения, профессор, ректор школы-студии МХАТ 326, 424, 467
Смирнов В. П. — литературовед, заведующий кафедрой новейшей литературы в Лите, профессор 14, 35, 75, 283, 319, 434, 489
Смирнова Виталина — выпускница Лита 71
Смирнова Дарья — писательница, сценарист, телеведущая 69
Смирнова Ольга — оперная певца 52
Смит Сара — профессор «Тринити Колледж» в Дублине 501
Смоктуновский И.М. — народный артист СССР 41, 511
Собчак А.А. — политический и общественный деятель 81

Собчак К. А. — телеведущая 291
Соколов А.С. — ректор Московской консерватории, министр культуры, музыковед, доктор искусствоведения 104, 162, 167, 213, 246, 262, 350, 420, 422, 423, 424, 458, 460, 461, 476, 480, 481, 500, 501, 510, 512
Соколова Ксения писательница, выпускница Лита 396
Сокуров А.Н. — народный артист РФ, кинорежиссер 178, 211
Солженицын А.И. — писатель, академик РАН 5, 33, 45, 54, 124, 125, 130. 157, 178, 201, 339, 343, 447, 474, 486, 494
Солженицына Н. Д. — общественный деятель, жена А.И. Солженицына 167, 365, 371
Солнцев Н. Н. — журналист 41
Соловьев Антон — писатель, выпускник Лита 38, 211
Соловьев Владимир — телеведущий 130, 214, 291, 500, 514
Соломин Ю.М. — народный артист СССР, художественный руководитель Малого театра 350, 424
Солонович Е.М. — поэт, переводчик, профессор Лита 72, 74, 119, 191
Сорокин В. Г. — писатель 33
Сорокин В.В. — поэт, публицист, выпускник ВЛК, затем проректор по ВЛК 23, 74, 156, 181, 184
Сорокина Светлана — телеведущая 378, 385
Сорос Дж. — финансист 162
Сорочкин Б. — зам. директора Института искусств 460
Соснова Людмила — писательница 56
Спиридонова Надежда — драматург 418
Сталин И.В. — политический и партийный деятель 76, 98, 226, 231, 238, 241, 306, 331, 365, 446, 470, 471, 478, 481, 519
Станиславский К.С. — артист, режиссер, реформатор театра 43
Старков Владислав — основатель и редактор газеты «Аргументы и факты» 485
Старовойтова Г.В. — государственный и общественный деятель 81
Стасов В. В. — художественный и музыкальный критик 303
Стендаль — французский писатель 47, 152-153
Степаненко Елена — заслуженная артистка РФ 417
Степашин С.В. — председатель Счетной палаты, государственный и общественный деятель 384, 497
Столповский В.С. — предприниматель, меценат 479
Стоун Оливер — режиссер, актер, продюсер 487
Стоцкий Николай — актер 15
Стояновский М.Ю. — проректор Лита, профессор 230, 466, 492

Стравинский Игорь — композитор 162
Строев Е. С. — государственный и общественный деятель 217, 218, 220, 237
Стуруа Роберт — народный артист СССР, режиссер 76
Стюарт Мария — королева Шотландии 296
Сукерник Михаил — поэт, врач, учился в Лите 190
Сурат И. З. — писатель доктор филологических наук 401
Суханов Денис — заслуженный артист РФ 23, 35
Сухарев Дмитрий — поэт, бард, ученый 302
Сухоруких Е.В. — секретарь ректора 382
Сухоруков В. И. — народный артист РФ 86, 94, 96
Сэллинджер Джером — американский писатель 362
Табаков О.П. — народный артист СССР, художественный руководитель и директор МХТ им. А.П. Чехова
Табидзе Н.А. — жена поэта Галактиона Табидзе 288
Тагибов Ахмет — ранее работал в РАО 294, 369
Тагунова Анастасия — писательница, выпускница Лита 72, 373, 506
Тамара жена Б.Л. Тихоненко 124
Таня — *см.* Т.Н. Скворцова
Таранда Г.Л. — заслуженный артист РФ, танцовщик, руководитель Имперского балета 471, 472
Тарантино Квентин — кинорежиссер 21, 261, 262, 266
Тарасов А. Б. — доктор филологических наук, сын Б.Н. Тарасова 332
Тарасов Артем М. — предприниматель, был депутатом Госдумы 93
Тарасов Б.Н. — писатель, доктор филологических наук, профессор, с 2006 г. ректор Лита 14, 119, 147, 154, 332, 341, 344, 382, 493
Тарасова А.К. — народная артистка СССР 85
Тариэль — сын З.Т. Салаховой 448, 449
Тарле Е. В. — историк, академик 337
Татьяна — дочь В.С. Розова 428
Твардовский А.Т. — поэт 16, 48, 170, 174
Теккерей Уильямс — английский писатель 68
Теличкина В.И. — заслуженная артистка РФ 84
Темирканов Ю.Х. — народный артист СССР, дирижер 57
Темиров И. Р. — преподаватель Лита 22, 75, 327, 357
Тер-Газарянц — дипломат, работал в РАО 185, 228
Терешкова В. В. — космонавт, общественный деятель 289
Тернявский Валентин — пианист, музыковед, журналист, работал вместе с автором на Радио 10
Тиматков А.В. — поэт, выпускник и доцент Лита, работал

завхозом и проректором по хозяйству 43, 44, 184, 309, 462, 521
Тимошенко Ю. В. — политический деятель 453, 464, 468
Титов Герман — космонавт 419
Титов К.А. — губернатор Самарской области 237, 241
Тихару Киетаки — танцовщик 234
Тихон — патриарх 245
Тихоненко Б. Л. — журналист, издатель, редактор, друг автора 75, 124, 426, 444
Ткач О.П. — издатель, сенатор 483, 484, 497
Ткаченко Александр — писатель, Генеральный директор ПЕН-клуба 370
Товстоногов Г. А. — народный артист СССР, режиссер 199
Токарева В. С. — писательница, сценаристка 331
Толик, Толя см. Прокопьев А.
Толкачёв С.П. — доктор филологических наук, профессор Лита, друг и ученик автора 17, 22, 23, 39, 118, 136. 148, 153, 158, 159, 166, 170, 190, 196, 198, 200, 202, 205, 215, 226, 245, 248, 261, 270, 272, 279, 283, 291, 292, 303, 322, 324, 326, 327, 328, 332, 339, 341, 342, 376 377, 378, 380, 381, 398, 440, 488, 493, 498, 503, 521
Толкачёва К.М. — учительница, мать С.П.Толкачёва 261
Толмачева Л.М. — народная артистка РСФСР 383
Толстая А.Л. — писательница, жена А.Н.Толстого 242
Толстая Катя — сестра Т.Н. Толстой 83
Толстая Т. Н. — писательница, телеведущая 33, 69, 76, 83, 231, 242, 485
Толстая Таня см. Т. Н. Толстая
Толстой А.Н. — писатель 83–84, 241, 242–243, 337
Толстой Л.Н. — писатель 16, 17, 88, 105, 169, 297, 328, 337, 379, 452, 463, 486, 494, 495
Тоня — *см.* Курская А.Б.
Топоров В. Л. — критик, переводчик 113, 317
Торез Морис — деятель международного коммунистического движения 347
Торопцев А. П. — писатель, выпускник, затем доцент Лита 328, 339, 377
Третьяков В.Т. — телеведущий, ранее главный редактор «Независимой газеты» 124, 130, 224, 226, 231, 254
Третьяков Михаил — молодой писатель из Белгорода 381
Трифонов Ю. В. — писатель, выпускник Лита 176, 265
Трота Маргарет, фон — немецкая актриса 90
Трофимов Михаил — режиссер 82, 91, 95
Трушин Анатолий — генерал авиации, соученик автора по учебе в АОН при ЦК КПСС 179
Туманова Ксения — писательница, выпускница Лита 215

Тургенев И. С. — писатель 112, 303, 494
Турков А. М. — писатель, критик, председатель Государственной комиссии Лита 71, 106, 223
Турман Ума — актриса 262
Тычинин В.А. — профессор Лита, кандидат медицинских наук, занимался физической подготовкой студентов 45, 161, 382, 415, 463
Тэсс Татьяна — публицист, писатель, поэт 452
Тюнина Галина — актриса 130
Тютчев Ф. И. поэт 89
Тяжельников Е.М. — государственный и общественный деятель 514
Уайльд Оскар — английский писатель 292
Уильямс Теннесси — американский драматург и писатель 50
Уланова Г.С. — народная артистка СССР, балерина 345
Улицкая Людмила — писательница 33, 174, 335, 473
Ульянов М. А. — народный артист СССР 41
Упатов Алексей — писатель, выпускник Лита 356, 368, 492
Урсуляк Сергей — народный артист РФ, кинорежиссер 265
Урусов Михаил — оперный певец 52
Урушадзе Георгий — журналист, генеральный директор премии «Большая книга» — 256
Урф, фрау — хозяйка дома, в котором жил в Марбурге М.В. Ломоносов 76
Утёсов Л.О. — народный артист СССР, 456
Уткин А. — писатель 85
Фадеев А.А. — писатель, государственный деятель 212, 241, 421
Фадеев Г.М. — президент ОАО «РЖД» 509, 510
Фальк К.Р. — профессор Лита 147
Фаулз Джон — английский писатель 386
Федин Константин — писатель 288
Федоров В.В. — первый заместитель председателя совета директоров Российского авторского общества 154, 350
Федоров Игорь — ректор МГТУ им Баумана 103
Федоров Николай — президент Чувашии, ныне сенатор 289
Федоров С.Н. — офтальмолог 522
Федорова Валентина — критик, театровед, преподавала в Лите 161
Федорова Валентина — театровед 441
Федорова Елена — студентка 279
Федорова Н. В. — доцент Лита 179
Федотов С. С. — генеральный директор Российского авторского общества 513

Федотова В.В. — первый заместитель совета директоров Российского авторского общества 249
Федь Н.М. — писатель, литературовед 268, 290, 308, 332
Фейхтвангер Лион — немецкий писатель 197
Феллини Федерико — итальянский кинорежиссер и сценарист 150
Фельцман Оскар — композитор 512
Феоктистов Константин — космонавт, Герой Советского Союза 284
Фетисов Павел — кинорежиссер 85
Филатов Л. А. — народный артист РФ, писатель 342
Филатов С.В. — драматург 373
Филиппенко А.Г. — народный артист РФ 410
Филиппов В. М. — ректор университета им. Патриса Лумумбы, тогда министр образования 18, 104
Финн П.К. — сценарист 484
Фирдоуси — персидско-таджикский поэт 447
Фолкнер Уильям — американский писатель 204
Фоменко П.Н. — народный артист РФ, театральный режиссер 129
Фочкин Олег — журналист 105
Фрадков М.Е. — государственный деятель 93, 98, 312, 319
Фрейд Зигмунд — австрийский врач-психиатр и психолог, основатель психоанализа 373
Фриу Клод — французский славист 494
Фриш Макс — писатель, родился в Швейцарии 89
Фролов Олег — студент, выпускник Лита16, 45, 372, 382
Фуке Николя — суперинтендант финансов Людовика Х1У 353, 354
Фукс Э. — писатель 515
Фурманов Д. А. — писатель 91
Фурсенко А.А. — министр образования, горячо любимый народом 104, 459
Фурцева Е.А. — партийный и государственный деятель 475, 476, 477
Хавинсон Анна — американка русского происхождения, в память которой был учрежден благотворительный грант в области литературы 43, 186, 232, 282, 315
Хакамада И.М. — политический деятель 6, 26, 48, 65, 100, 114, 500
Хамраев А. И. — кинорежиссер 345
Харитонов Андрей — актер 84, 95
Харитонов Николай — депутат Госдумы, политик 26, 65
Харлов В.А. — инженер-строитель, предприниматель,

работает в Лите 22, 102, 285, 286, 418
Харченко В.К. — доктор филологических наук, профессор, автор двух монографий о творчестве автора 505
Хачалаевы Магомед и Надиршах, братья — выпускники Лита 67
Хворостовский Д. А. — народный артист РФ, оперный певец 365
Хемингуэй Эрнест Миллер — американский писатель 77, 85, 362
Хепберн Одри киноактриса 183
Хилков Александр — координатор программ Центра «Открытый мир» 462
Хитяева Л.И. — народная артистка РФ 84, 88
Хмелов Евгений — кинорежиссер 89
Ходасевич В.Ф. — поэт 368
Ходорковский М.Б. — олигарх, осужден за сокрытие налогов 150, 236, 311, 319, 473–475, 501, 502, 516
Ходченкова С. В. — актриса 94
Холмогорова Ирина — театральный критик 370
Хомский П. О. — народный артист РФ, главный режиссер театра им. Моссовета 65
Хомяков А.С. — философ, писатель, публицист 119,121, 128, 147, 154–155, 162, 495
Хорошилова Татьяна — журналистка 174
Хотиненко В. И. — народный артист РФ, кинорежиссер 101
Хренников Т.Н. — народный артист СССР, композитор 423
Христенко Б.В. — государственный деятель 82
Хрущев Н.С. — партийный и государственный деятель 54
Худяков С.И. — директор Департамента культуры Правительства Москвы 11, 64, 124, 161, 162, 176, 250, 251, 326, 454, 467, 475, 476, 502
Хунбо — переводчик-русист 133, 137, 142, 249
Хуциев М. М. — народный артист СССР, кинорежиссер 84, 109
Хьюит Карен — исследовательница русской литературы, Англия 493
Хэнкс Том — американский актер 453
Царев Олег — артист московского театра Модерн 368
Царева Л. М. — проректор Лита, профессор 18, 22, 265, 282, 319, 322, 325, 377, 406, 409, 497, 506, 519
Царева Маша — студентка, выпускница Лита, кандидат наук 43
Цацуев А. — кинорежиссер 90
Цветаева М.И. — поэт 170, 321, 364

Цветкова Вера — журналист 163, 262
Цезарь Гай Юлий — римский диктатор, полководец, писатель 328
Цзю Костя — боксер-профессионал 503
Цинь Шихуанди — китайский император 367
Ципко А. С. — писатель, журналист, политолог 150, 216, 217
Цыплакова Елена — актриса и режиссер 416
Чазов Е. И. — врач, академик РАН 274
Чайковский А. В. — композитор, народный артист РФ 423
Чайковский П.И. — композитор 25, 27, 52, 64, 344, 498
Чапаев В. И. — герой гражданской войны 91
Чаплин В. — священник 231
Чаплин Чарльз — актер, режиссер 346
Чарльз (принц) — наследник английского престола 455
Челышев Е.П. — академик РАН 406
Чемерови Алексей — танцовщик 234
Черданцев Вадим — учился в Лите 17
Черепанов Федор — поэт, выпускник Лита 521
Черепенникова Маргарита — выпускница, аспирантка, потом доцент Лита 119, 521
Черкашов В. — писатель, выпускник Лита 183
Черненко М. М. — критик 82-83
Черненко Р. Д. — организатор кинопроизводства 83
Черниченко Ю.Д. — писатель, общественный деятель 36, 447
Чернов Вячеслав — организатор кинопроизводства 261
Чернов Ю.Л. — скульптор 250–251, 280
Чернова А.Г. — работник образования 104
Черноземова Е.Н. — доктор филологических наук, профессор 121
Черноиванов В.И. — министр с.х. и продовольствия в правительстве СССР 384
Черномырдин В.С. — государственный деятель 332
Черных В. К. — сценарист 501
Чернышевский Н.Г. — писатель 19, 325
Чесноков Алексей — джазовый пианист 410
Чеснокова Алиса — танцовщица 234
Чеханков Ф. Я. — народный артист РФ 471, 472
Чехов А.П. — писатель, драматург 49, 89, 223, 308, 363, 436, 494
Чехова Ольга — немецкая актриса российского происхождения 90
Чжоу Эньлай — китайский политический и государственный деятель 471
Чиковани С.И. — поэт 288

Чубайс А.Б. — общественный и государственный деятель 32, 45, 275, 332
Чубченко А. А — заслуженный артист РФ 370
Чудакова М.О. — писатель, литературовед, доктор филологических наук, профессор Лита, член Европейской академии 473, 474, 486
Чуковский К.И. — писатель, литературовед, доктор филологических наук 519
Чупринин С.И. — писатель, главный редактор журнала «Знамя» 25, 51, 72, 181, 278, 312, 366, 368, 412, 480, 486, 519
Чурикова И.М. — народная артистка ССС 5
Чуркин Вадим — студент, потом выпускник Лита 443, 482, 485
Чухонцев О.Г. — поэт 51
Чучалин А.Г. — директор института Пульмонологии, академик, член АМН, главный терапевт РФ, член МИД-клуба 55
Шаймиев М.Ш. — президент республики Татарстан 366
Шайтанов И. О — профессор, доктор филологических наук 473
Шалевич В.А. — народный артист РФ, главный режиссер театра им. Рубена Симонова 456
Шалиткина Татьяна — студентка, выпускница Лита 65, 372, 381
Шаляпин Ф. И. — народный артист Республики, оперный певец (бас) 43
Шанцев В.П. — губернатор Нижегородской области — 102, 103, 376
Шаповалова Марина — писательница, выпускница Лита 141
Шарапова Маргарита — писатель, выпускница Лита 258
Шаргунов Сергей — писатель, политический деятель 27, 96, 127, 159, 184, 399, 426
Шарон Ариэль — израильский военный и политический деятель 310
Шатров М. Ф. — драматург 418
Шаумян С.Г. — политический и государственный деятель 446
Шахиджанян В. В. — писатель, журналист 383
Шахназаров К. Г. — Народный артист РФ, кинорежиссер, писатель, продюсер 149
Шахновский Василий — один из совладельцев ЮКОСА 58
Шахова Н.В. — телеведущая 325
Швецова Л.И. — первый заместитель мэра в Правительстве Москвы, курирующий культурную и социальную сферу 280, 454, 476
Швыдкой М.Е. — в прошлом министр культуры, доктор

искусствоведения, профессор — 25, 36, 42, 57, 63, 98, 105, 129, 167, 172, 221, 226, 227, 246, 267, 269, 286, 306, 383, 422, 424, 439, 456, 459, 461, 480, 499

Шеварднадзе Э.А. — политический деятель 346

Шевчук Ю.Ю. — поэт, рок-музыкант, композитор 151

Шевякова Лидии — писательница 464

Шекспир Вильям — английский драматург, поэт 296

Шергова Г. М. — писатель, сценарист, поэт, журналист, выпускница Лита 40, 302

Шериф Омар — киноактер 183

Шиллер Иоганн Фридрих — немецкий поэт, драматург 288

Шилов А.М. — народный художник СССР 277, 339, 340, 513

Шиловский В.Н. — народный артист РФ 91

Шимитовская Галина — журналист, соседка по даче 276

Шимитовский В.В. — инженер-машиностроитель, сосед по даче 295, 322, 453

Ширак Жак — президент Франции 310

Ширвиндт А. А. — народный артист РФ, главный режиссер московского театра «Сатиры» 438

Широков В. А. — поэт, писатель, издатель, выпускник Лита 126, 488

Шишкин Евгений — писатель, работал в Лите 173, 184

Шишкова И.А. — доктор филологических наук профессор Лита 67, 325, 370 497

Шкляревский И. И. — поэт, выпускник Лита 496, 518

Шкодин Д. С. — чиновник Министерства образования 62, 63

Шлиман Генрих — археолог 394

Шмаков Михаил — председатель Федерации независимых пр*офсоюзов* 182

Шмелев И. С. — писатель 329, 335, 362, 495

Шойгу С. К. — министр по чрезвычайным ситуациям 66, 500

Шолом-Алейхем — писатель 250

Шолохов М.А. — писатель 149, 218, 494

Шоммер Олег — телеведущий 431

Шорохов А.А. — поэт, выпускник Лита 50, 220, 290, 340, 406

Шостакович Д.Д. — композитор 241, 251, 424

Шоу Бернард — английский писатель, драматург 112

Шохина Нинель — телеведущая 25, 51

Шпаликов Г.Ф. сценарист 250

Шрагин Виктор — журналист 362

Штайн Петер — театральный режиссер 150

Штраус Иоганн — австрийский композитор 10

Шукшин В.М. — засуженный деятель искусств РСФСР, писатель, кинорежиссер, актер 41, 94, 337

Шустер Савик — телеведущий 100, 182
Шустрова Л. В. — председатель Исполкома Союза книголюбов 439
Шэнь Жэньгань — заместитель министра 133
Щедрин Б.Е. — заслуженный артист РСФСР, режиссер 6
Щуплов А. Н — поэт, писатель, журналист, выпускник Лита 82, 349, 387
Щур Евгений — певец 151
Щусев А. В. — архитектор 234
Эванс, сэр — археолог 388, 389, 394, 395
Эйдельман Н.Я. — писатель, литературовед 218
Эйзенштейн С.М. — заслуженный деятель искусств РСФСР, кинорежиссер, теоретик кино 92, 440
Эйлер Леонард — ученый, математик, физик 80
Эль Греко (Доминико Теотокопулос) — художник 391, 392
Эппель Асар — писатель 499
Эренбург И. Г. — писатель, публицист, переводчик, поэт 317
Эрнст К. Л. — генеральный директор Первого канала 63, 111, 341
Эскина Маргарита — директор Дома актера 161, 457, 480
Эуфер В.А. — муж И.Л.Вишневской 221
Эфрос Ариадна — дочь Марины Цветаевой 43
Эшпай А. Я. — народный артист РФСР, композитор 162–163, 185, 228
Эшпай А.Я. — кинорежиссер 501
Юдин В. И. — филолог, издатель, друг автора 438
Юлия Валерьевна — жена С.В. Михалкова 111
Юля — журналист, сестра писателя В.Еременко 126
Юркин Валентин — директор издательства «Молодая гвардия 176
Юркун Юрий — писатель 326
Юскаев Рустэм — актер 130
Ющенко В.А. — президент Украины 437, 453, 464, 514, 518
Явлинский Г.А. — общественный и политический деятель 100, 182
Ягибеков Алибек — пенсионер, муж Г.К. Ягибековой 77
Ягибекова Г.К. — один из основателей и генеральный директор кинофестиваля «Литература и кино» 77–78, 83
Яковлев — *см.* Яковлев А.Н.
Яковлев А.Н. — партийный деятель, академик РАН 37, 45, 48, 346, 485
Яковлев С.П. — писатель, журналист 489, 491
Яковлев Ю.В. — народный артист СССР 368
Яковлева Алена — актриса 358

Яковлева Ольга — народная артистка РСФР 48
Якубовский Дмитрий — юрист 346
Якунина Анна — актрис 35
Якушев Роман — танцовщик 234
Ямщиков Савелий — художник-реставратор, общественный деятель 36
Яндарбиев Зелемхан — писатель, чеченский сепаратист, политический деятель, выпускник ВЛК 67
Янин В.Л. — академик РАН 303
Янин И. — главный редактор газеты «Гудок» 348, 509
Янковский О. И. — народный артист СССР 86
Янукович В.Ф. — государственный деятель, четвертый президент Украины 418, 437, 453, 485, 514, 518
Ярмилко А. — заслуженный артист РФ, писатель 294
Ярослав — *см.* Скворцов Я.Л.
Ясина Ирина — общественный деятель, член палаты СЖ по спорам в прессе 474
Яхонтов Андрей. — писатель, драматург 223
Яшин С. И. — народный артист РФ, театральный режиссер 48, 213, 441